

О поклонении и служении в духе и истине святитель Кирилл Александрийский

Кирилл Александрийский (IV в.) – великий святитель, тончайший умозритель и выдающийся толкователь Священного Писания. Его пламенная ревность о чистоте христианского учения и непреклонная твердость в защите веры особенно обнаружились в борьбе с Несторием, возмущившим своей ересью Церковь. В данной книге представлено одно из знаменитых творений святителя «О поклонении и служении в духе и истине».

Часть 1

Книга 1. О совращении человека в порочность и о пленении грехом, а вместе о призвании и обращении через покаяние и о возвращении к лучшему

Спрашивать, куда и откуда, считаю излишним: потому что хорошо знаю, что ты, нимало не медля, сказал бы, что из дому и к нам,

Палладий. Правда.

Кирилл. А что это за книжица у тебя в руках?

П. Книга Евангельская, писание Матфея и Иоанна.

К. Но разве ты думаешь, что ее надобно носить везде и ко всякому? Ведь, вышедши из дому, на дороге ты не станешь изучать ее, Палладий. Занятия этим более приятны дома и на досуге.

П. Хорошо говоришь. Но я пришел побеседовать с тобою. Несу и священную книгу; потому что, сколько я ни делал усилий, не знаю, что и придумать касательного того, что хотел показать Господь наш Иисус Христос, говоря у Матфея: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф.5, 17–18), а в писании Иоанна говоря жене самарянской: «поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 21–24).

К. Что же кажется тебе трудным в этих словах, что – глубоким и неудобопостижимым? Скажи, прошу тебя.

П. Священное слово повелевает нам удаляться от древних обрядов и отказаться от правды законной. Желаящим ее и после принятия веры Павел сказал: «остались без Христа,

отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры» (Гал.5,4–5). И еще, несмотря на то, что указал в себе самом блистательные и великие преимущества, относящиеся к жизни по закону, говорит: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Флп.3, 7–9). А что древняя заповедь не безукоризненна – это он ясно утверждал; по сему-то и говорит, что вместо нее с пользою преподана нам заповедь чрез Христа и новая, то есть евангельская. Пишет же он так: «Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности, ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу» (Евр.7, 18–19). И еще: «Ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому. Но пророк, укоряя их, говорит: вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь. Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их» (Евр.8, 7–10). Далее, превосходно понимая и объясняя название нового, говорит: «Говоря `новый`, показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению» (Евр.8, 13). Итак, если закон ничего не совершил и произошло отменение древней заповеди и привнесение позднейшей, сближающей нас с Богом, то почему же Спаситель говорит: «не нарушить пришел закон, но исполнить» (Мф.5, 17), – и что «должны поклоняться в духе и истине» Богу и Отцу (Ин. 4, 24)? Последнее изречение, думаю, показывает, что нам должно оставить обряды и служение по закону.

К. В какое обширное море вопросов пускаешься ты! Какой ум достаточен для того, чтобы ясно понять такие тонкие умозрения так, чтобы показать нам, что новое писание родственно как бы и близко тому, что древле было установлено премудрым Моисеем, и занимается теми же предметами и что от образа жизни по закону не слишком удалена жизнь во Христе, если предписанное древним будет возведено к духовному созерцанию! Ибо закон – образ и тень и изображение благочестия, как бы еще в муках рождения содержащее сокровенную в нем красоту истины. Или не так, по-твоему, как я сказал?

П. Совершенно так; но какое могло бы быть объяснение этого? Или каким образом можно и жить по-евангельски, и при этом считать себя в зависимости от древней заповеди и находить нужным исполнение предписанного Моисеем?

К. Не прост предмет речи, как, может быть, подумал бы кто-нибудь; но добродетель, думаю, дело и многочастное и многообразное; и слава жизни во Христе разукрашивается пред нами весьма многими добрыми делами. И действительно, божественный Давид в псалме сорок четвертом поставляет подле Христа деву чистую, в сане царицы – церковь и облакает ее в позлащенную и разукрашенную одежду, говоря таким образом: предана «царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна и преиспещрена» (Пс.44, 10). Здесь, как я думаю, слово: «позлащенный» весьма хорошо обозначает почетность и знатность, а слово «преиспещренный» – многовидность добродетели. Ибо чрезвычайно благолепна церковь, имеющая умственное убранство, видимое не очами плоти, но внутри ума и сердца, прекрасно выказывающее пред нами иудея, мыслимого в тайне, вследствие многочисленных украшений благолепного и отличного: потому что, как пишет блаженный Павел, «Ибо не тот Иудей, кто *таков* по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но *тот* Иудей, кто внутренне *таков*, и *то* обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» (Рим. 2, 28–29).

П. Итак, скажи мне, если введено обрезание духовное и уничтожены жертвы законные, и этот образ жизни у нас совсем не имеет места; то не кажется ли как бы невероятным сказанное Христом: «не нарушить пришел» закон, «но исполнить». Если нет, то ничто, думаю, не препятствует и нам чтить Бога всяческих принесением в жертву волов и курением фимиама, приносить ему горлиц и голубей, а если и другое что заповедано древним, то и нам стараться исполнять это.

К. Однако, друг мой, ты очень далеко отступаешь от надлежащего взгляда: ты думаешь, что закон уничтожен, как будто от него нельзя получить никакого плода, и он совершенно бесполезен для открытия всего необходимого, а не изменен только для доказательства истины; между тем как блаженный Павел пишет: «мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим. 3, 31). Ибо закон детоводительствует и хорошо приводит к Христовой тайне (Гал. 3.24). Заповеданное древним чрез Моисея мы называем первыми начатками провещаний Божиих (Евр. 5, 12). Если мы отвергнем детоводителя, кто же приведет нас к тайне Христовой? И если мы откажемся изучать первые начатки провещаний Божиих, то как после этого или откуда мы придем к цели? Ибо по Писанию не есть ли Христос исполнение закона и пророков? (Рим. 10, 4.)

П. Да.

К. Так написано. А исполнение закона и пророков Он есть, думаю, потому, что Его имеет в виду и к Нему обращено всякое провещание пророков и закона. Поэтому, укоряя иудеев в неверии, Он сказал: «Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, как поверите Моим словам?» (Ин. 5, 45–47.) Итак, если Он говорит, что пришел отнюдь не с тем, чтобы разрушить закон, а скорее, чтобы довершить его; то не подумай, что совершенно полное уничтожение узаконенного в древности, но скорее как бы некое преобразование и, я сказал бы, переделка существующего в образах в истинное.

П. Ты правильно сказал.

К. Чрез Христа должно было совершиться нечто подобное вот чему. Те, которые выучились искусству писать картины и рисунки, начиная рисовать, не тотчас рисуют не имеющее недостатков и вполне отделанное изображение, но оттеняют сначала одною, менее красивою краскою и предварительно делают видимыми еще не ясные очертания того, что они намерены изобразить; потом, раскрашивая эти тени, каждую приличною и соответственно ей краскою, превращают очертания в изображения явственные и несравненно лучшие, нежели те какие были вначале. Разве не так бывает?

П. И я тоже утверждаю.

К. А занимающиеся медных дел мастерством, если, например, захотят сделать статую, сначала из воска готовят ее в непрочном виде, потом, расплавивши на огне медь, выливают ее и таким образом весьма хорошо сообщают своему изделию совершенный вид и красоту. Итак, как на тени наложено разнообразие красок, а также и медь расплавил фигуру, сделанную из воска, то может показаться, что отвергнуты и почти уничтожены первые и начальные фигуры. Но на самом деле не то. Медник и живописец, не греша против истины, могли бы сказать: мы не уничтожили тени и не отвергли, как совершенно негодные, фигуры, а скорее довершили их. Ибо что в этих тенях и фигурах было видимо еще как неясное и некрасивое, то перешло в лучшее и более явственное.

П. Ты хорошо говоришь.

К. И если кто захочет серьезно исследовать Священное и богодухновенное Писание, то узнает, что вполне истинно то, что я говорю. Ибо Моисей полагал покрывало на лицо свое, потому что сыны Израилевы не могли взирать на лицо его, как написано (Исх. 34, 30–35).

П. Что же это означает?

К. Так как умы иудеев были еще тупы, то для них было как бы удобоносно только внешнее в законе, разумею то, что выражалось единственно в букве закона, но неудобоносно и совершенно неудобоприемлемо было сокровенное внутри его и, так сказать, истинное лицо мыслей. Поэтому и богодухновенный

Павел пишет нам: «то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом. Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их» (2Кор.3,14–15). Но пусть так будет с иудеями. «Мы же все открытым лицом, – говорит, – взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2Кор.3,18). Ибо как те, которые смотрят в зеркало, видят образ и очертание истинного, а не само истинное, точно так же, думаю, и те, которые желают видеть красоту жизни во Христе, всего лучше могут достигнуть желаемого, пользуясь законом, как бы зеркалом: потому что, превращая образ вещей в истину, они в чистоте узнают то что всего более приятно и благоугодно Богу.

П. Но какая могла бы быть причина того, что древним не с начала дано было новое и евангельское провещение, а узаконены образы и тени?

К. Точное и более истинное понимание такого домостроительства должно благочестно предоставить всеведущему Богу; но все же соображения, не чуждые добрых мыслей, приводят нас к умеренному хотя знанию или, может быть, к тому, что мы представляемся знающими причины такого домостроительства. Итак, мы говорим, что освобожденные из Египта имели нужду в продолжительном детоводительстве и в питании, как бы свойственном младенцам: потому что они были еще тупоумны и весьма удобопрельщаемы ко всяким нелепостям. Для них, которые болели неистребимою любовью к плоти и охвачены были неудободолимыми страстями, недоступно некоторым образом было еще и неудобно хотение тотчас подняться к прекрасному и воспринять образ жизни столь светлой и чрезвычайной, чтобы, ходя по земле, иметь жительство на небесах, по Писанию (Флп.3,20); потому что твердая пища не есть ли пища совершенных, а младенцам не прилично ли более молоко?

П. И очень.

К. Итак, для тех, которые были еще младенцами, нужно было детоводительство, состоящее в образах, и, так сказать, более легкое питание, а не слово, призывающее к

совершенству и способное привести к безупречности. Сыны же Израилевы могли бы быть уличены в таком легкомыслии, невнимательности и податливости ко всякого рода страстям, что если бы сделано было точное исследование их нравов и стремлений, то, думаю, они не были бы признаны достойными и тени. И это показал Моисей. По повелению Божию, он взошел на гору, чтобы принять закон; а они тотчас впали в измену: сделали тельца и дерзнули, жалкие, сказать: «вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской» (Исх. 32, 8). Такого ужасного легкомыслия не вытерпел Моисей, разбил скрижали, на которых был закон, считая недостойными даже тени, или образов, или вообще всякого вышнего детоводительства тех, у которых был такой оцепенелый ум, что они забыли о столь чудесных действиях, которые были над ними совершены Божественною силою, опять воздали почитание тельцу и вспомнили о служении, совершавшемся в Египте. Но тогда на каменных скрижалях как бы тенями начертан был древним закон «перстом Божиим», как написано (Исх. 31, 18) И это было образом того, что, как мы веруем, совершилось с нами во Христе. Владыка всех Бог как бы вписывает в нас знание воли своей, пользуясь для этого Сыном в Духе как бы тростью: потому что так назвал Он Его чрез Давида, говоря: «язык мой трость книжника скорописца» (Пс. 44, 2). Трость Отца, то есть, Сын начертал в сердцах всех знание всякого добра, как некоторым перстом Божиим, пользуясь Духом Отца и Своим. Ибо Духа Божия Он называл перстом, говоря в одном месте: «Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов» (Мф. 12, 28), а в другом: «Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов» (Лк. 11, 20). Письмом же духовным называл нас и Павел, говоря: «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2Кор. 3, 2–3).

П. Что содержащееся в законе есть образы и тени, это и я утверждаю, заметь. Ну так устремим изощренное и прилежное

внимание на возвещенное в образе и постараемся отыскать красоту истины; потому что после этого никому не будет неясною тайна служения в духе.

К. Подлинно, почтеннейший, я не без причины очень утрастился и весьма не расположен к этому: потому что едва ли, думаю, доступны будут нашим силам такие возвышенные и необычайные умозрения. Я думаю, рассматривающему глубину умозрений, содержащихся в законе, надобно сказать: «кто премудр и уразумеет сия? и смыслен, и увестъ сия?» (Ос.14,10)

П. Дело действительно не легкое, друг мой; но "просите, – говорит Христос, – и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам» (Мф.7, 7).

К. Итак, надобно приступить к исследованию того, что может принести пользу, а прежде вознесем моление, говоря: «открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего» (Пс.118, 18). Как кажется, нам следует, прежде всего, сказать о совращении человека в порочность, о рабстве и плене у врага всех, как и каким образом это совершается нами и в нас: надобно присовокупить и о том, каким образом должно отвращаться от зла и свергать с себя иго рабства у него, возвращаться же напротив в первоначальное состояние, под охраною и при помощи Бога. Если этим надлежащим путем пойдет наша речь, то, думаю, и остальное будет, как следует.

П. Ты рассуждаешь весьма правильно.

К. Ведь возможность приносить Богу плоды и жертвы духовные, то есть вести себя мужественно и похвально, желая успевать в добродетели, свойственна не тем, которые еще не освободились от рабства и насилия страстей, но тем, у которых ум некоторым образом уже просыпается для свободы и не нерадит о свержении ига власти диавольской.

П. Соглашаюсь, потому что ты думаешь правильно.

К. Итак, мы говорим, что в начале создан был человек, имеющий помышление как бы выше греха и страстей, но не совершенно не способный совратиться к тому, что он изберет. Наилучший строитель всего Бог находил правильным привязать ему бразды собственных хотений и предоставить ему делать удобное самоповеленным стремлениям: потому что надлежало

добродетели явиться свободно избирающею, а не по необходимости, и не утвержденною непоколебимо законами природы, так как это свойственно только высочайшей сущности и превосходству. Когда же это животное получило в совершенстве способности собственной природы посредством искусного устройства Божия, то оно тотчас обогатилось подобием Ему: в нем начертан был образ Божественной природы, когда вдунут был Дух Святой; ибо Он есть «дыхание жизни» (Быт. 2, 7), так как Бог по природе есть жизнь.

П. Поэтому душою у человека сделался Божественный Дух?

К. Не крайне ли нелепо так думать? Ведь душа тогда была бы неизменяемою и осталась бы одною и тою же, но она изменяема; а Дух не есть что-либо изменяемое. Или, если Он страдает изменением, то этот порок будет относиться к самой Божественной природе, так как Дух есть Дух Бога и Отца, а также и Сына, существенно изливаемый от Обоих, то есть от Отца чрез Сына. Итак, невежественно думать, что Дух прессовался в душу и перешел в природу человека; но созданное было одушевлено неизреченною силою и тотчас же украшено дарованием Духа; ибо иначе не могли мы обогатиться Божественным образом.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Итак, Бог, украсив свое создание, даровал ему жительство в раю. Но так как надлежало не позволять столь прославленному и венчанному изобилием вышних благ того, чтобы он легко возносился к высокомерию, не обращая внимания на то, что он раб и что есть ограничение для слуг (потому что очень широкий путь к славе и чрезмерная свобода приводят к надменному и отвратительному расположению духа): то и дан ему закон воздержания, как повод не забывать о Владыке, дабы этим законом постоянно он был призываем к воспоминанию о Повелевшем со властью и несомненно знал что он подчинен постановлениям Обладающего. Но не был спокоен тот нечестивый и ненавистный Богу зверь.

П. Я думаю, ты говоришь о сатане, который наподобие молнии низвергнут был с небесных кругов (Лк. 10, 18), потому

что страдал таким ребячеством, что хотел быть Богом и мечтал выказать превышающее его природу.

К. Ты хорошо объясняешь. Будучи изобретателем и отцом зависти и греха, он не захотел оставаться в бездействии по отношению к земному животному, то есть человеку. Тогда подошедши с обманом и прельщениями, ввел его в преслушание, воспользовавшись женщиною, как орудием своего лукавства: потому что всегда низвергают нас в безобразие, то есть в грех, удовольствия, существующие с нами и в нас; образ же удовольствия есть женщина; вследствие обольщений, происходящих от удовольствий, ум часто приходит к тому, чего он не хочет. И так то, что является в Адаме, как случившееся осязательно и чувственно, можно видеть в каждом из нас совершающимся мысленно и сокровенно: потому что возникающее удовольствие очаровывает ум и мало-помалу располагает думать, что преступление Божественного закона совсем ничего не значит. Это подтвердит и ученик Христов, говорящий: «В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак.1, 13–15).

П. Верно слово.

К. Итак, природа человека, променявшая (на удовольствие) благодать Божию и обнаженная уже от первоначальных благ, изгнана из рая сладости, тотчас же превратилась в безобразную и потом оказалась подпадшею разрушению.

П. Необходимо; ибо, думаю, недостаток даров Божиих есть не что иное, как потеря всякого добра. И человеческая природа весьма легко подпала бы увлечению ко всему нелепому, если бы не удерживала ее в добродетели благодать Спасающего, обогащая ее вышними, от нее происходящими благами.

К. Хорошо говоришь, и я весьма справедливо соглашусь с тобою; потому что пищу, годную для приобретения духовной силы, доставляет хлеб живой, то есть слово Божие; ибо написано, что и «хлеб сердце человека укрепит» (Пс.103, 15). Слово Божие освобождает от рабства и страстей и весьма

хорошо позлащает блестящими качествами, относящимися к свободе. Если же Бог как бы сжимает Свою руку и не снабжает нас обилием этих даров, то по всей необходимости мы и подпадаем нежеланному злу и удаляемся от всякой добродетели, принимаем на себя как бы чуждое иго и доходим до такой меры зол и ненасытности, что наконец почти теряем и самый разум, служащий нам ко всякому добру и сожительствующий нам; и сердце потерпевшего это является совершенно лишенным премудрости по Боге, как бы изнасилованным сатаной и охотно поддавшимся поруганиям и бесчинствам его.

П. Покажешь ли, как это бывает, или предоставишь довольствоваться голословными рассуждениями?

К. Всего менее. Я покажу это, сколько возможно, хорошо, искусно возводя случившееся с древними в образ вещей умопостигаемых. То, что подлежит чувству и телесному зрению, сделается для нас наглядным и самым очевидным образом того, что познается тонким умозрением. О праотце Аврааме написано: «был голод в той земле. И сошел Аврам в Египет, пожить там, потому что усилился голод в земле той» (Быт. 12, 10). Оставивши дорожную и родную землю, он переселился в другую, которую показал ему Бог: "пойди, – говорит, – из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего,... в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12, 1). Но так как одолевал голод и наносил неизбежный вред, то он вынужден был не добровольно видеть Египет; однако не поселился в нем, а скорее жил там, как пришелец.

П. Что же это означает?

К. Это представляет нам прекрасный образ вещей невидимых.

П. Каким образом?

К. Порицая непокорность иудеев, Бог сказал: вот посылаю «не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних, и от востока до запада будут ходить ...ища слова Господня, и не найдут его» (Ам.8, 11–12). Но, друг мой, у тех, которые угнетены таким голодом, и лишены пропитания, поддерживающего добродетель, и не имеют снедей небесных и

вышних, не по всей ли необходимости ум становится как бы переселенцем каким и беглецом? Он переходит к постыдному и, как бы из собственной земли, изгоняемый из твердости в добродетели, нисходит в другое состояние хотение, уже не Богу подвластное, но подчиненное скипетру диавольскому: ибо первый, внесший грех в мир, есть по моему мнению, отец и царь греха, образом и оттиском которого, думаю, весьма справедливо признать фараона, предводителя египтян, у которых весьма глубок был мрак заблуждения и решительно ни один способ зла не был не испытан.

П. Какое же огорчение постигло блаженного Авраама от того, что он пришел в страну Египетскую?

К. Самое великое; потому что едва он не перенесся за пределы всякого зла. Легко ты узнаешь и это из Священного Писания, которое гласит: «И было, когда пришел Аврам в Египет, Египтяне увидели, что она женщина весьма красивая; увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов» (Быт. 12, 14–15). Смотри, друг мой, он едва не потерял жену свою.

П. Какое неприятное происшествие и способное огорчить!

К. А то же бывает и с нами самими в духовном смысле; ибо кому случится, как бы из своего отечества, ниспасть из привычного и весьма любимого благонравия и добродетели, перейти к худшему и подчиниться скипетру диавольскому, на того отовсюду и всячески страшно нападают и злоумышляют злые и противные силы; а если увидят, что кто-нибудь из подпадших власти их может иметь не некрасивое разумение, они стараются передать его своему предводителю и предлагают ему для удовлетворения похоти, чтобы он приносил плод уже не Богу, а сатане; ибо "пищи его, как написано, избранныя" (Авв.1, 16). Они стараются как бы обморочить уловленный и поскользнувшийся ум, чтобы он не отказался, обращая много внимания на свободу, от служения им; иногда доставляют ему наслаждения земными предметами и, так сказать, обогащают ничтожными утехами, подобно, как и князи египетские, как бы ласкаясь к блаженному Аврааму, хотели его, потерявшего супругу, отвлечь почестями и принесением даров

от чрезмерной печали; ибо написано: «И Авраму хорошо было ради ее, очевидно, Сары: и был у него мелкий и крупный скот и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки и верблюды» (Быт. 12, 16). Сатана, привлекая бы к самым кратковременным вещам, лишая свободного как бы рождения и плодородия, и по своей ненасытности подвергая благородный ум поруганиям и бесчинствам своим, связывает нас услаждением земными предметами. Он дошел некогда до такого безумия, что приступил с искушением к Самому Христу: «И, возведя Его , – сказано, – показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: «Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то всё будет Твое» (Лк. 4, 5–7).

П. Это-то правильно; но скажи, прошу тебя, какое может быть подкрепление или помощь потерпевшим?

К. Эта помощь, почтеннейший, – Бог и его благодать, которая не навсегда попускает изнемогшему уму быть под ногами дьявольскими, но защищает и избавляет его, нисколько не могущего помочь себе самому. Если хочешь, то увидишь, что то же самое было и с праотцем Авраамом. Когда праведник отчаялся и не мог ничего предпринять, вступился за него Бог и освободил жену его от распутства египтян: «Но Господь поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову» (Быт. 12, 17). Тогда уже фараон отпустил сожительницу праведника, едва избегшую поругания. Итак, Бог, и только Он один, может изъять от руки диавола попавший в нее ум и возвратить его к первоначальному благовраию.

П. Поэтому мы, побуждаемые недостатком вышних благ, нисходим иногда к постыдному и гнусному.

К. Так я говорю.

П. Но, конечно, благолюбивому Богу прилично не попускать, чтобы мы впадали во что-либо таковое.

К. Действительно, это весьма прилично и желательно Богу, друг мой: потому что Он был бы весьма мало благ и не очень любил бы добродетель, если бы не имел этой цели по отношению к нам. Но мы сами виноваты, что подвергаемся злу,

прогневая Владыку всего; ибо тогда Он посылает нам слабый и не мужественный ум. Или не слышишь вопиющего чрез одного из святых пророков: «вот, Я полагаю пред народом сим преткновения, и преткнутся о них отцы и дети вместе, сосед и друг его, и погибнут» (Иер.6,21). Пишет о некоторых еще и премудрый Павел: «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства» (Рим.1,28). Но еще яснее представляет это божественный Исайя, говоря, как бы от лица сынов Израилевых или собственно от лица тех, которые впали в грехи: «но вот, Ты прогневался, потому что мы издавна грешили» (Ис.64, 5).

П. Итак, скажи мне, ужели мы, пренебрегающие своими обязанностями и уловляемые грехами, будем слагать вину на Бога и жаловаться на Него за Его гнев, как будто мы от этого согрешили?

К. Мы не будем обвинять Бога: это было бы безумие; но говоря: «Ты прогневался, потому что мы издавна грешили», мы разумеем нечто такое: если бы мы не имели твоего благоволения, Владыко, то ничто не препятствовало бы нам находиться под неограниченной властью греха, по причине слабости нашей природы, и затем предаваться всякому злу.

П. Понимаю то, что говоришь.

К. Лишенные высшего попечения и охранения и вместе с тем терпящие наказание за крайнее легкомыслие и неудержимую склонность к дурному, слабые и удоболовимые, не окажемся ли мы подверженными всякому злу? Ты можешь ясно видеть это, если прочтешь слова Иереми. Грубый народ Иудейский, хотя весьма изобильно пользовался щедротами от Бога, хотя одолел всех врагов своих и наконец достиг самой высшей, может быть, славы у людей, несмотря на то, замышлял грубое и всецелое преслушание. Почти распроставшись с заповедями, данными чрез Моисея, и ни во что вменяя Божественные постановления, иудеи неслись неудержимым влечением к пагубе и гибели. Под дубом и тополем и тенистым деревом, по слову пророка (Ос. 4, 13), устроили жертвенники, и, в самых густых рощах воздвигши капища демонам, заблагорассудили чтить принесением в жертву волов и

курением фимиама и называть, не краснея, свои изделия богами и спасителями и всякими подобными именами. А некогда они дошли до такой глупости, что даже нечестивое умерщвление детей относили к числу предметов похвальбы и думали, что этим они приносят своим богам самую отборную жертву. Но и на этом не остановились дела нечестия у сынов Израилевых; постоянно присоединяя, как бы какое дополнение к своим дерзостям, необузданное устремление ко всяким нелепостям, они не в малой мере подвигли на гнев против себя Законодателя и благого. Так как они самонадеянно свергли с себя рабское отношение к Нему, то Он попустил наконец, что они были побеждены врагами и отведены уже на невольное служение, то есть халдеям и вавилонянам. Эти, оставив свои домашние дела, пришли с намерением поработить их и сожечь святой и славный город; а терпящим от них нападение едва пришло на ум спросить пророка Иеремию, чем кончится для них это несчастье. «И сказал им, – сказано, – Иеремия: так скажите Седекии: так говорит Господь, Бог Израилев: вот, Я обращаю назад воинские орудия, которые в руках ваших, которыми вы сражаетесь с царем Вавилонским и с Халдеями, осаждающими вас вне стены, и соберу оные посреди города сего; и Сам буду воевать против вас рукою простертою и мышцею крепкою, во гневе и в ярости и в великом негодовании; и поражу живущих в сем городе – и людей и скот; от великой язвы умрут они». Потом несколько спустя говорит: «И народу сему скажи: так говорит Господь: вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: кто останется в этом городе, тот умрет от меча и голода и моровой язвы; а кто выйдет и предастся Халдеям, осаждающим вас, тот будет жив, и душа его будет ему вместо добычи; ибо Я обратил лице Мое против города сего, говорит Господь, на зло, а не на добро; он будет предан в руки царя Вавилонского, и тот сожжет его огнем» (Иер.21, 3–6, 8–10). Итак, понимаешь, что как только мы оскорбим Бога своим высокомерием, то будем уже не в состоянии, несчастные, противодействовать силам врагов, но так как гнев Божий как бы лежит на нас и приражается к нам, то мы сделаемся из свободных рабами и будем вести бесславную и жалкую жизнь.

П. Хорошо говоришь.

К. Закон Божий приводит человека мягкого и послушного к безукоризненному образу жизни и бывает каждому как бы светильником для указания полезного и необходимого, и кто побеждается уважением к нему, тот, думаю, будет вести жизнь не недостойную удивления и, как бы в святом городе, будет обитать в твердости добродетели и стойкости благочестия. Если же кто предпочтет с готовностью броситься в мирские удовольствия, как будто в какую рощу и лес, богатый прекрасными цветами и деревьями, охотно пребывать в житейских наслаждениях, принять в ум и сердце, как бы рои призраков, многовидное удовольствие и воскурять пред демонами плоды своего усердия: то он весьма справедливо лишится вышнего охранения и будет представлять из себя самую легкую добычу для тех, которые желают взять ее; изгнанный как бы из святого города, из первоначального благонравия, он пойдет уже, как бы неволимый игом, туда, куда заблагорассудят управляющие, и далеко будет от Бога, подвергаясь, относительно своего душевного расположения, переселению в Вавилон, то есть за пределы святой земли, в которой «ведом... Бог... и велие имя Его» (Пс.75,2). Поэтому терпящие такое жестокое бедствие и впадшие в руки врагов, не вынося образа жизни у них, как невольничьего и рабского возопили: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс.136,1). Чем-то подобным, думаю, болеет и человеческий ум.

П. О чем ты говоришь?

К. Всегда он ленив и вял в желании тех благ, которые у него под руками, и не очень стремится к тому, что в его власти. Если же произойдет наклонение к худшему и случится уменьшение красот, которые он имеет, то, потерпев это, он почти не сознает, что надлежало сопротивляться изо всей силы и не допускать испытания на деле, но предотвращать наступление его.

П. Правда.

К. Поэтому необходимо, премудро и весьма полезно – тщательно предотвращать дурное состояние и наступление

невольного служения и усиленно стараться заранее отклонять то, что если испытаем, подвергнемся всякому злу.

П. Так точно.

К. А если вследствие гнева Божия наложено будет на нас иго невольного рабства и нам придется впасть в превратный ум (Рим. 1, 28), то противиться будет нелегко. Я сказал бы, что полезно по крайней мере помнить, из какого состояния в какое перешли мы, и горько оплакивать свою беззаботность и оскудение вышней помощи: «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2Кор. 7, 10). Если же гнев Божий не отяготел над нами, если есть возможность по произволу избирать и делать угодное и если мы в состоянии сохранять свободную и не принужденную склонность в ту и другую сторону, разумею, к злу и добру: то надобно мужественно отстранять изнеженность порока, надобно, думаю постоянно отвергать предлагаемые врагами удовольствия и подчинение врагам, которые называются князьями века сего, потому что, хотя бы при этом и досталось на чью долю счастье, разумею счастье, которое высоко ценится в мире но оно несомненно приведет к постыдному и непривлекательному концу.

П. Каким же образом?

К. Не угодно ли, мы будем рассуждать, взявши примеры из древности?

П. И очень.

К. Когда голод изнурял людей, населяющих, так сказать, всю землю, заблагорассудилось сыновьям Иакова отправиться в Египет; юношей же было числом десять; а целью путешествия было – закупить хлеба, и не было никакой другой. После того, как они достигли этого и уже узно было, что они братья Иосифа, который тогда раздавал хлеб и управлял египтянами, о случившемся дошло до ушей фараонов: "И сказал, – сказано, – фараон Иосифу: скажи братьям твоим: вот что сделайте: навьючьте скот ваш..., и ступайте в землю Ханаанскую; и возьмите отца вашего и семейства ваши и придите ко мне; я дам вам лучшее... в земле Египетской, и вы будете есть тук земли. Тебе же повелеваю сказать им: сделайте сие: возьмите

себе из земли Египетской колесниц для детей ваших и для жен ваших, и привезите отца вашего и придите; и не жалеете вещей ваших, ибо лучшее из всей земли Египетской дам вам (Быт. 45, 17–20). Таким образом, правитель земли Египетской обещал дать им покой и сильно утучнить их роскошью, также и подарил колесницы, с тем, думаю, чтобы облегчить путешествие для не решающихся. И они тотчас прибыли со всем своим домом, не знаю как, предпочетши временное вкушение снедей земле и стране, данной от Бога; ибо для них было гораздо лучше и надежнее от нее кормиться, хотя бы это достигалось и с небольшим трудом. А пришедши в Египет, они думали, может быть, что уже избежали трудов, бывших у них дома, и им было приятно ощущение теперешних наслаждений. Но с течением времени этот народ, издревле и по происхождению своему благородный и свободный, подпадает бесславному игу рабства. Итак, когда с мирским счастьем соединено падение в постыдное, то надобно отвергать его, друг мой, если у нас на уме свобода и если для нас отвратительно и ненавистно свойственное рабам дело и помышление.

П. Ты весьма хорошо сказал.

К. А что, не сказать ли нам и еще нечто, приносящее, как не кажется, немалую пользу, так же как и сейчас нами сказанное?

П. Что же это такое?

К. Вавилонянин Рапсак, военачальник ассирийский, повел некогда бесчисленное множество воинов и пришел с намерением осадить святой город или, лучше сказать, предположивши разрушить его до оснований, и притом без труда. Вслед за тем он прежде оружия пустил в ход не новое для него, но весьма привычное злоречие о Боге. Наговоривши очень много нестройного, он возгласил наконец жителям святого города: сия глаголет царь ассирийский: «ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, доколе я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников» (Ис. 36, 16–17; 4Цар. 18, 31–32). Смотри же, и он обещает негу и наслаждение

под виноградом и смоковницею, но прибавил: "и пиите воду потока вашего».

П. Что же это показывает, если будет возведено к духовному созерцанию?

К. Двояким, думаю, способом сила зла осуществляется в нас. Люди, склонные ко греху, доходят до всяких нелепостей потому, что бывают убеждаемы предаваться или отвне приходящим удовольствиям, или врожденным и в нас сущим, убеждаемы или ими самими, или другими. А что это правда показывает нам ученик Спасителя, говоря так: «яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская» (1Ин. 2, 16). Похоть плоти прирождена нам, укоренена и пребывает в нас самих; ее и божественный Павел называл «законом греховным», обитающим в плотских членах (Рим. 7, 23). А наслаждения и удовольствия, происходящие отвне и пришлые, суть те, которые приходят посредством глаз, потому что посредством глаз возбуждается удивление к тому, что происходит от богатства, и к прекрасным одеждам и к другим вещам, к которым привязаны некоторые, произносящие о них не презрительный приговор, как будто получают от них самое приятное наслаждение. Итак, виноград и смоковница могут быть образом происходящего отвне и пришлого наслаждения и удовольствия, потому что прекрасно показывают как кратковременность и быстрое увядание вещей, которые в мире, так вместе с тем сладость, соединенную со свойством – омрачать. Ибо всякое мирское удовольствие для участвующего в нем бывает сладко в настоящее мгновение, но весьма омрачает и сильно опьяняет принявшего его в себя. А «поток» есть образ врожденных и в нас сущих движений; потому что они не внесены в нас, как преждеупомянутые, но как бы текут в нас и бьют ключом из самой плоти. Злые силы говорят нам, что нам дано будет свободное участие во всех этих естественных и привнесенных удовольствиях и весьма обширное пользование ими, если мы, оставивши воздержание как бы святой и непоколебимый город, придем к царю вавилонскому, который был образом сатаны. Но хотя Рапсак обещал жителям святого города, что если они перейдут к вавилонянам, то удовольствие

настоящего мгновения в них возникнет и будет возрастать; они не послушались, рассуждая правильно; потому что за хотением избрать мирское непременно последует необходимость впасть в невольное рабство и оказаться в числе пленных.

П. Верно слово. Но каким же образом может совершиться освобождение от этих зол? Будь так добр, скажи, прошу тебя.

К. Каким же иным, как не противоположным первому и бывшему в начале? Подчиняясь влечению собственных хотений к постыдному образу жизни и отвергая красоту неукоризненного поведения, мы впали в низкий и невольнический Ум помышляя только о земном и всячески предаваясь плотским удовольствиям. Поэтому-то Бог наконец попустил нам низвергнуться и в превратный ум.

П. Итак, к добродетели необходимо стремиться обратным путем?

К. Не раздумывая, друг мой, не прилепляясь уже к мирской жизни, сообразно с тем, что правильно сказано Павлом: «Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3, 3), – но более горя желанием, чтобы имена наши написаны были на небесах, считая своим вышнее отечество и город и крепко взывая к Богу: «не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс.38,13). Ибо кто странствует по земле и вместе принадлежит к светлому небесному городу, тот есть истинно пресельник и пришлец, как это естественно открывается из самого дела. Посему ученик Спасителя повелевает и нам считать это достохвальным, славным и прекрасным: братие, «прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу» (1Пет. 2, 11).

П. Но для преуспевания в добродетели достаточно ли такого расположения, то есть прекращения плотских похотей?

К. Надобно, чтобы премудро присоединено было и то, что относится к другому благонравию, очевидно, духовному; ибо написано: «Твоя заповедь безмерно обширна» (Пс.118, 96). Разве не двоякое в нас осквернение: душевное и телесное? И я нахожу весьма справедливым, чтобы за тем, чему свойственно

осквернять, следовало равносильное и равнодействующее ему то, чему свойственно очищать.

П. Ты сказал правильно.

К. Как, без сомнения, есть двоякая нечистота, душевная и телесная, так и очищение, естественно, должно быть душевное и телесное. А что считать жизнь в мире пришельством не бесполезно для тех, которые так настроены, это нетрудно видеть, если прибегнуть к сравнению с Авраамом, которому было сказано Богом: «пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего,... в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12, 1–3). Понимаешь, что Он повелел уйти не из земли и дома только, но и от родства и из дома отца, и идти в землю, которую покажет ему Призывающий?

П. Что же это значит?

К. Не ясно ли, что, когда Бог призывает к последованию, очевидно, духовному, и хочет вывести тех, которых желает почитать, из жизни в мире, то есть жизни, проводимой в удовольствиях и плотоугодии, то весьма бессмысленно считать что-нибудь лучше этого? Итак, пусть ни во что вменяется отечество, и род, и дом отца, и стяжание земных вещей! И Сам Спаситель призывал нас к такому же мужеству, говоря: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 37–38). И присовокупил: «И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29). Разве ты не признаешь делом величайшей силы о Христе такое светлое и дивное мужество, которое ни во что вменяет все это, а следование за Христом высоко ценит?

П. Совершенно так; ибо те, которые званы были на брак и отказались прийти, лишились прекраснейшей надежды и

радости о Христе; один из них сказал: «я женился и потому не могу придти» (Лк. 14, 20), – другой, говоря, что купил землю, предпочел приглашению временные блага (Лк.14, 18).

К. Дельно, Палладий! Ты радуешь нас, говоря справедливое и по своей понятливости быстро приходя заранее к уразумению того, что составляет цель нашего слова. Итак, смотри – тем, которые вполне и всячески повинуются Богу и надежду на него предпочитают плотским предметам и любви к мирским удовольствиям, без сомнения удастся в изобилии получить благословение свыше. Ибо что Бог говорит Аврааму? «И благословлю тебя, и возвеличу имя твое» (Быт. 12, 2) и следующее за сим. Видишь ли, каким множеством духовных благ Он осыпал его? Не достойно ли внимания и то, как Авраам удаляется из родной земли? "И взял, – сказано, – Аврам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтобы идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую; И прошел Аврам по земле сей... до места Сихема, до дубравы Море» (Быт.12, 5–6). Он выселился из Харрана, ничего из своего не оставивши в нем, но со всем родом своим и домом весьма охотно перешел в землю Ханаанскую, которую показал ему Бог. Потом он проходит землю эту в долготу ее и приходит в землю высокую. Так точно и тот, кто решился верно последовать Божественным повелениям и признать достойным особенного внимания вышнее призвание, пусть изыдет из жизни в мирских удовольствиях весь всецело и как бы со всем родом своим, нисколько не оставляя своего помышления там, где был некогда; ибо таким образом он действительно удалится и пройдет землю; так как он призван Богом для того, дабы возмог, как пишет блаженный Павел, «могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота» тайны Христовы (Еф.3, 18). Тогда он удобно взойдет на землю высокую, то есть к душевному расположению, водворенному на высоте добродетелей и уже ни с какой стороны не ниспадающему в плотоугодие. А какое благо достанется тому, кто достигнет этого, мы узнаем из того же Священного Писания:

"И явился, – сказано, – Господь Авраму и сказал...: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал там... жертвенник Господу, Который явился ему» (Быт. 12, 7). Когда он пребывал в земле отечества своего и еще не переселился в землю святую, ему дано было только провещание, что он должен переселиться в другую землю, пренебрегши родною; а после того, как он пришел в землю Ханаан со всем домом и хозяйством своим и достиг святой земли, дана была ему благодать боговидения, и несомненность надежды в непреложности обетования, и позволение воздвигнуть жертвенник. Таким же образом и нам, пока мы пребываем в мире и в гнусных его удовольствиях, не будет от Бога никакой благодати; но когда мы бываем призваны и подчиняемся Божественным законам и, как бы в высокую землю, восходим к стремлению и готовности ко всякому добру, Бог посылает нам познание своей славы, обещает непоколебимость надежды и содействует наш ум столь крепким, что мы бываем в силах приносить духовные жертвы (1Пет.2,5), и соделаться Христовым благоуханием Богу и Отцу, по Писанию (2Кор.2,15), также представить Ему и тело в жертву живую, благоугодную Богу, разумное и духовное служение (Рим.12,1), приятное Богу; ибо Он с любовью приемлет изъявления духовного служения и вменяет их в жертву духовную.

П. Итак, надлежит переходить к лучшему, удаляясь от постыдного, – как можно охотнее принимать вышнее призвание и как можно больше любить пребывание в том, что одобрено законом и по определению Божию признано наилучшим. А желание идти назад и возвратиться к приносящему вред мы не сочтем безвинным.

К. Несомненно, друг мой: потому что весьма тяжело захотеть снова подвергнуться тем болезням, от которых избавился; так что для тех, которые однажды изъяты силою Божиею из мирской жизни, весьма опасно даже взирать на нее и вспоминать о прегрешениях, допуская в душу любовь к ним. Поэтому и божественный Певец умолял, говоря: «отврати очи мои еже не видети суеты» (Пс.118,37). Ибо воистину суета – развлечение жизни сей и пустое наслаждение временными вещами. Кто на самом деле решился идти прямым путем, тот

должен отступать и уходить от них и даже избегать созерцания их в мыслях, соединенного с удовольствием; это легко понять из следующего.

П. Из чего?

К. Жители Содома, неистово разжигаясь противоестественным вожделением, пренебрегая законом совокупления, который установила природа для рождения детей, прельщаясь красотой мужскою и совершая самые нелепые дела, подвигли на гнев и, так сказать, принудили Создателя, хотя и человеколюбивого, подвергнуть их наказанию. Когда срок их наказания был при дверях, так как истощилось как бы долготерпение по отношению к ним, вступили в Содом исполнители. Об этом так написано: «И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот увидел, и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли и сказал: государи мои! зайдите в дом раба вашего и ночуйте, и умойте ноги ваши, и встаньте поутру и пойдете в путь свой. Но они сказали: нет, мы ночуем на улице. Он же сильно упрашивал их; и они пошли к нему и пришли в дом его. Он сделал им угощение и испек пресные хлебы, и они ели» (Быт. 19, 1–3). Лот, происходивший от крови Авраама, воспитанный в законах справедливости и в не малой мере проникнутый благоговением к Богу, жил в Содоме, но был там пришельцем и чужеземцем и по роду и по нраву: «ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2Кор. 6, 14), по Писанию. Возвышаясь над пороками туземцев и идя обычным ему путем жизни, он упражнялся в святых делах. Весьма почитая закон гостеприимства, он, сидя у входа в город, дружелюбно принимает входящих в него, зная, что это дело боголюбезное. Когда же пришли исполнители приговора над людьми, необузданно предававшимися разврату (а это были два Ангела), он поспешно встречает их и своим приветствием дает очевидное доказательство присущей ему доброты; ибо «поклонися лицом на землю», убеждает их войти в дом его и воспользоваться удобствами по законам дружелюбия. А они говорят: нет, мы отдохнем на улице. Этим они указывали на то, что они странники и бесприютные, и,

думаю, возбуждали человека, расположенного оказать гостеприимство, к более сильному настоянию, почти что намекая вежливо, что неприлично было бы ему оставить их без приюта и на этом самом распутии; и праведник, понявши это, настаивал сильнее и не ухватился за их отказ, как сделал бы человек с душой недеятельной и вялой. Итак, он ввел их в дом свой, предложил им пресные хлебы и сделал угощение. Так поступил праведник; а содомляне, страдая неприкрытым и гнусным вожделением, незаконно окружили дом праведника и, перешедши пределы крайнего бесстыдства, требовали, чтобы им было предоставлено совершить обычное для них дело; таким образом, когда следовало оказать гостеприимство, они хотели обидеть противоестественным любодеянием. А когда Лот отклонял их от таких диких и гнусных замыслов, они хотели причинить ему насилие, и, может быть, ему пришлось бы подвергнуться этому, если бы не подоспели избавители. «Тогда мужи те простерли, – сказано, – руки свои и ввели Лота к себе в дом, и дверь... заперли; а людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою, от малого до большого, так что они измучились, искав входа» (Быт. 19, 10–11). Но этим одним не ограничилась оказанная ему помощь; ибо написано еще: «Когда взошла заря, Ангелы начали торопить Лота, говоря: встань, возьми жену твою и двух дочерей твоих, которые у тебя, чтобы не погибнуть тебе за беззакония города. И как он медлил, то мужи те..., по милости к нему Господней, взяли за руку его и жену его, и двух дочерей его, и вывели его и поставили его вне города» (Быт. 19, 15–16). Вот для тебя ясное указание на то, что мы поощряемся к удалению от греха не одними словами и увещаниями, обращенными к уму, но Спаситель всех Бог до того простирает Свое снисхождение к нам, что оказывает деятельную помощь, по слову Писания: «Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня советом Твоим и потом примешь меня в славу» (Пс. 72, 23–24). Так как природа человека не очень крепка и не имеет достаточно сил для избежания зла, то ей как бы споборствует в этом Бог. Он является подающим ей двоякую благодать: убеждает наставлениями и изобретает средства помощи ей, делая ее

недосягаемую для близкого к ней и владычествующего зла. Сверх этого ты можешь усмотреть еще и ту истину, что весьма немного заботящихся о справедливости и что в жизни великая скудость добрых мужей: «мужа... верна, – как написано, – [велико] дело обрести» (Притч. 20, 6); но такой человек – муж избранный и не в малой мере удостоенный вышнего попечения. Хотя он и находится в мире в смешении с другими, но не терпит от этого никакого вреда, восхищается как лилия из среды терний, и не погибнет праведник с нечестивыми, согласно вещаниям святых (Быт. 18, 23–25).

П. Итак, несомненно, что под охранением Божиим и при содействии святых Ангелов мы и освободимся от преобладания порочности, и бесспорно достигнем того, что никогда и никак не подвергнемся наказаниям, которым подвергаются злые, – мы, верующие Богу, ясно возвестившему чрез одного из пророков: «ибо Я Господь, Бог твой; держу тебя за правую руку твою, говорю тебе: `не бойся, Я помогаю тебе`. Не бойся, червь Иаков, малолюдный Израиль, – Я помогаю тебе, говорит Господь и Искупитель твой» (Ис. 41, 13–14).

К. Удаление Лота рукою Ангелов не показывает ли, что всемогущий Бог – помощник святым? Ибо Ангелы могли быть образом Бога; трое вначале подошли к Аврааму у дуба Мамврийского, но два только вошли в Содом: «Ибо Отец и не судит никого, – по словам Самого Спасителя, – но весь суд отдал Сыну» (Ин. 5, 22), с Которым, без сомнения, присутствует и в Котором по естеству пребывает и Дух Святой.

П. Ты понимаешь дело очень хорошо. Рассмотрим же и дальнейшее, если угодно.

К. Немедленно, и вот я буду говорить: «Когда же вывели их вон, *то один из них* сказал: спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть» (Быт. 19, 17). В словах: «спасай твою душу», по моему мнению, ясно высказывается следующее: «Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах» (1Тим. 5, 22), и побеждай препятствия, встречаемые в мире; потому что ничто не может служить выкупом за душу: «какая польза человеку, если он

приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф.16, 26.) А что приказано было идти, не оборачиваясь назад, это, может быть, значит, что не должно, возвращаясь к порочности, опять становиться единомысленным с теми, которые за невоздержание подпали наказанию огнем, ибо сказано: «никто, возложивший руку свою на плуг и обратившись назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк.9, 62). Но должно держаться пути ко спасению, не отвлекаясь туда и сюда, и сохранять в себе ум не легкомысленный и не рассеиваемый пустыми мечтами о мирских наслаждениях, но совершенный и неусыпный и всегда тщательно смотрящий прямо вперед. Скажу нечто еще большее; Ангел не только говорит, что Лоту надобно идти, не оборачиваясь назад, но сделал полезное присовокупление: «не стой во всем пределе сем: в горе спасайся, да некогда купно ят будеши».

П. На что же указывают слова: «не стой во всем пределе сем»?

К. Я думаю, на то, что лень и недеятельность в удалении от зла опасна и вредна.

П. Скажи, каким образом.

К. Пророческое слово говорит: горе тому, кто «дело Господне делает небрежно» (Иер.48, 10). «Бегите, чтобы получить» (1Кор.9,24), говорит и божественный Павел. Кто не хочет поспешно и со тщанием убегать от постыдного, потому что ум его с трудом отвлекается от прежнего, как бы со скорбью удаляется от каждого порока и весьма медленно переходит к тому, что по природе полезно, тот не что иное делает, как останавливается вблизи зла, тогда как следует быстро убегать: ибо может случиться, что, постоянно откладывая и увертываясь, мы будем постигнуты правосудием прежде, нежели уйдем из пределов зла, прежде, нежели очистимся от грязи, прежде, нежели смоем с души скверну, глубоко проникшую в нее вследствие прежнего нерадения, прежде, нежели сбросим с себя бремя виновности и примем на себя спасительное иго, чтобы получить успокоение от Христа (Мф.11, 28–29). Итак, это весьма хорошее увещание: «не стой во всем пределе сем»,

то есть не окажись замедлившим ни в каком роде порочности, но восходи, как бы на гору, к отличной и славной жизни, не имеющей в себе ничего долуповерженного, но блистающей высоко и превознесенною добродетелью, чуждою низкого образа мыслей, то есть земного и плотского; ибо написано: «яко Божий державнии земли зело вознесошася» (Пс.46,10). Подобающий святым образ мыслей находится весьма высоко над земными вещами, «и птенцы суповы (коршуна) высоко парят» (Иов 5, 7), как написано; так как святые имеют на небе, как бы на горе, город, к которому принадлежат, и считают своим вышнее отечество, как пишет Павел: вышнего ищите, а не земного (Кол. 3, 2).

П. Итак мысленная гора есть жизнь, проводимая в святости, и высота отличного жития, а жизнь, проводимая в нечистоте, грехолюбивая и погрязшая в земном, представляется низкой.

К. Ты хорошо сказал: так как на это именно ясно указывают и самые слова; но ты удивишься еще вот чему.

П. Чему?

К. Блаженный Ангел сказал, что дивный Лот должен, убегая безостановочно и не оглядываясь, восходить на гору; но этот умолял, говоря: «вот, раб Твой обрел благоволение пред очами Твоими, и велика милость Твоя, которую Ты сделал со мною, что спас жизнь мою; но я не могу спастись на гору, чтоб не застигла меня беда и мне не умереть; вот, ближе бежать в сей город, он же мал; побегу я туда, – он же мал; и сохранится жизнь моя.... И сказал ему: вот, в угодность тебе Я сделаю и это: не ниспровергну города, о котором ты говоришь; поспешай, спасайся туда, ибо Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь туда. Потому и назван город сей: Сигор. Солнце взошло над землею, и Лот пришел в Сигор» (Быт. 19, 18–23).

П. Какая же может быть для нас польза от этого, я желал бы, как сам ты знаешь, научиться.

К. Неужели ты, хотя и очень способен к быстрому пониманию, не разумеешь, что те, которые только что удалились от порочности и признали нужным вступить на путь спасения, не вдруг и не с первого разу могут уловить добродетель и достигнуть того, что одобряют? Не легко

перейдет кто-либо к превосходному образу жизни и не далеко будет от страстей, как бы вместе с ним выросших, но выйдет из них мало-помалу, стремясь к лучшему и полагая начала подвигов; он не будет слишком высоко или далеко, а только как бы переселится в другую землю, то есть в жизнь хотя и похвальную, но еще не высокую и не достигшую лучезарной славы, такую, какова была, например, жизнь под детоводительством закона, приводившим к начаткам жизни превосходной и доброй; ибо написано: «начало пути блага, еже творити праведная» (Притч.16,6). Как для тех, которые ищут знания и стремятся к таинственному созерцанию, вначале пригодно и весьма прилично бывает огласительное учение, а тем, которые возросли «в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Еф.4,13), соответственна уже более твердая пища, то есть учение о высших предметах, полный курс догматического исследования, так и в этом случае, то есть в исправлении нравов и образа действий, никому невозможно вдруг возвыситься к безупречному состоянию, или к чрезвычайному и превыспреннему образу жизни; но, думаю, каждый понемногу будет приближаться к совершенному состоянию, начиная с малого и умеренного и как бы прибегая сначала в малый город, соседний с высокою горою, то есть образ жизни, который ниже и незначительнее в сравнении с превосходною и возвышенною жизнью. Поэтому образом людей, находящихся в таком положении, может быть праведный Лот, желающий не тотчас взойти на гору, но остановиться в малом городе Сигоре. Да и самой евангельской проповеди не встречаем ли мы часто таких же устроений относительно верующих? Ведь и блаженный Павел в Послании говорит: «хорошо человеку не касаться женщины. Но, *во избежание* блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа ... Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе» (1Кор.7, 1–2, 7). Видишь ли, как он указал нам на высшую степень воздержания, как бы на гору, говоря: «хорошо человеку не касаться женщины», однако же позволил нам остановиться в Сигоре, то есть в образе жизни, который ниже совершенного,

разумею позволение совокупляться с одной своей женою? И Спаситель сказал, что наилучшая земля даст плод иная во сто раз, иная в шестьдесят, иная в тридцать (Мф.13, 23); и таланты раздал Он не в равной мере, но иному дал пять, иному два, иному один (Мф. 25, 15), показывая этим, думаю, неравносильность способностей и распределяя каждому, смотря по его годности и разумению; потому что, как мы недавно сказали: «каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе».

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, блаженный Ангел позволяет остановиться в Сигоре: «И сказал ему: вот, в угодность тебе Я сделаю и это: не ниспровергну города, о котором ты говоришь; поспешай, спасайся туда, ибо Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь туда. Потому и назван город сей: Сигор. Солнце взошло над землею, и Лот пришел в Сигор». И ты удивишься, друг мой, узнав, какой смысл сказанного. «И сказал ему: вот, в угодность тебе Я сделаю и это: не ниспровергну города, о котором ты говоришь». Ибо по истине не угоден Богу образ жизни, несовершенный в добродетели, и подчинение страстям в чем бы то ни было в очах Его достойно отвержения и не далеко от осуждения. Впрочем, по человеколюбию Он попускает это и, соразмерив достижимое для человека вначале с природою его, повелевает спасаться и тем, которые только имеют попечение о добре, но еще не ведут жизнь совершенно безвинную. Но и для них, доходящих до этой меры и достигающих этого состояния, достижение было бы невозможно без Божественного света и высшего озарения: «Солнце взошло над землею, – сказано, – и Лот пришел в Сигор».

П. Как справедливо ты сказал!

К. Итак, дивным Лот вошел в малый город с позволения Божия; а следовавшая за ним и бежавшая с ним жена и для этого оказалась слабою: «оглянулась, – сказано, – позади его, и стала соляным столпом» (Быт. 19, 26). Примечай, что мужественный ум и добрый смысл, начавши упражняться в добродетели если и не вполне достигает угодного Богу, но по крайней мере понемногу производит улучшение в страстных

состояниях; а слабый и не мужественный ум, который означает жена, вследствие возврата к порочности становится негодным к употреблению. Ибо, я думаю, на это указывает то, что жена сделалась соляным столпом. Он может быть знаком иссохшего смысла и ума, расположенного переходить в глупость и дошедшего до крайнего как бы бесчувствия. А что соль, потерявшая свою остроту, не будет иметь никакой силы, сказал и Сам Спаситель; она сделается совершенно негодною к употреблению, будет выброшена вон и растаптываема человеческими ногами (Мф.5, 13). И так жена Лота окаменела, а он немного спустя восполнил недостающее; ибо написано, что «И вышел Лот из Сигора и стал жить в горе, и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Сигоре. И жил в пещере, и с ним две дочери его» (Быт. 19, 30). Ум идет вперед к совершенству как бы по ступеням и понемногу восходит к тому, к чему вначале он был не расположен и не очень способен; он идет вперед и вверх к лучшему, поддерживаемый благоразумием и мужеством духовным, как бы дочерью своими, и оставив внизу сладострастие и малодушие, образом которых была жена. Он обитает уже как бы на горе и в пещере, так как гора весьма хорошо указывает на высоту и превознесенность духовного благосостояния, а пещера на внедренность и прочность постоянства в добродетели. Ибо так написано о добрых мужах: «Тот, кто ходит в правде и говорит истину; кто презирает корысть от притеснения, удерживает руки свои от взяток, затыкает уши свои, чтобы не слышать о кровопролитии, и закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла; тот будет обитать на высотах; убежище его – неприступные скалы» (Ис.33, 15–16). Было бы не странным и иное объяснение этого. Именно, камень есть Христос, по причине крепости и неуязвимости высочайшей из всех сущности, а под пещерой можно разуместь сущую во Христе церковь – убежище святых и покров благочестивых, под которым живут праведные и все избегающие наказания огнем.

П. Как хорошо это объяснение, друг мой! Но я желал бы, чтобы мы занялись и другими доказательствами, потому что любовь к совершенному познанию того, что полезно, я ценю выше всего.

К. И в самом деле, Палладий, ты говоришь справедливое Познание, о котором ты упомянул, может быть плодом только мысли весьма любознательной; и что касается нас, наша речь не замедлит, потому что и мне не хочется налагать на себя наступающее не вовремя молчание, при таких блистательных и приятных объяснениях. Что нужно всецело и всячески, по возможности, очищаться от расположения к дурному и общения с ним и что возвратиться к добродетели не иначе возможно, как этим самым способом, – мы без труда увидим, пристально устремив взор разума на случившееся с божественным Авраамом и на превышающие ум события, сопровождающие исход сынов Израилевых, который они совершили некогда, разорвавши узы владычества египтян.

П. Итак, поговорим об этом по порядку. Будь уверен, что ты доставишь нам большое удовольствие, если захочешь сделать это.

К. Мы говорили, как некогда божественный Авраам, угнетаемый несносным голодом и недостатком необходимого, не добровольно пришел в Египет, но уступил необходимости. Ему, бывшему странником и пришельцем, фараон причинил огорчения и оскорбил его своими притязаниями: он хотел сделать насилие его супруге, разжигаемый необузданным вожделением к совершению постыдного дела. Но Бог не попустил ему исполнить это: "поразил, – сказано, – тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Авраамову» (Быт.12,17). Фараон есть образ и отпечаток невоздержания диавола: потому что цель и главную заботу диавола составляет то, чтобы в души святых бросить семена присущей ему нечистоты, так чтобы они приносили плоды приятные и удобные ему; я разумею виновность в многообразных грехах. И всякий был бы уловлен и невольно подчинился бы его преобладанию, но причине бессилия, которым страдает природа наша; но Бог не попускает, отражая покушения и злоумышления лукавого против святых. Божественному Аврааму не удалось бы избежать вреда, если бы он не возвратился, оставив Египет, в прежнюю, богоданную страну, достигши которой, он на свободе стал заниматься добрыми подвигами. Ибо написано так: «И

поднялся Аврам из Египта, сам и жена его, и всё, что у него было, и Лот с ним, на юг. И был Аврам очень богат скотом, и серебром, и золотом. И продолжал он переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его между Вефилем и между Гаем, до места жертвенника, который он сделал там вначале; и там призвал Аврам имя Господа» (Быт.13, 1–4). Понимаешь что тем, которые возвращаются от мирского невоздержания к святой жизни, необходимо взять с собою как бы все свое? Ибо и праотец Авраам удалился из земли Египетской со всем домом своим и родом, прибавлю – и всем хозяйством. Должно всячески удаляться и некоторым образом со всем домом переселяться в пустыню, то есть в невозмутимое и чистое расположение духа, из которого вначале выступила природа человека, склонившись к худшему по причине оскудения в ней вышних благ. На это загадочно указывает переход к иноплеменникам как бы от первоначальной и весьма дорогой земли и шатра, где был и жертвенник. Возвращаясь таким образом до тех пор, пока мы прибудем в место и страну прежде бывшего жертвенника, то есть исперва внедренной в нас святости, мы призываем Бога всяческих, произнося оное пророческое обращение: «Господи, разве Тебе иного не вемы: имя Твое именуем» (Ис.26, 13).

П. Ты сказал весьма прилично.

К. Что это так, ты можешь увидеть также, внимательно рассматривая случившееся некогда с сынами Израилевыми. Когда они вначале, понуждаемые голодом, попали во власть египтян, египтяне, подчинивши их – людей, происходивших от корени святых и издревле свободных, – непредвиденному и непривычному для них игу рабства, грубо угнетали их, придумавши для своей жестокости против них следующий повод: "И восстал, – сказано, – в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножался; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли нашей» (Исх. 1, 8–10). А беспокоило, я думаю, правителя земли Египетской то, что люди,

подвергшиеся игу невольно, а не с согласия их, решатся когда-нибудь хотя только помыслить о свободе: «И поставили над ним, – сказано, – начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И он построил фараону Пифом и Раамсес, города для запасов» (Исх. 1, 11). Плодами его невыносимого властолюбия были непрерывные страдания в работе над глиною и кирпичами, – города, укрепленные стенами, устройство насыпей в полях; и все это трудящиеся совершали бесплатно и со многим потом. Так и миродержители века сего (Еф. 6, 12), захвативши несчастные человеческие души изнуряют их работою над глиною и кирпичами, вообще делами, совершаемыми в земле и с землею, и подвергши их тяжелому и бесприбыльному упражнению (ибо такими являются дела плоти и относящиеся к плоти), они принуждают их начать горькую и весьма бедственную жизнь, которая никаким образом не принесет пользы принужденным вести ее. Ибо какую пользу доставят несчастной душе нашей плотские дела и страсти? Прибыль от нас, так сказать, достанется диаволу и демонам и принесет богатство и славу царству противников, подобно как и фараон, конечно, в немалую похвалу для себя вменял то, что сыны Израилевы воздвигли ему города, будучи принуждены заниматься этим без прокормления и платы.

П. Так точно; сказанное тобою очень ясно.

К. Итак, работа израильтян представляет начертание и как бы ясный образ суетных и мирских занятий наших на земле, при которых присутствует и бросается на нас сам сатана и с ним злые силы, которые Священное Писание обозначает именем приставников. Я разумею при этом лукавое попечение (Еккл. 1, 13), полное пота и труда, наполненное как бы грязью, нечистотою и гнусным удовольствием. Но и тогда Бог умилился к тем, которые весьма незаконно и жестоко угнетаемы были владычеством египтян и находились в рабстве без всякого законного основания. Он тотчас избрал в служители Своего сострадания к ним превосходного мужа – Моисея. Что же? Разве мы не видим, что это делает Бог и с нами? Ибо, когда мы впадаем в грехи, Он оказывает нам милость и тотчас

посылает в сердца всех закон Свой, как бы посредника, возводящего к свободной жизни.

П. Понимаю, что ты говоришь.

К. Хочешь ли, мы, сокративши объем повествования, скажем по возможности надлежащее?

П. И очень.

К. Так вот что написано: «После сего Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали...: так говорит Господь, Бог Израилев: отпусти народ Мой, чтоб он совершил Мне праздник в пустыне. Но фараон сказал: кто такой Господь, чтоб я послушался голоса Его и отпустил... Израиля? я не знаю Господа и Израиля не отпущу» (Исх. 5, 1–2). Моисей и Аарон утверждали, что должно отпустить Израиля из страны и земли Египетской, потому что Бог призывает на праздник: ибо истинный праздник – освободиться от ига невольного рабства, подчиниться Богу и исполнять приятное пред Ним без всякого вожатая, то есть, когда никто не принуждает избирать и любить угодное Ему. Но фараон говорит весьма необузданно и восстает против славы Божией, утверждая, что он не знает Господа, кто Он такой, и не отпустит Израиля. А божественный Моисей не отступается и твердо настаивает, что угодное Богу должно совершиться. Так и тогда, когда сатана не пускает идти на свободу тех, которые подпали его власти, им надобно мужаться и препобеждать, думаю, всякое препятствие, но никак не следует являться робкими, а надобно стоять на своем, говоря: «Бог Евреев призвал нас; отпусти нас в пустыню на три дня пути принести жертву Господу, Богу нашему, чтобы Он не поразил нас язвою, или мечом» (Исх. 5, 3); так как это самое возопил тогда и премудрый Моисей. У нас, евреев, говорит, не теленок, как у вас египтян, предмет обожания, также не свинья, не козел, не кумир, изображающий человека, не очертания птиц, не изображения пресмыкающихся – предметы, помещаемые в ваших храмах; но нас призвал Бог и Владыка, который устроил вселенную. И так велик и несравним с богами египтян и выше всякой твари Бог Еврейский, который зовет нас в пустыню принести там благоугодную Ему жертву. Слово Египет значит омрачение, и я думаю, что здесь надобно понимать духовно то,

что выражено в тени и образах; именно, мы должны тщательно избегать всякого дела которому свойственно омрачать, и как бы вышедши из страны, подвластной тирану (говорю о сатане), то есть из склонности ко грехам, мужественно спешить переселяться к свободной и чистой жизни и идти путем законного образа действий, неподчиненным демонам; ибо тогда мы будем в состоянии приносить в жертву Богу плоды правды. Моисей требовал, чтобы сыны Израилевы совершили путь трех дней в пустыню, показывая этим, что не близко надобно быть от пределов порочности и жизни под управлением тирана. Божественный Моисей придумывает в оправдание нечто и замысловатое и весьма благовидно показывает, что надобно удалиться из Египта званным от Бога: «да не когда, – говорит он, – случится нам смерть или убийство».

П. Что же это значит? Это не удобовразумительно для желающих понять.

К. Я объясню тебе. У египтян существовал обычай, который сохранился и доныне у поклоняющихся идолам, что входящие в храмы должны избегать встречи с мертвым телом; потому что они считают величайшим осквернением не только то, если кто захочет прикоснуться к нему, но и то, если случится только взглянуть на него. Итак, основываясь на обычаях их, Моисей убеждает их подумать о том, что сыны Израилевы не могли бы принести чистую жертву, если бы, когда они начали это дело, непредвиденно встретился мертви или убийство, то есть или умерший естественною смертью или лишившийся жизни от руки убийцы. У вас, сказал он есть храмы и священные места, запоры и ворота, и вошедшим в них возможно приносить жертвы беспорочно, по вашему собственному мнению; а мы, принося жертвы среди города, на распутиях и полях, неизбежно оскверняемся видом умерших: ибо совсем нет ничего, задерживающего зрение. Изложенное повествование представляется вероятным, как сообразное с обычаями египтян; но сказанное премудрым Моисеем будет правильно и в том случае, если будет понимаемо духовно. Нам надобно приносить жертвы как бы в пустыне, совершать священный праздник, удаляясь из земли Египетской, и избегать зрения смерти. Ибо,

только имея ум спокойный и далеко отшедший от мирского омрачения и отворотивши взор от всего, что приводит к мертвенности и разрушению, мы будем приносить чистую жертву владычеству над всем Богу. Мертвые же дела – суть дела плотские; а мирское омрачение есть потемнение, происходящее от дурных и суетных развлечений, загромождающее чистый и прозрачный эфир разума. Что от них надлежит удаляться желающим беспорочно служить Богу, в этом убеждает нас и слово истории.

П. Сказанное не непонятно; объясни же мне и то, что следует далее.

К. Итак, у израильтян возникло, я думаю, неудержимое и сильное желание древней свободы. Получивши наклонность к этому, они возбудили страшный гнев в том, кто держал их под игом рабства; считая такие желания действием праздности, он приказывает увеличить для них тяжесть работ, требуя без отсрочки выполнения урочной работы и в то же время прекративши обычную раздачу соломы; ибо сказал: «праздны вы, праздны, поэтому и говорите: пойдём, принесём жертву Господу. Пойдите же, работайте; соломы не дадут вам, а положенное число кирпичей давайте. И увидели надзиратели сынов Израилевых беду свою в словах: не убавляйте числа кирпичей, какое [положено] на каждый день. И когда они вышли от фараона, то встретились с Моисеем и Аароном, которые стояли, ожидая их, и сказали им: да видит и судит вам Господь за то, что вы сделали нас ненавистными в глазах фараона и рабов его и дали им меч в руки, чтобы убить нас» (Исх.5, 17–21). Не признаешь ли ты несомненным, любезный, что когда вознамерится кто-либо освободиться от ига власти дьявола и взамен того восхитить светлую и свободную славу служения Богу, дать себе досуг и познать нети иного Владыку, как поется в Псалмах: «Остановитесь и познайте, что Я – Бог» (Пс.45, 11), то такого рода досуг и стремление враг всех поставит нам в вину как какое-то незаконное дело и будет противодействовать ему вместе с другими злыми и нечистыми духами, жестоко принуждая нас непрестанно прилепляться, сообразно с привычками каждого, к плотской и земной нечистоте и мирским

предметам и вовсе не позволяя воздерживаться от привычных пороков? Но и исполнение своих требований он сделает труднодостижимым для того, чтобы зло, вследствие излишней легкости достижения, не успокоилось и не дошло до пресыщения. Ибо на это, думаю, указывает настойчивое требование положенного числа кирпичей и лишение того, что облегчает приготовление их, то есть соломы. По природе своей мы склонны особенно усердно и сильно стремиться к привычному для нас и воспламеняться более горячим желанием его тогда, когда на пути к нему явится что-нибудь, делающее невозможным достижение его. Когда же Божественный закон отучивает человеческий ум от постыдных дел, тогда вторгается особенно сильное желание, увлекающее нас к ним и только что не убеждающее обвинять законодателя. Изображение этого как бы на тени представляют нам надзиратели сынов Израилевых, угнетаемые работами и не видящие удобного пути к исполнению их, так как имели недостаток соломе; они сильно обвиняли Моисея и Аарона, говоря, что они подали повод к случившейся с ними беде и что им приходится терпеть более тяжелое угнетение не по какой иной причине, как потому, что в них возникло желание свободы вследствие убеждения, произведенного словами Моисея и Аарона.

П. Разве ты не признаешь, что они (надзиратели) говорят справедливо и истинно?

К. Признаю вполне, Палладий; потому что, как скоро хорошее желание и благое размышление возбудило нас к решимости делать угодное Богу, и мы помним о законе, ведущем к благочестию, тогда враг всех еще злее понуждает нас к тому, что по природе вредно. Но Бог исторгает нас и спасает. И в самом деле Он сказал Моисею: «Итак скажи сынам Израилевым: Я Господь, и выведу вас из-под ига Египтян, и избавлю вас от рабства их, и спасу вас мышцею простертою и судами великими; и приму вас Себе в народ и буду вам Богом, и вы узнаете, что Я Господь, Бог ваш..., изведший вас из-под ига Египетского» (Исх. 6, 6–7). Когда сатана отвращает и отгоняет нас от всякого доброго желания и всеми возможными для него

способами отталкивает нас от склонности к добру, закон Божий обращает нас к доброму хотению, показывая неуязвимость того, кто радит о нем, поощряя нас к дерзновению посредством самой светлой надежды, укрепляя верою и вручая Богу, как истинному спасителю и освободителю.

П. Как прекрасна и спасительна вера и горячее желание следовать Богу!

К. Ты сказал правильно. А что вера идет к добру, как к своему пределу, ты ясно увидишь, когда речь наша достигнет своей цели. Когда Моисей с Аароном пришли к фараону для того, чтобы опять вести с ним переговоры и убеждать его отпустить Израиля из земли Египетской и разрешить от давнишних уз, то они хотели расположить его к этому необычайными знамениями: показали превращение жезла в змия и возвестили, что они при помощи Божией могут весьма легко совершить еще большие и превосходнейшие чудеса. Но он приказал сделать подобное же своим волхвам, высказывая чрез это почти следующее: и мы не несведущи в таких делах; но у египтян гораздо больше таких людей, чем у вас; и творить чудеса есть искусство волхвов, к числу которых принадлежите и вы. Когда же он очень ожесточился и не отпускал Израиля, то его постигают четыре ужасные казни и одна другой хуже; ибо совершилось странное превращение воды в кровь; затем жабы, скнипы (мошки) и, наконец, песьи мухи сделали фараона гораздо мягче вследствие невыносимого страдания. И так, призвавши к себе Моисея, говорит: «пойдите, принесите жертву... Богу вашему в сей земле. Но Моисей сказал: нельзя сего сделать, поскольку отвратительно для египтян жертвоприношение наше Господу Богу нашему; если мы отвратительную для египтян жертву станем приносить в глазах их, то не побьют ли они нас камнями? мы пойдем в пустыню, на три дня пути, и принесем жертву Господу, Богу нашему, как скажет нам.... И сказал фараон: я отпущу вас принести жертву Господу Богу вашему в пустыне, только не уходите далеко» (Исх. 8, 25–28). Так и тогда, когда сатана противоборствует нам и сильно ухищряется воспротивиться нашему усердию к добру, – Бог противопоставляет ему свою ненависть к злу, обуздывает

и укрощает храбрящегося посредством казней. Тогда только он отпускает неохотно; однако пытается убедить нас, чтобы мы совершили не вполне рачительно служение Богу и не окончательно вышли из-под его власти; как и фараон повелел иудеям совершить жертвоприношение не вне земли его, но в ней. А Моисей премудро отвечает: «нельзя сего сделать». Так и изобретатель греха всегда бывает советником дурных дел; но Божественный закон отвергает их и запрещает делать то, что нравится ему (сатане). Поэтому тем, которые желают вести жизнь правильную, надобно внимать не тому, что говорит лукавый, обманывая их, но тому, что гласит нам Божественное провещение: ибо «Слово Твое, – сказано, – светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс.118, 105).

П. Правда.

К. Итак, когда лукавый удерживает нас и хочет заключить и подчинить нас себе, надобно служить Богу, единому по естеству, и, удаляясь как можно больше от нерешительности, говорить: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Мф.6, 24). Написано также: «Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям!» (Сир.2, 12). Я утверждаю, что надобно совершать чистое и беспорочное служение владычествующему над всем Богу вполне отказавшись от служения под властью диявола, таким образом мужественно приступать к исканию лучшего; в противном случае, говорит Моисей, мы принесем отвратительную для египтян жертву Господу Богу нашему; если мы отвратительную для египтян жертву станем приносить в глазах их, «побьют ли они нас камнями» (Исх. 8, 26). Что касается исторического содержания, то отказ этот был благовиден; потому что Моисей здесь называет отвратительными предметы обоготворения; так как у египтян предметом обоготворения были тельцы. Если их, говорит, мы принесем в жертву Богу евреев, то непременно возбудим гнев в египтянах, которые считают это делом нестерпимым; объяснение это убедительно; а в отношении к духовному созерцанию оно приносит немалую пользу. Ибо

умерщвляя то, что скопище демонов весьма высоко ценит, считает значительным и удостоивает всякого уважения, мы совершаем служение, весьма приятное Богу.

П. Каким же образом?

К. Разве не в почете у них плотские страсти? И, конечно, не сами по себе, но потому именно, что чрез них мы погибаем и попадаем в узы рабства демонам.

П. Правда.

К. Умерщвляя и как бы закаляя их, мы будем воню благоухания Богу. И Павел пишет: «представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12, 1). А это правильно совершит тот, кто умерщвляет «земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание» (Кол.3,5). Итак, каждая из страстей, существующих в нас, есть мерзость мысленных египтян, то есть преимущественный предмет их благоговения. А что Божественное Писание обыкновенно мерзостью называет то, что принадлежит к числу идолов и есть предмет боготворения, в этом убеждает Бог, говоря устами Иеремии об иудейской синагоге: «почто возлюбленная в дому моем сотвори мерзости?» (Иер.11, 15) Если же кто захочет под мерзостью египтян разуместь предмет ненависти и отвращения, то не удалится от правильного понимания. Ибо что нечистые духи по своему обыкновению всегда ненавидят и от чего отвращаются, то приносится от нас Богу в воню благоухания, как жертва духовная, вера, кротость, воздержание, целомудрие, взаимная любовь и слава искреннего отношения к Богу.

П. Кто же такие приносящие жертву в земле лукавого? И кого можно разуместь под приносящими вне той земли?

К. Те, которые еще не вышли из земли Египетской и в ней приносят жертвы Богу, весьма многочисленны и, может быть, бесчисленны; тогда как тех, которые находятся вне страны и в пустыне, очень немного и они суть избранные: «ибо много званых, – сказано, – а мало избранных» (Мф.20, 16). Ибо все мы призваны к свободе чрез веру во Христе и искуплены от власти диавола; и это сделал с нами Христос, прекрасным прообразом Которого для древних были Моисей и Аарон, дабы ты

представлял себе Еммануила, Который, по премудрому устроению, в одном и том же лице есть и Законодатель, и Первосвященник, и Апостол. Но весьма многие из званых охотно пребывают еще в прежнем зле, еще не вышли всею своею мыслию из мирской прелести и служат Богу одною праздною верою. Об них мы говорим, что они приносят жертвы в Египте или не много удалившись от него: ибо «недалече простирайтесь ити», говорит жестокосердый фараон, если и выйдете из земли Египетской. А те, которые хотят благоугождать Богу всецелою переменою к добру и вполне освобождаются от мирской суеты, те несутся за пределы земли египетской, избегают власти тирана и, как бы в пустыне, в спокойной и свободной жизни чистые чисто приносят жертву Богу. Я сказал бы, что и иным способом должно уходить как можно далее от земли Египетской тем, которые переходят к истине от служения твари вместо сотворившего и призваны к познанию Бога по естеству. Еще не совершенно вышли те, которые не истребили в душе своей остатков прежнего заблуждения; ибо некоторые наблюдают дни и месяцы и времена и годы (Гал.4, 10). Они, будучи призваны Христом к достоинству свободы, приносят жертву Богу, еще обитая в Египте, то есть продолжая жизнь, не неприятную сатане. Если же кто вполне выселился, распроставшись с прежними обычаями, то он в пустыне приносит жертву и ведет жизнь, достойную всякой похвалы.

П. Соглашаюсь, потому что ты понимаешь правильно; но пусть наша речь пойдет опять своим течением.

К. Итак, фараон обманывает, отказывается от своего обещания и не отпускает сынов Израилевых; потом, пораженный тремя другими казнями, он с трудом соглашается, говоря, что отпустит; но опять оказался солгавшим. Ибо диавол лжец и в истине не устоял, по слову Спасителя (Ин. 8, 44). Бог посылает на египтян сильнейший град и угрожает навести саранчу, истребительницу полей, если можно употребить выражение греков. Тогда уже, тогда наконец грозные некогда и неуязвимые слуги бесстыдства фараонова поднимают против него великий вопль, говоря: «долго ли он будет мучить нас? отпусти сих людей, пусть они совершат служение Господу, Богу

своему; неужели ты еще не видишь, что Египет гибнет?» (Исх. 10, 7). Мне по этому поводу приходит на мысль, что, может быть, сатана превосходит подчиненные ему силы в том, в чем и прилично ему превышать их. Ибо, как будто, они, хотя весьма жестоки, очень неумолимы, и поздно и с трудом приходят, но все-таки приходят хотя к умеренному ощущению гнева Божия; а он превосходит их своею необычайною жестокостью и зачерствел до крайности; ибо написано: «Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов» (Иов 41, 16). Итак, когда поднялся против фараона великий вопль, тогда только он сказал Моисею и Аарону: «пойдите, совершите служение Господу, Богу вашему; кто же и кто пойдет? И сказал Моисей: пойдем с малолетними нашими и стариками нашими, с сыновьями нашими и дочерьми нашими, и с овцами нашими и с волами нашими пойдем, ибо у нас праздник Господу. [Фараон] сказал им: пусть будет так, Господь с вами! я готов отпустить вас: но зачем с детьми? видите, у вас худое намерение! нет: пойдите *одни* мужчины и совершите служение Господу, так как вы сего просили» (Исх. 10, 8–11). Пойми же, любезным что Моисей требовал полного выселения, а он говорит: не так; он сказал, что отпустит отчасти, остающееся же должна быть некоторым ручательством за возвращение уходящих, так как и хозяйство их должно было оставаться в Египте. Пусть, говорит, отправляется всякий ваш юноша и весь род возрастных. А божественный Моисей сильно настаивает, что следует уйти всем, не оставляя ничего, – с возмужалыми и достиг! пиши преклонного возраста, с сыновьями и дочерьми, со стадами быков и другим скотом. Так и тем, которые стараются достигнуть истинной свободы, следует тщательно удаляться! от мирских зол и идти путем добродетели, не оставляя ни малейшей доли своей души и мысли, чрез которую они могли бы опять подпасть под власть лукавого. К этому призывает Божественный закон юношей и дев, старцев с молодыми по слову Псалмопевца (Пс.148, 12), и всякий вид возраста, мыслимого во Христе. К ним обращается и божественный Иоанн, говоря: «Я написал вам, отцы, потому что вы познали Безначального. Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и

слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого» (1Ин. 2, 14). Можно объяснить и иначе: юноши могут быть образом мужества, старцы – благоразумия, а сыновья и дочери – детства, мыслимого во Христе; ибо с мужеством, благоразумием и простотою по Боге мы переходим от греха к святости; "мужайтесь, – сказано, – и да крепится сердце ваше» (Пс.30, 25), и еще: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф.10, 16). А говоря, что вместе с людьми должны быть выведены овцы и волы, указывает, думаю, на то, что не следует оставлять сатане даже телесных и неразумных происходящих в нас движений. Поэтому и божественный Павел пишет: «Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые" (Рим. 6, 19).

П. Почему же фараон отпускает юношей и совершеннолетних и удерживает других?

К. Скажи, кто остается в Египте?

П. Думаю, это были, конечно, женщины, малолетние дети, слабые старики и бессловесные животные.

К. Как же ты, превосходный муж, тотчас не сообразил вот чего?

П. Чего?

К. Он тяготится теми, которые сильны и молоды и имеют укрепившееся расположение к благочестию; поэтому, думаю, желает, хотя и не вполне добровольно, отделаться от сопротивляющихся ему, которые способны противодействовать и постоять за себя, когда их обижают, по слову Писания: «противостаньте диаволу, и убежит от вас» (Иак.4, 7); а тех, которые неспособны вести себя мужественно, он сильно желает удержать, и как людей недеятельных и невоинственных, любит тех которые страдают женственным и мягким расположением духа, тех, которые как бы состарились и немощны, тех, которые находятся как бы в детском возрасте, также грубых и неразумных, образом которых служат волы и овцы.

П. Ты хорошо сказал.

К. Упрямый и непреклонный фараон опять обманывает. Потом, когда вся страна его опустошаема была полчищами

саранчи, приглашает к себе Моисея в сопровождении Аарона и говорит: идите, послужите Господу Богу вашему: «пойдите, совершите служение Господу..., пусть только останется мелкий и крупный скот ваш, а дети ваши пусть идут с вами. Но Моисей сказал: ... дай также в руки наши жертвы и всесожжения, чтобы принести Господу Богу нашему; пусть пойдут и стада наши с нами, не останется ни копыта; ибо из них мы возьмем на жертву Господу, Богу нашему; но доколе не придем туда, мы не знаем, что принести в жертву Господу...» (Исх. 10, 24–26).

П. Какой же смысл можно усвоить сказанному премудрым Моисеем? И как можно взять что-нибудь из Египта и от фараона и принести в жертву Богу?

К. Но ведь дело ясно, друг мой. Противостоящий и противоборствующий тем, которые хотят поступать благочестиво, если не может вполне подчинить себе кого-нибудь, желает достигнуть этого хотя отчасти: а Божественный закон учит удаляться полнейшим образом и не позволять находиться и пребывать под властью противника ни малейшей частице души и ума и никакому побуждению к телесным движениям; верх того, учит приносить Богу самое лучшее и отборное из мирской жизни. Вот что значит, по моему мнению, взять из Египта и принести в жертву Богу. Не это ли самое делают те, которые при помощи мирской мудрости борются за наши священные и Божественные догматы, достигают красоты речи и остроумия в знании и совершают разумное служение Богу? Ибо, хотя «всяка премудрость от Господа» (Сир. 1,1), по Писанию; но мы говорим, что великие успехи эллинских поэтов и прозаиков в красоте речи сделаны в мирском духе. И божественный Павел говорит: «мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго» (1Кор. 2, 12–13). А что справедливо сказанное прикровенно Моисеем, что Бог по естеству не отвергнет лучшего из мирской жизни, это Моисей тотчас ясно показывает, хотя в образе и тени. Ибо по повелению Божию он сказал, что надобно обобрать египтян, взять золотые и серебряные сосуды у живущих в одном доме и у соседей, что

и исполняется при посредстве женщин; так как они вкрадчивы, весьма словоохотливы и искусны в хитрости. А сосуды золотые и серебряные, взятые у египтян, думаю, означают, как я сказал недавно, то, чем по справедливости хвалятся некоторые из живущих в мире, хотя бы они и познали истинного Бога. Я говорю вот о чем. Хотя все люди имеют общие движения ума и души и способность ко всему доброму и дурному, но те из них, которые хорошо употребили природные преимущества, ведут жизнь достойную и отличную; а те, которые безумно обратили их к тому, к чему не следует, показывают на себе, что блага, полученные от природы, могут приводить и к самым постыдным делам. Ибо мужество и благоразумие хороши для тех, которые наилучшим образом пользуются ими, а вредны для тех, которые неправильно поступают; потому что можно быть мужественным и благоразумным с похвалою и одобрением, а можно обладать этими качествами и с великим позором. Они общи и существуют у всех – и у заблуждающихся еще, и у познавших Бога. Итак, когда мужество, бывшее прежде производителем порочности, и острота понимания обращены будут нами к тому, что угодно Богу, будучи взяты из мирской жизни, как бы от египтян, тогда они сделаются священными и приятными Богу, потому что приобретут новое настроение – на пользу добродетели и на содействие освящению, подобно тому, как и золотые и серебряные сосуды, взятые из Египта, оказались пригодными для устройства и отделки священной скинии. Сыны Израилевы, после того как обобрали египтян и после смерти первенцев, едва-едва освободились, заставши агнца во образ Христа; ибо иным способом и нельзя было достигнуть этого, так как всякое освобождение – во Христе и чрез Него – «всякое даяние благо» (Иак.1, 17). Они высылаются из Египта в полночь, как бы избавляясь вместе и от мрака и от рабства; ибо рабствующее греху всегда любит быть в духовной тьме, а не во свете Божественном; «всякий, делающий злое, ненавидит свет» (Ин. 3 20), по слову Спасителя. Они берут с собою невскисшее тесто и бегут без всяких жизненных припасов: «И понуждали – сказано, – Египтяне народ, чтобы скорее выслать его из земли той; ибо говорили они:мы все

помрем. И понес народ тесто свое, прежде нежели оно вскисло; квашни их, завязанные в одеждах их» (Исх. 12, 33–34). Ибо намеревающиеся прилепляться к Богу и избравшие общение с Ним, думаю, не должны уносить с собою остаток мирского зла и запасаться в дорогу чуждыми и несвященными снедями, очевидно в духовном смысле; но должны желать того, чтобы быть бесквасными хлебами, и искать хлеба, животворящего мир. Таковые будут праздновать чисто и, совершая служение, достопринимлемое Богом, будут пребывать постоянно под Его властью.

П. Итак, несомненно, что людям боголюбивым и добрым надобно приходить как бы к некоей святой и священной земле – к жизни под властью Христа и свободной от тирании – и спешить приносить жертву не в земле врагов, то есть находясь не в грехолюбивом расположении духа, и если не в очень безукоризненном, но в склонном к добродетели, и в таком нравственном состоянии, которое вышло из-под власти диавола.

К. Не иначе думай, друг мой: потому что наше рассуждение было ведено правильно. Но можно, если угодно, рассмотреть это при помощи другого подобия. Когда жители святого города, разумею Иерусалим, осмелились оскорбить Спасителя всех Бога, делая всевозможные нелепости; тогда подпали власти вавилонян, которые, взявши их в плен силою оружия, обратили в рабство: потому что поневоле пришлось уступить победителям. Находясь в великой печали и оплакивая свои неожиданные бедствия, они желали найти хотя малое облегчение страдания, именно песнопениями Богу смягчить горечь присущей им скорби; «ибо помянух Бога и возвеселихся» (Пс. 76, 4), сказал божественный Давид показывая тем, что песнопение Богу есть духовный праздник. Но, хотя они желали воспевать Бога по своему обыкновению, им казалось стыдно предлагать ушам иноплеменников столь сладкие звуки и как бы бросать на воздух весьма приятную для них и пленительную песнь, так как вавилоняне насмеялись над ними и тяготились их игрой на музыкальных инструментах. Поэтому они и говорили: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали,

когда вспоминали о Сионе» (Пс.136, 1), в котором по законам и обычаям иудеев приносилась жертва хваления, исполняемая на струнных и духовных инструментах и чарующая своими звуками приступающих к храму Божию. Но так как их душило иго рабства у чужеземцев, то они с плачем говорят: «на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы» (Пс.136, 2), указывая этим самым на то, что они не занимаются песнями; потому что верба – растение бесплодное, или лучше – теряющее свой плод: так она названа у одного из греческих поэтов. И так музыкальные инструменты оставались в бездействии и бесплодии; и причину этого бездействия иудеи высказывают, возопивши: «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» (Пс.136, 4.) И когда Варух принес к ним слова книги Иеремии, "плакахуся все, – сказано, – и постяхуся, и моляхуся молитвами пред Господем. И собраша сребро, якоже кождо можаше рука: и послаша во Иерусалим ко Иоакиму жерцу великому, сыну Хелкиину сына Саломля, и к жерцам и ко всем людем, иже обретошася с ним во Иерусалиме». И спустя немного: «и рекоша, се послахом к вам сребро, да купите на серебре всесожжения и жертвы за грех, и фимиами, и сотворите жертву, и вознесите на жертвенник Господа Бога нашего» (Вар. 1, 5–7, 10). Они считали для себя неприличным приносить жертвы, когда они выселены из святой земли и живут не под управлением Бога, но подчинены иному и подпали под власть тирана; они предоставляют богослужение тем, которые обитают еще во святом городе и обладают честью совершать священнодействие; при этом они руководствуются очевидно правильным соображением в исследовании того, что прилично и необходимо. И сам премудрый Даниил воздерживался от священных действий но, будучи пленником вместе с другими, он перехитрил силу обстоятельств, и вот каким образом: он молился три раза в день; но у него в горнице окна были обращены и открыты в сторону Иерусалима; ибо так написано (Дан. 6, 10) Он думал, что его молитва только тогда будет приятна Богу, когда он, если не телом, то мыслю, удалится из земли чуждой и ненавистой и, умственными очами взирая на боголюбезнейшую землю и вошедши как бы в самый храм, будет приносить моление за кого хочет.

П. Хорошо поистине было ведено нами все рассуждение.

Книга 2. О том, что невозможно избежать смерти, от греха происходящей, и власти дьявола иначе, как только чрез освящение, совершаемое Христом, и что не в законе оправдание, а во Христе

Итак, основательное рассуждение показало нам, Палладий, что это дело и славное и полезное – тщательно удаляться от того, что вредно по своей природе, и неуклонно стремиться к тому, чтобы сделаться рабами Божиими.

Палладий. Так точно.

Кирилл. И мы с уверенностью утверждаем, что нам надлежит, всячески удаляясь от постыдного, искать лучшего.

П. Конечно так.

К. Мы нашли потом, что надобно, как можно дальше уходя от любви к удовольствиям мирской жизни и соединенного с ними смятения, спешить приносить жертву Богу и, расположением духа находясь как бы в пустыне, совершать служение Ему спокойное и чистое, чуждое скверны, прекрасное и приятное.

П. Так мы нашли.

К. И не было ли показано бесчисленным множеством примеров, что, когда сатана по своему властолюбию заключил нас под свою власть и хотел удержать у себя, Божественный закон призвал нас к достоинству свободы, противопоставляя его мерзостям наставление в прекрасных делах и детоводительство нас к лучшему?

П. Правда.

К. Итак, податель спасения и виновник всего нашего благоденствия есть Бог, указующий нам путь к сближению с ним при посредстве Христа. Сего посредничества Христова не есть ли образ, и притом весьма ясный, – посредничество Моисея?

П. Как же именно?

К. Божественный Моисей освободил Израиля от рабства плотского, избавил его от трудов над выделкою кирпичей и от земляных работ и, как бы находясь в середине между Богом и людьми, передавал им горние глаголы. Господь же наш Иисус

Христос, прелагая в истину то, что существовало как бы в образе и тенях, изъемлет нас из умственного рабства, устранив владычествовавший прежде над нами грех и поколебав силу диавола. Он убеждает тех, которые считают долгом исследование Ему, оставить земной образ мыслей и заботу о плотском, как бы преобразует это расположение духа в стремление к добродетели и вполне ясно возвещает нам волю Бога и Отца. Посему-то и сказал Он: слова, которые Я говорю, не суть Мои, «но пославшего Меня» (Ин. 14, 24). И еще: «Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить» (Ин. 12, 49). И сам Моисей в своих делах видел образ и подобие посредничества Христова, когда говорил сынам Израилевым: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте, – так как ты просил у Господа Бога твоего при Хориве в день собрания» (Втор. 18, 15–16). Таким образом, то, что совершено чрез Моисея, и сила его посредничества было образом и подобием; но гораздо неизреченнее способ посредничества во Христе. Ибо тот был служителем закона и тени и передавателем вышнего детоводительства, а Христос, как Владыка закона и пророков, законополагает угодное Ему и стал посредником в силу того, что в Нем божество и человечество сближаются и как бы сходятся в одно, так как во Христе мыслится вместе то и другое. «И Моисей верен во всем доме Его, как слугитель,... а Христос – как Сын в доме Его; дом же Его – мы» (Евр. 3, 5–6), мы, приведенные чрез веру в Него к истинной свободе. Итак, несомненно, что священноучитель Моисей – посредник плотской свободы-, буквы и тени; Господь же наш Иисус Христос есть виновник того, что выше закона, и дарует свободу несравненно лучшую плотской, то есть свободу духовную. Посему-то и сказал Он освобожденным по плоти сынам Израилевым: «если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32). И еще: «всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 34–36).

П. Ты сказал весьма хорошо.

К. После этого мы должны хвалиться не плотской славой, но славою духовною и праведностью во Христе, а не в законе. Ибо если пребывание во грехе есть рабство, а закон нисколько не оправдывает, но, напротив, осуждает и обвиняет преступающих его; то не для каждого ли ясно, что всякое оправдание во Христе, что чрез Него и в Нем силою освящения достигается духовное совершенство? И премудрый Павел пишет: «Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину. В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет» (Рим. 1, 16–17). Он же в следующих словах изображает бесполезность и бессилие древнего закона: «А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. А закон не по вере; но кто исполняет его, тот жив будет им» (Гал. 3, 11–12). Таким образом, верою во Христе мы оправдываемся и освобождаемся от рабства духовного.

П. Так закон бесполезен?

К. Не то я говорю; не напрасно же закон провозвещен; он дан в помощь, как написано. В самом деле, по отношению к детоводительству, к познанию греховности и к тому, чтобы мы могли усвоить простейшие начала провещаний Божиих (Евр. 5, 12), как же не считать его полезным? Но он бессилен для очищения от греха и для приведения к освящению. И божественный Павел сказал нам: «Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познаётся грех» (Рим. 3, 19–20). Итак, закон способен указать грех, но не приводит к похвалам добродетели. И действительно, сказать, например: «не прелюбодействуй, не укради (Исх. 20, 14–15), не преступай клятвы и все подобное этому, – свойственно было закону, как указывающему виды порочности и удаляющему нечистоту, но не вносящему познания добродетели и не сообщающему

слушателям яснейшего ведения непорочной жизни. Ибо, по моему мнению, неразумно в числе правил совершеннейшего образа жизни предлагать то, что не должно совершать постыдного. Напротив, я считаю весьма справедливым, что нам разве в том только случае следует получить похвальный отзыв во всех отношениях, если мы, отбросив и прогнав зло и оставивши как бы внизу пребывание в порочности и гнусной нечистоте, взойдем на самую высоту добродетели. Господь наш Иисус Христос говорит: истинно, истинно «говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф.5, 20). Ты, конечно, понимаешь, что Спаситель заповедал воспринять праведность, которая выше законной; и мудрый Павел, зная, что это дело прекрасное, пишет: «хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Флп.3, 4–9).

П. Понимаю, потому что сказано ясно; однако вот что скажи: если древний закон недостаточен был для усовершеня, то почему же не с самого начала провозвещено было нам оправдание чрез веру и освящение посредством ее?

К. Потому, друг, сказал бы я, что естественно быть омываемым грязному, очищаемым оскверненному и просветляемым омраченному. Я думаю, прилично, по слову Спасителя, исцелять расслабленное, и призывать к покаянию не освященных, но обремененных прегрешениями (Мф. 9, 12–13). Не необходимо ли было, чтобы призываемые к прощению были наперед осуждены и чтобы они освобождены были после того, как подверглись опасности по присущей им слабости? Поэтому

надлежало, чтобы сначала явился указатель греха закон, как бы некоторый обличитель и строгий обвинитель всеобщей немощи, так, чтобы сделалось для нас понятным величие Божественной благодати, явленной чрез Христа. Ибо где или как могла иметь место благодать прощения, если бы ей не предшествовало обвинение? Если, соблюдая краткость речи, нам нужно обратиться и к некоторым древним повествованиям, то я укажу на Авраама, которому Бог даровал обетование благодати чрез веру, и так как он был в числе первых помилованных, то на нем именно Он явил, что прощение, даруемое благодатью Божиею, выше закона. Ибо написано, что «Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» (Быт. 15, 6). Кроме того и Павел свидетельствует, говоря: «Когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания. И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую *имел* в необрезании» (Рим. 4, 10–11). Он слышал Бога, ясно говорящего, что благословятся о тебе все народы (Быт. 12, 3). Это о «тебе» может значить: по подобию твоему. Так именно понимает это Павел и говорит: «И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы. Итак верующие благословляются с верным Авраамом» (Гал. 3, 8–9). Итак, обрезание есть знамение веры, сущей в необрезании, Авраам оправдан не делами закона, и похвала веры оказывается выше плотского обрезания, потому что он назван был другом Божиим.

П. Естественно теперь мне прийти в недоумение относительно того, отчего произошло это замедление освящения чрез веру? Почему знак как бы на первом месте, а высшее как будто на втором?

К. Да не говорили ли мы сейчас, что это было делом удивительного и неизреченного искусства, что осуждающий закон предшествовал во времени оправдывающей вере? Не во тьме ли светит свет (Ин. 1, 5) и сила не в немощи ли совершается (2Кор. 12, 9), по Писанию?

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, «Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление»; ибо где нет закона, там нет и

преступления (Рим. 5, 20). И каким образом возможно было бы знать о прощении преступления и расположения к нему, если бы закон наперед не осуждал нас? Что сказанное мною истинно и что рассуждение мое об этом предмете не слабо или нелепо, это подтвердил Павел, говоря, что закон «дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому *относится* обетование, и преподан через Ангелов» (Гал.3, 19). Будучи весьма мудр, Павел старается заранее пресечь имеющие возникнуть когда-нибудь у некоторых хитрословия и сомнения. Ибо естественно было некоторым негодовать на замедление оправдания верою и говорить, что предварительное прившествие закона было отменю древнего обетования. Посему он говорит: «закон противен обетованиям Божиим? Никак! Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона; но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа. А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того *времени*, как надлежало открыться вере. Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под *руководством* детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса» (Гал.3, 21–26). То же недоумение он весьма хорошо разъясняет, присовокупив: «Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утвержденного, закон, явившийся спустя чetyреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу. Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал *оное* по обетованию» (Гал.3, 17–18). Таким образом закон, заключивши нас в грех, сделался для нас детоводителем ко Христу, ибо Христос есть цель закона и пророков. Посему и сказал Он неверовавшим в него иудеям: «если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5, 46). Значит, мы оправдываемся не делами закона, а, напротив, верою во Христа. «все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. Ибо написано: проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона. ...Ибо написано: проклят всяк, висящий на древе, – дабы

благословение Авраамова через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою» (Гал.3, 10, 13–14).

П. Но, почтеннейший, если угодно, перейдем теперь лучше к чему-нибудь другому, что полезно знать; о законе же и домостроительстве посредством его довольно и этого.

К. Так скажи же, что и для тебя самого приятно, да и для моего слова не очень недоступно.

П. Мое недоумение не очень трудно и не недоступно Для разрешения; и я думаю, что искомое можно постигнуть Даже весьма легко, если Христос ниспошлет нам Божественный свет. Итак, ведь мы, после того как приняли оправдание в вере и устранили служение в тенях и образах будем чтить Бога не кровавыми приношениями?

К. Конечно; ибо написано: «Чти Господа от имени твоего и от начатков всех прибытков твоих» (Притч. 3, 9); «таковые жертвы благоугодны Богу» (Евр.13, 16), по словам святых.

П. Итак, безрассудно заботиться о принесении в жертву волов и исполнять предписания древней заповеди; ибо заклание овец и ладан, кроме того печения и крупчатая мука, политая маслом, горлицы и голуби – это жертвоприношения, свойственные богочитанию того времени. Но почему же, скажи мне, с самого начала это не было отвергнуто, а только теперь Бог законополагает то, что Ему приятно, и открывает нам образы духовной жертвы?

К. Так разве ты думаешь и осмеливаешься сказать, что Бог сначала неправильно постановил и, как бы уклонившись ошибочно от совершеннейшего блага, с трудом мог изыскать лучшее? Или сначала избрал существующее как бы в тенях, как показавшееся Ему достаточным, а потом подвергся какой-то свойственной нам страсти к новизне и потому принял другое решение и установил для нас новый образ богочитания, прежде неизвестный?

П. Нисколько; по-моему это бессмыслица. Я и не подумываю, чтобы Ему была присуща возможность ошибиться хотя бы в чем-нибудь; а мне только весьма приятно узнать, по

какому побуждению Он узаконяет для земнородных тогда одно, а теперь другое.

К. Слова твои вынуждают нас как бы возвратиться назад разве я не сказал, что закон был детоводителем, то есть все питателем еще юных, и что людям, не способным понимать, что такое истинное благо и какова воля Божия совершенная и благоугодная, он загадочно указывал на это и обозначал как бы в грубых еще образах? И ты поймешь, и поймешь без большого усилия, что образ духовного служения всегда с самого начала был весьма приятен Богу; но он еще был недостижим и недоступен душам иудеев. Поэтому именно нужно было слово пригодное для юных, наставления простые и уход за детьми искусный, не имеющий ничего трудного или сурового; вот почему Бог сначала и законоположил то, что в образах. Однако Он наперед показал, что истинное служение придет еще и будет в свое время; а кровавые жертвоприношения и служение, бывшее тенью, Он признавал достойным отвержения и отстранял, говоря чрез пророка Амоса: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать» (Ам.5, 21, 23). А чрез Михея он изобразил человека, желающего точно узнать, каким образом он мог бы беспорочно делать добро: «С чем предстать мне пред Господом, преклониться пред Богом небесным? Предстать ли пред Ним со всесожжениями, с тельцами однолетними? Но можно ли угодить Господу тысячами овнов или неисчетными потоками елея? Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего – за грех души моей?» (Мих.6, 6–7.) Потом прямо после этого Он говорит: «О, человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6, 8.) Не очевидно ли, что это то же, что сказал Христос: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24.)? И еще: любящий Меня «Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет» (Ин. 12, 26). Итак, служение Христу состоит не в богопочитании подзаконном, но в святом и духовном.

П. . Весьма правильно ты сказал.

К. А гласом Исайи Он сильно укоряет сынов Израилевых, говоря: «Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский! К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их» (Ис.1, 10–14). То же самое говорит Он еще чрез пророка Малахию людям, весьма ненавистным Ему; Он Упоминает притом о тех временах, когда по всей земле будут приносить Ему бескровную и умственную жертву; благоволение несравнимое. Он так сказал: «Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф» (Мал. 1, 10–11). Понимаешь, что по Его словам все народы будут приносить Ему курение и жертву чистую. И назвав позднейший с нами во Христе завет новым, Он признал ветхим первый (Евр. 8, 13); ибо так пишет нам и божественный Павел, что здесь, сказавши о будущей в свое время чистой жертве от всякого народа, Он осуждает древнюю в том, что она не такова. Ибо каким образом может быть чистой жертва, которая не очищает и не имеет силы усовершенствовать в добродетели? Посему-то блаженный Павел говорит, что она была не безукоризненна, и необходимо было привести совершенное Христом, и изыскать место для второй жертвы (Евр. 8, 7).

П. Итак, служение в тенях совершенно негодно всесвятому Богу?

К. Вполне так. Мы можем слышать Его, ясно говорящего сынам Израилевым устами Иеремии: «Так говорит Господь

Саваоф, Бог Израилев: всесожжения ваши прилагайте к жертвам вашим и ешьте мясо; ибо отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве; но такую заповедь дал им: `слушайтесь гласа Моего`» (Иер.7,21–23). Таким образом, что касается точной воли законодателя, то по ней и вначале вовсе не был бы провозвещен закон, существующий в тенях, и не было бы умолчано о служении в духе. Но так как это было трудное дело и для людей того времени недоступна была возможность совершенной добродетели, напротив, для них она была жестокою и суровою, то предусмотрительно постановлен был закон писанный, как бы некое упражнение, свойственное детскому возрасту, имеющее образ истины. Впрочем, законоположник ясно показал нам, что вовсе не это Ему особенно угодно, а вожделенно то, что возвещено Христом. Поэтому Он сказал еще: «Посему Я поражал через пророков и бил их словами уст Моих, и суд Мой, как восходящий свет. Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений» (Ос. 6, 5–6). Ибо пред Богом любовь к братьям во исполнение закона и преимущество познания Христа, чрез Которого может быть познаваемым для нас и Сам Отец, гораздо лучше и тельца гибнущего, и заклания овцы. А в том, что это познание доставляет жизнь вечную, никто не усумнится, когда Христос говорит к Отцу Небесному: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3) Но как можно сомневаться в том, что сама истина никаким образом не станет лгать?

П. Никак нельзя.

К. А об Израиле, который уклонился от общения с Богом, так как, не принявши веры, не познал Его, Он решительно говорит, что не иначе он может возвратиться к первоначальному состоянию, как только чрез Христа, оставивши подзаконные обычаи. Именно написано так: «Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима. После того обратятся сыны Израилевы и взыщут Господа Бога своего и Давида, царя своего, и будут благоговеть пред Господом и благостью Его в

последние дни» (Ос. 3, 4–5). Ибо когда придет исполнение языков, тогда весь Израиль спасется (Рим. 11, 25–26), однако во Христе; а назван Он Давидом потому, что Он от семени и от колена Давидова. Что и самые жертвы подзаконные будут отменены, это Он ясно утверждал, говоря чрез Иоила: «Препояшьте *вретищем* и плачьте, священники! рыдайте, служители алтаря! войдите, ночуйте во вретищах, служители Бога моего! ибо не стало в доме Бога вашего хлебного приношения и возлияния» (Иоил. 1, 13), и еще чрез того же пророка: «Прекратилось хлебное приношение и возлияние в доме Господнем; плачут священники, служители Господни» (Иоил. 1, 9). Сверх того Он обещал, что и самая скиния будет устранена, говоря: «И будет, когда вы размножитесь и сделаетесь многоплодными на земле, в те дни, говорит Господь, не будут говорить более: `ковчег завета Господня`; он и на ум не придет, и не вспомнят о нем, и не будут приходить к нему, и его уже не будет» (Иер. 3, 16): потому что когда жертва в образах и кровавая совершенно уничтожена, то необходимо было устранить и самую скинию, так как взамен ее воздвигнута более истинная, то есть Церковь, о которой и Сам Христос сказал: «здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» (Пс. 131, 14). А что способ служения перейдет и изменится к лучшему в новое служение Во Христе, это ясно из того, что Малахия пишет нам о Боге: «и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде. Тогда благоприятна будет Господу жертва Иуды и Иерусалима, как во дни древние и как в лета прежние» (Мал. 3, 3–4). Понимаешь ли, что он говорит об имеющей быть как бы переделке и преобразовании священства, а вместе с ним и жертв?

П. Понимаю.

К. Не к этим ли мыслям имеют в виду привести нас слова: «переплавит»: и «очистит:», сказанные как будто о золоте и золотых дел мастере?

П. Совершенно так.

К. Что вочеловечившееся Слово долженствовало духовно совершить нечто такое, об этом засвидетельствовал Бог Отец,

говоря: «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро» (Мал.3, 1–3). Таким образом Он говорит, что совершится обновление и преобразование священства, показав, что и образ священнодействия будет не иной, как именно Христово таинство. Гласом Иезекииля Он сказал также об избранных для посвящения: «будут приближаться ко Мне, чтобы служить Мне, и будут предстоять пред лицом Моим, чтобы приносить Мне тук и кровь, говорит Господь Бог. Они будут входить во святилище Мое и приближаться к трапезе Моей, чтобы служить Мне и соблюдать стражу Мою» (Иез.44, 15–16). "Тук" и "кровь" и служение «при трапезе» не назовем ли мы по справедливости Христовым таинством?

П. Хорошо говоришь.

К. Бог показал нам весьма ясно и самое время, в которое совершится переход всего к лучшему и обновление, говоря: «в восьмой день и далее, священники будут возносить на жертвеннике ваши всесожжения и благодарственные жертвы; и Я буду милостив к вам, говорит Господь Бог» (Иез.43, 27). Восьмым днем Он называет время Воскресения нашего Спасителя, когда стали совершаться всесожжения, то есть совершенное и полное посвящение Богу уверовавших, приятное Богу, и принесение даров духовных. Этому учит и божественный Павел, когда пишет: «будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его» (Евр.13, 15). И еще: «Не забывайте также благодеяния и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу» (Евр. 13, 16). И какие иные плоды от нас, оправданных верою, могут быть приносимы Богу, как не продолжительное и непрерывное славословие? А чистейшая жертва есть несравненное благовоние непорочной жизни.

П. Прекрасно и истинно наше рассуждение о том, что менее всего можно оправдаться законом, а напротив – верую во Христа и евангельским тайноводительством. Но я желал бы, чтобы об этом было рассказано в ясных примерах и чтобы мне научиться этому из самого Священного Писания.

К. Я с готовностью приступаю к этому, друг мой, по твоему желанию. Но и ты с своей стороны доискивайся точного и определенного смысла каждого из моих положений, и если тебе покажется, что я не совсем правильно думаю или говорю, то ты рассудительно поправляй и сообразно с истиною изменяй, подражая лучшим строителям, которые, когда их работа уклоняется от надлежащего, искусно переделывают ее так, как представляется наилучшим. А как бы начатком наших речей об этом мы сделаем священноучителя Моисея; коснувшись бегло повествования о нем, я постараюсь вполне убедить и ясно показать, что закон отнюдь не доставлял совершенства и недостаточен для спасения, но что Искупитель всех и Спаситель – Христос.

П. Знай, что ты принесешь немалую пользу, если покажешь себя и в этом свободным от медлительности. Хотя весьма неудобопонятно то, о чем идет у нас дело, и очень неудободостижимо познание искомого, но Бог открывающий богат.

К. Хорошо говоришь; и твоя речь поощряет меня к тому, чтобы, подобно псам с тонким обонянием, идти по следам мыслей, скрывающихся в глубине и невидных. Итак, когда в пустыне, называемой Мадиямскою, блаженный Моисей, пася стада овец, находился при самой подошве горы Хорив, ему было показано, по устройению Божию, нечто странное и удивительное. «И явился ему, – сказано, – Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает» (Исх. 3, 2–3). Купина не принадлежит к числу разводимых человеком растений; напротив, это вид дикой колючки и горного растения, на котором и совершалось страшное чудо, бывшее прекрасным образом таинства. Ангелом

был тот, который вполне отовсюду был по-видимому снедаем огнем, между тем не сообщал дереву ни малейшего действия огня, но как будто его и не было, и дерево нисколько не принимало участия в теплоте, происходящей от огня.

П. Что же это значит?

К. Израилю, как бы дикому дереву и не имеющему нежных плодов праведности (так как он воспитывался в законах египетских), имел быть дан при посредстве Ангелов закон, способный, правда, просветить, если бы он понимался духовно, и рассеять умственный мрак (потому что и это есть действие огня); однако он был бесполезен для принявших его, и, конечно, не сам по себе, а потому, что те, которым дан был этот закон, не воспринимали его света в свой ум и сердце, а лишь наружно овладевши буквою, как бы видимостью света, не имели на самом деле того, что думали иметь. Нечто такое, по моему мнению, и означает то, что огонь был видим вокруг купины, но нисколько не сообщал теплоты дереву. А что свет закона был бесполезен для иудеев, это ясно показывает Сам Спаситель, говоря: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь» (Ин. 5, 39–40). И несколько после Он еще говорит учителям иудейским и всему народу: «Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Если же его писаниям не верите, как поверите Моим словам?» (Ин. 5, 45, 47.) Ибо те, которые весьма неразумно отвергли совершенно начальное научение посредством закона, каким образом приняли бы научение от Христа, сообщающего знание о совершенном благе? Видя горящую, но не сгорающую купину и нисколько не уступающую огню, блаженный Моисей удивился тому, отчего не сгорает купина. Так можно изумляться и полной бесчувственности израильян, которые, принявши от Бога закон, как помощника и защитника, и снабженные его светом, нисколько не дорожили этим и, не водворивши данного в своем уме и сердце, не получили от него пользы, потому что ум у них поистине как бы мертв и бездыханен и по справедливости можно было бы сказать о них: отчего не сгорает купина? В

противном случае они вместе с нами стали бы духом горящие (Рим. 12, 11).

П. Ты хорошо сказал.

К. Это событие, кажется, позволяет нам разумно усматривать в нем и другие мысли. Когда израильтянам предстояло уже удалиться из земли Египетской, свергнуть иго невольного служения, и вследствие этого подпасть гневу своего повелителя, тогда совершавшееся с купиною Бог дал в знамение того, что они будут много сильнее самого огня и будут неуловимы для тех, которые могут притеснять их, сообразно, думаю, с Божественным изречением: «не бойся, яко с тобою есмь.... Пламень не опалит тебе; ...реки не покрывают тебе» (Ис. 43, 5, 2).

П. Остроумно сказано.

К. Итак, Моисей удивился видению и поспешил приблизиться к нему. «Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: «Моисей! Моисей! Он сказал: вот я...! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 4–5). Блаженный Моисей есть для нас образ закона: «у них есть Моисей и пророки» (Лк. 16, 29), – говорит в евангельских сказаниях блаженный Авраам. Или сказанное кажется тебе невероятным?

П. Нисколько: Моисей действительно представитель закона.

К. Так воззван был Израиль и то стадо, которое жило по закону и под законом: "Господь, – сказано, – Бог еврейский воззва нас» (Исх. 3, 18). И хотя оно внимало зовущему Богу, как свидетельствует и Моисей: «и сказали: все, что сказал Господь, сделаем.» (Исх. 24, 3); но так как и подчинение закону не имеет достаточной силы для очищения: «невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр. 10, 4); то Моисею воспрещается приближаться к Богу: «не приближайся сюда», сказано (Исх. 3, 5). Ибо добро недоступно посредством закона и сила жизни по предписаниям Моисея не очень достаточна для того, чтобы привести к Богу; поставляет же нас пред Ним Христос чрез освящение, потому что надлежит быть святыми тем, которые стараются соединиться со святым Богом: «будьте

святые, – сказано, – ибо Я свят" (Лев. 11, 44). А что образ жизни по закону не вполне безукоризнен, это Господь тотчас показал словами: «сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 5). Он повелел священноучителю Моисею снять с ног обувь, показывая этим, что путь жизни по закону еще не чист и не вполне свободен от дел тления и мертвенности. А что не следует приближаться к Богу тому, в ком есть остатки мертвенности и тления, этому божественный Моисей научился из обыкновения эллинов: так как они не входили в храмы, имея на ногах обувь, сделанную из умерших животных, и это, по их законам, считалось родом осквернения. Но от мертвенности, тления и относящейся сюда нечистоты освободил нас, друг мой, не закон и не путь жизни по букве Моисеевой, а напротив, вера во Христа и совершеннейшее очищение евангельского образа жизни. Или не так я говорю?

П. Как же не так?

К. Когда же снял Моисей с ног обувь, потом побежал и приблизился, Бог воззвал: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей закрыл лице свое, потому что боялся воззреть на Бога» (Исх. 3, 6). Так отложивши мертвенный образ мыслей и, так сказать, чистыми и свободными ногами ступая по пути жизни во Христе, мы будем близки к Богу, очевидно, по духовному состоянию, а не по расстоянию в пространстве; потому что эти дела Моисея суть образы и тень. Затем мы усвоим учение о вышнем тайноводстве и соберем в себе знание о Боге, так как Отец открывает нам Себя в Сыне. Мы узрим Его, и узрим несравненно лучше, чем древний народ видел Его в лице Моисея, который отвратил лице свое, потому что боялся воззреть на Бога, чем обозначается немощь ума детоводительствуемых в законе, не выстаивающего некоторым образом пред Богом и не могущего созерцать славу Его, сообразно с тем, что воспевается в Псалмах: «да помрачатся очи их, еже не видети» (Пс. 68, 24), или со следующими словами: вот «народ глупый и неразумный», у них очи, и не видят (Иер. 5, 21). Мы же, устремляя чистые и просвещенные очи на учение о неизреченной природе, созерцаем в Сыне превосходную

красоту рога и Отца. И тогда как иудеям, думавшим, что они видели Отца, Христос премудро сказал: «А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели» (Ин. 5, 37); Филиппу, сильно любопытствующему и настойчивее, чем следовало бы, впрочем по любознательности просящему и говорящему: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела» (Ин. 14, 8–10). Что разумение и научение, сообщаемое заповедью закона, не очень сильно и недостаточно для точного и безукоризненного познания о Боге, это мы как бы на тени и загадочно можем видеть и на двух дочерях Лавана. Ибо написано, что «У Лавана же было две дочери; имя старшей: Лия; имя младшей: Рахиль. Лия была слаба глазами, а Рахиль была красива станом и красива лицом». И хотя патриарх Иаков был привержен к Рахили, но женился прежде нее на Лии (Быт. 29, 16–28). Если этот образ будет возведен к истине, то ты усмотришь Христово таинство. Две жены призваны к духовному союзу со Христом и находятся в супружестве с Ним: старшая и первая, призванная чрез Моисея в лице иудейской синагоги, которой гласом пророков сказано было от Бога: «Но твои глаза и твое сердце обращены только к твоей корысти и к пролитию невинной крови, к тому, чтобы делать притеснение и насилие» (Иер. 22, 17); вторая же юнейшая и прекраснейшая, то есть Церковь из язычников, которой божественный Давид сказал: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему» (Пс. 44, 11–12); и в другом месте сказано ей: «глаза твои голубиные» (Песн. 1, 14). Красота же Церкви, конечно, умственная и поистине не земная; ибо написано, «Вся слава дочери Царя» Есевон (Пс. 44, 14), а Есевон на еврейском языке значит "внутри" ведь красота Церкви неуловима для очей телесных, но хорошо видима взорам чистого ума. Не так ли?

П. Совершенно так.

К. Значит, не чрез детоводительство по закону можно! созерцать Божественную и чистую красоту, а напротив во Христе и чрез Его наставления.

П. Правда.

К. И не Моисей или закон достаточен, друг мой, для искупления и исторжения из руки и власти диавола, а Владыка Моисея, то есть Христос, и сила Его таинства. И действительно, когда Бог сказал: «И сказал Господь...: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей... в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исх. 3, 7–8), – и тотчас присовокупил: «И вот, уже вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне. Итак пойдя: Я пошлю тебя к фараону...; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых» (Исх. 3, 9–10), то Моисей в ясных и определенных словах воскликнул: «кто я, чтобы мне идти к фараону... и вывести из Египта сынов Израилевых?» (Исх. 3, 11). Не ясен ли этот образ и не имеет ли отношения способ отказа к несравненно высшему и превосходнейшему, то есть Христу? Иначе было бы несообразностью сказать: "кто я"? Ведь весьма легко избавить народы и спасти племена и привести к свободе, когда сокрушен и обессилен содержащий их у себя в рабстве, то есть сатана.

П. Весьма легко; ты сказал правильно.

К. Что же? Не вполне ли удобно видеть отсюда, что начальником спасения всех соделался Единородный? Ибо Им мы искуплены и, как говорит пророк, «не ходатай, ниже ангел, но Сам Господь спасе» нас (Ис. 63, 9).

П. Откуда ты это выводешь?

К. Бог всяческих ясно повелел Моисею немедленно идти к сынам Израилевым и прямо сказать, что при помощи и заступничестве всемогущего Бога они легко освободятся от тяжелого рабства в Египте, возвратятся домой и, снова получивши свободу своих отцов, будут обитать в святой земле и там обильно будут пользоваться благами, которые даст им Бог.

"И отвечал, – сказано, – Моисей и сказал: а если они не поверят мне и не послушают голоса моего и скажут: не явился тебе Господь? ... И сказал ему Господь: что это в руке у тебя? Он отвечал: жезл. Господь сказал: брось его на землю. Он бросил его на землю, и жезл превратился в змея, и Моисей побежал от него. И сказал Господь Моисею: простри руку твою и возьми его за хвост. Он простер руку свою, и взял его...; и он стал жезлом в руке его» (Исх. 4, 1–4).

П. Какое необыкновенное чудо, друг мой! Скажи же опять сам, что оно означает?

К. Изволь, скажу. Не безызвестно было Моисею, что израильтяне, проживши долгое время вместе с египтянами, впавши во всякого рода грехи и наслаждаясь туземными удовольствиями, будут потому медленны и весьма неудобоподвижны к благонравию; и он премудро думал, что тягость работ поневоле принудит их к послушанию, если они увидят его творящим чудеса; ибо хотя поистине трудно отстать от Удовольствия и нелегко укротить дикость страстей в нас, однако, когда одолевает пот и наложены тягостные работы, то, обещая освободить от них, он легко мог убедить их презреть и самое приятное. И я думаю, что Бог, имеющий ведение о всяком благе, по весьма мудрому смотрению в это именно время наслал на израильтян особенно несносное и мучительное властолюбие египтян для того, чтобы они были благорасположены к бегству, чтобы не сделались, привязавшись к обычным удовольствиям, упорными и весьма неудобопреклонными и не освоились охотно со служением в Египте, презирая благость Призывающего их к свободе, поставляя выше наслаждение настоящего времени в сравнении с небольшими, иногда бывающими трудами, и даже считая его лучше самих благодеяний Божиих. И действительно, они, с большою радостью освободившись от притеснения прежних своих властителей, обитая в пустыне и питаясь вышнею и небесною пищею – я разумею пропитание манною, – не без слез вспоминают о египетской роскоши, утверждая, что для них было лучше и предпочтительнее умереть во время наслаждения египетскими яствами, и ребячески восклицая: «о, если бы мы

умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта!» (Исх. 16, 3).

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, Моисей знал, что необходимо было для убеждения их к послушанию какое-нибудь чудотворение. Поэтому он говорит: «если не послушают меня, и скажут: не явился тебе Господь?» (Исх. 4, 1). И Господь всех тотчас повелел сделать чудо, как бы некое упражнение; этим опытом Он заранее убеждал, думаю, своего служителя в том, что для всех других, так же, как и для него, совершаемого будет достаточно для точного показания его божественного призвания, так как никому другому не свойственна сила изменять по произволу природу сущего, как только Создателю всего. Вместе с тем Он загадочно предложил это чудо, как указание на спасение чрез Христа; потому что в нем мы усмотрим преобразование человеческой природы в древнее состояние и как бы превращение ее в то, чем мы были в Адаме, только что приведенные в бытие и еще не лишенные вышней славы и освящения.

П. Каким образом? Речь твоя неясна.

К. Жезл, или скипетр, не есть ли для нас, Паллады, символ царства?

П. Без сомнения; ведь некоторые из древних клялись им, как говорят люди, занимающиеся воспеванием дел эллинских.

К. Что же? Не соглашаешься ли ты, что он есть произрастание рая, которое прежде, чем было срублено, зеленело в садах?

П. Соглашаюсь.

К. Так теперь перенесись мыслию к древнему оному Адаму и в нем, как в начале и корне рода, представляй все человечество; при этом подумай о том, что он сотворен по образу Создавшего его, поставлен обладать всем, что есть на земле, и что он, проводя жизнь в святости, находился как бы в руке Божией и был как будто райским растением, цветущим и благороднейшим. Когда же он, обольщенный ухищрениями змия, удалился от первоначального состояния и уличен был в пренебрежении Божественной заповеди, тогда он, оторвавшись от первого своего положения и корня, выскользнул из руки Того,

Который удерживал его в святости, упал на землю, то есть с высот добродетели, и слабодушно пришел к мысли избрать плотское, заболевши уже несмягченной злобою и ничем не различаясь, думаю, от змия. Так он лишился первоначального царства и славы, выслан был из рая и удален от наслаждения. Не это ли самое сказал нам божественный Моисей?

П. Так; он сказал это.

К. Законоположник же, видя его ниспадшим до такой порочности, отбежал некоторым образом и возгнушался присущей ему злобы; как и Моисей, оставив змия, побежал, ибо написано, что Святой Дух премудрости убежит от коварства и уйдет «от неразумных умствований» (Прем. 1, 5), так как не могут сойтись между собою святость и нечистота, свет и тьма, справедливость и несправедливость.

П. Правда.

К. Итак, то, что жезл выпал из руки. Моисея, может означать, что сотворенный по образу Божию был вначале райским растением и находился в славе царствия и в руке Создателя, а потом ниспал на землю, потому что избрал помышление о плотском и, вследствие до крайности дошедшей жестокости, был пред очами Божества как бы змием. Но Моисей получил повеление протянуть руку и взять змия за хвост, и он тотчас превратился в то, чем был прежде, и был уже не змием, а опять жезлом и райским растением. И Бог Отец, когда благоволил возобновить все во Христе и воссоздать сотворенное в первобытное состояние, послал к нам с неба Единородного, руку десную Свою, поистине создательницу и спасительницу всего, по Писанию: «десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе мя» (Пс. 117, 15–16). Тогда-то Он подъял лежавший на земле род человеческий и, освободивши нас от звероподобной жестокости, состоящей в порочности и грехах, чрез освящение вознес к царственной чести и кротости, свойственной добродетели. А древнее жилище, предназначенное верующим, Он даровал сначала и прежде всех висящему вместе с Ним разбойнику: «истинно говорю тебе, – сказал Он, – ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43).

П. Отлично и правильно состоялось у нас это рассуждение. Однако скажи еще, почему Бог повелевает взять змия за хвост, а не за голову или за середину?

К. Потому, любезный, что так надлежало сделать: так как взять именно за хвост, а не за середину или за голову, было пригодно для таинства.

П. Каким это образом?

К. Ведь у каждого животного голова есть как бы начало, а хвост окончность. Пусть теперь весь род человеческий мыслится у нас, как одно животное. Христос взял его за хвост, то есть за последние и конечные его части, ибо Он пришел в последние времена века. И как, хотя Моисей взял змия за хвост, однако преобразование достигло самой головы, ибо весь змий превратился в жезл; таким же образом, хотя Христос взял за последние части, но преобразование чрез благодать простирается на весь род и достигает самой головы, то есть Адама; ибо написано, что «Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми» (Рим. 14, 9). Таким-то образом вместе с последними совершается и искупление первых.

П. Рассуждение для нас убедительное, и объяснение не удаляется от цели.

К. Он сделал его весьма твердым в вере обещанному еще двумя другими Божественными знаменами; ибо тотчас вслед за тем написано: «Еще сказал ему Господь: положи руку твою к себе в пазуху. И он положил руку свою к себе в пазуху, вынул ее..., и вот, рука его побелела от проказы, как снег. [Еще] сказал ...: положи опять руку твою к себе в пазуху. И он положил руку свою к себе в пазуху; и вынул ее из пазухи своей, и вот, она опять стала такою же, как тело его» (Исх. 4, 6–7). Смотри, как совершаемое благоприлично и весьма достойно удивления и как оно способно привести, подобно первому, к объяснению таинства Христова.

П. Поясни же это, потому что я еще ничего не понимаю.

К. Проказа хотя есть болезнь плоти, но превышающая силы врачей и не поддающаяся их искусству. Далее, прокаженный осквернен и нечист по древней заповеди Моисея, также весьма

ненавистен и для уважающих обычаи эллинов; потому что страдающий этим полумертв, а мертвый отвратителен и нечист. Итак, возможность исцелить прокаженного, как сверхъестественная и превышающая нашу меру, приписывается единственно Божественной и несказанной природе и действию. Поэтому-то и удивлялись Христу, когда Он со властью возгласил прокаженному: «хочу, очистись» (Мф.8,3): ибо совершил чудо в этом человеке вседетельный голос, который воздвигает из гробов самых мертвецов и который сильнее смерти и тления. Итак, Бог повелел Моисею скрыть руку в пазухе, потом велел ему, обнаживши ее от облегающей одежды, показать ее всю покрытую проказой; когда же он вторично скрыл ее в пазухе, тотчас являет ее свободною от того, что с нею случилось, для того, чтобы израильтяне поняли отсюда, что Моисей, как бы вооруженный неизреченною и несказанною силой, защитит обиженных и незаконно поработченных власти египтян. Это повествование не обширно, но полезно для исследования. И я думаю, что надобно, тщательно исследуя смысл предложенного места, доискиваться того, что означает скрывание руки в пазухе, и то, что она, вынутая оттуда, была сильно поражена проказою. Надобно рассудить также и о способе очищения, именно о том, что, вложивши руку в пазуху, он освободил ее от болезни.

П. Правда; исследование каждого из этих вопросов немало принесет нам пользы.

К. Мне кажется, что столь странное событие как бы в тени указывает на нечто такое. Пока сотворенный по образу Божию человек был как бы лелеем в недрах Божиим и еще не погрел данной ему заповеди, до тех пор он, окруженный охранением и любовью Бога, пребывал чист, свят и не знал омертвления в смерти. Когда же он вышел из-под покрова и любви Божией чрез уклонение к худому, то очевидно оказался оскверненным, гнусным и заболевшим мертвенною нечистотою. Но когда Бог и Отец опять принял нас в Себя во Христе, облек Божественною благодатью и имеет нас как бы в недрах чрез усыновление, то мы, вместе с нечистотою отбросивши мертвенность, происшедшую от древнего проклятия, возвышаемся в

первоначальное состояние; ибо написано о руке Моисея, что она была восстановлена «и вот, она опять стала такою же» (Исх. 4, 7).

П. Ты сказал весьма прилично.

К. А третье затем знамение весьма ясно и открыто гласит нам о таинстве Христа; потому что так сказал еще Бог Моисею: «Если они не поверят тебе и не послушают голоса первого знамения, то поверят голосу знамения другого; если же не поверят и двум сим знамениям и не послушают голоса твоего, то возьми воды из реки и вылей на сушу; и вода, взятая из реки, сделается кровью на суше» (Исх.4, 8–9). Ибо последним знамением для мира соделалась смерть Христа и очищение водою и кровью с присоединением, без сомнения, и святого тела, которое обозначается сушею; о том же, что кровь и вода истекла нам из святых ребр, когда они прободены были копием, я не стану и говорить, потому что это весьма хорошо всем известно. Но и то, что смерть Спасителя названа знамением, ясно можно узнать из Священных Писаний. Весьма дерзкие фарисеи, хотя уже много совершено было чудес, как будто ни одного не было, приступили ко Христу со словами: «Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение» (Мф.12, 38). Он же отвечал им: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка, ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи;» (Мф. 12, 39–40). Итак, первая помощь нам во Христе дана чрез закон Моисея; ибо закон, по гласу пророка, «в помощь даде» (Ис.8, 20); но Моисей взял за хвост. Второе затем очищение во Христе было чрез святых пророков и чрез голос и посланничество Иоанна; ибо те говорили: «Омойтесь, очиститесь» (Ис.1, 16), а этот призывал к крещению покаяния. А третье знамение, которое называется и последним, – смерть Христа, за которую последовала и вера. "Если, – сказано, – они не поверят тебе и не послушают голоса первого знамения, то поверят голосу знамения другого» (Исх. 4, 8). Видишь, Он очень ясно говорит, что вера последует не за первым знамением, то есть не за помощью от закона, и не за средним очищением, то есть

очищением чрез святых пророков и Иоанна, но только за гласом последнего знамения; ибо таинство Христа не безгласно, но призывает всех по всей земле высоким и громким проповеданием (Притч. 9, 3) к очищению водою и кровью и в животворение чрез приобщение святой плоти. Таким образом, служение закона состояло в предвозвещениях о Христе, а сам он не очень достаточен для того, чтобы спасти кого-либо. Я думаю, можно показать, что и это ясно высказывает Моисей в том же своем писании. Хотя Бог сказал ему: «Я буду с тобою» (Исх. 3, 12), и предварительно убеждал его в этом чудотворениями, он умолял Его, говоря: «о, Господи! человек я не речистый, *и таков был* и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен. Господь сказал...: кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь...? итак пойди, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить [Моисей] сказал: Господи! пошли другого, кого можешь послать» (Исх. 4, 10–13). Ибо закон немощен и не достаточно силен для того, чтобы спасти всю землю и изъять человека из власти диавола. Моисею не было неизвестно, что он косноязычен и слаб голосом, особенно когда с ним начал беседовать Бог и когда повелевал ему вести о Нем речь. Так, говорит Он, скажи сынам Израилевым: «Я есмь Сущий ... Вот имя Мое на веки» (Исх. 3, 14–15). Закон косноязычен в том отношении, что не может отдельно изложить учение о Сущем и не в состоянии тайноводствовать к поклоняемому во святой Троице, досточтимому и неизреченному естеству. Он и слаб голосом для этого, так как может говорить только израильтянам, и то с трудом, слышится в одной Иудее; а что касается до всех остальных народов, его проповедь, так сказать, и не дошла до их ушей. Поэтому-то божественный Моисей, провидя имеющего достаточно силы для точного и совершенного изложения слушателям, учения о Боге и для того, чтобы легко проповедать его всей! земле, то есть Христа, говорит: «Господи! пошли другого, кого можешь послать». Ибо истинно "могущий" есть Христос; и что в свое время Он будет избран на это по благоволению Бога и Отца, это предвозвещено и законом.

Отказ же Моисея и после Божественного обещания, и после явления многих знамений может быть образом Израиля, медлящего и вместе отрицающегося от Божественного и евангельского служения под властью Христа и от послушания, так как израильтяне после столь бесчисленных поучений о вере и после явления чудотворения сохранили свое непослушание и остались неверующими. Отказ Моисея был двукратный, ибо было два времени, в которые Израиль был необуздан и упрям: во время Моисея, Иисуса (Навина) и Судей, и затем тотчас после того времени, в которое были пророки и Иоанн, находящийся как бы в середине между Апостолами и пророками, так как он был концом пророческого служения и как бы началом светлости апостольской. Но отказ Моисея вызвал Бога на гнев, и потом состоялось иное распоряжение, чрез которое надлежало спастись угнетаемым властолюбием египтян. «И возгорелся гнев Господень на Моисея, и Он сказал: разве нет у тебя Аарона брата, Левитянина? Я знаю, что он может говорить..., и вот, он выйдет навстречу тебе, и, увидев тебя, возрадуется в сердце своем; ты будешь ему говорить и влагать слова... в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его и буду учить вас, что вам делать; и будет говорить он вместо тебя к народу; итак он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога» (Исх.4, 14–16). Ибо когда закон оказался слабым, а израильтяне весьма непокорными, послан был Христос, истинный Левит, великий Архиерей, поставленный наряду с сущими под законом как брат им по человечеству, говоривший с Моисеем как Бог, но наставляемый Отцом, в качестве пророка, хотя Он и Господь: «Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему» (Втор. 18, 18). И Сам Христос сказал: «Я... не от Себя говорю: но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить» (Ин. 12, 49). Итак, Христос говорил с народом и сделался устами Моисея, объясняя нам духовно Его закон, а Моисей со своей стороны был Его устами, говорящими с Богом. Ибо Моисей представляется в некотором отношении более близким к Богу, так как Еммануил был под законом и объявлял, что Он

соблюдает предписания премудрого Моисея, говоря: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф.5 17). Таким образом, Христос есть ясный толкователь таинства, прелагающий косноязычие закона на внятность и преобразующий художество буквы в весьма благозвучное объяснение; ибо закон во Христе духовен и Христовы провещения родственны древним, потому что Аарон был брат Моисея.

П. Значит, закон сам по себе был немог, потому что он ничего не совершил.

К. Так я и говорю; и невысокий характер жизни по закону можно усмотреть из того, что следует далее; так как написано, что «И пошел Моисей, и возвратился к Иофору, тестю своему, и сказал ему: пойду я, и возвращусь к братьям моим, которые в Египте, и посмотрю, живы ли еще они? И сказал Иофор Моисею: иди с миром. ... И сказал Господь Моисею в [земле] Мадянской: пойди, возвратись в Египет, ибо умерли все, искавшие души твоей. И взял Моисей жену свою и сыновей своих, посадил их на осла и отправился в землю Египетскую» (Исх. 4, 18–20).

П. Но что же из этого? Я не могу понять и объяснить, в чем по справедливости мог бы кто-либо обвинять жизнь по закону.

К. А между тем, Палладий, ее найдет заслуживающе весьма сильного порицания тот, кто устремит изощренный взор на смысл приведенного места; так как божественный Моисей, избранный для посланничества, не прямо отправляется на это дело, оставивши мирское, но отчасти предается и плотским заботам и наперед советуется с родными о своем путешествии. И не прежде ушел он из земли мадиамитян, пока не узнал, что правитель земли Египетской умер, ибо он весьма боялся быть убитым. Когда же он освободился от этих опасений, получив извещение от Бога, тогда только он, взявши жену и детей, приходит в землю Египетскую, исполняя то, что ему было повелено. Это именно и есть изображение жизни по закону, разделенной некоторым образом и взвешивающей на обе стороны, то есть и на Божественное, и на человеческое; ибо она не свободна от заботы земной и мирской и не всецело священна,

между тем как евангельская жизнь, не уделяя совершенно никакой части на то, что касается плоти! или на мирские дела, всецело как бы посвящает Богу подчинившихся Христу. «Но те, которые Христовы, – сказано, – распяли плоть со страстями и похотями» (Гал.5,24). Поэтому, когда один из учеников, приступивши ко Христу, сказал: Учитель, «позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего», – то был вразумлен относительно вполне священной жизни, немедленно услышав: «иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов (Мф.8,21–22). И божественный Павел пишет некоторым: «Когда же Бог ... благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью» (Гал.1,15–16). А Моисей советуется; ибо, как сказано, жизнь по закону разделена и лежит еще под страхом смерти: Моисей убоился идти в Египет, избегая смерти. Но во Христе и это упразднено, в чем удостоверит нас священный Павел, говоря о Христе и о нас: «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр.2,14–15). Посему ум святых дерзновенно противостоит и самой смерти, как сказал в другом месте Павел: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп.1,21), – и еще: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим. 8,35.) Что жизнь по закону одержима страхом смерти, а славная жизнь во Христе отрешилась от него, это ясно из Священного Писания, которое гласит, что «смерть царствовала от Адама до Моисея» (Рим.5,14). Но упразднивший смерть, поколебавший силу тления и спасший вместе с верующими и тех, которые были некогда детоководительствуемы под законом, кто же иной, как не единый Господь наш Иисус Христос? «Не ходатай, ниже ангел, но Сам Господь спасе их», – сказало пророческое провещение (Ис. 63,9). Сию тайну ты можешь видеть, и очень ясно, опять как бы в образе, в том, что случилось с блаженным Моисеем. Когда он уже уходил из земли Мадямской и

поспешал в Египет, Бог сказал ему: «когда пойдешь и возвратишься в Египет, смотри, все чудеса, которые Я поручил тебе, сделай пред лицом фараона» (Исх. 4, 21). Потом несколько далее сказано: «Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам его, сказала: ты жених крови у меня» (Исх. 4, 24–25). Нужно ли тебе для ясности длинное рассуждение? Понятен ли предмет рассмотрения?

П. Нимало: я совершенно не понимаю, на что, как бы в тени, указывается в случившемся.

К. Не правда ли, по-твоему, любезный, что природа человеческая скована была смертью вследствие того древнего проклятия? Ведь нам сказано в Адаме, как в начале и глубочайшем корне рода: «возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт. 3, 19).

П. Совершенно так.

К. И так как началу рода приключилось подвергнуться смерти, происшедшей от греха, то она по необходимости перешла и на нас, и вместе с корнем испорчены и отрасли, от него восходящие, потому что от разрушимого тела и плод разрушимый. Таким образом смерть царствовала над всеми, и до самого Моисея, то есть до времен под законом. (Рим. 5, 14). Что смерть имела силу до Моисея и что все человеческое подлежит тлению, образ этого ясный и очевидный есть бывшее тогда покушение Ангела против Моисея. Впрочем, сожительница и супруга Моисея Сепфора удержала губителя и отклонила от него, обрезавши свое дитя камнем, умоляя и говоря: «ста кровь обрезания сына моего» (Исх. 4, 25). "Ста же кровь", говорит она не в том смысле, что прекратилось течение крови; я не думаю, чтобы это отвлекало когда-либо губителя от хотения убить; но она как бы сказала: сделано и исполнено угодное Богу, то есть обрезание сына, подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал, например: стал образ такого-то дела, или: стало рассуждение об этом, вместо того чтобы сказать: дело пришло к концу и разъяснено.

П. Но кого мы должны разуметь под Сепфорою? Что значит камень и совершенное им обрезание? И каким образом отклонен был божественный Ангел и избежал Моисей угрожавшей ему и заслуженной им смерти, после того как сын был обрезан?

К. Предмет темный, и смысл исследуемого поистине неудобопонятен; но, уповая на Бога, опять скажу, как могу. Сепфора, дочь мадиамского священника (а он был из иного: рода и не от крови Израиля), представляет нам образ и олицетворение церкви из язычников, призванной к Богу из мирского служения, ибо ей сказано в одном месте устами Давида: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего»: потому что возжелал «Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой» (Пс.44, 11–12). Итак, она наименована последовательницею закона и соединенною с Моисеем-детоводителем, прекрасно возводящим к таинству Христову. Ибо закон – начальный учитель; он приводит к начаткам глаголов Божиих и посредством намеков и тени как бы посеивает в нас ведение тайны Христовой. Ведь и иудеям, отвергшим самого священнейшего Моисея, Христос сказал: думаете ли вы, «что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5, 45–46). Если же Сепфора принята нами за олицетворение церкви языческой, то сын, происшедший от нее, без сомнения, будет образом нового народа, так как уверовавшие приняли духовное детство во Христе и возрождение в Боге; их и Давид в одном месте назвал народ зиждемым (Пс. 101, 19). Это новорожденное во Христе чадо, то есть новый народ обрезания чрез веру, отклоняет от себя смерть; ибо камень есть знак несокрушимой природы, сила и крепость которой обозначается твердостью камня. И Иисус Навин, переправивши израильтян чрез Иордан, обрезал их «ножами каменными» (Нав.5, 3), прообразуя духовное обрезание во Христе; так как Христос есть камень, на который как бы в образе ясно указывает, как я только что сказал, и камень, обрезавший сына Сепфоры. Тогда-то

отступила смерть и ищущий убить отошел от Моисея, почтивши таинство обрезания во Христе, и это событие гадательно возвещает нам, что не только удалилась смерть от удостоившихся обрезания во Христе, но что это дело, я разумею таинство Христа, послужило помощью и самим отцам; потому что как все мы умерли в Адаме, так и на всех переносится благодать, дарованная чрез Христа: "ибо Он для того... умер, да и мертвыми и живыми обладает» (Рим. 14, 9). Таким образом во время обрезания нового народа вместе исправлена была и жизнь отцов, ибо имеющие жить живы для Бога; это сказало нам и священное слово(Лк. 20, 38). А временем обрезания, духовно мыслимого, было пришествие Христа, который, как Бог, старше Моисея, но занимает второе место и следует после него, поскольку Он явился человеком на служение для нас. Обрати внимание на то, что Бог избрал сначала Моисея, а потом присоединил Аарона, прообразуя, что в отношении к посланничеству и служению Моисея будет позднее во времени явление Христа, Который был равен Моисею по человечеству, но имел Божественное и несравненное превосходство пред ним, потому что родился от Бога Отца. Если ты хочешь, то и это можешь видеть из самого Священного Писания: "И сделали, – сказано, – Моисей и Аарон, как повелел им Господь, так они и сделали. Моисей *был* восьмидесяти, а Аарон восьмидесяти трех лет, когда стали говорить они к фараону» (Исх. 7, 6–7). Слышишь, что оба они были равны в том отношении, что достигли осмидесятого года, хотя в служении Аарон был после Моисея? Так и Христос: Он некоторым образом равен Моисею по человечеству и есть второй в домостроительстве, но несравненно превосходит его и возвышается над ним по Божеству и славе Святой Троицы.

П. Изъяснение очень ясное и понятное.

К. Что же? Не достойно ли рассмотрения кроме того и следующее?

П. Что такое?

К. То, что израильтяне, без сомнения, не вышли бы из земли Египетской и не освободились бы от столь тягостного и ужасного для них рабства, даже более, совершенно не избегли

бы смерти, посланной перворожденным в Египте, и трудно избежимой руки губителя, если бы не заклали агнца во образ Христа, подъявшего грехи мира. Кровию они помазали пороги по закону, данному чрез Моисея, а Христово таинство они соделали как бы оружием и ограждением души своей. Ибо смерть Христа есть врачевство, освобождающее от смерти, и участвующие в таинственном благословении выше тления, по Писанию: «истинно, истинно говорю вам: ... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» (Ин.6,53–54). А снедая агнца, они вкушали при нем бесквасные хлебы; и этот образ в бесквасной и чистейшей пище указывает на благообразие евангельских наставлений, которое, впрочем, будет не без труда и не без горечи скорбей. Итак, снедание горьких трав вместе с бесквасными хлебами означает, что бесхитростная и чистейшая жизнь во Христе будет не без горечи. Поэтому необходимо было к бесквасной пище присовокупить горечь; так как "и все, – сказано, – желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим.3,12). Но потерпевшие это блаженны; ибо вместе с Ним страдая, они вместе с Ним будут и царствовать, по Писанию (Рим.8,17). Не уклоняется ли это рассуждение к чему-нибудь нехорошему?

П. Нисколько.

Книга 3. О том, что невозможно избежать смерти, от греха происходящей, и власти дьявола иначе, как только чрез освящение, совершаемое Христом, и что не в законе оправдание, а во Христе

Итак, когда жертвенный обряд у израильтян был совсем уже окончен и когда кроме того первородные египтяне были истреблены, а от освященных Христос как бы во образе отгнал истребителя, тогда они, с трудом вышедши из земли господствующих над ними и поспешая достигнуть обетованной им земли, направляются не прямо в нее, но отвлекаются от прямого пути уклонениями как бы в противоположную сторону; ибо опять написано так: «Когда же фараон отпустил народ, Бог не повел его по дороге земли Филистимской, потому что она близка; ибо сказал Бог: чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет. И обвел Бог народ дорогою пустынною к Чермному морю» (Исх. 13, 17–18).

Палладий. Что же сокрыто и в этом?

Кирилл. Надобно исследовать, если угодно. Вникни в то, что, когда им предлежал прямой путь и можно было, идя кратким путем, дойти скоро, ибо земля обетованная, сказано, «потому что она близка», Творец всего отводил их по другому пути, составлявшему большой круг, потому что наперед знал готовность Древних к отпадению и все еще неудержимую склонность к малодушью.

П. В этой речи совершенно нет ничего неясного.

К. Итак, надобно перейти к духовному созерцанию. Удаляющихся от мирской жизни и демонского владычества, как бы от какой-то Египетской земли, приводит к освящению и надежде на Бога прямой и совершенно краткий путь – вера во Христа и оправдание в Нем, по премудрому изречению Павла: «Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами

исповедуют ко спасению» (Рим. 10, 8–10). Этим столь близким и сокращенным путем Бог не попустил пройти древним, а измыслил как бы некий круг, не имеющий прямого направления, – закон, в словесных оборотах и загадках содержащий более продолжительное и не без затруднений бывшее детоводительство. И это для того, чтобы, пользуясь сеннописанным, как бы неким подготовлением к более совершенному, и предварительно научаемые таинству, они безрассудно не подвиглись вследствие каких-либо страшных обстоятельств к удалению и отпадению от Христа, но как бы наперед подготовленные и научаемые истинно полезному были более готовы к желанию и добровольному принятию истины и имели бы твердую и непоколебимую любовь к Богу. Посему, как бы чрез длинный и не прямой путь служения по письмени, «закон был... детоводителем» (Гал.3, 24). Не так Христос; ибо Он показал нам прямой и близкий путь, то есть путь чрез веру, совершенно преобразуя нас для благодерзновения и обязанности быть мужественными пред тем, что нам противится, особенно же научая нас любить страдание за благо, бодро противостоять коварствам диавола и говорить вместе с пророком: «вот, Господь помогает Мне: кто осудит Меня?» (Ис.50, 9). А производящее в нас столь удивительное дерзновение не может быть совершенно ничем иным, кроме силы вышней, то есть причастия и общения Святого Духа.

П. Понимаю, что говоришь ты, и удивляюсь твоему остроумию.

К. Тотчас вслед за тем присоединенное может указать и на время спасения чрез Христа; ибо в пятом, сказано, роде «И вышли сыны Израилевы вооруженные из земли Египетской» (Исх. 13, 18). И мы освободились от рабства, равно и от трудов, состоящих в пустых занятиях, и от тяжелой работы над землею и прахом, – ты понимаешь, о чем я говорю, – как бы в пятом же роде, в пятое время, по евангельской притче: «Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой. То же самое он сделал, как сказано, в шестой и девятый час. Опять выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и

говорит им: что вы стоите здесь целый день праздну?... Идите, и вы» работайте в винограднике моем (Мф.20, 1, 5–7). И так заметь, что последние посылаются в виноградник как бы в пятом роде, то есть в последние времена, когда Единородный соделался человеком и потерпел заклание ради жизни всех. Почему и закон Моисея предписал взять агнца в десятый день первого месяца, а заклать его "к вечеру" четырнадцатого дня того же месяца (Исх. 12, 6), для того, чтобы в одном и том же указать нам, с одной стороны, на пятое время как бы в пятом дне, с другой – выражением к вечеру указать на то, что заклание Спасителя будет в конце века.

П. Кажется, вся цель богодухновенного Писания сосредоточена в таинстве Христа.

К. Совершенно так: «конец закона и пророков – Христос» (Рим. 10, 4,); ибо, кроме Его, «нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян.4, 12). Так сказал ученик Спасителя. И доказательство близко, если мы присоединим к этому следующее: «И двинулись, – говорит Писание, – [сыны Израилевы] из Сокхофа и расположились станом в Ефаме, в конце пустыни. Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, ... не отлучался... столп огненный ночью от лица... народа» (Исх. 13, 20–22). Ты видишь, что Бог был предводителем израильтян, вышедших из земли Египетской, в столпе облачном и огненном; обоими ими изображался Христос.

П. Каким образом?

К. Во-первых, потому, что Он есть «столп и утверждение истины» (1Тим. 3, 15), непоколебимый и совершенно несокрушимый, и простирающийся высоко над землею; ибо во Христе мы освобождены от мудрования плоти и от погрязания в земных пороках, подняты Им как бы на высоту, помышляя о горнем (Кол. 3, 2) и водворяясь на небе (Флп. 3, 20). Ибо написано: «ибо щиты земли – Божии; Он превознесен над ними» (Пс.46,10). Сказал также где-то Христос гласом того же Давида о земле и о святых Апостолах: «Я утвержу столпы ее» (Пс.74,4). Ибо возвышающиеся над землею святые ученики были

утверждены «силою свыше» (Лк. 24, 49), как облеченные благодатью Святого Духа: они были именно столпы по сообразности со Христом и по уподоблению ему благодатью Духа. Итак, пойми, что не ради чего иного, как ради того, о чем мы только что сказали, Христос назван столпом: Он руководил, говорит Писание, днем «столпом облачным», а ночью «столпом огненным», чтобы показывать им путь (Исх.13,21). Ночью же в Божественном Писании обыкновенно называется время до пришествия (Христово), в которое, еще при владычестве сатаны, тьма неведения обдержала сущих на земле; а днем, напротив, – время пришествия Спасителя нашего, в которое мы просвещены, восприявши умом сияние истинного боговедения и созерцая очами сердца Солнце правды. И Павел засвидетельствует, говоря о времени до пришествия и после него: «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно» (Рим. 13, 12–13). Если же древнее время представляется в образе ночи, а напротив в образе дня – то время, в которое Единородный соделался человеком, то мы утверждаем, что израильтянам Он предшествовал в виде огня, как бы в осуждающем и наказывающем законе, ибо огонь есть знак наказания; а нам в виде облака, как бы в образе святого крещения и спасения посредством воды. Облако не есть ли вода?

П. Как же иначе!

К. Когда израильтяне ушли от египтян, древний властолюбец, то есть фараон, воспылал гневом и решился их преследовать. "запряг, – говорит Писание, – колесницу свою и народ свой увлек вместе с собою: и взял шестьсот колесниц отборных и все колесницы Египетские, и начальников над всеми ими» (Исх.14,6–7). И потом, спустя немного: «Фараон приблизился, и сыны Израилевы оглянулись, и вот, Египтяне идут за ними: и весьма устрешили и возопили сыны Израилевы к Господу» (Исх.14, 10). И возроптали на Моисея, открыто говоря: «и сказали Моисею: разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? что это ты сделал с нами, выводя нас из Египта? Не это ли самое говорили мы тебе в

Египте, сказав: оставь нас, пусть мы работаем Египтянам? Ибо лучше быть нам в рабстве у Египтян, нежели умереть в пустыне» (Исх.14, 11–12). На это Моисей говорит: «Но Моисей сказал народу: не бойтесь, стойте – и увидите спасение Господне, которое Он соделает вам ныне, ибо Египтян, которых видите вы ныне, более не увидите во веки; Господь будет поборать за вас, а вы будьте спокойны. И сказал Господь Моисею: что ты вопиешь ко Мне? скажи сынам Израилевым, чтоб они шли, а ты подними жезл твой и простри руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше» (Исх.14, 13–16). И Бог соделал явным образ помощи. Ибо «И двинулся Ангел Божий, шедший пред станом ... Израилевых, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их и стал позади их; и вошел в средину между станом Египетским и между станом ... Израилевых, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизились одни с другими во всю ночь» (Исх.14, 19–20). Так именно изложено повествование; и я думаю, что нам надобно опять проникнуть в глубину мыслей, влагая в написанное тонкий смысл.

П. Да, конечно.

К. Итак, сыны Израиля отправляются, поспешая, во святую землю, между тем Бог, как бы в столпе огненном и облачном, шел впереди и вел их: ибо совершенно невозможно было бы достигнуть горнего и святого града, если бы не вел Христос и если бы Он не соделал ясным путь спасения. В самом деле, на решившихся достигнуть этого скрежещут зубами враги, рассеянные по сему миру, но закон возбуждает к дерзновению и ободряет уstraшенных. А что полчище противников падет, Писание показывает совершенно ясно: ибо это очевидно открывается для нас из того, что египтяне были истреблены, а тех, напротив, которые были в страхе мучений, Бог спас как бы опять в образе святого крещения: ибо "скажи, – говорит, – сынам Израилевым, чтоб они шли, а ты подними жезл твой и простри руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше» (Исх. 14, 15–16). Не пишет ли божественный Павел о сынах Израиля, что «и все крестились в Моисея в облаке и в море» (1Кор. 10, 2.)?

П. Соглашаюсь.

К. Итак, желающим последовать Христу и поспешающим к горнему граду не должно утверждаться на законе и неизменно пребывать в постановлениях Моисея и оставаться в тенях и образах, а напротив, должно воспрянуть и удалиться в другую сторону, то есть ко святому крещению. Ибо и древние служили образом этого, проходя по повелению Божию посреди волн и, как говорит Павел, крещаемые в море. Тогда, именно тогда будут они иметь помощником Христа Иисуса, самого Посредника между Богом и людьми – ибо Слово, будучи Богом, соделалось плотью (Ин.1,14), – Посредника также и в ином смысле домостроительства, именно в том, что Он обыкновенно идет среди почитающих Его и их гонителей и не позволяет им столкнуться, удерживая нападения врагов. Ибо "двинулся,— говорит Писание, – Ангел Божий... и столп облачный... и вошел в средину между станом Египетским и между станом ... Израилевых ... и не сблизились одни с другими во всю ночь» (Исх. 14, 19–20). Опять и в Ангеле, как в столпе облачном, изображается Христос, ибо «нарицается имя Его велика совета Ангел» (Ис. 9, 6).

П. Значит, если посредствует Христос, мы не столкнемся с желающими нападать на нас.

К. Именно так; ты правильно думаешь. Однако я вот что скажу, и эта мысль, как думаю, не удалится от цели. Только что решившись отказаться от пристрастной к удовольствиям и мирской жизни и с величайшею ревностью стараясь следовать законам Божиим, но еще не обогатившись благодатью чрез святое крещение, мы не весьма сильны или способны на дело страдания и перенесения трудов ради добродетели и на то, чтобы быть в состоянии переносить испытание борьбы. И как только что распутившиеся растения могут понести вред от слишком сильного удара солнца, равно как потерпели бы немало, если бы потрясемы были порывистыми дуновениями ветров, вследствие чего им, без сомнения, нужна искусственная защита и ограждение кругом: таким же точно образом, думаю, и душа человеческая, только что начинающая избегать рабства страстей и устремляющаяся к лучшему и желающая следовать

закону Божественному, слаба и весьма нежна и легко может быть уstraшена, видя пред собою труд и закон борьбы, и пожелает пребывать опять в том, в чем была прежде. Так и израильтяне, увидевши приготовление египтян и потерявши присутствие духа при одном только представлении о сражении, возроптали на божественного Моисея, говоря: «Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: оставь нас, пусть мы работаем Египтянам? Ибо лучше быть нам в рабстве у Египтян, нежели умереть в пустыне» (Исх. 14, 12). Итак, человеческая душа до святого крещения неспособна к борьбе, вполне склонна к рабству и весьма легко подвергается страху. Но если бы она, получивши благодать, облеклась «силою свыше», то весьма твердо противостояла бы тем, которые хотят ее преследовать, и мужественно бы с ними сражалась; имея Христа воеводою и защитником, она весьма легко отразила бы восстания врагов: ибо мы можем побеждать не иначе, как этим самым способом.

П. Рассмотрим же теперь, какие и на это представишь ты нам примеры; без сомнения, у тебя не будет в них недостатка.

К. Действительно, это легко объяснить весьма многими примерами, но прежде всего ближайшим и взятым из того, о чем написал сам Моисей, а именно: потерявшие присутствие духа при одном только виде египтян потом, когда уже перешли Чермное море и исполнили преобразование святого крещения, потому что были крещены, говорит Писание, в Моисея, как и мудрый Павел пишет: «в облаке и в море» (1Кор. 10, 2); то и оказались тогда воинственными и страшными в сопротивлении врагам, впрочем, только чрез Христа. Об этом написано так: «И пришли Амаликитяне и воевали с Израильтянами в Рефидиме. Моисей сказал Иисусу: выбери нам мужей..., и пойдй, сразись с Амаликитянами; завтра я стану на вершине холма, и жезл Божий будет в руке моей. И сделал Иисус, как сказал ему Моисей, и [пошел] сразиться с Амаликитянами; а Моисей и Аарон и Ор взошли на вершину холма. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же

и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца. И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча. И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в книгу и внуши Иисусу, что Я совершенно изглажу память Амаликитян из поднебесной. И устроил Моисей жертвенник и нарек ему имя: Иегова Нисси. Ибо, сказал он, рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род» (Исх. 17, 8–16).

П. Но какой же смысл написанного? Я не совсем понимаю.

К. А по моему мнению для желающих усмотреть нет ничего трудного. Ибо размышляющий об Иисусе (Навине), получающем приказание от Моисея, что иное может предположить, как не то именно, что Слово, будучи Богом, было под законом, по состоянию человечества, и некоторым образом было подчинено постановлениям, данным чрез Моисея, в разнообразных видах, то перенося обрезание по плоти (Лк. 2, 21), то платя дидрахмы (Мф. 17, 24–27), и вместе с сущими под законом поставив и Себя как бы под законом и ясно говоря: «не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17). Но хотя и был Он под законом по человечеству, однако в то же время был и Богом, Спасителем и Искупителем всего народа. Ибо избравши из всего народа Израильского и из всех язычников мужей сильных, я разумею, конечно, святых Апостолов и призванных чрез веру, которым прямо можно сказать: «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (1Пет. 2, 9), – Он противостоял вместе с ними князю века сего, о котором Он, Владыка всяческих, Сам всепобеждающий, говорит: «ныне суд есть веку сему: ныне князь века сего изгнан будет вон» (Ин. 12, 31). А божественный Иоанн победивших с Ним и чрез Него увенчивает таким блестящим определением: "пишу вам, – говорит он, – юноши, потому что вы сильны ... и победили лукавого» (1Ин. 2, 13–14). Не истинно ли я говорю?

П. Конечно.

К. Моисей сказал, что должно совершать ополчение на другой день (Исх. 17, 9): так как не в его время явились спасительные дела Христа, а совершены уже в дальнейшее и по порядку следующее время, то есть после Моисея и закона.

Потом восходит Моисей на какую-то возвышенность и на вершину холма, чтобы оттуда можно было смотреть на сражение и на успешные действия в нем вождя всех Иисуса. Соответственно сему и тайноводство по закону возводит к возможности как бы издали взирать на победоносные дела Христа. И когда Моисей поднимал руки, побеждал Израиль, а когда опускал, он ослабевал и побеждал Амалик. Ибо для самого дьявола и для всякого врага, хотя бы он сильно желал одолеть, непобедим был не только весь Израиль, но и все те, которые почли для себя честью сообразность Христу чрез понесение Его поругания, то есть честного креста: ибо руки, во всю длину распростерты в воздухе, ясно изображают внешний вид креста. А которые не приняли креста, те, не имея помощника, сделались весьма доступными для вражеских нападений. Итак, когда Моисей простирает руки, изображая нам вид креста, и Амалик обессиленный падает, этот образ показывает нам, конечно, тех, которые при помощи честного креста побеждают сатану и одолевают врагов. Когда же видим Моисея опускающим руки, Амалика же одолевающим, то будем разумеать тех, которые вследствие нежелания принять крест стали под власть дьявола и побеждены им. К таким и Христос взывал, говоря: истинно, истинно говорю вам «если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Ин. 8, 24). Руки Моисея, говорит Писание, тяжелы были, с трудом воздвигались и весьма медленно поднимались для изображения честного образа креста. Сим, я думаю, прикровенно указывается на то, что Израиль не очень готов был к принятию веры, весьма медленно и с трудом склоняясь к желанию воспринять «поношение Христово» (Евр.11:26; Евр.13:13). Посему-то и божественный Павел прекрасно называет сей крест соблазном для иудеев (1Кор.1, 23). «и тогда взяли, – говорит Писание, – камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны» (Исх.17,12). Христос есть "камень" драгоценный, «избран, краеуголен, честен» (Ис.28, 16; 1Пет. 2, 6), на котором покоясь (так как сидение означает успокоение), лучшие и более разумевающие из израильтян, сей «останок по избранию

благодати» (Рим. 11, 5), распростирают руки, то есть принимают крест, когда их как бы утверждает и поддерживает в этом Христос, как Он обозначается в Оре и Аароне, созерцаемый вместе как Судия и Архиерей. Ибо Ор был неподкупный судия, а Аарон архиерей, сохраняющий сей "останок" из израильтян «по избранию благодати», для спасения чрез веру. Это именно, я думаю, показывает сказанное пророчески гласом Исаяи: «Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре» (Ис.1, 9). Итак, когда пал противник – я разумею Амалика, – "напиши, – говорит Писание, – сие для памяти в книгу и внуши Иисусу» (Исх. 17, 14). Ибо чрез Писание святых Евангелистов деяния, совершенные Христом, имели перейти в нескончаемое и долгое памятование. Повелел же дать писание «во уши Иисусу»; ибо писания святых суть дар Христу, как похвалы и победные песни Ему. Когда же пал и побежден был Амалик, Моисей поставляет Богу жертвенник и подписывает на нем название: "Господь мой прибежище мое» (Исх. 17, 15). И это может быть образом Христа, ибо Он соделался для нас Господом и прибежищем, победив князя века сего, Поправ державу смерти и принеся себя за нас, как бы чистую жертву в благоухание, приятное Богу и Отцу. (Еф. 5, 2) Таким образом жертвенник, которому и прилично и истинно дается название: "Господь мой прибежище мое», действительно был образом Христа.

П. Соглашаюсь; ты правильно рассуждаешь.

К. Христос, сокровенною десницею воевав против духовного Амалика и победив его, овладел народами и расхитил «сосуды его», как Сам говорит, связав "крепкого" (Мф. 12, 29): ибо находившееся некогда в его власти стадо, разумею сущих из язычников, Христос совокупил с прежде пасомыми, по сему именно и говорил: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10, 16). Но Христос, по Писаниям, «есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, Он и совокупил в одного нового человека» сущих от

обрезания и бывших вне закона (Еф.2, 14–15). Рассмотрим же еще и следующее великое таинство как бы в тени и загадке, тесно связанное с тем, что сейчас сказано нами. Ибо Писание говорит так: «И услышал Иофор, священник Маддамский, тесть Моисеев, о всем, что сделал Бог для Моисея и для Израиля, народа Своего, когда вывел Господь Израиля из Египта, и взял Иофор, тесть Моисеев, Сепфору, жену Моисееву, пред тем возвращенную, и двух сынов ее, из которых одному имя Гирсам, потому что говорил *Моисей*: я пришлец в земле чужой; а другому имя Елиезер, потому что [говорил он] Бог отца моего был мне помощником и избавил меня от меча фараонова. И пришел Иофор, тесть Моисея, с сыновьями его и женою его к Моисею в пустыню, где он расположился станом у горы Божией, и дал знать Моисею: я, тесть твой Иофор, иду к тебе, и жена твоя, и два сына ее с нею. Моисей вышел навстречу тестю своему, и поклонился..., и целовал его, и после взаимного приветствия они вошли в шатер. И рассказал Моисей тестю своему о всем, что сделал Господь с фараоном и с ... Египтянами за Израиля, и о всех трудностях, какие встретили их на пути, и как избавил их Господь.... Иофор радовался о всех благодеяниях, которые Господь явил Израилю, когда избавил его из руки Египтян.... И сказал Иофор: благословен Господь, Который избавил вас из руки Египтян и из руки фараоновой, Который избавил народ сей из-под власти Египтян; ныне узнал я, что Господь велик паче всех богов, в том самом, чем они превозносились над *Израильтянами*. И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы Богу; и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом. На другой день сел Моисей судить народ, и стоял народ пред Моисеем с утра до вечера. И видел... тесть Моисеев, всё, что он делает с народом, и сказал: что это такое делаешь ты с народом? для чего ты сидишь один, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера? И сказал Моисей тестю своему: народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим и объявляю... уставы Божии и законы Его. Но тесть Моисеев сказал ему: не хорошо это ты делаешь: ты измучишь и себя и

народ сей, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его; итак послушай слов моих; я дам тебе совет, и будет Бог с тобою: будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела [его]; научай их уставам и законам [Божиим], указывай им путь [Его], по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать; ты же усмотри... из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть ...пусть они судят народ». И спустя несколько Писание говорит опять: «И послушал Моисей слов тестя своего и сделал все, что он говорил» (Исх.18, 1–22, 24).

П. Продолжай же и, разделив по частям, объясни.

К. Не согласен ли ты с тем, что мадианитянин – иноплеменник и язычник? Ибо он произошел не от корня Авраама. С другой стороны, он был священником и служителем мнимого богопочтения, которое в то время было распространено на земле. Хотя люди поклонялись, как говорят и как они сами думали, Всевышнему Богу, например, без сомнения и Мелхиседек; но они принимали и других богов, причисляя к ним и замечательные творения, как-то: землю и небо, солнце и луну и более значительные из звезд. И таковое растление и заблуждение было исконною погрешностью, оно дошло и до настоящего времени и продолжается. Так думают безумствуя, еще и теперь некоторые из живущих в Финикии и Палестине, которые называют себя чтущими Бога, а следуют какому-то среднему пути богопочтения, не предаваясь ни обычаям чисто иудейским, ни обычаям эллинским, как бы надвое разрываемые и разделенные. И израильтян, избравших некогда таковой образ мыслей, порицал пророк Илия, говоря: «долго ли вам хромать на оба колена?» (3Цар. 18, 21), то Ваалу, Ваалу, то Богу, Богу? Так и Иофор, по всей вероятности, следовал именно некоторому таковому роду богопочтения. Когда узнал он о том, что совершил Бог для спасения израильтян, то, плененный достойными уважения и удивления рассказами, со всем домом и с целым родом своим отправляется к священному Моисею, который, увидевши, охотно принял его, ввел в свою кущу (Исх. 18, 7) и в точности

рассказал ему о достославных делах Божественной силы и о чудотворениях, превосходящих всякое слово. В самом деле, очень многие из блуждающих, я говорю об язычниках, призываются к перемене мыслей о Боге, сначала посредством слухов, передаваемых кем-либо о Боге, а потом сами собою прибегая к Божественному закону, то есть к наставлению чрез Священное Писание. Так они входят в первую кущу: ибо закон способен ввести; а убежденные древнейшими повествованиями переходят потом и к принятию той мысли, что Бог есть единый и единственный и что должно делать Ему приношения. Вот и мадианитянин, услышав повествование Моисея, сказал: «ныне узнал я, что Господь велик паче всех богов, в том самом, чем они превозносились над *Израильтянами*. И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы» Господу (Исх. 18, 11–12). Итак, Моисей, то есть вступительное наставление посредством древнейших писаний, есть начальный учитель и ведет нас к первым началам истинного богословия.

П. Подлинно так.

К. Но Христос приводит наставляемых законом к совершенству; когда я говорю опять о законе, то разумей ветхий завет. Итак, Моисей относительно Иофора воспользовался одними только повествованиями о Боге и, однако, пременил мнение Иофора на отчетливое исповедание того, что нет другого Бога, кроме единого по естеству и истинного. И это есть первая вера наставляемых, я разумею удаление от многобожного мнения и принятие истинно единого и по естеству Бога. Но Аарон удостоил Иофора и трапезы и призвал ко вкушению хлеба, ибо говорит Писание: «и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом» (Исх. 18, 12); так как Христос, истиннейший Аарон, насыщает нас хлебом живым; насыщает же не только сущих из язычников, но вместе и преимущественно избранных от крови Израиля, образом которых были старцы. А то, что должно было «есть хлеб... пред Богом», есть немалое указание на освящение; ибо что в такой степени находится пред очами Божиими, как не таинственная трапеза и жертва и участвующие в ней?

П. Хорошо говоришь.

К. Что, у совершаемые Христом, мы достигаем лучшего разумения, нежели чрез детоводительство в законе, это мы без труда увидим, принимая за ясный образ сего дела Моисея и Иофора, ибо Писание говорит, что сидел божественный Моисей, судя, "стоял пред ним народ... с утра до вечера» (Исх. 18, 13); Иофор подает мнение, которое Моисей почтил и, рассудивши, что оно лучшее, принял: ибо сказано: «И послушал Моисей слов тестя своего и сделал все, что он говорил» (Исх. 18, 24). Тот, кто в состоянии всегда подать лучший совет и мнение, не должен ли, конечно, считаться имеющим и разумение более превосходное?

П. Соглашаюсь.

К. Что лучше и много выше научения в законе усовершенствование чрез Христа, приводящее нас к ведению, несравненно превосходнейшему, это легко показал бы священнейший Павел, который за превосходящее разумение Христа, как сам говорит, с великой готовностью отказывается от преимуществ по закону и признает их за «уметы, да Христа приобрящет» (Флп. 3, 8). И к почитающим только то, что передано чрез Моисея, а не допускающим усовершения чрез Христа, пророк Иеремия говорил: «Как вы говорите: `мы мудры, и закон Господень у нас?` А вот, лживая трость книжников и его превращает в ложь. Посрамились мудрецы, смутились и запутались в сеть: вот, они отвергли слово Господне; в чем же мудрость их?» (Иер.8, 8–9.) А для нас, не отвергающих спасительного слова, так как мы с радостью принимаем Проповедь Христа, Он стал «премудростью от Бога» (1Кор.1,30). Итак, именно по ведению мы превзошли сущих в законе и, наставляемые повествованиями от закона, вкусившие хлеб в присутствии Бога, научились лучше и говорить и думать: ибо Иофор дает мнение и Моисей повинует; между тем Иофор по справедливости может быть образом сущих от язычников, а Моисей сущих по закону.

П. Правильно ты сказал.

К. Итак, усовершение чрез Христа и сила Его таинств и мудрыми соделывает нас, и представляет преобладающими над

смертью, низвергая сокровенного и мысленного Амалика то есть сатану. И весьма справедливо сказал Псалмопевец, что «С Богом мы окажем силу, Он низложит врагов наших» (Пс.59, 14); а о нас, просвещенных в вере, возгласил он, как бы обращаясь к Богу: «ибо Ты украшение силы их» (Пс.88, 18), «и о имени Твоем возрадуются весь день» (Пс.88, 17); ибо мы хвалимся, спасаемые во Христе, и имеем Его «оружием благоволения» (Пс.5, 13), по Писаниям. Примером и ясным образом этого может быть для нас также написанное в конце Второй книги Царств; а там сказано так: «Когда Давид встал на другой день утром, то было слово Господа к Гаду пророку, прозорливцу Давида: пойд и скажи Давиду: так говорит Господь: три наказания предлагаю Я тебе; выбери себе одно из них, которое совершилось бы над тобою. И пришел Гад к Давиду, и возвестил ему, и сказал ему: избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет, или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих, и они преследовали тебя, или чтобы в продолжение трех дней была моровая язва в стране твоей? теперь рассуди и реши, что мне отвечать Пославшему меня. И сказал Давид Гаду: тяжело мне очень; но пусть впаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его; только бы в руки человеческие не впасть мне.... И послал Господь язву на Израильтян от утра до назначенного времени; и умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч человек. И простер Ангел... руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но Господь пожалел о бедствии и сказал Ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою. Ангел же Господень был тогда у гумна Орны Иевусеянина. И сказал Давид Господу, когда увидел Ангела, поражавшего народ, говоря: вот, я согрешил, я... поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего. И пришел в тот день Гад к Давиду и сказал: иди, поставь жертвенник Господу на гумне Орны Иевусеянина. И пошел Давид по слову Гада..., как повелел Господь. И взглянул Орна и увидел царя и слуг его, шедших к нему, и вышел Орна и поклонился царю лицом своим до земли. И сказал Орна: зачем пришел господин мой царь к рабу своему? И сказал Давид:

купить у тебя гумно для устройства жертвенника Господу, чтобы прекратилось поражение народа. И сказал Орна Давиду: пусть возьмет и вознесет *в жертву* господин мой, царь, что ему угодно. Вот волы для всесожжения и повозки и упряжь воловья на дрова. Все это, царь, Орна отдает царю. Еще сказал Орна царю: Господь Бог твой да будет милостив к тебе! Но царь сказал Орне: нет, я заплачу тебе, что стоит, и не вознесу Господу Богу моему жертвы, *взятой* даром. И купил Давид гумно и волов за пятьдесят сиклей серебра. И соорудил там Давид жертвенник Господу и принес всесожжения и мирные жертвы.... И умилился Господь над страной, и прекратилось поражение Израильян» (2Цар. 24, 11–25).

П. Но какой же внутренний смысл этих слов? Предложенное совершенно неудобопонятно.

К. Без сомнения, неудобопонятно и поистине трудно уразумееваемо; однако я скажу мысль предложенного места, заключив многое в немногих словах и обратив внимание на смысл. Итак, усматривай, Палладий, как бы в зеркале и в утонченных созерцаниях таинство Христа и образ домостроительства нашего спасения.

П. Ты сам отлично можешь сделать это, когда Бог подаст силу разума.

К. Итак, слушай; я уже приступаю к своей речи. Вследствие гнева Божия смерть пожирала народ Господень, и до «от утра до назначенного времени» (2Цар. 24, 15) без всякого препятствия истребитель имел силу; когда же он намеревался наложить руку и на самих иерусалимлян, то Бог удержал его. Увидев Ангела, умолял Господа Давид, говоря о себе, что он согрешил и что лучше и гораздо справедливее было бы умереть пастырю и предводителю, чем овцам, так как они ничего не понимают. Потом, по указанию Божию, он воздвигает жертвенник на гумне Орны, которое вместе с молотящими волами купил за пятьдесят сиклей. Когда же совсем соорудил он божественный жертвенник, то совершил на нем жертвоприношения, «всесожжения и мирная» (2Цар. 24, 25). Таким образом, наконец, остановилось истребление и пресечена свирепствовавшая перед тем смерть. Священное Писание

указывает также и на то, что жертвенник первоначально был мал и Соломон впоследствии приложил к нему. Не скажешь ли ты, что в сих словах кратко выражена сущность предложенного?

П. Это так; но уясни уже и то, каким образом может быть понят смысл этого.

К. Или ты не знаешь, что природа человеческая, бесспорно, впала в смерть и тление, возбудивши ко гневу Создателя, так сказать в начале нашего рода, то есть в Адаме, который отверг перводанную Божественную заповедь и услышал следующее: «прах ты и в прах возвратишься»? (Быт. 3, 19.)

П. Правда.

К. Итак, "от утра", то есть от первых времен настоящего века, смерть пожирала сущих на земле « назначенного времени» (2Цар.24, 15), то есть до времени трапезы; ибо, когда для нас настало время святой трапезы – очевидно, трапезы во Христе и таинственной, в которой мы вкушаем хлеб небесный и животворящий, – то издревле страшная и тяжелая смерть была упразднена, так как Бог был умиловивлен. И с трудом был удержан истребитель: когда уже он хотел наложить поражающую руку и на живущих во святом граде, духовном Иерусалиме, тогда только ему возбраняется, поскольку Бог был умиловивлен: "отъими теперь, – говорит Писание, – довольно" (2Цар. 24, 16). Церковь же есть град святой, обитатели которого суть усовершенняемые к освящению чрез хлеб живой. О столь святом и достойном удивления городе воспоминает и божественный Давид, говоря: «Славное возвещается о тебе, град Божий!» (Пс.86, 3). Ибо в нас вселился Христос, который есть жизнь и животворящий. Поэтому Бог от освященных и отгоняет губителя, как уже не долженствующего побеждать после явления святой трапезы, которую прикровенно означает время обеденное. Итак, Христос, как бы созерцаемый в лице Давида, избавил нас. поскольку Он видел, что смерть истребляет сущих на земле, то и соделался ходатаем за нас пред Отцом: Он Себя Самого принес за нас и добровольно подверг смерти; посрамил губителя, называя грех Своим не потому, будто Он соделал грех, но потому, что, по Писаниям, Сам "грехи наши берет на Себя и о нас болезнует" (Ис.53, 4), «к

злодеям причтен был» (Ис. 53, 12), и хотя Сам не знал греха (2Кор. 5, 21), но был «за нас клятвою» (Гал. 3, 13). Нужно же, как сказано, более потерпеть пастырю, нежели овцам (2Цар. 24, 17); и Он, как пастырь добрый, «душу Свою положил за овцы» (Ин. 10, 11). Потом, по Божественному напоминанию, богомудрый Давид на том месте, где увидел Ангела истребителя уже бездействующим и стоящим (а видел его, сказано, «пред гумном» – 2Цар. 24, 16), водрузив жертвенник, принес Богу «всесожжения и мирная» (2Цар. 24, 25), – это виды и образы жертвоприношений по закону. Под гумном ты разумеи Церковь, достигши которой, смерть наконец остановилась и была упразднена, и губитель удержал издревле страшную и разрушительную руку; ибо Церковь составляет дом Того, в Ком жизнь по естеству, то есть Христа. Церковь же мы называем гумном по некоторому подобию и образу: в ней, по примеру снопов и колосьев, собираются те, которые отсекаются от мирской жизни словом святых жителей, то есть Апостолов и Евангелистов, для того, чтобы быть вознесенными в вышние дворы и внесенными, подобно чистому хлебу, как бы во Владычную житницу, в небесный Иерусалим, по отложении непотребных и ненужных дел, а вместе и мыслей, каковые разумеются как бы в виде соломы. И Христос сказал святым Апостолам: «Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную» (Ин. 4, 35–36). И еще говорит: «жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Мф. 9, 37–38), именуя, как думаю, духовную жатвою множество имеющих уверовать, а святыми жателями называя содержащих в уме и на языке Божественное слово, которое есть «живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов» (Евр. 4, 12). Именем же гумна и блаженный Креститель обозначал Церковь – следующим именно образом говоря о Христе: «я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет

крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым» (Лк. 3, 16–17). Итак, сие-то духовное гумно, я разумею Церковь, купил Христос за пятьдесят сиклей, то есть не дешевою ценою; ибо Он Себя Самого отдал за нее и в ней воздвиг жертвенник; и поскольку Он Сам есть совершитель священнодействия, так как Он был «первосвященник» (Евр.6, 20), то Сам Он и принес Себя в жертву, как бы в виде и образе вола молотящего, и соделал ее всесожжением и жертвой примирительной. Ибо во Христе стоявшая посреди преграда разрушена и мы, издревле чрез грех разлученные и отделенные, вместе со Христом входим чрез Него и в Нем к Богу и Отцу, по разрушении этой древней вражды: «Ибо Он есть мир наш», по Писаниям (Еф.2, 14).

П. Значит, под волом молотящим мы будем разуметь Христа? Каким это образом?

К. Но, любезный, не волами ли молотящими закон Моисеев назвал нам святых учеников? Ибо сказано загадочно: «да не обратиши («не заграждай уста») вола молотяща» (Втор. 25, 4). И блаженный Павел, весьма ясно уразумев это, говорит: «О волах ли печется Бог? Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, *должен молотить* с надеждою получить ожидаемое» (1Кор.9, 9–10). Таким образом, и блаженные ученики по образу первого, то есть Христа, называются волами. Но Христос означает волом молотящим и в другом смысле, именно: чрез Него очищение, чрез Него отложение ненужных дел, то есть наслаждений и плотских мудрований, свойственных миру, которые суть пища пламени, как и солома. Когда воздвигнут был жертвенник, на котором возложены примирительная жертва и жертва всесожжения, то печаль прекращена: ибо внял Господь земле и истребление было остановлено. Так и тогда, как Христос принес Себя за нас в жертву, смерть была упразднена и тление уничтожено, так как всемогущий Бог приклоняет ухо, как бы уже готовое к мольбам всех: «прежде нежели они воззовут, Я отвечу» (Ис.65, 24.) А замечание о том, что прежний жертвенник был мал и что впоследствии было приложено к

нему, указывает на имеющий быть в свое время успех Евангелия, и, с одной стороны, на ограниченность святых церквей вначале, с другой – как бы на расширение их во времена последующие. Ибо жертвенники постоянно расширяются, так как к прежним церквям как бы непрерывно присоединяются другие и разрастаются в безмерное множество народов, которые освобождены чрез жертву во Христе, имея Его священнодействующим, и жертвою святою, и очистительным благоуханием, и как бы удивительным жертвенником, и владыкою Церкви, изображенной в виде гумна.

П. Как ясно и наглядно это рассуждение! Оно сделано с большим искусством.

К. А разве ты сам, и даже без малейшего колебания, не сказал бы, что Христос есть жизнь всех и искупление?

П. Будь уверен, что сказал бы, потому что я думаю именно так.

К. Он один умер за всех, будучи удовлетворительною ценою за всех, и собственную душу сделал выкупом за наши души, посрамляя жестокость диавола и как бы остановив осуждение владычествующего над нами греха и необузданное слово обвинения против всех.

П. Каким образом?

К. Так как грех воцарился над обитателями земли, которые сделались весьма склонны к дурному от юности, как написано (Быт. 8, 21), и так как сердце человека тщательно прилежит к потребности и хотению творить дурное, то по необходимости и подверглись мы осуждению смерти. Ибо нарушение закона Божественного и отвержение Владычных хотений имеет наказанием смерть. Но Творец явил Свое милосердие к столь поврежденной природе человеческой: Единородный соделался человеком, носил тело, естественно подверженное смерти, и восприял плоть, чтобы, претерпев за нас смерть, угрожавшую нам за грех, привести грех в бездействие и усмирить потом обвиняющего сатану; так как мы в Самом Христе понесли наказание за виновность в прегрешении, ибо «Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни» (Ис. 53, 4), по гласу пророка. Разве не «ранами Его мы исцелились» (Ис. 53, 5)?

П. Правда: «Он взял на Себя наши немощи» и был в пренебрежении и в язве" (Ис.53, 4).

К. Итак, когда Христос пострадал за нас, то грех сокрушен и, я думаю, не будет уже насильственно обвинять освященных чрез Христа; и это нам ясно покажет пророк Захария, говоря как бы в видении: «И вышел Ангел, говоривший со мною, и сказал мне: подними еще глаза твои и посмотри, что это выходит? Когда же я сказал: что это? Он отвечал: это выходит ефа, и сказал: это образ их по всей земле. И вот, кусок свинца поднялся, и там сидела одна женщина посреди ефы. И сказал он: эта женщина – само нечестие, и бросил ее в средину ефы, а на отверстие ее бросил свинцовый кусок. И поднял я глаза мои и увидел: вот, появились две женщины, и ветер был в крыльях их, и крылья у них как крылья аиста; и подняли они ефу и понесли ее между землею и небом. И сказал я Ангелу, говорившему со мною: куда несут они эту ефу? Тогда сказал он мне: чтобы устроить для нее дом в земле Сennaар, и когда будет все приготовлено, то она поставится там на своей основе» (Зах.5, 5–11). Желаете, чтобы мы опять поговорили о каждой части отдельно и рассмотрели, насколько возможно?

П. Непременно.

К. Пророк увидел некую меру, исходящую из Иерусалима, и, когда спросил о том, "что есть?" – Ангел сказал: «это образ их по всей земле» (Зах.5, 6), а это подобно тому, как если бы он сказал: этою мерою в свое время измеряются прегрешения на всей земле. Ибо, когда грех наш достигает значительной величины, тогда оскорбленный Законоположник посылает наказания; часто же по свойственному Ему человеколюбию терпит и удерживается от наказания согрешающих, не изливая совершенно Своего гнева прежде исполнения меры грехов их. Так Бог говорил и священному Аврааму: "мера беззаконий Амореетов доселе еще не наполнилась» (Быт.15,16). Также к фарисеям, неудержимо оскорблявшим Его, Христос сказал: «дополняйте же меру отцов ваших"(Мф.23, 32). Итак, когда выходила мера, "вземлется свинцовый кусок, ввергается средину жена, наполняющая меру, и приемлет свинцовый кусок

в собственные уста; при сем божественный Ангел говорит: сие есть беззаконие» (Зах.5, 7–8).

П. Место Писания пока еще не совсем ясно.

К. Оно будет ясно, и притом вскоре. Словами «свинцовый кусок» означает Сам Христос, который возьмется, то есть возносится, посредством креста и по Своим божественным достоинствам созерцается в славе: «Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени» (Флп.2, 9). Он заключает уста греха согласно тому, как воспевается в Псалмах: «и всякое беззаконие заградит уста своя» (Пс.106, 42), дабы не говорить в обвинение согрешивших по немощи и оправданных в вере, ибо «Кто будет обвинять избранных божиих? Бог оправдывает их» (Рим.8,33–34.) Если же Христос пострадал за нас, то с чем было бы сообразно требовать еще, чтобы и мы сами были наказаны за наши прегрешения?

П. Весьма правильно ты сказал: мы оправданы во Христе и совершенно отклонили от себя обвинение за грех. Но особенно приятно мне было бы узнать от тебя, по какой причине Христос обозначается как бы в олове (свинце), а беззаконие является как бы в лице жены.

К. И это легко увидеть из Священных Писаний: ибо Христос уподобляется и многому другому, так как, смотря по качеству означаемого, мыслится содержащееся в Нем.

П. О чем ты говоришь?

К. Христос соделался для нас утверждением и крепостью, непоколебимою опорою и несокрушимым основанием, поэтому и назван камнем, ибо так сказано: «се Аз полагаю во основание Сиону камень... избран, краеуголен, честен... и веруяй в Он не постыдится» (Ис.28,16). Он же, потом, есть светлое и досточудное сокровище Церкви, наше духовное богатство, и называется бисером. «Еще подобно, – сказано, – Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее» (Мф.13, 45–46). Чрез Себя Самого Он приблизил нас к Богу и Отцу, разрушив Телом своим вражду, как написано (Еф.2, 13–16); поэтому и говорил к Отцу Небесному и Богу о тех, которые оправданы верою в Него: Отче, «да будут все едино,

как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, *так* и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21). Посему-то Он назван камнем оловянным; ибо оловом спаиваются соединяемые предметы. И, в другом месте, гласом Захарии Бог, указывая нам на собственного Сына, имеющего в свое время прийти и грядущего, сказал: «когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь» (Зах. 4, 10). Точно так же и в рассматриваемом нами месте слова «кусоч свинца» (Зах. 5, 7) сказаны о Христе; и я скажу, какая причина этого. Нечистое серебро, плавимое вместе с оловом, чрезвычайно хорошо очищается, так как олово по своему свойству берет в себя нечистоту пережигаемого вместе с ним металла. Нечто такое и в нас самих совершил Христос; Он телесно, а вместе и духовно соединился с непотребными и таким образом расплавил находившуюся в нас нечистоту; ибо Он подымлет грехи наши, чтобы мы ради Его и чрез Него были чистыми и просвещенными. И пророк Иеремия оплакивал народ Иудейский, не принявший очищения чрез Христа, в следующих словах: «Раздувальный мех обгорел, свинец истлел от огня: плавильщик плавил напрасно, ибо злые не отделились; отверженным серебром назовут их, ибо Господь отверг их» (Иер. 6, 29–30). Итак, ты понимаешь, Божественное Писание знало, что очищение серебра не может совершаться без олова. Посему Христос, так как Он очистил нас непотребных, уподобляется олову и Сам заграждает уста греха, изображаемого как бы в виде жены. А жена есть знак слабости и вместе наслаждения, а чрез них совершается всякое беззаконие: у кого ум наперед помрачен тем или другим наслаждением и таким образом обессилен, тот оставляет труды, ведущие к добродетели, и душа человеческая преклоняется ко греху; поэтому и говорится о некоторых, что они суть «более сластолюбивы, нежели боголюбивы» (2Тим. 3, 4). И пророк взывает к тем, которые вследствие душевной немощи поражены грехом и расслаблением, состоящим в порочности: «Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие» (Ис. 35, 3).

П. Но это так; а две жены, которые относят меру и беззаконие в землю Вавилонскую, скажи мне, на что могут

указывать?

К. Уста беззакония, любезнейший, заграждены чрез Христа: в Нем мы оправданы, освобождены от всякого обвинения, и осуждение беззакония снято с нас: ибо такова была по отношению к нам цель домостроительства у Того, Который из-за нас, ради нас и вместо нас подвергся смерти, хотя опять и воскрес: ибо невозможно было, чтобы жизнь побеждена была смертью. Но некоторые не поверили Евангелию Христову и, не принявши искупления от греха, опять обременяются им, возложивши его на свои главы вследствие бессилия мысли, расслабления ума и отсутствия душевного мужества. Они увлекаются всяким лукавым духом и, насильственно побуждаемые ко всякому виду нечистоты, весьма усердно спешат к дурному. Знаком же поспешности служит крыло, которое и было, как сказано, "аиста" (Зах.5, 9); это вид птицы, которая всегда летает вокруг зловоннейших болот и собирает в пищу добываемое из грязи и нечистоты. Итак, тех, которые расточают свои заботы на осквернение, совершенно естественно можно назвать имеющими «крылья аиста»; они также женовидны и изнеженны, наконец, похожи на владычествующий над ними грех. Ибо как чрез освящение соделались подобными Христу сущие под Ним и вместе с Ним, так подобны беззаконию и одновидны с ним те, которые обременены им и предпочли жить с нечистотою порока. «Меру же относят» в Вавилон и там отыскивают ей жилище (Зах.5, 9–11); сим, как я думаю, прикровенно обозначается, что если кто не желает принять соделанного Христом и не возлюбит заграждения греха, вследствие заботы об одних только нечистотах, тот удалится от святого Иерусалима, то есть от святой матери «первородных», прекрасного горнего града (Евр.12, 22–23). Тогда имея грех бременем почти невыносимым, он поселится вместе с вавилонянами, то есть будет иметь часть и жребий с безбожными идолослужителями: ибо подобны безбожникам те, которые пренебрегли соделанным чрез Христа искуплением. Так и Спаситель сказал: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если

же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф.18, 15–17). Итак, ясно, а главное всем Божественным Писанием засвидетельствовано, что всякое оправдание и всякое искупление во Христе.

П. Хорошо ты сказал.

Книга 4. О том, что человек, призванный Богом к оправданию и искупленный, должен последовать Ему и избегать изнеженности, ведущей к пороку, стараться же, напротив, жить согласно с законом и мужественно

Итак, опасно, как видно, Палладий, и я сказал бы даже, что и в высшей степени постыдно и весьма нелепо не желать того, чтобы мужественно препобеждать порочность и грех, а как бы измеляясь в чрезмерных наслаждениях и погружаясь умом в свойственную женщинам изнеженность, терять мужество, нужное для добродетели; тогда как вполне возможно при посредстве Христа восходить ко всему достохвальному, и к этому именно побуждает нас священнейший Павел, говоря: «Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его» (Еф.6, 10).

Палладий. Хорошо говоришь.

Кирилл. Итак, мы «сотворим силу» (Пс.59, 14) о Христе. Впрочем, без труда, полагаю, невозможно с успехом бороться против страстей и быть в состоянии возбуждать к этому свой Дух.

П. Соглашаюсь.

К. Поистине славное это дело и достоприемлемое, для ленивых недоступное, а для ценителей труда легко достижимое, как написано: «Трудящийся трудится для себя отгоняет погибель свою» (Притч. 16, 26). А чтобы с небольшим трудом можно было совершать отличные дела, об этом, кажется, неразумно даже и подумать только. Но не выше ли всего для нас спасение нашей души и борьба за собственную жизнь?

П. Без всякого сомнения.

К. Каким же борцам, по твоему мнению, в особенности приличествует блеск славы – тем ли, которые ведут борьбу правильно и с опытностью и которые держат в мысли, что им следует победить, – или же тем, которые весьма охотно предаются удовольствиям и праздную жизнь предпочитают более достойной?

П. Но как или откуда может возникнуть сомнение в том что побеждать всего менее свойственно людям, страждущим беспечностью, а что это приличествует людям более дельным?

К. Посему станем ли мы утверждать, что тем, которые распрощались с трудом и избрали себе беспечную и роскошную жизнь, послужит это к славе?

П. Никак.

К. Итак, люди наиболее трудолюбивые приобретают славу, а без подвигов никому не удастся сделаться знаменитым.

П. Несомненно.

К. Если так, Палладий, то надобно прямым путем идти к достохвальному и стараться приобрести мужество, ведущее к добродетели, и ту великую отважность, которая и для богодухновенного Писания служит предметом удивления, и душам святых знакома и дружественна. Так и блаженный Давид, обращаясь к людям, особенно расположенным к этому, говорит: «Мужайтесь, и да укрепляется сердце ваше, все надеющиеся на Господа!» (Пс.30, 25). И так как он это самое исполнил, и притом преимущественно пред другими, то он похваляется, говоря: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс.26, 1.) Ибо бесчисленны окружающие нас соблазны и множество демонов, превышающее, думаю, всякое число, возбуждает нас ко греху; к тому же наступают на нас немалая свирепость врожденных нам вожделений, любостяжание, высокомерие и родственные с убийством – зависть, ненависть, наветы и всякие подобного рода пороки. И вот те, которые без труда позволяют увести себя и, так сказать, даже концом перста не хотят дотронуться до того, чтобы мужественно вытерпеть нападение, – беспечно предоставляют победу врагам, как «свекла недоваренная», по слову пророка (Ис.51, 20), как бы поверженные на землю и без борьбы простертые под ногами порочности. Напротив, люди, любящие добродетель и добрые, стремящиеся к вышней славе и желающие получить участие в вечной жизни, мужественно и отважно встречают нападения своих страстей, умерщвляя свою плоть и противясь рождающимся в ней и из нее движениям:

таким-то образом, с величайшим искусством отгоняя всякого рода порочность и грех, они ведут святую и беспорочную жизнь, обращаясь к каковым и божественный Павел говорит: «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф.6,14–16). Ибо святым весьма приличествует духовное всеоружие, стремиться к которому повелевает нам, хотя и иным способом, и Сам Спаситель: "да будут, – говорит он, – чресла ваши препоясаны и обувь на ногах ваших светильники горящи» (Лк. 12, 35). Препоясание означает твердость (как бы стянутость одежды), нужную для того, чтобы страдать за добро и за любовь к Богу; обутое ноги – готовность и быстроту в удалении от мира, причем как бы тотчас ноги идут туда, куда повелевает Божественный закон; а горящие светильники означают нежелание жить во мраке и неведении и шествие во свете Христовом ко всему достойному удивления. Так, иудеям, которые по умоповрежденности не хотели поступать таким образом, Христос сказал: «ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма» (Ин.12,35). Итак, готовность к добродетели и мужество, соединенное с рассудительностью, – вот что делает любителя благочестия славным и знаменитым.

П. Хорошо говоришь.

К. В беспечной жизни мы не найдем славы, но, если кто изберет себе труд, тогда только он сделается славным и знаменитым. И действительно, когда сыны Израилевы еще жили в Египте, нечестивый фараон назначил грозных и жестоких надзирателей за их работами; а они, употребивши этот, хотя против воли их и по принуждению наложенный на них строгий образ жизни, как упражнение в страдании, получили на самом деле скорее пользу, чем вред. Устрашился фараон евреев, видя, что они разрастаются в безмерное множество, и решившись злодейски остановить такое их возрастание и умножение, «И поставили, – сказано, – над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами» (Исх. 1, 11). Однако этот умысел имел для евреев совсем обратный исход:

так как то угнетение, которому подверглись они, послужило поводом к еще большему возрастанию их, когда Бог премудро распорядился этим делом и злоухищрениям фараона противопоставил свою благодать: «Но чем более, – сказано, – изнуряли его, тем более он умножался и тем более возрастал» (Исх. 1, 12). Так и сатана причиняет скорби, скрежеща зубами своими на святых мужей и всегда набрасываясь особенно на тех, кого Бог усвоил себе, как Ему принадлежащих: "пищи своя его, – сказано, – избранные" (Авв. 1, 16): но подвергающиеся этим страданиям становятся посредством искушения лучше себя самих, и крепость в подвигах, без сомнения, являет их более славными; так что, чем сатана замышляет огорчить и повредить, этим особенно, вопреки своей воле, он приносит пользу, и посредством чего он думал победить, тем самым делает их еще более сильными. Когда же упомянутый коварный замысел имел неожиданный для фараона конец и когда уже поздно, и то с трудом, фараон начал замечать, что то, чем он хотел повредить евреям, приносит им пользу, он немедленно изменяет способ своего злоумышления: призвав повивальных бабок евреянок, говорит им: «когда вы будете повивать у Евреянок, то наблюдайте при родах: если будет сын, то умерщвляйте его, а если дочь, то пусть живет. Но повивальные бабки боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский, и оставляли детей в живых» (Исх. 1, 16–17). Когда этот нечестивый и кровавый замысел против еврейского народа не осуществился, так как Бог не допустил бабок до такого нечестия, тогда фараон переходит наконец к явному насилию и не считает уже нужным скрытно утеснять евреев, но предпринимает открытую войну и определяет бесчеловечную смерть рождающимся: «Тогда фараон всему народу своему повелел, – сказано, – говоря: всякого новорожденного [у Евреев] сына бросайте в реку, а всякую дочь оставляйте в живых» (Исх. 1, 22). Женский пол его нисколько не озабочивает, так как женщина не отличается воинственным духом и способностью к мудрости; напротив, беспокоит его в том и другом отношении мужеский пол, как мудрый и воинственный. Так и оскверненному убийством дракону, разумею сатану,

весьма приятно и вожделенно женоподобное настроение души, изнеженное и робкое и притом страждущее неспособностью к мудрости; напротив, ему враждебна и страшна готовность к мужеству, препобеждающая изнеженность и возвышающаяся над робостью, равно как и сильный ум. По сей-то, конечно, причине женский пол он сохраняет живым и не простирает на него своего злодейского умысла и намерения; так как глупо было бы, думаю, стараться вступить в борьбу с теми, которые уже сами по себе простерты на земле и так слабы, что по собственному побуждению охотно подчиняются. Напротив, мужеский пол он старается истребить, ввергая его в среду искушений. Это, мне кажется, воспевают и божественный Давид, говоря: «если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас, когда возгорелась ярость их на нас; воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею» (Пс.123, 2–4).

П. Это так.

К. Теперь обрати внимание на способ злоумышления. Сначала фараон изнурял их тяжелыми работами, злодейски ухищряясь посредством придуманных им утеснений достигнуть того, чтобы евреи не возросли до большего числа. Но это угнетение было еще тайное, и цель тирана не очень ясна. Этому злоумышлению противостала, как я недавно сказал, благодать милующего Бога; так что чем больше евреи были угнетаемы, тем больше возрастала их сила и число. Потом, во-вторых, фараон захотел вооружить повивальных бабок против еврейских женщин: но и этому не попустил Бог осуществиться. Наконец, третьим и последним способом злоумышления было то, что он, не скрывая более своей тайной лютости, повелел всему своему народу истреблять мужеский пол. Так и сатана невидимо ведет войну с людьми мужественными и слагает свои злоумышления как бы трояким способом. Начинает он войну коварными замыслами, препятствуя уму возрастать в добродетели: именно, устрояет так, что он бывает мучим неожиданными трудами и окружен тяжелыми испытаниями. Но, оказавшись не в состоянии причинить этим какой-либо вред, поскольку нам помогает Бог, сатана нередко возбуждает против

нас наших единоверцев и единоплеменников и старается поощрить их к вражде и брани с нами, о чем свидетельствует и Павел, говоря: «в опасностях между лжебратиями» (2Кор. 11, 26). Если же и это ему не удастся (так как Защитник святых ниспосылает им страх Божий, как некогда повивальным бабкам), тогда наконец он уже открыто возбуждает своих слуг к жестокости и убийству. Но и при этом мы будем крепко держаться любви к отваге и рвения к мужеству, зная, что ненавистное сатане драгоценно для Бога так что тех, которые препобеждают изнеженность, Он высоко ценит и удостоивает своего попечения.

П. Соглашаюсь. Но теперь, кажется, уже время рассмотреть это и на основании Священного Писания; ведь в доказательствах такого рода у тебя, конечно, нет недостатка.

К. В таком случае поговорим, если Бог даст, о том, что содержится в так называемых Числах (а это книга Моисеева): и "И сказал, – сказано, – Господь Моисею в пустыне Синайской, в скинии собрания, в первый [день] второго месяца, во второй год по выходе их из земли Египетской, говоря: исчислите все общество сынов Израилевых по родам их, по семействам их, по числу имен, всех мужеского пола поголовно: от двадцати лет и выше, всех годных для войны у Израиля, по ополчениям их исчислите их – ты и Аарон» (Чис.1,1–3). Что в божественную перепись и в книгу Божию зачисляются лица мужеского пола и притом самые воинственные и достигшие возмужалости, то есть крепости духовной и меры «возраста исполнения Христова» (Еф.4,13); это вполне ясно открывается из приведенного места Писания: потому что исчисляется именно мужеский пол и притом достигший двадцати лет и больше, как я думаю, не по другой какой-либо причине, как для того, чтобы мы могли уразуметь, что подлежит отвержению и негодна слабость сил и несовершенство смысла, которые мы считаем свойственными людям еще очень молодым и не достигшим еще той меры возмужалости, которую знает и определяет Божественный закон, то есть двадцатого года. Напротив, ценятся, находятся на счету и ведомы Богу по количеству, по родам, поголовно и поименно достигшие совершеннолетия лица мужеского пола.

Так святым Апостолам, которые были уже в таком мужеском возрасте и достигли такой меры разума, сказано однажды Христом: «однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк.10,20); и еще однажды: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф.10, 29–30). Выражение, что волосы их сочтены, думаю, весьма хорошо показывает, до каких подробностей простирается попечение об них. Итак, в книге Божией были записаны люди совершеннолетние и мужеского пола. Перепись совершалась чрез Моисея и Аарона, дабы в них обоих мы разумели одного Христа, в Моисее – как законодателя, а в Аароне – как первосвященника; так как Он соделался для нас и законодателем и вместе архиереем преподобным и незлобивым (Евр.7, 26), и чрез посредство Его совершается в божественных книгах перепись людей, достигших мужеского возраста и отличающихся в добродетели. К ним обращался и премудрый Иоанн, говоря: «Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого» (1Ин. 2, 13). Они-то и суть те, о которых мы только что сказали: «всех мужеского пола поголовно: от двадцати лет и выше, всех годных для войны у Израиля». Что Зиждитель, любя добродетель, усвоит Себе таких людей чрез охранение их и удостоивает их Своего попечения, это ты можешь, Палладий, видеть и из того, что написано тотчас вслед за тем. Именно, еще сказал Моисею и Аарону, очевидно, Бог: «с вами должны быть из каждого колена по одному человеку, который в роде своем есть главный» (Чис.1, 4). И так каждое колено поставляет себе вождем, защитником, главным советником и распорядителем действий более других славного и воинственного; они изображают Ангелов, которые охраняют людей избранных и внесенных в книгу жизни, так как о каждом праведнике написано: «ополчится Ангел Господень окрест боящихся его, и избавит их» (Пс.33, 8). А что мы, по изволению Божию, охраняемся помощью Ангелов, можно было бы отовсюду показать, и я считаю излишним в настоящее время

собирать доказательства этого; впрочем, желающие могут весьма удобно сделать это, если захотят.

П. Итак, в образе Моисея и Аарона – чрез Христа совершается перепись людей мужественных?

К. Так я говорю: потому что к такому заключению приводит нас, по вероятной догадке, сказанное у блаженного Даниила.

П. Что такое ты разумеешь?

К. Видел он Отца, явившегося как бы в старческом возрасте, покрытого седыми волосами и блистающего одеждami, подобными снегу: «судьи сели, – сказано, – и раскрылись книги. Видел я ... с облаками небесными шел как бы Сын человеческий ... до Ветхого днями и подведен был к Нему» (Дан.7,10,13). Итак, когда Единородный явился в подобном нам образе, тогда и Отец раскрыл книги, перестал судить повинных греху и предоставил, наконец, людям мужественным быть внесенными в перепись, зачислиться в небесные лики и содержаться в памяти Божией. Слышу также песнь блаженного Давида о тех, которые неистовствовали против Христа: «да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся» (Пс.68,29); они ниспали по слабости рассудка и по малодушию остались вне общества Христова, тогда как им была оказана почесть по благовому и человеколюбивому повелению Бога и Отца; потому что они званы были на брак, но лениво и небрежно отвечали святым, приглашавшим их на пир, говоря один: «я купил землю», другой: «я женился и потому не могу придти» (Лк. 14,18,20). Отовсюду слышен ответ: не могу; так как ум человеческий, склонившийся к мирским наслаждениям, немощен и бессилен к совершению дел Божиих; за то он и не будет участвовать в небесном и божественном празднике.

П. Итак, только совершеннолетние и мужественные и уже пришедшие в разум вносятся в божественную перепись и в книгу живота, а все иные отвергаются? Или как-нибудь иначе?

К. Прилежно и бодрственно устремив внимание на сказанное в Писании, ты уразумеешь истину. Ведь в перепись вносится не только тот, кто достиг возмужалости и имеет

двадцать лет от рождения, но постановлено также вписать «всяк мужеск пол». Понимаешь ли, о чем я говорю?

П. Понимаю.

К. Итак, если мыслимое во Христе мужество и люди, значительно способные действовать добродетельно, требуются преимущественно, так что те, которые достигли такой степени славы, сделавшись мужественными, воинственными и вышедши из детского разумения, имеют отдельную перепись: то и каждому из нас, друг мой, не подобает ли в переписи и славе какое-нибудь особенное и соответственное место, соразмерное светлости наших дел?

П. Утверждаю.

К. Ведь в числе святых Апостолов никогда не будет тот, кто не подобен им. Никак этого быть не может.

П. Правда.

К. Не утверждаем также и того, что вместе с людьми, весьма славными многовидною добродетелью и упражнявшимися в проведении жизни, весьма согласной с законом, может быть поставлен человек не такого рода; но ясно, что каждый получит долю по своей мере.

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, поскольку мы уверовали в Спасителя и Искупителя всех и в крещении обильно получили небесную и вышнюю силу, так как облеклись «силою свыше» (Лк. 24, 49), запечатленные Духом Святым, то и мы помещены в чине и ряду лиц мужеского пола и исчислены в книге Божией. Впрочем, тут есть и некоторое различие, а именно: более священные и святые помещаются в переписи как бы первыми и ближайшими к Богу; так как, хотя и одна у всех вера во Христа, не все, однако ж верующие одинаковы и равны по своим нравам и жизни, но, по слову блаженного Павла, «один так, другой иначе» (1Кор. 7, 7). Посему те, которые превосходят других строгостью жизни и потому более святые, занимают первое место в божественной переписи и в памяти Божией; а те, которые имеют меньше святости, потому что меньше у них добродетель, и в переписи находятся, без сомнения, на втором месте.

П. Но как можно сделать очевидным и это?

К. Из того же Писания. Наша речь не безосновательна; так как после того исчисления, которое Бог всяческих совершил относительно лиц мужского пола и зрелого возраста, Он преуказал нам потом и другого рода перепись. Вот что сказано об этом: «И сказал Господь Моисею в пустыне Синайской, говоря: исчисли сынов Левиных по семействам их, по родам их; всех мужского пола от одного месяца и выше исчисли. И исчислил их Моисей... по слову Господню, как повелено» (Чис.3, 14–16). Когда же таким образом сделана была перепись по племенам и по семействам, тотчас показывает итог, говоря: «Всех исчисленных левитов, которых исчислил Моисей и Аарон по повелению Господню, по родам их, всех мужского пола, от одного месяца и выше, двадцать две тысячи» (Чис. 3, 39). Вслед за тем присоединяет: «И сказал Господь Моисею: исчисли всех первенцев мужского пола из сынов Израилевых, от одного месяца и выше, и пересчитай их поименно; и возьми левитов для Меня, – Я Господь, – вместо всех первенцев из сынов Израиля, а скот левитов вместо всего первородного скота сынов Израилевых. И исчислил Моисей, как повелел ему Господь, всех первенцев из сынов Израилевых и было всех первенцев мужского пола, по числу имен, от одного месяца и выше, двадцать две тысячи двести семьдесят три. И сказал Господь Моисею, говоря: возьми левитов вместо всех первенцев из сынов Израиля и скот левитов вместо скота их; пусть левиты будут Мои. Я Господь. А в выкуп двухсот семидесяти трех, которые лишние против *числа* левитов, из первенцев Израильских, возьми по пяти сиклей за человека, по сиклю священному возьми, двадцать гер в сикле, и отдай серебро сие Аарону и сынам его, в выкуп за излишних против *числа* их" (Чис. 3, 40–48). Какое трудное, Палладий, и неудобное дело – понять такое разграничение, сделанное так тонко и так точно!

П. Ты говоришь правду. Однако же направь свой ум к исследованию, возлагая надежду на Христа, подателя всякого блага.

К. Заметь, что искомое в первой переписи есть все лица мужского пола и двадцатилетнего возраста, то есть разумные и

мужественные и настолько зрелые, чтобы они могли совершать угодное Богу. Но довольно об этом, потому что, я думаю, весьма достаточно и того, что сказано. А в эти две переписи (вторую и третью) по божественному и священному определению включаются из колена Левиина все вообще лица мужеского пола, а из остального множества народа не всякое без различия лицо мужеского пола, но только первородные, начиная в том и другом случае с одного месяца и выше. Число левитских детей было двадцать две тысячи, а число первенцев – двадцать две тысячи двести семьдесят три. После того Бог повелевает посвятить ему левитов вместо первенцев. Но так как оказалось, что число первенцев в народе больше на двести семьдесят три человека, то Законодатель определил, чтобы принесен был за них выкуп колену Левиину, дабы левиты совершали за них священнодействия и богослужения, так что этот выкуп был как бы уплатою за их непрерывное предстательство. Соглашаешься ли, что в этом состоит смысл приведенного места?

П. Соглашаюсь.

К. Итак, вот что я скажу, и моя речь, как кажется и как вероятно, не уклонится от цели. Когда происходило запоминание и как бы отыскивание мужества и рассудительности, мыслимых во Христе, тогда вносился в перепись мужеский пол, имеющий немалый возраст телесный. Но сверх того надлежало ясно указать и на перепись по вере и любви ко Христу, с присоединением различия, которое можно усматривать между верующими: так как одни из них вместе с принятием веры наблюдают святость в делах и повиновение Богу, другие же не всецелое совершают освящение, но отдают часть и мирским предметам. Посему-то Законодатель справедливо повелевает, чтобы несвященному предпочтено было священное, как бы в образе мыслимое в роде левитском, и устанавливает, чтобы в переписи оно имело первое место. Поэтому о роде левитском упоминает сначала, а за ним следует и к нему присоединяется мужеский пол и первородные. Ибо у Бога весьма высоко ценятся имеющие духовное мужество и сообразность со Христом, который есть первородный (Рим. 8,

29). Так, блаженный Павел к некоторым хромавшим в вере и расслабленным пустыми мыслями пишет: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал.4, 19). Итак, приемлется и вносится в книгу Божию всякий, кто по образу Христа первороден, принадлежит к мужескому полу и отличается мудростью. Заметь же, что из остальных колен, как я недавно сказал, исчисляются не все без различия лица мужеского пола, а только первородные; это потому, что не всякий человек отличается в вере и сообразности со Христом, но есть много и неверующих: а переписываются и исчисляются только первородные, ради Того, Который первороден в нас и «во многих братиях» (Рим. 8, 29). Напротив, в левином Роде в перепись и общее счисление вносится сряду всякое без различия лицо мужеского пола, потому что святое всецело принадлежит Богу. Вписывается одномесечный возраст и выше, по какой причине? Потому, что младенчество во Христе, свойственное верующим, не отвергается Богом, между тем весьма малый возраст есть как бы знак простоты во Христе и духовного младенчества. Как о людях, наиболее годных к войне, мы говорили, что перепись их прекрасно и безукоризненно сделана была начиная с двадцатилетнего возраста и выше, так теперь утверждаем, что одномесечный возраст служит ясным знаком младенчества во Христе. Подобное говорит и Павел: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1Кор. 14, 20).

П. Таким образом, нужно думать, что мы будем участвовать в том, что совершают с опасностью жизни святые, ведущие себя мужественно и приложившие большое старание о приобретении похвалы.

К. Конечно так: они, будучи сами преисполнены божественных даров, которые получили посредством трудов и усилий и бесчисленных подвигов, и нас сверх того преисполняют тем, что даровано им по любви Божией. Так и блаженный Павел, обращаясь к некоторым из уверовавших, говорит: «ибо я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему»

(Рим.1,11). Разве не назовешь ты небесным даром и духовным дарованием безукоризненное и неложное познание о Боге и точное ведение обо всем наилучшем?

П. Да; это знание животворно: потому что точное знание Того, Кто по естеству и истинно есть Создатель всего и Бог, и каков наилучший путь жизни, ведет к долговечной и нескончаемой жизни.

К. Ты сказал правильно. И Сам Христос, научая нас этому, заповедал Апостолам: «даром получили, даром давайте» (Мф.10,8). Но, кроме того, и в другом отношении светлость святых может быть бесполезною для других людей, а именно: в их достохвальных делах как бы исчезают наши падения, и добротолубивый наш Бог, по вниманию к душевной крепости славных мужей, прощает и слабейшим их проступки. Так, например, израильтяне, неудержимо устремясь к преслушанию и не оставив неиспытанным никакого вида непотребства, неизбежно возбудили против себя гнев Законодателя; но когда Сей восхотел уже наказать тех, которые столь грубо оскорбили Его, за их дерзость, а между тем пророк Иеремия вознес Ему молитвы за них, то что же отвечал ему Бог? "Походите, – сказал Он, – по улицам Иерусалима, и посмотрите, и разведайте, и поищите на площадях его, не найдете ли человека, нет ли соблюдающего правду, ищущего истины? Я пощадил бы *Иерусалим*" (Иер.5, 1). Точно так же Он сказал, что отвратил бы наказание огнем от содомлян, если бы между ними нашлось хотя бы пять человек праведных и добрых. Таким образом, и весьма великих грешников заслуги святых иногда избавляют от немедленного наказания, смягчая гнев Божий и удерживая ярость. Что же касается до тех, которые искренно приняли веру, но не могут достигнуть такой крепости душевной, чтобы собственным трудом приобретать богатство божественных даров, таковых святые делают участниками в своей славе, руководствуя их, сколько возможно, привлекая ко всему тому, что угодно Богу, делая их общниками своих подвигов и подавая душам других людей то, чего сами едва достигают с великим трудом. Что мы действительно будем соучастниками святых в присущей им доблести и общниками их подвигов вследствие

того, что Бог по своей кротости и человеколюбию как бы смешит и сольет воедино наши прегрешения с их праведностью и недостаточное соединит с совершеннейшим, чтобы оно было приемлемо, это можно доказать также из следующего.

П. Что ты имеешь в виду?

К. Моавитяне и мадианитяне, народы нечестивые и варварские, населяли, однако, землю обетования, которую должны были унаследовать сыны Израилевы. Когда война была уже близка и должна была наступить немедленно, так что им (моавитянам и мадианитянам) предстояло в скором времени погибнуть, так как они не в состоянии были противостать войску израильскому, тогда они сделали попытку отогнать врагов при помощи искусства волхвования и других употреблявшихся у них нечестивых средств. Но когда, несмотря на все их усилия, они не могли причинить врагу никакого вреда (поелику Сам Бог защищал его и заставил лжепророка Валаама произнести на него благословение вместо проклятия, для которого он был нанят), тогда, находясь в крайне затруднительном положении, решили между собою, что они не иначе могут повредить Израилью, как если он оскорбит Бога – своего Защитника и, лишившись чрез то вышней помощи, решится вступить в сражение. Зная же, что мужеский пол пылок и стремителен к женскому и что молодость небезопасна против такого рода нечистых удовольствий, подослали для непотребного соития с израильтянами разряженных развратниц, красотою которых легко увлекался всякий, кто имел в себе склонность к плотскому греху и, следуя внушениям которых, мало-помалу отвлекался от служения Богу. Таким образом, к блудодеянию у них присоединился недуг богоотступничества, как написано: «И прилепился Израиль к Ваал-Фегору» (Чис.25, 3); то же сказал Бог устами пророка: «вы сами на стороне блудниц» (Ос.4,14). Сильно вознегодовал на это, и весьма справедливо, Законодатель, и это дело не прошло безнаказанным для израильтян; так как за это они тотчас подпали несносным бедствиям, когда блудники стали подвергаться истреблению от рук братьев своих и ближних. Вслед за тем Бог повелел предпринять войну против мадианитян, сказав

священноучителю Моисею: «отмсти Мадиянитянам за сынов Израилевых, и после отойдешь к народу твоему. И сказал Моисей народу, говоря: вооружите из себя людей на войну, чтобы они пошли против Мадиянитян, совершить мщение Господне над Мадиянитянами; по тысяче из колена, от всех колен ... Израилевых пошлите на войну. И выделено из тысяч Израилевых, по тысяче из колена, двенадцать тысяч вооруженных на войну. И послал их Моисей на войну, по тысяче из колена, их и Финееса, сына Елеазара..., священника, на войну, и в руке его священные сосуды и трубы для тревоги. И пошли войною на Мадиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужеского пола; и вместе с убитыми их убили царей Мадиямских: Евия, Рекема, Цура, Хура и Реву, пять царей Мадиямских, и Валаама, сына Веорова, убили мечом...; а жен Мадиямских и детей их сыны Израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их и все имение их взяли в добычу, и все города их во владениях их и все селения их сожгли огнем; и взяли все захваченное и всю добычу, от человека до скота; и доставили пленных и добычу и захваченное к Моисею и к Елеазару священнику и к обществу сынов Израилевых, к стану, на равнины Моавитские, что у Иордана, против Иерихона. И вышли Моисей и Елеазар священник и все князья общества навстречу им из стана. И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стона начальников, пришедших с войны, и сказал им Моисей: [для чего] вы оставили в живых всех женщин? вот они, по совету Валаамова, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору, за что и поражение было в обществе Господнем; итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя» (Чис.31, 1–18). После того, как Бог заповедал это, отборные юноши собирались для ведения войны и из каждого колена стекались наиболее выносливые и отличные, дабы лучшие люди из каждого колена послужили во славу всему народу и доблесть части перешла бы на целое, по премудрому изречению Павла: «Посему, страдает ли один член,

страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1Кор.12, 26).

П. Правильно рассуждаешь.

К. Итак, против мадианитян выступило крепкое войско отборных юношей, – находился при них и Финеес, сын священника, были тут также священные сосуды и трубы, называемые сигнальными. Ибо людям мужественным всегда бывает соратником и сотоварищем Христос, наш великий первосвященник; сражаются вместе с ними и Ангелы, на которых символически указывают священные сосуды: потому что живущие на небе разумные духи суть подлинно святые и священнодейственные сосуды, так как они поставлены Богом на помощь нам. Равным образом тут находятся и сигнальные трубы, то есть речи проповедников о Боге, которые весьма ясно дают знать, как надобно преодолевать врагов, то есть существующие в нас страсти. Итак, священник, то есть Финеес, есть изображение Христа, святые сосуды – Ангелов, а сигнальные трубы – тех, которые возвещают нам слово Божие. Таким образом, мы без труда препобедим во Христе наших противников, говоря то, что поется в Псалмах: «С Тобою избодаем рогами врагов наших; во имя Твое попрем ногами восстающих на нас» (Пс.43,6), что действительно и сделали израильтяне. Опустошив все города и всю страну мадианитян, они представили всю добычу Елеазару жрецу и всему сонму сынов Израилевых: это означает, что праведные дела святых суть как бы священные приношения первосвященнику всех Христу и не остаются сокрытыми для народов, по слову Писания: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Лк. 8, 17). Итак, то, что все плененное приводится пред взоры священника и всего народа, сделано образно и предусмотрительно. Впрочем, Моисей укорил победителей за то, что они совершили дело не вполне точно и безукоризненно; так как, сказал он, не следовало брать в плен живыми мужчин, а также и женщин, познавших брачное ложе. С исторической стороны это вполне убедительно; потому что в той стране, которая вскоре должна была перейти во владение

израильтян, конечно, надлежало истребить мужеский пол, так как он в короткое время достиг бы зрелого возраста и силы и сделался бы враждебным народу Израильскому; а вместе с мужчинами следовало истребить и женский пол, так как он сделался причиной соблазна и, если бы остался цел, вероятно, снова стал бы тем же. Что же касается до духовного созерцания, то, думаю, можно усмотреть в изложенном искусно выраженное вот что.

П. Что такое?

К. Избранные из каждого колена воины, хотя и одержали победу, не остались, однако ж свободными от обвинения. Этим указывается, и притом очень ясно, на то, что даже те, которые отличаются мужеством, никогда не будут иметь совершенной безукоризненности: потому что и то, что кажется нам сделанным правильно, никаким образом не останется свободным от порицания и вины, как скоро Сам Бог подвергнет это тщательному исследованию и испытанию. Посему и написано: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит?» (Пс.129, 3) – также: "От тайных *моих* очисти меня от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною» (Пс.18, 13–14). Итак, в мужестве даже избранных людей можно находить нечто достойное справедливого порицания, что усматривается ведением Законодателя, хотя и ускользает от нашего взора; ибо мы никаким образом не можем дознать этого, по слову Писания: «грехопадения кто разумеет?» (Пс. 18, 13) И Исайя в одном месте говорит, что «и вся праведность наша – как запачканная одежда» (Ис.64, 6); потому что мы никогда не можем иметь очень большого совершенства и непорочности. Также и мудрейший Павел, хотя и написал: «я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь» (1Кор. 4, 4) Укоризна, далее, сделана Моисеем не всем вообще, но только военачальникам, тысяченачальникам и стоначальникам; ибо «сильные сильно будут истязаны» (Прем.6,6): преимущественно к ним должен применяться закон во всей строгости, как написано: «ему же дано будет много, много взыщется от него» (Лк. 12, 48). Посему-то ученик Спасителя и написал: «Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная,

что мы подвергнемся большому осуждению» (Иак.3,1). Итак, обвинение, относящееся ко всем, прилагается только к военачальникам и предводителям отрядов; так как при бдительности начальников подчиненные почти всегда ведут себя похвально. Посему и написано народу, находящемуся в подчинении: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет» (Евр.13,17). После же избиения женщин и детей божественный Моисей не позволяет воинам поселиться в стане неочищенными, но повелевает предварительно очиститься, говоря: «и пробудьте вне стана семь дней; всякий, убивший человека и прикоснувшийся к убитому, очиститесь в третий день и в седьмой день, вы и пленные ваши; и все одежды, и все кожаные вещи, и все сделанное из козьей *шерсти*, и все деревянные сосуды очистите» (Чис.31, 19–20). Видишь, что даже совершеннейший и славный между нами род людей избранных не вполне беспорочен, ибо никто не чист от скверны (Иов 14, 4), хотя бы кто отличался между людьми, для которых похвальное есть дело обычное: ибо совершенная святость блюдется до будущего века. Итак, Моисей повелевает победителям находиться вне стана и совершить очищение в третий день и седьмой. Третий день означает или третье время, в которое совершилось через Христа очищение, – время, следовавшее за временем Моисея и тем, когда явлен был лик святых пророков; или же время Воскресения, когда Христос восстал от мертвых, пригвоздив к честному кресту бывшее против нас рукописание и претерпев за нас страдание, разрешившее нас от греха (Кол. 2, 14). Седьмой же день побуждает нас разуметь время окончания настоящего века, когда, совершенно отбросив бремя греха и получив в удел святость, мы будем со Христом, проводя жизнь непорочную, чистую и блаженную во Христе.

П. Хорошо сказано, по моему мнению.

К. Ты удивишься сверх того и следующей далее тайне Тотчас за Моисеем начинает речь священник Елеазар и говорит «И сказал Елеазар священник воинам, ходившим на войну: вот постановление закона, который заповедал Господь Моисею:

золото, серебро, медь, железо, олово и свинец, и все, что проходит через огонь, проведите через огонь, чтоб оно очистилось, а кроме того и очистительною водою должно очистить; все же, что не проходит через огонь, проведите через воду; и одежды ваши вымойте в седьмой день, и очиститесь, и после того входите в стан» (Чис.31, 21–24). Заметь, что Моисей, который говорил сначала, указал победителям время очищения, но еще не указал способа очищения (потому что закон предвозвещает время очищения чрез Христа), а способ возведен был вторым, следующим за Моисеем, священником, то есть Елеазаром: потому что после Моисея дает установления Христос, Который уже не указывает времени очищения, так как время уже наступило, но открывает способ очищения и, так сказать, полагает пред глазами, наконец, самую тайну, изъясняя подлинную цель закона. Елеазар повелел, чтобы сосуды, которые могли выдержать силу огня, были пронесены чрез огонь; все же прочее, что по природе не имело в себе крепости, но было слабо и легко могло подвергнуться совершенному уничтожению, то есть одежду и изделия из кожи и дерева, повелел пронести чрез воду, под сосудами золотыми, серебряными и из других подобных веществ прикровенно разумея нас, для которых было совершено Христом очищение, как огнем, так и водою; так как мы крещены «Духом святым и огнем» (Мф.3, 11). Итак, пронесение чрез огонь и воду того, что собрано было из пленной добычи, ясно указывает на очищение нас, которых, как бы бывших прежде достоянием дьявольским, Христос приобрел себе, войдя в дом сильного, расхитив сосуды его и связав сильного (Мф. 12, 29). Далее, Елеазар повелел победителям войти в стан только тогда, когда они в седьмой день омоют одежды свои и таким образом сделаются чистыми. Так и полное очищение и отложение всякой скверны совершится в последние времена скончания мира, когда, как я недавно сказал, совершенно истребится грех и человеческая природа будет возведена к первоначальной и древней красоте своей: "будет тогда, – сказано, – «...и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему ... И возвратятся избавленные Господом» (Ис.35, 8–10). Я думаю,

что это объяснение не уклоняется от цели. Впрочем, если пожелает кто-либо иначе разумать это место, мы скажем вот что: постановлено, чтобы сосуд каждого из победителей, будет ли он сделан из золота, или серебра, или меди, или же из другого какого-нибудь подобного вещества, прошел чрез огонь; это потому, что, как пишет блаженный Павел: «и огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (1Кор.3,13); сверх того, поведено пронести и чрез воду, так как слово псалмопения научает нас, что души святых испытываются не иначе, как подобными способами. Именно, Давид воспевал: «Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро. ...Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» (Пс.65, 10, 12).

П. Однако же, почтеннейший, более любознательные могут сказать: как сражались и победили мадианитян избранные еврейские воины и каким образом очистились от полученного на войне осквернения, это достаточно разъяснило нам твое рассуждение; но пора уже показать, будем ли мы на самом деле участвовать в храбрости мужественных людей и сделаемся ли соучастниками их отличных дел, хотя бы мы и не имели полного равенства с ними в добродетели и уступали им в отважности? Это ведь обещался ты разъяснить в своем рассуждении.

К. Да ведь немедленно и тотчас следует далее относящееся сюда постановление, которое дает весьма ясное и нетрудное для уразумения указание. «И сказал Господь Моисею, говоря: сочти добычу плена, от человека до скота, ты и Елеазар священник и начальники племен общества; и раздели добычу пополам между воевавшими, ходившими на войну, и между всем обществом; и от воинов, ходивших на войну, возьми дань Господу, по одной душе из пятисот, из людей и из крупного скота, и из ослов и из мелкого скота; возьми это из половины их и отдай Елеазару священнику в возношение Господу; и из половины сынов Израилевых возьми по одной доле из пятидесяти, из людей, из крупного скота, из ослов и из мелкого скота, и отдай это левитам, служащим при скинии Господней. И сделал Моисей и Елеазар священник, как повелел Господь Моисею» (Чис.31 25–31). И так немедленно было

исполнено боговещанное повеление: произведено было тщательное и точное исчисление добычи и разделение на половины; участки или начатки Господу отданы были Елеазару священнику и колену Левиину. Что же? Может ли твой ум преодолеть забвение и припомнить то, что мы сказали в начале?

П. Что такое?

К. Не сказано ли в Священном Писании, что по тысяче от каждого колена собрано было для ведения войны?

П. Действительно сказано.

К. А равно, не говорили ли мы прямо и ясно, что слава и хвала одной части перейдет на целое, так как кротость и человеколюбие Божие весьма хорошо устрояет это для нас, дабы, так сказать, от одного благовоннейшего курения, составленного из различных родов благовоний, возносилось к Богу одно общее благоухание и вместе с отличнейшею частью получала похвалу и не столь отличная?

П. Правда: это-то самое и намеревались мы исследовать.

К. Смотри же, как ясно устанавливает это Бог для сынов Израилевых. Хотя с мадианитянами сражались избранные по тысяче из каждого колена воины, и приобрели победу, думаю, с трудом и потом, но взятую на войне добычу они немедленно разделили со всем обществом, и таким образом доблестными делами людей мужественных почтено было и остальное множество народа: "разделите, – сказано, – корысти ты и Елеазар жрец и князи отечеств сонма: и разделите корысти между воины ходившими на брань и между всем сонмом» (Чис.31, 26–27). Что вместе с избраннейшими и знаменитейшими прославится и несколько недостаточное, идущее позади их величия, это дает понять и божественный Павел: перечислив древних святых, сделавшихся достохвальными по вере и стяжавших лучезарную славу ревностным богопочитанием, говорит: «Все сии умерли в вере, не получив обетований ... потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (Евр.11, 13, 40), также и к другим (Коринфянам) пишет: вы уже совершенны, «вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в

самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!» (1Кор.4,8). Видишь ли, как вместе с теми, которые достигли совершенства, совершенствуются и те, которые находятся в ряду недостаточных, и благословляются вместе с избранными те, которые по своим силам неравны им? И божественный Давид воспевает: «Благословенны вы Господом, сотворившим небо и землю. ... Господь помнит нас, благословляет [нас], благословляет дом Израилев, благословляет дом Ааронов; благословляет боящихся Господа, малых с великими» (Пс.113, 23, 20–21). Вместе с великими благословляются и называемые малыми, которые хотя не могут похвалиться равною с ними силою и уступают им в готовности переносить страдания, но равняются им, может быть, ревностью и верою и радуют Христа своею посильною твердостью. Моисей и Елеазар могут быть образом единого первосвященника и законодателя Христа, разделяющего народу корысти в присутствии святых Ангелов, образом которых могут быть начальники племен общества. Разве ты не признаешь, что на земле присутствуют многие святые Ангелы, поставленные Богом, чтобы подавать помощь верующим и руководствовать народы?

П. Признаю; как же этого не признать?

К. Мы ждем, что Христос приидет с неба со святыми Ангелами, воссядет на престол славы Своея и воздаст каждому должную ему награду и соответствующую его добрым делам почесть. Так и премудрый Исаия говорит о Христе: «Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис.53,12). Итак, разделение благ совершено будет Христом, что прообразовано в Моисее и Аароне, так как Христос есть вместе и законодатель, и первосвященник.

П. Весьма хорошо ты сказал.

К. Но не заслуживает ли удивления также и самый способ разделения добычи?

П. Конечно так: потому что одинаковую долю с сражавшимися получили и остававшиеся в покое.

К. Вовсе не одинаковую, но гораздо меньшую. Правда, одну половину всей добычи получили сражавшиеся, а другую половину все общество. Но ведь число сынов Израилевых простиралось до шестисот трех тысяч пятисот пятидесяти, причем было оставлено в стороне и не вошло в перечень колена назначенное для священнодействий (Чис.1, 46–47), а между тем количество сражавшихся было – по тысяче с колена. Посему, если вся добыча была разделена пополам и если та и другая часть народа получила по половине всего, то, без сомнения, гораздо большая награда досталась тем, которых было меньше, а не тем, которых было больше и которые превосходили числом. Итак, какова ни будет та слава и мера небесного дара, которая некогда дана будет всему народу, во всяком случае как бы ровно половина ее отделена будет избранным и показавшим себя достойными божественного внимания, а другая половина дастся всей остальной массе народа, хотя бы она и была гораздо многочисленнее: «много званых, а мало избранных» (Мф.20,16). (Понимаешь ли ты сказанное?) Ведь это нелегко для уразумения.

П. Понимаю. Хотя мы и будем участниками в славе святых, но в меньшей мере, чем они: ведь это самое довольно ясно дает понять твое рассуждение.

К. Правильно ты сказал. Но обрати внимание кроме того и на другое, посредством чего особенно легко можно усмотреть дерзновение пред Богом людей мужественных.

П. Что такое ты разумеешь?

К. Двенадцати тысячам воинов Бог повелел из отделенной им половины всей добычи представить первосвященнику по одной голове с пятисот, как из людей, так и из скота, – это было от них данью Господу. Остальному же множеству народа Бог заповедал отдать священному колену по одной душе с пятидесяти. Если опять принять, что Елеазар изображает собою единого и поистине единственного первосвященника, то есть Христа, то будет следовать, что дары людей избранных посвящаются Христу исключительно и истинно и как бы лично: ибо они приносят их Ему самому, без посредства чьего-либо, что действительно и делали блаженные ученики Христовы,

делают еще и ныне учителя народов, посвящая Христу, как исключительно Ему приносимый дар, свои труды по проповеданию Слова Божия. А остальное множество людей похваляемых хотя совершает дароприношения во славу Христа, но совершает при посредстве святых, так как святые разумеются под священным коленом; ибо сказано: «род избранный, царственное священство» (1Пет. 2, 9). Итак, благоговение и страх пред Богом тех людей приемлется при посредстве святых, потому что хотя они и приносят дары, но не такие, которые относились бы собственно к лицу Самого Христа. Нечто подобное старались совершать те, которые составляли сборы в пользу бедных (1Кор. 16, 1 и сл.), посылали вспомоществования святым, жившим в Иерусалиме (2Кор. 9, 1; Рим. 15, 25–26), или же другим каким-либо служением доставляли пользу людям, посвященным Богу. Таким образом, дары людей отличнейших приносятся Самому Богу, а дары менее совершенных приносятся чрез посредство святых и занимают второе место. И притом первые отдают по одной душе с пятисот, а вторые с пятидесяти; это потому, что люди достохвальные имеют меньше долгов, так что и приношение их меньше; а менее совершенные имеют гораздо больше долгов, потому и количество приносимого ими больше; соответственно падениям каждого приносятся и дары за них. Кому больше отпущено будет, тот, сказано, больше возлюбит; и кому меньше отпускается, тот меньше возлюбит (Лк. 7, 47). Так вот почему в десять раз более чем избранные приносят те, которые не равны с ними, не потому, будто последние более благочестивы и ведут более похвальную жизнь, но потому, что они, будучи подвержены гораздо большим преткновениям, неизбежно имеют нужду и в гораздо большем очищении; так как, по слову Спасителя, «омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь» (Ин. 13, 10). Таким образом, и святые люди имеют нужду в очищении, хотя и весьма малом, поскольку природа человеческая страждет тем недугом, что она не может быть совершенно непричастною греху.

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, избранные из каждого колена воины, повинаясь Божественному постановлению, разделили военную добычу со всем обществом и принесли дары Господу сообразно с предписанным порядком; между тем предводители избранных чтят Бога превосходнейшими дарами, как имеющие более блестящую славу сравнительно с теми. Вот что о них написано: «И пришли к Моисею начальники над тысячами войска, тысяченачальники и стона начальники, и сказали Моисею: рабы твои сосчитали воинов, которые нам поручены, и не убыло ни одного из них; и *вот*, мы принесли приношение Господу, кто что достал из золотых вещей: цепочки, запястья, перстни, серьги и привески, для очищения душ наших пред Господом. И взял у них Моисей и Елеазар священник золото во всех этих изделиях; и было всего золота, которое принесено в возношение Господу, шестнадцать тысяч семьсот пятьдесят сиклей, от тысяченачальников и стона начальников. Воины грабили каждый для себя. И взял Моисей и Елеазар священник золото от тысяченачальников и стона начальников, и принесли его в скинию собрания, в память сынов Израилевых пред Господом» (Чис.31, 48–54). Слышишь, сколь точное, говорит Писание, сделано было исчисление сражавшихся, так что не осталось никого, кто не принес бы дар, согласно с Божественным благоизволением? Но кроме того они (предводители) говорят, что и сами они решили принести от себя Богу то, чего он не повелевал приносить, – запястья, ожерелья, серьги и другие украшения, сделанные из золота. Ведь Законодатель повелел принести дары от людей и от скота, и эти дары, согласно с Божественным и небесным постановлением, были уже принесены: но предводители избранных воинов делают еще добровольное приношение из отборных драгоценностей и таким образом своею щедростью идут далее назначенной законом границы. Получив эти дары, Моисей и Аарон вносят их во святую скинию и сохраняют там в память пред Господом. Так и предводители народов и поставленные в начальники чтят Бога блестящими и превосходнейшими приношениями, предлагая и посвящая Ему, как бы некоторое украшение, многовидную добродетель; как бы

превышая меру самого закона, они и славу получают более блестящую.

П. Что такое, например, ты разумеешь?

К. Возвещающим Евангелие Христос определил и жить от Евангелия (1Кор. 9, 14); это старался подтвердить Павел и постановлением закона, когда в одном месте писал: «те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника» (1Кор. 10, 18), – а в другом доказывал неотразимыми примерами совершенную безвинность этого, говоря: «Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон? Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог? Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, *должен молотить* с надеждою получить ожидаемое». Тотчас вслед за этим он присовокупил: «Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное? Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сею властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову». Потом подтверждает это, говоря: «За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно» (1Кор. 9, 7–12, 18). Видишь ли, как он превышал установленное Христом и древним законом? Имея власть жить от благовествования, он без-возмездно предлагал благовествование, посвящая Христу это дело как добровольный дар. Точно так же ни древний закон, ни новое проповедание не узаконили для нас безбрачия, как говорит и Павел: «Относительно девства я не имею повеления Господня» (1Кор. 7, 25); однако же очень строгие ревнители благочестия, умерщвляя свою плоть, приносят Богу, как блестящий дар, свое, превосходящее закон воздержание и, как некоторое искусно сработанное украшение, свою отличную жизнь, составленную из дел и слов. Моисей и Аарон, сказано, внесли во святую скинию принесенные дары: это потому, что Христу приятны и составляют богатство и блестящую похвалу праведные дела

святых людей, посредством которых они также приобретают себе продолжительную, а вернее нескончаемую память и являют себя достойными Божественного внимания; так как на нечто таковое указывают слова, что приношения положены пред Господом. Поистине великое и отличное это дело – находиться пред очима Божиими; потому что Бог оказывает необычайно великую честь тем, кого удостоивает Своего воззрения.

П. Из многого доселе сказанного, кажется, открывается, что нам должно убедиться и признать, что приношение даров Богу никому другому так не приличествует, как людям весьма мужественным и привыкшим приобретать славу.

К. Дельно, Палладий; ты судишь правильно. И не только по самому существу дела это так должно быть, но об этом свидетельствует и Священное Писание. Когда во время продолжавшегося еще пребывания сынов Израилевых в пустыне Бог восхотел воздвигнуть святую скинию, во образ и начертание церкви, состоящей из язычников, тогда Он также повелел собрать все нужное для этого. Он так сказал священноучителю Моисею: «когда будешь делать исчисление сынов Израилевых при пересмотре их, то пусть каждый даст выкуп за душу свою Господу при исчислении их, и не будет между ними язвы губительной при исчислении их; всякий, поступающий в исчисление, должен давать половину сикля, сикля священного; в сикле двадцать гер: полсикля приношение Господу; всякий, поступающий в исчисление от двадцати лет и выше, должен давать приношение Господу; богатый не больше и бедный не меньше полсикля должны давать в приношение Господу, для выкупа душ ваших; и возьми серебро выкупа от сынов Израилевых и употребляй его на служение скинии собрания; и будет это для сынов Израилевых в память пред Господом, для искупления душ ваших» (Исх.30,12–16). Вот опять Законодатель повелевает сделать точное исчисление и приказывает собрать дань Господу по половине дидрахмы. Он ясно определяет также, кто должен принести дань: не женщинам и не тем, которые были еще в детском возрасте, позволил Бог сделать это; чрез то, я думаю, Он отвергает все бессильное, изнеженное и несовершенно по уму и как бы

вписывает в число обязанных приносить дары возмужалых и цветущих юношей, являющихся к пересмотру, которым Он назначил двадцатый год от рождения. Так по закону оказываются достойными приносить Господу дары только те, которые стали уже выше детского смысла и женского разумения, возросли уже в меру мужа и достигли полноты возраста, разумеемого во Христе и духовного (Еф.4,13). Таковые идут на пересмотр, то есть являют себя достойными предстать пред очами Божиими, как воспевается в Псалмах: «Очи Господни *обращены* на праведников» (Пс.33,16). Выкуп назначен был за спасение приносящих, для устроения святой скинии и в память пред Господом: так и доблестные дела святых устроят церкви и полезны для украшения святой скинии, а вместе с тем совершают спасение души и венчают нескончаемую славой людей мужественных. Не правда ли, ведь мое рассуждение представляется тебе верным?

П. Да, вполне.

К. Итак, Бог повелел взыскать выкуп, то есть дидрахму, – в этом состояла дань людей, достигших мужеского возраста. А предводители колен прибавили к предписанному законом и принесли еще большие и достойнейшие дары, избранные из находившихся у них вещей, как написано: «князья же приносили камень оникс и камни вставные для ефода и наперсника, также и благовония, и елей для светильника и для *составления* елея помазания и для благовонных курений» (Исх.35, 27–28). Не сродно ли это с тем, о чем говорили мы немного ранее? Так большинство сражавшихся принесли Богу, по данной заповеди, часть из пленной добычи от человека до скота, а тысяченачальники и сотники присоединили к этому запястья, ожерелья, цепочки, перстни и всякого рода изделия из золота, что все Елеазар жрец и положил в самой священной скинии. Здесь все множество возмужалых платит по дидрахме, а начальники опять приносят отборные камни для нарамника и слова, которые принадлежали к украшению первенствующего в священстве. Так и вожди народов приносят на украшение Христу себя самих, как бы какие драгоценные камни; посему и пророк говорит, указывая этим на святых Апостолов: «камение

свято валяется на земли» (Зах.9, 16); таковым, например, был божественный Павел, обошедший страны от Иерусалима до Иллирика ради проповеди евангельской (Рим. 15, 19). Итак, драгоценные камни во славу Христа составляет сонм святых. Они же суть и елей помазания, и сложение фимиама, так как распространяют вокруг себя, как благоухание, ведение о Христе и, как бы елеем, премудрым учением и словами, внушенными Духом, утучняют души людей тайноводствуемых. Фимиам, сказано, был составной: потому что ведение о Христе слагается из двух сторон, так как Он есть вместе Бог и человек, – впрочем из обоих один, Сын и Христос, которому сказано в одном месте и нами самими: «имя твое – как разлитое миро» (Песн.1, 2).

П. Итак, пред очами Божиими находятся люди воинственные и сильные и плод их – устройство церквей и все, что служит к славе Божией, – это открывается нам из того, что рассмотрено.

К. Ты сказал правильно. А что тем, которые всегда ведут себя так похвально, дан будет Богом славный и особенный жребий и участие во всех благах, – в этом как или почему мог бы кто-либо сомневаться? Или не слышишь, что воспевает Давид: «труды плодов твоих снеси» (Пс.127, 2), а также что пишет мудрый и священный Павел: «Что посеет человек, то и пожнет» (Гал.6, 7.)

П. Я знаю это.

К. Конечно, не останется без награды тот, кто ведет себя мужественно, и без сомнения верен сказавший: «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его» (Евр.6, 10). Да, отнюдь не забудет Бог, но раздаст награды за труд тем, которые препобеждают леность, ведущую ко греху. В этом убедит нас следующее место из той же книги Чисел: «сказал Господь Моисею и Елеазару, сыну Аарона, священнику, говоря: исчислите все общество сынов Израилевых от двадцати лет и выше, по семействам их, всех годных для войны у Израиля» (Чис. 26, 1–2). Затем по совершении счисления по племенам и коленам, «И сказал Господь, – написано далее, – Моисею, говоря: сим в удел должно разделить землю по числу имен; кто многочисленнее,

тем дай удел более; а кто малочисленнее, тем дай удел менее: каждому должно дать удел соразмерно с числом вошедших в исчисление; по жребию должно разделить землю, по именам колен отцов их должны они получить уделы; по жребию должно разделить им уделы их, как многочисленным, так и малочисленным» (Чис. 26, 52–56). Таков был закон наследия для тех, которые достигли двадцатилетнего возраста. После счисления простого народа исчисляется род левитов: «по поколениям их..., – сказано, – Вот поколения Левиины: поколение Ливниевое, поколение Хевроново, поколение Махлиевое, поколение Мушиевое, поколение Кореево» (Чис. 26, 57–58). Исчислив потом род Моисея и Аарона, опять продолжает (Писание) о сынах Левииных: «И было исчислено двадцать три тысячи всех мужеского пола, от одного месяца и выше; ибо они не были исчислены вместе с сынами Израилевыми, потому что не дано им удела среди сынов Израилевых. Вот исчисленные Моисеем и Елеазаром священником, которые исчисляли сынов Израилевых на равнинах Моавитских у Иордана, против Иерихона; в числе их не было ни одного человека из исчисленных Моисеем и Аароном священником, которые исчисляли сынов Израилевых в пустыне Синайской; ибо Господь сказал им, что умрут они в пустыне, – и не осталось из них никого, кроме Халева, сына Иефонниина, и Иисуса, сына Навина» (Чис. 26, 62–65). Теперь, рассматривая опять вкратце каждую частность, скажем об этом яснее и раздельнее.

П. Так говори же нимало не медля: ведь о предметах такого рода приятно рассуждать подробно.

К. Итак, сводя в немногих словах смысл приведенных мест, говорим. Снова Бог повелевает исчислить людей возмужалых и искусных в воинском деле. Это потому, что, как мы уже прежде говорили, в ведении и переписи у Бога и в книге живых находятся не бессильные и недеятельные, и не те, которые еще младенчают умом, но все те, которые уже сильны и готовы к борьбе против страстей и греха, пришли в разум и вполне годны к совершению и исполнению того, что угодно Богу. Они-то и разделили между собою землю по коленам, по именам и по

одиначке: потому что те, о которых идет речь, будут наследниками святой земли и участниками в чаемых благах по коленам и по родам, как сказано: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.... Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф.5,5,7), а также и в других блаженствах: потому что это есть как бы собственный удел милостивых, кротких, нищих духом и гонимых за правду. Кроме того венец славы дается и каждому в отдельности и поименно, так как Бог удостоивает чести каждого соответственно его добрым делам и уделяет людям мужественным нужную им благодать, хотя, впрочем, можно думать, она сообщается в большей мере и в более богатом наделе: "мерю, – сказано, – доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплю вам в лоно ваше» (Лк. 6, 38). То же самое, думаю, указывается и тем, что Бог сказал: «кто многочисленнее, тем дай удел более; а кто малочисленнее, тем дай удел менее: каждому должно дать удел соразмерно с числом вошедших в исчисление» (Чис.26,54); так как большее число имен есть ясный образ превосходства преизобилия в добродетели; «один так, другой иначе» (1Кор.7,7), заслуживает себе похвалу. Земля, далее, делится по жребию, согласно, может быть, с словами, обращенными к Богу: «в руку Твоею жребии мои» (Пс.30,16): потому что Божественным решением будет сделано безошибочное разделение будущих благ, когда Ведающий все, нас касающееся, определит в наследие каждому надлежащее ему. Левиты опять исчисляются особо, от одного месяца и выше; им не дано наследия среди сынов Израилевых и они не были вместе с ними подвергнуты пересмотру: потому что род более священный всегда есть и более святой; поэтому-то и перепись его отделена от переписи других и наследие его не с другими; но он подвергается отдельному пересмотру. Удел и наследие этого рода людей есть Сам Бог всяческих, по слову Писания: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф.5,8). Тогда как так называемые нищие духом наследуют Царство Небесное, избравшие плач утешатся, милостивые помилованы будут: чистые сердцем, сказано, блаженны потому, что узрят Бога. Это и суть священнейшие и святейшие

преимущественно пред всеми другими, и их наследие и удел – точное богозрение, то есть ведение о Божестве. Это именно и обещал Христос даровать святым Апостолам, когда сказал: «Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце» (Ин.16,25). Перепись людей более священных совершается от одного месяца, как я сказал недавно: это потому, что из святых мужей вносятся в перепись и в книгу Божию не только те, которые славятся духовною силою и мудростью, но и те, которые пребывают в простоте о Христе и по отношению к злобе младенчают (1Кор.14,20). Итак, в священном роде переписываются все, как мудрецы, так и простецы; такое различие ты можешь усмотреть, Палладий, между душами святых в их образе мыслей и жизни. Прибавлено еще, что в «в числе их не было ни одного человека из исчисленных Моисеем и Аароном священником, которые исчисляли сынов Израилевых в пустыне Синайской; ибо Господь сказал им, что умрут они в пустыне, – и не осталось из них никого, кроме Халева, сына Иефонниина, и Иисуса, сына Навина» (Чис.26,64–65), чем ясно показывается, что не неверовавшим назначено наследие и вписание в книгу Божию, напротив, это приличествует принявшим веру, конечно, во Христа: потому что о неверовавших божественный Давид сказал: «да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся» (Пс.68,29). Что благодать – для верующих, это прикровенно показывает нам и Божественное провещание в приведенном повествовании: потому что для этой цели слово Божие говорит таинственно, что перепись происходила при Иордане; ибо вписывается принявший крещение. Впрочем, Израиль не вполне лишен надежды, но, по слову пророка, "останок" спасен (Ис.10,20–21); образом его служат Халев и Иисус, которые одни только из всех остались в живых, получили наследие и зачислены в перепись вместе с теми, которые не подлежали обвинению в неверии. Обрати внимание и на то, что распределение уделов и перепись святых везде производится посредством Моисея и первенствующего в священстве (первосвященника), чтобы ты под тем и другим, как я уже

говорил прежде, разумел единого Христа, как первосвященника и законодателя, чрез которого подается всякая благодать и вписание в вышних книгах, которые видел блаженный Даниил, как сам он утверждает: «раскрылись, – говорит он, – книги» (Дан. 7, 10). Так как переписей много различных, то и книг много, а не одна.

П. Итак, правильно и премудро говорит нам слово притчи: «Благонравная жена приобретает славу, ... а трудолюбивые приобретают богатство» (Притч. 11, 16).

К. Да, они, конечно, утверждаются, и Бог милостив к ним, защищает их, утучняет вышними благословениями, венчает блестящею честью и богато украшает громкою славою. Разве не истинен Тот, Кто сказал: я живу «глаголет Господь,... зане прославляющия мя прославлю» (1Цар. 2, 30)?

П. Конечно так.

К. А совершает относящееся к славе Божией, думаю, всякий, кто крепок и приобрел навык в духовном мужестве, кто старается вести борьбу с видимыми и невидимыми врагами умеет спасти себя и других и все может о Боге (Флп.4, 13).

П. Соглашаюсь.

К. Не хочешь ли, мы посмотрим, как это самое, как бы оттененное на картине, изображается в весьма полезных для нас повествованиях о божественном Аврааме?

П. Весьма желал бы этого. Как же иначе?

К. Написано, что Лот поселился и жил в Содоме. Но когда ту страну постигла жестокая и тяжкая война и когда близкие и соседние народы вместе с своими вождями овладели тем городом, тогда вместе с другими пленниками уведен был и Лот. Один из спасшихся, пришедши, "известил, – сказано, – Аврама Еврея, жившего тогда у дубравы Мамре, Аморреянина, брата Эшколу и брата Анеру, которые были союзники Аврамовы. Аврам, услышав, что ... сродник его взят в плен, вооружил рабов своих, рожденных в доме его, триста восемнадцать, и преследовал *неприятелей* до Дана; и, разделившись, *напал* на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал их до Ховы, что по левую сторону Дамаска; и возвратил все имущество и Лота, сродника своего, и имущество его возвратил,

также и женщин и народ. Когда он возвращался после поражения Кедорлаомера и царей, бывших с ним, царь Содомский вышел ему навстречу в долину Шаве, что *ныне* долина царская; и Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, – он был священник Бога Всевышнего, – и благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. [Аврам] дал ему десятую часть из всего. И сказал царь Содомский Авраму: отдай мне людей, а имение возьми себе. Но Аврам сказал царю Содомскому: поднимая руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама; кроме того, что съели отроки, и кроме доли, принадлежащей людям, которые ходили со мною; Анер, Эшкол и Мамрий пусть возьмут свою долю. После сих происшествий было слово Господа к Авраму в видении..., и сказано: не бойся, Аврам; Я твой щит; награда твоя... весьма велика. Аврам сказал: Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным; распорядитель в доме моем этот Елиезер из Дамаска. И сказал Аврам: вот, Ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой наследник мой. И было слово Господа к нему, и сказано: не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником. И вывел его вон и сказал...: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков» (Быт. 14:13–24, 15:1–5). Видишь ли готовность святых мужей к мужеству и то, как охотно они переносят страдания? Как только узнал Авраам, что Лот находится в опасности, он тотчас же почувствовал жалость о бедствии своего родственника и, захватив с собою домочадцев и некоторых союзников, которые не были евреями, поспешно отправился против утеснителей, легко одолел их и освободил из плена как племянника своего Лота, так и других, попавших в руки победителей. После того, по справедливости воздавая подобавшую Аврааму, как победителю, честь, вышли к нему навстречу царь содомский и Мелхиседек, священник Бога Вышнего, как написано. Он встретил Авраама не с пустыми

руками, но принес знаки того священства, какое существовало в то время, – хлеб и вино, благословил Авраама и дал ему в награду священные слова. Так показал себя мужественным и победил Авраам; такими же всегда бывают и мужественные во Христе и имеющие в душе боголюбнейшее дерзновение. В пример и для удостоверения слов моих укажу еще на святых Апостолов, которые, когда сатана без труда все расхищал и противники истинных учений увлекали души простых людей, – мужественно противостояли врагам, вооружая с собою своих домочадцев, то есть людей, воспитанных на Священном Писании, а также и некоторых союзников, которые не были евреями, разумею тех, которые, помышляя еще о мирских предметах, подвизаются, однако же, со святыми и соревнуют им. Мужаясь таким образом, они победили и исхитили из-под владычества сатаны плененных им. Извлекая одних из идолослужения и поклонения твари вместо Сотворившего, а других из лжеименного знания, они спасают их. За такое светлое и великое мужество они получают и воздаяние, а именно: не только почести от находящихся в мире людей: «бывших с ним, – сказано, – царь Содомский вышел ему навстречу в долину Шаве, что *ныне* долина царская; и Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, – он был священник Бога Всевышнего» (Быт. 14, 17–18). Посему весьма справедливо они говорят о себе: «Благословенны вы Господом, сотворившим небо и землю» (Пс. 113, 23). А что Мелхиседек есть образ священства Христова, для доказательства этого, думаю, не нужно много говорить, так как для этого достаточно и одного Священного Писания. Когда же, далее, царь содомский сказал божественному Аврааму, как победителю: отдай мне мужей, а себе возьми коней, то Авраам тотчас поклялся, что не возьмет ничего, кроме пищи для потрудившихся вместе с ним, и доли союзников – Есхола, Авнана и Мамврия. Так и святые мужи, хотя ведут войну, мужественно сражаются и принимают на себя всякие труды ради свободы подвергшихся бедствию, однако они ничего не берут от мира и не собирают земного богатства, тщательно избегая происходящего отсюда порицания: «да не речеши, – сказано, – яко аз обогатих

Авраама». Только пищу одну принимают они от тех, кому приносят пользу; так как «трудящийся достоин награды за труды свои» (Лк. 10, 7), и возвещающим Евангелие Христос повелел жить от Евангелия (1Кор. 9, 14). А союзники получают свои части; это, думаю, означает, что Бог благословляет и в делах, касающихся сей жизни, соревнователей святых; так как вследствие того, что они идут правым путем, и имущество их соответственно с этим изобилует; тем, которые еще не вполне отрешились от земных предметов, но как бы разделяются между Богом и миром, Бог уделяет и земные благословения. Так он благословил Иакова, умножив скот (Быт. 30, 30).

П. Хорошо говоришь.

К. Достигшим столь великой славы и светлости, как бы уже своим близким родственникам, Виновник спасения говорит, что не должно впадать в уныние, и благопотребно обещает им, что они получают великую награду; чрез то он отгоняет как можно далее немощное и робкое расположение духа от сонма боящихся Его, поощряет их к усердию надеждою на получение обещанных благ и делает их более крепкими. Посему и божественный Павел, имевший такое настроение души, говорил в одном месте: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13), а в другом: «течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды» (2Тим. 4, 7–8). Сильно скорбит божественный Авраам и не остается свободным от горести о том, что вместо сына имел домочадца. Что ты дашь мне, – говорит он Богу, – когда я остаюсь бездетным? (Быт. 15, 2.) И таким образом иметь незаконный плод он считает наравне с бесчадием. Тогда Бог обещает ему сына от свободной, то есть Исаака, и говорит, что в нем он будет отцом многих народов и будет иметь потомство, как звезды небесные. Так и для святых Апостолов было весьма прискорбно иметь незаконный плод, как бы от рабыни какой, от подзаконного служения. Напротив, они желали сына от свободной, то есть от Нового Завета; а таковым был Христос, во образ которого Исаак разумеется сыном по обетованию и чрез веру. Так и блаженный Павел о преимуществах по закону, которыми обладал он, говорит: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел

тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Флп.3, 7–9). Во Христе Апостолы сделались отцами многих народов и бесчисленного потомства, как, очевидно, и Авраам в Исааке. Сказанное, впрочем, мы относим не к одним только древним мужам и святым Апостолам, но и к тем, которые после них получили жребий священства, к вождям церкви и, наконец, ко всякому праведному и доброму человеку.

Книга 5. О мужестве во Христе

Итак, Палладий, святые мужи, несмотря на то что они борются за жизнь других людей, стремятся, однако ж, к тому, чтобы не приобретать себе ничего, находящегося в мире: ибо таким образом они бывают мудры и сильны, исполнены благой надежды и хорошо ограждены небесными благоволениями. И иначе быть не может, как ты хорошо знаешь, друг мой. Ведь если ум их выше мирских развлечений и временных пожеланий, то они найдут врагов своих весьма легко победимыми и без труда преодолеют своих противников, так как Сам Бог ниспровергает могущество их. Но если они сами пленятся мирскими страстями и увлекутся земными пожеланиями, в таком случае они делаются беззащитными и легко уловимыми для тех, кто пожелает напасть на них, и, оказавшись лишенными вышней защиты, становятся легкой добычей для своих врагов.

Палладий. А какое может быть удостоверение сказанного, желал бы я знать?

Кирилл. Священное Писание, которое благопотребно возвещает случившееся с древними. Не говорит ли и божественный Павел, что оно написано «в научение наше»? (1Кор. 10, 11.)

П. Подтверждаю; потому что то, что мы узнаем из него, приносит нам немалую пользу. Тени были образами истины.

К. Итак, приступим к рассуждению. Когда сыны Израилевы перешли Иордан, они устремились на Иерихон и, следуя Божественным указаниям, постарались осадить его в том намерении, чтобы немедленно овладеть им и взять его; тут были, по закону войны, и люди, отличные в военном деле, как написано: «И призвал Иисус, сын Навин, священников [Израилевых] и сказал им: несите ковчег завета; а семь священников пусть несут семь труб юбилейных пред ковчегом Господним» (Нав.6 5–6). Так и мы по повелению Христа, передаваемому устами вождей, ополчимся на врагов, предпринимая борьбу не «против крови и плоти, но против

начальств, против властей» (Еф.6,12) и против закона, владычествующего в плотских членах (Рим.7,23). Тогда мы будем находиться пред очами Божиими, как бы облеченные Божественным и духовным всеоружием, так как наши оружия «не плотские», по слову Павла, 2Кор. 10, 4 и отличаясь славою праведности. Итак, Владыка всяческих Бог взирает на людей воинственных, облеченных в светлые доспехи праведности, то есть как бы пред лицом Христа проходят вооруженные воины. И конечно весьма почетное и поистине вожденное это дело – находиться пред взором Божиим, если нельзя признать неверным, что как бы наказание какое налагает Бог на оскорбляющих Его, Свое от них отвращение, говоря: «И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои» (Ис.1, 15). Когда осада продолжилась до седьмого дня, опять сказал Иисус Навин сынам Израилевым: «воскликните, ибо Господь предал вам город! город будет под закланием, и все, что в нем, Господу...; только Раав блудница пусть останется в живых, она и всякий, кто у нее в доме; потому что она укрывала посланных, которых мы посылали; но вы берегитесь закланного, чтоб и самим не подвергнуться закланию, если возьмете что-нибудь из закланного, и чтобы на стан [сынов] Израилевых не навести заклания и не сделать ему беды; и все серебро и золото, и сосуды медные и железные да будут святынею Господу и войдут в сокровищницу Господню» (Нав.6, 15–18). Остальной, взятой на войне добычей он (Навин) позволил пользоваться людям мужественным, а все серебро, золото, медь и железо, говорит, должно внести в сокровищницу Господню: это и составляло то, что названо анафемой, то есть отделенным из всего и назначенным Богу. Но ни во что вменив заповедь, "[и взяли], – сказано, – ...Ахан, сын Хармия, сына Завдия, сына Зары, из колена Иудина, взял из закланного, и гнев Господень возгорелся на сынов Израиля» (Нав.7, 1). Это значит, что тем, которые выводят на брань против мирских удовольствий и развлечений сей жизни крепкий во Христе дух, которые решились стяжать себе славу оружием правды и уже находятся пред лицом Христа, таковым, полагаю, не следует желать ничего такого, что в мире возбуждает удивление: ни богатства,

ни славы, ни власти, ни превосходства, ни нечестивых учений эллинской мудрости. Образом блеска отличий и преимуществ служит серебро: потому что это вещество блестящее, образом богатства – золото; на благозвучие языка, каким отличаются мудрецы мира сего, указывает медь, а на силу и власть – железо, которое очень твердо и препобеждает всякое вещество. Если кто-нибудь пожелает приобрести себе эти предметы, то, хотя бы он имел у Бога высокое место, был зачислен между воителями и отличался величием духовным, он нанесет этим оскорбление Богу и, решившись таким лукавым уклонением (от данного повеления) опечалить своего соратника и защитника, подвергнется за это гневу Божию.

П. Ты хорошо сказал, и я могу согласиться с тобой. Но вот что объясни мне, удалив на короткое время свое рассуждение от события и истории: почему серебро, золото, медь и железо посвящаются Богу, а не выбрасываются, напротив, из стана или как предметы, быть может, бесполезные, или же как способные осквернить, так как в силу духовного созерцания оказалось, что они нечисты?

К. Это потому, Палладий, что всякая светлость, премудрость и богатство, также и крепость достойно и праведно приписываются Богу. Ибо Его – слава и всякая светлость, богатство и премудрость и сила. И если кто приемлет от Него и обогащается от сокровища Господня, то есть имеет богатство мысленное, славу и разум и крепость духовную, то он будет достоин общего внимания и соревнования; а если пожелает принять сие от мира, то будет постыден и ненавистен перед Богом, любящим добродетель, и повинен суду и наказанию. Ибо за богатством во всяком случае последует любовь к наслаждениям, блеску же и преимуществовать прямой сосед – гордость; и с властью тесно связано властолюбие, а с мудростью мирскою нелепость учений, хотя и благозвучен язык изложивших оные. Это самое и Павел говорит: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1Кор. 3, 18–19). Так Ахар, не из сокровища Христова принявший, но как бы от мира – из Иерихона, оскорбляет Бога

(Нав.7,1). Происшедшая же отсюда пагуба и то, что совершилось вследствие гнева Божественного, не на одного лишь обличенного в этом простиралось, но поразило все общество, ибо, соделавшись непричастным помощи свыше, некогда непобедимый Израиль стал немощным и бессильным.

П. Но как или откуда можно было бы узнать, что слово об этом истинно?

К. Из написанного вслед за тем. Ибо после того, что произошло при Иерихоне и совершено в нем славно и мужественно всем Израилем, Иисус (Навин) послал мужей из Иерихона в Гай, «Они пошли и осмотрели Гай. И возвратившись к Иисусу, сказали ему: не весь народ пусть идет, а пусть пойдет около двух тысяч или около трех тысяч человек, и поразят Гай; всего народа не утруждай туда, ибо их мало [там]. Итак пошло туда из народа около трех тысяч человек, но они обратились в бегство от жителей Гайских; жители Гайские убили из них до тридцати шести человек, и преследовали их от ворот до Севарим и разбили их на спуске с горы; отчего сердце народа растаяло и стало, как вода» (Нав.7,2–5). Взявшие города и опустошившие страны и без труда победившие самые дикие племена находят непобедимыми жителей Гая, едва спасаются и отступают не без ущерба, тогда как сначала они не хотели даже, чтобы полное количество воинов было призвано к оружию, и открыто признали, что немногим легко будет завоевать город. Ибо «не весь народ пусть идет, – говорили они, – а пусть пойдет около двух тысяч» (Нав.7,3). Когда же Иисус весьма огорчен был этим негладным бедствием и неожиданным несчастьем, разорвал одежду, припал пред Богом и недоумевал, как это случилось, то Бог сказал: «встань, для чего ты пал на лице твое? Израиль согрешил, и преступили они завет Мой, который Я завещаю им; и взяли из закланного, и украли, и утаили, и положили между своими вещами; за то сыны Израилевы не могли устоять пред врагами своими и обратили тыл врагам своим, ибо они подпали заклятию; не буду более с вами, если не истребите из среды вашей закланного» (Нав.7,10–12). Когда же указан был Ахар, Иисус спрашивал его, говоря: «сын мой! воздай славу Господу, Богу Израилеву и сделай пред Ним

исповедание и объяви мне, что ты сделал; не скрой от меня. В ответ Иисусу Ахан сказал: точно, я согрешил пред Господом Богом Израилевым и сделал то и то: между добычею увидел я одну прекрасную Сennaарскую одежду и двести сиклей серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей; это мне понравилось и я взял это; и вот, оно спрятано в земле среди шатра моего, и серебро под ним...» (Нав.7, 19–21). Понимаешь, что и сам укравший говорит, что он увидел между добычею разноцветную одежду, двести дидрахм серебра и золотой язык в пятьдесят дидрахм и задумался о них, то есть возымел незаконное желание приобрести их. Одежду эту считают за воинскую и говорят, что это был плащ, вытканый разными цветами: это одеяние воинское и есть символ корыстолюбия: потому что военному сословию как бы прирождена сильная страсть корыстолюбия. Серебро же есть образ мирского блеска, а золотой язык – сладкоречивой мудрости эллинской: таков некоторым образом и у эллинских мудрецов язык и способ образования, как бы золотой и весьма драгоценный, по причине блеска изложения. Когда грех уже был открыт, Иисус подверг Ахара наказанию, как не только себе самому причинившего вред, но простершего и на все общество пагубу, происшедшую от его невоздержного пожелания. И может быть, на это указывает весьма хорошо и премудро сказанное нам устами Павла: «извергните развращенного из среды вас. малая закваска квасит все тесто» (1Кор. 5, 13, 6). Итак, не ясно ли показано тебе сначала в Аврааме, что для святых остается безопасною слава их силы и что они легко достигают возможности одолеть врагов, если не пожелают искать ничего от мира, – а потом противоположное сему в Ахаре, уклонившемся от пути правого и склонившемся к мирскому?

П. Совершенно так: сказано ясно.

К. А что святые должны являться везде одинаковыми и в образе жизни и в мнениях, это очевидно, так как закон ясно говорит: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие» (Втор. 22, 5): потому что мерзостью Пред Богом и неприятнейшим зрелищем

в очах Его равно является как то, когда изнеженность принимает вид мужества, ибо это значит: «На женщине не должно быть мужской одежды», – так и то, когда мужество недугует изнеженностью, ибо сему подобно облечение мужчины в женскую одежду.

П. Что такое говоришь ты?

К. Лицемерие не есть ли дело худое и бесчестное пред Богом и людьми?

П. Правда.

К. Ну, а если бы кто, будучи любострастен и неводержен и самими делами изобличаем в этом, впоследствии прикрасил себя славою умеренности, то похвалил ли бы ты сам, Палладий, такового?

П. Никак.

К. Не думаешь ли ты также, что на самом деле умеренный и благоприличный должен быть устойчивым в тождестве мнения и не казаться иным, нежели каков он есть?

П. Согласен.

К. Итак, пусть не скрывается слабое и изнеженное расположение некоторых за славою мужества, – ибо это значит: «На женщине не должно быть мужской одежды», – и истинно крепкое пусть не стремится к изнеженности, ибо это опять значит изречение: «мужчина не должен одеваться в женское платье»: потому что в том и другом – одинаковый порок, и как тот, так и другой грех есть оскорбление добродетели.

П. Ненадежное, как видно, дело и небезвредное – изнеженность.

К. Без всякого сомнения: ибо это – страсть, совершенно достойная отвержения и богоненавистная. Посему и из священных списков изглаждается виновный в этом. Я утверждаю, что человек, истинно крепкий и мужественный, никаким образом не должен беззаботно попускать своему уму доходить до расслабления, наоборот, должен блюсти его от всякой боязливости и лени всецело утвержденным в вере в Бога и говорить: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп.4, 13), отказываться же от желания помышлять о земном, как причиняющего гибель и являющего нас

недостойными пред Богом. Так и во Второзаконии опять написано: «Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы [и] народа более, нежели у тебя, то не бойся их, ибо с тобою Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской. Когда же приступаете к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу, и скажет ему: слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими [и] спасти вас. Надзиратели же пусть объявят народу, говоря: кто построил новый дом и не обновил его, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не обновил его; и кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им; и кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не взял ее. И еще объявят надзиратели народу, и скажут: кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце» (Втор. 20, 1–8).

П. Что получившие дерзновение у Бога должны отличаться добродетелями и мужаться во всем добром, это и я утверждаю; но как или каким образом некоторые отсылаются с поля сражения, как негодные, этого я не могу понять.

К. Разве не знаешь, что тот не достоин пред Богом и не решится переносить труды ради благочестия, кто не считает жизнь в мире сем пришельством? Это весьма хорошо и ясно как бы во образе и начертании изображено в жизни святых. Божественный Авраам проживал в шатрах и делал переходы с места на место. И весь Израиль в пустыне часто переменял стоянки и обитал в шатрах. Этим же очень славится и пророк Давид, так говорящий Богу: «Отступи от меня, ... ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс.38, 14, 13). Стремился же он сильно к вышним обителям, так говоря: «Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни» (Пс.83, 2–3). Таковые помышляют о

небесном и жаждут небесных обителей, которые Сам Спаситель обещает любящим его, говоря: «Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин. 14, 2–3). Итак, образом того, кто не в состоянии считать настоящую жизнь пришельством, служит строящий дом и усердно предающийся заботам о нем, а образом любостяжательного и корыстолюбивого – насаждающий виноград; женонеистового же и изнеженного и предавшего ум похотям плоти может обозначать преступающий к обручению с женою. Посему-то они по гласу войскового глашатая удаляются от священного и воинственного собрания. Что свойственно было объятым сими страстями думать и говорить, это глашатай объявлял заранее. Разве не правда, что недугующим сими страстями приятно во время гонений наслаждаться покоем и не совершать занятий делами любви к Богу, так как они думают, что если придется в сражении потерпеть что-либо, то они лишатся домов и имущества и дорогих для них удовольствий? Оттого-то и происходит, что они являются несмелыми и малодушными. Итак, что свойственно было им думать и говорить, то провозгласил книжник, как бы косвенными обличениями и прикрытыми порицаниями поражая малодушного, находящего предлог к извинению его слабости и, как бы пищу какую для своей трусости, собирающего мирские наслаждения. Поэтому и повелел Бог войсковому глашатаю сделать последнее воззвание открытое и неприкровенное: «И еще объявят, – сказано, – надзиратели народу, и скажут: кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце» (Втор. 20, 8). Почти прямо говорит он следующее: преданный земному, созидающий дома, насаждающий виноградник и побеждаемый удовольствиями плотоугодия будет, без сомнения, робким и бессильным; а таковой совершенно негоден и будет во вред другим. Ибо «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15, 33), и легко пленяемый трусостью увлекает иногда к малодушию даже сильного и отважного. Посему-то и божественный Павел укорял некоторых, хотевших

воспрепятствовать ему отправиться в Иерусалим; ибо говорит: «что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деян.21, 13). Должно заметить также, что и отказ званных на брак был таков: «я купил землю, – и, – я женился и потому не могу придти» (Лк. 14, 18, 20). Так написано в евангельских притчах. Нетрудно увериться в этом, если тебе угодно, и из древних примеров.

П. Говори же, нимало не медля, ибо ты принесешь великую пользу.

К. Итак, вот что читаем мы в книге Чисел: «народ двинулся из Асирофа, и остановился в пустыне Фаран. И сказал Господь Моисею, говоря: пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них. И послал их Моисей из пустыни Фаран, по повелению Господню, и все они мужи главные у сынов Израилевых» (Чис.13, 1–4). По исчислении же посланных по коленам и родам, "Они пошли, – сказано далее, – и высмотрели землю от пустыни Син даже до Рехова, близ Емафа» (Чис. 13, 22). И немного потом: «и пришли к долине Есхол..., и срезали там виноградную ветвь с одною кистью ягод, и понесли ее на шесте двое; *взяли* также гранатовых яблок и смокв; место сие назвали долиною Есхол, по причине виноградной кисти, которую срезали там сыны Израилевы. И высмотрев землю, возвратились они через сорок дней. И пошли и пришли к Моисею и Аарону и ко всему обществу сынов Израилевых в пустыню Фаран, в Кадес, и принесли им и всему обществу ответ, и показали им плоды земли; и рассказывали ему и говорили: мы ходили в землю, в которую ты посылал нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее; но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие, и сынов Енаковых мы видели там» (Чис.13, 24–29). Замечаешь ли, как страшливые и весьма не смелые из обозревавших землю обетования открыто признали, что земля эта богата виноградом и тучна и обильна зрелыми плодами, но присоединяют к сему нечто и для устрашения, называя живущий там народ храбрым, говоря все о

том, что города крепки и ограждены стенами, отнимая таким образом у Израиля надежду на завоевание и устрашениями приводя к малодушию?

П. Это так.

К. Но мудрые и отважные из них Халев и Иисус (Навин) противостали пустословию их, говоря народу и божественному Моисею: «пойдем и завладеем ею, потому что мы» преодолеем их (Чис.13, 31). Посланные же с ними не переставали утверждать, что израильтянам трудно будет взять землю обетования. Затем сказано: «подняло все общество вопль, и плакал народ во [всю] ту ночь; и роптали на Моисея и Аарона все сыны Израилевы, и все общество сказало им: о, если бы мы умерли в земле Египетской, или умерли бы в пустыне сей! и для чего Господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? жены наши и дети наши достанутся в добычу *врагам*; не лучше ли нам возвратиться в Египет? И сказали друг другу: поставим себе начальника и возвратимся в Египет» (Чис.14, 1–4). В такое-то жалкое состояние и малодушие впал весь сонм; и даже, когда Иисус Навин пытался было возвратить их к мужеству, и разорвал одежду, и высказывал бесчисленные похвалы земле, они не хотели ободриться, неразумным малодушием преогорчевая поборавшего по ним Бога и собственным силам предоставляя исполнение своей надежды. Посему-то наконец Бог и поклялся, говоря: если узрит кто-либо из мужей сих землю, «с клятвою обещал отцам их, ... кроме Халева, сына Иефоннииина, и Иисуса, сына Навина» (Чис.14, 23, 30). Ужели еще сомнительно, что робкий, избегающий труда и маловерный губит вместе с собою и других, развращая их злыми беседами, и лишается наследия и надежды на Бога, а мужественный и сильный покоится в надежде и будет другом Божиим?

П. Несомненно; потому что достаточно доказано.

К. И таким образом, как говорили мы вначале, кто предан мирским удовольствиям, тот не способен стать в ряды воинства духовного.

П. И очень.

К. А я прибавил бы еще – ибо, я думаю, никак не следует упускать полезное, – что и недавно начавший упражняться в

какой-либо добродетели еще неспособен к битве, но весьма легко может увлечься к греху.

П. Как же так?

К. Во Второзаконии написано: «Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял» (Втор. 24, 5). Но следует ли, Палладий, придерживаться одного прямого буквального смысла? Неужели добротолюбивый Законодатель в самом деле заставляет сидеть дома человека, способного к войне, и не позволяет приобретать похвалу, предоставляя ему увлекаться пустыми разговорами с женою и предпочитать необходимому плотоугодие?

П. Всего менее я могу согласиться, что такова была мысль Законодателя. Но здесь, как кажется, скрывается какой-нибудь более правдоподобный смысл.

К. Итак, я повторяю то, что сказал: муж, коснувшийся добродетели, но еще недостаточно утвердившийся в ней, легко может увлечься к противоположному.

П. Скажи, каким образом? Ибо я недостаточно постигаю это.

К. Соломон говорит в одном месте: «Скажи мудрости: `Ты сестра моя!` и разум назови родным твоим» (Прит. 7, 4). Мы как бы сродняемся с добродетелями, когда стараемся сколько возможно более приносить плодов в них: когда один, например, упражнением приобретает мудрость в знании, другой кротость и тихость нрава, или и другое что-либо таковое избирает для исполнения. Итак, неужели ум, только что начавший упражнение в сих добродетелях, способен выдержать испытание и искушение? И разве тот, кто недавно лишь вступил в родство с премудростью, если встретится с людьми, извращающими правое, не развратится скорее, нежели победит и избежит вреда от них, еще не будучи достаточно устойчивым и утвержденным в разуме?

П. Разумеется, так.

К. Разве не легко приходит в гнев человек, который хотя старается быть кротким, но еще недостаточно упражнялся в этом, – когда кто-либо раздражает его?

П. Я думаю так.

К. Испытанный же мудрец, вступая в борьбу с мудрыми, не противопоставляет ли мужественно их хитросплетениям правильные умозаключения?

П. Правда.

К. А укрепившийся в кротости не неподатлив ли на гнев, хотя бы кто когда и вызывал его на то?

П. Подтверждаю.

К. Итак, правильно говорит закон, прекрасно изобразивши добродетель, сожительствующую святым, как бы под видом жены: «Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял» (Втор.24,5). Он не допускает, чтобы обременяем был трудами и преследованиями тот, кто, так сказать, только что установился и имеет еще неокрепшее стремление к добру, но как бы праздному и сидящему у себя дома, находящемуся в тепле, предоставляет соединиться с добродетелью узами любви. Мы найдем, что так поступили и святые Апостолы, которые к обращенным из язычников и недавно призванным к познанию Бога мудро пишут в послании: «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого» (Деян.15,28). Ибо предусмотрительно опустивши труднейшие из заповедей, они повелевают сохранять немногие и необходимые, зная неудобноносимость бремени страданий для тех, которые лишь недавно приведены к богочитанию. И таковым Бог всяческих прощает и гнев и вины, если бы даже они и пали по малодушию, проходя необычный путь трудов; когда же потом наводит Свой суд и подвергает движениям Своего гнева, то уже не тех, которые немоществуют вследствие непривычки к трудам, а тех, которые более по своему произволу впадают в соблазн и изнеженность и весьма охотно предаются своей беспорядочности. Ибо не трудно ли достижима добродетель, и не стропотен ли путь к ней, и не потребно ли решившемуся на исполнение ее трудиться с великим усилием?

П. Согласен.

К. Но не было бы безрассудным, даже более: не было бы недостойным и неприличным только что приведенных к сему состоянию руководить со снисходительностью (так как они еще не вполне утвердились в ревности, ходят как бы нетвердою стопою и еще страдают бессилием), а с опытным управляться сурово, посредством наказаний и страха, привлекая его к перенесению страданий и обузданию себя, как бы по необходимости.

П. Ты рассуждаешь весьма хорошо.

К. Это дело представится ясным, если прообразовательно совершившееся у древних мы захотим расследовать обстоятельно. Ибо написано так: «И повел Моисей Израильтян от Чермного моря, и они вступили в пустыню Сур; и шли они три дня по пустыне и не находили воды. Пришли в Мерру – и не могли пить воды в Мерре, ибо она была горька, почему и наречено тому [месту] имя: Мерра. И возроптал народ на Моисея, говоря: что нам пить? [Моисей] возопил к Господу, и Господь показал ему дерево, и он бросил его в воду, и вода сделалась сладкою» (Исх. 15, 22–25). Незадолго перед тем поднявшись из земли Египетской и сбрасывая с себя тяжкое и неудобноносимое иго рабства, сыны Израилевы, по призванию Божию, спешили пере-правиться в давно обещанную отцам землю. Первое затруднение на пути встречается им в недостатке воды, которой едва нашлось для долго томившихся жаждою, да и та была не без затруднения для пользования: «ибо она была горька», как написано. Но чрез вложение древа она изменяется в приятную и сладкую, после того как Бог показал божественному Моисею способ, как тут поступить. Посему, научаемые законом Божиим предпочтительно следовать Богу, избавляющему от рабства страстям, и освобождаться от насилия демонов, искушаемые должны трудиться с великим усилием и возлагать на себя венец славы, измождая плотские вожделения подвижническими трудами и как бы некоего зверя укрощая жаждою и голодом необузданное движение страстей, постоянно направляющееся к наслаждению. Потому-то первая «брань» у нас, желающих соблюдать воздержание, – «к плоти» и тому, что от нее. И я не

думаю, чтобы кто-либо мог иначе упражняться в добродетели. Итак, жажда, приключившаяся древним в пустыне, была прообразом подвижнических трудов, и телесное – начатком духовных упражнений. Далее обрати внимание на то, что израильтяне не тотчас же, с самого начала, бросаются в сражение (ибо не тотчас же предпринимают брань против «начал и властей» (Еф.6,12) недавно начавшие вести борьбу со страстями и идти путем добродетели, так как находящиеся под испытанием не имеют еще довольно мужества и твердости), но испытываются в трудах борьбы против плоти, между тем как Бог соразмеряет тяжесть труда с навыком испытуемых. Это, я думаю, и означают слова: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор. 10, 13). Подвиги же ради добродетели, сами по себе весьма горькие, претворяет в приятные и сладкие Христос, Который называется и есть древо жизни. Ибо и Сам Он сказал в евангельских Писаниях: «если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что» сделают (Лк. 23, 31), называя Себя Самого зеленеющим и доброцветным деревом. Божественному Моисею древо показывает Бог, ибо один только Отец открывает Сына, поскольку один Он и знает Его: «кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца» (Лк. 10, 22). Итак, во Христе, древе жизни, горькое становится сладким, неудобноносимое – выносимым, то, что по своей природе вредоносно, – необходимым для жизни.

П. Каким же образом?

К. Если справедливо то, что труды, когда они очень горьки, изнуряют тело, а между тем душу делают причастного жизни вечной (как и Павел сказал где-то: «когда я немощен, тогда силен», (2Кор. 12, 10); и еще: «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется», (2Кор. 4, 16), то кто же захотел бы принимать на себя столь горькие труды, если бы не имел сладкой надежды во Христе?

П. Конечно, я думаю, никто.

К. Итак, посмотри (ибо нам необходимо, Палладий, привести на память сказанное в начале) на Израиля,

томившегося жаждою в пустыне, ропщущего на премудрого Моисея и безнаказанно впадшего в такое малодушие. Он не вызвал суда и не подвергся последствиям гнева, хотя Бог и обычно наказывает повинных в этом, потому что только что начинающий упражняться в добродетели, пользуется помилованием, хотя бы он и падал; но не получает снисхождения тот, кто и после того обнаруживает крайнее малодушие и необузданное влечение к нелепым пожеланиям. Так и в книге Чисел Священное Писание опять говорит о сынах Израилевых: «И отправились они от горы Господней на три дня пути, и ковчег завета Господня шел пред ними три дня пути, чтоб усмотреть им место, где остановиться. И облако Господне осеняло их днем, когда они отправлялись из стана. Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя! А когда останавливался ковчег, он говорил: возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым! Народ стал роптать вслух Господа; и Господь услышал, и воспламенился гнев Его, и возгорелся у них огонь Господень, и начал истреблять край стана. И возопил народ к Моисею; и помолился Моисей Господу, и утих огонь. И нарекли имя месту сему: Тавера, потому что возгорелся у них огонь Господень» (Чис.10:33–36, 11:1–3). И после того еще: «От горы Ор отправились они путем Чермного моря, чтобы миновать землю Едома. И стал малодушествовать народ на пути, и говорил народ против Бога и против Моисея: зачем вывели вы нас из Египта, чтоб умереть [нам] в пустыне, ибо здесь нет ни хлеба, ни воды, и душе нашей опротивела эта негодная пища. И послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из [сынов] Израилевых» (Чис.21, 4–6). Итак, ты видишь, что огнем и змеями был истреблен народ ворчливый и ропщущий. Ибо в то время, когда одни сходят с горы Господней, в предшествии кивота, изыскивающего для них впереди место для отдохновения, и когда Моисей молился и ходатайствовал за них, а облак осенял их, другие, называя хлеб, посылаемый с неба, негодным, издавали весьма громкий вопль против Бога и Моисея. Вследствие сего одни по необходимости сделались

пищею огня, а другие немедленно погибли от укушения ядовитых змей.

П. Что же должно заметить относительно того и другого места Писания? И что такое – гора Господня?

К. Горою Господнею, я думаю, называет Писание Синай, на которую сошел в виде огня Зиждитель всех, явился всему народу, как написано (Исх. 19), и изрек законы для деятельности. "Там Бог дал народу устав и закон и там испытывал его" (Исх. 15, 25). Но установителем сих законов и древле был Христос. Поэтому Он и называет данные чрез Моисея законы Своими словесами; ибо сказал: «Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. ... Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф. 5:18, 24:35). Итак, оставим грубую оболочку истории, проникнем в тонкость заключающегося под нею духовного смысла. Подлинно, те, которые уже удостоились богосозерцания и богопознания, очами ума созерцали светлость Божественного естества, как бы на горе, то есть в чрезвычайном и недоступном величии (ибо слава и естество Божие выше всего), которые, так сказать, представляли самих себя Христу чрез веру, оказались внимательными к словам Его и обещали послушание (ибо так поступил тогда и Израиль, говоря: все, что сказал Господь Бог твой, «сотворим и послушаем» (Исх. 24, 3), – таковые будут пользоваться попечением, подобающим близким Ему, и удостоятся промысления, направленного к спасению их. Ибо Сам Бог будет для них вождем и защитником и пойдет впереди для отыскания им места успокоения. Потому-то Христос первый, ради нас и за нас, противопоставил Себя древле побеждавшему сатане, прошедши пост и искушение в пустыне, дабы мы имели покой, видя сатану побежденным, падшим и поверженным под ноги наши. Поэтому Он и говорил: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33). И еще: вот Я дал «вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью» (Лк. 10, 19). Он первый ради нас и за нас, сразившись со смертью, разрушил ее державу, нам же даровал успокоение, обновив нас в нетление. Он первый вошел в рай,

как устранивший «обращаемое оружие» (Быт. 3, 24), от нас же удалив грех, заграждавший вход в рай. Он Сам за нас заплатил долги наши: «ранами Его мы исцелились», по написанному (Ис.53, 5). Он первый восшел ко Отцу и Богу, обновляя нам путь на небо и предуготовляя горние обители, как и сказал Он: пойду и уготовлю "место вам" (Ин.14, 2). Итак, в кивоте завета подлинно предызображен был Христос. Ибо устроен был оный из негниющих деревьев и хранил в себе Божественный закон, который есть Слово Божие. Соответствующее сему таинство ты можешь увидеть во Христе; потому что «Бог было Слово» (Ин.1, 1), в нетленном храме. Кивот предшествовал израильтянам, усматривая для них место отдохновения: и нам предшествует Христос сказанным сейчас способом. И кроме того, исполняя служение посредника, Он является ходатаем и умилоствлением за нас пред Отцом подобно тому, как и Моисей древле, при поднятии с места кивота, говорил: «восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя! А когда останавливался ковчег, он говорил: возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым!» (Чис.10, 35–36). Ибо, когда восстал на помощь нашу Единородный, говоря древле гласом Псалмопевца: «Ради страдания нищих и воздыхания бедных ныне восстану, говорит Господь» (Пс.11, 6), тогда пали враги и обратились в бегство супостаты и вступившие в борьбу со славой Божественною. Потому что на кресте Он восторжествовал над началами и властями и Своею смертью упразднил князя века сего, по написанному (Ин. 12, 31, 16, 11; Евр. 2, 14). Когда же Он как бы успокоился, и привел к концу все домостроительство Воскресением из мертвых и восшествием на небо к Отцу, то всю обратил землю и тысячи тем соделал Своими поклонниками. «Когда Я вознесен буду от земли, – говорит Он, – всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32). Итак, молитва Моисея была прообразом ходатайства Христа, Который в образе человеческом молился и испрашивал нам от Бога и Отца все наилучшее, как говорит божественный Иоанн: «мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника; Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1Ин. 2, 1–2).

Кроме того, в Нем мы имеем еще и кивот покровителя, как это прикровенно разумеется в осеняющем облаке. Да слышит оправдываемый верою в Него сии слова: «Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью» (Пс.120,6). Некоторые же и относительно выражения в евангельской притче о распределении наград – мы понесли «тягость дня и зной» (Мф.20,12) – говорят, если не ошибаюсь, что здесь под «тяготою дня» и "зным" разумеется чрезвычайная и высшая сила для истребления, подобно огню, необузданных увлечений, а также, может быть, и искушений. Итак, Христос «Господь крепость моя и слава моя нам во спасение» (Исх. 15, 2). Когда же некоторые из удостоившихся богосозерцания, быв сами слушателями Божественных вещаний и чрез исповедание веры, так сказать, уже обещавшие благое послушание, уклонением к худшему отвергают предваряющего и водительствующего их, разумею Христа, Который заботится найти для них место успокоения, предстательствует, как бы в качестве ходатая, и служит покровителем – что подразумевается прикровенно в образе облака, – тогда, подлинно тогда, и вполне по справедливости, отдавая отчет в собственном своем неразумии, они потерпят жестокое наказание посредством огня. И в этом-то, я думаю, смысле сказал сам премудрый Павел: «произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр. 10, 26–27).

П. Итак, отвергшие, вследствие греха, все домостроительство, во Христе умопредставляемое, будут пищею огня. Ропот же, как кажется, означает отступничество и нежелание воспринимать совершенное чрез Него спасение, хотя они и вкусили благодати и в опыте прошедшего имеют верный залог будущего.

К. Так именно. А другие, предавшись малодушию, производили такой же вопль и попусту роптали на Бога и Моисея, называя негодным хлебом манну с неба, но такие погибали от змей. И оскорбляющие неблагодарностью Спасителя всех и Икупителя и ни во что ставящие благодать свободы, и сверх того осуждающие животворящее слово Его и

дар Духа Святого, как бесполезный, подвергнутся укушениям скверноубийцы дракона. Те же, которые не впали в столь нелепые грехопадения, избегнут угрожающего злобе наказания и суда и одержат верх над врагами, «на аспида и василиска наступят и поперут льва и змия» (Пс.90, 13). Итак, несомненно и засвидетельствовано для нас самым делом, что опасно быть легкомысленными и впадать в малодушие людям уже опытным в борьбе и не заботящимся о получении похвалы за труды и уже некоторым образом привыкшим к подвигам ради добродетели.

П. Твердо доказано и истинно.

К. Эта речь подтвердила для нас ту мысль, что не только ропот на Бога богоненавистен и подлежит суду, но и самое малодушие заключает в себе как бы нареkanie или недовольство благостью Спасителя, особенно если труды употреблены были еще незначительные; но что достойно проклятия и чего нет хуже, – это любить распущенность и, имея возможность беспрепятственно наслаждаться Божественными дарами и питаться свыше и чрез Духа Святого ниспосылаемыми словами, необузданно стремиться к тленным удовольствиям и удовлетворению нечистого плотолюбия. Ибо предпочтительное избрание худого есть явное оскорбление лучшего и спасительного, а предпочтение небесному земного, несмотря на то что последнее заключает в себе величайшую гнусность, есть нечестивейшее решение ума. И по справедливости о таковых едва не плачет пророк Исайя, говоря: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!» (Ис.5, 20). А таким-то тяжким грехопадениям, как мы увидим, и подпали израильтяне. Ибо тотчас же после наказания, естественно последовавшего за ропотом, они стали недуговать похотью к самым постыдным делам: как бы презирая даруемое от Бога и нечестиво печалуясь на блага небесные, они тем самым необходимо раздражали против себя Судию, как написано: «Пришельцы между ними стали обнаруживать прихоти; а с ними и сыны Израилевы сидели и плакали и говорили: кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и

чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших. Моисей слышал, – сказано, – что народ плачет в семействах своих, каждый у дверей шатра своего; и сильно воспламенился гнев Господень, и прискорбно было для Моисея» (Чис.11, 4–6, 10). Ужели ты не признаешь достойным гнева Божественного и осуждения со стороны святых мужей то, когда даже люди, испытанные в трудах, нисходят до такого расслабления и бессилия в рассуждении, что начинают страдать неудержимым желанием возвратиться к крайней нечистоте, и настолько ослабели к невоздержанности, что ребячески плачут о невозможности будто бы вынести сильный напор похотения?

П. Ты говоришь правильно.

К. Когда же премудрый Моисей недоумевал и приходил в сильное уныние и громко возопил, что один он не в состоянии когда-либо сдержать народ столь изменчивый и легко переходящий к сумасбродству и отступничеству, Бог указал ему мужей, числом десять, в подвижники и помощники для попечения о народе, которых и отличил дарованием Святого Духа. Ибо они стали пророчествовать в стане. Моисею же говорит: «Народу же скажи: очиститесь к завтрашнему дню, и будете есть мясо; так как вы плакали вслух Господа и говорили: кто накормит нас мясом? хорошо нам было в Египте, – то и даст вам Господь мясо, и будете есть.... Не один день будете есть, не два дня, не пять дней, не десять дней и не двадцать дней, но целый месяц..., пока не пойдет оно из ноздрей ваших и не сделается для вас отвратительным, за то, что вы презрели Господа, Который среди вас, и плакали пред Ним, говоря: для чего было нам выходить из Египта?» (Чис.11, 18–20.) Особенно то огорчало Освободителя, что Израиль не помышлял и о самом рабстве и, ради мяс и зловоннейших овощей, за ничто считал труды, понесенные в Египте. И нас самих пылкие и острые удовольствия часто заставляют считать сносным рабство диаволу и возлагать на себя ярмо греха ради тленных и земных пожеланий. Но как тогда Он давал есть мясо не один день, даже и не десять, а тридцать дней – чем означает продолжительность гнева на них: так и теперь неудержимо

вдавшимся в мирские удовольствия Он попускает, по воле их, пользоваться даже плотскими удовольствиями, и пользоваться долгое время. Ибо так и говорится, что Он "предал некоторых превратному уму – делать непотребства» (Рим. 1, 28). Но как для израильтян пища стала в мерзость, так и для любящих плотское и предпочитающих тленное и земное духовной манне, которая есть слово Божие, такое направление приведет к смерти. Этот-то смысл и имеет, я думаю, изречение: «сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление» (Гал. 6, 8). Освобождение же от этой болезни заключается в следующем: «поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся» (Гал. 5, 16–17). Так, если бы израильтяне захотели считать достаточным удовольствие, поставляемое манною, которая есть духовный хлеб Ангелов и образ сладости, даруемой чрез Святого Духа, то не стали бы удовлетворять похоти плотской и не пожали бы от нее нетления. И вот явились выразительнейшие памятники того народа: "там, – сказано, – похоронили прихотливый народ» (Чис. 11, 34), согласно с другим изречением: «будут они мерзостью для всякой плоти» (Ис. 66, 24); а потерпевший оное народ назван «похотевшим» соответственно, как я думаю, тому, что сказано о некоторых: «слава их – в сраме» (Флп. 3, 19). Ибо от греха и название, и нескончаемым позором за малодушие служит эта надгробная надпись над несчастно умершими и вместе знамением того, в чем они были повинны.

П. Правда.

К. Итак, поистине, избравшим для себя путь любоучения особенно надлежит избегать нетерпения в перенесении трудов, малодушного ропота и неблагодарного пустословия и не допускать осквернения себя, происходящего от испорченности и плотолюбия, что нечестивее всего другого. Ибо таковой колеблется на обе стороны и имеет храмлющие голени рассудка, как написано: «Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям!» (Сир. 2, 12). Тем же, которые придают полное значение твердости в перенесении страданий и постоянству в терпении, должно, я

думаю, приводить на память слово Христа, Который говорит: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф.16,24), то есть, если кто хочет быть Моим учеником, тот пусть охотно идет путем одинаковых с Моими страданий, пусть ходит как бы тою же стезею и любит ее. Потому что тогда он найдет себе успокоение и будет жить вместе со Мною. Этого Сам Он просил нам от Бога и Отца, говоря: «хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» (Ин. 17, 24). Впрочем, мы пребываем со Христом и тогда, когда ходим по земле, но живем не плотски, а духовно и сами стараемся устроить себе обитель и место покоя, т. е. творить угодное Ему. Прообраз сего представлен тебе в книге Чисел. В тот день, – сказано, – когда поставлена была скиния, облако покрыло скинию откровения, и с вечера над скиниею как бы огонь виден был до самого утра. Так было и всегда: облако покрывало ее [днем] и подобие огня ночью. И когда облако поднималось от скинии, тогда сыны Израилевы отправлялись в путь, и на месте, где останавливалось облако, там останавливались станом сыны Израилевы. По повелению Господню отправлялись сыны Израилевы в путь, и по повелению Господню останавливались: во все то время, когда облако стояло над скиниею, и они стояли; и если облако долгое время было над скиниею, то и сыны Израилевы следовали этому указанию Господа и не отправлялись; иногда же облако немного времени было над скиниею: они по указанию Господню останавливались, и по указанию Господню отправлялись в путь; иногда облако стояло *только* от вечера до утра, и поутру поднималось облако, тогда и они отправлялись; или день и ночь стояло облако, и когда поднималось, и они тогда отправлялись; или, если два дня, или месяц, или несколько дней стояло облако над скиниею, то и сыны Израилевы стояли и не отправлялись в путь; а когда оно поднималось, тогда отправлялись; по указанию Господню останавливались, и по указанию Господню отправлялись в путь: следовали указанию Господню по повелению Господню, *данному* чрез Моисея» (Чис.9, 15–23). Когда воздвигается была в пустыне святая скиния, ее, как сказано, наполняло облако. Затем, касательно отправления и остановки израильтян вместе

с нею, Бог дал подробнейшие наставления, повелевая с особенною тщательностью наблюдать время ее отправления, а склонным к лени указывая на опасность, угрожающую за несоблюдение сего. Так по буквальному изложению. Теперь рассмотрим со стороны духовного смысла. Вместе с тем как воздвиглась и воссияла на земле истиннейшая скиния, то есть Церковь, она исполнилась славы Христовой. Ибо не что иное как это, я думаю, означает покрытие облаком древней скинии. Итак, Христос исполнил Церковь славою Своею и для находящихся в неведении и заблуждении, для пребывающих как бы в ночи и во тьме, светит наподобие огня, возниспосылая на них духовное просвещение, а тем, которые уже просвещены и имеют Духовный день в сердце, дарует от Себя осенение и покров и напояет их духовною росой, то есть утешениями свыше чрез Духа Святого. Ибо это-то и есть то, что представлялось в виде огня ночью и в виде облака днем. Потому что младенчеству было нужно, очень нужно, просвещение и озарение, приводящее к богопознанию, а выше их стоящим и уже озаренным верою – покров и помощь, дабы они могли мужественно переносить жар настоящей жизни и тяготу дня. Ибо «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим. 3, 12). С поднятием облака воздвигается и скиния, а с остановкою его останавливается; вместе с нею делали то же и израильтяне: это потому, что Церковь всюду следует за Христом и святой сонм верующих не отступает от Призывающего ко спасению.

П. Но какое можно разуметь у нас поднятие с места и остановку, в предшествовании и под водительством Христа?

К. Различия в этих словах Писания, по моему мнению, нет; так как поднятие и остановка скинии вместе с облаком представляет нам собою как бы некоторое образное выражение желания быть с Богом. Впрочем, направляя ум к возможно более тонким соображениям, скажем еще и то, что первое поднятие с места есть восхождение от неверия к вере, от незнания к познанию и от неведения того, кто по естеству и истинно есть Бог, к ясному ведению Владыки и Творца всего. Второе же, следующее за тем и приносящее пользу поднятие

есть восхождение от испорченности и развращения к желанию и думать и делать сколько возможно лучше. А третье, предпочтительнейшее в сравнении с предыдущим и более славное, есть восхождение от недостатков к совершенству в действиях и учении. Разве не постепенно мы идем к духовному возрастанию во Христе, стремясь прийти «в мужа совершенна» и достигнуть «в меру возраста исполнения» Его (Еф.4, 13)? Об этом-то, может быть, и вещает нам голос божественного Павла: «забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания» (Флп.3, 13–14). Восходя же мысленно от незнания к познанию, от неведения к разумению, от неверия к вере и постоянно преуспевая в добродетелях, разве мы не переносимся с места на место? А переходя от одного какого-либо расположения или навыка к другому, разве не уподобляемся обыкновенным путникам?

П. Понимаю, что ты говоришь.

К. Но ни выхода из состояния испорченности, ни достижения лучшего и пребывания в нем каким бы то ни было способом никто не мог бы иметь без участия и водительства Христа, почему Он и святым ученикам Своим говорил: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Итак, тогдашнее поднятие с места в одно время с движением облака и остановка вместе с остановкою облака прикровенно означает быть с Богом и делать все с Ним. Впрочем, «повелением Господним, – сказано, – да воздвизаются» (Чис.9, 23). Это, я думаю, означает, что почитающие необходимым следовать за Христом имеют нужду также и в слове, возбуждающем к мужеству и благоустроению себя, приличествующему святым: «только всё, – сказано, – должно быть благопристойно и чинно» (1Кор. 14, 40). Образом того же служит и написанное далее. Ибо так сказал Бог священнотаиннику Моисею: «сделай себе две серебряные трубы, чеканные сделай их, чтобы они служили тебе для созывания общества и для снятия станов; когда затрубят ими, соберется к тебе все общество ко входу скинии собрания; когда одною трубою затрубят, соберутся к тебе князья и тысяченачальники Израилевы; когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к востоку; когда во второй раз

затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к югу ...; тревогу пусть трубят при отправлении их в путь; а когда надобно собрать собрание, трубите, но не тревогу; сыны Аароновы, священники, должны трубить трубами: это будет вам постановлением вечным в роды ваши» (Чис.10, 2–8).

П. Что же, скажи теперь, означают две трубы и различие знамений? Также, почему Бог повелел сделать трубы кованые и из серебра?

К. Две трубы: это потому, что увещательная проповедь в церквях – двоякого рода. Одна приводит уверовавших к правомыслию в учении и изобличает во лжи слово развращенных, каково, например, было слово «запрещающих вступать в брак и несообразно учивших употреблять в пищу то, что Бог сотворил» (1Тим. 4, 3). К таким я причислил бы также и учителей иудейских, которые, отвергнув одобренное и утвержденное законом Божественным, как устарелое, и считая его совершенно незначительным, повелевали руководимым ими успокаиваться на их собственных учениях и на заповедях человеческих. А иные некоторые неразумно учили оправданным верою обрезываться, «дабы похвалиться в вашей плоти», по написанному (Гал.6, 13). Но о них сказано было: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей» (Апок.22, 15; Флп.3, 2). Другого же рода проповедь приводит к нравственному исправлению и проясняет путь жизни во Христе. Серебряные же трубы собственной природою вещества, из которого сделаны, превосходно указывают нам на светлость и особенную чистоту того и другого рода проповеди. Сказано: звуком труб пусть созывается народ к скинии (Чис.10, 3): это потому, что проповедью созываются в церкви те, которые живут как бы в куцах своих. Тех же, которые сходятся сюда, мы и увещеваем восходить от постыднейшего к подобающему освященным и прекрасно научаем переходить от дурного к хорошему. Разве слово не приводит уступчивого и истинного любителя жизни во Христе к правомыслию в учении и нравственному исправлению?

П. Подтверждаю.

К. Итак, две трубы собирают народ к скинии. «когда одною трубою затрубят, – сказано, – соберутся к тебе князья и тысяченачальники Израилевы» (Чис.10, 4). Так как нуждаются, полагаю я, в увещании и возбуждении даже совершеннейшие по духовному состоянию, хотя и не в такой степени, в какой имеет нужду большинство остальных: поэтому-то всех других с трудом созывают две трубы, а избранных созывает одна. Это потому, что для мудрого достаточно немногого, чтобы он, взяв это за повод к дальнейшему, приложил и остальное согласно изречению: "дай *наставление* мудрому, и он будет еще мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание» (Притч. 9, 9). Затем Бог повелел наблюдать четыре различия знамений (Чис.10, 5–6), чтобы по ним снаряжались и воздвигались полки, находившиеся к востоку и западу, к северу и югу. Этим, я думаю, означаются для нас четыре книги Евангелий, посредством которых весь мир руководится к познанию вероучения и нравственности. Впрочем, если бы при дальнейшем размышлении можно было сказать нечто другое, то мы нисколько не замедлим, считая приобретение полезного более ценным, нежели сон и отягчение. Так мы найдем в этом четыре различных вида нашей проповеди, при помощи которых весь мир может вести жизнь превосходнейшую и поистине славную. Один и самый первый вид тот, посредством которого к познанию истины и восприятию света Божественного мы обыкновенно призываем служивших твари вместо Творца (Рим. 1, 25) и по неведению говорящих древу: «ты мой отец», и камню: «ты родил меня», как говорил пророк (Иер.2, 27). Остальные же три вида проповеди по справедливости относятся к уверовавшим уже. И Спаситель учил о трех различных видах жизни и поведения, когда говорил в притче, что брошенные на добрую землю семена произвели плод, «одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф.13, 8). Посему для каждого из них есть особо приличествующее ему слово. Ибо неправильно поступили бы мы, если бы неосмотрительно одною и тою же проповедью думали принести пользу как тем, которые, сочетавшись законным браком, разделили свою привязанность между Богом и миром, так и тем, которые избрали превосходнейшую и

подвижническую жизнь, или приличествующую священству: но первым мы скажем: «Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены» (1Кор.7, 27) или иное что-нибудь, что приличествует думать и делать вступившим в брак; подвижникам же и навывшим в терпении: «умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть» (Кол. 3, 5), и еще: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18). Призванным же к священству: «уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его» (Мал. 2, 7), а равно и то, что внушает премудрый Павел Тимофею в своих Посланиях к нему. Разве приведенные места Писания отступают от того, что прилично, и ведут к тому, что неправо?

П. Никаким образом.

К. Заметь еще и то, что Бог повелевает употреблять трубы только получившим жребий священства, предоставив чрез то, как я думаю, одним учителям народов и посвященным во священство слово тайноводственное и возбуждающее к желанию добродетели. Поэтому-то, я думаю, говорит Он к Моисею: «сотвори себе две трубы» (Чис.10, 2), и, утверждая это дело как бы печатью закона, прибавляет: «сыны Аароновы, священники, должны трубить трубами: это будет вам постановлением вечным в роды ваши» (Чис.10, 8).

П. Итак, виды знамений мы примем в значении различного рода наставлений, приличествующих тому или другому роду похвально живущих, а поднятие и остановку израильтян вместе с облаком – в значении духовного споследования Христу и упокоения с Ним.

К. Ты справедливо говоришь; и в этом мнении убедит нас слово пророка, которое гласит так: и ныне Израиль, «чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих.6, 8.)?

П. Что «ходить с Господом Богом твоим» есть дело прекрасное и всякого достойное и за мужество обогащает славою, это может ли быть для кого не ясно? Но я бы желал чтобы ты объяснил мне, что значит: «готову бытии»?

К. Отчего же нет? Это значит: «со всею готовностью стремиться к тому, чтобы мыслить и поступать угодно Богу, когда это так удобно для нас, и ничто этому не препятствует и не отвлекает в неискусен ум (Рим. 1, 28); это, я думаю, и значат слова: «готову быти еже ходити с Богом».

П. За кого же вообще будем мы считать желающих следовать Богу, но еще не от всей души готовых на это дело, но падающих по причине бессилия и отказывающихся от того, что требует усилий?

К. Для тех, которые отличаются медлительностью и едва доходят до желания мыслить угодное Богу, не прилепились всем помышлением своим к жизни, приличествующей святым, которые лишь малую долю присущего им старания и усердия уделяют для любви к Богу, все же остальное решились беспощадно и открыто расточать на развлечения настоящей жизни, на бесполезные труды и тяжкие заботы, – для таковых образом служат сыны Рувима и Гада, о которых в книге Чисел написано следующее: «У сынов Рувимовых и у сынов Гадовых стад было весьма много; и увидели они, что земля Иазер и земля Галаад есть место *годное* для стад; и пришли сыны Гадовы и сыны Рувимовы и сказали Моисею и Елеазару священнику и князьям общества, говоря: Атароф и Дивон, и Иазер, и Нимра, и Есевон, и Елеале, и Севам, и Нево, и Веон, земля, которую Господь поразил пред обществом Израилевым, есть земля *годная* для стад, а у рабов твоих есть стада. И сказали: если мы нашли благоволение в глазах твоих, отдай землю сию рабам твоим во владение; не переводи нас чрез Иордан. И сказал Моисей сынам Гадовым и сынам Рувимовым: братья ваши пойдут на войну, а вы останетесь здесь? для чего вы отвращаете сердце сынов Израилевых от перехода в землю, которую дает им Господь?» (Чис.32, 1–7.) Затем, присоединив к сказанному укоризну отцам их за неповиновение и указав на наказание, постигшее их за это, ибо «умерли в пустыне», как сказано о них (Нав.5, 4), не увидев, так сказать, земли обетования, он прибавляет еще: «И вот, вместо отцов ваших восстали вы, отродье грешников, чтоб усилить еще ярость гнева Господня на Израиля. Если вы отвертитесь от Него, то Он опять

оставит его в пустыне, и вы погубите весь народ сей. И подошли они к нему и сказали: мы построим здесь овчие дворы для стад наших и города для детей наших; сами же мы первые вооружимся и пойдем пред сынами Израилевыми, доколе не приведем их в места их; а дети наши пусть останутся в укрепленных городах, для безопасности от жителей земли; не возвратимся в дома наши, доколе не вступят сыны Израилевы каждый в удел свой; ибо мы не возьмем с ними удела по ту сторону Иордана и далее, если удел нам достанется по эту сторону Иордана, к востоку (Чис.32, 14–19). Видишь отсюда, что ради пастбищ и хлебов для скота, из-за любви к женам и детям, эти люди совсем не хотели перейти Иордан, но решались вовсе отказаться от войны и битв и не захотели участвовать вместе с другими в славе и надежде на будущие блага: им казалось самым лучшим и вожделенным остаться, не омочив, так сказать, ноги в водах Иордана. Когда же Моисей стал укорять их и внушать, как страшно пренебрежение к гневу Божию, только тогда едва дают они обещание перейти вместе с другими Иордан и принять участие в трудах войны и битв, но не с тем, чтобы участвовать с прочими и в разделе земли по ту сторону Иордана, так как уже имели или удерживали участок по сию сторону. Таковыми оказываются некоторые по образу жизни: будучи подавлены заботами о настоящей жизни и как бы все сердце свое отдавая помышлению о земном, они едва уделяют самое малое попечению о необходимом, а о том, что относится до Бога, не заботятся; «много званых, – сказано, – а мало избранных» (Мф.20, 16). Относясь к числу званых только по вере, но не будучи еще в числе избранных вследствие удобопреклонности их к удовольствию, медлительные и весьма нерешительные даже относительно самой благодати святого крещения, они боятся принять труды ради славы Божией и своего собственного блага, как прилично святым, и вместе с искренними Божиими подвергаться гонениям, хотя бы к тому и представлялось благоприятное время. Только тогда, когда начинает укорять их Божественный закон или угрожать гнев Божий, они идут, и то нерешительно, к спасительному крещению и вместе с избранными принимают участие в трудах, вместе с

ними постясь, только более умеренно, или даже соревнуют им, когда церкви подвергаются нападениям, однако еще не дошли до убеждения презирать мирское, но возвращаются к земным удовольствиям и наслаждениям, как бы к собственному и назначенному им уделу. Поэтому-то Христос говорил любителям правоты и ревновавшим всего более о благочестии: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34). Разве ты не признаешь этого дела опасным?

П. Признаю; как же иначе?

К. Направь же теперь проницательное око ума в глубину написанного, и ты весьма удивишься красоте образа.

П. Каким образом?

К. Обнаружившие равнодушие в отношении превосходнейшего из-за пастбищ для скота, из-за детей и жен, хлебов и построек были Рувим и Гад.

П. Так что ж из этого?

К. Тот был первородным сыном Иакова, а этот родился от рабыни Зелфы.

П. Правда.

К. Итак, первородные по вере и званые те, которые получили от Бога, насколько возможно для них, по благодати избранный жребий, не оказались любителями свободы, вследствие преобладающей в них склонности к постыдному. «церкви первенцев, написанных на небесах», говорим мы, названы оправданные верою (Евр.12, 23); но первородный нелюбитель свободы является скорее сообщником и единомышленником тех, которые предают себя позору рабства.

П. Ты превосходно сказал.

К. Но так как мое слово уже приближается к берегу и, так сказать, бросает канаты, то прилично сказать и напомнить еще раз, что должно быть мужественным в стремлении к тому, что служит на пользу, и признавать труды подвигом в добродетели, и верить, что один Бог спасает и дарует силу победить восстающих против нас, хотя бы они и превосходили нас силами. А что мы употребляем усилия не бесполезные, перенося труды ради добродетели, этому научит нас Моисей,

говоря во Второзаконии: «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Втор. 8, 2) Не позволяет он также и недоговать малодушною боязливостью тем, которые очень хорошо видят руку защищающего их. А в другом месте он пишет так: «Если скажешь в сердце твоём: `народы сии многочисленнее меня; как я могу изгнать их?` Не бойся их, вспомни то, что сделал Господь, Бог твой, с фараоном и всем Египтом, те великие испытания, которые видели глаза твои, знамения, чудеса, и руку крепкую и мышцу высокую, с какими вывел тебя Господь, Бог твой; то же сделает Господь, Бог твой, со всеми народами, которых ты боишься» (Втор. 7, 17–19).

Книга 6. О том, что нам должно быть приверженными к единому по естеству Богу и любить Его от всей души и от всего сердца

Кирилл. О мужестве, во Христе мыслимом, и духовно крепости достаточно, кажется, сказано нами, Палладий; и необходимо еще, как я думаю, обозреть, в чем эти качеств могут у нас проявляться.

Палладий. Ты хорошо говоришь.

К. Итак, обращая вокруг себя умственный взор и направляя его к тщательному обозрению того, что до нас касается, посмотрим внимательно, какою стезею идя, мы будем светлыми и примем, как бы венец, приговор, что мы поступали вполне достохвально. Разве тебе не кажется, что я правильно рассуждаю, предпринявши исследование этого предмета?

П. Без сомнения, я и сам сказал бы, что надобно прежде всего получить возбуждение чрез призвание к мужеству и восхотеть того, чрез что можно сделаться светлым и прямым путем достигнуть непорочной жизни.

К. Будем же говорить. Опора всего дома есть фундамент, и начало корабля – киль, а для решившегося поступать правильно основание и первая подпора есть познание истины неложное учение веры в единого по естеству и истинного Бога. Ибо «Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены», говорит Священное Писание (Ис. 7, 9). Не разумеющие ничего из необходимого не могут преуспевать, не умея поступать правильно. Разве не соглашаешься ты, что для приобретения похвалы нам необходимо исследование всего, что должно делать, если мы вознамерились правильно совершать то, что совершать необходимо?

П. Соглашаюсь.

К. Итак, вера есть питательница разума; а разумение составляет для нас пробный камень того, что должно делать. Поэтому, когда Бог всяческих как бы пестуном и мудрым правителем над сынами Израилевыми поставил данный чрез Моисея закон, то как бы фундамент и непоколебимое начало

прежде всего положил Он ведение о едином и истинном Божестве: потому что Он не признавал для них возможным достигнуть безукоризненной и чистой жизни, настроиться согласно с законом, советником прекрасных дел, и следовать заповедям, если они не воспримут в свой ум, как бы ограждение, веру в Бога и не будут таким образом мужественно про-тивостоять вожделениям, располагающим их к нерадивости. Итак, было весьма необходимо, чтобы древние наперед отложили, как бы какую душевную немощь, заблуждение многобожия и надлежащим образом утвердились в вере в единого по естеству и истинного Бога. Поэтому прежде всего воссиял им закон: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20, 2–6). Ибо поистине надлежало, чтобы жестокими угрозами уstraшены были те, которые иначе не приняли бы заповеди; посему Бог и называет Себя ревнителем и грехи отцов возлагающим на детей их, если они захотят жить подобно тем и соревновать преткновениям своих предков. Мы не говорим, что грехи отцов падают на не провинившихся совершенно ни в чем, когда Бог ясно возгласил: «Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор. 24, 16). Но если дети следуют нравам отцов и бывают соревнователями нечестия предков, то, конечно, грех простирается и на них. И хотя бы случилось, что Бог, Который над всем, по сродному Ему человеколюбию, освободил первых от наказания, однако же потом Он устремляет на вторых или на третьих Свой гнев, по справедливости навлеченный и заслуженный прежде нечестивым родом. Итак, Он возбуждал к страху, именуя Себя

Богом ревнителем; но и другим способом утверждал Он их в вере, обещая творить «милость в тысящах любящим» Его. К этому Он присовокупил еще близкую и сродную заповедь: «Не произноси, – говорит, – имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20, 6–7). Некоторые делали это, усвояя название Бога дереву и камням и невежественно перенося имя, которое выше всякого имени, на произведение искусства и труда рук человеческих. О них Бог сказал гласом Исайи: «Плотник [выбрав дерево], протягивает по нему линию, остроконечным орудием делает на нем очертание, потом обделывает его резцом и округляет его, и выделяет из него образ человека красивого вида, чтобы поставить его в доме. Он рубит себе кедры, берет сосну и дуб, которые выберет между деревьями в лесу, садит ясень, а дождь возвращает его. И это служит человеку топливом, и часть из этого употребляет он на то, чтобы ему было тепло, и разводит огонь, и печет хлеб. И из того же делает бога, и поклоняется ему, делает идола, и повергается перед ним» (Ис. 44, 13–15). И после других изречений: познайте, «яко пепел есть сердце их, и прельщаются» (Ис. 44, 20). Они-то приемлют имя Господа всуе. Но я думаю, что те, которые стали уже вне сети диавольской и познали Бога истинного, не должны склоняться к пустым мыслям и безрассудно чтить низкое, увлекаясь к признанию других богов, или думать, что есть какие-нибудь боги, кроме Единого и Истинного. Ибо если и называются некоторые богами и господами «на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1Кор. 8, 5–6), и един Дух Святой, в Котором все и мы в Нем. Мы не будем сокращать по-иудейски естество Божества в одного только Бога Отца, но как бы расширим его в Святую и Единосущную Троицу; вместе с тем, различая его по свойству лиц и по особенностям ипостасей, опять сократим его в единого Бога по причине тождества существа, и Ему будем служить, Ему поклоняться, призывая Отца и Сына и Святого Духа. Ибо сказано: «да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»

(Исх. 20, 3). И еще: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4, 10; см. Втор. 6, 13). поскольку же един есть Бог Отец, и един Господь Сын, и един Дух Святой исходящий, то не будем лишать ни единого Бога истинного господства, ни истинно и по естеству Господа – божества. Ибо без сомнения за божеством по естеству следует господство и за истинным господством слава божества.

П. Весьма правильно и весьма мудро сказал ты.

К. Итак, Палладий, мы будем знать единого Бога и отнюдь никого не будем приравнивать к Нему, сколько возможно дальше отстраняя от своей души нечестивое и преступное двоедушие, как по истине полное надменности и своеволия, дабы и нам не возгласило священное слово: «долго ли вам хромать на оба колена?» Если Ваалу, так Ваалу, а если Богу, так Богу (3Цар. 18, 21). Нам нужно являться одинаковыми, а не разномыслящими и колеблющимися и с полной готовностью переходящими к тому, к чему не следует; а хромание на обе ноги и колебание я назвал бы самым безбожным делом. Так и древний закон наказывает смертью непостоянного, ибо говорит: «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен» (Исх. 22, 20). Поэтому восставать против Божественной славы и приличествующее ей, и только ей одной, пытаться воздавать кому вздумается, и не сущим по естеству богам, есть постыднейший из недугов, даже более – преступление и виновность в крайнем нечестии. Итак, истинно чистому и боголюбивому необходимо удаляться от таких вещей и не только сердце очищать, но даже, так сказать, и на язык никогда не допускать имени: идол. Ибо написано: «имени других богов не упоминайте; да не слышится оно из уст твоих» (Исх. 23, 13). поскольку что постыдно знать, о том и говорить не безвредно. Решившимся же всячески чтить чистоту в вере следует памятовать блаженного Павла, пишущего так: «невозможно – однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием» (Евр. 6, 4–6). Ибо однажды приведенные к восприятию небесной и Божественной

благодати чрез святое крещение, принявшие истинное и животворящее слово о Воскресении и Царстве Христовом, если решатся возвратиться к прежнему и подвергнуться прежней болезни, не обновятся к очищению чрез второе крещение. Ибо «неверствие их веру Божию не упразднит», как говорит божественный Павел (Рим. 3, 3). И из-за того, что некоторые, идя назад, пренебрегли Божественною благодатью, мы не будем обвинять ее в непостоянстве: напротив, Судия всех подвергнет наказаниям людей, не уклонившихся от падения в столь великое нечестие, что попрали Сына Божия, кровь Завета сочли обыкновенною кровью и оскорбили Духа благодати, в Котором они освятились и соделались общниками Божественного естества (Евр. 10, 29). Как воина, бросившего щит и бежавшего с поля битвы, должно не удаивать вторично доспехов, а наказывать и подвергать взысканию за трусость, таким же точно, я думаю, образом и оскорбляющих священную и дивную благодать следует не вторично удаивать дара Духа Святого, по отвержения первого, но уже подвергать наказаниям. Что однажды просвещенным следует достигать такого образа мыслей и такой твердости суждения, чтобы знать единого по естеству Бога, гнушаться вводящими кроме сего что-либо другое и весьма охотно нападать на идолов, разрушать капища и за ничто считать эллинские святыни, этому научит нас и древнее слово. Вот что написано в книге Чисел: «И сказал Господь Моисею на равнинах Моавитских у Иордана, против Иерихона, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: когда перейдете через Иордан в землю Ханаанскую, то прогоните от себя всех жителей земли и истребите все изображения их, и всех литых идолов их истребите и все высоты их разорите» (Чис. 33, 50–52). Понимаешь ли, что перешедшим Иордан надлежало истреблять жертвенники и священные рощи и немедленно разрушать самих идолов и капища, так как давать пощаду таким дурным вещам было бы ясным признаком того, что они недостаточно утвердились и не посвятили Богу непорочного сердца, тогда как Он ясно говорит о безбожных и злых: «то не поклоняйся богам их, и не служи им, и не подражай делам их, но сокруши их и

разрушь столбы их: служите Господу, Богу вашему, и Он благословит хлеб твой... и воду твою; и отвращу от вас болезни. Не будет преждевременно рождающих и бесплодных в земле твоей; число дней твоих сделаю полным» (Исх. 23, 24–26). Итак, ясно, что для людей, крепко утвердившихся и по здравому разуму предающих себя Богу всяческих, позаботившихся также представить очевидное доказательство этого, именно разрушение жертвенников, капищ и кумиров людей умоповрежденных, такой образ действий будет виновником Божественных дарований.

П. Правда.

К. Если, говорит, разрушишь рукотворенное и будешь служить Богу, возненавидевши обычаи их, то «благословлю хлеб твой, и вино твое, и воду твою». Слово таинственное и глубокое: оно значит, что для верных Богу причастие Христовых Таин и благодать, даруемая святым крещением, послужит в благословение духовное, а для двоедушествующих, склонных к отступничеству – в гнев и осуждение. А разве это маловажно – принять благословение духовное? Об этом-то, я думаю, и сказал премудрый Павел, что «кто ест и пьет Тело и Кровь Христа недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» (1Кор. 11, 29, 28). Итак, для истинно боголюбивейших причастие Святых Таин будет, сказано, в благословение; и они освободятся от немощи, то есть от склонности недуговать несправедливостью и слабодушием. «Не будет безчаден, сказано, среди их, ниже неплоды»; ибо всякая боголюбивая и преподобная душа весьма чадородна и изобильна святыми плодами, то есть славою добродетели.

П. Это так.

К. Не позволяя иметь удобоколеблемое сердце, (Бог) искусно приводит к решимости сохранять устойчивость в вере и непоколебимость в благочестии: иногда приличными соображениями научая лучшему, Он повелевает пренебрегать, или лучше, совершенно отвращаться от жертвоприношения или поклонения идолам, как причиняющего гибель, показывая, что

такого рода болезнь исполнена крайней вины и даже величайшего нечестия; иногда же, приставив к нам страх наказания, как бы пестуна и отличного стража, всячески обращает нас к тому, что Ему угодно. Так и говорит блаженный Моисей во Второзаконии: «Вот постановления и законы, которые вы должны стараться исполнять в земле, которую Господь, Бог отцов твоих, дает тебе во владение, во все дни, которые вы будете жить на той земле. Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом; и разрушите жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того» (Втор.12, 1–3). Эллинские мудрецы и избранники, особенно же поэты называют нимф или демонов какими-то Ориадами и Амадриадами. А есть и такие, которые, вознамерившись чтить своих богов на местах возвышенных, поставили на горах жертвенники, стали заботиться о принесении в жертву волов и, утвердивши вокруг более красивых деревьев статуи и изображения демонов, занимались заклинанием в жертву овец. Но было необходимо, чтобы подчинившиеся истинному и по естеству Богу, ничего не страшась, разрушали эти кумиры заблуждающихся и как можно дальше отступали от их обычаев. Поэтому сказано еще: «Когда Господь, Бог твой, истребит от лица твоего народы, к которым ты идешь, чтобы взять их во владение, и ты, взяв их, поселишься в земле их; тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последуя им, по истреблении их от лица твоего, и не искал богов их, говоря: `как служили народы сии богам своим, так буду и я делать`; не делай так Господу, Богу твоему, ибо все, чего гнушается Господь, что ненавидит Он, они делают богам своим: они и сыновей своих и дочерей своих сожигают на огне богам своим» (Втор.12, 29–31). Правильно Законодатель совершенно запрещает подражание заблуждающимся и строго повелевает удаляться от немилосердного заклинания детей; а кровожадных и лжеименных богов обличает, как разрушителей и губителей человечества, грубо пренебрегающих, по своему произволу, даже природными законами любви. «Он создал все

для бытия, и все в мире спасительно и... нет и царства ада на земле. ...завистью диавола вошла в мир смерть» (Прем. 1:14, 2:24). И тогда как Божественное изволение ниспровергает смерть и разрушает тление и ненавидит небытие существующего; «создал все для бытия», как написано: напротив, те, которые корыстью демонов уловлены в сети заблуждения, приносят сатане как бы сласти и самые лучшие и благовоннейшие курения, погибель сотворенного для жизни и смерть созданного "для бытия". Итак, Он хотел прекраснейшим образом показать, что дела их (язычников) исполнены крайней виновности, что природа у них оскорбляется и законы достожеланного чадолюбия попираются; таким образом Он сильно привлекал тех служителей, которые имеют ум благородный и ненавидящий злое, к тому, чтобы чтить и усердно принимать то, чего Он хочет и что говорит. Такое-то законоположение было сделано в древности для ниспровержения у них нечестия. Но кроме того Он определяет смерть тому, кто хочет переубедить утвердившегося и боголюбиво воспринявшего ведение истины. Ибо так сказал Он еще: «Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: `пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им`, – то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо *чрез сие* искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей; Господу, Богу вашему, последуйте и Его бойтесь, заповеди Его соблюдайте и гласа Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепляйтесь; а пророка того или сновидца того должно предать смерти за то, что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего» (Втор. 13, 1–5). Какой святой и приличный Богу закон! Если убийцам тела всенепременно следует по законам умереть, как же не потерпеть того же по справедливости человеку, вводящему душу в губительное заблуждение и ввергающему в ров гибели то, что, по гласу Самого Спасителя, лучше тела (Мф. 10, 28)? Итак, Бог признал справедливым, чтобы лжец и обманщик наказан был смертью;

но такое же наказание определяет Он и тем, которые с удобопреклонным и легкомысленным расположением духа внимают таким людям. Когда легко можно было, отрезвившись умом, найти прибежище в истине, зачем же, говорит, он добровольно бежал к неправде? «Если найдется среди тебя в каком-либо из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе, мужчина или женщина, кто сделает зло пред очами Господа, Бога твоего, преступив завет Его, и пойдет и станет служить иным богам, и поклонится им, или солнцу, или луне, или всему воинству небесному, чего я не повелел, и тебе возвещено будет, и ты услышишь, то ты хорошо разыщи; и если это точная правда, если сделана мерзость сия в Израиле, то выведи мужчину того, или женщину ту, которые сделали зло сие, к воротам твоим и побей их камнями до смерти. По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля; рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среды себя» (Втор. 17, 2–7).

Когда оскорблен Бог в Его почитании, тогда быть милосердным небезопасно и даже весьма вредно – не время разнеживаться в слабодушном, взаимном благорасположении. Об этом-то, я думаю, и сказал Господь: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10, 37). Пусть тогда исчезнет закон сочувствия и удалится сила естественной любви и все, что относится к человеколюбию, чтобы, так сказать, посредством благочестивой жестокости воздано было почитание Богу. Не благочестивым ли назовешь ты делом, чтобы немилосердно наказывались совершающие неизвинительное отступничество, как оскорбляющие высшую над всем славу и не отказывающиеся беззаботно бесчестить Того, Которого лучше было бы радовать стараниями о твердости?

П. Благочестивым; как же иначе?

К. Напомню я еще то, что сказал Он древним: «какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и осуетились» (Иер.2, 5.) И как бы изумившись

крайнему невежеству сынов Израилевых, Он говорит: «Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь. Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер.2, 12–13). Я считаю, и не без основания, лишенными всякого благоразумия тех, которые, удаляясь от служения Богу, служат твари, помимо Зиждителя и Творца, или, ниспадая к еще более постыдному заблуждению, поклоняются делам рук своих, тогда как легко было бы, если бы они захотели правильно мыслить, из создания мира усмотреть красоту всевышнего и неизреченного естества и от стройности происшедшего бытия прийти к мысли о Чиноначальнике, Вожде и Творце этой вселенной. Но некоторые из древних, презревши столь достойный и дивный образ мыслей, променяли золотое на медное, выражаясь словами эллинских поэтов, потому что, оставивши поклонение Богу по естеству, по-детски обратились к бесполезному идолослужению, стыд и смех низводя на свою голову и сами на себя призывая лишение вышней помощи. Так и сказал Бог: «Как вор, когда поймают его, бывает осрамлен, так осрамил себя дом Израилев: они, цари их, князья их, и священники их, и пророки их, – говоря дереву: `ты мой отец`, и камню: `ты родил меня`; ибо они оборотили ко Мне спину, а не лице; а во время бедствия своего будут говорить: `встань и спаси нас!` Где же боги твои, которых ты сделал себе? - пусть они встанут, если могут спасти тебя во время бедствия твоего; ибо сколько у тебя городов, столько и богов у тебя, Иуда. Для чего вам состязаться со Мною? – все вы ... согрешали против Меня, говорит Господь» (Иер.2, 26–29).

П. Поистине ужасно это дело, друг мой.

К. Но есть и из числящихся между нами некоторые, еще не очень утвердившиеся, которые имеют ложную и притворную любовь ко Христу и, облекшись, как бы овечьей шкурою, видом боголюбивых, оказываются свирепыми и нечистыми зверями, лукавыми и перебежчиками, так что дома и ночью, то есть скрытно, они предаются демонскому служению, по всей вероятности думая, что возможно убежать и от Самого Бога и

обмануть ум естества неизреченного. Можно доказать – и притом без труда, – что человек, так думающий, имеет образ мыслей более низкий, нежели какой свойствен был безумию эллинов. Ибо эллинским мудрецам казалось правильным, что созданное и происшедшее солнце, светило великое, для того самого и сотворенное Богом (чтобы светить), все назирает и все слышит; потому что они думали, что признаваемое за Бога должно обладать и достоинствами Божественного естества; достоинство же высочайшего естества – все знать и видеть. Такого мнения они держатся; а нам древле возглашал Бог: «Разве Я – Бог *только* вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали? Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его?» (Иер.23, 23–24.) Ибо ничто не может скрыться от Того, Кто истинно по естеству Бог. Да научит нас и блаженный Давид, говоря: «Образумьтесь, бессмысленные люди! когда вы будете умны, невежды? Насадивший ухо не услышит ли?» (Пс.93, 8–9.) И я думаю, по неразумию, некоторые говорили: «не увидит Господь, и не узнает Бог Иаковлев» (Пс.93, 7). Не совершенно ли глупо говорить, что Податель знания не знает, и думать, что Дающий чувство слуха сотворенным от Него существам не слышит?

П. Совершенно нелепо.

К. Итак, должно поклоняться только единому Господу Богу, по Писаниям, иному же, кроме Его, никому. Ибо написано: «будь непорочен пред Господом Богом твоим» (Втор. 18, 13). Совершенство же духовное есть утверждение в вере, непорочность в служении и безупречная красота любви к Богу.

П. Так полагаю.

К. Итак, Палладий, неужели мы избавим от порицания и мины тех, которые хотя решились не поклоняться иным богам или твари помимо Творца, но, не знаю, каким образом, доверяют лжепрорицаниям идолослужащих? Разве объявлять их свободными от обвинения в отступничестве безопасно для истинно верных?

П. Никак.

К. Звездочетство же и гадания, лжепророчества и демонские обольщения приличествовали бы, я думаю, одним

только тем, которые с неразумнейшей готовностью допускают в свою душу бесславное и проклятое идолослужение.

П. Ты правильно сказал, потому что и Божественное слово повелевает нам гнушаться заключающейся в этом мерзостью. Именно там написано: «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это» (Втор. 18, 9–12). И через несколько слов за тем говорит опять: «будь непорочен пред Господом Богом твоим; ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей, а тебе не то дал Господь Бог твой. Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте, – так как ты просил у Господа Бога твоего при Хориве в день собрания» (Втор. 18, 13–16).

К. Хорошо, друг мой. Итак, мы не будем следовать истолкователям предзнаменований и вопрошателям мертвых, не будем также принимать за истинное какое-то дело и полета птиц, направо ли они летят или налево, к западу или к востоку; потому что это естественно крайнему невежеству. Напротив, признавая вождем всего Христа, ради нас соделавшегося подобным нам, и пророком, от Него примем знание необходимого, при Нем будем находиться безотлучно, далеко прогоняя и отвергая лжесловие демонов. Ибо как оживотворение и произведение всего естественно и собственно принадлежит Богу, так, думаю, и знание всего. Его естеству исключительно свойственно – ясно знать будущее и иметь в Себе как бы собранным знание всего. Не кажется ли тебе мудрым и истинным сказанное об этом?

П. Совершенно так.

К. Итак, мы против Него погрешим и на высочайшую славу взведем обвинение, если будем верить, что мерзким и нечистым духам присуще то, чем Он украшается и является весьма славным. После этого думающие так глупо могут

предположить, что сатана в состоянии и животворить, и быть создателем, если мы припишем ему и будем считать свойственным его природе лучшее из всего и принадлежащее собственно естеству Божию; собственное же и лучшее благо высочайшего естества есть знание будущего. Не истинно ли то, что я говорю?

П. И очень. Ибо гласом Исайи сказано некоторым, воздающим твари принадлежащее Богу: «Вспомните это и покажите себя мужами; примите это, отступники, к сердцу; вспомните прежде бывшее, от *начала* века, ибо Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю: Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю» (Ис.46,8–10). Итак, как бы указанием того, что нет другого какого-либо по естеству и истинно Бога, кроме Его, он поставил для слушателей то, что Он может возвещать последняя прежде, нежели оно сбылось.

К. Хорошо, Палладий. Но я желал бы, чтоб мы, тщательно обозревая истину, рассмотрели и следующее: если мы вполне принадлежим к числу желающих жить правильно и по Евангелию, то как после этого мы будем следовать обольщениям лжепророчеств? И внимая им, как будто бы какое-либо слово их истинно, не сочтем ли мы лживыми и слова Спасителя? Ибо Он сказал надменным и гордым иудеям: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44). Каким же образом лжец будет говорить истину? И каким образом не устоявший в истине не будет везде и во всем говорящим ошибочное? Итак, не ясно ли, Палладий, что, приписывая истинность речам демонов, мы Христа обвиним во лжи и скажем, что истина говорит ложь?

П. Недалеко до этого.

К. Сверх того, присоединил бы я еще к сказанному, мы научены Христом не принимать речей нечистых духов, если бы даже они захотели когда-нибудь предлагать неупотребительную у них и неприличную для них истину.

П. Как же так?

К. Не слышишь ли святых Евангелистов, написавших, что демоны приступали ко Христу, пронзительно и громко крича: «оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий» (Мк.1, 24). Он же, «запрещал им, – сказано, – сказывать, что они знают, что Он Христос» (Лк. 4, 41). Почему, однако, – спросил бы по справедливости кто-нибудь, – Христос запрещал им, когда они провозглашали истинное? – Совершаемое было полезно для нас. Ибо чрез это мы научаемся, что мы не должны приникать к словам их, если бы даже они хотели возглашать самую истину и говорить очевидно верное: потому что, вплетая по временам в истину ложь, они вредят слушателям, не иным, думаю, способом, как таким, какой мы видим у людей, примесью меда отнимающих ощущение горького и прибавлением сладкого хотящих удалить неприятный вкус.

П. Итак, без сомнения, опасно внимать обольщениям прорицателей.

К. Смертью наказывает Бог такое дело и ставит его в числе крайних зол. Он так сказал в книге Левит: «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то Я обращу лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее. Освящайте себя и будьте святы, ибо Я Господь, Бог ваш, [свят]» (Лев. 20, 6–7). И несколько дальше: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев.20, 27). Во-первых, Он запрещает следовать лживым гаданиям по звездам или по трупам умерших, говоря, что это дело весьма далеко от приличествующего святым образу жизни и совершенно не пристойно предающим себя Богу; а во-вторых, определяет смерть и самим гадалеям, говоря, что они повинны, и не допуская нам оказывать милость людям, дошедшим до такой негодности, что они сделались сетью смерти, ловушкой для невинных душ, дверью к гибели, дном ада (Притч. 9, 18); и каким еще из таковых зол они не сделались? Но, я думаю, было бы мудро и правильно – мыслить, что Бог установил столь

горькую и превосходящую всякое несчастье кару не для тех, которые могут знать и другим сообщать будущее и имеют сказать о нем нечто истинное. Ибо не слово истины наказывается, а лжесловие проклинается; но кто будет уличен в совершении сего, и притом как бы от Бога, тот клеветает на само неизреченное естество и, приписывая истине ложь, как бы приличествующую ей, претерпев равное вине наказание, устремится к гибели. Слово (Божие) порицает не тех, которые от Бога (получают дар предсказания): да не будет! -а тех, которые делают вид, как будто от Бога: так что предсказание их не свободно и от лжи. И так как они, не принявши от истины, говорят, что вздумается и что им самим кажется, то вследствие этого они и погрешают.

П. Итак, по этому признаку мы можем распознать, Бог ли провещавает или они говорят от себя самих?

К. И очень. Ибо и в этом Божественный закон тотчас убедит нас. Бог так сказал во Второзаконии: если же скажет кто «в сердце твоём: `как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?» Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, -не бойся его» (Втор. 18, 21–22). Слышишь ли, он говорит, что неисполнение предсказываемого будет ясным доказательством того, что это не от Бога проречено, потому что истина любит истину? Нечто подобное говорит Он и гласом Иеремии: «Разве Я – Бог *только* вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали? Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его? говорит Господь. Не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь. Я слышал, что говорят пророки, Моим именем пророчествующие ложь» (Иер. 23, 23–25). Затем, в промежутке предложивши нелегкое обвинение против презирающих Божественные законы, поставляет истину ясным показанием того, что от Бога и что нет. Ибо Он сказал еще: «Пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его как сон; а у которого Мое слово, тот пусть говорит слово Мое верно» (Иер. 23, 28). Таким образом, если бы оказалось что-либо погрешающим против истины, то это тотчас же показало бы, что виновник предсказания лжеречив и говорит

«от сердца своего, а не от уст Господних», как написано (Иер.23,16).

П. Хочешь ли, подвергнем исследованию нечто из необходимого, или, опустивши это, пойдем туда, куда поведет нас твоя речь?

К. Да ведь мы, Палладий, немало ценим необходимое на пользу, так что я по справедливости счел бы виною – не говорить свободно о том, о чем представляется нужным; итак, скажи, нимало не медля.

П. Если не от уст Господних говорят некоторые, но изрыгают, как ты говоришь, слово от сердца своего, то каким образом та жена-чревовещательница привела Саулу святого умершего Самуила, рассказавшего ему исход будущего? Некоторые думают, что это совершилось так именно, а не иначе.

К. А ты сам думаешь ли, что это было не так, и рассуждаешь ли об этом правильнее, или легкомысленно утверждаешь, что душа праведника на самом деле подверглась насилию и пришла по зову женщины?

П. Я не мог бы сказать об этом с достоверностью; но думаю, что исследование раскроет истину.

К. Ты хорошо сказал. Итак, прежде всего другого должно быть тщательно исследовано пока то, чрез Бога ли чудодействуют и завершают такого рода дела те, которые этим занимаются, или чрез злых духов.

П. Кто же дойдет до такой нелепости мыслей, чтобы думать, что вопрошатели мертвых, чревовещатели и заклинатели чудодействуют чрез Бога? Напомню о законе, определяющем крайнее наказание всякому, решившемуся делать это. После этого как же не бессмысленно думать, что осужденный на смерть не негоден Богу? Ведь не станет же Он вести борьбу с своими собственными законами.

К. Ты превосходно рассуждаешь. Притом в этом случае души святых, освободившиеся от тел, нам придется считать презренными и ни во что вменяемыми, доходящими до такого бедственного положения, что подчиняются злым и нечистым духам, легко заставляющим их невольно следовать, куда бы

они (духи) ни пожелали. Между тем премудрый Иоанн, составивший нам книгу Откровения, которая и решением Отцов одобрена, ясно утверждает, что души святых он видел под самым божественным жертвенником (Апок.6,9); если же они (злые духи) влекут души (святых) из их вышних обителей, беспощадно уводят их из священнейших мест, – и никто не препятствует, – то всем демонам доступно небо, отворяются пред ними, по-видимому, и врата рая; отступает, как кажется, пред ними и пламенное оружие, и не только пред ними самими, во время их входа и выхода, но даже и если бы они захотели дерзновенно вывести кого-нибудь из находящихся внутри (рая). Затем, не значит ли это ругаться над надеждою во Христе и представлять несчастнейшею жизнь Дивных мужей?

П. Кажется.

К. Да, это очевидно. Каким образом дивному Павлу лучше было – «разрешиться и быть со Христом» (Флп.1,23)? Если точно мы, удалившись от земного и соединившись со Христом, будем подчинены духам сопротивным, то «тщетна вера», по написанному (Рим.4,14), и всякий, думаю, согласится, что пребывание в теле несравненно лучше, нежели пребывание со Христом и что это последнее труднее переносить: потому что, уже проводя настоящую жизнь, мы не подвластны хотениям диавола, даже более – мы наступаем «на змей и скорпионов и на всю силу вражью», по слову Спасителя (Лк.10,19). А затем, соединившись со Христом, неужели мы будем в худшем положении? Как же останутся истинными Его слова: «Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего» (Ин.10,27–29)? Обманывал, должно быть, борцов благочестия во Христе и премудрый Петр, написавший так: «страждущие от других по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои» (1Пет.4,19). Если переданной Богу душе сатана делает насилие, водя и нося ее, куда бы в какое время ни пожелал, то каким же образом может быть признан верным защитник святых, взявший как бы в залог дух каждого? Итак, было бы нелепостью

и ужасным бессмыслием думать, будто душа пророка, вследствие пустого заклинания гнусной женщины, на самом деле была извлечена из назначенных ей мест.

П. Так как же объяснить рассматриваемое событие? Такое постыдное предположение, я думаю, не следует, так сказать, принимать даже и в мысль.

К. Предложивши самые слова Священного Писания, мы затем поставим в ясность и заключающийся в них смысл, повсюду неотступно держась надлежащего взгляда. Сказано так: «И умер Самуил, и оплакивали его все Израильтяне и погребли его в Раме, в городе его. Саул же изгнал волшебников и гадателей из страны. И собрались Филистимляне и пошли и стали станом в Сонаме; собрал и Саул весь народ Израильский, и стали станом на Гелвуде. И увидел Саул стан Филистимский и испугался, и крепко дрогнуло сердце его. И спросил Саул Господа; но Господь не отвечал ему ни во сне, ни чрез урим, ни чрез пророков. Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину волшебницу, и я пойду к ней и спрошу ее. И отвечали ему слуги его: здесь в Аэндоре есть женщина волшебница. И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошел сам и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей Саул: прошу тебя, поворожи мне и выведи мне, о ком я скажу тебе. Но женщина отвечала ему: ты знаешь, что сделал Саул, как выгнал он из страны волшебников и гадателей; для чего же ты расставляешь сеть душе моей на погибель мне? И поклялся ей Саул Господом, говоря: жив Господь! не будет тебе беды за это дело. Тогда женщина спросила: кого же вывести тебе? И отвечал он: Самуила выведи мне. И увидела женщина Самуила и громко вскрикнула; и обратилась женщина к Саулу, говоря: зачем ты обманул меня? Ты – Саул. И сказал ей царь: не бойся;... что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли. Какой он видом? -спросил у нее Саул. Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился. И сказал Самуил Саулу: для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел? И отвечал Саул: тяжело мне очень; Филистимляне воюют против меня, а Бог

отступил от меня и более не отвечает мне ни чрез пророков, ни во сне; ... потому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать. И сказал Самуил: для чего же ты спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя и сделался врагом твоим? Господь сделает то, что говорил чрез меня; отнимет Господь царство из рук твоих и отдаст его ближнему твоему, Давиду. Так как ты не послушал гласа Господня и не выполнил ярости гнева Его на Амалика, то Господь и делает это над тобою ныне. И предаст Господь Израиля вместе с тобою в руки Филистимлян» (1Цар. 28, 3–19). Итак, можно ли тебе после этого сомневаться в том, что Саул пришел в расслабление, обличаемый собственным своим мнением? Ибо когда он устранился бессилия для борьбы с собранным против него войском, то счел нужным узнать будущее от Бога; когда же Бог умолчал и не открывал ничего, то обращается к оскорблению Того, Который восхотел молчать: отправляется к вопрошательнице мертвых – разумею знахарей, считающих себя сведущими в будущем, – и говорит затем: «Самуила возведи ми», – не потому, что заклинание и магическое искусство может вызвать душу святого, а потому, что гадающие всегда употребляют такие слова. И я слышал, что они, привлекая демонов какими-то тайными словами и совершая заклинания над водою, видят призраки и тени и как бы в зеркале – фигуры некоторых людей, так как, может быть, демоны искусно производят образы людей, о которых говорят, что их вызывают. И действительно, вначале та женщина сказала: «вижу ...бога восходящего от земли» (1Цар.28,13), а затем: "и увидела, – сказано, – женщина Самуила» (1Цар.28, 12). Ничего нет трудного в том, что явилась одинаковая и подобная образу блаженного Самуила тень и призрак, произведенный действием демонским. И если бы кто подумал, что душа пророка поистине была вызвана, то он должен признать истинными и те слова женщины, которые она говорит, что видела богов, выходящих из земли, и не должен приписывать лживость обрядам гадания, но думать, что в самом деле есть какие-то боги такого разряда, выходящие из земли, тогда как Бог по естеству есть только один.

П. Ты сказал правильно. Впрочем, кто-нибудь, я думаю, скажет: однако ж волшебница сказала правду, когда Саул полюбопытствовал о будущем. Между тем немало рассуждений потрачено было нами на доказательство того, что у нечистых духов нет истины.

К. Действительно, нет. Ибо несогласимое и несродное нечто – свет и тьма, Христос и Велиар (2Кор. 6, 14–15). Конечно, раздражающим и привыкшим огорчать Бога Он иногда открывает будущее и чрез тех, от которых этого менее всего надлежало бы ожидать, причем, вероятно, святые Ангелы сообщают уму человеческому, что если решившиеся любопытствовать узнали бы что-нибудь, то крайне изнурятся и от самого предугадывания измучатся, видя как бы некоторый начаток угрожающего им гнева и суда. Святым пророкам часто свойственно сообщать не одно только скорбное, от чего человек, опечалившись, подвергся бы плачу, но и то, что служит некоторым к благодущию и благоденствию; а нечестивым и беззаконным любителям гаданий Бог открывает их будущие несчастья.

П. Но каким образом и чем можно доказать это?

К. Священным Писанием. Ибо случившееся с древними преднаписано, как образ и способ тайноводства для нас. Разве ты не знаешь, что Валак, сын Сепфора, царь моавитян и мадианитян, устранившись непреодолимого и несокрушимого множества израильтян и уверенный в очень скорой гибели своей вместе с другими народами, подкупал Валаама, говоря: «приди, прокляни мне народ сей» Израиля? (Чис. 22, 6.) Когда же пришли послы, он говорит им: «переночуйте здесь ночь, и дам вам ответ, как скажет мне Господь» (Чис. 22, 8). Домогаясь пустых и демонских сновидений и от заклинания и колдовства вероятно ожидая себе случайных явлений, он говорит, что «Господь возглаголет» к нему. Ибо он представлял себе, что Бог его услышит. Но если Священное Писание и употребляет обычные чародеям слова, однако же, правильно мысля, мы не можем думать, чтобы сам истинный Бог, будто бы из любви, влагал в души нечестивых истину и беседовал с мужем скверным, чародеем и идолослужителем. Однако же сказано:

«И пришел Бог к Валааму и сказал: какие это люди у тебя?» (Чис.22, 9.) Когда же Валаам объявил причину прибытия их, «сказал Бог Валааму: не ходи с ними, не проклинай народа сего, ибо он благословен» (Чис.22, 12). Вот ясно, что блаженный Ангел, от лица Божия, отвращает обманщика и пустослова чародея от намерения проклинать благословенный Богом народ и противопоставляет вышним определениям изобретения человеческой злонамеренности не потому, что проклятие имело бы силу произвести вред, но дабы безумно предавшийся таковой надежде ясно и наглядно был удостоверен, что не будет когда-либо пленен моавитянами или мадианитянами Израиль, когда Бог защищает и поборает и Своими милостями ограждает преданный Ему и благословенный народ. Это самое и сказал и повелел сделать божественный Ангел. Когда же прорицатель обещаниями даров прельщен был к тому, чтобы идти, предположивши, что он, может быть, действительно будет иметь силу, тогда блаженный Ангел попустил ему идти, но среди пути явился с молниеносным мечом, ясно научая, что у Валаама война и с Богом и с Ангелами, если он хочет проклинать благословенных. Когда же он прибыл к царю мадианитскому, то поставил жертвенники и приказал приносить в жертвы быков, но тотчас стал пророком, не таким, каким был прежде, т. е. ложным, но Божественною и неизреченною силою, сверх чаяния, обратился в противоположную сторону. Ибо он не стал проклинать, а напротив, благословлял Израиля, и поверг Валака в горькую печаль. Написано же так: «Валаам сказал Богу: Валак, сын Сепфоров, царь Моавитский, прислал [их] ко мне [сказать]: И сказал Бог Валааму: не ходи с ними, не проклинай народа сего, ибо он благословен. И встал Валаам поутру и сказал князьям Валаковым: пойдите в землю вашу, ибо не хочет Господь позволить мне идти с вами» (Чис.22, 10, 12–13). Лжепророкам обычно употреблять обманчивые провещения и притворно показывать вопрошающим их, что они говорят истину. Но пойми, что говорить истину есть дело чуждое ремеслу заклинателя и волхва; присоединялось же иногда по Божию попущению к их словам истинное, чтобы предсказанием будущего произвести страх в душах нечестивых.

П. Соглашаюсь.

К. Что Бог ненавидит и разрушает подобные чары и пустословия, это ясно, так как Он Сам говорит: "Я Господь. И к этому еще: «Который делает ничтожными знамения лжепророков и обнаруживает безумие волшебников, мудрецов прогоняет назад и знание их делает глупостью, Который утверждает слово раба Своего и приводит в исполнение изречение Своих посланников» (Ис.44, 24–26.)? «Безумие волшебников» Он объявляет пустыми и лживыми; всякий же «слово раба Своего», то есть Христа, уставляет и совет вестников своих, то есть, что захотели бы говорить проповедники веры в Него, все это Он показывает исполненным истины, подтверждая знамениями и чудесами и иными действиями Духа. Сказал же Он еще негде, порицая некоторых за осквернение закона Божия: «Оставайся же с твоими волшебствами и со множеством чародейств твоих, которыми ты занималась от юности твоей: может быть, пособишь себе, может быть, устоишь. Ты утомлена множеством советов твоих; пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям, и спасут тебя от того, что должно приключиться тебе» (Ис.47, 12–13). Итак, видишь, как изобличает Бог достойное смеха и совершенно бесполезное проклятое гадание по звездам. А что Ему только Одному приличествует истинность и безошибочное исполнение слов об ожидаемом в будущем, об этом послушай, что говорит Он гласом Исайи: «Вспомните это и покажите себя мужами; примите это, отступники, к сердцу; вспомните прежде бывшее, от *начала* века, ибо Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю: Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю» (Ис.46, 8–10). Итак, одному только высшему над всем Богу мы должны приписать и ясное ведение и способность безошибочного предсказания о будущем. Но, с другой стороны, вздором и старушечьими сказками, шутовством и обманом оказывается совершаемое теми, которые, будучи развращены умом, говорят от сердца своего, как написано (1 Тим, 6, 5), и ложь делают предлогом к сбору денег.

П. Правда; потому что это так, а не иначе.

К. Итак, будем удерживаться и от этого, и оставивши путь развращения, пойдем путем правым, полагаясь на одного только Бога и за словами святых признавая истину.

П. Совершенно так.

К. Что же? Ужели, кроме того, мы не будем считать ненавистным и уделом эллинского безбожия и то, чтобы любить очищения, например, огнем и водою и другими какими-либо подобными способами?

П. Непременно. Поэтому и Божественное откровение ясно говорит: «не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь» (Втор. 18, 10).

К. Как хорошо, что закон провозгласил нам об этом и запретил это делать! Я думаю, что это дело исполнено безрассудства и не имеет наилучшего и разумного основания. Ибо каким образом естество огня может принести нам пользу? Или каким образом быстро обносимые кругом факелы могут избавить согрешившего? Нечистоту меди или какого-либо другого подобного вещества сила огня истребляет; но каким образом она уничтожит нечистоту ума и души? Не смешно ли это и не есть ли это изобретение пустых вымыслов?

П. Совершенно так.

К. С большим удовольствием сказал бы я тем избранникам из эллинов, которые были изобретателями этих постыдных учреждений и передали их другим: что вы имеете в виду, благородные и мудрые мужи, когда одного Тития, которого считаете родившимся от земли, мучите во аде, приставляя к нему коршунов, терзающих его печень, за то, что он, удивившись красоте женщины, вознедуговал вожделением? Зачем говорите вы также о том, что Танталу угрожает камень, и рассказываете юношам басни о том, что он несет это наказание за необузданность языка? Для чего, привязав Иксиона к колесу, долго и непрестанно вертящемуся, говорите, что он терпит это наказание за обман, не понравившийся вашим богам, а самих себя и других, хотя и самыми ужасными и скверными пороками одержимых, освобождаете от огня и ветвей лаврового или масличного дерева, как вам самим вздумается, и даруете

омовение от преступлений людям даже самым преступным? Скажите мне, почему же на Тития и сейчас поименованных, разве за недостатком огня, налагаете вы жестокое и нескончаемое наказание? И известный, по вашим рассказам, похититель огня, передавший его людям, говорю о Прометее, если только он существовал, обладал употреблением огня и притом прежде других; но и его ваши басни представляют связанным несокрушимыми узами, причем и к нему, как и к Титию, говорят, прилетали коршуны с закривленными когтями, эти ужасные и дикие каратели. Давайте же, давайте очищение посредством огня не одним только им, но и тем, которые неистовствовали в вожделении к дочерям или женам вашим или чужим, делая то, чего не должно; следует и им посредством огня освободиться от вины, а вместе с тем избежать и от судебных приговоров за преступления. Тогда как против других тотчас приводятся в движение судилища и приговоры и сила законов, ненавидящая преступления, вы самих себя, безрассудно проводящих постыднейшую и омерзительную жизнь, считаете свободными от всякого осквернения, обольщаемые пустыми и ребяческими забавами и в служители для сего принимая негоднейших из людей, которые, отвергнув вместе с наружным видом и приличную мужчине речь, нисходят до обычаев и образа жизни, до тела и мыслей женщин. После этого каким же образом очистится такой человек? Настроенные таким образом, вы сделаете нечто подобное тому, как если бы кто вздумал надуть себя благовонными мастями, но, намазавшись самою нечистою грязью, стал бы думать потом, что он совершил, и притом весьма хорошо, пришедшее ему на ум.

П. Хорошо говоришь; и я соглашаюсь с тобою, говорящим истину.

К. Не говорю о безумии их в этом отношении, умолчу пока и о совершителях очищения, а перехожу опять к самому делу; и еще скажу, что всякий может уличить идолопоклонников в том, что они проводят жизнь самым безумным и невежественным образом, не понимают способа очищения и не знают в точности, в чем действительно состоит осквернение и нечистота.

Прелюбодеяния и еще более сих дикие страсти: мужеложство и убийства, наветы и зависть, лжепророчества и коварства, обман и ложные клятвы – вот скверны и нечистоты, оскверняющие душу и тело и с трудом отмываемые и свергаемые. Их не очистят ни огонь, ни источники вод. Не зная, что теми пороками сквернят они душу и делают ум полным нечистоты, они удаляются между тем от мертвых тел и гнушаются разложившимся трупом, не почитая законов природы. И даже снедями, за которые им нужно братья, они пренебрегают, по их мнению, будто бы разумно; а если бы пришлось случайно и невольно коснуться их, они тотчас, отскакивая, прибегают к очищению посредством огня и воды, как будто, если только воздержатся от них, будут святы и чисты. Так препобеждены они этим мнением и вышли из ума, и о них можно сказать очень кстати: "горе вам, разнузданные и невежественные, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Мф.23, 23–24). Ни во что считая то, что действительно оскверняет, они чрезмерно страшатся того, от чего никто не терпит никакого вреда, так что, если бы кто из них подошел к могильному памятнику и вошел в гробницу умерших, тот, снявши одежду, обривает голову, остригая и самые волосы, как бы подвергшиеся осквернению. Что нам следует удаляться и отчуждаться от подражания сему, о том научил нас Божественный закон, сказав еще: «не делайте нарезов *на теле вашем* и не выстригайте волос над глазами вашими по умершем» (Втор. 14, 1). Ибо писатели эллинские баснословят, что Аполлон есть бог, именуя его и Фебом (φοῖβον), то есть, чистым и неоскверненным. Его же называют они и солнцем. Итак они говорили: φοῖβάζειν и φοῖβάσθαι по словоупотреблению у греков, как они думают и как находится в их законах, означает: очищать и очищаться. А нас Божественное повеление удерживает от столь постыдных и чрезвычайно неприличных обычаев. Ибо не следует считать за осквернение для души смерть телесную, ни думать, что будто самое воззрение на мертвого оставляет нечистый отпечаток в сердцах зрителей; не следует по той же причине и обривать волосы, ибо это дело совершенно пустое и свойственно грубому представлению.

Посему хорошо говорит закон: «да не нарезуетесь», потому что такого рода очищение не приносит пользы душе, а скорее повредит, отнимая знание полезнейшего пути и отводя от искания полезного. Обратим же внимание на следующее: законы, действующие у нас, происходят от имеющих власть на земле, давая всем, где бы они ни были, награду за исполнение их и запрещая, чего не должно делать; но никто не мог бы избежать наказаний за преступления, если бы не была ниспослана ему прощающая благодать царя. Подобно сему и не исполнивший Божественных законов не сделался бы чистым, если б не был обогащен этим благодеянием по Божественному изволению. А потому если мы преступили законы огня или воды и отчет за грех относится к ним, то пусть вода обмывает вину, пусть огонь истребляет нечистоту и пусть они своею властью отпускают вины, кому хотят. Если же истинен взывающий к Богу: «Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих» (Пс.50, 6), «ибо един ... законоположник и судия» (Иак.4, 12), то зачем же, оставивши Господа, Которому принадлежит право наказания и прощения, впадают в неразумные мысли, огню и воде приписывая силу освобождать их от вменений вины? Прочь такое безрассудство! Приступай, человек, к единому по естеству Богу и внимай Тому, Который прямо говорит: «Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну» (Ис.43, 25). Вот истинное очищение! Вот светлость духовная! Ибо мы очищены верою во Христа, приобретши отпущение греха, освященные «банею пакибытия» (Тит. 3, 5) и обогатившись Божественною благодатью, благодатью Духа Божественного, который, наподобие огня, истребляет скверну, подобно пыли вторгшуюся в мысли наши. Поэтому справедливо говорит богодухновенное Писание, что мы крещены «Духом Святым и огнем» (Мф.3, 11).

П. Таким образом, и заблуждение на этот счет мы будем считать в ряду идолослужения?

К. Непременно так. Ибо это есть дело полного безбожия. Наряду с ним по справедливости может быть поставлено и к нему причислено мнение, будто человеческие дела управляются мановением каких-то существ и будто над тем, что

от нас зависит, не мы сами имеем власть, а те, кого захотели измыслить изобретатели столь невероятных учений. Так, поставив, не знаю каким образом, Судьбу, Счастье и Рождение как бы управлять рулем в корабле жизни, они говорят, что никто из нас не есть распорядитель или господин своих действий, а ведется, как бы узами необходимости, к тому, что угодно властвующим над ним. Что могло быть когда-либо неразумнее этого? И чем сатана мог бы нанести большую обиду роду человеческому, как не расположивши его к тому, что так и следует думать и рассуждать? Как же в таком случае человеку пожелать доброго и направиться к нему по собственной воле? Да и предавшийся постыднейшим делам и обращающий помыслы к тому, на что не должно, каким образом мог бы признавать себя виновным, а удрученный скорбями переменить намерение, решившись мыслить и делать лучшее? Ибо как переправляющимся чрез море и решившимся переплыть его совершенно необходимо водиться дующими от кормы корабля ветрами и подчиняться их силе всюду, куда они ни направят его: так точно и нам необходимо уступать, куда бы ни захотели перенести нас случай и неизбежные, по их мнению, ветры Судьбы. Не признаешь ли ты, что это сказано верно?

П. Как же не признать?

К. А если так, то совершенно неразумно доброго и честного венчать похвалами и удостаивать почести, злого же и невоздержного считать гнусным и презренным.

П. Каким образом утверждаешь ты это?

К. А потому, Палладий, что, по их мнению, рождение и случай властвуют над всем и приводят несчастнейший из всего, что есть на земле, род человеческий, помимо его воли, к тому или другому, т. е. к добру или злу. Добровольного же у нас нет ничего. Ибо способное и могущее привести что-либо в движение разве не есть причина движения для движимого им?

П. Согласен.

К. Перейди теперь, путем тех же соображений, к делам человеческим и взвесь относящееся к нам, и ты очень хорошо увидишь, как были бы мы несчастны, если бы следовали и направлялись туда или сюда не по своим собственным

свободным движениям, но находились под властью и, так сказать, несли иго других, имеющих силу направлять и вести наши дела так, как бы им пожелалось. В таком случае, и мысля надлежащим образом, мы к себе самим не отнесем ничего из сделанного, а напротив, вину во всем возложим на тех, которые правят кормилом всего по своей воле. Таким образом, как праведник устранился от всякой похвалы, так и неправедник от кары и должного наказания.

П. Ты рассуждаешь весьма правильно.

К. Поэтому напрасно удивляются изобретатели этих учений афинянину Солону, Дракону и Ликургу, как вводителем прекрасных правил и изобретателям превосходных законов для эллинов. Ибо какая от этого польза, если ничего нет у нас своего, а напротив все наше зависит от других? В равном или по крайней мере подобном положении с знающим законы будет и не знающий их, если желающим невозможно делать свободно то, на что они решились. Я признаю даже, что составители законов самые несправедливые люди, хотя и стяжали себе великую славу справедливости. Ибо они узаконили, не знаю, на каком основании, чтобы беспечные были караемы и подвергаемы жестоким наказаниям за преступление закона, и в то же время, как бы юношам, передали им правила и достохвальнейшие уроки поведения, потому ли, что от нас самих зависит избрать честный род жизни, или не знаю, на основании каких-нибудь других соображений. В таком случае, я думаю, кто-нибудь мог бы сказать: хорошо ты, Солон, законодательствовал для людей своего времени, но во всяком случае должно было бы при этом убедить Судьбу дозволить тем, для кого назначен закон, мыслить и делать то, чего бы они хотели; а ты законодательствовал, не убедивши; впрочем, может быть, и сам ты смеялся над этою баснею (о судьбе) и, зная, что мы сами распорядители своих действий, устранял несправедливый и слепой случай от участия в делах человеческих. Или ты не думал, что самым лучшим гражданином должно считать человека благочестивого и блюстителя законов, достигшего высшей славы в благоповедении, а наоборот негодным и принадлежащим к

числу позорнейших – того, кто законам, советующим идти правым путем, говорит: прощайте?

П. Ты сказал превосходно и как нельзя лучше.

К. Что же, друг мой, не назовем ли мы бесполезными наставления, внушения и возбуждения к добродетели, которые делают родители детям, а учителя ученикам, если мы принуждены совершить путь не по воле и идти стезею жизни недобровольно?

П. И очень.

К. А если бы кто, раздраженный против собственных детей или против чужих каких-либо провинившихся, подверг их справедливому наказанию, похвалил ли бы ты самого или счел его поступившим несправедливо за то, что он виновникам всех наших зол попускает оставаться, не знаю почему, безнаказанными, а тех, которые приведены к тому невольно и по необходимости, подвергает наказаниям?

П. Справедливо говоришь: речь твоя имеет много убедительности.

К. А что такое их мнение исполнено крайнего нечестия, это ты узнаешь из следующего: отнимая у Бога, как бы у кормчего и правителя вселенной, присущую Ему славу и доходя даже до такой дерзости, что осмеливаются совсем отчуждать от Него Его собственные достоинства, они по собственному решению передают власть над нашими действиями тому, кто им просто на ум придет, хотя и видят, что вся тварь приводится к своим целям движениями, не лишенными управления. В самом деле, что из происходящего в творении совершается не в порядке? Что из существующего не соблюдает своего чина и только что не провозглашает голосом о Виновнике порядка, не вопиет о том, что оно подчинено законам и управляется мановением имеющего силу властвовать, то есть Бога? Поэтому и божественный Павел говорит: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели» (Рим.1, 20–22).

И как не сказать: «обезумели» о тех, которые и сами для себя решили и другим советуют думать нечто совершенно противоположное справедливости? Но, пожалуй, кто-либо скажет: зачем носиться с столь жалкими рассуждениями, когда самим же вашим поэтам не нравится эта басня? Ибо им казалось правильным распоряжение нашими действиями поставить в зависимость не от кого-либо другого, как от нас самих. Так и Гомер в своих поэмах сказал, что всесовершеннейший и верховный ваш Зевс обратился к другим богам с следующей речью о прелюбодеянии Эгиста и о наказании за оное.

«Странно, как смертные люди за все нас богов обвиняют! Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто «Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством» (Одиссея, 1, 32–34) За что, говорит он, некоторые обвиняют богов, будто бы от них происходит зло, а не жалуются, напротив, на свою собственную греховность, которая повергает их в несчастья – и притом помимо рока, то есть помимо Судьбы или изволения Судьбы? Итак, если кто решится правильно жить и вести занятия в жизни самые благонамеренные и пристойные, тот пойдет правым путем и избежит опасностей, а плодом своего правого и неуклонного намерения будет иметь то, что не подпадет под власть зла. И это истинное слово; потому что от нас самих зависит обращать взор на то или другое, то есть на доброе или противоположное ему; а потому те, которые считают важным то, что удивительно по природе, и стезю, ведущую к правоте, получают блага добродетели; уклоняющиеся же в противную сторону и неправду предпочитают лучшему, как растлевающие собственную жизнь, будут уловлены и избличены подобно самоубийцам и преступным губителям собственной жизни. А что от нас самих зависит обращать взор на то или другое, как я сейчас сказал, и что, гоняясь за удовольствиями, мы сбиваемся с пути в поисках за полезным, это может быть ясно из того, что провозглашает их же поэт, именно Еврипид. Он выводит на сцену женщину, страдающую необузданным сладострастием, а затем, не знаю, каким образом, представил ее рассуждающею и говорящею так:

«Жены Тризенские, обитающие в этом крайнем преддверии страны Пелопсовой! Некогда ночью я долгое время обдумывала, отчего испорчена жизнь смертных. И, мне кажется, они делают злое не по природе своей воли, ибо есть много благомыслящих, но вот как об этом следует думать: мы понимаем и знаем, что полезно, но избегаем труда, одни по лености, другие вследствие предпочтения прекрасному того или другого удовольствия. Есть много удовольствий в жизни: продолжительная болтовня и праздность, приятное зло». Понимаешь ли, что и по мнению отдаленной древности обвинять нужно не Случай, не Рождение, не Судьбу, как будто насильно уклоняющих нас от познанной нами правоты и от того, что мы узнали, как полезное? Ибо сказано, что «испорчена жизнь смертных не по природе воли», то есть не потому, что они имеют злую по природе волю, но потому, что не хотят трудиться для достижения того, что полезно. И какой предлог к этому? Или леность, как сказано, сковала их до бездействия, или какое-либо из удовольствий жизни, сказано далее, привзошедшее и противоборствующее полезному, отклонило их от поисков за необходимым и отвлекло ум в виду более легкого пути к беспечности. Мы могли бы без всякого затруднения присоединить к этому и бесчисленное множество свидетельств из их писателей. Но кто усумнится, что приятно для слушателей то, что в меру? Поэтому удалим все излишнее в речи.

П. Ты сказал правильно. Но если хочешь, как говорится, оставь это. Теперь же поразмысли о том, что следовало бы сказать в защиту, если бы кто спросил: какое можно представить разумное основание неравенства повышения между нами и понижения не по достоинству. Ибо всякий может видеть и злого благоденствующим и богатеющим и часто, наоборот, человека честного и достойного высших похвал – находящимся в положении, противоположном сему.

К. Это дело, Палладий, поистине неудобопонятное и малодоступное, и желание разъяснить его я счел бы превышающим и превосходящим меру сил человечества. Необходимо предоставить все судам Божиим, и если мы захотим мыслить правильно, то, приписав одному только

высочайшему и чистому уму, и ему только, знание домостроительства, направимся к тому, что в наших руках, да и это «обретаем с трудом», по словам Писания (Прем. 9, 16). Но так как, я думаю, нам должно по мере возможности защитить это положение и доводами разума, то, пожалуй, и к нему приступим. Немного выше мы изобличали пустое мнение безбожников, пользуясь не умозаключениями, не относящимися к спорному вопросу, но из необходимых соображений показав, что рулем мыслей человека управляет не Рождение и на нас не возложено суровое и неизбежное иго Судьбы, но что воля каждого есть властительница избираемых для совершения действий и от нас самих зависит выбор делать что годно: доброе или злое. Если бы я мог перечислять разные способы благоденствия сообразно тому, что принимается за благо в Священном Писании, то такими благами оказались бы не те, которыми наслаждается эта нечистая и земная плоть, но те, посредством которых можно было бы душе, высшей тела, соделаться причастницею жизни вечной. Таковы, я думаю, суть: попечения о добродетели и чистота в вере и делах. А если желающим жить целомудренно не удастся это, будут ли некоторые хорошего нрава или дурного, – тогда пусть выступят на средину обличители. Если же несмотря на то, что от выбора зависит свободно направлять свою деятельность, кто к чему хочет, и для всех есть возможность быть духовно счастливым и наравне с другими становиться участником высшей славы, а между тем некоторые страдают корыстолюбием, имея преимущества в богатстве или мирской славе, то это не должно приводить нас к каким-либо безбожным и противным истинному знанию мнениям, напр. думать, что на дела наши наложено иго Судьбы и Случая. Но пусть обвиняют, если кому угодно, любостяжание богачей, которые благо, общее всем, сделали своим собственным, если не было у них в виду основательной причины к приобретению. Лучше же пусть исследуют волю Творца; ибо Он, желая, чтобы принадлежащее нам было распределяемо и наблюдаемо в равном порядке, богатым повелевает продавать собранное богатство и разделять на нужды бедных и не дозволяет любить славу и предпочтение. А

что Бог распределяет все в равной мере между живущими на земле, это нетрудно видеть и из самого устройства нашего тела. Ибо природа не знает ни бедного, ни богатого, ни неблагородного, ни знаменитого, ни благородного, ни отверженного, ни украшенного славою в сей жизни; но проявляется во всех одинаково без лицепрятия и одними и теми же членами тела наделяет каждого, приводя их в соответствующий вид и красоту. И один для всех существует путь к рождению, точно так же, как одно и оставление жизни; не освобождает от уз одного, а другого как бы удерживает в них, но все сотворенное приводит к одному суровому и неизбежному концу. Итак, скажи мне, разве еще не ясно, даже более того – Разве не очевидно для всякого, что намерение Божественной воли состоит в том, чтобы находящиеся на земле жили в равных условиях? Послушай же, если угодно, что говорит Он чрез одного из пророков: «Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас? Почему же мы вероломно поступаем друг против друга...?» (Мал. 2 10.) Итак, если некоторые, имея свободное стремление делать то, на что решились (ибо Творец почтил естество свободою) нарушают волю Творца, то это нисколько не относится к делу, так как некоторые презирают и наши законы. Но никто, думаю я, если только он владеет умом, не стал бы порицать за это законодателей, а скорее обвинит, и вполне справедливо, тех, которые решились презирать необходимое. А потому, когда некоторые, сделав проступок, скажут: вероятно так угодно Случаю, и: таково было намерение Судьбы в отношении меня, тогда и с нашей стороны будет сказано им: что за болтовня? Зачем вы обвиняете несуществующее, не сознаваясь в собственном своем легкомыслии? Но пусть само Божественное Писание провозгласит истину не пожелавшим идти правым путем: «Глупость человека извращает путь его, а сердце его негодует на Господа» (Притч. 19, 3). Итак, подлинно погрешали против истинного мнения те, которые поставили распорядителями над нашими делами Рождение, Судьбу и удобоподвижный Случай вместо того, чтобы к Богу относить управление делами; так как Христос говорит: «Не две ли малые птицы продаются за

ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без *воли* Отца вашего, Который на небесах, » вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф.10, 29–31). Но хотя Творец промышляет о живущих на земле, однако же попускает каждому и делать, что ему угодно, и идти путем, каким кто желает. Когда же род земной как бы какою болезнью объят был превратным направлением, тогда Он тотчас же дал ему в помощь закон, согласно написанному (Гал.3, 19; Рим. 3, 20). Итак, всякому, воспринявшему веру во Христа и оставившему древнее оное заблуждение, опасно, увлекаясь старушечьими баснями, преклоняться к тому, к чему не должно, и удаляться от здравого мнения, думая, что все вообще, а также и человек управляется вовсе не существующими Случаем и Судьбою.

П. Весьма опасно. Ибо таковой всенепременно возбудит против себя гнев Судии.

К. А в таком случае не сочтешь ли ты делом постыднейшим и как нельзя более близким к такого же рода заблуждению наблюдения дней и часов, и времен, и годов, также увеличения и ущерба лунного круга?

П. Даже очень. И божественный Павел весьма ясно ставит это дело в вину спасенным из язычников, когда говорит: «Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги. Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им? Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас» (Гал.4, 8–11).

К. Итак, наблюдение часов и дней, я прибавил бы, и времен, совершенно неприлично тем, которые получили хотя некоторое познание о едином и по естеству Боге, а особенно тем, которые познаны Им чрез веру и призваны в духовную близость с Ним по благодати: ибо на прежнее возвращается тот, кто, оставивши похваление свое во Христе, решился поступать так и уже не сохранил своего ума свободолюбивым, а напротив, неразумно идет под ярмо древнего заблуждения, усвояя стихиям мира ту честь, которую должен бы иметь Бог, и венчая

высшими похвалами то, что само вызвано к бытию мановением Сотворившего. Стихиями же мира Апостол называет времена и месяцы и их измерения, совершаемые посредством часов и дней, как бы основные элементы всего существующего. Ибо непрерывное и имеющее вечнотекущее движение вперед время Бог подчинил мерам и числам времен, часов и дней, как бы каким перерывам и возвращениям назад, потому что нужно было, чтобы у имеющего небезначальное появление к бытию, пока оно не достигнет конца своей жизни, и время было таковое же, то есть начинающееся и прекращающееся и сообщающее тому, что не всегда существует, свойственную ему природу. Поэтому, если посредством времен, часов и дней ничего другого не привносится к существующему на земле кроме одного только круговращения и точного измерения, то зачем же некоторые измышляют такие басни, о которых и подумать смешно? Почему одни из часов называют благодетельными, другие же не такими, наблюдают их самым тщательным образом, приписывая им возможность приносить благополучие и противное ему тем, которым они, вероятно, желали бы или которым необходимо было, чтобы так случилось? Итак, не есть ли все это пустая выдумка и ужасное умоповреждение, какая-то диавольская западня, злодейски хитро устроенная?

П. Соглашаюсь; да это и само собою ясно.

К. Как раньше говорили мы, что эти люди убеждали нас относить наши собственные действия к судьбе и случаю и к посторонним манованиям, представляя напрасным наше старание и отклоняя от попечения о самих себе: так и теперь изготовляя нам то же заблуждение, они говорят, что живущие на земле подвержены как бы игу необходимости, влиянию дней и часов, имеющему неизбежный исход; но что особенно странно (ибо такие сказки приличны лишь старухам), видя, что за этим вздором следуют бесчисленные неудачи, они не предоставляют опыту возможность вывести наружу обман, но, обвиняя в дурном качестве часы и дни, прилагая то же суждение и к ущерблениям лунного круга, они готовы говорить, что угодно. Итак, если бы кто вздумал сосчитать и поименовать в один и тот же час и день одних находящихся в благоденствии, других

же постигнутых крайними несчастиями (хотя по природе злое для всякого и всегда было бы таково, каким оно прирождено), – если, таким образом, есть час и заря, вредные для живущих на земле, почему же в этом случае не для всех равно происходит от них вред, но одни находятся в самом вожделенном состоянии, другие же погибают и удручены несчастиями до крайней степени, становятся притчею в жизни и предметом для трагической сцены? Впрочем, желающим со всею точностью узнать наиболее полезное и потрудиться над ним легко можно увидеть, что в один и тот же день, а может быть и час, один бывает пойман в прелюбодеянии или убийстве и подвергается жестоким наказаниям у судей, другой же, наоборот, принимает похвалы за благоразумие, пристойность и чрезвычайную честность. Но ни развратному день и час не воспрепятствовали бы быть благоразумным, ни честного и пристойного не побудили бы к непристойности и необузданным удовольствиям; напротив, свободно направляющая к тому или другому воля и ее нестесняемое устремление – одного приводит в такое, другого же в иное состояние. Итак, от нас, а не от естественных свойств времени зависит быть в хорошем или дурном расположении духа.

П. Так; кажется потому, что рассуждение правильно.

К. Более же всего они боятся пятого и восьмого дня и на их сваливают вину в грехах, но ни от кого из здравомыслящих не укроется, что они объяты пустыми и суеверными мыслями; и не краснеют несчастные, неразумно приплетая к ним (дням и часам) бытие каких-то Эриний, появление демонов, более лютых, чем другие, кары и наказания и еще нечто другое. Если же круг луны, полный перед тем, начинает идти к ущербу (ибо в таком порядке по воле мудрого устроителя она совершает круговращение, в течение месяца уменьшаясь и возрастая), то они останавливают всякое дело и откладывают отправление в путь, думая, что и относящееся до нас непременно терпит ущерб вместе с этой планетою и что с ее поворотом к ущербу и человеческие дела приходят в упадок. И если нужно что-либо сказать в насмешку над подобным неразумием, так разве то, что эти люди питают страх, свойственный моллюскам и самым

простым овощам. Ибо, может быть, такие тела, и даже большие и превосходнейшие, по природе должны испытывать сочувствие (лунным кругообращениям); каким способом это происходит, о том знает Творец; потому что опасно в таких предметах исследование и небесполезно отсутствие любопытства: но что касается до человеческого духа, то такое свойство (сочувствие круговращениям луны) далеко отстоит от него. Если и подвергается ущербу эта планета, но благоразумный и благопристойный будет все таким же, и ни ум его не будет клониться к ущербу вместе с блеском луны, ни свойство действий не изменится оттого к худшему или лучшему, как будто вынужденное силою небесного тела. А потому совершителей прекраснейших действий всегда сопровождает приобретение всякого блага, а делателей зла то, что им более всего прилично. Удивляюсь я тому, что когда луна ущербляется и месяц доходит до конца, то у ростовщиков и очень сребролюбивых людей прибыли увеличиваются и кошельки отдающих деньги в рост делаются туже, между тем другие дела, не знаю, почему, истощаются вместе с планетою и умалются. Не скажешь ли ты, что во всем этом весьма много смешного и неразумного?

П. Совершенно так.

К. Противопоставлять длинные рассуждения предположениям столь нелепым было бы, я думаю, напрасно, потому что они сами по себе страдают безобразием, хотя бы никто не говорил об этом. Перейдем же теперь лучше к другому.

П. К чему?

К. Мне кажется, что сатана гнушается пятым и восьмым днем и возвращением луны от полного света, или временем сближения, то есть четырнадцатым днем (луны), по следующей причине (хотя он, будучи весьма коварен и искусен в обмане, связывает с ними другие предлоги): ему, вероятно, нестерпимо даже и в мысли иметь те времена или дни, в которые ускользнула от него тирания над нами, когда воссиял нам Единородный в человеческом образе и в подобном нашему виде.

П. Каким образом утверждаешь ты это?

К. Не считается ли у нас, Палладий, пятым время пришествия Спасителя нашего?

П. Понимаю, о чем ты говоришь, из евангельской притчи (Мф.20, 1–6). Ибо Христос сказал, что нанимавший делателей в виноградник выходил около часа первого, и третьего, и шестого, и девятого и наконец одиннадцатого, то есть в последнее время, в которое Он явился и воссиял нам.

К. Весьма разумно ты сказал и очень правильно. Что же? Разве мы не утверждаем, что в пятый день по субботе Он был предан и как бы положил начало всего домостроительства, чрез которое все мы спасены, когда ради нас Вочеловечившийся претерпел за нас спасительный крест?

П. И очень.

К. А упразднил смерть и снова ожил, расхитив ад, не в восьмой ли день, то есть "в первый день недели"? (Мф.28, 1; Мк.16, 2.)

П. Несомненно.

К. Так и древний закон обрезание во плоти – как некоторое предызображение обрезания в духе и истине (Рим. 2, 29; Кол. 2, 11–12), – установил совершать в восьмой день (Быт. 21, 4). Превосходнейшее же оного древнего обрезание, то есть обрезание в духе, есть причастие Святого Духа и изначальная благодать, которую опять возобновил нам Христос, когда, восстав из мертвых, сказал: «примите Духа Святаго» (Ин. 20, 22). Сказал же где-то и блаженный Павел, что «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1Кор. 5, 7). А день этого спасительного и многожеланного заклания есть четырнадцатый по лунному течению. Так и закон ясно предвозвещал время заклания Спасителя нашего, которое, говорим мы, Он претерпел за жизнь мира. Ибо в десятый (день) месяца первого, как сказано, «пусть возьмут себе ...одного агнца по семействам, по агнцу на семейство; ... и пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца:тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером» (Исх. 12, 3–6). Слышишь ли, что жертва, взятая от дня десятого, сохраняема была древними до четырнадцатого, чтобы ты уразумел пятое время, в которое соделавшийся человеком подъял за нас смерть, когда начался

уже ущерб луны, которая поставлена «для управления ночью»? (Быт. 1, 16.) И это дело имеет таинственный смысл и, кажется, тонко намекает на обратный ход власти дьявола и постепенное как бы ниспадение его к бессилию и совершенной немощи. Он имеет как бы своим образом луну: ибо и он начальствует над ночью, то есть над теми, которые находятся во тьме и еще дремлют и не имеют света богопознания; а что богодухновенному Писанию обычно уподоблять стадо заблуждающихся ночи, об этом послушай, что говорит Владыка всех иудеям, когда Иерусалим возвратился к идолослужению: «нощи уподобих мать твою: уподобишася людие Мои аки не имущие умения» (Ос. 4, 5–6). Не ясно ли тебе, что ночью называет он не имеющих познания об истинном и по естеству Божестве? Поэтому враг всех возненавидел времена и дни, в которые он погиб, мы же спасены. И ненавидящий оные вместе с ним получит часть его и жребий его, то есть непрекращающееся наказание.

П. Таким образом, и это мы поместим в разряд подлинно нечестивого и богоненавистного идолослужения, так же, как и пустые выдумки о так называемом Рождении.

К. Знай, что это так именно, как и показало самое исследование дела. Сверх того должно весьма опасаться привязанности к бесполезным наблюдениям над полетом птиц, нашептываниям и заклинаниям: так как некоторые из эллинов впали в такое легкомыслие, что стали думать, будто знание относящихся до нас обстоятельств содержится даже в летящих по воздуху птицах. Поэтому они исследуют полеты к востоку и западу направо и налево, и если покажется где-либо каркающая ворона, то, подставивши ухо, внимательно слушают, как будто что-нибудь весьма истинное, и возвращаются с радостью; и нисколько не стыдятся эти жалкие люди, усвоив птицам силу столь важного прорицания. При этом измышляется ими и такого рода твердое, как они сами думают, основание, будто бы чрез них (птиц) дают откровение боги. Мы же не называем богами отпадших ангелов, чрез которых поставляются для вас такого рода добрые и досточудные пророки и знатоки будущего, как каркающая ворона и быстрокрылый ястреб, и темно-желтые

голуби, по словам эллинов, и другие роды птиц, – пророки, достойные тех, которые внушают им щебетанье, для вас предназначенное. Счастливы же и достойны соревнования вы, получившие таковых истолкователей воли богов! Как видно, забыли вы, хотя и удивляетесь мнениям ваших поэтов, что и им это дело представлялось смешным, что и они считали его вздорным и бесполезным. Ибо Гомер говорит: «друг мой, оставь птиц, летят ли они направо к востоку и солнцу, или налево, к темному западу» (Илиада, 12,239–240).

Также и Эврипид ясно и наглядно определяет тщету наблюдения за полетом птиц. Он говорит, что Тезей воспылил гневом на своего сына Ипполита и пытался даже из-гнать его из отечества. И когда этот сказал:

«Неужели ты, не приняв в соображение ни клятвы, ни веры, ни изречений прорицателей, без суда извергаешь меня из отечества?»

Тезей на это отвечал:

«Эта запись, не имеющая никакого признака прорицания, наверное обвиняет тебя; птицам же, летающим над головою, я желаю сказать: прощайте» (Вся цитата заимствована из Эврипидова: «Ипполит венценосец»). Пусть голос Божий будет достоин внимания и вера превосходнее написанного в записи, потому что нам не чуждо говорить и ложь, тогда как Богу свойственно и в чем не погрешать и Ему всего более любезна истина. Но Тезей без сомнения знал, что летающие над головою птицы совершенно ничего не значат. Итак, демонам не должно приписывать знания будущего, напротив, предоставим это знание Богу, как принадлежащее Ему по преимуществу. Гадания же по птицам будут после того обманом, а вера в них очевидным изобличением нетвердости рассудка. И самый закон говорит где-то: «не ворожите» (Лев. 19, 26), зная, что это дело гнусное и всего более ненавистное владычествующему над всем Богу.

П. И мне также кажется, что это так.

К. А затем заклинание и нашептывание, это скрытное и старухам приличное занятие – также может быть признано частью и видом волшебства. В этом смысле и божественный

Моисей разъяснил нам вышние законы, постоянно сопоставляя эти заблуждения и полагая заклинание как бы в братстве и родственном союзе с отравлением, говоря: да не будет между вами «прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых» (Втор. 18, 10–11). И хотя заклинание весьма гнусно и дурно, но некоторые, не знаю, почему, благоговеют пред ним, говоря, что упражняющиеся в таких занятиях, совершая заклинания над заболевшими, произносят имя Господа Саваофа, и этим стараются утвердить, что занятие сие непредосудительно. Таким-то пустым и слабым соображением они, как видно, увлекаются к заблуждению и помрачению ума; это-то и есть наиболее тягостное в сем деле. Ибо словами: Господь Саваоф мы взываем к Богу всяческих, намереваясь славословить Его, и не допускаем усвоить это название ничему другому из существующего, потому что один и только один есть Господь сил. Они же столь преестественное и преславное наименование или славословие легкомысленно придают кому захотят из забавляющихся вместе с ними демонов, и исполнителям мнимого их чудодейства воздают славу, приличествующую единому Богу, обольщая и обольщаемые и, в возмездие за содействие в чем вздумается, платя чрезмерностью столь ужасного нечестия. Ибо рать демонов всегда является богоборствующею и весьма славолубивою. Поэтому нам не должно увлекаться их коварными советами, а как можно далее уходить от них и не внимать лукавым врачам или чудодеям, демонам, требующим от нас как бы какой награды за доставленное нам увеселение нелепыми речами. Ты же, если имеешь недуг в какой-либо части тела и истинно веришь, что слова: Господь Саваоф и подобные названия, которые Божественное Писание усвоит Богу по естеству, будут для тебя целительными от болезни, тогда, молясь сам за себя, возглашай эти слова, и ты лучше, нежели они, поступишь, воздавая славу Богу, а не нечистым духам. Напомню и Божественное Писание, которое говорит: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит

болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак.5, 14–15).

П. Итак, гадание по птицам, а также заклинание да будет поставлено, если угодно, наряду с тем, что осуждено законом и что у Бога считается самым постыдным и гнусным делом.

К. И очень. Я прибавил бы к этому, что мы и другими способами можем оскорблять Бога, что повинен и ответствен в нечестии против Него тот, кто решился дать ложную клятву и произнести какое-либо злословие или что-нибудь неподобающее о превосходящей все высочайшей славе. Первое (ложная клятва) подвергает виновного крайнему гневу и невыносимому наказанию, так как серп, как написано, истребляет жилище дающего ложную клятву и потрясает его до основания. "Войдет, – сказано, – в дом татя и в дом клянущегося Моим именем ложно, и пребудет в доме его, и истребит его, и деревья его, и камни его» (Зах.5, 4). А второе (богохульство) влечет за собою смерть и наказание, превышающее всякое зло. Поэтому должно клясться "не во лжу", лучше же и совсем не клясться; ибо так научил нас Спаситель говоря: «да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф.5, 33, 37); потому что нет никакой нужды в клятве для людей, признаваемых честными и сделавших добродетель как бы сожительницею себе; ибо жизнь таковых весьма чтится у любите-лей благочестия и недоверие им ненавистно. И если бы что сказано было ими, то тотчас же удостоивается доверия слушателей. Поэтому пусть наша жизнь пользуется доброю славою, и тогда совершенно прекратится, как я думаю, и надобность в клятве. Если же когда-либо и окажется надобность, так как иногда и подобающую святым честь некоторые уничижают, то пусть свидетелем клятвы будет Бог и да не привносится иное какое-либо имя. Так некоторые, неосмотрительно поддаваясь необузданному легкомыслию, безразлично употребляют слова: клянусь небом, или справедливостью, клянусь Адрастиею (богиня мщения), клянусь светом, клянусь светильником. Набирая к этому и другое, что только им вздумается, они, может быть, полагают, что поступают благочестиво, когда отстраняют Божественное имя и славою, приличествующею Богу, украшают

то, что призвано к бытию Его мановением. Такого рода заблуждением, как увидим, по временам болели израильтяне. Всем известно, что они воздвигли в Иерусалиме храм Богу, но, много думая об этом и будучи уверены, что стяжали себе похвалу за благочестие и достигли наивысшей славы, они оказались беззаботно пренебрегшими то, что было заповедано им премудрым Моисеем. Но что дело то (постройка храма) не служит им к прославлению и что Бог не удовлетворяется постройками из камней, этому Он учит, говоря: «небо-престол Мой, а земля-подножие ног Моих; где же постройте вы дом для Меня, и где место покоя Моего?... глаголет Господь» (Ис.66, 1, 2). Бог все наполняет; Он покоится на небе, но простирается и на землю; потому что Божество не подлежит количеству, но далеко как от телесного образа, так и от ограничения местом, и от количественного представления. Иудеи же, услышав, как Он однажды сказал: «небо престол Мой, земля же подножие ног Моих», – и пришедши к неверным мыслям, делали свидетелем клятвы небо, называя его Божественным престолом, подобным же образом и землю, как лежащую под ногами Божиими, а также и Иерусалим; ибо, говорили они, это город владычествующего над всем Бога; между тем древние святые употребляли при клятве слова «жив Господь» (напр. Суд.8,19; Руф.3,13; 1Цар.14,45 и др.). Но это весьма неразумное рассуждение иудеев изобличил в лживости Спаситель, говоря, что не должно клясться «ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя» (Мф.5, 34–35). Таким образом то, что они говорили пустословя, Спаситель провозгласил на пользу им, обличая вполне измышленную и не зная откуда появившуюся эту их набожность. Итак, да удалится и это заблуждение. Ибо мы научены при употреблении клятвы не упоминать никогда ничего другого, для верности же прочной и надежной употреблять слова: "да, да и нет, нет". И в законе сказано: если отданное кому-либо на сбережение погибнет, отдавший же потребует уверения в этом, то «клятва да будет Божия между обоими» (Исх.22, 10–11). И «Люди клянутся высшим» (Евр.6, 16), как сказал нам мудрый Павел. Большим

же человека, рассуждая правильно, мы называем не то, что превосходит нас величиною или разумом и мудростью и славою, но то, что таково по существу.

П. Не понимаю, что говоришь.

К. А между тем, Палладий, сказанное, как мне кажется, ясно и очевидно. Разве не утверждаем мы, что многое из сотворенного, и, между прочим, небо, несравненно превосходнее по своей величине, нежели человеческие тела?

П. Конечно.

К. Разумом же и мудростью и тонкостью тел не превосходят ли (человека) Ангелы?

П. Превосходят, но также и честью.

К. По светлости же и славе, разумеется, в отношении к телу, не несравненно ли лучше естество солнца?

П. Лучше.

К. Итак, несомненно, что каждое из поименованных существ по справедливости имеет пред нами преимущество в том, в чем ему естественно превосходить нас. Но неужели поэтому мы станем делать их свидетелями клятвы, минуя, как излишнее, призывание Бога?

П. Никаким образом.

К. Итак, стало быть, и большим человека следует назвать существо, превосходнейшее по природе и всем бытием своим отличное от сотворенного, то есть Бога.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Поэтому для решившихся вести совершенную жизнь пусть слова: "да" и "нет" – заменят употребление и силу клятвы и пусть получают они надлежащую твердость: тогда последует за ними и доверие. А если бы кто не уважил слов: "да" и "нет", тогда при употреблении клятвы уже должно обратиться к существу большему, нежели мы и даже вся тварь. – Что же теперь сказать о злословии (богохульстве), в чем оно состоит и до какого несчастья доводит употребляющих его? За него и древний закон положил наказание горькою смертью, и Сам Христос присудил неизбежные и нескончаемые страдания: ибо «если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем

веке, ни в будущем» (Мф.12, 32), – говорит Христос, Духом называя естество высшее тела, то есть Бога, на Которого дерзающий направить необузданный язык пожнет плоды своей несдержанности в слове. Ибо «Уста глупого идут в ссору, – как написано, – уста же его дерзостная призывают смерть» (Притч. 18, 6). Поэтому и божественный Псалмопевец говорит: «Положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих; не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым» (Пс.140, 3–4). Под этими словесами, по-видимому, разумеется нечестивейшее порицание Бога, неизреченного и чистого естества.

П. Итак, без сомнения, должны быть тверды те, которые стараются беспорочно идти правым путем и не позволяют себе оскорблять Бога.

К. Так полагаю. Ибо тем, которые приступают к Богу с сердцем не здоровым, но с нерешительным и поврежденным, которое расположено болеть бессилием и непостоянством, пророк говорит: «долго ли вам хромать на оба колена?» Если Ваалу, так Ваалу, а если Богу, так Богу (3Цар. 18, 21). А не быть совершенно здоровым в вере и (в то же время) не желать пребывать в заблуждении, это и значит хромать на обе ноги и как в том, так и в другом случае противно искренности. Причиною же столь непрочной и легко изменяющейся воли служит, по моему мнению, то, что некоторые имеют воображаемую, а не истинную любовь к Богу, что они лицемерно хотят быть христианами, делают это не от всего сердца, не будучи убеждены уважением к истине и не почитая правое, но приступают к вере или гоняясь за своим удовольствием, или желая как бы заколдовать себя от страха опасности и жестокого напора невзгод и иметь многих других, решившихся подвизаться вместе с ними и взять на себя их заботы. Но на долю таковым выпадет крайняя скорбь и удел их между самыми отверженными; они окажутся всех менее чтимыми, самыми презренными и едва ли достигающими того, чтобы быть удостоенными жизни, когда Бог станет испытывать сокровенное в нас; таковыми были некоторые из гаваонитян. Они прибыли некогда к Иисусу (Навину) и очень умоляли присоединить их к народу Божию; но прибегли не без коварного

умысла, неспроста и не без расчетов на выгоду, – как будто из любви к Богу, но на самом деле с притворством и лукавством. Вначале они и утаились было, но когда были уличены в недостойном поступке и оказались злоумышленниками и хитроумными, то были поставлены в самых последних, став древосеками и водоносами для всего общества Израилева (Нав. 9, 17–27). Итак, видишь, к чему приводит притворство и нежелание здравою мыслию чтить духовное общение со святыми. И действительно, некоторые иногда обманывают, не говорю Христа всеведущего, но тех, которые служат образом Его, то есть вождей народов, подобно тому как и гаваонитяне, без сомнения, обманули тогда Иисуса (Навина), служившего образом и предначертанием Христа; они приступают под прикрытием коварства, с затаенными замыслами и лукавством ума прикрывая притворством; а быв изобличены, потому что скрыться невозможно, они едва спасутся, получив последнюю участь, приличную рабам. Ибо обман есть плод несвободного расположения духа. Мы же, у которых цель – здраво мыслить о том, что относится до Бога, и которым нет заботы об остальном, будем привержены к своему Владыке и Богу всех, от чистого сердца, правою мыслию, всецелою любовью, чуждою недуга двоедушия, любовью, которая совершенно отстраняется от обычаев и мыслей эллинских и отчуждается как нельзя дальше и решительнее от того, что осуждено законом. Таким образом мы будем «совершенны... пред Господом Богом», по написанному (Втор. 18, 13), и светлы и прославлены вместе с другими святыми во Христе, чрез Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом во веки веков. Аминь.

Часть 2

Книга 7. О любви к братьям

Кирилл. Чрезвычайными и весьма высокими похвалами, Палладий, венчает закон первую и высшую заповедь, то есть: «люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими» (Втор. 6, 5; сн. Мк.12, 30), прибавляет также: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19, 18); притом и Сам Христос ясно говорит, что «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.22, 40); и божественный Павел называет любовь исполнением закона, потому что она не делает никакого зла ближнему (Рим. 13, 10). Рассмотрение первой из этих заповедей в достаточной, как мне кажется, мере сделала наша беседа, исследуя ее по возможности с разных сторон, как бы обходя вокруг ее и не худо показывая, каков может быть у нас образ совершенной и вполне безукоризненной любви к Богу. Теперь займемся смежною и родственною ей заповедью и сделаем точное рассмотрение любви к ближнему, прилежно исследуя, как может кто-либо достигнуть красоты добродетели и, стяжавши искусством в этом деле добрую славу, находиться в благоволении у Бога и людей, подобно божественному Самуилу (1Цар. 2, 26). Я утверждаю, что вместе с любовью к Богу должно, как следует, упражняться и в любви к братьям: потому что недостаток одной из них есть отсутствие обеих, по словам Иоанна, который так написал: «Кто говорит: `я люблю Бога`, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1Ин. 4, 20–21). Итак, каждая из них вместе с другою и исчезает и светло восходит. Ибо эти добродетели как бы смежны между собою и, как будто нерасторжимая пара коней, привозят того, кто постарался хорошо править ими, к единой отличной и совершеннейшей красоте благочестия пред Богом.

Палладий. Ты хорошо сказал. И так как наша цель – трудиться над этим, то продолжай и, собирая удостоверения на каждое положение из Священных Писаний, постарайся сказать

мне, каким образом возможно надлежащее исполнение любви к ближнему.

К. Весьма обширен путь, ведущий нас к нему. Ибо написано: «Твоя заповедь безмерно обширна» (Пс.118, 96); а искусство во всем совершаемом не иначе, я думаю, мог бы приобрести кто-либо, как посредством закона: так как он дан нам в помощь, как изрекло пророческое слово (Ис.8, 20). Посему, возбуждая нас к непрестанному воспоминанию об узаконенном, Законодатель говорит: «положите сии слова Мои в сердце ваше и в душу вашу, и навяжите их в знак на руку свою, и да будут они повязкою над глазами вашими; и учите им сыновей своих, говоря о них, когда ты сидишь в доме твоём, и когда идешь дорогою, и когда ложишься, и когда встаешь; и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих, дабы столько же много было дней ваших и дней детей ваших на той земле, которую Господь клялся дать отцам вашим, сколько дней небо будет над землею» (Втор. 11, 18–21). А что значит: «навяжите я на руки ваши», это ясно показал он в книге Чисел. Ибо так написано: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им, чтоб они делали себе кисти на краях одежд своих в роды их, и в кисти, которые на краях, вставляли нити из голубой шерсти; и будут они в кистях у вас для того, чтобы вы, смотря на них, вспоминали все заповеди Господни, и исполняли их, и не ходили вслед сердца вашего и очей ваших, которые влекут вас к блудодействию, чтобы вы помнили и исполняли все заповеди Мои и были святы пред Богом вашим. Я Господь, Бог ваш, Который вывел вас из земли Египетской, чтоб быть вашим Богом: Я Господь, Бог ваш» (Чис.15, 37–41). Итак, благоразумно повелевши наперед, чтобы мы написали закон в сердцах, затем, зная тяжкий недуг умозабвения, повелевает начертать заповеди, как бы на таблице, на порогах; также и на правую руку навязывать записи, носящие в себе закон и имеющие вписанным откровение; кроме того, считает не бесполезным, чтобы и на самих одеждах висели кисти и нити яхонтового цвета.

П. Но каким же образом могут напоминать нам о Божественных законах кисти и яхонтовые нити?

К. Не признаешь ли ты, что закон изречен был древним загадочно и начертан как бы в тенях?

П. Признаю.

К. Итак, то, что яхонтовые нити были привешены к кистям и к самой руке, не есть ли намек на то, что должно мыслить и делать небесное и памятовать о законах свыше? Индийскому, если не ошибаюсь, камню (говорю о яхонте) приписывается тело как бы эфирное, смешанное из света и тьмы и в глубине имеющее как бы нечто подобное воде, представляющее вид чего-то дрожащего и текучего. Итак, закон предусмотрительно установил, чтобы яхонтовые нити висели и на одеждах и на руке, как бы возглашая так: да будет тебе одеждою ума и облачением рассудка провешание с небес и решителем правых дел – закон! Ибо рука есть символ дела; совершаемое же нами законно, без сомнения, не подлежит укоризне и не относится к левой стороне, то есть к порочности. Поэтому фарисеи увеличивали "воскрилия свои и расширяли хранилища своя" (Мф.23, 5), то есть записи, привязанные к правой руке. Впрочем, они подвергнуты были Христом осмеянию, как делающие это по причине славолюбия, а не для напоминания о законе. Таким образом, несомненно, можно, исполняя закон, беззаконновать, если кто неправильно пользуется законом. И об этом-то, я думаю, сказал Соломон: «не выставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?» (Еккл.7, 16). Итак, надобно написать Божественную заповедь в уме и сердце; пользу этого ясно показывает божественный Давид, говоря о всяком праведнике: «закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его» (Пс.36, 31). Ибо, я думаю, очень ясно, что у кого Божественный закон пребывает в уме, тот, несомненно, будет и хорошо утвержденным, и в добродетели устойчивым.

П. Так именно.

К. Итак, продолжительное и постоянное попечение о законе приводит к пути правому, или, что то же, к угодному Богу, отгоняя от души человеческой как бы некоторую мглу и туман – забвение. И этим не ограничивается Законодатель, но, придумывая сверх того нечто еще лучшее, предлагает как бы некоторую приманку для возбуждения охоты к труду – надежду

всего достожеланного. Он сказал: «Если вы будете поступать по уставам Моим и заповеди Мои будете хранить и исполнять их, то Я дам вам дожди в свое время, и земля даст произрастения свои, и деревья полевые дадут плод свой; и молотьба хлеба будет достигать у вас собирания винограда, собирание винограда будет достигать посева, и будете есть хлеб свой досыта, и будете жить на земле [вашей] безопасно; пошлю мир на землю [вашу], ляжете, и никто вас не беспокоит, сгоню лютых зверей с земли [вашей], и меч не пройдет по земле вашей» (Лев. 26, 3–6). Понимаешь ли, какой заботы и милости удостоивает Он честного и трудолюбивого и руководимого уважением к закону? Он обещает даровать ранний и поздний дождь, постоянное благоплодие и избыток хлеба, обильное пользование снедью и кроме того – мир. Ибо истинному хранителю закона и неослабному любителю того, что угодно Богу, по справедливости даруется упоение обилием небесных благ. Духовное и свыше ниспосылаемое утешение, орошая, подобно дождю, душу праведного, как бы тучную и плодородную землю, весьма радует ее, потому что делает ее способною производить неиссякающий и разнообразный плод благочестия пред Богом; а мир ее венчает, доставляя постоянство благополучия. Так и Павел пишет: «и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши» (Флп. 4, 7). Итак, получивший от Бога таковые щедроты будет проводить жизнь свободную от войны и мирную, потому что враг уступит – падет и дойдет до ничтожества всякий противовосстающий, дьявольское нападение будет недействительно и всякий страх легко удален будет. Такое же узаконение мы найдем написанным и во Второзаконии: ибо, немного изменивши речь, (Законоучитель) сказал: «Если вы будете слушать заповеди Мои, которые заповедую вам сегодня, любить Господа, Бога вашего, и служить Ему от всего сердца вашего и от всей души вашей, то дам земле вашей дождь в свое время, ранний и поздний; и ты соберешь хлеб твой и вино твое и елей твой; и дам траву на поле твоём для скота твоего, и будешь есть и насыщаться» (Втор. 11, 13–15). Итак, попечение о законе водворит в душах

наших искусство и стройность в исполнении того, чего хочет Бог, а стремление к обетованному делает сносным труд, соединенный с добродетелями.

П. Правда; я по всей справедливости соглашусь с этим. Но, друг мой пора говорить о том, каким образом можно исполнить закон о любви к ближнему.

К. Действительно, надобно приступить к этому. Говорим, следуя Священным Писаниям, что Владыка всяческих Бог повелел Моисею созвать народ и собрать его чистым и освященным под горою, называемую Синай. Он повелел омыть одежды и три дня воздержаться от удовольствия с женами, обозначая посредством чувственных и видимых предметов мысленные. Ибо нам прилично идти, так сказать, пред лицо Божие, блистая как бы светлыми одеждами, похвалами добродетелей, украшаясь светлым настроением духа и будучи свободными от всякой плотской любви и земных осквернений, идти с помощью детоводящего нас закона, подобно как древние, несомненно, детоводимы были Моисеем: так как бывшее тогда было образом более истинного и детоводительство чрез премудрого Моисея прообразовало древним воспитание чрез закон, приводящий ко Христу. Кроме того, достойно замечания, думаю, и то, что дело и лицо должествующего детоводительствовать превосходно намечено в лице Моисея: потому что не себе самому представил он народ, но Богу как Законоположнику, Учителю и Советнику того, что надлежит делать. Так и нас не к себе привел закон, детоводительствовавший посредством буквы, но к сошедшему ради нас с неба Богу Слову. Кажется ли тебе, что слово наше идет по следам истинных мыслей?

П. Конечно.

К. Итак, написано: «И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы. Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом» (Исх. 19, 17–19). Что Бог сошел на гору, это весьма ясный знак того, что Он приходит не к низким

умом и водворяется не у тех, которые имеют земные и обращенные долу мысли, но у тех, у кого ум воспаряет на высоту и, как бы держа высоко голову, презирует человеческое и созерцает только то, что у Бога. Это же может означать и иное, именно, что знание о Боге высоко и превосходит наши силы и что оно доступно, может быть, хотя отчасти, только тем, которые стараются летать в высоте, по написанному: «птенцы суповы (коршуна) высоко парят» (Иов 5, 7). Вместе с тем пойми, что Бог, установляя ветхий закон древним, сошел не туда, где был народ, но на высоту и далеко от него. Ибо он еще "далече" отстоял, по гласу Псалмопевца (Пс.9, 22), пока Единородный не был еще с нами во плоти и не снисходил до истощения: потому что не для древних, но для нас соблюдено было таинство. Что касается до славы, очам являющейся, Он был с нами, оставивши высоту Божества, и обращался с нами, как один из нас. – Бог сошел в виде огня, ибо нужно было, чтобы имевшие быть детоводимыми принуждением и законом верно знали, что если они захотят быть легкомысленными, то будут иметь дело с огнем; потому что не из добровольной любви и свободного решения ума совершаемо было древними боголюбезное, но как бы по принуждению и страху: дух, бывший в них, не был духом свободы и «сыноположения, но духом рабства в боязнь» (Рим. 8, 15). – Гора дымится вследствие схождения на нее Господа в огне. Это, я думаю, и воспевается в Псалмах: «И мрак сделал покровом Своим» (Пс.17, 12). С другой стороны, дым может означать для нас и слезы, которые непременно будут проливаемы за презрение (закона): ибо от прикосновения дыма из глаз выступает влага. Если же кто захотел бы иначе понимать подлежащее к рассмотрению, тот пусть считает огонь за освещение, происходящее чрез закон, впрочем не без мрака, потому что закон темен и не ясен и тень от буквы густа и может помутить око разума. – Звуки, исходящие из трубы, становились сильнее и сильнее, потому что вначале голос закона был слаб и едва звучал; когда же пришло к нам Слово и воссиял Еммануил для научения евангельского, звуки сделались сильнее: Христос провозгласил громко и внятно, голосом, проходящим по всей вселенной. Он Сам говорит гласом Давида: «Слушайте сие, все

народы; внимайте сему, все живущие во вселенной» (Пс.48, 2). Между тем в то время голос закона не проходил в другие места и не тайноводствовал все народы, а оглашал одну только страну иудеев и детоводил один народ Израильский. – Далее сказано: «Моисей глаголаше, Бог же отвечаваше ему гласом». Ибо испрашивал закон Моисей, как слугитель, как посредник и пособник Божественных откровений; а Бог отвечал своим гласом, то есть чрез Сына, потому что голос и Слово Отца – Сын. От Него же закон, хотя и сказано, что он чрез Ангелов (Гал.3, 19; Деян.7, 53). Если кто захочет, может слышать Его ясно говорящего: «Который сказал: `вот Я!`» (Ис.52, 6), и: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф.5:17–18, 24:35). Таким образом Он называет закон Своими словами: ибо изрек его глас Божий, как я сейчас сказал, то есть Сын. Затем сказано, что «И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей. И сказал Господь Моисею: сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть *Его*, и чтобы не пали многие из него; священники же, приближающиеся к Господу..., должны освятить себя, чтобы не поразил их Господь» (Исх. 19, 20–22). Сходит на гору Бог, Который над всем; затем позванный восходит Моисей. Ибо нет возможности, чтобы кто-либо способен был взойти на высоты истинного богосозерцания, если Сам Бог не снизойдет и не сделает Себя доступным нашему разумению. Когда же Он призывает нас, тогда только с трудом мы восходим на высочайшую и как бы выдающуюся над всем вершину, то есть к истинному знанию о Нем, которое подает Христос, открывая нам Отца и Бога. И для толпы гора недоступна (потому что благодать весьма возвышенного знания для многих непостижима), доступна же одним только умеющим идти по ней и, что еще важнее, званным к этому от Бога, как, несомненно, и Моисей. Итак, если кто есть верный и истинный раб в доме Божиим (Чис.12, 7), то и он, подобно Моисею, будет избранным и способным быть вблизи Бога по отношению к

освящению и ведению. Таким образом мы будем с Ним, говорящим: «а ты здесь останься со Мною» (Втор. 5, 31). Тем, которые увенчаны достоинством священства, Он внушает очиститься, говоря: «да не когда погубит от них Господь» (Исх. 19, 22). Ибо дело священства весьма скользкое и не далеко от опасностей, даже и очень близко, если не является присущею в жизни непорочностью: потому что служащим всечистому Богу прилично быть святыми. Затем сказано: «И Господь сказал ему: пойдя, сойди, потом взойди ты и с тобою Аарон; а священники и народ да не порываются восходить к Господу, чтобы... не поразил их» (Исх. 19, 24). Восходит Моисей, и не без Аарона который был образом Христа: ибо честен закон во Христе и как святой чрез Него, он близ Бога и с Богом, так как и сам проповедует об Архиерее и Апостоле исповедания нашего, по Писаниям (Евр.3, 1). Итак, закон да будет связан со Христом духовным созерцанием: ибо Моисей услышал: «взыди ты и Аарон». – «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мк.10, 9), отделяя закон от созерцания во Христе, прилепляясь к одной только тени и не принимая истину за первообраз прообразов. Запрещается всходить на гору вместе с народом и священному роду. Ибо не тем, которые детоводятся в законе и совершают служение еще в тенях, дано от Бога приступить к возвышенным и высочайшим догматам о Нем, но это соблюдено для оправданных в вере и во Христе призванных к послушанию и знанию, много превосходящему древнее. Превосходству знания о Христе удивился и божественный Павел (Флп.3, 8); и Сам Спаситель засвидетельствует об этом, явно говоря о нас и тех, которые от крови израилевой, «для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано» (Мф.13, 11); и об иудеях: «оставьте их: они – слепые вожди слепых» (Мф.15, 14). Провозгласил Он еще познавшим Его: «Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат» (Мф.13, 16). Когда же Бог всяческих окончил слова о сем, тогда начинает Он законодательствовать и делать постановления обо всем превосходнейшем. Он так говорит: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом

Моим» (Исх. 20, 2–3). Приличное законам начало сделал Он, говоря, что Он есть совершитель знамений в Египте, безумию владычествовавших противопоставивший, словом сказать, всю тварь, вооруживший дожди и град, явивший перемены стихий, наславший на первородных жалкую смерть, разливший на них (египтян) трехдневный мрак, дарующий, кому хочет, идти посреди волн и без труда сокрушающий противовосстающих. Ибо должно было, должно, чтобы подъемлющие иго Божественной заповеди знали, сколь велико могущество Законодателя и сколь небезопасно для них оскорблять Того, Который все легко может совершить.

П. Как все хорошо и боголепно усматривал для нас Законодатель. Ибо всегда страх понуждает к благопокорливости и, как бы молодого коня, делает упрямого и непокорного послушным.

К. Весьма правильно ты сказал. Итак, запретивши поклоняться иным богам и делать какого бы то ни было идола, подобие и живописное изображение, и постановивши величайшее наказание за дерзость – имя божества придавать произведениям делателей статуй ибо говорит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20, 7), затем приводит в порядок дела человеческие и, как бы линейку для прямизны, полагает закон для жизни всех, отвлекает же нас от всякого греха, указывая прежде всего другого на время праведности во Христе, когда будет совершеннейшее искупление и истребление порочности, и преобразование в первоначальное состояние, и возобновление жизни в святости и боголюбии. Поэтому говорит: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай... всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни ... скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исх. 20, 8–11).

П. Но что это такое? Я не понимаю этого ясно. Каким образом мы можем святить день субботний?

К. Хочешь ли, мы скажем несколько о субботе и соблюдаемом в ней неделании? Ибо таким образом будет очень ясно возвещенное нам Богом.

П. Конечно так.

К. Суббота, Палладий, как последний день седмицы, может означать, я думаю, время пришествия Спасителя нашего Который явился при скончании и едва уже не при самом исходе настоящего века; для нас же сделался началом, дверью и путем к омовению от греха, к свободе и отпущению, к нетлению и жизни, и к надежде будущего. Многообразно же и свидетельство Священных Писаний намекает нам на мыслимое во Христе субботствование, то описывая прекращение грехов при Нем и определяя жесточайшее и суровое наказание преступнику, то образно обозначая искупление в Нем и отпущение на свободу, а также и приготовление к веку будущему.

П. Так скажи, каким это образом: ибо мне весьма приятно было бы знать.

К. Чрез веру, Палладий, во Христе мыслимую, мы духовно субботаствуем, когда, преставая от мирских попечений, отдыхая от суетного шатания, удаляясь от порочности и свергая иго греха, успокаиваемся наконец в свободе святости. Так и божественный Павел говорит о тех, которые еще не уверовали: «На кого же негодовал Он сорок лет? Не на согрешивших ли, которых кости пали в пустыне? Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим» (Евр.3:17, 4:1). И спустя несколько: «Посему для народа Божия еще остается субботаство» (Евр.4, 9). Но не правда ли, если субботаствование есть только неделание в субботу, то каким образом не вошел в покой Израиль, хотя и соблюдавший неделание в субботу? На самом же деле это было образом покоя во Христе и того, что оправдываемый верою престанет от греха. Поэтому Бог повелел, чтобы собиравший дрова в субботу побит был камнями (Чис.15, 32–35). Это воздаяние было изображением предмета мысленного и

необходимого. Разве отторгнутое от своего корня, увядшее и усохшее уже дерево не есть образ мертвенности? Не есть ли оно также пища огня?

П. Правда.

К. Таков-то всенесчастный грех, как бы мертвенность и нечестивый питатель неукротимого пламени для любящих его. Посему, когда во время престания, разумею – от грехов, некоторые не будут удерживаться от мертвых и бесплодных дел и, отвергнувши добродетель, станут любить то, за что им предстоят вечные наказания и возгорится пламень, то они по справедливости подвергнутся осуждению на смерть, потому что, хотя и могли бы не жить распущенно, добровольно идут к заслуженному наказанию. Итак, «входим... в покой веровавший», по слову блаженного Павла (Евр.4,3). Так и гласом Иеремии обвиняет Бог тех, которые грехом против образа искажали красоту истины; он говорит: «пойди и стань в воротах сынов народа, которыми входят цари Иудейские и которыми они выходят, и во всех воротах Иерусалимских, и говори им: слушайте слово Господне, цари Иудейские, и вся Иудея, и все жители Иерусалима, входящие сими воротами. Так говорит Господь: берегите души свои и не носите нош в день субботний и не вносите их воротами Иерусалимскими, и не выносите нош из домов ваших в день субботний, и не занимайтесь никакою работою, но святите день субботний так, как Я заповедал отцам вашим, которые впрочем не послушались и не приклонили уха своего, но сделались жестоковейными, чтобы не слушать и не принимать наставления» (Иер.17, 19–23). Итак, повелел в субботу не только переставать от всякого дела, но и не выносить тяжестей и не выходить за ворота Иерусалима.

П. А это какой смысл имеет?

К. Конечно, умозрительный и духовный, превосходнейший образов и лучший прежней тени. Он повелевает субботаствующим во Христе переставать от дела, обращенного и направленного к порочности, и не возлагать на плечи никакой тяжести. Ибо разве не вполне бессмысленно, если те, которые однажды чрез веру свергли с себя поистине неудобноносимое

бремя греха, опять поднимают его на себя и решаются снова подпадать игу порочности? А что должно сидеть в Иерусалиме, этим Он изображает то, что нам не следует удаляться из святого города, и запрещает странствовать вне его и ускользать из него, уклоняясь к чему-либо иному. Под святым городом ты будешь разуметь Церковь: ибо некоторые, уже просвещенные верою во Христа, снявшие с себя бремя нечистоты греховной и ставшие внутри святых врат дома Божия, перешли к отступничеству, хотя, быть может, и не к явному, Но все же они выступили из святых врат, почтивши обычаи идолопоклоннические. Итак, Бог изрек, чтобы умственно субботаствующие сидели внутри врат; этот образ означает непоколебимость и постоянство и то, что не надобно никогда отпадать от верности Ему. А что город Божий есть Церковь, об этом громко возопиет и Давид, говоря: «Славное возвещается о тебе, град Божий!» (Пс.86, 3); удостоверит же и Сам Спаситель, говоря о нем: «здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» (Пс.131, 14).

П. Итак, несомненно, что, по воле Законодателя, в субботу мы должны переставать от всякого дела.

К. Не от всякого без исключения, Палладий; потому что непохвально было бы перестать думать и делать то, что приятно Богу и что приносит немалую пользу. Ибо не напрасно, как мне кажется, Священное Писание присовокупило, что день субботний должен у нас святиться: "помни, – сказано, – день субботний, чтобы святить его» (Исх. 20, 8). Но мы исполним это весьма пристойно, если, мысленно субботаствуя, явимся заботящимися о святых делах; ясным образом этого может быть то, что в субботу священники во храме нарушали субботу, неукоризненно занимались священными делами, совершали жертвоприношения, закалали овец и беспрепятственно делали все, служащее во славу Божию. И разве не за это самое Христос подвергся порицаниям со стороны иудеев, когда Его, исцелившего расслабленного в субботу, они обвиняли в нарушении закона (Ин. 5, 16)?

П. Помню.

К. В субботу и обрезание принимает человек, по слову Спасителя (Ин. 7, 22–23), без всякой укоризны со стороны

закона. Этот образ внушает и почти ясно свидетельствует, что субботствующим во Христе, то есть prestaющим от греха и освящаемым чрез веру, весьма справедливо приличествует обрезание в духе, совершаемое в восьмой, то есть воскресный, день; ибо так воскрес Христос. Когда же ожил, разрушивши державу смерти, тотчас запечатлел знаемых своих Духом Святым: это-то и есть обрезание в духе. Он "дунул, говоря: примите Духа Святаго» (Ин. 20, 22). Не о таком ли совершении мысленного обрезания говорит и Павел? Ибо он утверждал, что уверовавшие должны обрезаться «обрезанием нерукотворенным», то есть духом (Кол. 2, 11). Прибавил бы я к этому еще и то, что, мысленно субботствуя, мы по справедливости не должны переставать и от того, что относится к духовному мужеству, и от того, чтобы сокрушать врагов и во Христе побеждать противовосстающих: во образ же сего опять я представляю тебе древнего одного Иисуса, вместе с израильтянами взявшего Иерихон в седьмой день, то есть в субботу.

П. Итак, суббота приносит нам с собою, как кажется, праздность только от порочного и греховного, если дело идет об истине, которая для древних была начертана в образах, как бы только в тенях.

К. Так утверждаю. А понимаемая иным способом, она может показать весьма ясно Христово таинство.

П. О каком способе ты говоришь?

К. Закон сказал: «Если продается тебе брат твой, Еврей, или Евреянка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу; когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего: дай ему, чем благословил тебя Господь, Бог твой» (Втор. 15, 12–14). Это значит, что все время до пришествия нашего Спасителя Израиль держим был духом рабства, подчиненный наказующему закону; когда же в последние времена века, образом которых служит для нас суббота, воссиял Еммануил, тогда отъят был от них дух рабства; совершенно ничего не принеши Владыке в выкуп, они

человеколюбивою благодатью призваны к свободе и в славу сыноположения: ибо оправданы уверовавшие не от дел закона, по Писаниям, но от веры (Рим. 3, 28). Это-то, говорю я, и есть: пусть выйдет на волю даром. Но "когда же, – сказано, – будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми *руками*, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего». Видишь ли ясно силу Христова таинства, просиявающую в этом? Мы искуплены, и нас отпустил свободными Спаситель всех нас, даром. Ибо «не от дел праведности которые мы сотворили, но по многой Его милости», как написано (Тит. 3, 5), мы сделались причастными столь чрезвычайному благоволению. Отпустивши же нас свободными, то есть освободивши от грехов и украсивши благодатью сыноположения, Он приложил нам Себя Самого в прекрасное "напутное" как жертва непорочная «как овца, веден был Он на заклание» (Ис. 53, 7; сн. Деян. 8, 32), за нас веденный и даровавший нам причастие животворящего благословения, то есть святой Его Плоти и Крови. Это, я думаю, и обозначается тем, что призванные к свободе милостью Владычней в седьмое время, то есть в мысленную субботу, должны получить напутное от овец, от пшеницы и вина. Так определил закон. Когда же иудеям, впадшим в легкомыслие, не очень нравилось соблюдать эти постановления; тогда Бог стал обвинять решившихся делать это. Ибо написано: «И было слово Господне к Иеремии от Господа: так говорит Господь, Бог Израилев: Я заключил завет с отцами вашими, когда вывел их из земли Египетской, из дома рабства, и сказал: `в конце седьмого года отпускайте каждый брата своего, Еврея, который продал себя тебе; пусть он работает тебе шесть лет, а потом отпусти его от себя на волю`; но отцы ваши не послушали Меня и не приклонили уха своего. Вы ныне обратились и поступили справедливо пред очами Моими, объявив каждый свободу ближнему своему, и заключили предо Мною завет в доме, над которым наречено имя Мое; но потом раздумали и обеславили имя Мое, и возвратили к себе каждый раба своего и каждую рабу свою, которых отпустили на волю, куда душе их угодно, и принуждаете их быть у вас рабами и рабынями» (Иер. 34, 12–16).

Видишь ли, как не терпит Он, чтобы были отвергаемы образы или, лучше сказать, оскорбляема сама истина, как бы еще в тених? «Ибо дары и призвание Божие непреложны», по написанному (Рим. 11, 29). Иудеи же, однажды отпущенных привлекая обратно и снова подчиняя игу рабства, не соблюли эту нераскаянность и чрез то оскорбили силу таинства, отвергши и не почтивши ее, хотя она была еще в образах.

П. Весьма правильно сказал ты.

К. А что мы даром оправдываемся благодатью во Христе, не принеся ничего в обмен за свою жизнь и не выкупивши славу свободы, но приобретая ее милостью и человеколюбием Владычним, это Он предызображал во Второзаконии, говоря: «В седьмой год делай прощение. Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего, ибо провозглашено прощение ради Господа.... с иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости. Разве только не будет у тебя нищего: ибо благословит тебя Господь на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел, чтобы ты взял ее в наследство» (Втор. 15, 1–4). Видишь ли сверкающую сквозь тени истину? Ибо и это может яснейшим образом показать домостроительство Спасителя нашего о нас: так как ставшим близко к Нему чрез веру и уже оказавшимся домашними и братьями чрез причастие Святого Духа и приобщение Божественному естеству Он отпустил долги, хотя они ничего не заплатили Ему; Он не подверг их наказанию за преступление, хотя они и обязаны были Ему отчетом в том, как они провели жизнь; а тех, которые еще чужды, даже едва не иноплеменны по причине губельного их неверия и весьма далеки от родства с Ним, Он учинил повинными долгам и, как имеющих неомытым еще грех, по справедливости сделал подлежащими суду и наказанию. Поэтому уверовавшим Он провозглашал: «если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32), а не почитающим истинного и евангельского научения: истинно, истинно говорю вам, «если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Ин. 8, 24). Итак,

понимаешь ли, что Он домашних для него по вере обещает отпустить на свободу, а о тех, которые еще чужды и чужеземны и омертвели в грехопадениях, сказал, что они отдадут Судии отчет в своих прегрешениях?

П. Правда.

К. Неделание в субботу прекрасно изображает также приличествующее святым наслаждение в будущем веке и причастие небесных благ.

П. Скажи, каким образом; мне хочется понять это.

К. Очень охотно. Поет негде божественный Давид, говоря о сынах Израилевых и всемогущем Боге: «хлеб небесный дал им: Хлеб ангельский ел человек» (Пс.77, 24–25). Он называет манну пищею небесною и ангельскою, дабы мы, направляя свой ум выше чувственного и видимого, созерцали духовное и Божественное питание, которое посылает Бог душам святых, водворяя в принявших веру питающего Ангелов и животворящего людей Бога Слово. Ибо Христос вселился в сердцах наших чрез Святого Духа, и мы питаемся хлебом живым и небесным для здоровья и крепости духовной: и вот манна есть ясный и несомнительный образ этого. Закон повелел сынам Израилевым собирать ее, не превышая количества, достаточного для каждого. Ибо написано так: «поутру лежала роса около стана; роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни *нечто* мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле. И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал вам в пищу; вот что повелел Господь: собирайте его каждый по стольку, сколько ему съесть; по гомору на человека, по числу душ, сколько у кого в шатре, собирайте» (Исх. 16, 13–16). Затем говорит через несколько слов еще: «В шестой же день собрали хлеба вдвое, по два гомора на каждого. И пришли все начальники общества и донесли Моисею. И [он] сказал им: вот что сказал Господь: завтра покой, святая суббота Господня; что надобно печь, пеките, и что надобно варить, варите сегодня, а что останется, отложите и сберегите до утра» (Исх. 16, 22–23). Потом он, священноучитель Моисей разъяснял им Божественный закон,

тотчас за тем сказавши: «ешьте его сегодня, ибо сегодня суббота Господня; сегодня не найдете его на поле; шесть дней собирайте его, а в седьмой день-суббота: не будет его в *этот день*» (Исх. 16, 25–26). Неужели же тебе, Палладий, и после сего не ясно, что это неделание ничего в субботу и собирание в запас уже доставленного (количества манны), а также и то, что манна (в субботу) с неба не давалась и надобно было употреблять для вкушения и в пищу уже собранное, – все это составляет как бы предуготовление и предыображение, и притом весьма ясное, жизни, имеющей наступить веке грядущем? Ибо, субботаствуя во Христе и совершенно преставаая от греха, мы будем наслаждаться вышними благами, когда труд совсем будет изъят, и мы без усилий будем находить в изобилии все то, что служит на пользу.

П. Это правда: святее будут жить тогда, как бы при готовых и подлежащих всем благам; да будет же нами сказано всякому: «будешь есть от трудов рук твоих» (Пс.127, 2).

К. Итак, возвращаясь к сказанному сначала и как бы отвлекая слово назад, мы утверждаем, что весьма последовательно поступил закон, когда, приведши нас к единому по естеству и истинно Богу, не допустил, чтобы мы не знали также из Него и в Нем рождающееся, вместе с Ним сущее и совечное Ему Слово. Ибо, заповедавши наперед и сказавши: «и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею и всеми силами твоими» (Втор. 6, 5), и: «да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20, 3), тотчас присоединил Христово таинство, сказавши сверх того: «Помни день субботний, чтобы святить его» (Исх. 20, 8). Ибо это прекрасная и необходимая стезя и путь боголепнейшего искусства, приносящий совершеннейшую пользу изучающим то, что следует знать. Так и Спаситель сказал Небесному Отцу и Богу: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). Ибо слову об Отце необходимо сопутствует слово о Сыне, и знание об Обоих очень близко одно к другому. Посему иудеев, уклонившихся от истины тем, что не принимали Сына, и, однако, Думавших, что они познали Бога, Он порицал, говоря:

«вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего» (Ин. 8, 19). Ибо знание о каждом из Них относится к Обоим. Итак, по необходимости положивши наперед, как бы основание, точность богопознания и вкоренивши в них предварительно ведение о Законодателе, Он нисходит к человеческому и тотчас же полагает рядом и в связи с почитанием к Богу почитание к отцу и матери, чрез которых мы, с соизволения Божия, приведены к бытию и существованию и которые занимают как бы второе место после Содетеля: ибо Божественными велениями и самонаученным искусством природа в себе самой образует рождаемое и Как бы подражает славе Содетеля, и как Бог есть начало и рождение всего, потому что Он есть Творец и Содетель, так каждый из ставших родителями для рождаемого из него чада есть как бы корень рождения и источник исхода к бытию. Итак, содействие отца и матери существованию всех, которые на земле, есть образ Содетеля всего. Поэтому закон и повелел воздавать им превосходнейшую в сравнении с другими честь, не лишивши награды решившихся почитать и не избавляя от наказания нежелающих этого делать: благородную и святую волю он венчает почестями, настроенную же не так обременяет крайними бедствиями. Ибо "Почитай, – сказано, – отца твоего и мать твою,... чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20, 12). Итак, установивши, как бы награду и избранный почетный дар, – жизнь и продолжительность времени пребывания для желающих почитать и, наоборот, – смерть для наглых и оскорбителей, закон приставляет страх, как бы пестуна, направляющего к пути правому. Ибо сказал он еще: «Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти. Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21, 15, 17). Смотри же, всякий вид греха против них он наказывает в равной мере и, очевидно, права родителей ставит близко к тому, что заповедано по отношению к Богу. Ибо как против Бога прегрешение языка (злословие) наказывается смертью и крайним гневом, так и против родителей. Отвергший Божественную заповедь и решившийся прогневать

Детоводителя преступлениями умирает без милосердия: так же и презревший внушения отца или матери умирает побиваемый камнями, как и об этом постановил Божественный закон. Он так сказал во Второзаконии: «Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их, – то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания и скажут старейшинам города своего: `сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница`; тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и *так* истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат и убоятся» (Втор. 21, 18–21). Можно ли тебе и после этого сомневаться, что тотчас за почитанием Бога следует почтение к отцу и матери?

П. Никак. Ибо к тому, что нам должно чтить их, побуждает нас и премудро сказанное кем-то: «Помни, что ты рожден от них» (Сир. 7, 30), и патриарх Иаков, весьма скромно говорящий: «аще не бы ... страх Исаака отца моего был мне» (Быт. 31, 42).

К. Итак, скажи мне: когда говорится, что мы рождены ими, не ясно ли это показывает, что они суть образ Содетеля и призывающего к бытию небывшее некогда? А то, что нам приличествует чтить их страхом, не поставило ли их едва не в самом Владычнем достоинстве?

П. И очень. Потому и проклиная некоторых приточник, говоря: «Глаз, насмехающийся над отцом и пренебрегающий покорностью к матери, выключут вороны дольные» (Притч. 30, 17). Но разъясни, каким образом мог бы кто-либо считать мудро сказанным изречение Спасителя всех Христа: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37). Напомню же и об ином: ученику, умоляющему о погребении отца и об уходе за старцем, Он говорит: «иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22).

К. Что же в этом неуместного? Трудного ничего нет, как мне кажется, напротив – разумение рассматриваемых изречений очень просто и удобно для усвоения тем, которые хотят правильно мыслить.

П. Однако ж сказанное не совсем свободно от подозрения: потому что оно, по-видимому, некоторым образом отклоняет нас от почтения к родителям.

К. Удались от подозрения и столь превратных мыслей, Палладий! Слово Спасителя не отклоняет от почтения к родителям, а научает считать старейшим и превосходнейшим почтение к Богу. И наша речь привела к тому же, постоянно именуя почтение к родителям стоящим близ и на втором месте после почтения подобающего Богу; это соблюл и Сам Христос, так как Он не приписал вины тем, которые хотят любить родителей, и не поставил в какой-либо порок и преступление желание чтить их, но весьма прилично узаконил, чтобы человеческое было поставляемо после Бога. Поэтому не просто говорит: «Кто любит отца или мать более; но прибавил: паче Мене". Не признаешь ли ты приличным, чтобы любовь к Богу была поставлена выше любви к людям?

П. Конечно так.

К. Итак, Он не позволял ученику приходить к той мысли, что надобно поставлять выше почтения к Богу почтение к человеку, хотя бы то был и отец, чтить которого внушают самые законы природы. Таким образом, хотя касающееся Его Он ставит выше того, что относится до нас, так как Бог все превосходит и выше всего; однако же Он отнюдь не позволяет кому бы то ни было ни во что вменять почтение к родителям на том основании, что относящееся к Богу должно мыслить и называть старейшим и превосходнейшим. Ибо это самое Христос ставил в вину иудейским учителям, говоря: «Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф.15, 4–6).

П. Однако же не очень легко разумение приведенного места. Поэтому разъясни, какое было в этом прегрешение фарисеев?

К. В книге Левит написано: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: если кто дает

обет посвятить душу Господу по оценке твоей, то оценка твоя мужчине от двадцати лет до шестидесяти должна быть пятьдесят сиклей серебряных, по сиклю священному» (Лев. 27, 1–3). Сказавши потом немного о женщинах и детях, прибавляет: «Если же он беден и не в силах *отдать* по оценке твоей, то пусть представят его священнику, и священник пусть оценит его» (Лев. 27, 8). Таинственна эта речь и полна глубокого смысла и в надлежащее время будет нами тщательно исследована, теперь же мы скажем ближайшее: некоторые из израильтян приходили, имея усердие посвятить Богу души свои, хотя еще в образе и тени, впрочем, по закону, и объявляли цены за самих себя получившим жребий священства и приседящим Божественному алтарю. Но были некоторые, желавшие той же славы (ибо они стремились к тому, чтобы именоваться освященными и священными и даром Божественным и всем таковым), между тем по недостатку денег они подавляли это желание и имели бедность неизбежным препятствием к исполнению его. Когда же книжники и фарисеи ревностно побуждали их к этому (так как эти люди были очень жадны до денег и подвержены страсти к постыдным приобретениям), они выставляли на вид почтение к родителям и справедливо говорили, что они, может быть, едва в состоянии добывать себе самим и им средства, достаточные для жизни, и готовить одежду. А те дерзали убеждать их – считать это дело за ничто ради Бога; и если бы пришли родители, требуя от них обычного пособия, то надобно, учили они, сказать отцу и матери: «дар, имже бы от мене пользовался еси». То есть: если бы ты получил что-то от меня, знай, что этим ты причинил бы ущерб дару Божию и наложил бы руки на священное достояние, ибо я себя самого посвятил и обещал, как дар, Богу. А те, боясь вреда от святотатства и очень страшась законов об этом, с сетованием переносили свое положение и благочестие пред Богом поставляли причиной их голода, обвиняя, может быть, и самую Божественную заповедь, как обижающую их в самом необходимом. Поэтому-то и сказано: «разористе заповедь Божию за предание ваше». Ибо должно было бы, должно чтить родителей и ради благочестия пред Богом не нарушать закона о

них. Итак, не следует ни быть беспечным касательно подобающего Богу ради человеческих дел, ни пренебрегать вовсе и человеческими делами ради Бога; но надобно, отдавая лучшую часть любви началу всего, то есть Богу, тотчас затем, как бы во втором и соседнем ряду, приносить и виновникам рождения нашего им особенно приличествующие почести, принимая при сем в соображение, кроме сказанного, еще вот что.

П. Что такое ты разумеешь?

К. Господь наш Иисус Христос, показывая, что почтение к родителям есть дело весьма необходимое для нас, удостоил попечения и внимания Свою Матерь. Висящий уже на честном кресте и пригвожденный к дереву, Он поручал Святую Деву близкому своему ученику и, поставляя возлюбленного кормителем ее в старости, говорит: «Жено! се, сын Твой.»; и ученику сказал: «се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин. 19, 26–27).

П. Как превосходно, кажется, сказано у нас о сем слово!

К. Итак, весьма хорошо внушивши привязанность к родителям рожденным от них и наложивши на них законное и необходимое иго, тотчас же узаконивает и то, каковы должны быть родители в отношении к рожденным от них, если не отвергнут угодное Богу. Так, премудрый Павел, внушивши детям кратко и вразумительно, что они должны подчиняться отцам, сказал, однако же, и им: «вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4); то есть, ставши для них преподавателями превосходнейших учений, направляйте их к боголюбезной и самой законной жизни. И закон, как бы идя окольным путем (ибо это ему почти всегда обычно), всего более, да и весьма правильно, требует от отцов, чтобы они заботились о честности детей. Ибо говорит: «Не оскверняй дочери твоей, допуская ее до блуда, чтобы не блудодействовала земля и не наполнилась земля развратом» (Лев. 19, 29). Ибо прежде всего другого и как бы некоторого начатка святой жизни Содетель требует от нас чистоты тела, потому что телесное, избегающее пятна, позора и бесчестия, служит как бы вступлением к светлости духовной.

Итак, отцам прилично руководить нас к наилучшему; если же детоводители будут небрежны и легкомысленны, а еще более, если они, сверх ожидания, избличены будут в том, что сделались для детей своих вождями и наставниками к постыдному, то они будут подлежать крайнему наказанию, как развращающие ими самими произведенных и ввергающие во рвы гибели тех, за которых им подлинно лучше было бы даже и умирать: ибо и это природа предписывает отцам. И кто отдал свою отроковицу на открытый позор желающим, тот, по справедливости, не за нее только одну обвинен будет и подвергнут наказанию от Судии всех, но и за всякого, впадшего в позор. Ибо, поставивши как бы какие тенета и сеть смерти, он всех держит в облаве, хотя и не все уловляются; но оценивается, конечно, не то, что произошло, а то, к чему могло повести предприятие. О такой женщине и премудрый Соломон пишет: женщина есть «сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы» (Еккл.7, 27). Необходимо поэтому Законодатель говорит: «да не оскверниши дочери твоея еже блудити ей, и да не прелюбы деет земля»: потому что если бы совсем не было такой женщины, с которою можно бы впасть в вину блудодеяния, то нисколько нетрудно было бы избежать этого несчастья, хотя бы у кого ум и был весьма склонен к сладострастию и страдал полным бессилием. Повелевши таким образом отцам охранять благоприличие детей по отношению к телу, наказывает смертью и того, кто доходит до такого расположения духа, что собственных детей ввергает в отступничество от Бога. В книге Левит написано так: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сие сынам Израилевым: кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между Израильтянами, даст из детей своих Молоху, тот да будет предан смерти: народ земли да побьет его камнями; и Я обращу лице Мое на человека того и истреблю его из народа его за то, что он дал из детей своих Молоху, чтоб осквернить святилище Мое и обесчестить святое имя Мое» (Лев. 20, 1–3).

П. Темен этот закон; не очень-то ясно, что он хочет сказать. Поэтому объясни, и ты хорошо сделаешь.

К. Моавитяне и мадианитяне, гергесеи и агаряне и некоторые другие варварские народы, обитавшие в стране Иудейской, жили по обычаям эллинским, и у каждого из них было такое богопочитание, какое ему нравилось, поклонение и служение тому, что приходило ему на ум. Израильтяне же, имея разум еще не окрепший и не утвержденный в любви к Богу, были весьма удобопреклонны к отступничеству и настолько готовы к удалению от Бога, что считали за ничто, даже если бы случилось поклоняться и самим богам сопредельных народов и вместе с соседями решиться недуговать прежним, египетским заблуждением. Итак, они воспламенялись страстью к девицам мадиамским и, увлеченные женскою красотою, вместе с ними призывали Веельфегора. Посему Законодатель, очень хорошо предусматривая нетвердость и удобопреклонность присущего им разума, совершенно запретил им смешение с иноплеменными, весьма ясно говоря: «дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего; ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам» (Втор. 7, 3–4). Итак, поскольку, конечно, бывало, и то весьма вероятно, что некоторые из израильтян решались знатнейшим из язычников вручать своих дочерей, увлеченных в сети богатством, и считать за ничто отступничество, то Он определяет наказание и смерть за такую дерзость и подвергает это преступление строжайшему приговору: ибо неизбежно было выданной за иноплеменника сделаться и иномыслящею и служить демонам: поэтому Он и подверг его, как губителя собственного плода, соответственному наказанию. Итак Священное и Новое Писание внушает родителям стараться совершать воспитание детей «в... учении Господни» (Еф. 6, 4), а медленноязычный закон околичностями вступает на тот же путь. Ибо, очень хорошо постановивши наперед, что отцы не должны позволять делать то, что относится к позору и распутству, после этого говорит еще и о том, что они должны блюсти в них непоколебимость в богопознании и не допускать их пленяться скверным идолослужением, хотя бы им и предлежало обладание большим состоянием, если они сопрягаются по закону брака с мужем хотя иноплеменным, но богатым. Не есть

ли это то самое, о чем сказано: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф.16, 26.)

П. Ты сказал правильно.

К. Всякий может видеть очень легко, что не малое расстояние существует между оправданными во Христе и детоводимыми законом. Ибо смешиваться с какими-либо чужеземцами, сходиться с иноплеменниками не было безвредно для древних; нам же Павел советует жить лучше и дерзновеннее, говоря: «если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим.» (1Кор. 7, 12–14). Какой же является в этом способ домостроительства? Почему в древности закон боялся смешения с иномыслящими, а ныне уже нет? Потому что званых во Христе делает устойчивыми и имеющими непоколебимую любовь к Богу обитающий в них Дух, «Которым взываем: `Авва, Отче!`» (Рим. 8, 15); а те еще не обладали этим даром; ибо, как говорит божественный Иоанн: «еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен» (Ин. 7, 39). Итак, всякое совершенство – во Христе, закон же нисколько не приводил к совершенству, по написанному (Евр.7, 19).

П. Так скажи мне, пожалуйста, каким образом может сделаться ясным несовершенство закона?

К. Охотно. Но слово наше направится к сподручному и исследует виды любви к ближнему, так как писания Моисеевы, данные древним, говорят об этом несколько грубее, чем должно.

П. Так приступай к этому, и как можно скорее.

К. Закон говорит: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19, 18); а Господь наш Иисус Христос бесчисленными доводами внушает нам закон взаимной любви и, поставляя как бы защитником этому закону врожденное знание и существующее в каждом хотение, говорит: «во всем, как хотите,

чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф.7, 12; Лк. 6, 31). Ибо не удалится от цели тот, кто, желая что-либо получить, решится и сам делать то же другим; напротив, он пойдет по прямому пути любви и украсится венцом взаимнолюбия.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Итак, любовь есть исполнение закона и превосходнее веры и надежды. Ибо так пишет нам божественный Павел (1Кор. 13, 13). Поэтому, как бы разноцветный венок из весенних цветов сплетая ей, говорит он еще: «если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (1Кор. 13, 3–8). Но это для всех, как я Думаю, явно, и очень длинна была бы речь об этом, если бы кто решился собрать в подробности относящееся сюда в Новозаветном Писании. Мы же обратимся теперь к теням закона и к тому, что изречено древним как бы еще в образах.

П. Ты превосходно рассуждаешь.

К. Закон был упражнением справедливости и как бы вступлением к доблестным делам евангельским. Ибо написано: «начало пути блага, еже творити праведная» (Притч. 16, 6): потому что закон детоводит ко Христу (Гал.3, 24) и может иметь неложную славу жизни, в Нем мыслимой, если будет понимаем духовно. И он доводит нас до справедливости, а к тому, что выше сего, ведет нас уже евангельское учение. Виды же справедливости, первый – почитание и любовь к единому и по естеству Богу; а как бы соседственный с ним и тотчас с ним следующий – любовь к братьям и единоплеменникам с поставляемым впереди всего почитанием к родителям. Итак, в надлежащем порядке шествует пред нами слово Божие, внушая, что нам следует после благоговения к Богу и уважения к родителям оказывать честность и в отношении к другим людям. Ибо закон повсюду заботится о равенстве и является

повелевающим делать точное исследование справедливого. Во Второзаконии написано: «В кисе твоей не должны быть двоякие гири, большие и меньшие. Гиря у тебя должна быть точная и правильная, и ефа у тебя должна быть точная и правильная, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе.... ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий неправду» (Втор. 25, 13, 15–16); и еще в книге Левит: «Не делайте неправды в суде, в мере, в весе и в измерении: да будут у вас весы верные, гири верные» (Лев. 19, 35–36). К мерам и весам и мерилам Законодатель прилежно старался приравнивать виды справедливости, и весьма правильно; ибо ум прямой и любящий справедливость некоторым образом взвешивает и измеряет природу вещей и исследует равенство подробнее и точнее, нежели как думают о тех, которые пробуют монету на весовой чашке и весах: он как бы отмеривает каждому из рассматриваемых им предметов то, что всего более ему приличествует, не нарушая и излишеством красоты точного равенства, не допуская и уменьшением подделывать полновесность равенства. Итак, «мерила... и весы праведны и мера праведна да будет», – сказано. Это, я думаю, как бы образы и наглядные примеры, показывающие нам способы, посредством которых мы можем исследовать точное равенство, и нам открывается знание справедливости. Пойми же, что изложенное в законе соразмеряется и имеет пределом справедливость, а откровенное чрез Христа избыточествует пред тем и постигается гораздо дальше: потому что выше справедливо благое, то есть слава жизни во Христе.

П. Ты хорошо говоришь. Я напому еще о том, что оправданным в вере Христос ясно сказал: аминь, аминь «говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5, 20).

К. Но это пусть так и будет у нас. Теперь мы исследуем, если угодно, меру Моисейской честности и славу справедливости по закону. Кто правильно старается уловить знание справедливого и считает за важное отличаться любовью к братьям, тому прилично являться непоколебимым и стойким и

таким, каков он есть в действительности, не шатким и не легкомысленным, не поддельною обладающим честностью и желающим как бы шкурою овцы прикрыть образ волка, напротив – ему надобно стараться сохранять чистую и безукоризненную свободу своего нрава. Поэтому закон говорит: «Не ходи переносчиком в народе твоемюю и не враждуй на брата твоего в сердце твоём» (Лев. 19, 16–17). То же внушает он и иначе: «в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся», – говорит он (Лев. 19, 19). И еще: «Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе» (Втор. 22, 11): потому что поистине это дело весьма ужасное и превышает всякое порицание – обман и коварство под видом честности; этим чрезвычайно гнушается Бог, и этому родственно двоедушие и как бы двойственность и переменчивость мысли, чем всего более приводится в гнев Божественный и беспримесный Ум. Он сказал в одном месте о некоторых: «Язык их – убийственная стрела, говорит коварно; устами своими говорят с ближним своим дружелюбно, а в сердце своем строят ему ковы. Неужели Я не накажу их за это? говорит Господь; не отмстит ли душа Моя такому народу, как этот?» (Иер. 9, 8–9.) И Давид говорит также, что «взыдет на гору Господню... неповинен руками, и чист сердцем, ... иже не ульсти языком своим и не сотвори искреннему своему зла» (Пс. 23:3–4, 14:3). Итак, закон запрещает, как весьма постыдное и противное дело, ходить в коварстве, то есть решиться проводить жизнь лукаво и подделываясь под образ справедливости, вредить братьям, презревши законы любви. Он не позволяет нам также иметь одежду, вытканную из двух веществ, загадочно указывая этим, чтобы мы остерегались иметь как бы двойное на уме: говорю о двойном внутреннем и мысленном, о проклятом человекоугодии, которое как бы сплетается из двух стремлений, немалое имеющих между собою различие. Ибо что такое или какова жизнь лицемеров? Не состоит ли она в том, чтобы только в глазах людей являться добрыми и быть таковыми по-видимому, а не по истине?

П. И очень.

К. Итак, это двойной нрав, вытканый из неодинаковых хотений. Но божественный Давид одобряет человека одностороннего и о нем говорит, что он удостоивается защиты свыше: Господь, – говорит он, – «вселяет единомысленных в дом» (Пс.67,7). "Рассыпает, – сказано также, Бог кости человекоугодников» (Пс.52, 6): гнушается же этим и Павел, говоря: «У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (Гал.1, 10).

П. Да кому же не ясно, что поистине нелепо и весьма далеко от точной правильности двоедушие и лицемерие?

К. Итак, подлинно плод любви, безукоризненно настроенной и приличествующей мужу справедливому и доброму, чуждаться коварства. И закон говорит, что истинно заботящемуся о справедливости и приверженцу любви к братьям должно считать славу этого дела в том лишь случае заслуженною, если он не только сам отказывается нарушать справедливость, но и бывает в этом учителем своих родных или другим каким-либо способом ставших близкими к нему и приобретших имя своих ему. Внушает и Павел намеревающемуся принять заботы о церкви иметь детей в подчинении и это делает доказательством годности или негодности его, говоря: «ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1Тим.3, 5.) Поэтому закон как бы в виде примера и наглядного образа говорит: «Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват; но если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти; если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него. Сына ли забодает, дочь ли забодает, – по сему же закону поступать с ним. Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра, а вола побить камнями» (Исх. 21, 28–32). Ясно ли для тебя сказанное?

П. Не очень.

К. Так внимай же тому, что я буду говорить, и прежде всего другого приведи себе на ум священнейшего Павла, который так написал: «О волах ли печется Бог? Или, конечно, для нас говорится?» (1Кор. 9, 9–10.) Итак, вола Он уподобляет оскорбителя и наглого и способного сделать насилие. Ибо вол есть животное всегда почти необузданное и весьма страшное по своей силе и с трудом отражаемое при нападении. Такого человека, если он будет, сказано, домашний и как бы сопряженный с кем-либо из избравших праведную жизнь и причинит кому-либо тяжкую болезнь или же, того более, умертвит кого-либо, обрушившись на него своими посягательствами, он повелел подвергать отмщению смертью: сказал, что он должен умереть, побитый камнями. Но владельца укрывает от гнева, если он не знал его дерзкого нрава и не изобличен как общник его порочности: ибо не касаются нас вины других, если они совершены тайно от нас. Не дозволяет также есть мясо вола, прикровенно знаменуя под образом как бы снедения и некоторого рода приобщения то, что не должно быть участниками нечистоты других. Не это ли, очевидно, значит изречение: «не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым» (1Тим. 5, 22.)?

П. Совершенно так.

К. Он нашел справедливым осудить вместе с волем и господина, если он знал о причиненном им вреде и не оказался несведущим касательно его бодливости: ибо когда кто может удерживать дурного нравом от несправедливости и очень легко препятствовать совершению проступка, но не хочет этого делать, и притом преднамеренно, тогда он является едва не соучастником в деле и по своему хотению и соумышлению сотрудником хотящих поступать несправедливо. Итак, пусть умрет, сказано, таковой, если только судии не наложат на него уплаты и вознаграждения сделанного убытка. Закон обращает внимание на то, было ли доброе расположение, было ли хотение греха или только простое согласие: он умереннее наказывает, если решат, сказано, судьи. Пойми истину в этом образе: за тяжчайшие преступления Судия всех осуждает на смерть, но Он отпускает согрешивших, если они принесут разрешительный от

греха выкуп – слезы покаяния, труд перемены душевного расположения, – проявления милосердия: ибо «хвалится милость на суде», по Писаниям (Иак.2,13). Тщательное также различие делает закон и между потерпевшими; потому что если ""сына или дочь, – сказано, – убодет" вол, да убьется без милосердия; если же «раба или рабу», то пусть будут взысканы за них деньги. Не достойно ли рассмотрения, какое основание для этого? Ведь свобода и рабство у нас не есть природный порок, как, конечно, и болезнь, но происходит от насилия. Ибо един Бог созда нас и един Отец у всех, по гласу пророка (Мал. 2,10). Неужели Содетель поставляет кому-либо в вину и рабство? Неужели и пред Ним рабство меньше ценится, а свобода преимуществует славой? Отнюдь нет. Ибо во Христе Иисусе «нет раба, ни свободного» (Гал.3,28). Итак, поскольку закон есть тень, то посредством сына и дочери означает свободный род святых, а посредством раба и рабы – еще рабствующий и под игом греха находящийся. И не одно и то же – согрешать против святых и против грешников. Не в одинаковой мере наказывается грех против тех и других: ибо хотя, как для всякого ясно, те и другие суть братья по естеству, но род святых обладает преимуществом духовным и высотой добродетели и у Бога в такой чести, что становится даже в положение сыновей и дочерей и превосходит меру человеческого и раболепного. Поступать праведно и держаться любви к братьям закон наставляет нас и другими способами, которые мы и предложим далее и о каждом из них скажем то, что нам придет на мысль. Он сказал: «Если кто раскроет яму, или если выкопает яму и не покроет ее, и упадет в нее вол или осел, то хозяин ямы должен заплатить, отдать серебро хозяину их, а труп будет его» (Исх. 21, 33–34). Это загадочно означает: «не подавать брату случая к преткновению или соблазну» (Рим. 14,13) и не допускать, чтобы приносящее по природе пользу становилось кому-либо бесполезным и необходимое нам и другим для жизни оказывалось путем к смерти. Ибо разве кто-нибудь, открывающий или копающий колодезь не совершает дело полезное и необходимое ему самому и другим? Но да не будет, сказано, твое поводом к опасности для другого: потому

что "любовь..., – как говорит божественный Павел, – ...не ищет своего» (1Кор. 13, 5), но даже заботится и о чужом.

П. Но кто это открывающий или копающий колодезь и что это за колодезь, хотел бы я узнать ясно.

К. В историческом смысле это не непонятно: говорится, что должно покрывать колодезь, чтобы не случилось какого вреда кому-нибудь; в противном случае пусть знает, сказано, не сделавший этого, что если что-либо упадет туда, то он даст серебро "господину его: умершее ему да будет». Но, возвышаясь над очевидностью исторического смысла и возводя предмет к духовному созерцанию, скажем следующее: колодезем, кажется, в этих словах закон называет знание богодухновенного Писания и учение о Святой и Единосущной Троице и ведение Христова таинства: ибо это как бы лежит в глубине и имеет животворную силу; свидетельствует об этом и Сам Спаситель, говоря: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин.17,3). Итак, читающий древние творения, с трудолюбием исследующий слова богодухновенного Писания и ищущий точного и чистого знания имеет большое сходство с откапывающим колодезь, ибо он отыскивает животворную воду, веселящий источник и поток наслаждения. А кто достиг уже такого разумения, что может слово таинства изложить в собственном сочинении, тот выкапывает колодезь, ибо он как бы производит нечто новое, не созидая на трудах Других людей, но и себе и другим принося пользу собственными трудами. Копают «водоемы разбитые», по гласу пророка (Иер.2,13) и любители лжеименного знания. Итак, если кто выкопал колодезь, тот остерегайся, сказано, чтобы кажущееся прекрасно сделанным не оказалось способом гибели для кого-либо: ибо нам должно правильно и весьма тщательно составлять слово о Боге, чтобы никому не подать повода к соблазну. Это-то, я думаю, и означает накладыванием покрышки на колодезь, то есть что слово не лишено надлежащее предосторожности. Ибо если «впадется..., – сказано, – телец или осел то выкопавший колодезь отдаст [цену]». О тельце и осле упоминает также не просто, но как бы в глубоком смысле: о тельце говорит, чтобы

ты привел на мысль священный и чистый род, а об осле, дабы ты понимал несвященный и нечистый, ибо не приносится, по закону, в жертву Богу нечистое. Священным и чистым родом называем мы освященных уже чрез веру; а несвященным и нечистым еще не очищенных святым крещением, но имеющих внутри себя скверну греха. Итак, это все равно, как если бы он сказал: если случится какой-либо вред или с кем-нибудь из крещенных уже и запечатленных благодатью как бы для родства с Богом, или с кем-нибудь не из таковых, то причинивший соблазн повинен будет суду и ему останется умершее, то есть его будет смерть потерпевшего. И Сам Спаситель предостерегает нас, говоря: «кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф.18, 6).

П. Ты сказал правильно.

К. Ты легко мог бы увидеть, что закон и в других загадочных выражениях открывает нам, как опасно грешить и именно против братий, потому что, бия немощную совесть их, мы согрешаем во Христа (1Кор. 8, 12). Поэтому он сказал: «Если появится огонь и охватит терн и выжжет копны, или жатву, или поле, то должен заплатить, кто произвел сей пожар» (Исх. 22, 6). Ибо не надобно, чтобы вместе с способным вредить по природе погибало и полезное и с дикорастущим было истребляемо возделанное.

П. Каким это образом?

К. Разве нельзя, по справедливости, уподобить горным и полевым терниям сочинения нечестивых еретиков и пустословие эллинских учений? Ибо какая может быть от них польза для душ человеческих? Или лучше сказать: какого вреда не будет для желающих воспринять их в свой ум? Итак, терние есть питатель огня только и пища пламени: так же возжигают нам вечный пламень и пустые учения заблуждающихся и старушечьи басни идолослужителей. Колосья и хлеб, напротив, суть самая нежная пища, съедобная для людей и необходимая для пользования: ибо поддерживает нас в жизни может быть образом догматов истины, чрез которые мы, веровавшие, как бы

питаемся хлебом живым и истинным – Христом. Далее – как бы некоторое поле гладкое и нечочковатое для умеющих правильно ходить по нему есть богодухновенное Писание. Ибо «вся права разумевающим, – по написанному, – и справедливы для приобретших знание» (Притч. 8, 9). Итак, тернием служит гнуснейшая и нечистая необузданность языка людей развращенных, хлебом и колосом – душеполезное и питательнейшее слово истины, а полем чистым – богодухновенное Писание. Таким образом, когда речи святых тайноводцев, подобно пламени или огню, делают нападение на измышления иномыслящих и эллинов, защищая догматы истины, тогда они должны проходить по одному лишь тернию, как сказано, и сожигать, как бесполезное и дикое вещество, их писания, но не повреждать вместе с тем хлеб или колос, то есть тайноводцы должны остерегаться, как бы не повредить чего-либо в догматах истины. В противном случае пусть знает, сказано, нестарающийся делать это с осторожностью, что если вместе с дурным будет сожжено что-либо из необходимого для пользования, то он отдаст отчет в своей невнимательности. Итак, понимаешь ли ты, какую осторожность повелел нам наблюдать Законоположник, всюду сохраняя незапятнанную чистоту любви к братьям?

П. Понимаю.

Книга 8. Еще о любви к братьям и о крадущем теляца или овцу

Итак, отовсюду можешь ты видеть, Палладий, сколь правильное и точное тайноводственное учение внушает древний закон. Не оставляя же безнаказанным для тех, которые привыкли обманывать простых людей, этого дела, он сказал еще: «Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу. Если *кто* застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не *вменится* ему; но если взошло над ним солнце, то *вменится* ему кровь. *Укравший* должен заплатить; а если нечем, то пусть продадут его *для уплаты* за украденное им; если... украденное найдется у него в руках живым, вол ли то, или осел, или овца, пусть заплатит... вдвое» (Исх. 22, 1–4).

Палладий. Сказанное не очень ясно: а ты постарайся объяснить мне то, что некогда было возвещено как бы в загадке.

Кирилл. Закон с пользою определяет наказание желающему приобретать излишнее и некоторым образом удерживает неудержимого в пожелании того, что имеет или сосед, или брат; так что если бы случилось, говорит, умереть во время самого воровства замеченному в нем, то убившие не будут подлежать никакому обвинению. Закон подвергает его и бесчестию, говоря, что должно его продать, если он не в состоянии заплатить возмездие, и таким образом страхом побуждает к хорошей жизни. Сокровенный же смысл изложенного совсем другой, и мы должны высказать его, по возможности, хорошо. Хотя телец и овца – оба суть животные как бы чистые и священные и приносимые Богу в воню благоухания, но телец отличается ростом и величиною тела; а другое животное не таково: телец больше овцы. Итак, святое собрание оправданных верою есть как бы тельцы и овцы, животные чистые и священные, раздвояющие копыто и отрывающие жвачку, как говорится в законе, и производители съедобных плодов, потому что телец обрабатывает землю и овца также приносит пользу. и хотя стадо званных заключено во

дворах Божиих, то есть в церквах, но весьма много вокруг его хищников, которые подкапываются и тайно входят, разнообразными прельщениями увлекают души простых людей и, так сказать, продают их губителю сатане. Сделавший что-нибудь такое отдаст, сказано, пять тельцов за одного и четыре овцы за овцу: таким образом, за тельца укравший должен уплатить впятеро, а за овцу вчетверо, говорит закон, налагая наказание по мере, думаю, духовной величины добродетели в тех, которые погибли. Образом же и тенью величины добродетели была величина телесная. Ведь нетрудно заметить, что в уверовавших бывает больше, или меньше добродетели; так как не все имеют поровну: «но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе» (1Кор.7,7). Если кто еще крадет и подкапывает и совершает разбойнические дела и при этом ночью и во тьме будет схвачен, то пусть он, сказано, тут и умрет; и это не есть убийство и не ставится в вину совершившему: потому что павший был хищник и насильник и был сражен по закону войны. Когда же вошло солнце и время грабежа уже миновало, тогда закон удерживает руку поражающего – и дерзающего на это признает виновным в убийстве. Ибо когда духовный хищник овладевает душою верующего во Христа и отвлекает ее от любви к Богу, то, если он будет захвачен во время преступления, не несправедливо потерпит и смерть; потому что он умертвил душу, которая лучше тела; но когда и в его уме вошло солнце и сияет, подобно свету и дню, истинное знание, в таком случае закон не позволяет подвергать его опасности: ибо наказываются дела ночи и тьмы, но бывающее уже во свете не наказывается. А прежние вины и сделанное в неведении и тьме Бог решил отпустить. Посему пришедшим от греха к свету умственному да будет сказано: «Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе» (Еф.5,8). Так оправдал Господь и божественного Павла, «который прежде был хулитель и гонитель и обидчик» (1Тим.1,13), потому что он по премногу гнал Церковь Божию и опустошал ее (Гал.1,13).

П. Ты сказал весьма хорошо.

К. Если же не может, говорит, отдать пять тельцов за одного и четыре овцы за одну, то пусть будет продан за воровство. Видишь ли, как ясно закон присуждает свойственное рабам бесчестие тем, которые грешат постоянно и нераскаянно, которые не могут, так сказать, выкупом освободиться от преступлений и по слабости духа не имеют терпения трудиться в покаянии и этими трудами умиловать Бога? Таковых, по всей справедливости, повелевает продать; он не допускает, чтобы люди столь оскверненные были причисляемы к тем, которые освобождены Божественною благодатью; будучи лишены чести, приличной свободным, они услышат: «вы проданы за грехи ваши» (Ис.50, 1). Если же он, сказано, будучи пойман, окажется только укравшим, но еще не убившим похищенного, то есть если кто-нибудь из иномыслящих окажется начавшим прельщать и обманывать других, но еще не победившим и не увлекшим в погибель своих слушателей; то таковой заплатит вдвое. Ибо господин стада получит обратно свое, – подвергается и святотатец взысканию (это и значит, что отдаст вдвойне) и потерпит смертную казнь; потому что вполне справедливо, чтобы он сам потерпел то, что хотел сделать с другими.

П. Поистине губительно и страшно дело обольстителей; я думаю, что о них именно Сам Христос предвозвестил: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф.7, 15).

К. Итак, закон справедливо осуждает таких людей на смерть, как диких зверей; поэтому в книге Исход написано: «Кто украдет человека... и... продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти» (Исх. 21, 16), а во Второзаконии: «Если найдут кого, что он украл кого-нибудь из братьев своих, из сынов Израилевых, и поработил его, и продал его, то такого вора должно предать смерти» (Втор. 24, 7). Ибо непозволительно, чтобы священный во Христе род был отдан на хищение и чтобы он увлечен был в непривычное ему рабство теми, которые имеют обыкновение это делать: потому что как обольщающие детей уводят их из города и из домов их и, лишая их достоинства, свойственного свободным, подвергают

их игу вынужденного рабства; таким же, я думаю, образом и те, которые хитросплетенными обольщениями своих вымыслов увлекают к своим неразумнейшим мнениям людей, решившихся мыслить правильно и проводящих приличную свободную жизнь, по справедливости подлежат обвинению в хищении человеческих душ; а наказание им смерть. Таковым «не принимайте в дом и не приветствуйте» (2Ин.1,10), – говорит ученик Спасителя, научая нас не грубости нравов, но тому, что овце не свойственно быть расположенной к волку, так как разномыслящие как бы не сходятся между собою; ибо «какое соучастие верного с неверным?» (2Кор. 6, 15). Сверх того божественный Павел пишет, что не должно сообщаться с блудниками века сего (1Кор. 5, 9–10). Итак, дабы не были похищаемы некоторые как бы из отчего дома – из Церкви Божией – и уводимы в церкви дурных людей, как бы продавая свой ум чрез обращение к порочности «худые сообщества развращают добрые нравы» – (1Кор. 15, 33), – закон определяет смертную казнь для тех людей, которые так нечестивы, что готовы это делать. Ты увидишь, что закон то же самое показывает нам косвенно и в другом постановлении. Он приводит мирские дела в правильное состояние посредством учения ясного и доступного для желающих понять его. Ибо мы не отвергаем в весьма полезных вещах исторический смысл, как будто не важный; так как даже и буква приносит иногда пользу слушателям. Но она как бы в глубине вмещает в себе духовное и как бы в легких тенях содержит мысли более утонченные. В книге Исход сказано: «Если обольстит кто девицу необрученную и переспит с нею, пусть даст ей вено [и возьмет ее] себе в жену; а если отец не согласится ... выдать ее за него, пусть заплатит ... *столько* серебра, сколько *полагается* на вено девицам» (Исх. 22, 16–17). И как бы расширяя эту заповедь Божию, божественный Моисей говорит во Второзаконии: «Если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих: и мужчину, лежавшего с женщиною, и женщину; и *так* истреби зло от Израиля. Если будет молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, то обоих их приведите к воротам того города, и

побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и *так* истреби зло из среды себя. Если же кто в поле встретится с отроковицею обрученною и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею, а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного: ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его; ибо он встретился с нею в поле, и *хотя* отроковица обрученная кричала, но некому было спасти ее» (Втор. 22, 22–27). Что касается исторического смысла, – он, я думаю не нуждается ни в каком объяснении для того, чтобы быть понятным всякому; потому что он весьма ясен и очевиден. Но нам должно, как кажется, оставивши его в стороне в настоящее время, идти стезею внутреннюю и сокровенную.

П. Совершенно так.

К. Итак, я утверждаю, что как из преступлений, относящихся к женщине, всех более тяжкое есть прелюбодеяние, которое нарушает брак другого человека и разлучает уже соединенных; точно таким же образом, по моему мнению, из преступлений касательно человеческих душ всех более нечестивое и нетерпимое есть старание растлить душу не какую случится, но некоторым образом уже сочетавшуюся браком и соединенную со Христом – горним и небесным Женихом. Соединяемся же мы с Ним посредством веры и, кроме того, чрез причастие Святого Духа. Ибо «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1Кор. 6, 17), по Писаниям. Поэтому закон справедливо наказывает смертью вместе с прелюбодеем и любодейцу – первого за то, что вложил семена своего нечестия, вторую за то, что, презревши закон верности, отдалась другому и, предоставив ему для растления свой ум, приняла в себя осквернение от человеческих измышлений.

П. Речь убедительна.

К. Итак, жене, сочетавшейся с мужем по закону, весьма хорошо можно уподобить душу, сочетавшуюся и соединенную со Христом при посредстве веры и Духа. А под образом обрученной девы мы будем понимать душу, призванную к

начаткам истинного знания, но еще не окончательно соединившуюся со Христом, еще ожидающую как брака и истинного способа союза – союза чрез благодать святого крещения и причастие Святого Духа, и принявшую как бы залог и начало общения – слово оглашения. Так Божественный наш тайноводитель, то есть Павел, привел ко Христу церковь из язычников. Он пишет: «обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2Кор. 11, 2). И сам Жених негде гласом пророка говорит: «И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благодати и милосердии. И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа» (Ос. 2, 19–20). Итак, если, говорит, приключится вина растления с какою-нибудь такого рода душою, то это пусть будет признано прелюбодеянием: ибо обрученная уже обязана и находится под властью имеющего скоро сделаться ее супругом. Но если, говорит, преступление будет совершено в городе, то есть в Церкви Христовой и во граде Бога живого, в котором обитают Ангелы и святые мужи-наставники и учителя, которые могут помочь подвергающимся опасности обольщаемым: то вместе с обольстителем должна умереть и потерпевшая дева. Ибо, тогда как можно было удобно избежать растления, если бы она объявила учителям, умеющим спасти, она добровольно подверглась насилию, а не была по необходимости увлечена ко злу. Если же, говорит, случится это не в Церкви, не во граде Бога живого, но как бы в поле и загородном месте, где не было тайноводителя, который бы подал помощь, где было полное отсутствие людей, которые умеют направить мысли к лучшему, и обольщение происходило при недостатке руководителей: то в таком случае должен быть обвинен только совершивший насилие, потому что сделанное было (со стороны обольщенной) вынуждено и она потерпела это, оставаясь беспомощною; и неизбежная необходимость освобождает ее от обвинения. Разве мы не согласимся, что слишком строго было бы обвинять за причиненное насильно, как за добровольное?

П. Без сомнения так: ибо закон праведен.

К. Ты говоришь справедливо. Он производит самое точное исследование того, что сделано, и соразмеряет наказания с

преступлениями; так что маловажные проступки он и не оставляет совсем без наказания, и не приравнивает к превышающим их, но как бы приводит в равную величину наказание с преступлением. Ибо он сказал далее: «Если кто-нибудь встретится с девицею необрученною, и схватит ее и ляжет с нею, и застанут их, то лежавший с нею должен дать отцу отроковицы пятьдесят [сиклей] серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее; во всю жизнь свою он не может развестись с нею» (Втор. 22, 28–29). Закон признал повинным в прелюбодеянии бывшего с обрученною в различных обстоятельствах, о которых мы уже сказали; но и в том случае, говорит, если душа, разумеемая под образом девы, окажется еще не обязанною и не обрученною Христу чрез веру и если тогда кто-нибудь будет обличен в том, что осквернил ее словами нечестия и перевел от заблуждения к заблуждению, как, например, поступают еретики, когда похищают кого-нибудь из язычников и иудеев и убеждают следовать им: то таковой не останется за свое дело без наказания. Он воздаст удовлетворение Отцу духов, то есть Богу, что весьма хорошо изображается под видом уплаты денег. А предписание: «тому да будет жена», – имеет пользу в историческом отношении.

П. Понимаю, что говоришь. Закон бывает двоякий: плотский и духовный.

К. Заметь еще, что и учению древней заповеди не было неизвестно то, что сказал Христос относительно мужа и жены: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мк. 10, 9): потому что сказано: «она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее; во всю жизнь свою он не может развестись с нею». И кроме того помысли о всечистом девстве, как высока честь его: потому что слово богодухновенного Писания признает и считает приличным назвать лишение девства унижением и как бы утратою чести.

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, закон отверг, как богоненавистное и по истине нечестивое лжеречение иномыслящих, и совращение к худому, которое делают люди, привыкшие развращать идущих прямым путем, и увлечение других к тому, к чему не следует. Но он

придумал нечто и другое, что и сам божественный Павел признал лучшим из наставлений, говоря: «Сие напоминай ... не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих» (2Тим. 2, 14). Ибо излишние разглагольствования и большая охота спорить о ненужных вопросах производят ссоры и поражают ум слушателей: потому что одни из них, по легкомыслию, опрометчиво и неразумно принимают и усердно восхваляют то, что неправильно само по себе и дурно высказано; другие же, составляя низкое суждение о превосходном, оказываются страждущими одинаковым с первыми невежеством, и только весьма немногие умеют судить и предпочитать полезное вредному. Да и эти с трудом сохраняют свой ум неповрежденным при словопрениях других людей. А что это дело (словопрение) не безвредно для желающих совершать его, это опять внушает нам прикровенно закон, говоря: «Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках; а если будет вред, то отдай душу за душу» (Исх. 21, 22–23). Говорят, что зародыш во чреве матери становится человекоподобным и принимает вид нашего тела не раньше, как когда исполнится над ним число сорока дней. Поэтому-то, говорят, превосходный муж – Моисей, когда он как бы возрождал и преобразовывал Израиля из египетского заблуждения в жизнь по закону, воздерживался от пищи и питья: «сорок дней и сорок ночей, – говорит он, – хлеба не ел и воды не пил» (Втор. 9, 18). А для нас, как надобно думать, то же сделал и претерпел Христос. Ибо в Нем чрез воздержание воссозидалась для святости наша природа, которая вначале в лице первозданного, вследствие невоздержного желания, заболела скверною греха и преступления. Не без вероятия можно нам так думать. Впрочем, вопрос о том, каков здесь исторический смысл, теперь оставим; а рассмотрим, как следует понимать то, что люди, привычные к словопрениям, поражают жену, имеющую во чреве, потому что заниматься утонченным исследованием таких предметов не неприятно. Плод, зачатый в уме, есть вера во Христе, которая

посредством совершенного знания преобразует нас в подобие Христа и дает нам Божественный образ. Это, я думаю, выражали уверовавшие гласом Исайи, когда со всею силою возопили: «страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом, и поболехом, и родихом: дух спасения Твоего сотворихом на земли» (Ис.26,18). Итак, плод, зачатый в уме, духовный и спасительный, есть вера во Христа, которая и напечатлевает в нас Божественные черты. Поэтому-то божественный Павел взывает к неразумно пришедшим от знания более совершенного к меньшему и несовершенному (это были Галаты), говоря: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал.4,19). Ибо они, начавши духом, потом стали заботиться о совершенстве по плоти, когда перешли к служению по закону. По этой причине они оставили недоконченным в них образ Христа, как бы выкидывая лежащее в них, как во чреве, добро. Итак совершенство в знании и неповрежденность в вере водворяет в душах всех нас образ Спасителя, и это есть в нас как бы некоторое Божественное сеяние. Поэтому если кто-нибудь соблазнится от чьего-нибудь словопрения и если затем душа, потерпевшая это, выкинет веру с ведением, лежащую в ней, как бы во чреве, и сберегаемую внутри ума, то, говорит, если она не получила образа, то есть если она еще не совершенна и не прекрасна, – виновник соблазна непременно подвергнется взысканию, какое наложит, говорит, муж ее, то есть, Христос, – и отдаст с одобрением, то есть он должен засвидетельствовать благодарность за то, что не был наказан совершенною гибелью. Если же, говорит, умственно зачатое в душе получило образ, то есть если знание и вера носят на себе подобие Христа, то виновник соблазна будет подлежать крайнему наказанию, уже как убийца; потому что потеря непорочной веры и утрата совершенного знания есть смерть души. Поэтому принятие нечестивых внушений и речей, произносимых человеком, который сделался дьявольскою снедью и как бы пищею демонского скопища, закон называет мерзостью и воспрещает, говоря как бы в загадке: «мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте, псам бросайте его»

(Исх. 22, 31). Псом обыкновенно называет Божественное Писание человека бесстыдного и нечистого. Такому человеку, думаю, свойственно всякое слово скверное и зловонное и составленное самим веельзевулом, как бы диким зверем, который пожирает душу, подпадшую его власти и служащую ему в этом деле, ибо «никто, ... не произнесет анафемы на Иисуса» (1Кор. 12, 3), разве от веельзевула. А святым принимать участие в таких постыдных и обманчивых мыслях и речах совершенно несвойственно: потому что нет никакого общения света со тьмою (2Кор. 6, 14).

П. Правда.

К. Закон провозвестил еще, что получившим в удел руководство и пастырям стад надлежит бодрствовать; а какая в этом деле с нашей стороны должна быть рачительность, он дает понять это, говоря в книге Левит: «скота твоего не своди с иною породю; поля твоего не засевай двумя родами семян» (Лев. 19, 19). Подлинно управляемый народ весьма прилично уподобить стадам коз и овец или винограднику. Поэтому божественному Петру было сказано: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня ...паси агнцев Моих...паси овец Моих » (Ин. 21, 15, 16). А о сынах Израилевых пророк Исайя сказал: «виноград... Господа Саваофа дом Израилев есть, и человек Иудин новый сад возлюбленный» (Ис.5, 7). Итак, добродетель пастыря состоит в том, чтобы не допускать к овцам животного какого-нибудь другого рода, из опасения, чтобы не произошла у них случка с ним и чтобы они не родили чего-нибудь инородного, уклоняющегося от их естественной хорошей породы. Также и виноградарь, если он благоразумен и старается возделывать землю как можно лучше, никогда не допустит, чтобы посторонние семена прозябали под самыми виноградными лозами, из опасения, как бы не оказался недостаток во влаге для своего растения, вследствие того, что она потрачена на растение чуждое. Перейди теперь от этого образа к смыслу духовному: мы не согласимся, чтобы словесные овцы были нечестиво подвергнуты как бы сеянию чуждых учителей, сеянию, конечно, духовному, словесным наставлениям. Ибо весьма некрасив плод от несходного образа мыслей, и речи не

единоверных для принявших их бывают причиною дурных зародышей. И так как мы составляем из себя виноградник – ряд виноградных лоз, то нам надлежит, так сказать, венчаться плодом однородным и избегать двойственного нрава. Ибо нет никакого естественного сходства между пшеницею и виноградными ягодами. Итак, поистине никто из нас не должен быть вместилищем для чуждых семян.

П. Хорошо говоришь.

К. Закон и иным способом показывает, что разноравное не соединимо, не сходится между собою и удалено от взаимного общения: он поставляет образом этого весьма нелепое и чудовищное соитие разумного животного с неразумным, с разнообразным и разнородным. Именно, в книге Исход он говорит: «Всякий скотоложник да будет предан смерти» (Исх. 22, 19); еще яснее в книге Левит: «Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти» (Лев. 20, 15–16). Ибо сообщества и как бы духовные смешения и сближения с теми, с кем не следует и у кого ум ослабел до крайнего неразумия, навлекают смерть как самим растлевающим, так и добровольно подвергающимся растлению.

П. Закон говорит весьма правильно и справедливо.

К. Достойно удивления еще и вот что. Могло случиться, что некоторые подвергались соращению от правосмыслия к превратному образу мыслей вследствие невыносимого насилия, может быть против воли, и поддались заблуждению как бы по необходимости, быть может не без слез. Поэтому закон признал справедливым и этого рода людей не оставлять в небрежении без помощи.

П. Какой это род, о котором ты говоришь?

К. Род, подавленный ярмом рабства и содержимый во власти купивших их.

П. Так каким же способом закон подал помощь и этим?

К. Он освобождает от уз и неволи, если случится вред для души, и ясно признает, что подвергающийся насилию может без всякого препятствия убежать, если хочет. В книге Исход он

косвенно высказал это так: «Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз; и если выбьет зуб рабу своему, или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб» (Исх. 21, 26–27). Что касается до внешнего значения и прямого смысла этих слов, то закон ими поставляет препятствие дерзости, приводит в надлежащую меру гнев владельцев и не позволяет ему доходить до таких поступков, от которых подвластные могли бы потерпеть утрату своего благосостояния. Он отнюдь не попускает, чтобы гнев стремился необузданно и чтобы действие его простиралось на самую природу, владыкою которой должен быть признаваем только Создатель. Ибо рабство и соединенное с ним страдание не есть естественный недостаток, но установлено из корыстолюбия. Поэтому во Христе Бог и Отец преобразует всю природу в первоначальное ее состояние: «кто во Христе, *тот* новая тварь» (2Кор. 5, 17), и совершенно уничтожает позор рабства; потому что Павел пишет, что во Христе Иисусе "несть... раба, свободного» (Кол. 3, 11). Но еще прежде этого закон, детоводительство к совершенству, устраняет необузданность власти и превышение надлежащей меры, налагая наказание на пренебрегающих законом – освобождение обижаемых. Но это относится к букве и тени, если кто желает помышлять и об этом. Если же цель закона будет объясняема духовно, то и другим способом ты, Палладий, дойдешь до содержащихся в нем умозрений. Этот свет, который в мире, мы воспринимаем телесными очами и дивимся ему; а свет Божественный и уметенный восходит в сердцах наших. Пища телесная размельчается зубами, и это необходимо для жизни; а в Божественных учениях твердое и трудноусвояемое, так сказать, раздробляется силою разума, как бы зубами, и питает душу. Поэтому премудрость, предлагая нам Божественную и духовную трапезу, говорит: «идите, ешьте хлеб мой» (Притч. 9, 5). Итак, если рабу приключится вред относительно чего-нибудь такового, когда, то есть, господин его безумствует и принуждает его ниспасть от истины догматов к нелепому заблуждению; то пусть, говорит, разрешатся узы и не будет признаваемо законным вынужденное иго; пусть будет отброшен страх пред властью, и

порабощенный идет туда, где может пребывать невредимо. Ибо нет ничего лучше души; и чтобы спасти ее, пусть, говорит, освободится от рабства. Ты можешь видеть, что это слово истинно и что оно исполняется еще в наше время; потому что рабы не терпят господ, увлекающих их в заблуждение, доблестно отказываясь в этом отношении повиноваться тяготеющей над ними власти. Хотя они наклонили телесную выю под бремя рабства, но они сохраняют в себе ум чистым; они убеждены, что ясное и безошибочное учение об истинной вере стоит многого, или лучше сказать, всего, и это учение они делают своею духовною пищею, и что воспринимают слухом, то растирают умом, как бы зубами, и пережевывают значение Божественных мыслей.

П. Как ясно и правильно у нас это объяснение!

К. Закон и иным способом приучает нас ко взаимной любви, когда он убеждает почитать согласие с ближними и когда он гнушается видами несправедливости и наказывает их.

П. Как же это так?

К. Слушай. Он пишет еще: «Если чей-нибудь вол забодает до смерти вола у соседа его, пусть продадут живого вола и разделят пополам цену его; также и убитого пусть разделят пополам; а если известно было, что вол бодлив был и вчера и третьего дня, но хозяин его... не стерег его, то должен он заплатить вола за вола, а убитый будет его» (Исх. 21, 35–36). Видишь ли, какая загадка и как слова закона посредством весьма ясного примера ведут нас к справедливости? Если говорит, случится, что чей-нибудь вол падет, будучи убит другим воллом, то пусть владельцы их разделят между собою живого вола, пусть также обоим им достанется умерщвленный вол; то есть если кому-нибудь будет нанесено какого-либо рода насилие и обида от человека, не желавшего это сделать, то пусть, говорит, обиженный наслаждается добром оскорбившего и имеет общие с ним удовольствия; потому что это, я думаю, означает разделение живого вола. Пусть, говорит, и тот, кто не добровольно обидел, примет участие в несчастье пострадавшего; это, по моему мнению, выражено в том, что нужно разделить умершего вола. Итак, видишь ли, как закон,

еще загадочно и прикровенно, убеждает к жизни во взаимной любви? Подлинно, не это ли значит «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими»? (Рим. 12, 15.)

П. Кажется.

К. Если же, говорит, обидевший хорошо знал, что ближний потерпит нечто тяжкое в том случае, если не будет прекращен оскорбительный образ действий, то пусть он сам потерпит такой же ущерб, как и пострадавший от него, и один перенесет его несчастье. Ибо это загадочно означает словами: «да отдаст вола за вола; мертвый же ему да будет». Дело не оканчивается тем, что обидевшие лишатся своего добра, но они подвергнутся тому несчастью и им приключится то страдание, которое случилось с ближним.

П. Как хорошо идет у нас речь!

К. И божественный Павел дал нам премудрый закон касательно любви друг к другу, говоря так: "Не о себе *только* каждый заботься, но каждый и о других» (Флп.2, 4). Ибо любовь «не ищет своих си» (1Кор. 13, 5), но имеет в виду и других, и то, чтобы дела братьев находились в хорошем положении. На это именно опять намекает нам древнее Писание следующим образом: «Если кто потравит поле, или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле, ... пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего» (Исх. 22, 5). Ибо пускающий свой скот на лучшие поля доставляет себе пользу и ищет своего, только не теми способами, которые могли бы обрадовать соседа или сделать удовольствие ближнему, но такими, от которых происходит печаль и обида. Итак, надобно искать своей пользы, то есть своих си, не чрез похищение у других, но так, чтобы мы достигли своей цели, несколько не погрешая и не нарушая благодушия соседа. Ясно, что это именно означает искать того, что касается и других. Иначе пусть, говорит, знает тот, кто захочет неосторожно оскорблять братьев и не предусмотрителен в отношении к ближнему, а имеет в виду только свою выгоду, – пусть знает, что он потерпит соответственный ущерб и что искание мнимой пользы причинит ему потерю того, что ему всего дороже. Это, я думаю, и есть то, что он отдаст «лучшие из поля своего и лучшие из виноградника

своего». Значение предложенных слов применимо, как мне кажется, и к изобретателям ересей, ученики которых, нечистые и бессмысленные, наподобие бессловесных скотов, опустошают Господни нивы и виноградники, в осуждение и наказание изобретателей ересей; потому что их постигнет утрата самого лучшего, то есть погибель самой души. Ведь душа безмерно лучше и виноградаря, и нивы, и всего, что только мы можем считать своим.

П. Итак, плодом любви мы назовем искание того, что касается других, а не одного только своего.

К. Совершенно так, Палладий; и хотя исполнение любви к братьям весьма приятно Богу; но Он предусмотрительно не позволяет, чтобы она была обременяема излишним и чрезмерным злоупотреблением ее с нашей стороны; потому что хотя бы чей-либо ум был и хорошо утвержден, хотя бы он украшен был всякого рода добродетелью, но и ему легко можно повредить, когда на него устремляются не умеренно, а с неотразимым порывом.

П. О чем ты говоришь? Я не понимаю этого ясно.

К. Не называешь ли ты добродетелью кротость и терпеливость?

П. Как же назвать?

К. Однако ж, если случится, что кто-нибудь нанесет огорчения и обиды и то, чем возбуждается гнев, человеку, который старается быть кротким и терпеливым, то, конечно, в том случае, если это будет сделано умеренно, он иногда стерпит и мужественно перенесет оскорбления и воспользуется ими для упражнения в кротости и незлобии; но если оскорбитель перейдет меру и выступит за пределы терпения, то нет ничего странного, что добродетель, как бы пересиленная, несколько и ослабевает.

П. Ты хорошо говоришь, потому что добро в людях находится как бы в состоянии опьянения и едва стоит даже тогда, когда никто его не колеблет.

К. Перейди теперь, если угодно, и к самой любви, так как она есть добродетель преимущественная и превосходящая все прочие. Однако и она не выдерживает сильного

злоупотребления; этому опять научает нас закон, как бы в виде притчи и наглядного примера, когда говорит: «Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько *хочет* душа твоя, а в сосуд твой не клади. Когда придешь на жатву ближнего твоего, срывай колосья руками твоими, но серпа не заноси на жатву ближнего твоего» (Втор. 23, 24–25). Ибо нет вреда в том, чтобы собрать руками немного колосьев или нарвать винограду для лакомства или для пищи. Закон любви, думаю, примет это благодушно, и случившееся, кажется, не превышает меры. Но подвергать посеvy ближнего действию жнущего железа – это значит переходить и переступать пределы взаимной любви и вступать уже в границы любостязания. Итак, этот пример ясно показывает, что не должно злоупотреблять благорасположением братии, но чтить и взаимную любовь своею умеренностью. Кстати, как я думаю, было бы применить сказанное об этом к некоторым другим, которые, пожиная, как бы духовную пищу, речи учащих в церкви, произносимые по случайным обстоятельствам и без приготовления, не хотят на этом останавливаться, но, преступая меру, вносят их в записные книжки, как бы влагая в сосуд. Хотя они и очень любознательны, но они некоторым образом поступают несправедливо по отношению к доброй славе своих братьев, потому что то, что было составлено поспешно, они передают письмени, как будто нечто весьма обработанное. Но закон, почтеннейшие, сказал бы я им, ясно повелел ничего не влагать в сосуд.

П. Итак, опасно излишним пользованием как бы расшатывать добродетель души и осмеливаться, так сказать, колебать хорошо утвержденный ум.

К. Это верно. Бог всяческих ясно постановил, чтобы мы не злоумышляли против добродетели; а только пользовались, если случится, благами, происходящими от нее. Он предлагает касательно этого неясную загадку и в самых малых предметах живописует то, что несравненно превосходнее. Именно, во Второзаконии написано: «Если попадется тебе на дороге птичье гнездо на каком-либо дереве или на земле, с птенцами или яйцами, и мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери

матери вместе с детьми: мать пусти, а детей возьми себе, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои» (Втор. 22, 6–7).

П. Что же это значит? Для меня загадка неясна.

К. Неужели ты не понимаешь этого ясно? То есть, что если кто найдет птицу, еще вьющую гнездо или насиживающую яйца, то он может употребить в свою пользу и присвоить произведенное ею, а ее самое должен пустить, не сделавши ей никакого вреда.

П. Так точно, потому что такова мысль закона.

К. Теперь взирай на сокровенное и, как бы снявши покров тени, рассматривай умом истину. Каждая добродетель есть как бы мать и источник происходящих от нее благ, будет ли это, например, добродушие, нищелюбие, кротость, долготерпение. Ибо добродушным бывает кто-либо не столько по отношению к себе, как к другим; также и в нищелюбии участвуют те, которые в нем нуждаются, подобным образом и в кротости и в долготерпении. И так каждая добродетель может быть мыслима как мать и некоторым образом начало тех благ, которые в ней и из нее происходят. А как бы гнезда добродетелей суть души, которые рождают их и содержат в себе самих. Итак, закон говорит, что, встречаясь с людьми, в которых добродетели собраны, как в гнезде, надобно, приобретая от них пользу, не вредить при этом добродетели – матери прекраснейших деяний. А добродетели причиняют вред, когда колеблют ее теми способами, о которых мы уже прежде сказали.

П. Как глубока эта загадка!

К. Да, ты говоришь правильно; и мы можем сказать, подобно блаженному Павлу: «О волах ли печется Бог? Или, конечно, для нас говорится?» (1Кор. 9, 9–10.) Ибо слова заповеди Моисеевой показывают нам образы вещей, а не показывают ясно самих вещей. Ты можешь видеть еще, как закон мало помалу приводит нас к расположению самой высшей взаимной любви. Он старается убедить, чтобы мы любили и оскорбивших нас и являлись преодолевающими огорчение на врагов, не будучи побеждаемы злом, но скорее побеждая зло добром. Ибо опять в книге Исход он сказал:

«Если найдешь вола врага твоего, или осла его заблудившегося, приведи его к нему; если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его; развяжешь вместе с ним» (Исх. 23, 4–5); а во Второзаконии: «Когда увидишь вола брата твоего или овцу его заблудившихся, не оставляй их, но возврати их брату твоему; если же не близко будет к тебе брат твой, или ты не знаешь его, то приberi их в дом свой, и пусть они будут у тебя, доколе брат твой не будет искать их, и тогда возврати ему их; так поступай и с ослом его, так поступай с одеждой его, так поступай со всякою потерянною *вещью* брата твоего, которая будет им потеряна и которую ты найдешь; нельзя тебе уклоняться *от* сего. Когда увидишь осла брата твоего или вола его упавших на пути, не оставляй их, но подними их с ним вместе» (Втор. 22, 1–4). Итак, понимаешь, как превосходно закон ведет нас уже к высокой и совершенной добродетели, когда он повелевает как бы упражняться в непамятозлобии посредством заботы о скотах оскорбившего; его он часто величает и именем брата, препятствуя этим, как я думаю, запальчивости в гневе и излишеству в обидчивости и приводя закон природы, как бы судию, решающего в пользу любви. Если найдешь, говорит, заблудившийся скот или потерянную одежду, то сбереги их для брата твоего; и если бы случилось, что вьючное животное пало на землю и было подавляемо бременем, помоги и подними его. А это не что иное значит, как оказывать пользу владельцу, упражняться в милосердии, воспитываться в любви к ближним, стараться далеко отгонять обидчивость и избегать раздоров, чтобы не являться нарушающими любовь и закон братолюбия. Но кажется, что это изречение намекает и на что-то другое. Ибо если столь великая была забота у Законодателя о том, чтобы мы подавали помощь даже в том случае, когда пострадало какое-нибудь бессловесное животное, то не гораздо ли угоднее Ему будет попечительность о людях и взаимная любовь, долженствующая быть между существами одного рода? Поэтому, если бы случилось, что даже враг заблудился, то пусть он узнает от нас прямой путь и будет направлен нами туда, куда ему нужно. Так и Христос, несмотря на то что израильтяне

бросали в Него камнями, говорил им: «ходите, пока есть свет, ходите в свете, чтобы не объяла вас тьма» (Ин. 12, 35). И если кто-нибудь из обидевших нас будет тесним трудностями и испытаниями и, как бы поверженный на землю, будет подавляем непреодолимой нуждой, то пусть, говорит (закон), он получит от нас помощь и пусть находящийся с ним в неприязни станет выше оскорбления. Не есть ли это то же самое, что высказано в словах: «благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас»? (Мф. 5, 44.)

П. Ты сказал весьма хорошо.

К. Итак, святым прилично сострадать страждущим и не делать поводом к оскорблению то, о чем лучше было бы сожалеть, не нападать и не устремлять свой гнев на тех, которые и без того обижены. И хотя бы кто легко мог тайно исполнить злоумышление, закон весьма хорошо говорит, что должно удерживаться и от такого рода злых поступков; он сказал опять: «Не злословь глухого и пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему» (Лев. 19, 14). Не лучше ли и не приличнее ли всего людям весьма честным иметь на языке как бы узду и избегать злословия относительно чего бы то ни было, а особенно относительно каждого человека: «Не злословьте друг друга, братия», – говорит ученик Спасителя (Иак. 4, 11). А вот и закон говорит: «не злословь глухого», имея целью, как я думаю, гадательно показать, что люди истинно честного нрава необходимо должны уклоняться от нанесения обиды, хотя бы и легко мог потерпеть ее кто-либо. Так, глухой и слепой не свободны от бессилия, потому что они страдают телесными недостатками и лишены чувств, именно зрения и слуха; и глухой не услышал бы того, кто захотел бы его бранить, также и слепой не увидел бы полагающего пред ним преткновение. Поэтому нисколько не трудно скрыться тому, кто пожелал бы злоумышлять против них. Но делающие это оказываются обижающими тех, о которых скорее следовало бы жалеть, как уже по природе своей подверженных несчастию, когда претыканием ставят в неприятное положение слепого, о том не знающего, и порицая глухого, как будто говоря ему добрые слова, вызывают у него иногда даже улыбку, а нередко вредят и

в самом важном. Итак, если бы кто это сделал, то хотя коварство его по отношению к тому и другому и осталось бы скрытым, но он не избежит обвинения в жестокости и крайней бесчеловечности.

П. Правда.

К. А что и древнее Откровение хочет сделать нас дружелюбными и сострадательными, это ты легко можешь узнать, слыша, как оно в одном месте говорит так: «отверзая да отверзеши» сердце твое брату твоему, нуждающемуся в тебе (Втор. 15, 7–8), а в другом так: «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами. Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее, ибо она есть единственный покров у него, она – одеяние тела его: в чем будет он спать? итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу, ибо Я милосерд» (Исх. 22, 21–27). Слышишь ли, как Он, предложив кроткое поучение о взаимной любви, пригрозил сверх того и гневом? Он даже почти оправдывает Себя благосклонно пред теми, которые подпадут Его гневу, если не будут стараться оказывать благорасположение к братьям. «Милостив бо есмь», – говорит, то есть: будучи благ по естеству и милосерд, как Бог, Я непременно прииму вопль потерпевшего и тотчас подвигнусь к состраданию слезами удрученных бедностью. Поэтому надобно предотвращать жалобу бедняка. Что следует быть общительными и признавать нищелюбие достойным преимущественной заботы, к этому Он опять увещевает во Второзаконии, говоря: «Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих; в тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет ее душа его; чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха» (Втор. 24, 14–15). Разумеешь ли, что Он убеждает страшиться

вопля бедняка, поощряя ко взаимной любви? А новое, данное Христом Писание, вводя добродетель совершенную, говорит: «Продавайте имущества ваши и давайте милостыню», и тогда все у вас будет благоуспешно(Лк. 12, 33, 31). Это и делали некоторые из уверовавших: они приносили цену земель и домов, «и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян.4, 34–35). Но так как закон есть преподаватель простых учений и ведет только к начаткам глаголов Божиих, то он предписывает, как бы некоторое предварительное упражнение на пути к этому, – независтливость в малом; посему говорит: «Когда будешь жать на поле твоём, и забудешь сноп на поле, то не возвращайся взять его; пусть он остается пришельцу,..., сироте и вдове, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всех делах рук твоих. Когда будешь обивать маслину твою, то не пересматривай за собою ветвей: пусть остается пришельцу, сироте и вдове.... Когда будешь снимать плоды в винограднике твоём, не собирай остатков за собою: пусть остается пришельцу, сироте и вдове; и помни, что ты был рабом в земле Египетской: посему я и повелеваю тебе делать сие» (Втор. 24, 19–22). Ибо хорошо в радости помнить о прежних горестях и страданиях: это побуждает к нищелюбию и не допускает при избытке благополучия забывать о бедствиях, сопряженных со скудостью.

П. Правда.

К. Смотри еще, как искусно и тонко закон отучает от дурного и убеждает не допускать бессердечия, а приводит к лучшему и направляет к расположению взаимной любви. Он, с одной стороны, поощряет давать займы братьям, если они в чем нуждаются, а с другой – запрещает брать лихву и повелевает уклоняться от чрезмерных стяжаний. Заповедавши сверх того не быть придирчивыми и настойчивыми по отношению к должникам, он повелевает творить отпущение долгов. А пишет он так: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею»

(Втор. 23, 19–20). Что касается до воли Законодателя, в предмете у Него было, чтобы имеющие избыток без скупости оказывали благоволение и благодеяния и чужим, и братьям. «Всякому, просящему у тебя, давай, – говорит Христос, – и от взявшего твое не требуй назад» (Лк. 6, 30). поскольку ум древних не очень был силен в справедливости, так чтобы мог безукоризненно совершать доброе, то закон, руководствуя к этому, идет вперед малопомалу и полагает меру справедливого образа действий по отношению к братьям и близким, а совершенство милосердия, щедрость к чужим, общительность со всеми соблюдает для совершеннейшего детоводительства; ибо «до времени исправления» (Евр. 9, 10) продолжались тени, а временем этим было время Христова пришествия.

П. Ты сказал прекрасно.

К. Заповедав, таким образом, давать займы, ограничив излишнее стяжание и обещав благословение решившимся исполнять это, закон повелевает отпускать долги по прошествии семи лет и этим чествовать время всеобщего отпущения, то есть пришествия Христа, в которое все мы оправданы верою, получив прощение прежних прегрешений; так как Он пригвоздил к Своему кресту бывшее против нас рукописание и устранил обвинение нас пред Судиею (Кол. 2, 14). Он (закон) так говорит во Второзаконии: «В седьмой год делай прощение. Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего, ибо провозглашено прощение ради Господа...; с иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости. Разве только не будет у тебя нищего: ибо благословит тебя Господь на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел, чтобы ты взял ее в наследство, если только будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и стараться исполнять все заповеди сии, которые я сегодня заповедую тебе». И спустя несколько говорит еще: «Если же будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих, в одном из жилищ твоих, на земле твоей, которую Господь, Бог твой, дает тебе, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим, но открой ему руку твою и дай

ему займы, смотря по его нужде, в чем он нуждается; берегись, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль: `приближается седьмой год, год прощения`, и чтоб *оттого* глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал ему; ибо он возопиет на тебя к Господу, и будет на тебе... грех; дай ему [займы....] и когда будешь давать ему, не должно скорбеть сердце твое, ибо за то благословит тебя Господь, Бог твой, во всех делах твоих и во всем, что будет делаться твоими руками» (Втор. 15, 1–5, 7–10). "Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением..., – говорит, – ибо доброхотно дающего любит Бог», по слову блаженного Павла (2Кор. 9, 7).

П. Но каким образом это седьмое лето означает пришествие нашего Спасителя, в которое возведено время или совершился образ отпущения для всех людей?

К. Разве ты не помнишь того, что мы сказали уже выше, именно, что Божественному Писанию обычно все продолжение настоящего века уподоблять седмице, по причине кругового возвращения дней к началу? Конец седмицы есть суббота, и следующий за нею тотчас восьмой день приносит нам с Воскресением Христовым как бы новое начало века.

П. Помню.

К. Итак, Христос пришел, по Писаниям, при кончине настоящего века и как бы в субботу, когда и разрешил всех, связанных узами своих грехов и должных Ему отчетом в преступлении. Поэтому и в Евангелиях Он уподобляет нас должникам, говоря: «у одного займодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим» (Лк. 7, 41–42). И к тому еще, начертывая нам образ молитвы, говорит: «Молитесь же так: ... да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6, 9–12). Итак, косвенно и гадательно открывал нам закон Божественную тайну, повелевая делать отпущение чрез семь лет; и на стези благодати вводит Он, научая любовь к братьям считать лучшею богатства и убеждая «были

щедрый и общительный» (1Тим. 6, 18), человеколюбие к брату и ближнему поставляя как бы некоторым упражнением в более высоком чувстве сострадания ко всем.

П. Так. Я соглашаюсь с тобой, потому что ты говоришь превосходно.

К. Но если ты узнаешь еще большее, Палладий, то удивишься.

П. Что такое?

К. Закон желает, чтобы мы достигали такой благодати и любви друг к другу, чтобы ничего не считать равносильным любви к братьям; – так уступали им и столь мужественно переносили их нерасположение, чтобы преодолевать и гнев хотя бы они в отношении к нам и не были такими, какими им должно быть и казаться, и решились огорчать нас отсутствием нежной любви. И этого образ ты имеешь в книге Чисел. "И послал, – сказано, – Моисей из Кадеса послов к Царю Едомскому [сказать]: так говорит брат твой Израиль: ты знаешь все трудности, которые постигли нас; отцы наши перешли в Египет, и мы жили в Египте много времени, и худо поступали Египтяне с нами и отцами нашими; и воззвали мы к Господу, и услышал Он голос наш, и послал Ангела, и вывел нас из Египта; и вот, мы в Кадесе, городе у самого предела твоего; позволь нам пройти землю твою: мы не пойдем по полям и по виноградникам и не будем пить воды из колодезей [твоих]; но пойдем дорогою царскою, не своротим ни направо ни налево, доколе не перейдем пределов твоих. Но Едом сказал ему: не проходи через меня, иначе я с мечом выступлю против тебя. И сказали ему сыны Израилевы: мы пойдем большою дорогою, и если будем пить твою воду, я и скот мой, то буду платить за нее; только ногами моими пройду, что ничего не стоит. Но он сказал: не проходи. И выступил против него Едом с многочисленным народом и с сильною рукою. Итак не согласился Едом позволить Израилю пройти чрез его пределы, и Израиль пошел в сторону от него» (Чис.20, 14–21). Слышишь, как происходившие от племени Израиля, весьма кстати исчисливши перенесенные в Египте бедствия и подробно упомянувши о видах одного гордого владычества, скромно

просили ничего невыгодного не заключающей в себе милости, едва не стараясь о том, чтобы сделать своим союзником родственный народ (ибо он происходил от Исава, брата Иакова). Но те, которые должны были бы быть милосердными и позволить им делать то, что они признавали для себя полезным и выгодным, на самих делах изобличены были как жестокие, бесчувственные и не знающие сострадания: ибо преградили им путь, хотя народ (Израильский) ясно говорил, что он не только не причинит вреда ни винограду, ни плодородию полей их, но и воду будет черпать не бесплатно; а тот (т. е. Едом), если бы израильтяне не пожелали отступить от своего требования, не только угрожал нападением, но уже и вооружился и стал в строй со всем войском. Но что на это Израиль? Он был выше малодушия. Ибо "уклонись, – сказано, – от него", избегая ссоры с братьями и чрезвычайною терпеливостью воздавши честь закону близкого родства. Или ты думаешь, что это не так?

П. Совершенно так.

К. Итак, мы должны думать, что подавлять негодование, и обуздывать гнев, и соразмерять наказание с прегрешениями каждого, и кроме того давать суждения о каждом правильные и вполне безукоризненные есть плод и дело любви к братьям.

П. И весьма справедливо.

К. Итак, тебе представляется случай, если ты хочешь, снова послушать говорящего в одном месте: «не имей злобы на сынов народа твоего» (Лев. 19, 18); в другом же месте опять: «Если будет тяжба между людьми, то пусть приведут их в суд и рассудят их, правого пусть оправдают, а виновного осудят; и если виновный достоин будет побоев, то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету; сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими» (Втор. 25, 1–3).

П. Но какое является нам основание к тому, чтобы осужденным давать ударов числом только сорок? И каким образом, объясни мне, большее сего число посрамляет некоторых?

К. Многими способами прекрасно сенописуется пред нами чрез древнюю заповедь таинство Христа и как бы изображается для нас спасительная страсть, в которой и чрез которую мы освобождены от всего, имевшего силу причинять зло и ввергавшего нас в неисцельные бедствия. И, как я говорил недавно, бывающее чрез семь лет прощение должников таинственно указывает на время прощения всех, ибо мы оправданы во Христе и научены говорить в молитвах к сущему на небесах Отцу и Богу: «остави нам долги наша»; – так и здесь достижение сорока ударов в наказании бичами для бьющих или биемых указывает на вожделеннейшее для нас время домостроительства Единородного с плотью, в каковое время «ранами Его мы исцелились» (Ис.53,5; сн. 1Пет.2,24) «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши» (Ис.53,5), когда дерзко поносили Его израильтяне и Пилат наносил удары по хребту Его, мы же изъяты от кары и наказания, ибо древле были «многи раны грешному», по написанному (Пс.31,10); но за нас бичуем был Христос: потому что как за всех умер Он, так за всех и бичуем был, будучи один равноценен всем. Рассекши же сорокадневное число на пятью восемь, число и пять и восемь найдешь полезным для означения этого времени, ибо пришел Единородный в пятую часть времени, по евангельской притче (Мф.20,1–16): некто нанимал делателей в виноградник, вышедши около часа первого, третьего и шестого, девятого и одиннадцатого; воскрес же Он в осмой день, разрушивши державу смерти и погубивши вместе с нею мать приведенного отвне тления, то есть грех, с уничтожением которого необходимо упраздняются и бичевания, равно как и кары за него и наказания. Поэтому закон не позволяет, чтобы удары переходили за число сорок, тем самым и устанавливая как бы меру наказания до пришествия Христа, и указывая на время отпущения: ибо образы содержат в себе красоту истины. Должно знать также, что Израиль, оскорбивши Бога, сорок лет блуждал по пустыне: потому что Бог клятвою клялся не вводить их в землю обетования. И это было пределом гнева для них; когда же прошло это время, то и гнев престал, и потомки их перешли Иордан, и вошли в землю,

причем негодование не перешло за сороковой год. Так и этого события ясным образом служит нанесение некоторым до сорока ударов, потому что следовавшее за тем время было временем отпущения, принося нам таинственный переход чрез Иордан и каменные ножи, то есть обрезание в духе и воеводство Иисусово: ибо руководителем нашим, после Моисея и закона, стал Христос.

П. Согласен.

К. Итак, дабы правильно и неподкупно были решаемы судебные дела и уничтожаемы виды корыстолюбия, «судей и надзирателей..., – сказано, – чтоб они судили народ судом праведным; не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых» (Втор. 16, 18–19): ибо закон считал нужным, и вполне справедливо, чтобы поставленные судить являлись выше страсти корыстолюбия и из-за любви к кому бы то ни было не допускали нарушения обязанности поступать правильно и безукоризненно; но чтобы, отвергая уклонение в иную сторону, как дело нечестивое, и взвешивая каждое дело сообразно с законом, подражали Судии всяческих, то есть Христу, о Котором и сам закон ясно предвозвестил, признавая Его как Бога и Судией. Сказал же еще таким образом: «Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: `поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня`, то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою [царем] иноземца, который не брат тебе» (Втор. 17, 14–15): ибо нам должно как можно дальше убегать служения твари помимо Творца Бога, склоняться к словам истины и взывать как бы к святой земле, то есть к обетованию Божию чрез веру во Христе; и таким образом поставить над самими собою князя и судию рожденного от Бога Сына, хотя Он представляется и с плотью, говорит же о нас: «`Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею; возведу определение» (Пс. 2, 6–7). Иного же кого-либо, кроме Него, мы, конечно, не примем и игу чужеземных не подставим выи: «один у вас

Учитель – Христос» (Мф.23,8). Несчастные же иудеи вне пребывают по причине неверия и вовсе не приняли князем и судиею Христа, хотя и сошедшего с небес хотением и благоволением Бога и Отца, но сверх того даже и избрали начальником над собою человека чуждого, сына погибели, то есть антихриста, иноплеменного и инородного и не от крови Израиля происшедшего, хотя закон ясно высказал: «не можешь поставить над собою [царем] иноземца, который не брат тебе» (Втор.17,15). Слышали же они и Самого Христа, говорящего: «пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин.5,43): ибо пришел Христос в славу Бога Отца. Придет же в свое время сын беззакония не в славу Бога Отца, ибо это, я думаю, и значит: «во имя Отца», – но возложивши на свою главу, несчастный, имя Божества: ибо он сядет в доме Божием, «выдавая себя за Бога» (2Сол.2,4). Но иудеи никогда не стали бы поклоняться ему и не приняли бы его, как Христа, если бы соблюдали закон, ибо он ясно предвозвестил, что Христос произойдет из рода Израиля. Они же, и это отвергши, как обветшавшее, примут человека чуждого и иноплеменного.

П. Итак, «будут они вкушать от плодов путей своих» (Притч.1,31) и понесут достойное своей постыдной безрассудности наказание.

К. Ты сказал правильно; ибо судящий праведно Бог воздаст каждому вполне по делу его. И об этом у нас достаточно сказано. К поставленным же для суда над другими и помещенным на приличествующее судиям седалище закон еще взывает: «Не внимай пустому слуху..., не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (Исх.23,1–2). И через несколько слов затем опять: «Не суди превратно тяжбы бедного твоего. Удаляйся от неправды» (Исх.23,6–7): ибо имеющим власть судить наиболее всего прилично быть безупречными в словах, и тому, кто должен выносить приговор о каждом из предметов обвинения, согласно определению Законодателя, необходимо говорить правду. С пользою же присоединено и то: «и бедному не потворствуй в тяжбе его» (Исх.23,3): ибо, когда судимый не

богат, тогда для судящих удобно и легко склониться на две стороны; потому что, с одной стороны, легко обидеть человека, стесненного бедностью, а с другой – иногда бывает недостаточно бедности для того, чтобы склонить к нарушению требований справедливости, возбуждая к милосердию более мягких из судей. Итак, закон запрещает и делать притеснение, и оказывать сострадание находящимся в бедности и несчастии, сохраняя неповрежденной красоту праведного суда и повсюду поставляя судию блюстителем справедливости: ибо «правды, правды ищи», говорит он (Втор. 16, 20), потому что оскорблять закон, хотя бы казалось, что в этом есть нечто и доброе, по справедливости представляется не безгрешным. Итак, подлинно благость нуждается в искусстве, и неблагоприятное милосердие не избежит обвинения в оскорблении закона. Поэтому замеченных в более легких проступках он исправляет позором бичевания. Смотри же, сколь раболепно это дело и недостойно человека свободного; но и не удивляйся, ибо в них был дух рабства (Рим. 8, 15). По причине этого наказание ударами уже не соединяется с данными чрез Христа заповедями, как древле – с законом, но предлагается более приличествующее свободным: блестящие и достойные принятия дары, начатки и обетования духовных благ, и облаженствование, подобающее за добрые дела, и уже не угроза, а более увещания к добродетели. Ибо с древнейшими, как с рабами, говорил Моисей, как слуга и сораб; Христос же – с сынами, как Сын, и как с братьями по усыновлению, будучи истинно и несомненно от Бога Отца происшедшим Сыном.

П. Это правильно.

К. Убийцу закон наказывает смертью, и необузданную дерзость сдерживает воздаянием равного, и невыносимую ярость карает нестерпимым наказанием и чрезвычайными бедствиями, тщательно испытавши наперед намерение действующего; и если преступление совершено добровольно, то отъемлет милость. Он не позволяет также, чтобы посрамляема была любовь друг к другу, обессиливаемая неблагоприятностью и применением ее к тому, в чем она менее всего нужна, низводимая как бы до изнеженности: ибо он

сказал так: «если кто с намерением умертвит ближнего коварно ..., то и от жертвенника Моего бери его на смерть» (Исх. 21, 14). Если же вред потерпевшего насилие от бьющего доходит только до изнеможения, то умеряет наказание и повелевает, чтобы тот вред был оплачиваем деньгами, ибо сказал еще так: «Когда ссорятся..., и один человек ударит другого камнем, или кулаком, и тот не умрет, но сляжет в постель, то, если он встанет и будет выходить из дома с помощью палки, ударивший не будет повинен *смерти*; только пусть заплатит за остановку в его работе и даст на лечение его» (Исх. 21, 18–19). Это повелевает закон; Спаситель же, предлагая закон совершеннейшей Добродетели, говорит: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5, 39, срав. Лк. 6, 29). О рабах же закон постановляет следующее: «если кто ударит раба своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан; но если они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро» (Исх. 21, 20–21). Итак, чрезмерный гнев он наказывает смертью: ибо Бог не допустил лишать и самой жизни находящихся в нашей власти и под игом нашим потому только, что мы, вследствие преобладания, стали их господами. Но он убеждает с гневом соединять и милость, определяя высшую кару убийце: «если они день или два дня переживут, – говорит, – то не должно наказывать его, ибо это его серебро: ибо он почти так говорит: случившееся с потерпевшим, после того как он некоторым образом оправился от повреждения, уже не есть дело гнева бывшего его; потому что никто не захотел бы потерять собственного раба, которого купил за серебро и приобрел, отдавши за него деньги. Но если бы кто был убийцею невольным, то закон определяет наказывать его вечною ссылкой, умеренным человеколюбием растворяя наказание и невольное преступление весьма благоразумно не ставя на одном ряду с преступлениями вольными. Городов же повелел отделить три, которые и назвал убежищами (Втор. 4, 41 и далее); туда-то он ссылает убегающих от невольных преступлений. И время отпущения он определяет опять даже и для этих, находящихся в столь несчастном положении, именно

– смерть высшего и главного священника. Пишет же таким образом в книге Чисел: «Если же он толкнет его нечаянно, без вражды, или бросит на него что-нибудь без умысла, или какой-нибудь камень, от которого можно умереть, не видя уронит на него так, что тот умрет, но он не был врагом его и не желал ему зла, то общество должно рассудить между убийцею и мстителем за кровь по сим постановлениям; и должно общество спасти убийцу от руки мстителя за кровь, и должно возвратить его общество в город убежища его, куда он убежал, чтоб он жил там до смерти великого священника, который помазан священным елеем» (Чис.35, 22–25). И затем через несколько слов: «а по смерти великого священника должен был возвратиться убийца в землю владения своего» (Чис.35, 28).

П. Итак, концом ссылки для них служит смерть только что названного нами священника.

К. Это – внешний покров для образов; а внутри теней содержится таинство Христа.

П. Каким образом?

К. Может быть, не безосновательно, Палладий, о связанных узами греха думать, что они суть как бы какие убийцы собственной души и что они ниспали до такого несчастного положения не добровольно, но как бы вынуждены были к преступлению и к оскорблению Бога, «потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Быт. 8, 21) и в силу господствующего во удах плоти закона (Рим. 7, 23–25) неукротимого любострастия. Поэтому несчастная душа человека наказываема была изгнанием из мира и из тела и, засевши как бы в каком городе убежища, во внутреннейших областях смерти, пребывала там долгие времена и едва лишь тогда была отпущена, когда умер Христос, Великий Священник, Который, потерпевши смерть за всех, сошел во ад, отверз двери сущим в преисподней и освободил их от уз, говоря «узникам: `выходите`, и тем, которые во тьме: `покажитесь`» (Ис. 49, 9).

П. Как ясна эта речь!

К. Побуждая же древних стяжать себе славу не в одном каком-либо роде добродетели, но украшаться всеми видами ее

и поступать возможно лучше, «да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2Тим. 3, 17), закон и брачные союзы соглашает с требованиями честности и ясно постановляет, как они должны быть совершаемы, чтобы быть непорочными пред Богом и людьми. Поэтому блуд и нечистоту он извергает совершенно, а мужеложство и прелюбодеяние устраняет возможно дальше, говоря в книге Левит: «И с женою ближнего твоего не ложишься, чтобы излить семя и оскверниться с нею. Не ложишься с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Лев. 18, 20, 22). Что таковые постыдные дела, говорит он, сами в себе носят свое осуждение и что в них много заключено зловонного, это без труда можно видеть, и не нужно много слов для обличения дошедших до такой мерзости людей в том, что они от себя самих имеют столь постыдную и нелепую славу и от самого естества – обвинение. Поэтому, опустивши таковое, он исследует совершаемое законно и не вопреки разуму, говоря во Второзаконии: «Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, и она выйдет из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа, но и сей последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жену, – то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену, после того как она осквернена, ибо сие есть мерзость пред Господом..., и не порочь земли, которую Господь Бог твой дает тебе в удел» (Втор. 24, 1–4): потому что отделившуюся от мужа по благословной вине и потерпевшую бесчестие от другого делать законной сожительницей небезопасно, и даже более того, совсем безумно; ибо "держай..., – сказано, – прелюбодейцу безумен и нечестив» (Притч. 18, 23). И как запрещает услаждаться явно постыдным и бесспорно осуждаемым, так, с другой стороны, не позволяет и оклеветывать честное как бесчестное: потому что одинаково грешно и удостаивать нежной любви то, чего лучше было бы избегать, и лишать своего

расположения то, чего удаляться постыдно: ибо "горе, – сказано, – тем, которые зло называют добром, и добро -злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!» (Ис.5, 20). Итак, он не позволяет снова принимать к себе отпущенную, но, с другой стороны, не допускает наносить вред словом и еще не избличенному. Сказал же еще так: «Если кто возьмет жену, и войдет к ней, и возненавидит ее, и будет возводить на нее порочные дела, и пустит о ней худую молву, и скажет: `я взял сию жену, и вошел к ней, и не нашел у нее девства`, то отец отроковицы и мать ее пусть возьмут и вынесут *признаки* девства отроковицы к старейшинам города, к воротам; и отец отроковицы скажет старейшинам: дочь мою я отдал в жену сему человеку, и [ныне] он возненавидел ее, и вот, он взводит [на нее] порочные дела, говоря: `я не нашел у дочери твоей девства`; но вот признаки девства дочери моей. И расстелют одежду пред старейшинами города. Тогда старейшины того города пусть возьмут мужа и накажут его, и наложат на него сто *сиклей* серебра пени и отдадут отцу отроковицы за то, что он пустил худую молву о девице Израильской; она же пусть останется его женою, и он не может развестись с нею во всю жизнь свою» (Втор. 22, 13–19). Итак, понимаешь ли, что не совсем безнаказанным он повелел отпускать из судилища несправедливо презревшего еще не избличенную: потому что, я думаю, должно более всего уважать доброе и не гнаться, в пресыщении, за тем, что нравится, решаясь оклеветывать честное как бесчестное; а напротив, всеми силами стараться прилежать ко всему прекрасному и любить сожителство с превосходнейшим по доброй славе. Ибо не допускающий пренебрежения в действия свои прекрасно достигает цели своих действий. А что нам следует быть таковыми, закон и это показал, возглашая: «Если будешь строить новый дом, то сделай перила около кровли твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, когда кто-нибудь упадет с него» (Втор. 22, 8): потому что как некрасив дом, лишенный карниза и занесенных на него кровельных перил, таким же образом, думаю, вполне неверно и всякое наше доброе дело, если оно не доводится до

приличествующего ему конца; и не это одно, но и опасность грозит небрежущим. Это и значит, я думаю, падение кого-либо с дома: ибо горе, сказано, совершающим «дело Господне с небрежением» (Иер. 48, 10). Итак, сколь бесчисленными путями закон приводит нас к полезному! И еще не предлагает пищи, приличной мужам и более твердой, но молоком питает древних, как бы младенцев, мало-помалу приводя их к таинству Христа: ибо, что закон духовен и со стороны тени и образов как бы не съедобен и не полезен для духовной пищи, но будет таковым, если будет применяем к созерцанию евангельскому и к таинству Христа, это ты ясно уразумеешь из написанного о том премудрым Моисеем. Он сказал в книге Левит: «Когда придете в землю, [которую Господь Бог даст вам], и посадите какое-либо плодовое дерево, то плоды его почитайте за необрезанные: три года должно почитать их за необрезанные, не должно есть их; а в четвертый год все плоды его должны быть посвящены для празднеств Господних; в пятый же год вы можете есть плоды его и собирать себе все произведения его. Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19, 23–25): ибо писания Моисея кажутся нам подобными плодоноснейшим садам, заключая в себе разнообразные произрастания заповедей и будучи украшены, как бы деревьями, законами на каждый случай. Но на каждом дереве "очистите, – сказано, – нечистоту его», то есть отсеки бесполезность истории и сними как бы древесину буквы и дойди до самой сердцевины растения, то есть тщательно исследуй внутренний плод заповеданного, и это употреби в пищу. Но "плод его, – сказано, – три года должно почитать их за необрезанные, не должно есть их». Год поставлен здесь вместо продолжительного периода, потому что три первых времени было, в которые закон был еще нечист, отягченный толщею истории и, как бы бесполезною корою, покрытый сению. Времен же было, говорю, три: время Моисея, Иисуса (Навина) и Судей; время после них было четвертое, в которое возник светлый лик святых пророков. Тогда плод закона стал «свят и похвален»: ибо со святых пророков началась отмена содержащегося в законе и даже наименование заключающегося как бы в сени, явное же проповедование истины и восхваление таинства

пришествия Христова. Вслед за ними явился Предтеча, взывавший и говоривший: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф.3,2). Итак, в четвертое время было положено начало очищению заключающегося в законе и был уже как бы плод свят. Однако годным ко вкушению он сделался только в пятое время – время пришествия Христова, засвидетельствованного законом и пророками. Поэтому сказано: будет плод его прибыток вам; ибо кроме евангельских проповедей и научение в законе, приводимое к духовному созерцанию, весьма полезно для людей любознательных; так и Спаситель сказал: «книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф.13,52), новым называя Евангелие, а ветхим то, что содержится в законе и не скудно доставляет нам знание во Христе. Ему слава во веки веков. Аминь.

Книга 9. О святой скинии, что она была образом Церкви Христовой

Итак, весьма явны похвалы любви к братьям, и чрез ту и другую совершается закон. И всякий, достигший такой славы, будет светел и достоин удивления и станет в ряду наиболее присных Богу, когда Христос воззовет и скажет: «хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф.25, 21): ибо он подлинно взойдет, и весьма легко, в небесный Иерусалим и будет жить в небесных обителях, наслаждаясь превосходящими ум и слово благами. Таковое же нечто и пророк Исаия говорит: «глаза твои увидят Иерусалим, жилище мирное, непоколебимую скинию; столпы ее никогда не исторгнутся, и ни одна вервь ее не порвется» (Ис.33, 20): «проходит образ мира сего», по Писаниям (1Кор.7, 31). Тверда же весьма и совершенно непоколебима надежда на будущее. Но «сим всем разоряемым, – как то подтвердил и ученик Спасителя, – кацем подобает» оказаться нам (2Пет. 3, 11), святым и непорочным пред лицом Его, воздающим Ему честь духовными жертвами, как Спасителю и Искупителю, и проводящим жизнь святую и отменную и согласную с евангельскими законами? Без сомнения, эту жизнь, столь честную и достойную удивления, начертывал древним закон, повелевая закалать в жертву мелкий скот, делать кровавые приношения, посвящать Богу десятины и начатки и к тому еще благодарственные жертвы. Но только постановил он, чтобы все это совершаемо было не вне святой скинии. Избранный же род левитов посвятил Богу, представляя нам в этом образ нас же самих: ибо и мы в Божественных Писаниях названы: «вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (1Пет. 2, 9). Входим же и в скинию истиннейшую, «которую воздвиг Господь, а не человек» (Евр.8, 2), то есть в Церковь, не тельцами и козлами умиловляя Зиждителя всяческих, но украшаясь правою и непорочною верой и мысленно воскуряя в воню благоухания духовные приношения плодов: «ибо таковые жертвы благоугодны Богу»

(Евр.13, 16), и: «и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине», по слову Спасителя (Ин. 4, 24).

Палладий. Ты сказал правильно. Что нам должно стяжать себе славу жертвами превосходнейшими законных, это и я утверждаю, ибо соглашаюсь с тобой. Только скажи мне, не в прообраз ли Церкви из язычников была водружена в пустыне древняя скиния, являвшая как бы неясную дотоле красоту скинии истиннейшей?

Кирилл. Совершенно так. Сказал я недавно также, что и в правильном избрании происходивших от крови Левия для священнослужения был опять образ званых в вере к святой и непорочной жизни, то есть жизни во Христе.

П. Итак, не хочешь ли, мы скажем что-либо небольшое о святой скинии и о законном священстве, так, чтобы слово наше исследовало свято постановленное о том и другом предмете?

К. Не легко это дело: потому что, я думаю, нам нужен будет продолжительный труд и подвиг для того, чтобы можно было и понять это, и изложить. Но если угодно, приступим, с Божией помощью; ибо ты слышал Его ясно говорящего: «кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь? итак пойди, и Я буду при устах твоих» (Исх. 4, 11–12).

П. Так приступай, имея и в этом случае споспешником Подателя мудрости.

К. Подлинно приступаю, и буду говорить, тщательно сводя свидетельства Священных Писаний: ибо сошел в виде огня на гору Синай всех Зиждитель Бог и дал законы, по которым стало возможным каждое из действий направлять к тому, чтобы оно было правильно и чисто. Затем, отводя их (евреев) от прежнего заблуждения и поставляя возможно далее от ложного египетского служения, Он говорил Моисею, тогда посредствовавшему: «так скажи..., – говорил Он, – сынам Израилевым: вы видели, как Я с неба говорил вам; не делайте предо Мною богов серебряных, или богов золотых, не делайте себе» (Исх. 20, 22–23): ибо лжеименным богам Он не позволял служить; повелевает же быть приверженными к Единому, свыше и с неба грядущему и над всем владычествующему по

существу, не в вещественном благолепии имеющему славу, но в том, что небо показал Ему принадлежащим. Было же некоторым образом необходимо, чтобы получившие повеление удаляться от древнего нечестия и скверного служения, прямо перешли к иному обычаю и как бы какое иго подъяли на себя – служение Тому, Который есть по естеству Бог: ибо ум необузданный неудержим и весьма способен к уклонению во все самое неуместное; когда же угрожают страх и беспокойства, то безо всякого затруднения переходит на прямой путь и склоняется к полезному. поскольку же чрез Сына мы приходим к Отцу, ибо «никто не приходит к Отцу, – говорит Он, – как только через Меня» (Ин. 14, 6), то было необходимо, чтобы и самый доступ чрез Сына и прообразы плодоприношения в Нем Он определил законом, говоря: «сделай Мне жертвенник из земли и приноси на нем всесожжения твои и мирные жертвы твои, овец твоих и волов твоих; на всяком месте, где Я положу память имени Моего, Я приду к тебе и благословлю тебя; если же будешь делать Мне жертвенник из камней, то не сооружай его из тесаных, ибо, как скоро наложишь на них тесло твое, то осквернишь их» (Исх. 20, 24–25). Земляным алтарем называет Он Еммануила; ибо «Слово стало плотью» (Ин. 1, 14). Земля же от земли есть естество плоти (ср. Быт. 2:7, 3:19). Так во Христе совершается всякое приношение плодов и всякое приведение к Богу: ибо Сам Он говорит: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5): ибо как «через Него и те и другие имеем доступ» (Еф. 2, 18), так и всякая жертва принявших веру чрез Него же приятна (Флп. 4, 18). Обещает же поставившим алтарь из земли Свое пришествие и благословение, говоря: «прииду к тебе, и благословлю тя»: потому что нам, принявшим чрез премудрого Моисея образы истины, по времени воссияла и Сама Истина, то есть Христос, чрез Которого и в Котором мы обогатились благословением свыше и от Отца, запечатленные к сыноположению во Святом Духе; но и это опять во Христе совершается (Еф. 1, 5). «если же будешь делать Мне жертвенник из камней, – говорит, – то не сооружай его из тесаных». Не позволяет обсекать железом камни, посвященные Богу, потому что Христос был камень избранный, краеугольный, честный

(1Пет. 2:4, 6), не уязвленный грехами, не могший потерпеть ударов от диавола, не разделенный между Богом и миром; и хотя стал плотию, но был всецело свят, неразделяем, после неизреченного единения или общения с плотию, на Бога особо и на человека особо, но пребывал один и тот же Бог и человек, ибо Он отнюдь не «разделился», как пишет и премудрый Павел (1Кор. 1, 13).

П. Итак, устроенный из земли алтарь, равно как и необтесанные камни означают, в указанном тобою смысле, Христа?

К. Так именно: ибо «закон духовен», по Писаниям (Рим. 7, 14). Когда же Бог гадательно предызобразил таинство Христа и доступ чрез Него (к Отцу), тогда, и только тогда, Он вознамерился предуказать образ и Церкви. Он позвал Моисея и с ним Иисуса на гору Синай. И разумеи отсюда, что и самим святым пророкам Отец чрез Сына доступен; потому что восходят вместе Моисей и Иисус: ибо написано: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношения Мне. Вот приношения, которые вы должны принимать от них: золото и серебро и медь, и *шерсть* голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью..., и кожи баряньи красные, и кожи синие, и деревья ситтим ... камень оникс и камни вставные для ефода и для наперсника. И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; всё..., как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее; так и сделайте» (Исх. 25, 1–5, 7–9). Видишь ли, как Он побуждает народ охотно, по мере сил и расположения, приносить полезное и весьма необходимое для устройства Церкви? Ибо не золота лишь требовал Он или того, что, может быть, для многих трудно добываемо, но и козьих волос и кож овнов, показывая, что и малое и дешевое, если решившийся сделать приношение не имеет ничего более дорогого, не отвергается Богом, но или ценится наравне с самым драгоценным, или даже удостоивается большей похвалы; как известно, и Христос не пропустил без внимания вдовицу в Иерусалиме, внесшую в сокровищехранительницу нечто малое

и легко добываемое, но, может быть, великое для находящихся в крайней бедности, которым, конечно, в тягость пожертвование и весьма дешевой вещи. По принятии же начатков, «устроят они Мне святилище, – говорит, – и буду обитать посреди их», потому что Христос является в Церкви и светит пребывающим в ней, по написанному в Псалмах: «Бог Господь, и явился нам» (Пс.117, 27). Обрати же внимание на то, как Он, и сошедши на гору в виде огня и явившись всему народу, – ибо так написано – говорит, однако же, как еще не явившийся: «буду обитать посреди их», когда воздвигнуто будет святилище: потому что, кажется, едва не взывает ясно, что оные видения были сепию истинного боговидения. Истинное же показание есть Христос, в Котором мы узрели и Самого Отца. Так и иудеев, думавших, что они поистине узрели на горе Синай Бога всяческих, безумно убежденных в этом, Он изобличал, говоря: «вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели; и не имеете слова Его пребывающего в вас, потому что вы не веруете Тому, Которого Он послал» (Ин. 5, 37–38). Итак, «буду обитать, – говорит, – посреди их», когда будет воздвигнуто святилище. А оно было образом Церкви, происшедшей по подобию вышней, ибо Он говорит: «всё..., как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее; так и сделайте» (Исх. 25, 9): потому что блаженному Моисею показан был образ, как я сказал, святых церквей и Сам Оный, многообразно, как бы в сени изображаемый, ради нас соделавшийся человеком. И о каждом из образов могла бы быть речь велика и продолжительна и исполнена тонкости. поскольку же иное свойственно и прилично устройству того, что было, а другое клонится к применению умосозерцания, то будем говорить о полезном для сего, опустивши другое.

П. Не понимаю, что говоришь.

К. Так обрати внимание на то, что я буду говорить: ибо ты поймешь и, думаю, очень легко. Он повелел, чтобы кивот был сделан из негниющих дерев, и внутри и снаружи покрыт чистым золотом и заключал в себе так называемые "свидения (откровение)" (Исх. 25, 16), то есть закон (написанный) на досках (скрижалях). И на этом не оканчивается касающееся его

устройства; потому что Он повелевает, чтобы и носила были опять из негниющих деревьев, одинаково позлащенные, золотые и кольца и обводы кругом. И длину, и ширину, и высоту определил Он сему художественному произведению. Но если кто желал бы весьма тщательно исследовать таинственный смысл таковых вещей, тот, может быть, и найдет, что означает кивот и заключающиеся в нем "свидения" и какая была нужда в негниющих деревьях. Если же он будет допытываться, что означает золото на кивоте, а также вещи, сделанные для его пользы и украшения, – разумею витые обводы, кольца и носила, – то найдет это дело трудным. Не умея применить к этим вещам таинственного смысла, он, может быть, станет говорить лишнее и множеством необдуманных слов обременит слух любознательнейших. Сказанное нами истинно в отношении не к одному только кивоту, но, прибавил бы я, и к другим вещам, которые Он повелел сделать.

П. Мне кажется, ты рассуждаешь и говоришь несомнительно. Поэтому, опустивши относящееся, как ты говоришь, к соразмерности, употреблению или же украшению сделанного, поспеши перейти к необходимому для созерцания, то есть разъясни без замедления, каким образом Сам Христос означает для нас чрез показанное или устроенное.

К. Итак, я, насколько возможно, попытаюсь понять и изъяснить; если же я уклонюсь от истины и менее, чем должно, достигну высоты мыслимого, то будь снисходителен: ибо рассматривание в зеркале и гадании (1Кор. 13, 12) сбивает иногда с пути даже тщательный и мудрый ум.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Кивот для нас, Палладий, есть образ и подобие Христа, потому что, рассматривая образ вочеловечения Единородного, увидим от Отца рожденное Слово пребывающим как бы в кивоте, в храме, воспринятом от Девы: ибо «в Том живет всяко исполнение Божества телеснее», по Писаниям (Кол. 2, 9). Слово же Божие представляли собою заключавшиеся в кивоте "свидения". Деревя кивота были негниющие, золотом же чистым и испытанным украшен был он внутри и извне: потому что нетленно Тело Христа, силою и светлостью обитающего в нем

Слова и животворящим естеством и действием Святого Духа, как бы каким золотом, удерживаемое в нетлении. Поэтому и о Христе говорится, что Он животворит (Ин. 5, 21), ибо рожденное от Бога Отца Слово, будучи по естеству жизнь (Ин. 1:4, 5:26), силою Своего духа Само оживотворяло Свой храм, поставляя его выше тления: ибо Плоть Его «не увидел тления», по слову святого Павла (Деян.13:7, 2:31). Взывал же и Сам Он к иудеям о Своем Теле: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин.2, 19). Также и Петр говорит, что Он «быв умерщвлен по плоти, но ожив духом» (1Пет. 3, 18). Итак, золото есть символ пресветлого Божества, как бы намастившего святое тело и неизреченно вложившего в него Свою собственную светлость и нетление, так что величественное и превосходящее ум естество познается как бы единое и само по себе: ибо если праведницы по времени «праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф.13, 43), то какова же будет слава Самого Христа? Сияние это не будет ли выше всякого разума и слова? Золотые же были поддерживавшие кивот носила, золотые и кольца и все в нем: ибо все окружающие Его (то есть Христа) причастны этой славе и как бы прикреплены к Нему в любви и освящении и служат Ему на пользу. Таковыми были и блаженные ученики, принявшие от Него боголепную силу и чрез участие в ней обогатившиеся светлостью вышнего превосходства, поэтому и совершавшие Божественные знамения.

П. Ты сказал правильно.

К. И кроме кивота "Сделай, – говорит, – также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, а ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; *выдавшимися* из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху, в ковчег же положи откровение, которое Я дам тебе; там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом

откровения, о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым» (Исх. 25, 17–22).

П. Затем, что означает, по твоему мнению, очистилище?

К. Что касается буквы и сени, оно было сделано из чистого золота и возложено на лежавший под ним кивот: ибо поэтому и называется покровом. Обращавшиеся же к нему и взиравшие на него украшенные славою священства, казалось, обращались к Богу и взирали на Него. Если же разуместь духовно, то мы скажем, что очистилище (ἱλαστήριον) есть Соделавшийся ради нас человеком, «которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его» (Рим. 3, 25): ибо так говорит Павел. Пишет же к нам в Послании и Иоанн, мудрейший ученик: «Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем ходатаю пред Отцем, Иисуса Христа, праведника; Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1Ин. 2, 1–2): ибо чрез Него очищение и всякая молитва и испрашивание благ: потому что "Доныне, – говорит Он, – вы ничего не просили во имя Мое» (Ин. 16, 24); «просите и дастся вам» (Мф. 7, 7). Итак, Сам Он есть очистилище: ибо чрез Него милостив к нам Отец и в Нем прекращается всякий предел молитвы, и чрез Него мы приходим (к Отцу), не иначе будучи приняты. Поэтому и говорит: «Я есмь путь» (Ин. 14, 6) и: «Я есмь дверь» (Ин. 10, 9) и: «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). Впрочем, хотя единокровное Слово Божие и соделалось подобным нам, низведши Само Себя до человечества и истощания, однако же Ему по естеству свойственно и быть мыслимым в боголепной славе, и пребывать в высшем твари превосходстве, как то было, несомненно, и до воплощения. Поэтому Херувимы обстоят очистилище, покрывая его крылами и обращенные к нему и всегда утверждая на нем лицо свое: стояние их справа и слева есть ясное доказательство копьепоношения а всегдашнее взирание Херувимов па очистилище, кажется, указывает как бы на напряженность и ненасытимость высочайших сил в богосозерцании. И пророк Исайя описывает Сына особенным образом, говоря: «видел я Господа, сидящего на престоле

высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Ис. 6, 1–2). И если бы кто думал, что Серафимы покрывали лицо и ноги Бога, то ничего нет безрассудного так думать: ибо, переводя на греческую речь значение слова «Серафим», мы найдем его указывающим на полноту знания или изобилие мудрости. По этому премудрые и высочайшие силы своим положением очень ясно показывают, что видеть лиц Божие кому бы то ни было невозможно: потому что совершенно невидимо превосходящее всякий ум естество и «обитает в неприступном свете», по слову блаженного Павла (1Тим. 6, 16); и никто «не... узрит... лице Божие, и жив будет» (Исх. 33, 20), как это Им Самим было справедливо сказано священнейшему Моисею. Также никто не может узнать следы и пути Его, ибо написано: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11, 33). Поет же и блаженный Давид и воспевает мудрую песнь: «Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих, и следы Твои неведомы» (Пс. 76, 20): ибо как не может кто-либо видеть в водах следа человека ли то, или корабля, или плавающих в них, так не может кто-либо усмотреть и путей Божественных и неизреченных, образом которых служат ноги. Если же бы кто предположил, что святые Серафимы покрывают крылами свои лица и ноги, то мы будем разуметь здесь то, что невозможно видеть начало или конец учения или ведения о Боге, ибо и оно непостижимо и выше ума человеческого. Начало же всякого тела – глава, а конец – ноги. Итак, очистилище есть Христос, Который, и во плоти явившись, тем не менее, естеством и истинно есть Бог и Господь, имея раболепно стоящими вокруг Его даже самые высочайшие силы. Засвидетельствовало же нам негде и Священное Слово, что после того, как отступил сатана, прекративши искушения Христа, когда Он ради нас постился, «Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4, 11): ибо «они «суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1, 14). «Сверху же очистилища познан буду

тебе..., – говорит, – и возглаголю тебе», – обозначая чрез это, как я думаю, нечто двоякое: или то, что Христос, будучи человеком, будет говорить, однако же, то, что выше естества человека и не пребудет единственно на степени истощания, поскольку Он есть Бог и от Бога по естеству, ибо: "Я, – сказал Он, – и Отец – одно» (Ин. 10, 30) и: «Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14, 9); или, может быть, то, что Он познается с верху очистилица и Херувимов, то есть в превосходстве и славе высшей человека и всего произведенного, в котором высочайшее и превосходнейшее суть Серафимы: ибо преславное и прекраснейшее естество есть Бог, а произведенное подобно Ему по причастию; находящимся же вокруг и вблизи Его Он к тому прибавляет участие в Его собственном и естественном сиянии, как свете, отражающемся от какого-либо близлежащего предмета и своим блеском осиявающим встречающееся.

П. Речь наша правильна и обработана для истины.

К. После устройства очистилица и иным способом сеннописует Он нам таинство Христа, говоря: «и сотвориши трапезу» из чистого золота (Исх. 25, 23). Повелевши прикрепить к ней кольца и вложить в них золотые носила и весьма ясно указавши размеры и способы устройства ее, с помощью которых она могла бы получить в высшей степени отличный вид, Он говорит: «и полагай на стол хлеба предложения пред лицом Моим постоянно» (Исх. 25, 30). Повелел также, чтобы золотыми были и сосуды ее: блюда и кадила, кружки и чаши (Исх. 25, 29). Не очевидно ли указываем здесь был нам «хлеб.. с небесе, имевший быть предложенным по времени на святых трапезах церковей и дает жизнь миру»? (Ин. 6, 33.)

П. И очень.

К. А блюда и кадила, кружки и чаши и все то, посредством чего исполняемо было таинственное и священнейшее назначение святой трапезы, не суть ли образы Божественных сокровищ, друг мой?

П. Совершенно так.

К. Но это в книге Исход. О трапезе же, а также и о хлебах предложения Законодатель провозвестил в книге Левит. Здесь

Он как бы расширяет эту заповедь и ясно учит, каким образом должно быть совершаемо предложение, говоря так: «И возьми пшеничной муки и испеки из нее двенадцать хлебов; в каждом хлебе должны быть две десятых *ефы*; и положи их в два ряда, по шести в ряд, на чистом столе пред Господом; и положи на [каждый] ряд чистого ливана..., и будет это при хлебе, в память, в жертву Господу; в каждый день субботы постоянно должно полагать их пред Господом от сынов Израилевых: это завет вечный; они будут принадлежать Аарону и сынам его, которые будут есть их на святом месте, ибо это великая святыня для них из жертв Господних: *это постановление вечное*» (Лев. 24, 5–9). В книге же Чисел Он указал нам опять как бы на единый хлеб с неба и от нас, ибо Слово, будучи естеством Бог, стало подобно нам «и обитало с нами» (Ин. 1, 14), – указал, говоря священнотаиннику Моисею: «объяви сынам Израилевым и скажи им: когда вы войдете в землю, в которую Я веду вас, и будете есть хлеб той земли, то возносите возношение Господу; от начатков теста вашего лепешку возносите в возношение; возносите ее так, как возношение с гумна; от начатков теста вашего отдавайте в возношение Господу в роды ваши» (Чис. 15, 18–21). Из этих слов каждый без труда может усматривать таинство истины. Но в свое время об этом сказано будет нами тонко и обстоятельно и речь об этом перенесена будет нами на другой труд писания. Впрочем, я думаю, Палладий, всякий может изумляться в настоящем случае вот чему.

П. Что такое разумеешь ты?

К. Многоразлично делая для нас видимым Еммануила, Он изображает черты Его еще и другими словами, ибо говорит Моисею: «И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник; стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него; шесть ветвей должны выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его» (Исх. 25, 31–32). И затем, присоединивши к сему относящееся до украшения и употребления этого художественного произведения, разумею крины (иначе: лилии), крузи (то есть круглое, яблоки) и чашечки, еще добавляет: *"весь должен быть"*

чеканный, цельный, из чистого золота. И сделай к нему семь лампад и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его; и щипцы к нему и лотки к нему... из чистого золота; из таланта золота чистого пусть сделают его со всеми сими принадлежностями. Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе» (Исх.25, 36–40). Итак, золотой светильник представляет образ Христа; ибо Сын естеством и истиною есть Бог; между тем золоту должна быть уподобляема, как мы и выше объясняли, Божественная светлость и превосходство. Изваян же (светильник), потому что прекрасен и превышает всякого слова, что касается до благообразия мысленного, Еммануил: ибо написано, что Он «прекраснее сынов человеческих» (Пс.44, 3). Итак, что светильник был изваян, это очень хорошо указывало на отличный, то есть боголепный, вид Еммануила. Справа же и слева ветви, вырастая как бы из дерева, восходят вместе со средним стеблем, сказано, и поднимаются до равной с ним высоты: ибо Единородный, будучи един по естеству и прост по существу, как Бог, по различию действий кажется множественным: но ничего в Нем нет пришлого или чуждого, хотя в боголепных достоинствах Своих Он и мыслится как бы не простым; потому что мыслится как свет, и жизнь, и сила, и нетление. Восхотев, я думаю, научить, что ничего в Нем нет отвне усвоенного, Он присоединил следующее: «из золота чистого ... стебель его, ветви его», то есть весь и во всем Бог не одинаково с произведенным освящен и не как, например, Ангелы, мыслимые в своем естестве, осияваемые же Его благодатью и славою и, как бы золотом чистым, помазанные даянием Духа, но естеством есть это самое, то есть Бог, чистейшее и высочайшее естество. «Семь лампад»: ибо многообразно освещение от Христа: и «Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом» и прочее (1Кор.12, 8). Опять же число семь есть признак совершенства: всесовершен же и по естеству Своему Еммануил, как Бог, и в разделении исходящих от Него дарований совершенно предлагается достойным принять их: ибо «не в меру... дает Духа», по слову Иоанна (Ин. 3, 34), но от исполнения Его «все

мы приняли» (Ин.1,16). Затем говорит: «сделай к нему семь лампад и поставь на него лампы его» (Исх. 25, 37). Но какое должно быть это поставление, ясно раскрыл Он в книге Чисел, так говоря: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви Аарону и скажи ему: когда ты будешь зажигать лампы, то на передней стороне светильника должны гореть семь лампад. Аарон так и сделал: на передней стороне светильника зажег лампы его, как повелел Господь Моисею» (Чис.8, 1–3). Итак, разумею, что помещенные впереди светильника семь лампад (светил) бросали свет на взирающих, ибо не позади находящимся и как бы отворачившимся от Бога сияет Божественный и мысленный свет, но приведенным к созерцанию Его чрез освящение и обратившим уже к Нему лица чрез дерзновение в вере и чрез превосходную честность в правильной жизни; потому что мерзко и ненавистно все, что порочно и непокорно, почтенно же и призревается Богом благопокорливое и удобообуздываемое. Посему иудеям, неудержимо решившимся оскорблять Его, Он и устами Исаии говорит: «И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои» (Ис.1, 15); «Очи Господни обращены на праведников», как воспевается в Псалмах (Пс.33, 16).

П. Правда.

К. Об этом святом светильнике ясно упомянул и божественный Захария, ибо он сказал: «И возвратился тот Ангел, который говорил со мною, и пробудил меня, как пробуждают человека от сна его. И сказал он мне: что ты видишь? И отвечал я: вижу, вот светильник весь из золота, и чашечка для елея наверху его, и семь лампад на нем, и по семи трубочек у лампад, которые наверху его; и две маслины на нем, одна с правой стороны чашечки, другая с левой стороны ее. И отвечал я и сказал Ангелу, говорившему со мною: что это, господин мой? И Ангел, говоривший со мною, отвечал и сказал мне: ты не знаешь, что это? И сказал я: не знаю, господин мой» (Зах.4, 1–5). Итак, блаженный пророк вопрошал, говоря, «что суть сия, Господи?» Божественный же Ангел, вставивши краткое повествование (Зах.4, 6–10), истолковывает видение и устройство светильника относит ко Христу, говоря о находящихся на нем семи лампадах: «это очи Господа, которые

объемлют взором всю землю» (Зах.4, 10): ибо, если употребить чувственный образ выражения, бесчисленными очами взирает на нас Бог и созерцает человеческие дела, «знает, что во мраке, – по написанному, – и свет с Ним есть» (Дан. 2, 22): потому что если и нам, сущим в мире, Бог посылает свет, то тем более и прежде всех других Он изобилует им в Своем естестве; или, если некоторые подозревают, будто это не так, то к решившимся так мыслить, может быть, пора воззвать: «Образумьтесь, бессмысленные люди! когда вы будете умны, невежды? Насадивший ухо не услышит ли? и образовавший глаз не увидит ли?» (Пс.93, 8–9.) «Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его» (Евр.4, 12–13). Итак, подлинно освещает и назирает все Христос, поэтому и сказал чрез одного из пророков: «Разве Я – Бог *только* вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?». Разве "скрыться" что от Меня (Иер.23, 23–24)? Ибо ничто не может утаится от ума всеведущего. Не кажется ли тебе, что я рассмотрел это весьма хорошо?

П. Совершенно так.

К. Видя же нечто необыкновенное в светильнике (ибо в нем были масличные ветви), пророк снова спрашивал, говоря: «Тогда отвечал я и сказал ему: что значат те две маслины с правой стороны светильника и с левой стороны его? Вторично, – говорит, – стал я говорить и сказал ему: что значат две масличные ветви, которые через две золотые трубочки изливают из себя золото? И сказал он мне: ты не знаешь, что это? Я отвечал: не знаю, господин мой. И сказал он: это два помазанные елеем, предстоящие Господу всей земли» (Зах.4, 11–14).

П. Какая была нужда блаженному пророку спрашивать снова? Ибо "Вторично, – говорит, – стал я говорить».

К. Не считаешь ли ты, Палладий, мудрым и для решившихся вполне правильно мыслить приличным делать

точные и обдуманые вопросы о чем бы то ни было из необходимого?

П. Считаю.

К. Итак, взирая на масличные ветви, красующиеся нежным и едва распустившимся ростком, пророк назвал их маслинами, а не ветвями от маслин. После сего молчал божественный Ангел, ожидая более благоразумного и истинного вопроса; когда же пробужденный пророк наименовал уже две масличные ветви и настойчиво просил научить его, чего символом служило это, он тотчас научен был словами Ангела: «сии два сынове тучности, яже предстоят Господеви всея земли». Двумя же сынами тучности назвал народ, происшедший от Израиля и от язычников, о которых говорит и то, что они «предстоят Господеви всея земли», ясно и очевидно поставляя образом Христа устройство светильника, в котором масличные ветви, помещенные направо и налево и как бы кругом, утучняются елеем, а елей этот есть образ Святого Духа, напоющего ум верующих, по написанному: «умастил елеем голову мою» (Пс.22, 5).

П. Но почему он назвал их не маслинами, а масличными ветвями?

К. Потому, друг мой, что верующие, подобно тонким отросткам и едва распустившимся веткам с маслин, сняты и как бы пересаживаются посредством веры в благочестие, одни будучи взяты из синагоги иудейской, другие же из толпы язычников: ибо не все, которые от Израиля, уверовали и не все множество язычников вошло в Церковь. Итак, масличные ветви суть те которые, как бы от дерев, отделены от множества иудейского, а также и эллинского и приведены к свету Божественному и уже некоторым образом избыточествуют обильнейшим излиянием Святого Духа: ибо это, я думаю, означает то, что как бы в ноздрях (щипцах) лампад лежат масличные ветви, о которых негде упомянул и блаженный Псалмопевец, воспевая песнь всех Спасителю Христу и говоря об обрученной Ему невесте, то есть Церкви, и о чадах ее в вере: «Жена твоя, как плодовая лоза, в доме твоём; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей» (Пс.127, 3–4):

потому что мы оживотворяемся причастием Духа и святою трапезою Христа, принявши веру в Него.

П. Да, ты говоришь правильно: ибо "Я, – говорит Он, – хлеб живой, сшедший с небес и дает жизнь миру» (Ин. 6, 51, 33).

К. Но о светильнике и о том, что на нем, на этот раз сказанного будет для нас достаточно. Слово же наше пусть перейдет теперь к медному алтарю, весьма употребительному в служении по закону; ибо сказано: «И сделай жертвенник из дерева ситтим длиною пяти локтей и шириною пяти локтей, так чтобы он был четырехугольный, и вышиною трех локтей. И сделай роги на четырех углах его, так чтобы роги выходили из него; и обложи его медью. Сделай к нему горшки для высыпания в них пепла, и лопатки, и чаши, и вилки, и угольницы; все принадлежности сделай из меди» (Исх. 27, 1–3). Итак, пяти локтей был алтарь в ширину и длину: ибо весьма нужно было ему иметь размеры, и очень обширные: потому что на нем предполагалось и разрубать на части и возносить отрубленные части волов и всесожжения и возношения овец и козлов, посвященных Богу. Поэтому и решетка, и жаровня (кадильник), и вилки, и чаши (фиалы) и все сосуды его – медные, чтобы, принося свою пользу законным жертвам, они не могли истлевать от приражения всепосядающего огня. Венец же и роги на углах мы отнесем к красоте вида: ибо ничего нет непривлекательного у премудрого Бога. Впрочем, направляя прилежное внимание на заповеданное о каждом предмете, скажем еще и о том, что алтарь Он повелел сделать подобающий и приличный законным жертвам, но ничего в нем золотого, как, например, видно было это в кивоте, светильнике и трапезе и принадлежностях ее.

П. Так почему же это?

К. Разве мы не говорили, Палладий, что золото весьма хорошо обозначает превосходство над всем и несравнимую светлость, разумею мысленную, Божественного и бессмертного естества?

П. Да.

К. Итак, смотри, в том, что алтарь служения по закону был совершенно лишен золота, Бог гадательно, но весьма ясно

указывает нам, что закон менее всего мог сообщить нам Святого Духа и что сила преобразовательного служения не почтена была таковою благодатью, ибо на Израиле был дух рабства; нам же сообщен был этот дар чрез Христа после Воскресения Его из мертвых: ибо Он "дунул, говоря: примите Духа Святаго» (Ин. 20, 22). Посему и Павел провозглашал к уверовавшим: «вы не приняли духа рабства, *чтобы* опять *жить* в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: `Авва, Отче!`» (Рим. 8, 15). А что сила служения по закону не обладала причастием Святого Духа, дается же Он оправданным верою, это утверждает премудрый Иоанн, говоря: «ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен» (Ин. 7, 39); – ибо еще не ожил Христос: потому что только тогда естество человека позлащено Духом и общением с Ним. Поэтому-то, как я думаю, Он и повелел, чтобы алтарь был без золота. Но опустить объяснение меди, из которой он сделан был, как кажется, не безвредно для любознательных: ибо исследование, может быть, произведет что-либо полезное, согласно с чьим-то мудрым изречением: «во всем приносящем беспокойство есть польза».

П. Так что же ты имеешь еще сказать и об этом?

К. Слушай: Священное Писание говорит, что решением свыше божественный Аарон избран был в священника и вождя. Но Корей и Дафан и дикая толпа единомышленников их, весьма нагло сопротивляясь решению свыше и восставая против Божественных законов, принесли кадиланицы, незванные и самовольно идя на это и восхищая честь, им не предназначенную, противопоставляя, и очень горячо, свое безумие и дерзость священнику верховному и избранному из всех других (Чис. 16). Сеннописуемо же было чрез это будущее безумие иудеев против Христа: ибо Он есть наш Архиерей, введенный в сие звание решением Отца. Но те понесли наказание за столь постыдные предприятия; понесут же после них и иудеи, соделавшиеся повинными в тех же преступлениях. Бог же тогда сказал святому Моисею, а также и Елеазару, сыну Аарона, священнику: «пусть он соберет ... кадиланицы сожженных и огонь выбросит вон; ибо освятились кадиланицы грешников сих

смертью их, и пусть разобьют их в листы для покрытия жертвенника, ибо они принесли их пред лице Господа, и они сделались освященными; и будут они знамением для сынов Израилевых» (Чис.16, 37–38). Это сказал тогда Бог. В книге же Исход написано о Веселеиле, который был от отца Урии, из колена же Данова и руководитель всего благоустройства: «сей сотвори олтар медян из кадилниц медяных, яже быша мужем вскрамолившимся с Кореовым сонмищем» (Исх. 38,1).

П. Так что же это такое?

К. Это принесет великую пользу, если обратим внимание на то, что кивот, бывший прообразом Христа, а также и другое, разумею светильник и очистилище и золотую трапезу, все это сделано было из того, что приносил народ и каждый посвящал Богу из находившегося в руках: ибо весьма приятны в славу Бога и Отца плодоносящие Христу и приносящие дары духовные, которых те были образами и сению. Алтарь же служения по закону таинственно и смотрительно означает как бы напоминание и заключавшееся в самом устройстве его предвозвещение раздражения и прекословия и, так сказать, заговора, бывшего против великого священника. Ясен ли для тебя образ? Ибо Аарон есть образ Христа. Оспаривали же славу Христа и иудеи, и причиною спора их служит законный алтарь: ибо престало служение как бы в сени, и во Христе мы воскуряем Отцу уже мысленное благоухание. И это Он опять прообразовал нам как бы в сени, говоря: «И сделай жертвенник для приношения курений, из дерева ситтим сделай его: длина ему локоть, и ширина ему локоть; он должен быть четырехугольный; а вышина ему два локтя; из него *должны выходить* роги его; обложи его чистым золотом, верх его и бока его кругом, и роги его; и сделай к нему золотой венец вокруг» (Исх. 30, 1–3). Приложивши же к нему шесты, кольца и носила и прочее таковое, говорит: «И поставь его пред завесою, которая пред ковчегом откровения, против крышки, которая на *ковчеге* откровения, где Я буду открываться тебе. На нем Аарон будет курить благовонным курением; каждое утро, когда он приготовляет лампы, будет курить им; и когда Аарон зажигает лампы вечером, он будет курить им: *это* – всегдашнее

курение пред Господом в роды ваши. Не приносите на нем никакого иного курения, ни всесожжения, ни приношения хлебного, и возлияния не возливайте на него. И будет совершать Аарон очищение над рогами его однажды в год; кровью очистительной *жертвы* за грех он будет очищать его однажды в год в роды ваши. Это святыня великая у Господа» (Исх.30, 6–10).

П. Так и это мы примем в образ Христа?

К. . Совершенно так, Палладий; что это истинно, преславное и глубокое Его таинство весьма легко может показать это решившимся точно и остроумно исследовать такого рода предметы; именно – кадильный алтарь сделан был из дерев негниющих и весь покрыт был золотом: ибо нетленно Тело Христово и в себе самом избыточествует Божественным естеством, потому что «И Слово стало плотию, и обитало с нами» (Ин. 1, 14). Начаток же наш и корень рода нашего, воссоздаемого к нетлению чрез единение с Богом, есть Христос, хотя в Нем это мыслится и преимущественно. Рога же у алтаря, распростерты как руки, предызображают вид честного креста. Если же кто скажет и о том, что рогов было четыре, то и это нисколько не препятствует любознательному понимать дело правильно: ибо алтарь – четвероугольный и повсюду равносторонний, и вид рогов отовсюду равный. Какой смысл этого? – Тот, что во всяком месте познается Христос, и притом распятый: и это есть светлая похвала для верующих в Него. Так и божественный Павел говорит: «я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира (Гал.6, 14). Присоединяется же к художественному произведению относящееся до украшения, витой венец: ибо и Еммануил есть истинно «прекраснее сынов человеческих» (Пс.44, 3). Прибавлено же и служащее на пользу ему: носила и остальное: ибо надлежало Божественному алтарю быть прилично носимым во времена отправления в путь. Делали же это и Божественные ученики, благообразно и по чину обнося Христа чрез проповедь, как «служителей Христовых и домостроителей таин Божиих» (1Кор. 4, 1). «И поставь его», – сказано, – пред завесою, которая

пред ковчегом откровения, против крышки, которая на *ковчеге* откровения, где Я буду открываться тебе» (Исх. 30, 6).

П. Но что за необходимость была, думаю я, в том, что и самое место его было определено?

К. Как глубок и весьма неясен смысл этого! Однако же я скажу, насколько возможно, надеясь на Бога, умудряющего даже и слепых. Кивот был сделан, сказано, из деревьев негниющих и чистого золота (Исх. 25, 10–11), и в нем был закон, то есть Божественное слово, или "свидения" (Исх. 25, 16): ибо это было образом от Бога родившегося Слова, вселившегося в нас и бывшего «в подобии плоти», по Писаниям (Ин. 1, 14 и Рим. 8, 3). Затем Он повелел завесить кивот некоторою завесой, распростертою на четырех столбах (Исх. 26, 31–34). Имя же завесе очистилище. И это означает Христа: «ибо Он есть умилоствление за грехи наши» (1Ин. 2, 2) и «очищение верою»: так назвал его Павел (Рим. 3, 25). Изображены же были и как бы вокруг очистилища Херувимы, и близостью, и служебным предстоянием весьма хорошо означая рабское подчинение высочайших сил Богу «и Слово было Бог» – (Ин. 1, 1). Затем Бог сказал Моисею: «там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения» (Исх. 25, 22). Кивот же был, как я сказал, Христос, как бы в нетленном теле Бог Слово; но только кивот поставлен был на землю: был же Единородный в смирении и унижении подобно нам, ибо принял на Себя раболепный образ и истощил Себя (Флп. 2, 7). Он же опять есть и очистилище, на высоте лежащее и копьеносимое (охраняемое) вышними силами: ибо не из одних только видов истощания известен нам Сын, но и из того, что есть Бог и Господь всяческих: потому что, хотя Он и «смирил Себя» чрез человеческое, смотрительно снисшедши до нашего состояния, однако же «Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени» (Флп. 2, 8–9). И этого образом было поставление очистилища на верху с изображенными направо и налево Херувимами: ибо где является приличествующее единому Богу служение, там, конечно, присутствует и слава Божества и превосходство превышающих слово достоинств. "С верху же

Херувимов познан буду тебе», – говорит Владыка всех (Исх. 25, 22), повелевая искать неизреченное естество не там, где тварь, но гораздо выше того, что призвано к бытию: ибо наиприличнейшее естеству Бога отношение и место – быть далее и выше всего произведенного. Итак, место превыше Херувимов в святой скинии едва не показывает нам и чувственно естество Божественное. Поэтому-то и золотой алтарь, бывший образом Христа, повелел поставить против Того, Который превыше Херувимов давал откровение и мыслился, указывая этим наше приведение во Христе к лицезрению Бога и очам Отца: ибо бывшего в отдалении (отвращении) и оскорбившего Бога чрез преступление и многие грехи человека Христос в Себе Самом и первом опять поставил пред лицом Отца: потому что Он «куда предтечу за нас вошел... в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие», как пишет нам мудрый Павел (Евр.6:20, 9:24); ибо, пребывая всегда со Своим Отцом, "ныне", сказано, является, как бы в Себе Самом и первом поставляя пред очами Отца человеческое и устраняя древнее оное отвращение: «Ибо Он есть мир наш», по Писаниям (Еф.2, 14).

П. Итак, утверждено, что и золотой алтарь есть образ Христа.

К. Сверх того по справедливости Он же разумеется и под «фимиамом сложенным и благовонным» (Исх. 30, 7): ибо Сам Он есть Архиерей; потому что сказано: «да кадит над ним Аарон фимиамом сложенным благовонным» (там же). И фимиам «сложенный»: ибо Слово, будучи Богом, соделалось плотию, и Еммануил у нас как бы слагается из Божественного естества и человечества в превышающее ум единство, неизреченно составяемое. «Благовонный» же, потому что не имеет грубости служения по закону, ибо сказано: «Жертвы и приношения Ты не восхотел; Ты открыл мне уши; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал. Тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне: я желаю исполнить волю Твою» (Пс.39, 7–9; сн. Евр. 10, 5–7). А какая это воля Отца, касательно этого Сам Он тайноводствовал нас в Евангелиях, говоря: «ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю

пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день» (Ин. 6, 38–39): ибо Он принес Самого Себя за нас «в благоухание приятное» (Еф. 5, 2) и за это провозглашен был Архиереем. Итак, Сам Он Архиерей, Сам и фимиам «сложеный и благовонный»; это засвидетельствует и Павел, говоря: «Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2Кор. 2, 14–16). Взывает же и к нам: «Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное» (Еф. 5, 1–2). Устанавливает ясно и время курения, законополагая, чтобы все было совершаемо в порядке и благоукрашении и так, чтобы поддерживалась у нас сила внутреннего созерцания, ибо говорит: "рано и с вечера", когда зажигаются и приготавливаются лампы (Исх. 30, 7–8), так как слова "с вечера и рано" указывают на непрерывность и постоянство, курение же при возжжении лампад, может быть, весьма хорошо означает то, что только осияваемые светом Божественным мы обильно наполняемся благоуханием Христовым и таким образом приступаем к восприятию (ощущению) благ скинии внутренней или разделения Божественных дарований, которое подает достойным Христос, так что, если кто еще не во свете чрез веру, тот, конечно, и непричастен и мысленного благоухания, еще не уведавши таинства Христова: «Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены», сказано (Ис. 7, 9): потому что вера есть как бы вход, ведущий к разумению и открывающий ум к восприятию света Божественного. Всегдашним же называет фимиам потому, что нет времени, в которое не благоухает Христос в святой скинии, то есть в Церкви. Запрещает же совершенно делать на нем, то есть на алтаре Христовом, возлияние и приносить приношение (Исх. 30, 9), ибо во Христе упразднилось то, что было в законе, и тени приходят к концу: это, я думаю, есть

возлияние и приношение. И пророк свидетельствует, говоря: «Прекратилось хлебное приношение и возлияние в доме Господнем» (Иоил.1, 9): ибо когда объявлено уже поклонение и служение в духе и истине, тогда некоторым образом излишни тени, тщетны и совершенно бесполезны образы: потому что «во Христе нова тварь» (2Кор. 5, 17; см. Гал. 6, 15); и после явления истины оправдываемые в законе отпали от благодати. «Не приносите, – говорит, – на алтарь иного курения» (Исх. 30, 9): ибо совершенно никого иного мы не примем во Христе (как Христа) и никому другому не скажем: «учитель! ... один у вас Учитель-Христос» наш (Мф.23, 7–8, 10), и Ему одному мы будем привержены, говоря: «От благовония мастей твоих имя твое – как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя. Влеки меня, мы побежим за тобою» (Песн.1, 2–3). Или не это значит изречение: «Не приносите ... иного курения»? – ибо одного лишь Христа благовоние достаточно в Церкви для истинно разумных, иной вони не ищущих, как несчастные иудеи, которые, в безумии своем, надругались над «фимиамом сложенным и благовонным», то есть Христом, и пребыли непричастны сего священного и истинно Божественного благоухания; иного же вместо Него примут, сына беззакония, «противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2Сол. 2, 4), который и Божественную скинию оскверняет, будучи дымом чуждым и, так сказать, диавольским зловонием: ибо «которого пришествие, – сказано, – по действию сатаны» (2Сол.2, 9).

П. Понимаю, что говоришь; ибо речь твоя ясна.

К. Совершать очищение над алтарем кадилым Бог повелевает Аарону однажды в год, с тем чтобы он помазывал кровию очищения грехов края рогов; ибо «святое святых есть», говорит Он (Исх. 30, 10). И это ясным представляет тебе божественный Павел, говоря: «Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть не такового устройства, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление» (Евр.9, 11–12): ибо, как он же опять говорит, умерши однажды, «Христос воскреснув

из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога» (Рим. 6, 9–10). Итак, божественный Аарон входил во святая святых однажды в год чрез кровь очищения грехов. И в этом опять усматривай Христа Своею Кровию как бы окропляющего Свой крест ради жизни и спасения всех: ибо образом креста служат рога, наподобие рук простирающиеся прямо с обеих сторон. Итак, разумей Христа, единожды умершего, но святого святых по естеству, как Бога; ибо истинен Иоанн, говорящий, что «И от полноты Его все мы приняли» (Ин. 1, 16): потому что Христу причастна вся видимая и невидимая тварь – Ангелы и Архангелы и еще высшие сих существа, сами Херувимы, не иначе святые, как только чрез одного Христа, в Святом Духе. Так, подлинно Он есть алтарь, Он же фимиам и Архиерей; равным образом Он же есть и кровь очищения грехов.

П. Да, ты говоришь правильно. Только что такое кровь очищения грехов, я не могу ясно понять.

К. Прообразуя очищение кровию и священную жертву, разумею Христа, чрез Которого мы и спасены, избегая приразившегося к нам вследствие греха осквернения, закон так говорит в книге Левит: «Если же все, – говорит, – общество Израилево согрешит по ошибке и скрыто будет дело от глаз собрания, и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и будет виновно, то, когда узнан будет грех, которым они согрешили, пусть от всего общества представят они из крупного скота тельца в жертву за грех и приведут его пред скинию собрания; и возложат старейшины общества руки свои на голову тельца пред Господом и заколют тельца пред Господом. И внесет священник помазанный крови тельца в скинию собрания, и омочит священник перст свой в кровь... и покропит семь раз пред Господом пред завесою [святилища]; и возложит крови на роги жертвенника..., который пред лицом Господним в скинии собрания, а остальную кровь выльет к подножию жертвенника всесожжений, который у входа скинии собрания» (Лев. 4, 13–18). Обширнее об этом сказано будет нами по времени. Созерцай же как бы в тельце опять

Еммануила, закалаемого за нас, избавляющего нас от греха, изъемлющего от суда и отворяющего от наказания, входящего «большею и совершеннейшею скиниею, не с помощью тельцов и козлов, но Своею Кровию» (Евр. 9, 11–12) и единожды вкусившего смерть: ибо, высоко на древе прободенный копием в ребра, Он источил кровь и воду. Образом же креста могут служить, как мы и выше говорили, конечности рогов.

П. Ты хорошо сказал.

К. Но не кровию одною гадательно установил закон очищаться, а и святою водою; ибо это есть совершеннейший путь к очищению, в рассуждении таинства во Христе.

П. Как же и это показал он, или каким образом?

К. Написано: «И сказал Господь Моисею, говоря: сделай умывальник медный для омовения и подножие его медное, и поставь его между скиниею собрания и между жертвенником, и налей в него воды; и пусть Аарон и сыны его омывают из него руки свои и ноги свои; когда они должны входить в скинию собрания, пусть они омываются водою, чтобы им не умереть; или когда должны приступать к жертвеннику для служения, для жертвоприношения Господу, пусть они омывают руки свои и ноги свои водою, чтобы им не умереть; и будет им это уставом вечным, ему и потомкам его в роды их» (Исх. 30, 17–21). Что в этом как бы преднаписуема была благодать святого крещения, это ясно: ибо мы, крещаясь, не приобретаем отложение нечистоты плоти, но избавляемся от мерзостей ума и сердца и омываемся от скверн греховных благодатью и человеколюбием Зовущего ко спасению: потому что мы оправданы «не от дел закона, по Писаниям, но от веры Иисус Христовы» (Гал. 2, 16). Смотри же, как Аарон, хотя и святой по закону, также и поставленные с ним на служение умывают руки и ноги водою и тогда уже принимаются за священные труды, а также и в святое святых входят свободные от страха, чем закон ясно и очевидно, думаю я, показывает, да и само дело едва не вопиет, что нечист у Бога и кажущийся священным по закону, если он не омылся водою, и что сила служения законного недостаточна к очищению. Итак, даже освященные по закону наперед умывались, очищается же, конечно, не чистое, но оскверненное

и нечистое. Таковое же нечто сказал и Сам Христос: «омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь» (Ин. 13, 10). Пишет же и премудрый Павел, что «ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр. 10, 4). Итак, закон не совершен для освящения, если бы к возжаждавшим сродства с Богом не пришло на помощь спасительное крещение. Поэтому и божественный Иоанн, хотя был увенчан высшими похвалами и достиг высочайшей степени добродетели, однако же просил от Спасителя крещения, говоря: «мне надобно креститься от Тебя» (Мф. 3, 14).

П. Правда.

К. Умываемые же руки и ноги означают чистоту и искренность дела и как бы приступа к каждому из действий. Когда мы достигнем совершенства в этом чрез упражнение, нам дозволяется взойти во внутреннейшую скинию, приносить Богу жертвы духовные и в виде фимиама посвящать Ему как благовоние евангельской жизни. С пользою же заповедует хотящим входить во святая святых и имеющим попечение о священных делах умываться, «да не умрут»: ибо поистине опасное и подлежащее наказанию дело – приближаться к Богу неочищенным. Поэтому и мудрый Павел настоятельно требует от нас испытывать самих себя, если бы мы захотели причаститься таинственного благословения, и тогда уже приступать к нему (1Кор. 11, 28). А что небрежение в этом полно и опасности, это открывает он, говоря: «Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1Кор. 11, 30–32).

П. Итак, удостоверено, что священная умывальница предуказывала нам благодать святого крещения.

К. Так точно: ты совсем не должен сомневаться. И обративши внимание на способ устройства умывальницы, ты будешь, думаю я, еще более изумлен: ибо так написано о Веселеиле, искусно устроившем то, что было в скинии: «И поставил умывальник между скиниею собрания и жертвенником и налил в него воды для омовения, и омывали из него Моисей и

Аарон и сыны его руки свои и ноги свои: когда они входили в скинию собрания и подходили к жертвеннику..., тогда омывались..., как повелел Господь Моисею» (Исх. 40, 30–32).

П. Но какая нужда была в зеркалах? И кто такие были постницы?

К. Многие из бывшего не имеет в Божественном Писании ясного толкования, указывается же как бы мимоходом, как, несомненно, и в настоящем случае: где или кто постился в то время, когда воздвигалась скиния, Моисей не высказал; но что это было, в том никто не может сомневаться, ибо сказано, хотя и не ясно. Но, опустивши это, приступим к оному, если угодно.

П. К чему это?

К. Чего были образом постившиеся жены? И что значит, что медная умывальница сделана была из зеркал?

П. Конечно, твое уже дело сказать и об этом.

К. Слушай же. Израильяне, претерпевая иго рабства египтянам и долгое время проводя жизнь по их законам, служили идолам. Между тем в особенности у египетских жен был обычай входить в храмы одетыми в льняную одежду и священнолепно украшенными зеркалом в левой и трещеткой в правой руке. И таковой чести, а лучше сказать правду – бесчестия едва удостоивались наиболее избранные из других и священнотаиницы. Итак, жены из племени Израильского, нашедши в своей домашней утвари остатки служения египетского, именно зеркала, принесли их в приношение, каковые зеркала и переделаны были на умывальницу. Когда же воздвигалась святая скиния, они постились, приседая дверям ее и во всем чисто проводя жизнь, каковое обстоятельство означало, я думаю, то, что, когда явилась скиния истиннейшая, то есть Церковь, «которую воздвиг Господь, а не человек», как пишет божественный Павел (Евр.8, 2), то пришло уже время посвященные некогда во славу скопища демонов сосуды переделать на священные и удобные к принятию святого крещения, чтобы они могли отличаться и славою, высшею закона: ибо это, я думаю, значит из зеркал эллинских или сокровищ диавольских делать медную

умывальницу, в которой была и вода, очищающая и самого Моисея и полезная к омовению, очевидно мысленному, законного священства: потому что разве и сам ты, Палладий, не считаешь сосудами диавольскими введенных в заблуждение и служивших демонам?

П. Как же не считать?

К. Постились же жены при дверях святой скинии. И это было прекрасным и мудрым указанием на то, что оправданные во Христе не чрез кровь входят в Церковь, но, напротив, отличаясь духовными жертвами и, как бы некоторое копьеношение, принося Богу воздержание, как бы умерщвление плоти: ибо «представьте, – сказано, – тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим 12, 1). И еще: «прославляйте Бога и в телах ваших» (1Кор 6, 20). Итак, постившиеся при воздвижении святой скинии служат образом душ, не Моисеевыми уже заповедями детоводимых, а, напротив, явивших житие духовное и евангельское и не без подвига попирающих земные удовольствия и дабы не потерпеть обдержания от гнусных и нечистых прегрешений плотолюбия, весьма хорошо преобразующихся к красоте нетленной. Или не таков образ жизни у нас, званных во Христе к освящению и художавости духовной?

П. Совершенно таков.

К. Но на настоящий раз этого достаточно сказать о священных сосудах. Теперь же, если угодно, рассмотрим самую скинию, как она поставлена и устроена. И хотя предмет сей глубок и выше меры нашего разумения, однако же никакого, я думаю, вреда не будет вовсе, если мы будем отовсюду собирать служащее на пользу, приступая, насколько возможно, и к очень возвышенному.

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, если кто решился бы говорить тонко, то речь о каждом предмете была бы продолжительна и очень подробна. Но должно знать, что одни из сосудов заслуживают умосозерцания и слов таинственных, другие же устроены для украшения и пользы скинии. Обрезая же, сколько возможно,

долготу слова, я скажу вкратце и сокращу повествование. Итак, Он сказал: «Скинию же сделай из десяти покрывал крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленой *шерсти*, и херувимов сделай на них искусною работою; длина каждого покрывала двадцать восемь локтей, а ширина каждого покрывала четыре локтя: мера одна всем покрывалам. Пять покрывал пусть будут соединены одно с другим, и *другие* пять покрывал соединены одно с другим» (Исх. 26, 1–3). Итак, десять покрывал и притом крепко сплоченных между собою: ибо много обителей у Отца (Ин. 14, 2) и у всех живущих в них одна и святая цель, одно же и знание о Боге: «к миру призвал нас Господь», по написанному» (1Кор. 7, 15). Можешь же, если угодно, десять покрывал принимать и считать за полноту находящихся в мире церквей, не рассеянных разномыслием или несогласием во мнении, но соединенных в духе и как бы сплоченных воедино по единству во, Христе чрез веру: ибо везде и во всех их «един Господь, едина вера, едино крещение» (Еф. 4, 5). Ширина же каждого из покрывал четыре локтя, и двадцать восемь локтей длина. Намек искусно составленный и тонкий; впрочем, я думаю, он прикровенно и неявно указывает на то, что и наставление чрез закон принимается некоторым образом в церквах, будучи весьма тесно по причине неясности буквы; но по мере движения времени вперед в долготу, оно будет иметь концом таинство о Христе, то есть восьмой день или бывшее в восьмой день воскресение: «конец закона и пророков Христос» (Рим. 10, 4; ср. Мф. 5, 17), к которому и божественный Давид воззвал: «Твоя заповедь безмерно обширна» (Пс. 118, 96). Пишет же и божественный Павел к предпочетшим служение в законе вере во Христа: «Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно. В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы. Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием?» (2Кор. 6, 11–14). Видишь ли, что желание быть приверженным по уверовании к непокорным и еще говорящим то, что в законе, иудеям производит утеснение?

П. Понимаю.

К. Полотно же покрывал было из виссона крученого (сканого) и из голубой, пурпуровой и червленой шерсти: ибо преиспещренно украшение Церкви. Это и божественный Давид поет, так говоря негде о ней: «Дочери царей между почетными у Тебя; стала царица одесную Тебя в Офирском золоте» (Пс.44, 10). Украшение же и многообразная красота в ней есть Христос, единый по естеству, но во многих и различных образах мыслимый, как, например, чтобы не ходить далеко, в крученном виссоне: ибо, будучи тонким и бестелесным по естеству, рожденное от Бога Отца Слово некоторым образом скручено чрез сплетение как бы с плотью. Итак, Он есть и крученный виссон; но также есть как бы и «синеша» (гиацинтовый, голубой цвет), потому что не от земли, а свыше и с неба: ибо гиацинту уподобляется на высоте и вверху находящееся эфирное тело, достигающее и до самой тверди. Итак, Он есть как бы гиацинт по причине того, что с неба, – пурпур же, поскольку не есть раб, как будто сотворенный, но от Бога Царь и Господь всяческих. Червленица же крученая потому, что умопредставляемый в сплетении, как я сказал, с плотию и пребывая истинно Словом Божиим, Он дал Кровь Свою за нас, так как червленица есть знамение крови. А что на кожах было изображение Херувимов, то это обстоятельство очень хорошо указывает, быть может, на союз нижних с вышними и на единение Церкви земной с силами небесными. Должно же знать, что и мудрейший Соломон вырезал на стенах храма Херувимов. Таким же точно образом сделано было и изображение храма, указываемого словами Иезекииля (Иез. 40, 47). Покровами для (полотняных) покрывал служат кожи, стянутые петлями и крючками (Исх. 26, 7 и далее; сн. Исх.36, 14 и далее); и кроме того покрывки из кож синих (гиацинтовых) и бараньих кож красных, указывающих на Покровителя Церкви Христа, чрез гиацинт опять потому, что Он с неба и свыше, через красный же цвет, поскольку Он явился во плоти: ибо таков некоторым образом цвет плоти.

П. Думаю, что это рассмотрено не безосновательно.

К. Столпы для покрывал были шириною в полтора локтя, а длиною в десять, обложенные по верхушкам и корпусу золотом

и утвержденные на двойных серебряных подножиях (Исх. 26, 15 и далее; см. Исх. 36, 20 и далее). Опять в каждом столпе разумеется Христос, опора Церкви, «утверждение истины», по слову Павла (1Тим. 3, 15). Он же все поставляет и содержит. Чрез полтора локтя Он косвенно обозначается как совершенный по естеству Божества и затем как умаленный мерою человечества. Не безрассудно было бы сказать, что Христос всесовершен как бы во всецелом локте, поскольку есть Бог по естеству, в половине же локтя как бы понижен вследствие человеческого естества: ибо ничто не совершенно в произведенном. «Будучи богат», в нас обнищал и Себя Самого низвел до истощания Единородный (2Кор. 8, 9; см. Флп. 2, 7).

П. Правда.

К. Итак, не может равняться с преимуществами Божества человеческое; и многого ему не достает для сего. Поэтому Он (Христос) и сказал, как соделавшийся и мысли-мый подобным нам: «Отец Мой более Меня» (Ин. 14, 28), хотя по естеству Божества и равномерный Ему и не низший превосходства Родителя. Длина столпа десять локтей: ибо всесовершен как бы по высоте Божества Христос; а доходящее до десяти число принимается в Божественном Писании как знамение совершенства. У столпа верхушка золотая, а также и корпус золотой: так и воспринятый от Девы храм избыточествует обитанием естества высочайшего; а золото есть символ Божества, имея преимущество во всем, по сравнению с веществами подобного рода. Подножие из серебра и двойное: так же и Христос светел и славен на земле, по написанному: «Бог Господь явился нам» (Пс. 117, 27), – и как бы двойного разума требует, ибо мыслится в Нем Бог и человек: потому что это, я думаю, значит двойное и серебряное подножие.

П. Ты уподобляешь правильно.

К. Но обрати внимание вот на что, друг мой.

П. Что такое?

К. Повелевши всю скинию обтянуть десятью покрывалами, прибавляет между прочим: «И сделай покрывала на козьей шерсти, чтобы покрывать скинию; одиннадцать покрывал сделай таких; длина одного покрывала тридцать локтей, а

ширина четыре локтя; это одно покрывало: одиннадцати покрывалам одна мера. И соедини пять покрывал особо и шесть покрывал особо; шестое покрывало сделай двойное с передней стороны скинии. Сделай пятьдесят петель на краю крайнего покрывала, для соединения его с другим, и пятьдесят петель... на краю другого покрывала, для соединения с ним» (Исх. 26, 7–10). Что это значит, Палладий? Если покрывал (полотняных) Он навешивает десять, то почему же не равночисленны им покровы власяные (кожаные), но один кладется лишний, то есть одиннадцатый? Ибо "соедини, – говорит, – пять покрывал особо и шесть покрывал особо» (Исх. 26, 9).

П. Не могу сказать.

К. Но самое положение их уяснит искомое.

П. Каким образом?

К. Он говорит, что следует быть пяти покрывалам, сплоченным взаимно, также и другим пяти такого же вида и одинаковым образом противопоставленным. Поэтому, между тем как они воздвигнуты с обеих сторон и одно против другого, как бы с севера и юга или с востока и запада, одиннадцатая какая-то сторона средняя оставалась уже в небрежении, разделяя собою на части те десять, рассеченные надвое, по каковой стороне и простерт был одиннадцатый кожаный покров, крючками и петлями сдерживающий обе стороны. По подобию же других были и столпы этой стороны, только меньшие числом: ибо десять покрывал, как я уже наперед сказал, в длину простирались на двадцать восемь локтей, одиннадцатый же и самый средний между другими покров, будучи шириною в пять локтей (а те покрывала имели по четыре локтя), длиною простирался только до двадцатилокотной меры. Посему и говорит: «шестое покрывало сделай двойное с передней стороны скинии», дабы, излишне простертое, не повредило красоте скинии. Итак, в этой-то расположенной между другими и как бы одиннадцатой стороне и поставлены были священные и Божественные сосуды, в себе самих различно прообразуя Еммануила. Но, может быть, число это означает и то, что в последние времена века и как бы в час едионадесятый явился Христос и содержащая в себе Христа скиния, то есть Церковь.

П. Нет ничего безрассудного, как кажется, и этот смысл считать удобоприменимым.

К. После же речи о скинии и образов ее говорит: «Сделай двор скинии: с полуденной стороны к югу завесы для двора должны быть из крученого виссона, длиною во сто локтей по одной стороне; столбов для них двадцать, и подножий для них двадцать медных; крючки у столбов и связи на них из серебра. Также и вдоль по северной стороне – завесы ста локтей длиною; столбов для них двадцать, и подножий для них двадцать медных; крючки у столбов и связи на них... из серебра. В ширину же двора с западной стороны – завесы пятидесяти локтей; столбов для них десять, и подножий к ним десять» (Исх. 27, 9–12). Итак, обрати внимание на то, что первые покрывала были узки и доходили (только) до третьего десятка локтей, ибо ширина их четыре, а длина двадцать восемь; следующие же за ними так широки и длинны: ибо имели сто на сто и пятьдесят на пятьдесят, простираясь на востоке и западе и юге.

П. Но за тем что же за смысл этой прикровенной речи?

К. Не это ли есть древле ясно обетованное устами Исайи явившейся в последние времена Церкви: «Распространи место шатра твоего, расширь покровы жилищ твоих; не стесняйся, пусти длиннее верви твои и утверди колья твои; ибо ты распространишься направо и налево» (Ис. 54, 2–3): ибо стесняемая вначале Церковь Христова затем уже расширяется к востоку и западу, северу и югу и доходит до всякого места.

П. Правда.

К. Заметь же то, что все другие столпы десяти покрывал и покрова среднего повелел покрыть золотом и утвердить на двойных, отделанных серебром подножиях. И какой смысл этого, о том сказано, как я думаю; столпы же длинных и широких покровов украшает иным способом. Их повелевает с головы до ног (с верхушки до подножий) как можно лучше украсить серебром, но утвердить на подножиях медных и посеребренных. И это есть образ Христа, ибо Он воссиял наподобие света, блистая лучами мысленными, как Бог, на что указывает серебро. А что светло и благозвучно на земле слово

Его, то есть проповедь евангельская, на это косвенно указывает нам посеребренная медь: ибо, тогда как медь благозвучна, вещество серебра очень светло и ясно, это же свойственно и евангельским проповедям, и всякий может видеть, что слово Спасителя имеет ясность и чистоту высшего благочестия и как бы оглашает всю вселенную. Если же кто захотел бы видеть как бы прообразованными в таковых столпах святых Апостолов и Евангелистов, тот будет рассуждать справедливо: ибо и они суть истинно как бы посеребрены, вследствие причастия Христу светящему. Посему сказано: «и будет светлость Господа Бога нашего на нас» (Пс.89, 17). Называются же они и «светом мира» (Мф.5, 14), как бы (светильники) водруженные в посеребренной меди: ибо утверждением для них служит то, что они пользуются словом светлым и благозвучнейшим, поскольку "Господь, – сказано, – даст глагол благовествующим силою мною» (Пс.67, 12). «Как прекрасны на горах ноги благовестника», – написано (Ис.52, 7).

П. Глубоко слово, но к истине близко.

К. Итак, с окончанием заповедей и о покрывалах, обращается к составу елея и мира, а равно и курений, так говоря: «И вели сынам Израилевым, чтобы они приносили тебе елей чистый, выбитый из маслин, для освещения, чтобы горел светильник во всякое время; в скинии собрания вне завесы, которая пред ковчегом откровения, будет зажигать его Аарон и сыновья его, от вечера до утра, пред лицом Господним. Это устав вечный для поколений их от сынов Израилевых» (Исх. 27, 20–21).

П. И что же это значит?

К. Я думаю, что эта прикровенная речь есть мудрая и имеет настоятельнейшую нужду в изъяснении: ибо семь лампад непрестанно горящих и светящих в святой скинии, весьма легко можно уподобить освещению Христову, имеющему достаточную силу к осиянию и возжжению и наполнению ума верующих: потому что число семь везде указывает на значение совершенства, как, например, в изречении: «бесплодная рождает семь раз» (1Цар. 2, 5), то есть весьма много и сколько нужно было к довольству. Возжигают же лампы Аарон и

остальные следовавшие за ним священники: ибо исходящее от Христа освещение как бы неугасимым сохраняется в церквах посредством честной жизни предназначенных к священству, которые правым тайноводством осиявают ум верующих: потому что это, я думаю, значит возжигание лампад от вечера до утра. Темнотою же я считаю исходящее от диавола заблуждение и, как бы какою мысленною ночью настигающею умы людей, – бессветные и неясные басни нечестивых еретиков. Итак, постоянно и непрестанно видим был бы свет Спасителя в церквах, если бы учителя их правильно истолковывали Божественные и евангельские проповеди. Елей же чистый: ибо от дрождей и всякой нечистоты совершенно свободно правое и истинное и не имеющее примеси дурного слово о Божественных догматах, которое всегда поддерживает освещение Спасителя, не само от себя прибавляя что-либо к светлости Христа (потому что вполне безумно было бы думать, что Он нуждается в человеке), но потому, что Христос, пребывая светом истинным и сиянием Отца (ср. Евр.1, 3), в правом учении учителей является умам верующих тем, что Он истинно есть.

П. Но почему говорит: «елей чистый, выбитый из маслин»? Вероятно, самая точность указания заключает в себе какое-либо из необходимых умосозерцаний.

К. Ты рассуждаешь превосходно, и я скажу тебе то, что мне пришло на ум. Не из одних маслин у нас, Палладий, есть обычай искусным в том людям добывать елей, но и из многих Других не подлинных и более грубых (землистых) семян. И подлинный, истинно из маслин добытый будет наилучшим (самым испытанным), поддельный же, как бы насилием и искусством добытый и как бы не истинный есть тот, говорю, который извлечен из более грубых семян. Итак, елей из маслин весьма легко можно уподобить слову чистому и истинному и вышней мудростью подаваемому достойным. Изобретенное же человеческими помышлениями и демонским наваждением подобно тому елею, который приобретается вследствие искусства некоторых и барышничества и имеет незаконное употребление. Бесполезно и отверженно таковое слово и вполне не совершенно к просвещению ведением о Христе.

Посему оно и не приемлется в церквах, не имея ни благоухания Святого Духа ибо никто не говорит Господь Иисус, «только Духом Святым», – (1Кор. 12, 3), ни подлинности и чистоты истины и пригодности к полезному употреблению. Замечай же, что закон сынам Израилевым повелевает приносить елей из маслин: ибо, как я сказал ранее, плодом от нас и дароприношением духовным Богу будет слово истинное, не допускающее просвещению от Христа немоществовать в тайноводствуемых. Вне завесы – и положение лампад и возжжение, ибо, пребывая по естеству светом, Христос не нуждается в свете, но нам, сущим вне Божества, как произведенным, посылает Свой свет. Внутри же, за завесою (Евр. 6, 19) был кивот, служивший предызображением и образом Христа.

П. Ты хорошо сказал.

К. Затем сказано: «И сказал Господь Моисею, говоря: возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны самоточной пятьсот [сиклей], корицы благовонной половину против того, двести пятьдесят, тростника благовонного двести пятьдесят, касии пятьсот *сиклей*, по сиклю священному, и масла оливкового гин; и сделай из сего миро для священного помазания, масть составную, искусством составляющего масти: это будет миро для священного помазания; и помажь им скинию собрания и ковчег... откровения, и стол и все принадлежности его, и светильник и все принадлежности его, и жертвенник курения, и жертвенник всесожжения и все принадлежности его, и умывальник и подножие его; и освяти их, и будет святыня великая: все, прикасающееся к ним, освятится; помажь и Аарона и сынов его и посвяти их, чтобы они были священниками Мне. А сынам Израилевым скажи: это будет у Меня миро священного помазания в роды ваши; тела прочих людей не должно помазывать им, и по составу его не делайте... подобного ему; оно – святыня: святынею должно быть для вас; кто составит подобное ему или кто помажет им постороннего, тот истребится из народа своего» (Исх. 30, 22–33). Итак, о качестве, а также и о составе и затем о неравенстве в весе названных видов ароматов я не имею ничего сказать: ибо

любезна истина привыкшим хорошо мыслить. Елей же, смешанный с ароматами, может означать, как я думаю, освящение во Христе чрез Святого Духа, подаваемое обретшим милость, по написанному: «умастил елеем голову мою» (Пс.22, 5). Помазуются же скиния и все, что в ней, ибо и место становится причастным освящению чрез обитающего в нем. Освящаются также и сосуды приличным для них способом, потому что они полезны для служения Богу; и «прикасаясь им освятится». Итак, неприкосновенно для нечистых святое и священное: ибо «Что общего у света с тьмою», по написанному (2Кор. 6, 14)? Запрещает же совершенно делать себе самим подобный состав елея: ибо одному только Богу свойственно освящать, и это дело надлежит Ему как истинно изрядное; естеству же произведенному и сотворенному как возможно когда-либо освящать других? Ибо оно едва приобретает освящение от принятия свыше. Прилично же было бы воззвать к нему голосом святых: «Что ты имеешь, чего бы не получил?» (1Кор. 4, 7) И Иоанн говорит о Единородном, что «И от полноты Его все мы приняли» (Ин. 1, 16) – и: «не мерою дает Бог Духа» (Ин.3, 34); но Сам, будучи источником освящения, Он сообщает Духа Достойным и освящает разумную тварь. «Плоть же человека, – говорит, – да не помажется им», хотя и заповедал помазывать им Аарона и сосвященнодействующих ему. Итак, род священный выше человеческого рода, как причастный Христу, Который выше твари. Посему-то, возводя нас к высшему естества достоинству и как бы отделяя от земного, Он присоединяет к вышним; ибо говорит: «и отцом себе не называйте никого на земле: ибо один у вас Учитель-Христос, все же вы-братья» (Мф.23, 9, 8). Наказываются потреблением дающие от него (елея) иноплеменнику, ибо сказано: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф.7, 6): потому что передавать беззаботно неверным еще сокровенное и приличествующее одним святым есть дело полное опасности, ибо не освящается еще не посвященное и чрезмерно недугующее нечистотою, но уже очищенное святым крещением.

П. Правда.

К. Таким же образом и на одинаковом основании повелел делать состав и фимиама, говоря: и ты «возьми себе благовонных веществ: стакти, ониха, халвана душистого и чистого ливана, всего половину, и сделай из них искусством составляющего масти курительный состав, стертый, чистый, святой, и истолки его мелко, и полагай его пред ковчегом откровения в скинии собрания, где Я буду открываться тебе: это будет святыня великая для вас; курения, сделанного по сему составу, не делайте себе: святыню да будет оно у тебя для Господа; кто сделает подобное, чтобы курить им,... истребится из народа своего» (Исх. 30, 34–38). И об этом речь опять показывает нам, что изрядное и свойственное высшему всех естеству не принадлежит существенно ничему из сотворенного и, что касается до достоинства и превосходства почестей, совершенно ничего нет общего у твари с Творцом и Владыкою. Вспомним же сказанное нами о том, что и золотой алтарь и самый «сложеный и благовонный» фимиам есть Христос и что тем и другим знаменуется для нас Сам Еммануил. Итак, относя фимиам (ибо он чрезвычайно благовонен) ко Христу, не будем делать себе фимиама подобного ему: другого, кроме Его, совершенно никого не примем, как несчастные иудеи – сыны беззакония: ибо они изобличены будут как составившие для себя фимиам наподобие того благовонного и истинно избранного фимиама, который от Бога и Отца, явившего нам волю разума Своего в Сыне, чрез Которого и мы благоухаем, не составивши сами себе фимиама благовонного, но будучи причастниками того фимиама, помазанные благодатью Духа и стараясь Стяжать себе славу жизнью во Христе.

П. Итак, во всем, как кажется, бывшем в святой скинии, предызображается для нас таинство Спасителя.

К. И кроме того ты еще более удивился бы, если б узнал, то и сами искусностроители святой скинии как бы в самих себе изображают Христа.

П. Каким образом, скажи: ибо я не могу понять.

К. Написано еще: «И сказал Господь Моисею, говоря: смотри, Я назначаю именно Веселеила, сына Уриева, сына Орова, из колена Иудина; и Я исполнил его Духом Божиим,

мудростью, разумением, ведением и всяким искусством, работать из золота, серебра и меди..., резать камни для вставляния и резать дерево для всякого дела; и вот, Я даю ему помощником Аголиава, сына Ахисамахова, из колена Данова, и в сердце всякого мудрого вложу мудрость, дабы они сделали всё, что Я повелел тебе» (Исх.31,1–6). Итак, заметь, что делами художественными руководствует Веселеил, Елиав же производит работы.

П. Что же это значит?

К. Так узнай: Иуда и Дан – оба от Иакова, но один от свободной Лии, другой же от служанки Вавы (См. Быт. 29:35, 30:5–6). Итак, Веселеил есть ясный образ явившегося нам от племени Иудина по плоти Христа и от естества истинно свободного, то есть Божественного и высочайшего. Но и Елиав весьма хорошо представляет собою происшедших как бы от рабыни – Иерусалима – соработников Христу Апостолов и Евангелистов: ибо они были соработниками Богу, как бы трудящемуся и прилагающему искусство в устройении церкви. Приносили же от своего усердия и благорасположения на дела скинии и все смысленные сердцем, служа образами имевших быть по времени учителей, которые имеют усердие и заботливость о том, чтобы делать дела Божий и все, что клонится к пользе Церкви Христовой.

Книга 10. Еще о том же и о бывшем во святой скинии

Ясно ли для тебя, Палладий, и достаточно ли полно слово, сказанное нами о святой скинии и о бывшем в ней?

Палладий. Ясно – весьма, но вовсе не полно.

Кирилл. Так не хочешь ли, мы весьма охотно снова перейдем к тому, что кажется недостаточным в рассуждениях о ней? Ибо ты, по всей вероятности, считаешь нужным, чтобы присоединено было слово, объясняющее то, каким образом она была воздвигнута, и когда, и как расположено было заключавшееся в ней, и что такое оправдания и законы, обновление и освящение и суды.

П. Да, скажи еще о каждом из этих предметов: ибо ты рассуждаешь правильно.

К. Итак, я буду говорить, ты же, в свою очередь, будь снисходителен, приняв во внимание полнейшую трудность подлежащего рассмотрению, и если, может быть, я что-либо скажу далекое от основательности и отступающее от надлежащего смысла, ты изменяй и поправляй: ибо я сделаю тебя сподвижником и помощником моей речи.

П. Приступай, с Божией помощью.

К. Итак, когда совершены были как следует дела святой скинии, а равно и каждая из принадлежностей ее мудро и искусно была сделана, по образцу красоты, показанному на горе, Господь сказал Моисею, говоря: «в первый месяц, в первый день месяца поставь скинию собрания» (Исх.40,2). И чрез несколько слов еще: «В первый месяц, – сказано, – второго года, в первый день месяца поставлена скиния. И поставил Моисей скинию, положил подножия ее, поставил брусья ее, положил шесты и поставил столбы ее» (Исх.40,17–18). И так воздвигнута была, по изволению Божию, древняя скиния, весьма хорошо предоткрывавшая в себе образы Церкви, мыслимой во Христе. Исследуем же, если угодно, причины того, почему она воздвигнута была именно Моисеем, а об Иисусе Навине на этот раз умалчивается, хотя он всегда предстоял всеизряднейшему Моисею, восходил с ним на гору Синай и по

гласу Моисея воевал и выводил полки в сражение с Амаликом: ибо некогда он (Моисей) сказал ему: «выбери нам мужей, и пойди, сразись с Амаликитянами; завтра» (Исх.17,9). И он ополчился и победил (Исх.40,10,13). Не достойно ли исследования то, какое основание этого?

П. Совершенно так.

К. Итак, если кто решится сколько возможно тщательно исследовать смысл таинства в каждом из сделанного, тот изумленный скажет: «о глубина богатства и премудрости и разума Божия» (Рим. 11, 33)! Ибо смотри, как и глубокий и необходим смысл в каждом: с восходящим на гору божественным Моисеем восходит вместе Иисус; ибо не иначе доступен Отец, как только через Сына. И истинно то, что говорит Он: «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). Посему и самим святым возможен доступ только во Христе, и не может кто бы то ни было воспрянуть, как бы на гору, к высокому некоему и превознесенному созерцанию, но даже, я думаю, и быть близ Бога, то есть по способу союза жития в Духе и освящении, если не будет с ним Еммануил, Который и недостижимое для человеков делает доступным и легко достигаемым. Об этом-то, я думаю, сказано устами Исайи: «всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими» (Ис.40, 4): ибо во Христе для нас и крутое делается ровным, и шероховатое – удобопроходным, и неудобопроходное – гладким и низменным; ибо, как еще говорит негде тот же пророк, «Путь праведника прям; Ты уравниваешь стезю праведника» (Ис.26, 7). Итак, необходимо совосходит Иисус с божественным Моисеем: ибо Отец доступен, как я сказал, чрез Сына, и Он есть Посредник, чрез Себя Самого соединяющий нас (с Отцом) и возводящий на преестественную высоту. Ополчился же (Иисус Навин) с избранными мужами и победил Амалика: ибо Христос, избравши святых, начатком которых были Божественные ученики, победил началовождя века сего. Но Моисей был повелевавшим: ибо под законом был Сын (ср.: Гал.4, 4), хотя и Законоположником пребывая как Бог. И время ополчения было не на тот самый день, в который было дано

повеление Моисея, но завтра, то есть перенесено было на другое время: ибо закон предвозвестил будущее и содержим ясное повествование о делах Спасителя, если разумеется духовно. По сей-то причине, как я думаю, и святую скинию воздвиг Моисей: ибо не бесполезно для устройства Церкви наставление чрез закон, потому что он детоводит ко Христу, который есть Глава Церкви и всякое устройство, «столп и утверждение истины», как написано (1Тим. 3, 15). Так и к иудеям возгласил Христос: «Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5, 46). Посему созидает и Моисей, то есть наставление чрез закон, Церковь Христову, предоткрывая как бы еще в тенях таинство ее. Лицо Моисея иногда представляет собою данный чрез него закон, как сказано правильно и в евангельских притчах: «у них есть Моисей и пророки» (Лк. 16, 29).

П. Ты сказал правильно.

К. Что же обозначается тем, что святую скинию надлежало водрузить в один день и притом в новомесячие первого месяца и во второй год (Исх. 40, 2, 17–18), об этом мы скажем теперь, исследуя истинное и кажущееся наилучшим для читателей: ибо день один указывает на то вождевленное для нас и спасительное время, в которое Единородный, соделавшись человеком, смертью Своей Плоти стяжал Богу и Отцу сущих на земле. Время же это было одно из всех: «умерший... умер однажды,... уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти», по Писаниям (Рим. 6, 7, 10, 9): ибо мы уже не будем ожидать, что Сын умрет за нас и за духов, которые в аде, и что будет второй «начаток умершим» (1Кор. 15, 20): потому что если не будет смерти, то как же будет и воскресение? Итак, можно, не говоря лжи, сказать, что время этого одно, как я сказал недавно, и день один, о котором и пророк упомянул, говоря как бы от лица Бога: «во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе» (Ис. 49, 8). Пишет же и божественный Павел: «теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» (2Кор. 6, 2), в который Христос воскрес из мертвых, разрушив страшную державу смерти, когда и святых Апостолов, как бы каких строителей и духовных художников Церкви из

язычников, поставил, говоря: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.28, 19–20): ибо разве ты не то считаешь устроением Церкви?

П. Что ты имеешь в виду?

К. Преданную святыми тайноводителями веру и проповеданное ими житие, разумею во Христе и единение с Богом, совершаемое чрез святое крещение и причастие Святого Духа; ибо так взывает к нам Павел, говоря: «краеугольным камнем, на котором ... возрастает в святой храм в Господе, ... в жилище Божие Духом» (Еф.2, 20–22; 1Пет. 2, 5), потому что древле Христос предызображаем был как бы в различных сосудах в святой скинии, как золотой кадильник, как кивот, как светильник, а равно и как трапеза и бывшее на ней. В настоящее же время, я думаю, каждый из уверовавших называется домом и храмом Божиим, имея обитающего в себе Христа: ибо Он «вселяется... верою в сердца» наши, как написано (Еф.3, 17), один и тот же пребывая по естеству, хотя и мыслится с плотию, ибо «один Бог Отец, из Которого все, ... один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1Кор. 8, 6), в различных же свойствах Божества имея в Себе как бы многообразие и различно мыслимый: потому что Он существует в нас как Слово Божие, и Премудрость, и Свет, и Жизнь, и Хлеб животный, и Сходящий с небеси

(Ин. 1, 14; 1Кор. 1, 24, 30; Ин. 8:12, 12:46, 14:6, 6:51).

П. Я понял, что ты говоришь.

К. Итак, время вочеловечения и вожделеннейший день воскресения из мертвых предызображен был для нас древле словами Бога: «первый месяц ... поставь скинию» (Исх. 40, 2). Слова же: «в первый день месяца» (там же) – можно рассматривать, Палладий, как с пользой и необходимостью присоединенные: ибо как начало месяца есть первый из дней в нем, то есть новомесячие, так и как бы некоторое начало нового века и наступление новости времен есть время пришествия; потому что «во Христе, *тот* новая тварь; древнее прошло» (2Кор. 5, 17; сн. Гал.6, 15). Воссиявает же как бы нам век после

настоящего будущий, ныне как бы еще в надежде видимый, тогда же и истинно имеющий наступить, когда Христос снова воссияет нам со святыми Ангелами во славе Отца, имея взять с Собою и ввести в давно ожидаемую славу и Царство решившихся ходить в новости жизни и в терпении обогатившихся отличнейшею красотой евангельского жития. А что «нова тварь» и как бы новое поколение времен и вещей во "Христе", это очень ясно указывает гадательное значение «месяца первого», в который на земле являются мягкие и свежие травы, совершается распускание растений и виднеется многообразная красота луговых цветов, при радостном весеннем благоухании; ибо как бы в таковое же время Христос воззвал Церковь из язычников, так говоря: «встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле;» (Песн.2, 10–12): ибо снова зацвело естество человека, как бы какое растение, быв иссушено смертью по причине преступления Адамова и владычествовавшего над всеми нами греха. Слышу же Христа, говорящего и чрез одного из святых пророков: «Я тот же, Который сказал: `вот Я!`», как весеннее время "на горах" (Ис.52, 6–7): ибо что производит весна в горах и лесах, увенчивая растения новою отраслью, то же и в нас совершило пришествие Спасителя нашего, бывшее по порядку времен как бы во второе лето, а не в первое время, в которое был закон и лик пророков и в которое властвовала смерть: «ибо царствовала смерть от Адама даже до Моисея» (Рим. 5, 14). Итак, как бы во второе лето, то есть как бы во время, следовавшее за первым, в которое был закон, воссияла Церковь из язычников, имея обитающим в себе Христа – кончину пророков и закона (ср. Рим. 10, 4 и Мф.5, 17). Не кажется ли тебе, что слово наше направляется к решению прямому и истинному?

П. Совершенно так.

К. Думаю же я, что истиннейшая скиния предвозвещена нам устами Исайи, говорящего как бы к каждому из званных в вере к праведности: «очи твои узрят Иерусалим, города богатые, кущи, которые не поколеблются, ниже подвигнутся колие храмины его,

и узя его не преторгнутся в вечное время» (Ис.33,20); ибо Церковь есть град Божий, о котором и божественный Давид воспомянул, говоря: «Славное возвещается о тебе, град Божий!» (Пс.86,3): она богато украшена вышними и небесными дарованиями и имеет непоколебимое в твердости стояние, водружение и пребывание, ибо «врата адова не одолеют ее», по слову Спасителя (Мф.16,18).

П. Ты рассуждаешь весьма правильно и правдоподобно.

К. А что, когда воздвигнута была скиния, надлежало быть расположенным в порядке тому, что было в ней, а не разбросанно и небрежно, этому научает всех Владыка Бог, говоря: «и поставь в ней ковчег откровения, и закрой ковчег завесою; и внеси стол и расставь на нем все вещи его, и внеси светильник и поставь на нем лампы его; и поставь золотой жертвенник для курения пред ковчегом откровения и повесь завесу у входа в скинию.... и поставь жертвенник всесожжения пред входом в скинию собрания; и поставь двор кругом и повесь завесу в воротах двора» (Исх.40,3–6,8). Но в этом можно видеть, что внесены в святую скинию священные сосуды; приличествующее же каждому и отдельное место еще нельзя ясно видеть. Так не желаешь ли, мы соберем тонкие и точные сведения о такого рода относящихся к скинии повелениях?

П. Весьма охотно.

К. Итак, Бог сказал священному Моисею: «И сделай завесу из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученого виссона; искусною работою должны быть сделаны на ней херувимы; и повесь ее на четырех столбах из ситтим, обложенных золотом, с золотыми крючками, на четырех подножиях серебряных; и повесь завесу на крючках и внеси туда за завесу ковчег откровения; и будет завеса отделять вам святилище от Святаго – Святых. И положи крышку на ковчег откровения во Святом – Святых. И поставь стол вне завесы и светильник против стола на стороне скинии к югу; стол же поставь на северной стороне.... И сделай завесу для входа в скинию из голубой и пурпуровой и червленой *шерсти* и из крученого виссона узорчатой работы; и сделай для завесы пять столбов из ситтим и обложи их золотом; крючки к ним золотые;

и вылей для них пять подножий медных» (Исх. 26, 31–37). Но об этом сказано сие; об умывальнице же следующим образом: «сделай умывальник медный для омовения и подножие его медное, и поставь его между скиниею собрания и между жертвенником» (Исх.30,18) Ясно ли для тебя сказанное о каждом предмете?

П. Не так ясно: я нахожусь в затруднении, уверяю тебя, и, что значит это, сказать не могу.

К. Итак, на каждое из предложенных предписаний, взявши полезное для их рассмотрения, я сделаю, как могу, ясное и удобопонятное толкование. Воздвигнута, Палладий, в пустыне святая скиния как бы в двояком положении и виде: одна часть ее была внутреннейшая, имя же ей – Святая Святых; преддверием же как бы некоторым к ней и первую около нее частью была та, которая называлась Святое. И во внутреннейшую скинию был поставлен кивот, имея на четырех золотых столпах завесу, искусно сделанную из голубой, пурпуровой и червленой ткани и крученого виссона. Но уже сказавши и, как я думаю, достаточно о виссоне, о пурпуровой, червленой и голубой шерсти, удалим тождество, а скажем на настоящий раз лишь следующее: завеса на четырех золотых столпах, основания (стояла) которых были серебряные, проявляла тогда таинство Христа: ибо разве не назвал для нас завесою Тело Христа и мудрый Павел, так говоря: "егоже" (то есть вход во святая) «имея дерзновение входить ... путем новым и живым, завесу,... то есть плоть Свою» (Евр.10, 20, 19.)

П. Ты сказал правильно.

К. Так усматривай же как бы в сени и гадании, что Слово, будучи Бог и от Бога Отца по естеству, было, как бы в золотом и негниющем кивоте, в воспринятом от Девы храме: ибо нетленно и честно Тело Христа; едва же и не таился Он как бы за завесою, принявши плоть. Говорим, что таится рожденное от Бога Слово не так, чтобы Оно ограничивалось малым телом: Сын существует везде и во всем, но таится смотрительно и выжидает времени явления. Время же явления всем есть воскресение из мертвых: ибо прежде честного креста Он заповедовал святым ученикам, «запретил им объявлять о Нем»,

так написано (Мф.12,16). После же того, как, претерпевши смерть, Он воскрес, говорит: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф.28,19). Итак, завеса повешена была на столпах, скрывая внутри кивот, и была образом Христа, подъемлемого на высоту проповеданиями святых Евангелистов и в славе Божества видимого для находящихся в святой скинии, то есть в Церкви. Столпов четыре, золотых и посеребренных: равночисленны им и Евангелисты, светлые и честные. Итак, положен был кивот, а сверху донизу доходившая завеса из виссона, пурпуровой и других шерстей девала его невидимым. Сверху же завесы и расположенных направо и налево Херувимов давал откровения Бог, показывает, что Он выше всей твари и что даже все высочайшие из разумных существ, то есть Серафимы, ниже Божественной и неизреченной славы и копьеносят даже Сыну, хотя Он и соделался плотию и был как бы в уменьшении равенства пред Отцом, так как стал человеком. Поэтому и сказал Сам: «Отец Мой более Меня» (Ин.14,28). Будучи же равен Родившему по естеству, говорит, что соделался меньшим Его только по человечеству. Посему и в святой скинии вокруг завесы Херувимы, и те копьеносят Сыну как Богу. Также над самую завесою, которая была образом Христа, мыслится Бог: ибо сказано: «и познан буду тебе оттуду, и возглаголю тебе» (Исх.25,22): потому что Отец выше всей твари и Самого Еммануила, не постольку, поскольку Он мыслится и есть Бог, – ибо Он по всему равен Богу, – но по отношению к образу раба и мере человечества.

П. Как тонко слово и глубоко.

К. Однако же не удаляется от цели.

П. Соглашаюсь.

К. По установлении же таковом кивота «и поставь золотой жертвенник, – говорит, – для курения пред ковчегом» (Исх.40,5). А что «золотой жертвенник» есть Христос, об этом, мне кажется, достаточно сказано нами. Полагается же он пред кивотом, над которым была завеса, а вокруг – Серафимы и выше всего – Бог, как бы принимающий несравненное благоухание Еммануила: ибо «не сделал греха, и не было лжи в

устах Его», как написано (Ис.53, 9); посему и Сам сказал: «Отец любит Сына» (Ин. 3, 35). Приятны же Богу и мы, благоухая миром Христовым, в чем уверит и Павел, пишущий: «Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу» (2Кор. 2, 14–15).

П. Ты сказал правильно.

К. Проникая взором в написанное, мы поймем точно, что кивот поставлен был на стороне святой скинии, которая к западу; пред ним же золотой алтарь в месте восточном: ибо восток и запад, север и юг исполнены Христа. Так и место для светильника – южная сторона скинии, для трапезы же – северная. И что обоими этими предметами означает Христос, мы уже прежде показали в длинной речи: ибо что Христос есть свет, на это указывает светильник; а что Он есть жизнь и хлеб животный, на то указывает трапеза и то, что было на ней. Только о том еще размысли и взирай вот на какое таинство: самая южная – страна иудеев, а самая северная – страна язычников. Итак, из положения обоих, то есть светильника и трапезы, желающие очень легко могут понять, что Христос воссиял как свет иудеям и у них проповедовал: "Я есть свет" (Ин. 8, 12): ибо Он «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф.15, 24). И их «обетования», по Писаниям (Рим. 9, 4). поскольку же они не приняли света истины, то Он соделался жизнью и хлебом с небеси для язычников. И язычники не без света: это ты можешь узнать из того, что свет светильника достигал и северных частей скинии. Так как святая скиния была тесна, то ничего нет безрассудного думать, что светильник едва не рядом поставлен был с трапезою, хотя и к югу имел место. Являет же нам и иначе сей образ, что, когда сияет свет Божественный, то достойным можно бывает причаститься Христа, как хлеба животного и истинного. Пишет также еще и божественный Павел, что язычники соделались «сотелесниками и сопричастниками» Христа (Еф. 3, 6). Сотелесниками же и сопричастниками язычники сделались исполняемые светом, то есть мысленным, когда «день озаряет и

денница возсиявает» в уме, как сказал некто из учеников Спасителя (2Пет. 1, 19). Когда так расположено и устроено было находившееся в Святом Святых, Он повелел сделать занавес или завесу из голубой, пурпуровой и червленой ткани и крученого виссона (Исх. 26, 36). И сказал, чтобы ее непременно простерли над входами в скинию, повесив ее на пяти позолоченных столпах, подножия которых медные. И простертое над дверями именует занавесом потому, думаю я, что он с помощью малых колец отдергивался, открывая вход; но, будучи потом задернут и простираясь во всю свою ширину над дверьми, скрывал Святое. Пять же столпов позолоченных и с медными подножиями предызображают явившихся как бы в пятое время, в которое было пришествие Христа, читателей и вождей церковных; которые, право уча слову истины, суть честны как золото и благозвучны как медь, потому что «По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их» (Пс.18,5; см. Рим. 10,18), и которые искусным и богодухновенным тайноводством открывают как бы вход желающим войти во Свята Святых. Итак, Свята Святых, то есть внутреннейшая скиния, закрыта была завесою. Прямо же ко второй прилежала и пристроена была первая скиния, имевшая алтарь для приношений, на котором совершались всякое кровавое приношение, хлебные приношения и ливан, и всякая жертва, и возлияние; и кроме алтаря еще медная умывальница. Место же алтарю было пред дверьми скинии, очевидно внешней, а умывальнице – по самой середине скинии.

П. Какой смысл имеет это новое твое замечание?

К. Все в Священном Писании, Палладий, точно, и совершенно ничего в нем нет напрасного: ибо смотри, как это загадочное предписание показывает нам, что закон детоводит ко Христу. Алтарь служения по закону ставится у самого входа в Свята Святых: ибо закон приводит нас только к началам таинств Христа и как бы к первым входам в точное познание Его, но никоим образом не вводит во Свята Святых, то есть во внутреннейшую скинию, в которой Христос существует многовидно – как Слово Божие, как свет, как хлеб животный, как воня благоухания Богу и Отцу. Не думаешь ли ты, что эти

предуготовительные действия служения по закону были стихиями и началами глаголов Божиих?

П. Правда.

К. А что «закон ничего не довел до совершенства, ... ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр.7:19, 10:4), это узнаешь ты тотчас и без большого труда, как только вдумаешься в употребление умывальницы. Поставлена была она в середине первой скинии светлая и со всех сторон видимая, служа к предварительному омовению водой ее входящих во Святаю Святых: ибо так положено было иереям законом о сем. Итак, Даже и кажущееся совершение в законе несовершенно, предуказывая собою очищение чрез святое крещение, которое измывает род священный, разумею оправданных в вере, которым и божественный ученик провозгласил, говоря: «вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1Пет.2,9). Должно знать также, что если над дверью внешней скинии распростерта была завеса, дабы не было обнажено и видимо для находящихся совне Святое, то есть первая скиния, в которой находился законный алтарь (кадильный), то образ сей, думаю я, опять означает то, что даже и сам закон не был ясен для читающих его: ибо буква закона имеет на себе покров и покрыта и облечена некоторою неясностью, как бы какой сенью.

П. Это так.

К. Итак, в первой скинии поставлена была умывальница и алтарь, во второй же и внутреннейшей – кивот и светильник, а также и золотая кадильница, на которой воскурялся тонкий фимиам, потом трапеза и хлебы. Упоминает же божественный Павел и о «золотом сосуде с манною» (Евр.9,4). Называет он нам также и жезл Ааронов, о котором говорит, что он положен был во Святом Святых, говорит, как сведущий в Священных Писаниях, и зная весьма хорошо изреченное Богом в известные времена и повеленное Им блаженному Моисею. Знал он и находившуюся в первой скинии трапезу и светильник. А пишет он таким образом о двух заветах: «Говоря `новый`, показал

ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению. И первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное: ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется Святое. За вторую же завесою была скиния, называемая Святое Святых, имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, а над ним херувимы славы, осеняющие очистилище; о чем не нужно теперь говорить подробно» (Евр. 8:13, 9:1–5).

П. Но если бы кто захотел полюбопытствовать и сказал бы, что должно высказать причины всего этого устройства, то какая об этом у нас была бы речь?

К. Речь та, Палладий, что одно повелено было Богом прежде устройства святой скинии, а другое после сего: ибо в книге Исход и еще прежде, нежели показаны были образы святой скинии и даны повеления касательно ее, Он, зная будущее, изрек слово о золотой стамне (Исх. 16, 33). После же водружения целой скинии в книге Чисел найдем жезл Ааронов внесенным во Свята Святых (Чис. 17, 10). А в книге Левит Бог присоединяет еще законоположение о светильнике, а также и о трапезе, находившейся в первой скинии (Лев. 24, 2 и далее). Будучи же сведущим в законе, премудрый Павел совершенно ничего не опускает из бывшего, но упоминает первое, среднее и последнее.

П. Ты сказал превосходно. Так растолкуй о каждом предмете в частности ясно и отдельно: потому что, конечно, сказанное об этом имеет глубокий смысл.

К. Да, ты говоришь правильно: ибо таково поистине дело. И я начну свое толкование со стамны. Наподобие дождя ниспосылал Бог сынам Израилевым манну в пустыне: она была для них пищей и хлебом свыше и с неба. Но не до чувственного лишь простиралось совершавшееся: ибо как бы посредством образа и сени оно возводило ум к мысли, что по времени придет к нам свыше и от Отца Слово, как бы хлеб с неба, как и божественный Давид показывает нам, говоря: «хлеб небесный

дал им. Хлеб ангельский ел человек» (Пс.77, 24–25). И не говорим того, что чувственная манна есть хлеб с неба и ангельский: ибо дух питается духовно, тело же – сообразно собственному естеству, то есть телесно. Пища же ангелов и хлеб, приличествующий небесам и вышним духам, есть рождаемое от Бога Отца Слово. Итак, манна означала Христа. Но никакой пользы не приносил бы образ, если бы в нем не показываемая была истина, то было сенью ее, не ради себя самого собственно бывши, но чтобы в нем живописуемо было нечто лучшее. Посему Христос мудрую делал укоризну народу Иудейскому за то, что он не Ему более удивлялся, как истине, но Моисею, служителю образов. Он так сказал: «истинно, истинно говорю вам не Моисей дал вам хлеб с неба... Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру.... Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6, 32–33, 35). Итак, поставивши манну образом сшедшего свыше и с неба Слова, Бог изрек и о стамне. Написано же так: «И сказал Моисей: вот что повелел Господь: наполните [манною] гомор для хранения в роды ваши, дабы видели хлеб, которым Я питал вас в пустыне, когда вывел вас из земли Египетской. И сказал Моисей Аарону: возьми один сосуд..., и положи в него полный гомор манны, и поставь его пред Господом, для хранения в роды ваши. И поставил его Аарон пред ковчегом свидетельства для хранения» (Исх. 16, 32–34). Как говорили мы, что кивот, заключавший в себе слово Божественное, означал Еммануила, ибо Слово Божие было, как бы в святом храме, в храме воспринятом от Девы: так точно и золотая стамна, заключавшая в себе чувственную манну, являет нам свыше сшедшее и животворящее Слово, то есть от Отца, как бы в священном и нескверном теле. Полна же была стамна манны, потому что «в Нем обитает вся полнота Божества телесно», по слову блаженного Павла (Кол. 2, 9). И «не в меру... дает Духа» (Ин. 3, 34): ибо Христос всесовершен. Положена же была стамна в соблюдение в роды сынов Израилевых: ибо Христос нетленен и всегда пребывает и весьма знаем всегда и во всякое время. И находится пред Господом, то есть пред очами Отца: ибо когда Единородный соделался подобным нам, тогда и «вниде во Святая» Святых, «большею и

совершеннейшею скиниею,... в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие», как написано (Евр.9, 11–12, 24). И не Себя Самого Он поставляет пред лицом Отца, но нас как бы в Себе Самом, хотя мы и удалены были от лица и как бы от очей Его по причине преступления в Адаме и господствовавшего над всеми греха. Посему во Христе мы возымели «приведение и дерзновение ко входу во Святаю», как сказал нам мудрый Павел (Еф.2, 18 и Евр.10, 19): ибо как совоптали мы и совоптали «на небесных во Христе» (Еф.2, 6), так опять в Нем и явились пред лицом Отца. О священной стамне сказано да будет сие; а теперь скажем, если угодно, о том, что и самый жезл Ааронов означает Христа.

П. И очень.

К. Итак, Корей, а также Авирон и к тому еще Дафан происходили от колена и крови Левия; и тогда как им поручена была установленная определением свыше "служба в святой скинии", как сказано (Чис.16, 9), они возжаждали славы Моисея и Аарона, сами себе восхищая честь, но не званые к тому от Бога (ср. Евр.5, 4); и надмеваемые неукротимую дерзостью, весьма гордясь, они делают неудобноносимый и даже совершенно несносный наговор против обоих; как оставляющие стадо волы, они удаляются и, оттрясая служение Богу, убеждают и других нечестивцев отступить вместе с ними. Но за свою дерзость они понесли наказание: ибо земля, разверзши уста свои, низвела в ад надменных людей вместе со сродниками, шатрами и имуществами их (Чис.16, 31–33). Желая же сделать для всех ясным, что определением свыше, а не по желаниям Моисея назначен был Аарону преобладающий в священстве чин, Законоположник сказал к превосходнейшему Моисею: «скажи сынам Израилевым и возьми у них по жезлу от колена, от всех начальников их по коленам, двенадцать жезлов, и каждого имя напиши на жезле его; имя Аарона напиши на жезле Левином, ибо один жезл от начальника колена их [должны они дать]; и положи их в скинии собрания, пред ковчегом откровения, где являюсь Я вам; и кого Я изберу, того жезл расцветет; и так Я успокою ропот сынов Израилевых, которым они ропщут на вас. И сказал Моисей сынам

Израилевым, и дали ему все начальники их, от каждого начальника по жезлу, по коленам их двенадцать жезлов, и жезл Ааронов был среди жезлов их. И положил Моисей жезлы пред лицом Господа в скинии откровения. На другой день вошел Моисей... в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали. И вынес Моисей все жезлы от лица Господня ко всем сынам Израилевым. И увидели они это и взяли каждый свой жезл. И сказал Господь Моисею: положи опять жезл Ааронов пред ковчегом откровения на сохранение, в знамение для непокорных, чтобы прекратился ропот их на Меня, и они не умирали» (Чис.17, 2–10). Итак, то, что жезл процвел, есть ясный признак того, что божественный Аарон светло и особенно избран был из рода Левиина на священнодействие. Но если перейти от этого жезла, как грубого еще образа, к духовному созерцанию, то снова воссияет таинство Христа.

П. Каким образом?

К. Еммануил избран от Бога и Отца Законоположителем и вместе Архиереем для нас, имея принести Себя Самого в жертву за нас (ср. Евр.4:14, 9и др.), ибо так и блаженный Павел сказал: «закон поставляет первосвященниками человек, имеющих немощи; а слово клятвенное, после закона, поставило Сына, на веки совершенного» (Евр.7, 28). Итак, сошло с неба Слово и соделалось подобным нам, став «священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек» (Евр.8, 2). Но не угодно было происходившим из рода Израилева мыслить правое: как бы выводя на битву с Ним собственное хотение, они многообразно метали в Него стрелы зависти, не щадя ни языка, ни дерзости, ни чрезвычайных усилий, себя самих погубляя, несчастные, и наконец распяли. Но процвел жезл из корня Иессеева, поднялся и ожил Христос, «расторгнув узы смерти», как написано (Деян.2, 24): ибо как возможно было "удержать" смертью (там же) и не более ли свойственно побороть тление Тому, Который, как Бог, по естеству есть жизнь? И как произрастание жезла и неожиданное прозябение бесцветного уже древа для древних служило достаточным знамением того,

что Аарон был избран в первосвященника определением свыше, так и поправление смерти и боголепное воскресение служит, по нашему мнению, светлым и ясным и весьма достаточным доказательством того, что Еммануил есть по естеству Бог. Так и Сам Христос, хотя без труда и легко мог совершить все, что бы ни было выше вероятности и разума, говорит, однако же, требовавшим от Него знамения: «род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ... ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Лк. 11, 29; Мф. 12, 40). Итак, поистине славным и для всех видным и для истинно благоразумных достаточным к вере знамением того, что Сын есть по естеству Бог и рожден от Бога Отца, служит упразднение смерти и тления и процветение к жизни, ибо «Он – начаток, первенец из мертвых и первенец из умерших» (Кол. 1, 18; 1Кор. 15, 20). И знамение сие дано сынам непослушных, дабы они знали, что определением Бога и Отца Христос стал для нас «Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес», как написано (Евр. 7, 26).

П. Но у нас не только расцвел жезл Ааронов (ибо это недавно показало нам священное слово), а и «израсти орехи». Что означает сие загадочное изречение, я не могу понять.

К. Прежде всего, Палладий, ничего невероятного нет в том предположении, что жезл был из орехового дерева. И у древних было в обычае употреблять таковые жезлы. Если же нам должно применить и приличествующий созерцаниям смысл, то я сказал бы опять то, что как бы уже разглашено и кажется для некоторых достойным вероятия, именно, что жезл из орехового дерева имеет не недостаточно силы производить бессонницу, если он положен в головах у кого-либо, производя то действие естественными силами по изволению Божию. Уверит же нас в этом и Сам Всезнающий и Зиждитель всяческих говоря Иеремии: «что видишь ты, Иеремия? Я сказал: вижу жезл миндального дерева. Господь сказал мне: ты верно видишь; ибо Я бодрствую над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось»

(Иер.1, 11–12). Итак, жезл ореховый по справедливости может быть признаваем за символ бодрствования. Воскресение же Христа из мертвых было как бы пробуждением от сна. Посему и чрез лиру Псалмопевца говорит: «Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня» (Пс.3, 6).

П. Истинно слово.

К. О светильнике же и трапезе, бывшей в первой скинии, написано еще так: «И сказал Господь Моисею, говоря: прикажи сынам Израилевым, чтоб они принесли тебе елея чистого, выбитого, для освещения, чтобы непрестанно горел светильник; вне завесы ковчега откровения в скинии собрания Аарон [и сыны его] должны ставить оный пред Господом от вечера до утра всегда: это вечное постановление в роды ваши; на подсвечнике чистом должны они ставить светильник пред Господом всегда. И возьми пшеничной муки и испеки из нее двенадцать хлебов; в каждом хлебе должны быть две десятых ефы; и положи их в два ряда, по шести в ряд, на чистом столе пред Господом; и положи на [каждый] ряд чистого ливана..., и будет это при хлебе, в память, в жертву Господу; в каждый день субботы постоянно должно полагать их пред Господом от сынов Израилевых: это завет вечный; они будут принадлежать Аарону и сынам его, которые будут есть их на святом месте, ибо это великая святыня для них из жертв Господних: это постановление вечное» (Лев. 24, 1–9). Итак, требуется елей чистый и притом масличный, то есть из маслин, а не из инородных и земляных семян, из которых выжимается масло как бы не настоящее и поддельное: ибо всегда чист и истинно неподделен в церквах свет, то есть через Христа даруемый Духом, хотя он преподается устами святых, которым сказал Христос: «Вы – свет мира» (Мф.5, 14). И ничего нет удивительного: ибо кого Он наименовал братьями и сделал причастниками Себя Самого, тем, естественно, уделяет и славу собственных достоинств. Итак, возжигается светильник, и притом в первой скинии, и это может иметь двоякий смысл. Во внутреннейшей скинии являются семь светильников, возжигаемых утром и испускающих обильный свет на входящих в нее. Светильник есть опять как бы в образе Христос,

осиявающий многим и обильным светом желающих входить во Свята Святых: ибо «приступите, – сказано, – к Нему и просветитесь» (Пс.33,6). Также и возжигание светильников утром может обозначать время вочеловечения: ибо тогда воссиял Он, как какой-либо день, и возоблистал свет мысленный, прогоняя тьму древнего неведения нашего и рассеивая облежавший, наподобие ночи, сердца всех мрак. Так называл нам и пророк время пришествия Спасителя, говоря: «рано услышь голос мой, – рано предстану пред Тобою, и буду ожидать» (Пс.5, 4): ибо когда стали приятны молитвы всех и мы, древле блуждавшие, как бы предстали Богу чрез сродство, очевидно, духовное, и чрез послушание веры, как не тогда, как воссиял нам свет с небеси, то есть Христос? Итак, во внутреннейшей скинии был обильный и чистый свет семи светильников, в первой же скинии был светильник светящий и показывающий, как я думаю, то, что и сами детоводимые в законе были не без света Божественного: ибо и данный чрез Моисея закон призывал от многобожия к познанию Того, Который естеством и истинно есть Бог, отвлекал древних от служения твари помимо Творца и убеждал поклоняться Зиждителю всяческих; а это совершалось в душах детоводимых не без света мысленного. Итак, скажу я опять, обильно и велико освещение, от Христа ниспосылаемое входящим во Свята Святых, находящимся же в законе меньше. И истинно слово: ибо никоим образом сень законная не может равняться в светлости духовной евангельским изречениям: потому что они осиявают всю вселенную, а та была известна одним лишь происшедшим от Израиля.

П. Ты сказал правильно.

К. Кажется же, Палладий, и другое нечто обозначает трапеза и светильник, находившийся в первой скинии.

П. Что это такое?

К. Светильник, может быть, предызображает нам божественного Иоанна Крестителя, двенадцать же хлебов – лик святых Апостолов.

П. Каким образом?

К. Или ты не знаешь, что божественный Креститель был бы некоторым светильником, предшествовавшим Христу находившихся в законе и живших в Иудее, и о Нем предвозвестил Бог и Отец: «поставлю светильник помазаннику Моему» (Пс.131,17). Засвидетельствовал же сие и Сам Спаситель, говоря о нем учителям иудеев: «Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его» (Ин. 5,35). Смотри, как сведущий в законе блаженный Павел едва не возводит к напоминанию о светильнике, находившемся в первой скинии: потому что Законоположник повелел соблюдать его неугасимым, так говоря: «чтобы непрестанно горел светильник; ...в скинии собрания Аарон [и сыны его] должны ставить оный пред Господом от вечера до утра всегда» (Лев. 24, 2–3). Но иудеи, на весьма короткое время возрадовавшись о нем, поскольку прибегали к крещению чрез него и много дивились о нем, предали его смерти, как бы загасивши всегда светящий светильник: ибо хотя дерзость эта приписывается Ироду, но он был тоже из рода Израилева. Посему Христос, обвиняя народ Иудейский в дерзости против всякого святого, говорит: «не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» (Лк. 13, 33).

П. Таким образом и божественный Креститель был для находившихся в законе и живших в Иудее светом и светильником по подобию и по причастию Христа.

К. Так говорю. Равным образом под хлебами, мы думаем, разумеются святые Апостолы: ибо хотя один есть естеством и истинно Хлеб с небеси и животворящий; но по подражанию и по причастию Того, Который есть Хлеб по естеству, и божественные тайноводцы суть хлебы, питающие в благочестие, вносящие в нас слова жизни и удаляющие из души верующих глад невежества. Равночисленны же ученикам хлебы: ибо их двенадцать и они возложены на два положения, шесть с одной стороны, как сказано, и шесть с другой, едва не кругом облегая трапезу и имея на среднем месте положенным один Хлеб и небесный, то есть Христа. И «двух десятин» каждый, то есть из двух мер совершенных: ибо с обеих сторон были совершенны Божественные ученики, ко всему что бы та ни было благому

имея совершенство и делом отличные и словом. Кроме того на хлебы посыпается ливан и соль, причем ливан указывает на благоухание в освящении и благовонии Христа, а соль – на благоразумие: ибо не неразумно или безумно слово святых, ново «благодати и солию растворено», как написано (Кол. 4, 6), и "благодать дающее слышащим" (Еф. 4, 29). Сказано же им и Христом: «вы – есть соль земли» (Мф. 5, 13). Предлагаются хлебы в день субботы: ибо день избрания святых Апостолов есть время мысленной субботы, то есть пришествие Христово, которого не poznали происшедшие от Израиля, почему и говорит о них Павел: «Посему для народа Божия еще остается субботство» (Евр. 4, 9): ибо они не вошли в покой Его, не принявши веры в Него. Итак, время пришествия Спасителя нашего есть мысленное и истинное субботство. Предложение хлебов было в очах Божиих, и в очах Израиля: ибо сказано, что будете предлагать «в каждый день субботы постоянно должно полагать их пред Господом от сынов Израилевых» (Лев. 24, 8), – в очах Божиих потому, что Бог созерцает и непрестанно удостаивает Своего взора святых; ибо сказано: «Очи Господни обращены на праведников» (Пс. 33, 16); в очах же Израиля потому, что он должен внимать оным и как бы вперять в них око разума, образом которого может служить (око) телесное. Но "они будут, – сказано, – принадлежать Аарону и сынам его, которые будут есть их» (Лев. 24, 9): ибо писания святых Апостолов предлагаются в пищу нам, оправданным в вере, святому и священному роду, людям обновления, избранным и помазанным благодатью Святого Духа (ср. 1Пет. 2, 9 и 1Ин. 2, 20, 27).

П. Ты хорошо сказал, и я соглашаюсь с тобой. Но почему не во Святом Святых, а в первой скинии поставляются образы святого Крестителя и святых Апостолов?

К. Прежде всего потому, что велико расстояние, так что, где находится Христос, там не может находиться относящееся до святых, но как бы вне и в низшем месте: ибо изъято и выше меры Божественное, и большая разность отделяет от него человеческое, делая несравнимым особенность естеств и различие славы. Затем потому, что они были из иудеев и от

служения по закону. Посему место как бы им приличествующее есть первая скиния, в которой стоял и прообразовательный алтарь приношений. Или не думаешь, что звание святых учеников было из рода Израиля и от скинии как бы первой?

П. И очень.

К. Итак, поскольку очень достаточно сказано нами о сем, то приведем, если угодно, слово божественного Павла, превосходно уясняющее свидетельство о первой и второй скинии. Пишет же так: «При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; а во вторую – однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа. *Сим Дух Святой* показывает, что еще не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния. Она есть образ настоящего времени, в которое приносятся дары и жертвы, не могущие сделать в совести совершенным приносящего, и которые с яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами, *относящимися* до плоти, установлены были только до времени исправления. Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть не такового устройства, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление» (Евр.9, 6–12). Итак, ты понимаешь, что в первой скинии службы совершали священники, не имея права входить во Свята Святых: ибо таково как бы служение по закону, пребывающее в тенях. Но тщетно сие к очищению и омытию греха: ибо ты слышал недавно Павла, вопиющего, что все это недостаточно имеет силы «в совести совершенным приносящего» (Евр.9, 9); соблюдалось же более «до времени исправления», то есть вочеловечения Единородного, когда неблаголепие образов перешло в истину. "Единою же в лето_) и един архиерей» входил во Свята Святых. И «не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа» (Евр.9, 7). И сие уяснит нам премудрый Павел, говоря о Христе: «Сказав прежде, что `ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни *жертвы* за грех, – которые приносятся по закону, -Ты не восхотел и не

благоизволил`, потом прибавил: `вот, иду исполнить волю Твою, Боже`. Отменяет первое, чтобы постановить второе. По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа. И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов. Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его. Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (Евр.10, 8–14): ибо умерши "однажды", Он «уже не умирает», как написано (Рим. 6, 9–10). «Принеся Себя в жертву» Он вошел во Свята Святых, «но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие» (Евр.9, 24).

П. Речь ясна, посему не трудись говорить о сем; а объясни мне, прошу тебя, какая это еще была кровь, которую было в обычае у вождя священников приносить за себя и за грехи неведения народа.

К. Павел, будучи сведущим в законе и весьма много прилежа к заповеди Моисеевой, говорит это Еврейскому народу, как мудрому в сем деле и читавшему закон о столь честных и неизреченных вещах, говорит не в широте повествования, а, напротив, мимоходом и напоминанием лишь уже известного им. Приведу же, если угодно, и закон о сем для захотевшего быть любознательным и весьма возжаждавшего точности и отделки в разъяснении созерцаемых предметов. Итак, в книге Левит написано: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если какая душа согрешит по ошибке против каких-либо заповедей Господних и сделает что-нибудь, чего не должно делать; если священник помазанный согрешит и сделает виновным народ, – то за грех свой, которым согрешил, пусть представит из крупного скота тельца, без порока, Господу в жертву о грехе, и приведет тельца к дверям скинии собрания пред Господа, и возложит руки свои на голову тельца, и заколет тельца пред Господом; и возьмет священник помазанный..., крови тельца и внесет ее в скинию собрания, и омочит священник перст свой в кровь и покропит кровью семь раз пред Господом пред завесою святилища; и возложит священник

крови [тельца] пред Господом на роги жертвенника благовонных курений, который в скинии собрания, а остальную кровь тельца выльет к подножию жертвенника всесожжений, который у входа скинии собрания; и вынет из тельца за грех весь тук его, тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник на печени; с почками отделит он это, как отделяется из тельца жертвы мирной; и сожжет их священник на жертвеннике всесожжения; а кожу тельца и все мясо его с головою и с ногами его, и внутренности его и нечистоту его, всего тельца пусть вынесет вне стана на чистое место, где высыпается пепел, и сожжет его огнем на дровах; где высыпается пепел, там пусть сожжен будет» (Лев. 4, 1–12). Этому быть повелел закон в том случае, если преимуществующий в священстве обвиняется в каком-либо из грехов неведения. Должна же, говорит он, и за грехи неведения народа быть совершаема жертва, причем приводим был телец и таким же образом закалаем был при дверях скинии свидения пред Господом, старейшины сонма возлагали на него руки, и кровь его вносилась во Святаю Святых, одним словом, над ним совершалось все по подобию жертвы за Аарона. Но что очищение и священников и народа есть Христос (ибо в Нем мы оправданы, очищаемые от скверны греха), это для всякого может быть ясно уже и из сего. Мы же скажем о каждой части написанного в отдельности: потому что таким образом слово наше раздельно будет подвигаться вперед, раскрывая, сколько возможно, сокровенное.

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, телец берется непорочный и не имеющий увечья во образ Христа истинно непорочного и не попустившего Себе потерпеть язву от греха: "ибо идет, – говорит Он, – князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин. 14, 30). Ибо Он «греха не сотворил», по Писаниям (1Пет. 2, 22). Приводится же к самым дверям святой скинии пред Господа, как бы не отказываясь пострадать за святую скинию, то есть за Церковь, и приносимый за нее в воню благоухания Богу и Отцу. Посему и сказал: «за них Я посвящаю Себя» (Ин. 17, 19), говоря «посвящаю» вместо:

«привожу и посвящаю себя в приношение непорочное Богу и Отцу»; ибо посвящаемое Богу называется освящаемым, как написано негде: «Сеть для человека – поспешно давать обет, и после обета обдумывать» (Притч. 20, 25). А что приношение приятно и благоугодно, на это указывают слова: «пред Господа», потому что мы разумеем написанное о двоице братьев, – говорю о Каине и Авеле: ибо "призрел, – сказано, – Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» (Быт. 4, 4–5). Что Он взирает на приятное Ему и с ненавистью отвращается от того, что не таково, это ясно. По возложении же на тельца рук согрешившего совершается заклание, и притом пред Господом: ибо «Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни» (Ис. 53, 4), закалаемый, так как рука служит образом дела и деяний. А пред Господом закалается потому, что Отец почти снисходит к тому, чтобы за нас умер Сын, ибо не отвращается, смотря на закалаемого, не похваляя, конечно, страдания, но не ведая, что страдание за нас Еммануила спасительна миру. Итак, Он Сам подымлет «наши немощи и понес наши болезни», претерпевая ради нас заклание на честном кресте. Потом "жрец", взяв перстом от крови, «покропит... седмижды» на святую завесу, которая была над кивотом. Имя же ей – омовище. Помазывает также и рога алтаря кадильного, ибо «очищением» для нас и омовищем соделался Христос (1Ин. 2, 2 и Рим. 3, 25). Затем в крови завета вечного Он нам дарует совершеннейшее очищение: ибо это, я думаю, значит седмижды кропить кровью омовище, так как число семь есть символ; совершенства. Даже и смерть Его благоухает спасением мира, жизнью и приведением в веру: «если один умер за всех, то все умерли.... чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего», по Писаниям (2Кор. 5, 14–15). Итак, помазание, кровью золотой кадильницы означает благоухание смерти (Христовой). – Изливается же и остальная кровь у подножия алтаря приношений в первой скинии; и кровь служит образом души. Положил же душу Свою Еммануил не за одну только церковь из язычников, но и за подзаконных, то есть Израиля; ибо мы искуплены Кровию Христа все совокупно, эллины и иудеи, и

засвидетельствует о сем Павел, говоря: «Неужели Бог *есть Бог* Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру» (Рим. 3, 29–30). По изъятии же самых внутренностей тельца и возношении их на алтарь остальное тело сожигается вне стана: ибо Сам Он (Христос) есть жертва священная, благоухающий добродетелями, образом которых могут служить внутренности, поскольку и добродетели как бы сокрыты в нас и заключены внутри души; Сам же Он есть и страждущий вне врат, и смертью Своей Плоти очищающий оскверненных: «ибо... пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело» (Евр.9, 13). Итак, пребывая одним и тем же, Еммануил и благоухает во святых скиниях, то есть в церквях, и пострадал "вне врат", куда и нам должно входить «поношение Его носящим», сказал божественный Павел (Евр.13, 12–13). Приводится же телец и за грехи неведения народа одинаково и без изменения, и способ жертвоприношения во всем был тот же самый: ибо равным образом и Еммануил принес Себя за малых и великих, а народ и священников. Или не истинно то, что я говорю?

П. Почему же нет?

К. Так не желаешь ли, чтобы мы, как бы поворотив слово назад, обратились к повествованиям о скинии?

П. И очень.

К. Итак, когда окончены были все дела и священные сосуды были очень хорошо расположены на приличнейшем каждому из них месте, тогда Бог повелел освятить их и скинию, так говоря божественному Моисею: «И возьми елея помазания, и помажь скинию и все, что в ней, и освяти ее и все принадлежности ее, и будет свята; помажь жертвенник всесожжения и все принадлежности его, и освяти жертвенник, и будет жертвенник святыня великая» (Исх. 40, 9–10). Итак, ты видишь помазуемыми святым елеем и кивот, и трапезу, и светильник при ней, и золотую кадильницу; и что всем этим прообразуется Еммануил, это уже разъяснило нам пространное слово.

П. Правда.

К. Итак, пойми воспеваемое как бы к Нему (Богу) голосом Давида: «Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих» (Пс.44,8); пишет же и Павел: «Ибо и освящающий и освящаемые, все – от Единого» (Евр.2,11). Но надлежит знать, что, по неукоризненному учению, Он Сам, будучи как Бог, вместе с Богом и Отцом, подателем и сораздателем освящения для всех других, однако же вместе с нами освящается по Своему человечеству. И это есть так называемое "уничижил" (Флп.2,7); ибо, будучи святым по естеству, как Бог, Он признается имеющим нужду в освящающем Боге. И это говорит блаженный Петр: «Иисуса, иже от Назарета, яко помаза Его Бог Духом Святым» (Деян.10,38). Итак, к человечеству относится помазание и освящение плоти, святой не по естеству, но как бы по причастию от Бога: ибо извне приходит освящение тварям и по усвоению от Бога изобилуют они благодатью. Помазывается же вместе с другими предметами и алтарь служения по закону: ибо свят и закон, призывающий к помазанию Того, Кто есть Бог по естеству, и влагающий в души слушателей ведение правды и приводящий детоводимых к начаткам благодати: "начало, – сказано, – пути блага, еже творити праведная» (Притч.16 6). Пишет также негде и божественный Павел: «темже... закон свят, и заповедь свята и праведна и блага» (Рим. 12). Закон же есть святой святых, не потому что он – се, но потому что, если обратиться к духовному созерцанию образы его возвещают нам Самого Христа, истинно Святого Святых, ибо как Бог Он освящает, помазуя Своим Духом соделавшихся причастными Ему чрез веру. После речи о воздвижении и помазании святым елеем святой скинии мы скажем, если угодно, и о следовавшем за тем.

П. Конечно так.

К. Написано таким образом: «И поставил двор вокруг скинии и жертвенника и повесил завесу в воротах двора. И так окончил Моисей дело. И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию; и не мог Моисей войти в скинию собрания, потому что осеняло ее облако, и слава Господня наполняла скинию. Когда поднималось облако от

скинии, тогда отправлялись в путь сыны Израилевы во все путешествие свое; если же не поднималось облако, то и они не отправлялись в путь, доколе оно не поднималось, ибо облако Господне стояло над скиниею днем, и огонь был ночью в ней пред глазами всего дома Израилева во все путешествие их» (Исх. 40, 33–38). Когда явилась в мире святая и истиннейшая скиния, то есть из язычников составившаяся Церковь, тогда воссиял свет Христов и как бы какое облако духовное, обильно напоющее нас росой свыше, наполняет Божественный храм. Однако "не мог, – сказано, – Моисей войти»: ибо не вошел Израиль, не в силах будучи снести лучей Божественного света, и не уразумел таинства Христова, не достиг также и просвещения духовного и не узрел очами разума славы Господа, вместе с Которым, подъемлющимся как бы в образе облака от мира и шествующим к высоте, и мы поднимаемся по следам владычним: потому что Он обновил путь новый и живой (Евр. 10, 19–20), разумею – на высоту и на небо; с Ним же как бы успокаивающимся и останавливающимся успокоимся и остановимся вместе и мы. С поднятием облака поднимался народ и с остановкою останавливался: ибо "облако, – сказано, – стояло над скиниею днем, и огонь был ночью»; потому что Христос напояет дарованиями духовными пребывающих как бы во дне и свете за то, что они приняли тонкое и тщательное познание о Нем и имеют просветленный ум; освещает же в неведении бывающих. И совершенно нет тьмы мирской лести в церквях, так как Христос окружает их блеском и все осиявает мысленным светом: ибо «все вы – сыны света и сыны дня: мы – не *сыны* ночи, ни тьмы», по написанному (1Сол. 5, 5).

П. Ты сказал правильно.

К. Приложивши же к сему, и не в протяженности слов, законы о скинии и дароприношениях народа, изъясним также и поднятия его с места и остановки: ибо так речь наша пойдет правильным путем.

П. Соглашаюсь.

К. Итак, Законодатель и Судия постановил, чтобы в одной только святой скинии совершали жертвы желавшие делать это, отвращая их, как думаю, от прежнего лжеучения, разумею

бывшего в Египте, где было великое посмешище идолов, нелепейшее множество лжеименных богов, которое и самим решившимся поклоняться им не могло быть известно, допускалось и приносить жертву, как кто бы ни захотел, сообразно сказанному безрассудно кем-то из эллинских мудрецов, и один приносил жертву одному богу, другой другому. Итак, отклоняя от столь нелепого и нечестивого образа действия и бессмысленнейшего обычая, Он сказал еще в книге Левит: «объяви Аарону и сынам его и всем сынам Израилевым и скажи им: вот что повелевает Господь: если кто из дома Израилева заколет тельца или овцу или козу в стане, или если кто заколет вне стана и не приведет ко входу скинии собрания, чтобы представить в жертву Господу пред жилищем Господним, то человеку тому вменена будет кровь: «он пролил кровь, и истребится человек тот из народа своего» (Лев.17,4). Итак, кровь проливает и повинен будет обличению в скверноубийстве приносящий жертву вне скинии; ибо себя самого как бы умертвил и погубил собственную душу отвращающий ее от Того, Который есть по естеству Бог, отдающий же ее камням и деревьям и приносящий в жертву измышлениям демонов. А что не всякую вообще жертву Бог повелел приводить к дверям скинии, но только ту, которую кто-либо захотел бы посвятить в жертву Богу, это Он ясно показал, тотчас же присовокупляя: «чтоб они впредь не приносили жертв своих идолам, за которыми блудно ходят они. Сие да будет для них постановлением вечным в роды их» (Лев.17,7). Итак, совершенно воспрещает приносить жертвы безразлично кому бы кто ни захотел, но очень ясно говорит, что совершать службы должно единому по естеству Богу.

П. Как прекрасна речь наша.

К. Но немало, я думаю, нам принесет пользы и другой образ понимания того, сколь полезно и даже необходимо, чтобы заклатие совершалось и священные жертвы приносились в одной только святой скинии.

П. Каким образом?

К. Не говорили ли мы, что образом и предначертанием Еммануила служил закалавшийся при святой скинии за

священника и за грехи неведения народа телец?

П. Говорили.

К. По сей-то причине, говорим мы, Христово таинство должно быть совершаемо, как в святых скиниях, в церквах Божиих. Это прообразовал Он нам еще и в некотором другом месте: ибо, узаконивши вначале, каким образом сынам Израильским, поднимавшимся из земли Египетской, надлежало закалать агнца во образ Христа, говорит: «В одном доме должно есть ее..., не выносите мяса вон из дома» (Исх. 12, 46). Итак, нарушают волю Божию иномыслящие еретики, помимо истинно святой скинии водружающие себе иную и вне закалывающие агнца, весьма далеко относящие его от единого дома и разделяющие неделимого: ибо один и совершен во всем Христос. Но оный мудрец и священнотаинник Моисей заповедует нам во Второзаконии: «Берегись приносить всесожжения твои на всяком месте, которое ты увидишь; но на том только месте, которое изберет Господь..., в одном из колен твоих, приноси всесожжения твои и делай все, что заповедую тебе.... Впрочем, когда только пожелает душа твоя, можешь заколоть и есть, по благословию Господа, Бога твоего, мясо, которое Он дал тебе, во всех жилищах твоих: нечистый и чистый могут есть сие, как серну и как оленя; только крови не ешьте: на землю выливайте ее, как воду» (Втор. 12, 13–16). Итак, виною и осуждением нечестивейшей души служит дерзновение приносить жертву на всяком месте, а не в доме Божиим совершать таинство Христово.

П. Хорошо говоришь; только объясни мне вот что: закон запретил вкушение крови, и весьма справедливо; но какой смысл заключается в букве этого предписания?

К. Если так угодно тебе, то скажем и о том, что постановлено о сем в книге Левит; ибо там содержится следующее: «Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращаю лице Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее, потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает; потому Я и сказал сынам

Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришлец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею, ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: «не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится» (Лев. 17, 10–14). Смотри, как ясно и очевидно кровь принимается во образ души.

П. Понимаю.

К. Таким образом, закон отчуждает и отделяет кровь от тел закалаемых, научая тому истинному догмату, принятому нами верою и чтимому в церквах, что разумную душу человека должно считать и представлять бессмертною, которую не приводит к нетлению вместе с земными телами смерть, а напротив, Зиждитель отрешает, и отпускает, и освобождает от страданий, соделав ее причастною жизни: ибо вначале человек сотворен «в душу живу», так как Бог ввел в него «дыхание жизни», как написано (Быт. 2, 7). Мы обвиним, как я думаю, в бессилии оживотворяющую все жизнь, если станем утверждать, что произведенное ею для жизни погибает вместе с привременными телами. И наоборот, мы увенчаем себя прекрасным венцом мудрости, веруя, что душа бессмертна, поскольку зиждителю всех, Которым «мы ... живем и движемся и существуем» (Деян. 17, 28), угодно, чтобы она была таковою. Таков, по моему мнению, смысл законоположения об этом. Перейдем же и к другим постановлениям о скинии. Так сказал Бог в книге Исход, «Не изливай крови жертвы Моей на квасное» (Исх. 34, 25). Бесквасна, говорит, да будет проливаемая кровь, то есть не прилагается к приносимому в жертву Богу закваска или заквашенная пшеничная мука: ибо должно нам, очищенным и как бы пребывающим бесквасными, то есть не имеющим в душе своей, так сказать, примеси порочности и лукавства, посвящать Богу свои души, образом коих служит кровь. И божественный Павел называл «новым тестом, так как вы бесквасны» (1Кор. 5, 7) соблюдающих душу свою чистою и

неоскверненной и не смешившейся с порочностью, очевидно, чрез веру во Христа и чрез всесовершенную любовь. Но «тук от праздничной жертвы Моей, — сказано, — не должен оставаться до утра» (Исх. 23, 18), то есть вчерашнего тука не возноси в воню благоухания. В книге же Левит Законодатель делает более ясное изложение этого закона и представляет дело это очевидным, говоря о приносящем жертву: «Если же кто приносит жертву по обету, или от усердия, то жертву его должно есть в день приношения, и на другой день оставшееся от нее есть можно, а оставшееся от жертвенного мяса к третьему дню должно сжечь на огне; если же будут есть мясо мирной жертвы на третий день, то она не будет благоприятна; кто ее принесет, тому ни во что не вменится: «это осквернение, и кто будет есть ее, тот понесет на себе грех» (Лев. 7, 16–18). Итак, тридневную жертву отменяет, а что и вчерашнюю отвергает, это он разъяснил, говоря: «Если приносите Господу жертву благодарения, то приносите ее так, чтоб она приобрела вам благоволение; в тот же день должно съесть ее, не оставляйте от нее до утра. Я Господь» (Лев. 22, 29–30).

П. Какой же смысл и этих предписаний?

К. В прежде сказанном закон часто предуказывал нам, что Божественному Писанию обычно все время разделять иногда на два периода: на время, в которое был закон, и время, в которое воссиял Христос; а иногда еще на три, полагая между тем и другим и поставляя в середине то время, в которое воссиял лик святых пророков, хотя, впрочем, и во время Моисея и во времена святых пророков образ служения был один и тот же, именно в тенях законных. Когда же настало утро, или появилось наконец еще третье время, и мысленный свет, то есть Христос, облистал всю подсолнечную, а древний мрак наконец разрешился, то уже неприятным стал образ тогдашнего служения, но или вчерашним, или тридневным туком, пли жертвою уже не приятною, но мерзкою и отверженною пред Богом и в осквернение вменяемою решившимся не вовремя приносить ее. Разве ты не считаешь истинным того, что когда Христос евангельским учением осиявает души святых и весьма

мудро тайноводит их в духовное служение, то уже некоторым образом излишне и бесполезно соблюдение закона?

П. Считаю, ибо я помню божественного Павла, назвав его тщетою и уметами похвалы по отношению к закону, «за превосходящее разумение Христа» (Флп.3,8). Слышу также и то, что он написал к некоторым: «говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал.5,2).

К. Правильно сказал ты. Итак, когда уже явился Христос и прошло время, в которое был закон и пророки, держаться сеновного служения и покушаться приносить Богу овцу, или тук, или ливан есть грех и осквернение, так как Сын ясно говорит Богу и Отцу: «Жертвы и приношения Ты не восхотел; Ты открыл мне уши; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал. Тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне:; я желаю исполнить волю Твою» (Пс.39, 7–9; см. Евр.10, 5–7): ибо, принеся Себя за нас, как бы жертву непорочную, Сын остановил совершаемое по закону, как не могущее «истребить грехов» (Евр.10, 11); «конец закона и пророков есть Христос» (Рим. 10, 4; ср. Мф. 5, 17).

П. Хорошо сказал ты!

К. Так чрез законное служение уже недоступен Отец после совершения во Христе, доступен же чрез одного Сына. Посему Он и сказал: «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). А что негодно для жертвоприношения и несовершенно все, что не во Христе, приятно же и весьма священо то, что чрез Него и в Нем, это может сделаться ясным и чрез то, что говорит закон в книге Исход: «Не вари козленка в молоке матери его» (Исх. 34, 26), а также в книге Левит: «И сказал Господь Моисею, говоря: когда родится теленок, или ягненок, или козленок, то семь дней он должен пребыть при матери своей, а от восьмого дня и далее будет благоугоден для приношения в жертву Господу; но ни коровы, ни овцы не заколайте в один день» (Лев. 22, 26–28). Итак, агнца только что родившегося и еще сосцами питающегося не дозволяет заколоть, показывая тем, что несовершенно и как бы слабое по разуму и немощное еще не священо, а потому и неприятно

Богу. Таковы были некоторые немудрые и малосмысленные, которым божественный Павел пишет: "Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным» (Евр.5, 12–14). Итак, еще несовершенно питающееся молоком и сосцами, говорю по отношению к разуму и духовной крепости. Пусть же слово наше о сем опять перейдет от вещей чувственных и наглядных, как от образа, к предметам сверхчувственным и мысленным: и ты очень хорошо поймешь, что во Христе все стало совершенным и приятным, ибо приносимые и посвящаемые Богу животные семь дней должны быть под матерью, в день же восьмой и далее – быть даром и приношением Богу.

П. Не очень ясна речь сия.

К. Или ты не признаешь восьмой день днем Воскресения Спасителя и началом как бы нового века, так как век подзаконный прешел как бы в семь первых дней?

П. Признаю.

К. Итак, несвященно и уже не должно быть приносимо то, что живет как бы во времени подзаконном, то есть в плотском служении; и наоборот, уже даром, и благоприятным Богу, служит все то, что существует во Христе в восьмой день и далее; ибо нескончаемо звание во Христе, имеющее началом воскресение. И ведая это, Сам Сын сказал в одном случае: «Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32), а в другом: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24).

П. Ты сказал правильно; но что означает то, что мать не должна погибать вместе с детьми в один день?

К. Законоположив надлежащим образом то, что относилось ко Христу, и премудро предвозвестивши подаваемое чрез Него совершенство, Он, как Бог, конечно, знал непослушность иудеев и необузданность Иерусалима и что по сей причине погублены будут израильтяне, как убийцы Господа и свирепо

вознеиствовствовавшие на Сына Божия. Впрочем, не вообще весь до основания погибнет Иерусалим, но пребудет как бы лишенным чад, ожидая конечного и последнего времени, в которое и сам спасется, идя вослед язычников (ср. Рим. 11, 25–26); ибо он положен в хребет, то есть позади, по слову Псалмопевца: «яко положиши я хребет» (Пс.20, 13); потому что весь Израиль спасется, после того как стадо язычников разместится в Божественных стойлах. Почему закон не допускает тлению доходить до крайнего всегубительства, предвозвещая срастворенный с милостью гнев на непослушных, но вместе с тем, как я думаю, поставляя этот предмет примером той непреложной истины, что не обратится совершенно в ничто существующее, овладеваемое всецелым тлением, но пребудет сохраняемое как бы в преемственное – одно в другом, по сродству или одинаковости вида, так как Бог удаляет от своих созданий совершенное погубление, «создал все для бытия, и все в мире спасительно», по написанному (Прем. 1, 14). Прилично же было предвещание, а равно и раскрытие таковых речей о Христе, чрез Которого и в Котором истлевшее сохраняется и овладеваемое смертью снова расцветает для жизни: ибо окончился корень человеческого рода, подобно какой-либо матери, как бы в Адаме, но произросшие от Него, то есть мы, расцветаем во Христе и существуем и спасаемся, имея Его Самого жизнью и как бы вторым корнем рода нашего.

П. Как хороша и весьма обработана речь эта.

К. Но заслуживает, Палладий, быть присоединенным к сказанному и следующее: «Не сади себе рощи из каких-либо деревьев при жертвеннике Господа, Бога твоего, который ты сделаешь себе, и не ставь себе столба, что ненавидит Господь Бог твой» (Втор. 16, 21–22). Смотри, как поклонника истины совершенно удаляет от идололепной лести, менее всего допуская пользоваться законами эллинов, а повелевая, напротив, отвергать их обычаи, хотя бы они, может быть, и не принесли никакого вреда, если бы даже и соблюдаемы были.

П. Что такое говоришь ты?

К. Эллины, заметив где-либо хорошо растущие деревья и какой-либо густо разросшийся лес, ставили здесь алтари и приносили жертвы демонам: ибо весьма необходимо было, чтобы с алтарями демонов было сопряжено как бы заблуждение ума и мирские прелести, потому что ложь внутри себя недугует бессилием, украшается же часто поддельной красотой, подобно тому как, известно, и бесчестные женщины. Но Божественному алтарю, блистающему красотой истины, какая надобность во внешних придатках или в суетных украшениях? Ибо не чрез мирские прелести становится доступным Божество и не распущенному как бы и привязанному к плотским удовольствиям уму, но трезвенному и обращающему пристальный взор к высоте и на небеса. И если бы случайно, как бы сам собою, Божественный алтарь оказался где-либо под деревьями, то это нисколько не повредило бы непоколебимому и истинному поклоннику Спасителя; но поскольку вообще это есть эллинское учреждение, то должно избегать подражания и сходства в обычаях, как, например, несомненно для верного и достигшего умом до истинного ведения «идол в мире ничто», а равно и идоложертвенного нет (1Кор. 8, 4); однако, по повелению того же (священного писателя), не позволяется вкушать от него ради совести более немощных: «ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью? Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю?» (1Кор. 10, 29–30.) Посему похвально пред Богом это дело, говорю о том, чтобы отказываться от дел, одинаковых с эллинскими, как, например, в установлении алтарей, в обычаях и обрядах служения.

П. Соглашаюсь.

К. А что должно делать приношения во славу Божию и не с пустыми руками приходить во святую скинию, это опять разъясняет нам Священное Писание, так говорящее в книге; Чисел: «Когда Моисей поставил скинию, и помазал ее, и освятил ее и все принадлежности ее, и жертвенник и все принадлежности его, и помазал их и освятил их, тогда пришли... начальников Израилевых, главы семейств их, начальники колен, заведывавшие исчислением, и представили приношение свое

пред Господа, шесть крытых повозок и двенадцать волов, по одной повозке от двух начальников и по одному волу от каждого, и представили сие пред скинию. И сказал Господь Моисею, говоря: возьми от них; это будет для отправления работ при скинии собрания; и отдай это левитам, смотря по роду службы их. И взял Моисей повозки и волов, и отдал их левитам» (Чис.7,1–6). И не до сего только простирались приношения князей колен, но присоединены были к сим и другие; ибо написано: «И принесли начальники жертвы освящения жертвенника в день помазания его, и представили начальники приношение свое пред жертвенник. И сказал Господь Моисею: по одному начальнику в день пусть приносят приношение свое для освящения жертвенника. В первый день принес приношение свое Наассон, сын Аминадавов, от колена Иудина; приношение его было: одно серебряное блюдо, весом в сто тридцать *сиклей*, одна серебряная чаша в семьдесят *сиклей*, по *сиклю* священному, наполненные пшеничною мукою, смешанною с елеем, в приношение хлебное, одна золотая кадильница в десять *сиклей*, наполненная курением, один телец, один овен, один однолетний агнец, во всесожжение, один козел в жертву за грех, и в жертву мирную два вола, пять овнов, пять козлов, пять однолетних агнцев; вот приношение Наассона, сына Аминадавова» (Чис.7,10–17). Принес да свои дары и другие князи по порядку до двенадцатого таким же образом и с одинаковым великолепием, причем каждому был отделен установленный для него день; ибо так повелел Бог.

П. Какой же смысл заключается в столь многообразном приношении?

К. Конечно, Палладий, это есть приношение; но с ним соединяется, думаю, и таинственный смысл, по которому это иносказание относится к Еммануилу и к нам самим. Объясню его, как могу. Когда явилась в мире сем святая и истинная скиния, то есть Церковь, Христос, многообразно сияя в ней, едва не нами самими и за нас приносится как священная жертва Богу и Отцу, как выкуп и замена жизни всех, будучи Один равноценен всем. Ибо когда Единородный соделался человеком, как один из нас, Он принес Себя Самого Богу и Отцу

как бы некоторую первину и начаток человеческого естества, благоухающего в освящении, естественно и существенно пребывающем в Нем, поскольку Он мыслится и есть Бог, но привходящем в Него по человечеству Его. Но, будучи один и тот же, Он многообразно изображаем был в оном приношении князей: как и ныне Христос приносится в жертву являющимися по порядку времен вождями, многообразно мыслимый и различными именами чтимый. Приношение было ежедневное: это обстоятельство указывает как бы на непрерывность и непрекращаемость жертвы Христовой на всякий день и на плодоприношение оправданных верою; ибо не прекратятся поклонники и не будет оскудения в дароприношениях; но будет приноситься Христос нами и за нас, таинственно священнодействуемый в святых скиниях. Сам и есть и наше первое и изрядное приношение; ибо Он принес Себя в жертву Отцу не за Себя Самого, по безукоризненному учению, но за нас, находившихся под игом и виною греха. По уподоблению же Ему и мы являемся священными жертвами, умирая для мира, поскольку грех умерщвлен в нас, и живя для Бога жизнью в освящении и праведности. Вот на что, кажется, указывает нам приношение князей, которое, не желаешь ли, мы и по частям исследуем надлежащими рассуждениями, как это будет для нас лучше и поясним по возможности?

П. И очень.

К. Принесен был от каждого (князя) телец и отделены были на священные дела святой скинии колесницы, число шесть. Затем от каждого – блюдо одно серебряное и одна чаша, «наполненные, – сказано, – пшеничною мукою, смешанною с елеем»: «фимиамник» один, наполненный фимиамом; овен один, агнец один единоголетный во всесожжение; козел от коз за грех: и это были всесожжения. Но приносили "и в жертву, – сказано, – мирную два вола, пять овнов, пять козлов, пять однолетних агнцев».

П. Так скажи же прежде всего о том, в чем здесь разница, – какое можно указать различие между жертвой спасения и всесожжения?

К. Слушай. Всесожжения животных совершенно все сожигаемы были священным и неугасимым огнем, причем ничто вообще не исключалось, но как бы всякая частица и член восходил к Богу в воню благоухания. Напротив, животные, закалавшиеся в жертву спасения, посвящались только отчасти, как то: их правое плечо, голова и ноги, почки и печень и некоторые другие внутренние и сокровенные части. Так, Христу приличествует быть принесенным в жертву всесожжения, ибо Он весь истинно свят, весь исполнен благоухания и священен; нам же свойственно быть жертвою не во всем святою и не всецело священной, как имеющим в себе нечто и из нечистоты по причине существующего в нас греха: ибо, по написанному, никто не «чист... от скверны» (Иов 14, 4) и «грехопадения кто разумеет?» (Пс. 18, 13.) Посему очень правильно постановил закон, чтобы жертва за спасение была не всесожигаемою, но, напротив, посвящаемою лишь отчасти. Итак, ясна ли, Палладий, для тебя и достаточна ли для понимания моя речь?

П. И очень.

К. Ну, так затем перейдем к тому, чтобы сказать что-либо о каждом из принесенного и уразуметь необходимое на пользу.

П. Переходи.

К. Итак, вот принесенное от каждого из начальников колен: серебряное блюдо одно и одна чаша, то и другая наполненные пшеничною мукой, смешанной с елеем. Блюдо служит съестного и употребительно при ядении вареного, как и Сам Спаситель Иоанну, доверенному ученику, любопытствовавшему, кто есть имевший предать Его, говорит: «опустивший со Мною руку в блюдо» (Мф. 26, 23; ср. Ин. 13, 23–26). Об употреблении же чаши что я стану и говорить, когда само дело ясно свидетельствует о том? Затем пшеничная мука знаменует хлеб, потому что из нее и хлеб; а хлеб жизни есть Христос. Таким образом как блюдом и чашею, так и бывшим в обоих этих сосудах хлебом (ибо они были полны пшеничной муки), так затем и пищей и питием знаменуется жизнь и животворящий – Христос; ибо Он говорит: «истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 53). Мука, сказано, была

увлажнена елеем, так как почти это образно воспевается в Псалмах: «Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих» (Пс.44,8). Фимиамник, далее, имея образ и вид кадила, сделанной наподобие чашицы, и сам был полон фимиама, ибо Христос есть благоухание и кадила, не отвне имея благоухание, как имеем его, конечно, и мы, по причастию добродетели и освящению чрез благочестие приобретающие таковое состояние, но внутри Себя, как Бог, и в собственном естестве изобилуя тем, за что Ему удивляются, и всю вселенную наполняет премирным и вышестварным благоуханием; потому что Он ясно распознается как по естеству и истинно Бог и как получивший воню познания Отца: таким образом, фимиамник наполнен фимиамом. Засим приводится телец и овен, а также и агнец и козел от коз и то, что сверх того приносилось. И чрез все это изображается Сам Он (Христос); в тельце, по причине его великой крепости и потому, что преобладающий между ручными и чистыми животными есть телец, превосходящий и величиною тела; так и все, относящееся ко Христу, имеет мысленное превосходство и Сам Он превосходит и превышает все ни с чем не сравнимым отличием; в овне – по причине его совершенства; в агнце – по причине его незлобия: "А я, – говорит Он, – как кроткий агнец, ведомый на заклание, и не знал» (Иер.11,19); а в козле – по причине заклания его за согрешивших, так как козел, по закону, есть жертва за грех (ср. Лев. 16,10 и далее) а Еммануил ради нас подвергся смерти, и мы искуплены от прежних грехов по причине заклания, которое Он потерпел за нас. Или и это не считаешь ты истинным?

П. Как же нет?

К. Обрати внимание и на то, что принесены были тельцы и отданы на дела скинии, чтобы во время похода они, нося тяжести на колесницах, освобождали от труда и беспокойства священнодействующих: потому что и Церковь покоится на Христе; Он Сам носит нас, не допуская того, чтобы священный и честный род и сведущие в святых делах люди подпали превышающим силу трудам. Таким-то образом относится ко

Христу все упомянутое. Что же касается до жертвы спасения, то ее приносили вожди как бы опять вместо самих себя, посвящая ее некоторым образом святой скинии и вознося в воню благоухания Богу. Юниц (телиц) было две, овнов пять, козлов пять, агниц пять. И телец – это Христос, а юницы (телицы) – мы. И основание для того и другого не отдаленное, а, напротив, истинное и очевидное: ибо мужеский пол всегда является как бы предводительствующим и в чести и славе превосходнейшей у Бога; и свидетелем служит сама природа, удостоверяющая в этом. Женский же пол ниже и подчинен ему и как бы идет позади силы и славы мужчин. Итак, в тельце, животном мужеского пола, разумеется вождь наш Христос; мы же находимся как бы в подчинении, обладаем сравнительно с Ним гораздо меньшей силой и славой и отделены от Него на не сравнимое ни с чем расстояние; ибо хотя Он и соделался подобным нам (как и телица видом подобна тельцу), но Его свойства много превосходнее: ибо «кто... уподобится Богу в сынех Божиих?» (Пс.88, 7.) Христос есть вместе и подобен нам и выше нас превосходством Божества, хотя и стал плотию (Ин. 1, 14). Две телицы, думаю я, суть образ двух народов, сошедшихся в один, состоящий из двух, так как связует их чрез веру в единство духовное Явившийся ради нас и среди нас. Далее, овны и равночисленные им агнцы, а также не меньшие числом козлы указывают на множество верующих, разумею собранное как бы в пятое время, в которое было пришествие Говорящего: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32). Кроме того посредством овнов означает совершенство разума и полнота духовного возраста уверовавших, очевидно достигаемого во Христе; а посредством агнцев – простота и незлобие; ибо сказано: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1Кор. 14, 20). Затем посредством козлов, приносимых в жертву за грех, означает всегдашняя нужда наша в очищении и оставлении прегрешений. Посему и научены мы говорить в молитвах: «остави нам» грехопадения (Мф. 6, 12); ибо нет времени, когда бы истинно благоразумным и ведающим человеческого естества немощь не было необходимости

вопить: «грехопадения кто разумеет? и: от тайных моих очисти мя» (Пс.18, 13). Это есть жертва духовная и благоухающая пред Богом за спасение душ наших.

П. Истинно.

К. Итак, Христос, сказал я, означается в тельце и овнах, агнце и козлах и других животных, – и мое слово об этом я не счел бы отступающим от надлежащего. Если же кто решился бы и на нас самих перенести силу этих мыслей, то ничего нет препятствующего присоединить к предлежащему таковое некоторое созерцание.

П. Какое же?

К. Приносимы были по закону священные жертвы от всего Израиля, и проливаема была на Божественный алтарь кровь закалаемых животных, каковое действие едва не изображало как бы в сени и косвенно указывало нам на то, что нам надлежит посвящать святому Богу свои души.

П. Ты хорошо сказал.

К. И так вместо нас и за нас приносятся жертвы и мы в них преобразовательно священнодействуемся.

П. Правда.

К. Ну так исследуем же потщательнее принесенное как бы от лица всех рукою вождей, и мы увидим красоту духовного созерцания. Принесенное в серебряных сосудах, то есть в блюде и чаше, было пшеничная мука, увлажненная елеем. Но серебро есть символ светлости, а мука – жизни, как производящая хлеб, который поддерживает жизнь; елей же – радости. Пусть же приносится от нас самих высшему над всем Богу как бы в светлости жизни радость, надеждою во Христе; ибо сказано: «упованием радующееся» (Рим. 12, 12) и каким образом не были бы исполнены высшей радости блюстители заповедей Спасителя нашего, великим подвигом достигшие славы в жизни и поведении? Им как бы то ни было и во всяком случае уготовано у Бога участие в славе Его «Ибо вы умерли, – сказано, – и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3, 3–4). Итак, пшеничная мука увлажнена елеем: ибо и жизни святых присуща радости как бы в надежде славы,

вместе со светлостью, очевидно, в святости и правде. Золотой же фимиамник, полный фимиама? изображает красоту святых и как бы в избранных сосудах благоухание в освящении и затем как бы некоторый дар Богу истинно благовоннейший. Или мы, Палладий, не признаем святых светлыми и избранными сосудами?

П. Без всякого сомнения признаем.

К. Телец был приносим от каждого, и всех их было двенадцать. Они возят святую скинию, будучи по двое запряжены в одну колесницу и под одно ярмо, и они отделены на служение левитам. Это может служить образом двух народов, еще не разделенных неподобием учения и жизни, но как бы сопряженных и терпеливо и мужественно шествующих вместе под одним игом Спасителя; ибо сказано: «мужайся и да крепится сердце твое и потерпи Господа» (Пс.26, 14). А телец есть животное терпеливое и весьма крепкое: таковы во всяком случае избравшие богопочтение, как бы иго на себе носящие Христа, прообразуемого в святой скинии. Телом же Его называл Церковь и божественный Павел (ср. Кол. 1, 24, 18); сказано также было и Анании о нем, то есть Павле: «иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами» (Деян.9, 15). Кроме того приносимые овен, а равно и агнец указывают на приближение к Богу и как бы посвящение, очевидно духовное, как старейшего приведенного к Нему, так и нового народа: ибо как терпеливость и мужество означает посредством тельцов, так равно, думаю я, и в овцах ясно указывается как бы плодоносие в кротости оправданных верою во Христа; потому что это животное кроткое и плодовитое. А таковы все прилежные делатели евангельского жития, к которым взывал и Сам Христос: «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. Ударившему тебя по щеке подставь и другую» (Лк. 6, 30, 29; сн. Мф.5, 39). Пишет также и Павел: «рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым» (2Тим. 2, 24). А что за вышесказанным должно было следовать и приношение козла, это указывало, я думаю, не на что иное, как на то, о чем я недавно сказал, то есть что все, хотя бы некоторые обладали

и добрыми свойствами, имеют нужду в очищении чрез покаяние и в забвении грехопадений. И, ведая, божественный Давид сказал: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит?» (Пс.129,3.) Таким образом, козел был жертвою за отпущение по древнему закону; покаяние же и прошение о забвении (грехов) есть ныне жертва, приносимая нами, приходящими к Богу в духе и истине; ибо сказано: «станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться» (Ис.43,26). Воспевает также негде и Давид: «сказал: `исповедаю Господу преступления мои`, и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс.31,5). Ясна ли для тебя наконец речь о дароприношении князей?

П. Совершенно.

К. Должно также, я думаю, сказать и о том, что когда уже была принесена от каждого и за всех жертва, тогда было положено начало Божественных откровений во святой скинии священнотаиннику Моисею. Написано же еще так в книге Чисел: «вот приношения при освящении жертвенника после помазания его. Когда Моисей входил в скинию собрания, чтобы говорить с Господом, слышал голос, говорящий ему с крышки, которая над ковчегом откровения между двух херувимов, и он говорил ему» (Чис.7, 88–89): ибо лишь после того, как совершена была как бы святая скиния и явлена была миру истинная святыня, то есть Церковь, был к нам глас Бога и Отца; а Он «глагола нам в Сыне» (Евр.1,2), Которого мы называем «очистилицем» за грехи наши, по Писаниям (Рим.3,24; сн. 1Ин.2,2). Сверху херувимов был глас; потому что Бог превыше и вне твари, имея существенное и присущее Ему превосходство пред всем произведенным. Передавая же нам эти свыше и от Отца исходящие гласы, Сын, истинное очистилице, говорил: «Слова, которые говорю Я вам, не суть Мои, но пославшего Меня» (Ин.14:10, 12:49, 6:38–40, 63). Итак, сверху очистилица был глас. Немало удивился бы ты также, если бы обратил внимание и на порядок, в каком приходили начальники колен: по назначению каждому отдельно дня, в который должно было исполнять постановленное и принести дар, они приходили в порядке, согласно воле Законодателя: но только не по порядку рождения или по возрасту, а также и не смешанно и без всякого

порядка, но напротив располагались как бы в таинственном распорядке.

П. Что такое говоришь ты, я не могу понять; изложи это мне яснее.

К. Хочешь ли, мы в порядке и последовательно скажем происшедших от Иакова? Тогда стало бы весьма ясным нам самое отступление от порядка в приходе князей.

П. И очень.

К. Итак, первородный – Рувим, а за ним Симеон, Левий и Иуда от одной матери Лии; Вала же потом служанка рождает Дана и Неффалима; а равно Зелфа, рабыня Лии, – Гада и Асира, Лия же к прежним четверем – Исахара и Завулону. Родились и от Рахили Иосиф и Вениамин. Таким образом четыре первые от Лии, от свободной: Рувим и Симеон, Левий и Иуда; затем от двух служанок Вала и Зелфы четыре: Дан и Неффалим, Гад и Асир; другие же еще кроме сих четыре: два от Лии – Исахар и Завулон, и два от Рахили – Иосиф и Вениамин. Необходимо припомнить также и то, что наследие Иосифа разделилось на два поколения: Ефрема и Манассии, от него происшедши (Быт. 49 и далее).

П. Порядок имен я очень хорошо разумею; а что есть искомое в этих именах, это разъяснить уже твое дело.

К. Приходившие с дарами, Палладий, делали это не по возрасту, но первым был Иуда, хотя и четвертый по времени, затем девятый после него Исахар и с ним вместе десятый Завулон. Второй же как бы после сих разряд: первородный Рувим и следовавший за ним и второй Симеон, а к ним присоединился и Дан, от рабыни. Затем выступил третий ряд происшедших от трех свободных: Ефрем, Манассия и Вениамин. И напоследок разряд четвертый происшедших от служанок. Их также было трое: Дан, Асир и Неффалим, хотя и преимуществовавшие по времени рождения пред поставленными в порядке прежде их, разумею Ефрема, Манассию и Вениамина. Разве ты не считаешь необходимым исследование о сем?

П. Наиболее всего считаю; так какой смысл сего, попытайся изложить мне.

К. Это дело, как я думаю, служит опять прикровенным указанием на то, что установленное чрез Христа занимает у Бога первое место сравнительно с данным в законе, и что становятся «последние первыми, и первые последними» (Мф.20,16): ибо как бы старейшие по времени и посему первородные, то есть Израиль, идут позади язычников. И имеющие дух рабский и сыны рабствующего Иерусалима уступят преимущество в славе сынам свободной, которая есть мать всех нас, оправданных во Христе и призванных в свободное состояние чрез свободу духа (сн. Рим. 8, 15 и Гал.4, 25–26); ибо усматривай если угодно, точность умозрений: первым приносит дар колено Иудино, из которого произошел по плоти Христос; а после него тотчас же Исахар и Завулон, оба свободные и от свободных; затем Рувим первородный, Симеон и Гад, который от рабыни: знаменуется же чрез них Израиль. Теперь скажем о каждом, собирая изречения из пророчества Иакова о них. Так сказал божественный Иаков: «Рувим, первенец мой! Ты – крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества» (Быт. 49, 3). И еще: «Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их; в совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя, ибо они во гневе своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца; проклят гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа» (Быт.49, 5–7); о Гаде же сказал следующее: «толпа будет теснить его, но он оттеснит ее по пятам» (Быт. 49, 19). Итак, посредством Рувима по справедливости обозначается Израиль, первородный по времени, но жестокий, упорный и оскорбитель; и посредством Симеона, к которому присоединен и Левий, обозначается он же, как готовый к скверноубийству и убивший святых; ибо "кого, – сказано, – из пророков не гнали отцы ваши?» (Деян.7, 52), и как бы перерезавший сверх того жилы юнца, который есть Христос: потому что не одно только племя Иудейское уличается в дерзости против святых и Христа, но с ним сошелся и Левии, то есть священный род, приседящие алтарю книжники и фарисеи. Посему в пророчествах праотца Иакова с Симеоном сопряжен и Левий. Также и в Гаде, который от рабыни есть «искушение», разумеется тот же народ, как

низкий умом и искушающий Иисуса и расставляющий сети для злодеяния Ему; ибо приступили некоторые к Нему, говоря: «позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» (Мф.22, 17.) Итак, возведу снова речь свою к началу: первородный но времени Израиль, жестокий, упорный и оскорбитель, склонный к скверноубийству и имеющий проклятый гнев, избивший человек и перерезавший жилы юнца, низкий и жестокий в коварстве, расставляющий сети и искушитель, поставлен позади тех, которые во Христе и свободны, хотя и он будет свободен после нас, как только придет к лицу Божию (ср.: Рим. 11, 25–26).

П. Ты хорошо сказал.

К. Ты познаешь то, что я говорю, когда обратишь свой ум и на последующее за сим. Трое, вместе соединенные приносили дар потом, происшедшие от свободной Рахили: Ефрем, Манасия и Вениамин. Потом и за ними также трое, вместе соединенные, происшедшие от служанок, разумею Дана, Асира и Неффалима. Заметь, что предшествуют и весьма почтены рожденные от свободной, а за ними следуют и рожденные от служанок. Не очевидно ли это есть то самое, что и божественный Павел пишет нам? Ибо он говорит, что когда «войдет полное *число* язычников, и так весь Израиль спасется» (Рим. 11, 25–26).

П. Ты сказал правильно: замечание твое очень тонко.

К. И что это не ложно, ты тотчас узнаешь, и очень легко; ибо слово Божие утверждает нас в этом и другими мыслями: Бог повелел, чтобы воздвизания полков и остановки или пребывания сынов Израилевых на стоянках совершались в надлежащем порядке, весьма мудро постановил идти вокруг скинии, сообразно тому, думаю я, что и блаженным Давидом превосходно воспевается: «буду ... обходить жертвенник Твой, Господи, еже чтобы возвещать гласом хвалы и поведать все чудеса Твои» (Пс.25, 6–7); или: «и я принес бы в Его скинии жертвы славословия» (Пс.26, 6). Указывается же нечто и другое, что как бы в прообразе повелено было делать: должно нам не удаляться от Бога, но являться как бы стоящими вблизи и вокруг Него, так чтобы грех не находился в середине и мирское удовольствие не разделяло нас от Него, но чтобы присутствие

правого разума и готовность ко всему достохвальному собирали нас в единство духовное: ибо решившимся столь похвально действовать наиболее всего приличествует делать приношения, так как написано: «все, которые вокруг Него, да принесут дары» (Пс.75, 12). Итак, Он повелел им подниматься в путь вместе с скинией и шествовать вокруг нее, и притом в порядке, приличествующем не возрастам и не смешанно идущем от первых к последним, но чтобы они соединены и распределены были по частям так же, как и в приношении даров. Написано же так в книге Чисел: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: сыны Израилевы должны каждый ставить стан свой при знамени своем, при знаках семейств своих; пред скинию собрания вокруг должны ставить стан свой» (Чис.2, 1–2). Затем указывается определенное каждому место, – где и как и кто должен ополчаться, ибо присоединяет следующее: «С передней стороны к востоку ставят стан: знамя стана Иудина по ополчениям ..., после него ставит стан колено Иссахарово, ... [далее ставит стан] колено Завулону» (Чис. 2, 3, 5, 7). Потом упоминает о втором разряде и говорит: «Знамя стана Рувимова к югу, по ополчениям их, и начальник сынов Рувимовых Елицур, сын Шедеура, и воинства его, вошедших в исчисление его, сорок шесть тысяч пятьсот; подле него ставит стан колено Симеоново ..., потом колено Гада» (Чис.2, 10–12, 14). И третий разряд тотчас же присоединяет, говоря: «Знамя стана Ефремова по ополчениям их к западу... потом колено Вениамина, и начальник сынов Вениамина» (Чис.2, 18, 22). Вскоре же упоминает и четвертый разряд, говоря: «Знамя стана Данова к северу, по ополчениям их,... подле него ставит стан колено Асирово ... далее... колено Неффалима,... всех вошедших в исчисление к стану Дана сто пятьдесят семь тысяч шестьсот; они должны идти последними при знаменах своих» (Чис.2, 25, 27, 29, 31). Видишь ли, что в первом ряду поставлен Иуда и бывшие с ним и имеет избранное место к востоку и югу? Ибо во свете пребывают те, которые во Христе, и духом горят. Второй Рувим и бывшие с ним. И третьи – также от свободной рожденные. Затем после них другие трое – происшедшие от служанок, – те, о которых сказано: «последний да

воздвизаются». Не очевидно ли и не выше ли всякого сомнения, что первородному предпочтено и прежде его призвано второе, то есть те, которые во Христе, и происшедшим от рабского состояния – сводное по вере? Эти предводительствуют ради происшедшего от Иуды Христа, а те едва позади идут и как бы на втором месте поставлены.

П. Ты сказал весьма правильно, и я восхваляю тебя за столь тонкое остроумие.

Книга 11. О священстве и о том, что священство подзаконное было образом священства во Христе

О скинии и заповеданном относительно ее у нас была речь весьма достаточная и в отношении к духовной тонкости искусно обработанная. Но прилично было бы, как мне кажется, да и ты сам, я знаю, согласишься со мною, коснуться и отличий священства, и именно: каким образом чрез священство преобразовательное и подзаконное обозначается истинное, то есть то, которое во Христе и чрез Него освящает род священный, разумею опять просветленных верою и приобретших сродство с Богом чрез причастие Святого Духа.

Палладий. Прилично было бы и весьма справедливо.

Кирилл. Итак, когда завершена была в приличествующей красоте святая скиния и доведена до образа, показанного на горе божественному Моисею, Бог сделал назначение священников и сказал: «И возьми к себе Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне, Аарона и Надава, Авиуда, Елеазара и Ифамара, сынов Аароновых» (Исх. 28, 1). Таким образом, поименно названы избранные для священнодействия, ибо «никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом», по написанному (Евр. 5, 4). Так, самовольно никто да не идет на священнодействие Богу, но пусть ожидает призвания, иначе покушающийся восхищать то, на что не имеет решения свыше, подпадет суду Дафана и Авирона. И не удивляйся, если самоволие признается нами неуместным и нелепым, когда и о Самом Христе Павел пишет, что «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему:... Ты священник вовек во чину Мелхиседека» (Евр. 5, 5–6). Итак, образом именуемого по отношению ко Христу звания может служить мудро сказанное Моисею: «и ты приведи к себе Аарона брата твоего и сыны его»; ибо "приведи" что иное обозначает, как на сие сродни и призови? Зван же как бы в первосвященника Христос волею Отца. А вместе с Ним некоторым образом званы и поставлены споспешниками в

священнодействию и божественные ученики Его. Поэтому-то они и говорили весьма ясно: «мы соработники у Бога» (1Кор. 3, 9, ср. Рим. 16, 3). И они обошли всю подсолнечную, священнодействуя Евангелие Христово между язычниками: ибо они званы к Апостольству чрез Христа и о сем истинно слово; но дело это было вполне угодно и Отцу, потому что одно у них решение на все совершаемое, так как и совет, и мудрость, и хотение Отца есть Сын. Таким образом, Аарон был образом Христа и как бы предуказанием в тенях еще неясных священства, мыслимого в духе и истине. Заметь также что Моисею повелевается привести Аарона к себе, ибо немощен как бы и несовершен закон, если он отрешается от Христа: «ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр.10, 4). Христос же "одну" о грешниках «принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога» (Евр.10, 12, 14). Итак, пусть знают любители сени и письмени и крепко держащиеся заповедей Моисеевых, что если они не приведут к себе «Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа» (Евр.3, 1), то тщательность служения преобразовательного окончится для них ничем; ибо какая похвала жизни подзаконной может быть пред любодобродетельным Богом? Посему и премудрый Павел говорит, что мирское он «все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса», а предпочел ему духовное (Флп.3, 8). И вот что разумеется в том, чтобы привести к себе Аарона.

П. Понимаю, что говоришь; ибо речь ясна.

К. Итак, «приведи к себе Аарона брата твоего»; так сказал Он, ведая, что и иным, как мне думается, образом это дело не может не послужить на пользу в смысле духовном; вникни в то, о чем я говорю. Посылаем был Моисей, чтобы освободить Израиля от угнетения в Египте. Затем, слишком преувеличивая силу человека и обращая внимание на то, что данное ему поручение выше меры присущей ему силы и красноречия, он неотступно умолял Бога, говоря: вот «я не речистый, *и таков был* и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен» (Исх.4, 10). Когда же

Бог сказал на это: «кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь...? итак пойди, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить» (Исх. 4, 11–12), то Моисей, подавляемый величием обязанностей, снова начал страшиться и говорил: «[Моисей] сказал: Господи! пошли другого, кого можешь послать» (Исх. 4, 13). Тогда Господь тотчас же избирает Аарона во образ умеющего все легко делать Христа. И иначе не был бы искуплен Израиль, если бы споспешником худогласию и немощи Моисея как бы в образе Аарона не был дан Христос. Так должен ты разуметь это место Писания: ибо усовершенствовав немощное закона во Христе, Бог привел к священству Аарона и с пользой присоединил его к блаженному Моисею, потому что закон не был бы достаточен ни для искупления, ни для того, чтобы искупленных сделать совершенными к освящению. А искупление и освящение есть Христос, при содействии святых мужей, как, несомненно, и Аарону тогда в Египте содействовал Моисей, а после тому же Аарону – сыны его. Архиерею же всех и вождю Христу мысленно содействовали Божественные ученики, сопутствуя могущему все совершать и нем как изнемогающему, но как призванные к служению и избранные по преимуществу и от Него приобретаая благоукрепление во всем. Это засвидетельствует и божественный Павел, говорящий: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13).

П. Итак, избраны и поименно званы к священнодействию Аарон и прочие.

К. Кроме того Бог законополагал и то, чтобы изготовить им светлые и священнолепные одежды, говоря: «И сделай священные одежды Аарону, брату твоему, для славы и благолепия. И скажи всем мудрым сердцем, которых Я исполнил духа премудрости..., чтобы они сделали Аарону... одежды для посвящения его, чтобы он был священником Мне» (Исх. 28, 2–3). Так премудрый Павел оправданным верою советует облекаться в истинно святую и небесную одежду, когда пишет: «облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 13, 14). Это же предвозвещал и пророк Исайя, говоря как бы от лица Церкви: «Радостью буду радоваться о Господе,

возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня» (Ис.61,10). Итак, одеянием в честь и славу для истинно священного и святого рода является Христос – светлое и премирное украшение душам святых: «все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись», сказано (Гал.3,27), и истинно слово. Закон, далее, как бы в тенях украшает Аарона, вознося ко Христу славу его разноцветного одеяния, ибо едва не сотканным вместе с искусственным устроением их оказывается таинственный и точный смысл, загадочно показывающий славу Спасителя. Смотри, как искусностроители одеяний исполнены были, сказано, чума от Бога, приводящего к устроению красивого и разноцветного и в одеждах начертывающего славу Христа. Наперсник и нарамник, подир и хитон стяжной, кидар и пояс – все это искусно устроенное, и кроме того другое, о чем сказано будет нами насколько возможно и в подробности. О том же, что должно было взять на эти дела. Он сказал: «Пусть они возьмут золота, голубой и пурпуровой и червленой шерсти и виссона» (Исх.28,5). И опять, направивши всю остроту ума на предложенное, прежде всего обрати внимание вот на что.

П. Что такое ты разумеешь?

К. Не из золота ли и виссона, равно как и из пурпуровой и червленой крученой материи сделано было все в скинии и не было ли это образом Христа?

П. Так.

К. Заметь же, что из той же материи устроена была одежда и первенствующего в священстве, заключая в себе опять как бы в образе и предначертаниях славу Христа: ибо и те же слова и не иной разум означают красоту Христа. В золоте Он познается как Бог; в пурпуре – как имеющий царское достоинство; в тонком виссоне – как Слово, тонкое и бестелесное; в червленице – как явившееся во плоти; в материи голубого цвета, воздуховидной – ибо таков цвет этой материи, – как явившееся свыше и с неба, потому что разве родившееся от Бога Отца Слово не есть вместе и Бог и Царь?

П. Как же нет?

К. И разве, будучи Словом Отца тонким и бестелесным, Оно не явилось во плоти и не есть свыше?

П. Правда.

К. Итак, и для утонченного созерцания материи одеяний суть те же самые и одинаковы с теми, из коих устроены были покровы и для святой скинии. Но довольно об этом; время уже говорить о разноцветно вытканном в честь и славу Аарону. "И сделают, – сказано, – ефод из золота, из голубой, пурпуровой и червленой *шерсти*, и из крученого виссона, искусною работою. У него должны быть на обоих концах его два связывающие нарамника, чтобы он был связан. И пояс ефода, который поверх его, должен быть одинаковой с ним работы, из... золота, из голубой, пурпуровой и червленой *шерсти* и из крученого виссона» (Исх. 28, 6–8). Назначив для тканей прежде упомянутую материю, тотчас присовокупляет: «И возьми два камня оникса и вырежь на них имена сынов Израилевых: шесть имен их на одном камне и шесть имен остальных на другом камне, по *порядку* рождения их; чрез резчика на камне, который вырезывает печати, вырежь на двух камнях имена сынов Израилевых; и вставь их в золотые гнезда и положи два камня сии на нарамники ефода: *это* камни на память сынам Израилевым; и будет Аарон носить имена их пред Господом на обоих раменах своих для памяти» (Исх. 28, 9–12).

П. Глубокий, как кажется, смысл в этих предписаниях но ты прежде попытайся сказать то, что это за вещь по названию нарамник (верхняя риза) или какой образ устройства имела она?

К. Бог постановил, чтобы было нечто сотканное наподобие хитона и доходило до персей; будучи надето поверх самых нижних одежд, прилегающих к телу и простирающихся до ног, сияя блеском от золота и пурпура, оно представляло очам зрителей величественное и священнолепное диво. Он назвал это нарамником потому, думаю, что это была короткая одежда и едва распростиралась на оба рамена. На этом нарамнике Он ясно повелел укрепить два камня – то были смарагды, – весьма хорошо стянутые тонкими нитями, причем на них должны были быть весьма искусно вырезаны поименно колена Израилевы

так, чтобы на каждом камне было написано по шести колен. А какой смысл сего, это Он Сам разъяснил нам, говоря: «и будет Аарон носить имена их пред Господом на обоих раменах своих для памяти» (Исх.28, 12).

П. Но что мы должны разуметь под камнями и под тем, что было вырезано на них?

К. Слушай. Камень смарагд бледного цвета, но в глубине его погружено нечто лучевидное и как бы с мраком смешан свет, причем и тот и другой стремятся удержать за собою победу. Так, Палладий, и телесное око наше, смотря вверх и на высоту и простираясь до глубины к эфиру и небу, не встречается ли с некоторым таковым же зрелищем? Ибо и высочайший эфир бледного цвета и в глубине своей как бы мрачен и смешан с умеренным светом.

П. Так.

К. Итак, камень этот Священное Писание делает образом неба. Но не удивляйся, если оно еще и сапфиру уподобляет его: ибо сапфир также бледного цвета и по виду не далек от смарагда. Написано же так в книге Исход: «Потом взошел Моисей и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, и видели... Бога Израилева; и под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное» (Исх. 24, 9–10). поскольку бывшие в Египте израильтяне послужили твари и богом называли небо, то с пользою явился им Бог всяческих, и притом шествуя по самой тверди, дабы они ведали, что все имеет Он под ногами Своими и что он есть Владыка самых небес как Зиждитель. Разумеешь ли теперь, что Священное Писание делает бледнеющий умеренным светом камень как бы каким образом и отображением неба, так как оно по природе своей светло-сине.

П. Превосходно сказал ты.

К. Итак, знамением неба служит смарагд, имея написанным на себе Израиля по коленам, и получив место на нарамнике, чрез что можно разуметь, что написанные на небесах во всяком случае и вполне успокоятся во Христе, едва не на раменах имеющем и вместо детей считающем добрых. Нечто таковое сказал и божественный Моисей, украшая Израиля покровением

Божиим: «как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих» (Втор. 32, 11). Но и Давид негде воспевае́т всякому святому и живущему в помощи Вышнего: «перьями Своими осенит тебя», – говорит он (Пс. 90, 4). "Перьями", как я думаю, он означает подшейные части и рамена, а отнюдь не всю спину. Таким образом на раменах подняты будут, по слову пророка, и взяты на мышцу, подобно древнему Ефрему (Ос. 11, 3), написанные на небесах в записи, которую славную, досточудною и превышающею красотою своею все Божественные дарования и Сам Спаситель явил святым ученикам Своим, так говоря: «однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 20). И пусть эта запись на камнях будет, сказано, «в память... сыном Израилевым... пред Господем», как будто бы взирающим на них в лице Аарона: и нас приемлет Бог и Отец в воспоминание в лице Христа, и в Нем мы соделались знаемыми Богу, достойными призора Его и как бы вписанными в книгу Божией.

П. Правильно ты сказал.

К. К этому повелевает присоединить и другое украшение говоря: «И сделай гнезда из... золота; и... две цепочки из чистого золота, витыми сделай их работою плетеною, и прикрепи витые цепочки к гнездам.... Сделай наперсник судный искусною работою; сделай его такою же работою, как ефод: из золота, из голубой, пурпуровой и червленой *шерсти* и из крученого виссона сделай его; он должен быть четырехугольный, двойной, в пядень длиною и в пядень шириною; и вставь в него оправленные камни в четыре ряда; рядом: рубин, топаз, изумруд, – это один ряд» (Исх. 28, 13–17). Затем, расположивши в порядке имена самих камней, прибавляет еще: «Сих камней должно быть двенадцать, по числу... сынов Израилевых, по именам их...; на каждом, как на печати, должно быть вырезано по одному имени из числа двенадцати колен» (Исх. 28, 21). И немного спустя потом: «И будет носить, – сказано, – Аарон имена сынов Израилевых на наперснике судном у сердца

своего, когда будет входить во святилище, для постоянной памяти пред Господом» (Исх.28, 29).

П. Как темен этот предмет – слово (судное); мне совершенно неудобопонятным кажется и образ его устройства.

К. Посему должно приступить к объяснению этого и как можно ближе к истине, хотя вполне достигнуть ее, быть может, нам и не позволит трудность предмета: видеть очень неясное, хотя бы и как в зеркале, я полагаю, лучше обратного, разумею то, чтобы совсем не понимать его. Итак, я скажу, насколько могу и имею смысла. Два щитка Он повелел сделать из чистого золота, более широких, чем окружность монеты, но одинакового с нею вида, так как монета имеет круглую форму. Затем «две цепочки из чистого золота»: были цепочки, имевшие вид испещренный красками. Это были: виссон, пурпур, золотые нити, голубой цвет и червлёное кручение. И, кроме того сотканное, говорит, должно быть четырехугольно, наподобие куба, в одну пядь и с равными отовсюду сторонами. На него должно было нашить, благоразумно сказано, двенадцать камней, расположенных по три в ряд, так чтобы во всех четырех рядах на них (камнях) были вырезаны поименно все колена (Израильские). Итак, свешиваясь с нарамника на золотых разноцветных цепочках, щитки были слегка приподняты, так что казалось, что они находятся несколько выше – на самых раменах; но они касались персей и свешивались до самых сосцов; а со щитков слово судное, иными цепочками очень хорошо прикрепленное, висело на персях, причем цепочки свешивались вниз. И дивна была для зрителей эта вещь, сиявшая камнями и золотом и превосходно отделанная прекрасными цветами других материалов. И это, сказано, да будет «в память... сыном Израилевым... пред Господом», когда Аарон входит во Святое. Не ясен ли для тебя наконец, насколько то возможно, образ этих искусных изделий?

П. Даже очень. Но почему этому изделию дано название: слово судное?

К. Не сказали ли мы раньше, основываясь на словопроизводстве, что нарамник назван так потому, что он возлагался на оба рамена?

П. Да. Так что же из этого?

К. То, что и слово судное названо так по словопроизводству и по соответствию с тем, что заключено в сердце и утробе; потому что сердце и утроба служат как бы жилищем нашей разумной способности, а в разумной способности нашей как бы утвержден и естественно водружен правый о каждом из действий и безукоризненный суд, то есть правосудие и то, что каждому приличествует. Разве разумная способность наша не взвешивает природу действий и не отделяет неприятное и бесполезное от превосходнейшего?

П. Конечно так.

К. И богодухновенное Писание имеет обыкновение именовать справедливость и правосудие судом. Так божественный Давид воспевает: «Блаженны хранящие суд и творящие правду во всякое время!» (Пс.105,3). И еще сказал он: «могущество царя любит суд» (Пс.98,4): ибо прекрасна честь и слава царя, если он любит правду. Итак, возлагавшееся на сердце и перси слово судное названо так потому, что оно лежало на месте разумной способности, в которой заключается справедливость с правдою. В нем же самом находились оправленные в золото двенадцать камней, имевших написание колен: они могут служить образом святых мужей, которые славны и честны и как бы какие камни избранные едва не заключаются в уме и сердце Христа. И они истинно достойны памяти по причине славы в добродетели и достоинства в освящении. Со слова судного свешивались и цепочки золотые, каковое обстоятельство, думаю, указывает на то, что от сонма святых как бы представляется свешивающейся длинная и неисчислимая вереница доблестных подвигов. Так и блаженный Давид говорит, что украшение Церкви заключается также в цепочках (Пс.44,14).

П. Толкование вероятно.

К. От слова судного тянулась вверх, как мы говорили продетая сквозь золотые кольца разноцветная и красивая цепь и, проходя чрез оба щитка, достигала до самой вершины нарамника, на котором были камни с надписями. А что означает и это, разве не достойно рассмотрения? Мне кажется, эта

загадка означает опять нечто таковое: честные, подобно камням, и пребывающие в разуме и памятовании Христа, востекая к написанию на небе, приобретают сие «с оружием правды в правой и левой руке», как пишет ясно божественный Павел (2Кор. 6, 7). Равно также и в другом месте говорит: «Облекитесь во всеоружие Божие» (Еф. 6, 11). Золотые оружия царя; золотые также и щитки, и прикровенно они указывают на всеоружие Божие. Итак, мы не иначе будем в памяти и записи Божией, как взявшись за оружия правды и с ними деятельно шествуя. А что слово судное прикасалось к на-рамнику, это, я думаю, может указывать на то, что земное соприкасается с небесным, при посредничестве Христа; «Он есть мир наш, соделавший из обоих одно», по Писаниям (Еф. 2, 14), и союзом любви связавший человеческое с сонмом святых Ангелов. Должно знать также, что и блаженный Иезекииль говорит, что князь Тирский надевал на себя всякого рода драгоценные камни, и потом перечисляет те самые, которые, по словам божественного Моисея, были положены в слове судном. Это были: рубин (сардий), топаз, изумруд (смарагд), карбункул (анфракс), сапфир, яспис, яхонт (лигирий), агат, аметист, хрисолит, алмаз (вириллий), оникс (сн. Исх. 28, 17–20 и Иез. 28, 13). Их по три в целых четырех рядах, каковое расположение сеннописует нам твердость в вере тех, кои пребывают в сердце и памяти Христа: символом веры служит расположение их по три и как бы в Троице, а твердости – в четырехугольной и равносторонней фигуре. Так сделано было слово судное, на котором находились и те двенадцать камней.

П. Соглашаюсь.

К. Кроме того к двенадцати камням повелевает присоединить и еще нечто другое, говоря: «На наперсник судный возложи урим и туммим, и они будут у сердца Ааронова, когда будет он входить [во святилище] пред лице Господне; и будет Аарон всегда носить суд сынов Израилевых у сердца своего пред лицом Господним» (Исх. 28, 30). Итак он именует это явлением и истиною, но не обозначил ясно – были ли это камни или же повелел Он сделать на малой дощечке такое написание. Воспомяну также пророка, говорящего: «Ибо долгое

время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима» (Ос. 3, 4). Но были ли и это камни или же имена были написаны на золотой дощечке, о сем не очень будет расследовать наше слово; мы будем знать только то, что все это возложено было во образ Христа, соприисутствующего святым; ибо Он говорит: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20). Истина же и явление есть Христос, потому что в Нем мы познали Отца и Он явил нам волю Его «благая, угодная и совершенная», по Писаниям (Рим. 12, 2); ибо сказал негде: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего», Я возвестил вам (Ин. 15, 14–15). И в другом смысле Еммануил есть истина, потому что только Он один есть Сын по естеству, Бог от Бога, един Свят, един Господь; тварь же по причастию и подражанию есть то, чем мыслится Он. Итак, соприисутствует святым Христос, подразумеваемый в явлении и истине, и Он же вносит нужды наши пред лицо Отца, «будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать» о нас (Евр. 7, 25). Это, я думаю, означают слова: «и будет Аарон всегда носить суд сынов Израилевых у сердца своего пред лицом Господним» (Исх. 28, 30).

П. Правда.

К. И еще повелевает приготовить некоторое священнолепное и досточудное одеяние, говоря: «И сделай верхнюю ризу к ефоду всю голубого *цвета*; среди ее должно быть отверстие для головы; у отверстия ее вокруг должна быть обшивка тканая, подобно как у отверстия брони, чтобы не дралось; по подолу ее сделай яблоки из *нитей* голубого, яхонтового, пурпурового и червленого *цвета*..., вокруг по подолу ее...; позвонки золотые между ними кругом: золотой позвонок и яблоко, золотой позвонок и яблоко, по подолу верхней ризы кругом; она будет на Аароне в служении, дабы слышен был от него звук, когда он будет входить во святилище пред лице Господне и когда будет выходить, чтобы ему не умереть» (Исх. 28, 31–35). Итак, внутреннюю ризою и подиром ясно называет длинный хитон, очень удобный для одеяния и от

самой шеи доходивший до оконечностей ног; синего цвета, потому что служит образом нетления небесного, то есть Христа. О таковом и божественный Давид предвозвестил, говоря как бы от лица Бога о священнодействующих в церквах: «священников его облеку во спасение» (Пс.131, 16); «облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа», – пишет нам в Послании и премудрый Павел (Рим. 13, 14). И это, я думаю, есть наше жилище небесное, которым мы желаем облечься: «одежда веселия, риза спасения», по слову пророка (Ис.61, 10). Синий цвет есть образ неба, как о том ясно было сказано. Истинно слово это и по отношению к нам, ибо мы облечены нетлением свыше. Если же разуместь и Самого Христа, как имеющего в образе Аарона ризу внутреннюю подир, тем не менее слово это истинно; ибо Единородный, будучи Богом по естеству, соделывает свое тело нетленным и, облекши его вышнюю жизнью, поставил выше всякого преобладания смерти. А что во Христе нетление и жизнь пребывает по естеству и вместе по причастию, это ты уразумеешь из следующего. Он сказал, будучи и по естеству Бог: «Я есмь воскресение и жизнь» (Ин. 11, 25); оживотворяемый же по человеческому естеству, Он говорит: «Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе» (Ин.5, 26). Итак, если будем разуместь и Самого Христа, о Котором сказано, что Он облечен нетлением свыше, то и в этом случае наша речь не уклонилась бы от надлежащего смысла. К нижним, далее, частям прилежали яблоки и звонки попеременно: яблоки – сотканые, а звонки – золотые, чтобы они были на самом деле звонками, а также чтобы, когда Аарон входил в Свята Святых, делали весьма заметным вхождение. И это служит образом спасительного и премудрого домостроительства, то есть Божественной и евангельской проповеди, оглашающей, можно сказать, всякий город с тех пор, как ради нас «однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление» (Евр.9, 12); «одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (Евр.10, 14). При этом ясным указанием спасительной проповеди служат из золота сделанные звонки, а городов – яблоки.

П. Каким образом?

К. Как город совне окружен одной стеной, а внутри себя содержит бесчисленные жилища; таким же точно образом, думаю, и вещество гранатного яблока совне окружено одной оболочкой, а внутри зерна отделяются друг от друга как бы стенками, тонкими тканями и едва не собраны по жилищам. Разве это не так?

П. Соглашаюсь.

К. Звонок был при каждом яблоке: в каждом городе есть учитель, который громким и благозвучным возгласением Божественных догматов делает для всех явным вхождение Спасителя нашего во Святая Святых. Даже и страх смерти угрожал назначенным священнодействовать во святой скинии, хотя бы то Аарону, если бы шум звонцов не довольно громко раздавался вокруг: молчание есть опасное дело для учителей; и это ясно сказал Павел: «горе мне, если не благовествую!» (1Кор. 9, 16).

П. Кажется, так; ибо ты указываешь очень правильно.

К. Кроме того, "И сделай, – сказано, – полированную дощечку из чистого золота, и вырежь на ней, как вырезают на печати: `Святыня Господня`, и прикрепи ее шнуром голубого цвета к кидару, так чтобы она была на передней стороне кидара; и будет она на челе Аароновом, и понесет на себе Аарон недостатки приношений, посвящаемых от сынов Израилевых, и всех даров, ими приносимых; и будет она непрестанно на челе его, для благоволения Господня к ним» (Исх. 28, 36–38). Итак, из материи синего цвета – головная повязка, а дощечка – золотая; вырезанная же на ней надпись – это таинство Христа и ясное предвозвещение послания Его в этот мир. Ибо "святыня", сказано, Господу; но разве не ясно сказал Еммануил о Самом Себе, что Он освящен от Бога и Отца?

П. Да, потому что я помню Его слова к иудеям: «Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, – Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?» (Ин.10, 35–36).

К. Когда Сын говорит о Себе Самом, что Он освящен от Бога и Отца, то указывает этим на то, что Он как бы предызбран

и послан. «Святыня Господня», сказано, то есть назначение и послание в этот мир; но только для царства и славы. Ибо так Бог совершает Аарона, возлагая на его чело золотую дщицу. Христос же есть Господь всяческих и Царь по естеству и вместе по причастию; ибо, будучи по естеству Богом, Он «Себя умалил», снисшедши до «образ раба» (Флп.2, 7). И приемлет царство, как то прилично человеческому образу, хотя и от начала был соседящим Богу и Отцу на небе, соправителем над всем и совладыкою. Разумей же, каким образом головная повязка его (Аарона) была из материи синего цвета, имея блестящий знак царства, то есть золотую дощечку. Синий цвет знаменует небо; и припомни слова Христа: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36); ибо Христос не есть земной царь, а небесный, имеющий всю тварь под ногами Своими. Присоединивши же слова: «и отымет Аарон согрешения святых, елика освятят... от всякого даяния святых своих», Писание ясно указывает на то, что всякое «приведение» (Еф.2, 18) и совершение – во Христе и что всякое оправдание – в Нем и чрез Него и отложение прежних прегрешений; ибо Сам Он подымлет грехи наши и чрез Него мы соделываемся приятными, принося Богу и Отцу дароприношения духовные.

П. Хорошо сказал ты.

К. Очень ясно указывая на то, что Царство Спасителя нашего неотъемлемо и постоянно и простирается в бесконечные веки, Писание говорит о дощечке на головной повязке: «и да будет на челе Аарона всегда». Где же после того должна найти себе убежище дерзкая и безумная речь нечестивых еретиков, пустословящих, что прекратится некогда держава Христова и что предаст Царство Богу и Отцу (1Кор. 15, 24) Еммануил, удалившись от престола Божества? И такими-то ужасными и вместе пустыми учениями похваляются люди, которым справедливо можно сказать: «заблуждаетесь, не зная Писаний» (Мф.22, 29). И вот, когда Бог и Отец ясно и очевидно украшает Аарона славою и честью непрестанною и знаками царского достоинства, они развенчивают и едва не похищают насильно приличествующее челу его священное головное украшение.

П.Правда.

К. "И сделай, – сказано, – хитон из виссона и кидар» (Исх. 28, 39). Воинский вид Аарону придавали пояс и шлем; ибо такой вид имел кидар. И за нас Христос ратовал «рукою тайною», по Писанию (Исх. 17, 16), и «лук свой напряже и у готова и ...стрелы своя сгораемым содела» (Пс. 7, 13 и 14) и низринул начала, восторжествовал над силами, потряс господства и освободил плененных на земле. А что не видимая и не чувственная была у Него брань и не с кровью и плотью, на это, кажется, прикровенно указывает то, что воинские доспехи – кидар (клобук) и пояс, – были сделаны из одного очень тонкого виссона. Так чрез священнолепное украшение Бог являет Аарона славным и досточудным. Присоединяет к сему и еще повеление, говоря: «сделай и сынам Аароновым хитоны, сделай им поясы, и головные повязки сделай им для славы и благолепия, и облеку в них Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, и помажь их, и наполни руки их, и посвяти их, и они будут священниками Мне. И сделай им нижнее платье льняное, для прикрытия телесной наготы от чресл до голеней, и да будут они на Аароне и на сынах его, когда будут они входить в скинию собрания, или приступать к жертвеннику для служения во святилище, чтобы им не навести [на себя] греха и не умереть. Это устав вечный... для него и для потомков его по нем» (Исх. 28, 40–43). Видишь, что и потомкам Аарона приличествует являться как бы в воинском виде; ибо весь священный род есть воинствующий, и не с кровью и плотью должен воевать и состязаться, но полагать преграды нечистому греху, вполне открыто и словесно ратуя за истинные учения пленяем «всякое помышление в послушание Христу», как написано (2Кор. 10, 5). Была, далее, у них нижняя одежда (надраги) льняная, весьма хорошо прикрывавшая безобразие и срамоту околобедренных частей: ибо все у святых честно и ничего нет в них срамного; льняное же, возложенное на околобедренные части тела, означает как бы то, что святым всего более приличествует охлаждение удовольствия плоти, потому что льняное прохладительно; а горячность в гнуснейших вожделениях чужда всякому святому. И по другой причине у получивших жребий священства облачения и нижние одежды делаются из льна: им

необходимо удаляться от мертвых дел; образом же мертвости служит взятое как бы от мертвечины, то есть от овцы. Итак, на отложение мертвых дел, опять как бы в прообразе, указывает облачение в льняные, а не в шерстяные одежды: и это – святой закон всегдашний. А что во всяком случае и непременно последует смерть за небрежение о надлежащем и о наиболее приличествующем им (священникам) благоукрашении, на это Он ясно указал в словах, что священнодействовать они должны, нося эти одежды: «да не наведут, – сказано, – на ся греха, да не умрут».

П. Предусмотрителен закон, весьма хорошо показывающий каждому полезное и для каждого приводящий в ясность то, посредством чего он может сделаться наилучшим.

К. Так. Таковым облачением украшая священный и избранный род, Бог и иным образом освящает его, как бы в сени, однако же в Христе; ибо написано: «Вот что должен ты совершить над ними, чтобы посвятить их во священники Мне: возьми одного тельца из волов, и двух овнов без порока, и хлебов пресных, и опресноков, смешанных с елеем, и лепешек пресных, помазанных елеем: из муки пшеничной сделай их, и положи их в одну корзину, и принеси их в корзине, и вместе тельца и двух овнов. Аарона же и сынов его приведи ко входу в скинию собрания и омой их водою. И возьми... одежды, и облеку Аарона в хитон и в верхнюю ризу, в ефод и в наперсник, и опояжь его по ефоду; и возложи ему на голову кидар и укрепи диадиму святыни на кидаре; и возьми елей помазания, и возлей ему на голову, и помажь его. И приведи также сынов его и облеку их в хитоны; и опояжь их поясом, Аарона и сынов его, и возложи на них повязки и будет им принадлежать священство по уставу на веки; и наполни руки Аарона и сынов его» (Исх. 29, 1–9). Итак, повелел принести в жертву тельца и двух овнов, опресноки и хлебы в корзине (коши); но предпочитает их и иначе, делая это, как думаю, образом истинного освящения: ибо, омыв Аарона водою, облачает его в святую одежду. И мы, только омывшись святым крещением и отершись от всякого вида нечистоты, обогащаемся благодатью свыше и с неба, приемля одежду веселия, по сказанному: «облекитесь в

Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 13, 14). Предыдущее рассуждение показало нам, что Христос многообразно был предызображен в украшении Аароновом. Теперь же елеем святым намащивает главу Аарона, как и Давид воспевает в одном месте: «умастил елеем голову мою» (Пс. 22, 5); где елей означает радость в надежде, возвещаемую гласом святых, или радостотворное посещение свыше: ибо мы, уверовавшие, помилованы и благословенны Господом, утучняя ум подаянием Духа; образом же ума служит голова. Равным сему образом освящаемы были и священники, водою омываемые и елеем помазуемые, будучи облечены в священное одеяние, имея совершенными и руки, чтобы явиться способными к чистому и непорочному совершению жертв. Так и мы предосвящены и украшены благодатью свыше и помазаны к совершенству духовному, так что уже с дерзновением и, так сказать, чистыми и всесвятыми руками приносим Богу дароприношения, очевидно духовные. И это, думаю, означает воспеваемое блаженным Давидом о всяком восходящем на гору Господню: «руки не повинны и сердце чисто» (Пс. 23, 4).

П. Кажется, так.

К. А каким образом надлежало совершать жертвы за священников, это Он определил законом, говоря: «И приведи тельца пред скинию собрания, и возложат Аарон и сыны его руки свои на голову тельца..., и заколи тельца пред лицом Господним при входе в скинию собрания; возьми крови тельца и возложи перстом твоим на роги жертвенника, а всю... кровь вылей у основания жертвенника; возьми весь тук, покрывающий внутренности, и сальник с печени, и обе почки и тук, который на них, и воскури на жертвеннике; а мясо тельца и кожу его и нечистоты его сожги на огне вне стана: это – жертва за грех. И возьми одного овна, и возложат Аарон и сыны его руки свои на голову овна; и заколи овна, и возьми крови его, и покропи на жертвенник со всех сторон; рассеки овна на части, вымой... внутренности его и голени его, и положи их на рассеченные части его и на голову его; и сожги всего овна на жертвеннике. Это всесожжение Господу, благоухание приятное, жертва Господу. Возьми и другого овна, и возложат Аарон и сыны его

руки свои на голову овна; и заколи овна, и возьми крови его, и возложи на край правого уха Ааронова и на край правого уха сынов его, и на большой палец правой руки их, и на большой палец правой ноги их; и покропи кровью на жертвенник со всех сторон; и возьми крови, которая на жертвеннике, и елее помазания, и покропи на Аарона и на одежды его, и на сынов его, и на одежды сынов его с ним, – и будут освящены, он и одежды его, и сыны его и одежды их с ним. И возьми от овна тук и курдюк, и тук, покрывающий внутренности, и сальник с печени, и обе почки и тук, который на них, правое плечо..., и один круглый хлеб, одну лепешку на елее и один опреснок из корзины, которая пред Господом, и положи всё на руки Аарону и на руки сынам его, и принеси это, потрясая пред лицом Господним; и возьми это с рук их и сожги на жертвеннике со всесожжением, в благоухание пред Господом: это жертва Господу. И возьми грудь от овна вручения, который для Аарона, и принеси ее, потрясая пред лицом Господним, – и это будет твоя доля; и освяти грудь приношения, которая потрясаема была и плечо возношения, которое было возносимо, от овна вручения, который для Аарона и для сынов его, – и будет *это* Аарону и сынам его в участок вечный от сынов Израилевых, ибо это – возношение; возношение должно быть от сынов Израилевых при мирных жертвах..., возношение их Господу» (Исх. 29, 10–28). И чрез несколько слов затем: «Овна же вручения возьми и свари мясо его на месте святом; и пусть съедят Аарон и сыны его мясо овна сего из корзины, у дверей скинии собрания, ибо чрез это совершено очищение для вручения им священства и для посвящения их; посторонний не должен есть сего, ибо это святыня; если останется от мяса вручения и от хлеба до утра, то сожги остаток на огне: не должно есть его, ибо это святыня» (Исх. 29, 31–34).

П. Как глубоко содержание этих повелений закона!

К. Да, очень глубоко: ты сказал правильно. Впрочем, не совсем темно, если Дух Святой осияет нас Божественным светом. Изъясим же опять, насколько возможно, каждое в отдельности. Бесчисленными способами освящает нас Господь наш Иисус Христос и делает священными и благоприятными

(Богу): «потому что через Него и те и другие имеем доступ» (Еф.2,18) И бываем вожделенными Богу и Отцу. Весьма полезна и необходима для спасения нам, подвергшимся тлению и греху, смерть Его равно как и жизнь, и кроме того совершение чрез Тело и Кровь Его: ибо во Христе, а не в законе – совершенство (ср. Евр.10,1,14).

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, усматривай как бы в прообразах то, посредством чего мы благоуспешно спасены и освящены и соделались священными и святыми во Христе. Телец от волов приводим был для жертвы и закалается пред самыми дверями святой скинии с возложением на него рук; кровь же его изливалась у жертвенника с помазанием рогов его, а внутренности его воскурятся вместо благовоннейших курений. Остальное же тело сожигается вынесенное вне стана. И телец есть Христос, как находящийся и вне ярма, и под ярмом; ибо, будучи по естеству Бог, Он был под законом по человечеству; потому что малый телец, непривычный к ярму, по природе своей разве не способен быть под ярмом?

П. Это так.

К. Таким образом Христос смотрительно был назван тельцом, дабы в одном и том же разумелось нами как необычайность рабства для Божества Слова, так и явление по человечеству в естестве, которое было под игом. Закалается же Он как бы за святую скинию и за возложивших на Него руки (это были левиты и священники): ибо Он умер за Церковь и за посвященных Ему чрез веру. А что священна и как бы в образе жертвы благоприятна Богу и Отцу смерть Еммануила, это ты можешь уразуметь из пролития крови у святого алтаря и помазания его, из воскурения внутренностей, которые могут служить и образом внутри и в уме находящихся добродетелей, которым присуще духовное благовоние, и не в одном каком-либо виде, поскольку внутренностей много: «тук, почка и сальник (препонка) печени. Остающиеся затем части тела сжигаются вне стана, ибо вне врат пострадал Христос: так пишет Павел (Евр.13,12,11). Истребление же тела огнем тонко указывает на то, что Его страдание и смерть отнюдь не к

бесславию послужат Ему, но окончатся светлой и всем явной славой; ибо под видом огня разумеется Божество: так сходило Оно и на гору Синай (Исх. 19, 18). Намереваясь разрушить державу смерти, Христос смотрительно подвергся смерти, дабы прославиться пред нами, как Богу. Таким образом смерть переходит в боголепную славу, имея концом своим светлое воскресение; и уничижение в страдании, побеждаемое высшим прославлением, обращается в ничто. Это-то я думаю, и есть в прикровенном смысле истребление мертвого тельца огнем. Присоединивши же, что грех есть, Бог указал на то, что страдание Христово послужило к очищению греха: дело ясное.

П. Так точно.

К. Затем берется первый овен и закалается так же, как и телец: изливается опять и кровь у алтаря и возносится он разрезаемый на части, по омовении внутренностей водою, вместе с головою и ногами, потому что «жертва есть». И чрез это опять изображается нам Христос, Который в овне совершенном есть совершенный, имея святую жизнь: на это, думаю указывает излияние крови у алтаря, ибо кровь есть образ жизни; и в воню благоухания возносится Он Богу и Отцу как за всех вместе, так и за каждого. Образом служит и то, что овен возносится на алтарь, и весь, и почленно. Также и мы – члены Христа в отдельности и все представляемые одним телом. Затем, что Он свят и священ весь и не имеет скверны нечистоты, на это весьма ясно указывает омовение внутренностей. Возносятся вместе и голова, и ноги, являя благоухание в освящении жизни Спасителя от начала и до конца; ибо у всякого животного голова есть начало, а прекращение как бы и конец всего тела – ноги. Но, может быть, лучше мыслить голову образом ума, а ноги – хождения, осуществляющегося в деятельности. Во Христе благоухают и достигают высшей степени чистоты все как мысли, так и деяния, ибо Он «греха не сотвори» (1Пет. 2, 22). Поэтому-то и называет освящение овна всесожжением и жертвою, так как Он не отчасти только свят или священ. И не Ему, а скорее нам приличествует как немоществовать иногда, так и подвергаться

грехопадениям; ибо никто не чист от грехов (Иов 14, 4) и «все мы много согрешаем», по написанному (Иак.3, 2).

П. Но как можно думать, что и самая жизнь Христа была за нас?

К. Это ты узнаешь, и очень легко, поняв, что в Адаме мы соделались общниками преступления его и едва не подверглись наказанию за его прегрешения, так как на всех перешло проклятие, и гнев некоторым образом пожрал род его. Итак, снисшел до вочеловечения «и вселися в ны» (Ин. 1, 14) Единородный и подчинил Себя Богу и Отцу, так как «быв послушным даже до смерти» (Флп.2, 8), уничтожая вину неподчинения Адама, и принес Богу и Отцу благоухание послушания за всех вместе и за каждого: и Им мы спасены. Свидетель сего Павел, так написавший: «Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни. Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Рим.5,18–19) Итак, понимаешь ли, что мы спасены, когда Христос умер за нас как бы в образе тельца, и что благоухает Богу и Отцу чрез подчинение Его и жизнь в освящении? Ибо кровь тельца изливалась у святого алтаря.

П. Понимаю, что говоришь.

К. Многообразно представляя Его нам, как бы в тених, Бог говорит: «и возмешь овна втораго»; – и над ним совершается заклание подобно первому. Помазуются также Аарон, и сонм священников, ему подчиненных, освящается, с возложением крови на края правой руки и правого уха, а равно и ноги правой. Освящается также и одежда священников, окропленная кровью, а затем, по излиянии остатка ее к основанию алтаря, согласно изволению Божию, взимаются внутренности, а также пресный хлеб и один опреснок – тот и другой намащенные елеем, – и приносят все это, положив на свои руки, Аарон и те, которые с ним, а принимает жертву Моисей. Кроме того, плечо и грудина, сказано, должны быть отделены для священника и лежать в числе отделяемых частей. Имя этой жертве – «овен совершения». По сожжении внутренностей остальное тело

сдается с хлебами, а оставшееся затем до утра сжигается огнем: так говорит Священное Писание.

П. Как глубоко это слово!

К. Ты сказал правильно: очень глубоко, и включает в себе таинство Христа; ибо Он соделался для нас «овном совершения», являя нас совершенным и во всем, что есть наилучшего, и отличнейшими в добродетелях чрез освящение в Духе, и прежде о иного влагая в нас слух, полный благословения, то есть послушный и благопокорливый и способный к принятию учений о Нем, но не терпящий пустых речей и гнусной необузданности языка, которую обнаруживают некоторые воюющие истину и восстающие на правое умение. Таков плод святого слуха. И божественный Иоанн говорит нам так: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1Ин. 4, 1–2). Испытание же речей естественно производится не иначе, как посредством уха. Итак, святое ухо должно быть у заботящихся о точности и правости учения. Но это есть дар Христа, в дарование неба, и совершение святой крови: ибо приобретена нами всего превосходнейшего совершается в Нем и чрез Него Посему и рука освящалась, как способная к деятельному труду, также и нога – ясный образ правости в хождении, так как нам должно прославляться святыми делами и правильно шествовать стезею, ведущую ко всему, что угодно Богу, согласно воспеваемому в Псалмах: «и обращал стопы мои к откровениям Твоим» (Пс.118, 59), или в книге Притчей: «права течения твори твоими ногами, и пути твоя исправляй» (Притч. 4, 26; ср. Евр.12, 13). Итак, пусть священный и избранный род приобретет святой слух и руки, а равно и ноги сейчас сказанным способом. Помазуются же все члены правой стороны и как бы в последней своей части, то есть на краях: "край", сказано, "уха", равно также и "ноги", и "руки": потому что всякое доброе деяние, думаю, благородно и право, не имеет ничего как бы левого в порочности и до краев доходит, то есть до целого или до конца: ибо посвященным Богу надлежит быть

правыми в освящении и до конца в терпении: "начавший, – сказано, – в вас доброе дело будет совершать его» (Флп.1, 6), и весьма неразумно возвращаться назад, как бы не решаясь довести до конца добро. поскольку же Моисей был образом Бога, то приносят жертву Аарон и те, которые с ним, а принимает он, чем Бог как бы указывает на то, что жертвы во Христе таким образом освященных Он примет едва не из рук в руки и не отвергнет дара, потому что он имеет в себе благоухание Христово. И это-то, думаю, означает возношение внутренностей, воскуряемых Ему. Священнику отделяется грудина и плечо от овна совершения. Плечо есть символ крепости, а грудина – сердца и разума. Так и святому и священному роду дарован от Бога и Отца Христос, сила и премудрость. Разве не в Нем мы и мудры и весьма сильны?

П. Как же иначе? Ибо написано, что Христос, Божия сила и Божия премудрость, соделался для нас этим от Бога (1Кор. 1, 24).

К. Далее, священной пищею для избранных к священнослужению были мяса; а даются они вместе с пресными хлебами, причем никто из иноплеменников не должен участвовать, или если бы кто сделал это, должен умереть: ибо прилично священным душам причащаться святой пищи, то есть Тела Христова; и недоступно благословение для иноплеменных. Под иноплеменными же можно разуместь как еще не верующий и не крещенный род, так сверх того и совратившийся в иномысленный ум и несходный во мнениях со святыми и как бы отделенный (от них) нечестивостью учений. Далее, огнем истребляется всякий остаток жертвы, так как закон не позволяет съедать это даже и на следующий день: ибо для нас, думаю, будет и некоторый другой способ освящения в будущем веке, совершаемый духовно, а уже не телесно, – так, как ведает все пересозидающий Бог, прелагающий во что хочет. В этом случае приведенные слова будут иметь не непонятный смысл: когда престанет в нас тление, после воскресения из мертвых, тогда не будет необходимо то, что прежде давало возможность избегать его. Итак, должен быть предполагаем другой род освящения, приличествующий состоянию того времени, когда Христос будет

с нами. Впрочем, сказав, что пришло нам на ум, уступим место тем, которые лучше нас разумеют это. И может быть на таковое нечто указывает божественный Павел, говоря: «когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1Кор. 13, 10), то есть будет иметь конец и престанет.

П. Кажется, так.

К. Итак, это, сказал Бог, должно быть совершаемо при посвящении священников. Когда же священники израилены собраны были и созваны в собрание, то Он повелел сделать в слух всех объявление, говоря: «возьми Аарона и сынов его с ним, и одежды и елей помазания, и тельца для жертвы за грех и двух овнов, и корзину опресноков, и собери все общество ко входу скинии собрания. ... И сказал Моисей к обществу: вот что повелел Господь сделать». И облакает Моисей Аарона и священников украшением, кропит елеем помазания «на жертвенник семь раз и на все принадлежности его, и на умывальницу, – сказано, – и скинию, и все, что в ней, и освятить их» (Лев. 8, 2–11): свята скиния, но алтарь в совершеннейшей мере преизобилует освящением чрез Духа, хотя и не как причастный чину разумных существ, ибо не так свят, как, например, естество ангела или душа человека, но, так сказать, вследствие прикосновения к возлагаемой на него жертве; потому что свято и место, на коем бывает Христос. Итак, помазав алтарь семижды, то есть обильно, Моисей освящает Аарона: возлил на него елей помазания и кроме того принес жертвы за него и за сынов его – недавно изъясненным нами способом. Когда же это приведено было к концу, присоединяет к сему еще повеление, говоря: и из «Семь дней не отходите от дверей скинии собрания, пока не исполнятся дни посвящения вашего, ибо семь дней должно совершаться посвящение ваше; как сегодня было сделано, так повелел Господь делать для очищения вас; у входа скинии собрания будьте день и ночь в продолжение семи дней и будьте на страже у Господа, чтобы не умереть, ибо так мне повелено [от Господа Бога]» (Лев. 8, 33–35). Какой обряд совершался над каждой из жертв, это весьма достаточно показала нам предыдущая речь. Посему, опустив тонкость рассуждения об этом, перейдем к следующему. Закон

не позволяет: получившим священный и избранный жребий и уже посвященным на дело священства пребывать где-либо вне святой скинии, но повелевает до седьмого дня сидеть внутри ее и; едва не пригвозждает к дверям, так, чтобы они не преступали даже порога ее, поставляя это сидение в святых местах, как я думаю, знамением твердости и пребывания в освящении; ибо необходимо быть твердыми и неуклонными в добродетели нам, которые назначены к тому, чтобы быть подле Бога, не ходя вне надлежащего образа жизни и не выходя из свяшеннолепного образа мыслей, но всегда пребывая как бы вблизи и живя при Боге, согласно сказанному устами пророка: «Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь и приходите» (Ис.21, 12). До семи дней повелел Моисей делать это, семь означает, что должно стараться во всякое время быть подле Бога; он говорит как бы: всецело и всегда. Находящимся же внутри скинии повелевает наблюдать стражи Господни и этим указывает на плод пребывания вблизи Бога – благопокорливость и желание делать все то, чтобы Он ни восхотел постановить. Так именно должно пребывать подле Владыки всех, потому что нерадение о добрых делах всегда оканчивается крайним злом. Поэтому-то, как я думаю, Моисей и присоединил: «да не умрете».

П. Правильно сказал ты.

К. Итак, уже посвященный на священнослужение Аарон начинает исполнять узаконенное. А каким образом, об этом скажем теперь. В книге Левит опять написано: «В восьмой день призвал Моисей Аарона и сынов его и старейшин Израилевых и сказал Аарону: возьми себе из волов тельца в жертву за грех и овна во всесожжение, обоих без порока, и представь пред лице Господне; и сынам Израилевым скажи: возьмите козла в жертву за грех,... и тельца, и агнца, однолетних, без порока, во всесожжение, и вола и овна в жертву мирную, чтобы совершить жертвоприношение пред лицом Господним, и приношение хлебное, смешанное с елеем, ибо сегодня Господь явится вам. И принесли то, что приказал Моисей, пред скинию собрания, и пришло все общество и стало пред лицом Господним. И сказал Моисей: вот что повелел Господь сделать, и явится вам слава

Господня. И сказал Моисей Аарону: приступи к жертвеннику и соверши жертву твою о грехе и всесожжение твое, и очисти себя и народ, и сделай приношение от народа, и очисти их, как повелел Господь» (Лев.9,1–7). Устремив изощренное внимание на Священные Писания, ты, Палладий, очень ясно усмотришь и здесь просиявающее таинство Христово.

П. Каким образом?

К. В восьмой день Моисей престаёт как бы священствовать; начинает Аарон; впрочем, не умолк и Моисей, хотя к делам священства и приступил уже Аарон. Время священства Христова по справедливости мыслится как послезаконное, то есть восьмой день, в который было воскресение и как бы некоторое начало нового века: ибо «во Христе, нова тварь», согласно написанному (2Кор.5,17). Но когда уже явился Христос в восьмой день, установленное Моисеем престаёт: уже не в образах и тенях мы служим Богу. Впрочем, наставление в законе не умолкло, так как закон духовен для духовных и всегда проповедует таинство Христово. Моисей обетовал, что в восьмой день явится слава Господня; ибо закон предвозвестил время пришествия Спасителя нашего. К сему присоединяет еще повеление, чтобы Аарон совершил жертвы прежде за себя самого, а после того – за весь народ, поставляя это, как я думаю, образом того, что касается до нас, и являя весьма хорошо и ясно, что избранным для священства и приемлющим освящение в вере по справедливости приличествует быть святыми и священными. Объясним также, насколько возможно, и то, каков был образ приношения. Телец закалаем был за грехи и для очищения священнодействующих. По излиянии же крови на святой алтарь и по воскурении внутренностей остальное тело сжигалось огнем. Потом всесожигаем был еще овен по обыкновенному закону всесожжения. Козел был жертвой для очищения греха народа; телец и агнец во всесожжение, а овен и вол – в жертву спасения, причем возлагалась на алтарь и пшеничная мука, если и не вся вдруг, но погорстно и по частям. Затем говорит: «И поднял Аарон руки свои, *обратившись* к народу, и благословил его, и сошел, совершив жертву за грех, всесожжение и жертву мирную. И вошли Моисей и Аарон в

скинию собрания, и вышли, и благословили народ. И явилась слава Господня всему народу: и вышел огонь от Господа и сжег на жертвеннике всесожжение и тук; и видел весь народ, и воскликнул от радости, и пал на лице свое» (Лев. 9, 22–24).

П. Так что же скажешь ты и об этом?

К. Поистине в восьмой день явилась слава Господня, есть сделался явным Сын, слава Бога и Отца: так Бог называл Его, говоря священнейшему Моисею: "живу Аз", – говорит Господь – истинно наполнится славы Господней вся земля (Чис.14, 21). А священными являет Он нас, Сам за нас как бы в образе тельца закалаемый и освобождая от греха, отпускай всякую вину и очищая скверну, происшедшую от осуждения, подобным образом Сам приносимый, как овен, в воню благоухания мысленного, Сам же бывая и жертвою спасения освящая нас собственной кровью, Сам есть и семидал (пшеничная мука), намащенный елеем, в радости святой жизни являющий Себя Самого за нас Богу и Отцу.

П. Понимаю, что ты говоришь.

К. Думаю также, что она жертва за Аарона и за народ превосходно означает посвящение святых Богу. Когда уже показан был и сделал себя явным Еммануил, чрез Которого мы призваны к освящению, тогда наконец мы становимся приятными и священными и посвящаемся в воню благоухания Отцу; заметь, что хотя посвящение священников, как недавно было сказано совершилось согласно с законом, однако же чрез Него (Еммануила) они опять многообразно были освящаемы: ибо Он сожигаем был как телец вне стана за грех; воскуряем был как овен, всесожигаемый надлежащим образом, весь почленно, так как за каждого и за всех; освящал их, помазуя кровью, как овен спасения. Когда же наконец наступил восьмой день, то есть день, в который соделалась более явною слава Христова, с упразднением смерти и попранием тления, тогда уже и священники, и народ совершают приношения Богу, не чуждыми какими-либо дарами чествуя Его и не внешними радуя Владыку всяческих, как и Израиль по плоти, но себя самих являя благоухающею жертвою: ибо в этих жертвах мы, как бы в образе, священнодействуем над собственными душами и

приносим их Богу, умирая для мира и для мудрования плотского, и претерпевая умерщвление страстей, и едва не сораспинаясь Христу, дабы, переходя к святой и непорочной жизни, жительствовать сообразно воле Его. Нечто таковое пишет и божественный Павел: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2Кор. 4, 10). И еще: «если терпим, то с Ним и царствовать будем» (2Тим. 2, 12); «если мы соединены бываем смерти и страданиям Его, согласно написанному, то общниками и воскресения», и славы Его будем (Рим. 6, 5; см. Флп. 3, 10, 21). Итак, «Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат», по слову блаженного Павла (Евр. 13, 12); «Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание», вне врат (Евр. 13, 13); подобно как телец, закалаемые и, как овен, всесожигаемые, мы благоухаем Богу жительством во Христе. И это жертвы за Аарона и за сослуживших ему и происшедших от него; а жертва за народ есть козел, приносимый за грех. Какое этому основание, когда для очищения священников приносим был телец? Все касающееся священников имеет превосходство: и приношения жертв, и то, что относилось к очищению и освящению. Так, например, телец больше козла по величине тела, представляя тем ясное указание духовного превосходства в предметах. Телец же и агнец во всесожжение таинственно указывают на младенчество во Христе освящаемых верою. Вол и овен, затем, весьма ясно обозначают терпеливость и мужество, а также и плодоношение в кротости: образом первого служит вол, а второго – овен. Увлажненная же елеем пшеничная мука весьма ясно указывает на светлую надежду жизни во Христе: ибо не печальным и плачущим, но благодушным и радостным приличествует нам прилепиться к жительству Христову. Это, я думаю, значит изречение: «приидите, возрадуемся Господеви» (Пс. 94, 1): потому что так же чисто и ясно воссияет слава Христова весьма радостно принимая плодоприношения святых, как и тогда ясно Бог снизошел в виде огня и потребил жертвы. Как бы пищею и удовольствием для себя считает Он прославление освященных верою. Но приведенные слова указуют собою и на нечто

таинственное: тогда Бог ниспослал силу огня на рассеченные части, как бы коснувшись подлежащего, ибо всегда Божество изображается в виде естества огненного; ныне же, когда Ему предлагается жертва мысленная, Он, уже не в виде огня, нов Святом Духе мысленно прикасаясь к предлагаемому, являет ее животворною для желающих причаститься ее. И это мы приняли верою за истинное.

П. Правильно сказал ты.

К. Воздев руки, Аарон благословил народ. Обрати опять внимание на это первое как бы возложение рук Аарона на народ: всех благословляет истинный Аарон – священников и народ, «малыя с великими», по слову Писания (Пс.113, 21), едва не возлагая и рук; а возложение руки может служить ясным знамением ниспослания на нас Всесвятого Духа. И прежде священнодействия Аарона не было возложения руки; «еще не было на них Духа Святаго, – по слову Иоанна, – потому что Иисус еще не был прославлен» (Ин. 7, 39).

П. Сказанное убедительно.

К. И образ молитвы священников благоустраивает Он, весьма ясно поставляя как бы некоторыми предуказаниями Христовых страданий заключающиеся в ней слова, ибо сказал: «скажи Аарону и сынам его: так благословляйте сынов Израилевых, говоря им: да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир! Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я... благословлю их» (Чис.6, 23–27). Итак, повелевает увенчанным саном священства благословлять народ, но с пользою отклоняет от суетности помыслов, показуя не руку человеческую благословляющею, но Себя Самого, как не Господа: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов», согласно иному (Иак.1, 17). Христос есть путь благословения, и Сам Он есть раздаятель нам небесных благ; в Нем и чрез Него все от Отца. Так и божественный Павел говорит: «благодать вам и мир от Бога Отца Нашего, и Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 1,7). Итак, мы благословляемся именем Божиим. Каков же должен быть и самый образ молитвы,

на это ясно указывая, Бог сказал, что молящийся священник должен произносить: «да благословит тя Господь и сохранит тя, да просветит Господь лице Свое на тя и помилует тя, да воздвигнет Господь лице Свое на тя и даст ти мир». Таким образом благословение сохраняет, разрешая клятву и преобразуя согрешавшего, чтобы он заслужил похвалу во Христе. И Сего свидетелем служит Павел, написавший так: «благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе: якоже избра нас в Нем прежде сложения мира, быти нам святым и непорочным пред Ним в любви: прежде нарек нас во усыновление Христом в Него» (Еф.1, 3–5). Видишь, что отверженный за грех сделался человеком, достойным принятия усыновления, благословляемым во Христе чрез причастие Духа, которого Он и излил на нас обильно, не отчасти даруя Его святым, но как бы от собственной полноты изливая Его в них. Далее, просвещение лица Божия тотчас доставляет как помилование, если истинно то, что в познании Бога привзойдет причастие жизни вечной; ибо так сказал Спаситель Отцу Небесному и Богу: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). А что лицо Бога и Отца есть Сын, Который и явился нам, в этом, как я думаю, никто нимало не может сомневаться; ибо Он есть образ и подобие и изображение Его (Евр.1, 3; Кол. 1, 15; 2Кор. 4, 4); чрез Него и с Ним познаем Отца, а с таковым познанием необходимо соединяется и помилование: потому что мы оправданы верою, и «не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости» (Тит. 3, 5); и освобождены от тления и преобразованы в обновление жизни во Христе, по милосердию Божию. И в другом отношении, именно если мы силу слова обратим на иудеев, – они поистине помилованы, когда воссиял им Единородный. На них лежало как бы некоторое неудобноносимое и долженствующее быть свергнутым бремя, закон осуждающий и без милосердия наказывающий согрешающих. Помилваны же они, приобретши в позднее время, едва лишь чрез Христа оправдывающую благодать, пришествие которого сильно желая

видеть, они взывали к Богу всяческих: «Боже сил! восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся!» (Пс.79, 8). Итак, все мы помилованы в явлении Христа. Также и воздвижение лица Божия дарует мир, которого податель и присудитель есть Христос, предложивший и дарующий его верующим в Него как бы Свое собственное благо: ибо "мир Мой, – говорит Он, – даю вам, мир Мой оставляю вам» (Ин. 14, 27). Когда как бы на высоте поставил Сына Отец, «дал Ему имя выше всякого имени» (Флп.2, 9) и говоря: «седи одесную Меня» (Пс.109, 1), тогда только, расторгнув разделявшую нас вражду, мы соединились в мире, посредством решимости – Его (Сына) иметь в своих мыслях и ходить в Духе, в Котором и чрез Которого мы явимся общниками «Божественного... естества» (2Пет. 1, 4), так как Христос связует нас в единство: ибо Он сказал Отцу: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21); потому что все мы – едино "тело" во Христе (1Кор. 10, 17), и: «соединяющийся с Господом есть один дух», по Писанию (1Кор. 6, 17). А что, после того как Бог и Отец как бы воздвиг лице Свое, то есть прославил Сына, мы стяжали мир с Ним, это Сам Он объявляет, говоря: «когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32).

П. Правильно рассуждаешь: «Ибо Он есть мир наш,... потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу» (Еф.2, 14, 18).

К. Итак, о священниках и их поставлении закон у нас таков; но кроме того ясно сказано и о том, что должен быть освящаем род левитский и что только предочищенный надлежащим образом должен приступать к назначенному ему священнослужению. Сказано же об этом так в книге Чисел: «возьми левитов из среды сынов Израилевых и очисти их; а чтобы очистить их, поступи с ними так: окропи их очистительною водою, и пусть они обреют бритвою все тело свое и вымоют одежды свои, и будут чисты; и пусть возьмут тельца и хлебное приношение к нему, пшеничной муки, смешанной с елеем, и другого тельца возьми в жертву за грех; и приведи левитов пред скинию собрания; и собери все общество сынов Израилевых и

приведи левитов их пред Господа, и пусть возложат сыны Израилевы руки свои на левитов; Аарон же пусть совершит над левитами посвящение их пред Господом от сынов Израилевых, чтобы отправляли они служение Господу; а левиты пусть возложат руки свои на голову тельцов, и принеси одного в жертву за грех, а другого во всесожжение Господу, для очищения левитов; и поставь левитов пред Аароном и пред сынами его, и соверши над ними посвящение их Господу; и так отдели левитов от сынов Израилевых, чтобы левиты были Моими. После сего войдут левиты служить скинии собрания, когда ты очистишь их и совершишь над ними посвящение их» (Чис.8, 6–15).

П. Разъясни же как следует, какой здесь должен быть нами мыслим способ очищения, установленного для левитов?

К. Таинственный, Палладий, и опять во Христе: ибо Он есть наше очищение и омовение всякой нечистоты и податель освящения. "Покропиши, – сказано, – на них воду очищения". Это же и мудрый Павел указывал, написав так: «Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа» (Евр.9, 13–14). И истинно слово: если в образах есть польза и сень спасительна, то не тем ли более сама истина, то есть Кровь Христова? Итак, вода очищения, смешанная с пеплом телицы, была ясным образом так называемой «мертвости» Христовой (2Кор. 4, 10), как во святом крещении и сами мы исповедуем исполнение этого чрез веру, согласно с тем, как сказал опять тот же божественный Павел: «мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6, 4); и еще сказал он: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась... в смертной плоти нашей» (2Кор. 4, 10–11).

П. Но что значит так называемая здесь мертвость Христа?

К. Это значит умереть для мира и грехов и проводить жизнь священную, святую и наиболее всего любезную Богу, чем опять весьма похвалялся Павел, говоря: «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но

живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал.2,19–20). Это, думаю, и значит: умереть в мире и понести мертвость Христа, а в то же время и проводить жизнь в Нем. Итак, пепел, телицы в смешении с водою может указывать собою на мертвость Христа, совершаемую во святом крещении, причастниками которой, сказано, должны быть и сами числящиеся левитском чине и как бы в сени освобожденные от всякого вида плотской нечистоты. На это, думаю, указывает, и очень ясно, снятие бритвою волос на теле: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого» (Евр.4,12), как бы какую нечистоту волос и ногтей срезающее с ума нечистоту врожденных нам плотских движений, каковую Священное Писание в одном месте называет также и законом греха, живущим в членах плоти и противовоюющим закону ума и влекущим недозволенному (Рим. 7, 23). Но силою и действием Святого Духа, как бы бритвою срезаемый, он (закон греха) немоществует, а если бы как-нибудь стал снова усиливаться в нас, то еще с большею силою отсекается: «духом ходите, – сказано, – и похоти плотские не совершайте» (Гал.5,16). Как бритва, однако же, не вполне с самого корня вырывает у нас волос, а срезает недавно лишь вырастающий: так и в нас слово Божие не до самого как бы корня исторгает врожденное нам влечение похоти (ибо совершенная святость соблюдена для будущего века), но скорее умерщвляет возрастающее и усиливающееся в нас и укрощает неистовствующий в членах плоти закон. Итак, снятие волос загадочно указывает на очищение ума, которое совершает в нас Божественное и острейшее слово Божие. Омовение же одежд указывает нам светлое и безукоризненное жительство, вне проявляющееся: «промышляюще добрая не только пред Господом, по написанному, но и пред человека» (Рим. 12,17 и Притч. 3,4). И Сам Господь говорит: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5,16). Итак, истинно святые и священны должны быть чистыми изнутри и совне, нося

мертвость Иисуса в своем теле и некоторым образом спогребаясь Ему чрез святое крещение.

П. Ты хорошо сказал.

К. Сказано также, что за них (левитов) должна бы принесена жертва, состоящая в двух тельцах, совершенном однолетнем, то есть нежном и юном; совершенный приносится во всесожжение и вместе с ним воскуряется пшеничная мука, увлажненная елеем; а другой, приносимый в жертву за грех, сожигается вне стана: ибо так совершаемы были жертвы за грех. В обоих тельцах опять указывается Христос: в тельце, приносимом во всесожжение как всецело святой и приносимый за нас в воню благоухания Богу и Отцу, доставляющий святым радость и веселие жизни в надежде (так как вместе с тельцом приносима была пшеничная мука, увлажненная елеем); а эта радость и веселие во всяком случае сопровождает педпочетших жизнь во Христе. На Него же указывает и телец за грех, истребляемый огнем; ибо «ранами Его мы исцелились», по Писаниям (Ис. 53, 5). Заметь же, что телец совершенный всесожигается, а однолетний за грех закалается, дабы в двух ты разумел Одного, как бы в совершенстве добродетелей благоуханнейшего мысленно и как бы в простоте и незлобии закалаемого: "Я, – говорит, – как кроткий агнец, ведомый на заклание, и не знал» (Иер. 11, 19). А что вместе и за всех и ото всех как дар Богу приводится священнодействующий род, на это указывает возложение рук сынов Израилевых; ибо сказано: «пусть возложат сыны Израилевы руки свои на левитов» (Чис. 8, 10). Как левиты возлагали руки на главы жертвенных животных, закалавшихся за них в образ Христа (делали же это не для благословения их, – далеко нет, – но дабы возложением рук как бы указать на носящего грехи наши Бога и за нас священнодействующего, чтобы пригвоздить к Своему кресту «еже на нас рукописание» (Кол. 2, 14): так будешь ты разуметь и возложение рук народа на левитов; потому что он возлагал руки, как бы представляя их вместо себя Богу для священнодействия, как избранных. Но тогда совершалось возложение рук; ныне же, с переменою дел к несравненно лучшему, народ своим решением одобряет призываемых чрез

Христа к священнодействию, очень ясно присоединяя свой голос: «достойны!». И это совершается в церквах, как, несомненно, и древние совершали возложение рук на левитов при священной и Божественной скинии. Итак, очевидно, что если рукоположение будет совершаться и не в церкви, и не при народе, то это будет противно изволению Божию и несогласно со священными законами. – Посвященные левиты касаются всего, относящегося до священнодействия. Поэтому кто не свят во Христе и не предочищен надлежащим образом, тот да отступит далеко: ибо безнаказанно не может касаться Божественных алтарей.

Книга 12. О священстве

О священном облачении, равно как и о жертвах, которые Бог узаконил совершать при посвящениях священников, сказано ясно. Но так как о них и многое другое было изречено в отношении к священнослужению и к очищениям и к тщательной заботливости о том, чтобы жить вполне законно и отменно со стороны превосходства духовного, то, я думаю, прежде всего другого должно сказать вот о чем.

Палладий. О чем это?

Кирилл. Колено Левиино было посвященным Богу и избранным от всех колен, и закон давал этому колену право священнодействовать, так как Бог уделил ему эту отменную почесть; впрочем, не оставлял совсем без испытания сонм священнодействующих и не допустил к сему делу без исключения всякого за то только, что он происходил от племени Левия; но повелевал производить тщательное и весьма точное исследование, дабы кто-нибудь, кому случится недуговать каким-либо телесным пороком, не был негоден Богу и не приступал к Нему предосудительно и, как бы входя неомовенными ногами в скинию свидения, не оскорбил Бога, хотя бы то невольно. Написано же опять так в книге Левит: «скажи Аарону: никто из семени твоего во все роды их, у которого *на теле* будет недостаток, не должен приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему; никто, у кого на теле есть недостаток, не должен приступать, ни слепой, ни хромой, ни уродливый, ни такой, у которого переломлена нога или переломлена рука, ни горбатый, ни с сухим членом, ни с бельмом на глазу, ни коростовый, ни паршивый, ни с поврежденными ятрами; ни один человек из семени Аарона священника, у которого *на теле* есть недостаток, не должен приступать, чтобы приносить жертвы Господу; недостаток *на нем*, поэтому не должен он приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему; хлеб Бога своего из великих святынь и из святынь он может есть; но к завесе не должен он приходить и к жертвеннику не должен приступать, потому что недостаток на

нем: не должен он бесчестить святилища Моего, ибо Я Господь, освящающий их» (Лев. 21, 17–23).

П. Неужели, скажи мне, может служить кому-либо в вину телесный недостаток? Ужели Зиждитель подвергает обвинению природу, даже невольно испорченную?

К. Хорошо, Палладий; ты мыслишь правильно. – Вина и обвинение может быть только на тех, кои добровольно обращают свои помышления к порочному и предпочитают склонность ко всему, что есть нелепого. Ставить же в вину недостатки тела, естественно и невольно случающиеся, я думаю, и жестоко, и безжалостно, и не свободно от грубости. Отсюда можно понять, что Зиждитель всяческих не за невольные вины подверг обвинению человеческое естество и не как нечистого удалил недугующего телесно от предназначенного ему служения; но как бы опять от образа телесные предметы возводит наши мысли к более тонкому разумению и указывает на многообразие душевных страстей, а также, дает понять, что оно богоненавистно. Разве и божественный Павел не сказал, что избранным на священство должно быть славными во всем досточудном? «Да будет совершен, – говорит он, – Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2Тим. 3, 17). Равно также и епископу, очень ясно утверждал он, должно быть безукоризненным (1Тим. 3, 2–8); и о сем он много заботится.

П. Согласен, но знай, что я желал бы понять смысл каждого из недавно исчисленных недостатков.

К. Ну так, разделив их по частям на виды, скажем то, что придет нам на мысль. "Никто, – сказано, – из семени твоего во все роды их, у которого *на теле* будет недостаток, не должен приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему» (Лев. 21, 17). Непокосимое слово и суровое изречение; ибо закон этот положен не против одних только тех, которые тогда происходили от Аарона, но простирается на весь род, на все священническое племя и распространяется на всякое время: это означает, думаю, изречение: «от рода твоего в родех ваших». Всегда неприятно Богу то, что не беспорочно; никто не может указать времени, в которое было бы любезно Ему предосудительное, как, например, в недугах, особенно же

духовных. Напротив, Им ценится порочное, ни с какой стороны не недугующее растлением совершенное в добродетели и сильное в освящении, всегда заботливое о том, чтобы в терпении стяжать себе славу, ревностно со всегдашним благоразумием. Поэтому-то и дает закон о сем, простирающийся на весь род, уготовляя себе безукоризненный род священный и избранный, тогда в колене Левином и в племени Аароновом, а ныне в освященных во Христе, великом и истинном Архиерее, с которым мы сроднились чрез Духа, являясь общниками и причастниками Его собственного естества (2Пет. 1, 4). Поэтому же и в братский союз призвав оправданных верою, похвывается ими как общниками, говоря: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Ис.8, 18). Не признавал ли и божественный Павел, что эти слова касаются лица Христа (Евр.2, 13)?

П. Конечно так.

К. Итак, преграждает доступ к должности священнической тому, в ком есть какой-либо из поименованных пороков, как немощному и презренному. «Не должен приступать, – сказано, – ни слепой, ни хромой». Недостатки эти, если даже разуместь их телесно, сами по себе имеют много безобразия: ибо у кого потеряны глаза или кто не тверд ногою и не может ходить прямо, тому не лучше ли оставаться в покое, как нераспознающему, куда должно идти священнику, нежели идти сопровождаемому смехом и пользующемуся чужими ногами и глазами? Но это было бы еще не очень важно. Скажем теперь о необходимом для нас к познанию и созерцанию духовному, минуя грубость смысла буквального. Слепым, кажется, называет Он человека весьма простого и несмысленного; ибо что глаз в земном теле, то в душе, можно сказать, есть ум, просвещаемый светом Божественным и созерцающий самую чистую красоту, легкими как бы и быстрыми движениями мыслей весьма скоро восходя к точности мнения и умея не погрешать в правости учения. Это, думаю, означает приточно сказанное: «Глаза твои пусть прямо смотрят» (Притч. 4, 25); сказано также и матери иудеев, не право зрящей: «Но твои глаза и твое сердце обращены только к твоей корысти и к пролитию невинной крови,

к тому, чтобы делать притеснение и насилие» (Иер.22, 17). Итак, негоден к священнодействию но слепой, то есть совершенно неразумный и поврежденный умом и помыслом. Негоден к сему также и хромой, то есть муж, не умеющий ходить право и не крепкий для совершенного хождения: ибо слепота, как я сказал недавно, есть образ крайнего неразумия, а хромота как бы расслабленного и вялого движения и расположения, являемого при совершении всякого дела. Не к людям ли как поврежденным надлежит возгласить: «Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие» (Ис.35, 3)? Обвинял и Сам Христос народ Иудейский, как не хотевший утверждать на Нем правые стези, но, напротив, обратившийся к хромоте и уклонявшийся от правых помышлений; ибо сказано: иноплеменники ласкательствуют предо мною; «иноплеменники бледнеют и трепещут в укреплениях своих» (Пс.17, 46). Итак, равны между собою и очень близки как бы подобием пороков духовная хромота и слепота: первая – достоинство разума, другая – крепость в добрых делах переменяет в неспособность. Кроме сих отверженным повелел считать закон и корносого, а вместе с ним и человек с отрезанными ушами. К ним можно применить такое толкование: чувством обоняния распознается зловонное и благовонное из того, что таково по своей природе, то есть имеет запах; это чувство очень способно различать то, что может нас увеселять, и то, что не таково, но инаково и как бы находится в худшей доле. И человеческий ум, если он совершен в своих силах, то мощно идет к различению качества вещей и сделает точное исследование о каждой, и как наилучший меновщик, все испытывающий и хорошее удерживающий, «Удерживайтесь от всякого рода зла», согласно написанному (1Сол. 5, 22), весьма прославится; ибо он признает негодным постыдное, так сказать, и поддельное в поступках, но охотно допускает полезное и лучшее. Итак, тупоносие означает, что не очень здраво и совершенно то чувство, которым мы, распознавая все наилучшие предметы и о наилучших давая лучшее, а о постыднейших худшее суждение, бываем и называемся мудрыми и проницательными я тому подобными именами: потому что подобно запаху несется в ум качество

действий, им разумеваемых. Урезание же уха указывает, как мне кажется, непослушность; ибо порок урезанного уха, думаю, есть благопослушливость только отчасти, а не всецелая готовность к послушанию, или неспособность непорочно внимать священному, особенно же Писанию, что и делают некоторые, безрассудно обращающие благопослушливость души своей к тому, к чему не следует. Таковы, по Слову премудрого Павла, «от истины отвратят слух» его отвращающие, но прилежащие «духам обольстителям и учениям бесовским» (2Тим. 4, 3–4; 1Тим. 4:1, 6:20; 2Тим. 2, 16). Итак, человек с урезанным ухом означает изувечение внутреннего и мысленного слуха и извращение от правости в худшее. Но если у кого замечено будет присущим и «сокрушение ноги или сокрушение руки», да отступит, сказано, и да поставлен будет в одном с другими ряду. При этом человек со сломанной ногой или рукой, но не совсем расслабленный дает нам понять в себе не могущего вполне непорочно приступать к делам и не совершенно безупречное имеющего хождение или действие, разумею, в жительстве и жизни вполне законной. И таковы опять суть или «кто дело Господне делает небрежно», которым устами пророка возвещено «горе» (Иер. 48, 10), или же «праведное» не "праведне" гонящие, согласно написанному (Втор. 16, 20; ср. Прем. 6, 10). Заметь же, что наравне с духовной и совершенной хромотой ставится и заодно считается также и умеренное изувечение голени; ибо на одинаковом счету с полным бессилием делать что-либо доброе должно полагать и неправое совершение. И по справедливости представляется в хромоте полное бессилие, а в сокрушении неправость при совершении добрых дел.

П. Кажется, так.

К. Также и горбатого, и с пятнами на лице, и с гноем на глазах причисляет как бы к самым негодным. И горбатым мы считаем как бы преклоненного и долу взирающего умом, и склонившегося к страстям плоти, и утверждающего взор, очевидно мысленный, на земном, и, наконец, доходящего до того, чтобы ненавидеть исправление, то есть направление ума к помышлению о горнем. На сем счету могут быть поставлены

преступления иудеев, о которых написано: «да помрачатся глаза их, чтоб им не видеть, и чресла их расслабь навсегда» (Пс.68, 24). Имеющим же пятна на лице мы считаем такого, который имеет пятна на самом челе. Недуг этот имеет свойство делать темным вид верхней кожи. У тех, кому случится страдать этим недугом, отнимается даже возможность хотя бы скрыть его, так как он зарождается на бровях и распространяется по всему лицу. Таков пятнолицый телесно; мысленно же он указывает на человека нагло и открыто бесстыдного и как бы не имеющего чистого лица, но делающего для всех явным безобразие в жизни, до того, чтобы не знать даже и правильно сказанного одним из мудрых: мудрые «скрывают оскорбление» (Притч. 12, 16).

П. Каким образом?

К. Разве, Палладий, в нас не кроются бесчисленные страсти?

П. Да. Так что же из этого?

К. То, что каждый из нас, говорю тебе, почтеннейший, недугует чем-либо, но часто, побеждаемый стыдом пред братьями, употребляет много старания и ума на то, чтобы и казаться здоровым, и скрыть свой недуг.

П. Хорошо говоришь.

К. А если бы кто дошел до такой степени бесстыдства, чтобы считать за ничто – даже и явно грешить и совершенно презирать украшение чести, не показался ли бы уже таковой кому бы то ни было далеко ушедшим от священного и святого рода?

П. И очень.

К. Итак, пятнолицым закон называет такового за то, что он не умеет и не старается скрывать случающийся с ним недуг и порок. Имеющим же гной на глазах называет хотя и отнюдь не лишнего зрения, но не могущего употреблять его здраво, каковы суть некоторые, у которых есть благоразумие, но не видно решимости мыслить право: ибо одни и видя, как сказано, доброе, однако же обращают стремление своих желаний к ненадлежащему (Рим.7, 19, 21); а другие, хотя и могли бы быть причастны правому учению, однако же сами повреждают свой

ум, направляя его к непристойнейшей погоне за мнениями и не принимая никакого здравого понятия о Боге, каковы некоторые, особенно исчадия еретиков и кроме них иудеев, хотя и верующие, что есть Бог Отец, но явившегося из Него по естеству Сына безумнейшим образом отвергающие. Посему истинно воспеваемое о них гласом пророка: «имеющие очи, ...не видят" (Иер.5, 21); ибо никакой пользы нет в зрении, если не будет старания о том, чтобы зреть правильно, подобно тому как и хромоту и сокрушение ног мы справедливо признавали нужным считать в одинаковом положении; потому что совершенно ничем не будет отличаться от полной невозможности ходить хождение неправильное, очевидно, стезею дел и путем действий.

П. Хорошо говоришь.

К. Не должен также приступать к священнодействию человек, на котором оказалась бы дикая короста, или лишаи, или человек однопятренный, или же всякий, в котором есть порок. Дикой коросте должно уподобить гнуснейшие из страстей, стремительными потоками изливающиеся в душу и переходящие всякую меру, берущие начало от удовольствия, но доходящие до горького конца. Или ты не думаешь, что в каждом из прегрешений замечается и некоторая умеренность и неумеренность зла?

П. Каким образом?

К. Побеждаемый телесным удовольствием разве не страдает им и умеренно и сверх меры? Одни побеждаются только и недугуют умеренно, а другие доходят до вершины зла, недугуют неудержимо неистовствующим вожделением, так что выступают даже из пределов страстей, сообразных с природою.

П. Понимаю, что говоришь.

К. Итак, в каждом из зол неуместное выступление из пределов разума и обычной для многих меры может быть названо дикою коростою; лишаем же, кроме того, всякая, какая бы то ни была, страсть, всегда распространяющаяся вширь и имеющая непрестанное возрастание к худшему. Но Божественный закон хочет, чтобы мы умеряли и уменьшали появляющиеся у нас страсти. Так понимать должен ты, когда

слышишь слова: «Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки» (Еккл.10,4); ибо не наказанные из страстей всегда стремятся к постыднейшему, объемлют сердце и ум и доводят до совершенной гибели. Таким образом, нам должно обуздывать порочность, так чтобы наша трезвенность укрощала ее восхождением к лучшему, и уничтожала мало-помалу. Одержимым же кроме того называет, как я думаю, полумужчину, у которого отсечено приличествующее совершенному мужу; ибо сказано: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни малакии Царства Божия не наследуют» (1Кор. 6, 9–10). Женоподобными называет таковых, потому что они, получив природу мужчины, искажают приличествующее мужчине, изнеженные умом и телом, и добровольно переламеняя себя до бессилия и женоподобия. Но, вероятно одержимый означает и другое нечто. Мужчиною обыкновенно называют человека крепкого, плотно сложенного и имеющего достаточно силы к совершению всего, на что бы он ни решился. А под полумужчиною по справедливости можно разуметь не всецело крепкого и не вполне ревностного в достижении того, что приличествует: ибо тому, кто посвящен Богу, не приличествует приносить Ему мужество урезанное и крепость поврежденную и как бы немоществовать отчасти; но «мужаться и ...крепиться», согласно написанному (Пс.26,14), имея безупречное и безукоризненное рвение. Итак, бесспорно не может быть священником повинный пороку; однако же не устраняется от причащения святой пищи; ибо сказано: «из святынь он может есть; но к завесе не должен он приходить и к жертвеннику не должен приступать» (Лев.21, 22–23). Одержимые сокрытыми внутри души немощами еще могут причащаться благословения Христова, хотя и не таким же образом, как святые, то есть в подаяние освящения, в утверждение ума и в неподвижное постоянство во всем наилучшем; но так как приличествует недугующим, то есть в отложение зла, в прекращение греха, в умерщвление похотей и в восприятие здравия духовного. поскольку Христос есть «нова тварь», по Писаниям (2Кор.5, 17; ср. Гал.6, 15): то посему и мы

приемлем Его в себя, чрез святую Его Плоть и Кровь, дабы чрез Него и в Нем преображаясь в «обновленной жизни, отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях», согласно написанному (Рим.6,4; Еф.4, 22).

П. Правильно сказал ты.

К. Итак, Бог запрещает занятие священными делами немоществующим, так сказать, укоренившеюся и неотвратимую духовною болезнью; ибо не может быть свят постоянно недугующий прирожденными страстями. Но если и кому-либо из тех, которые не имеют в себе самих порока и безукоризненны в священнослужении, случится заболеть одним из общих и неискоренимых недугов, то повелевает не оставлять его безнаказанным говоря: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи Аарону и сынам его, чтоб они осторожно поступали со святынями сынов Израилевых и не бесчестили святого имени Моего в том, что они посвящают Мне. Я Господь. Скажи им: если кто из всего потомства вашего в роды ваши, имея на себе нечистоту, приступит к святыням, которые посвящают сыны Израилевы Господу, то истребится душа та от лица Моего. Я Господь.... Кто из семени Ааронова прокажен, или имеет истечение, тот не должен есть святынь, пока не очистится; и кто прикоснется к чему-нибудь нечистому от мертвого, или у кого случится излияние семени, или кто прикоснется к какому-нибудь гаду, от которого он сделается нечист, или к человеку, от которого он сделается нечист какою бы то ни было нечистотою, – тот, прикоснувшийся к сему, нечист будет до вечера и не должен есть святынь, прежде нежели омоет тело свое водою; но когда зайдет солнце и он очистится, тогда может он есть святыни, ибо это его пища. Мертвечины и звероядины он не должен есть, чтобы не оскверниться этим. Я Господь. Да соблюдают они повеления Мои, чтобы не понести на себе греха и не умереть в нем, когда нарушат сие. Я Господь..., освящающий их» (Лев. 22, 1–9). Приносящие жертвы, сказано, или освящаемое от сынов Израилевых, что они предлагают в жертву Богу, да не сквернят имя Его, принося непредочищенные и имея еще не омытою нечистоту, которой им случится

подпасть; иначе пусть знают, сказано, что тотчас подвергнутся крайнему наказанию: "Я есть Господь", то есть не божиеименный, против которого если бы кто и согрешил, ничего не будет преступного; ибо по отношению к камню или дереву что может быть сделано нами такого, в чем нам следовало бы давать отчет? Итак, сильными устрашениями направляя нас к осторожности, с пользою исчисляет виды нечистоты, которые могут случиться с нами, дабы священнослужители ведали путь наиболее приличествующей им честности, а также и то, чем они могли бы быть приятными Богу и чистыми, проводя жизнь, самую угодную Законодателю.

П. Правильно сказал ты.

К. Таким образом, прокаженного и страдающего семятечением удаляет от священнослужения и повелевает ему быть непричастным святыни дотоле, пока он не устранил от себя приключившийся с ним недуг и не будет от него возможно далее. К сим присоединяет, как страждущего однородною нечистотою, и прикасающегося ко всякой нечистоте души, или того, у которого истечет семя на ложе, а также и прикасающегося к гаду, и равно человека, подлежащего какому бы то ни было обвинению в осквернении; чрез что, как я думаю, закон не телесные состояния осуждает, если обратить внимание на истинную и чистую цель его, но как бы еще в образах в чувственном и телесном являет пороки душевные. Так, образом мертвости служит проказа, потому что она истребляет и пожирает плоть, приводит в противоестественное состояние и изменяет вид тела. А семятечение есть устранение плодородия, так как при этом естественное истекает вотще, каковым усматривается и ум человеческий, подвергшийся растлению и едва не обессиливаемый до бесплодия, поскольку не может разумеать ничего из необходимого для спасения. Таковы, например, были Именей и Александр, думавшие и говорившие, что воскресение уже было (2Тим. 2, 18; сн.: 1Тим. 1, 20; 2Тим. 4, 14). К сим могут быть присоединены и необузданно уклоняющиеся ко всему гнусному и плод своего разума повергающие прямо в пустые и неумеренные удовольствия. Итак, прокаженный и страдающий семятечением, то есть

одержимый делами мертвости – а дела мертвости суть плотские страсти, – и имеющий не нарастленным плодоношение, очевидно умственное и сокровенное, да отступит, сказано, «от святых... дóндеже очистится»: потому что, как сказал божественный Павел: «кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает, – говорит, – же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» (1Кор. 11, 27–29).

П. Ты превосходно сказал.

К. Но брати внимание, Палладий, на точность закона: устраняет не прокаженного только и страдающего семятечением, но как бы вместе с ними, осуждает и того, кто даже случайно прикоснулся бы к этим больным, разумею прокаженного и страдающего семятечением. «И прикасайся, – сказано, – всякой нечистоте души, или... ему же еще изыдет от его ложа семя, ... нечист будет" (Лев. 22, 4, 6).

П. Какой же может быть от этого вред для прикасающихся?

К. Конечно никакого, если иметь в виду ближайший смысл закона: ибо не осквернит души человека прикосновение к телу. Но закон духовен и прикровенно опять научает нас, что нечисты и виновны в осквернении одержимые душевными страстями. А вместе с ними оскверняются и прикасающиеся к ним или прилепляющиеся, очевидно по тождественности намерений и действий, так как «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15, 33) и нет никакого «соучастие верного с неверным» (2Кор. 6, 15); враждебен тьме свет и несходен с нею (2Кор. 6, 14) и истинно, «С милостивым Ты поступаешь милостиво, с мужем искренним-искренно», (Пс.17, 26) «с чистым-чисто, а с лукавым – по лукавству его» (Пс.17, 27). А что заболевание гнуснейшими пороками весьма тягостно не для одних только заболевших, но что и те, которые бывают с ними согласны и единомысленны, не менее, чем оные, оскверняются, на это закон указал, тотчас присоединивши: «или кто прикоснется к какому-нибудь гаду, от которого он сделается нечист, или к человеку, от которого он сделается нечист какою бы то ни было нечистотою, – тот, прикоснувшийся к сему, нечист

будет до вечера» (Лев. 22, 5–6). Гадами же лютыми и ядовитыми, думаем, называются и бывают те, к которым было бы прилично отнести изречение: «они злое мыслят в сердце» (Пс. 139, 3), «уста их полны злословия и горечи» (Рим. 3, 14; см. Пс. 9, 28). Таковы, и прежде всех других, суть извращающие правое и влагающие в уши простых людей гибельное учение, увлекающие к недобрым помыслам и к превратному мнению о Боге, или, может быть, и те, которые говорят: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем» (1Кор. 15, 32; Ис. 22, 13), и увлекающие умы людей неученых к мирским прелестям. Нечисты также и могут осквернять прикасающихся или близко подходящих к ним – говорю по отношению к закону расположения – те, о которых сказал в одном месте и премудрый Павел: «с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» (1Кор. 5, 11): ибо разве ты не считаешь наиприличнейшим священному и избранному роду, – не быть в таковых пороках и не примешиваться к людям, ими недугующим?

П. Конечно считаю.

К. Итак, «тот, прикоснувшийся к сему, – сказано, – нечист будет до вечера и не должен есть святынь, прежде нежели омоет тело свое водою; но когда зайдет солнце и он очистится, тогда может он есть святыни, ибо это его пища» (Лев. 22, 6–7). Запрещает, кроме того, также и вкушение мертвечины и звероядины. как могущее осквернить. Но обрати внимание, Палладий, на то, что отложение всякой скверны и освобождение от вины в нас может быть не иначе, как чрез одного Христа и во время пришествия Его

П. Каким образом?

К. Что все еще оставалось не очищенным и в осквернении и что не причастно было жизни то, что было прежде пришествия Единородного, это Он показал, сказав: «нечист будет до вечера и не должен есть святынь». Разве не в последние времена века пришел Еммануил?

П. Да, это ясно.

К. Оживотворены же мы, снедая хлеб истинно святой и небесный, то есть Христа, когда время пришло к концу и солнце как бы зашло и вечером заключило меру времени.

П. Конечно.

К. Поэтому-то оскверненный нечист до вечера, непричастен также и святой и животворящей пищи, ожидая времени очищения; но омывшись водою, после захождения солнца становится чист и имеет свой хлеб небесный: ибо освященным как бы водою, разумею в святом крещении, даровано благословение чрез Христа; и Он есть «хлеб животный», Он же опять есть и сшедший с небес «и дает жизнь миру» (Ин. 6, 33). А что захождение солнца означает время пришествия Спасителя нашего, это ты ясно увидишь из того, что Бог говорит об Агнце священнотаиннику Моисею: скажи сынам Израилевым, и да возьмут себе «одного агнца по семействам, – говорит, – ...и пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером» (Исх.12, 3, 6). Десятым называется тот час, в который явился нам Еммануил, уже к самому вечеру, то есть к концу настоящего века. Мертвечина, затем, и звероядина не менее чем и проказа в духовном смысле приносит осквернение прикасающимся: причем мертвечина очевидно означает человека совершенно мертвого и угасшего как бы в делах плоти; звероядина же – душу, подпавшую власти дьявола. А что, далее, спасительное дело – избегать человека, привыкшего мыслить о мертвом и угасшего умом и как бы питающего собою сатану (ибо он пожирает те души, которые захватит), это каким образом может быть не ясно для истинно здравомыслящих и весьма усиленно старающихся как можно далее отходить от всего, имеющего свойство осквернять?

П. Это так.

К. Но поскольку разъяснения доходят у нас уже до такой точности, и цель закона та, чтобы отнюдь не оскверненные, а непорочные были причастниками святых и животворящих яств, то он тотчас же весьма ясно различает роды и определяет, кто достоин благословения и способен приступить к сему: разъяснил также и то, кому надлежит быть устранным от

святых яств говоря: «Никто посторонний не должен есть святыни; поселившийся у священника и наемник не должен есть святыни; если же священник купит себе человека за серебро, то сей может есть оную; также и домочадцы его могут есть хлеб его» (Лев. 22, 10–11). Исключает как оскверненного и еще не омовенного иноплеменника и чужеземца, то есть того, кто еще не уверовал и не познал истинного Бога; ибо каким образом те, которые не связаны духовным и мысленным родством со Христом, великим и истинным Священником, могут быть причастниками хлебов Его? Мы не будем давать «святая псом, и никто не станет метать мысленный бисер... пред свиньями», по слову Самого Спасителя (Мф. 7, 6). Итак, вовсе непричастен иноплеменник. К нему присоединяет также присельника и наемника. Присельники опять, как мне самому кажется, суть живущие для мира и в нем жительствующие и как бы сделавшие своим отечеством землю вследствие того, что помышляют об одном только плотском, а в любви Христовой являются как бы присельниками одною лишь холодною верою. И как можно судить по их словам, они полезны и честны, а на делах и в нравах очень далеко отстоят от истинного благоговения. Наемники же суть те, которые и самое верование принимают не из уважения к истине, но ища благоволения некоторых, как бы награды за то, что кажутся христианами, и с ласкательством прибегают к попечениям со стороны людей, могущих быть им то полезными, и таким образом благочестие обращают в прибыль (ср. 1Тим. 6, 5) и прикрытие любостяжательности, благонамеренностью речей прикрывая себя, как бы личиною. Итак, что касается до силы закона, то присельники и наемники должны сопричисляться к иноплеменникам и вместе с ними быть как можно далее от святых. Едва не родственными недугу пороками, они справедливо должны подвергаться и однородному наказанию. Домашних же закон повелел допускать участия в святыне, ибо "да снут, – сказано, – домочадцы" иереев и тот, кого они купят, причем закон называет приобретенным, купленным на серебро и домочадцем родственного по вере и домашнего по духу, и купленного ценою, по слову блаженного Павла (1Кор. 7:23, 6:20); «Христос искупил

нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою», согласно написанному (Гал.3, 13).

П. Правда.

К. Присоединяет также постановление, что «Если дочь священника выйдет в замужество за постороннего, то она не должна есть приносимых святынь» (Лев.22, 12). Домашнего явно почтил, допустив его причащаться святынь, как родственника. Но что имеющим родство со священником должно всевозможно остерегаться того, чтобы прилепиться к ней сродным по вере и образу жизни и как бы не приобретшим сродства по добродетели, это может быть ясным для желающих тщательно исследовать веру Священных Писаний: ибо как в прежде уже прочитанном закон считал нечистым прокаженного и с ним еще страдающего семятечением, а также причастником их осквернения и нечистоты полагал и близко к ним находившегося и как бы связанного с ними вследствие прикосновения: так и здесь говорит, что дочь священника, хотя и имеет святое родство, не получит отсюда никакой пользы, вступив в союз с другим, то есть с иноплеменником, отнюдь не родственным ей и не от крови Израиля происшедшим. Итак, вот исторический смысл сих слов. Если же закон перенесен будет нами к созерцанию духовному, то мы должны будем сказать, что дщерью священника он называет душу, от воды и Духа возрожденную силою Христа и чрез веру призванную к освящению. Но и таковая душа, говорит, может быть непричастна святым, если она посягнет за иноплеменника, то есть если вступит в союз с некоторыми не истинно святыми и не имеющими духовного расположения к Богу: так тела имеют телесный образ соприкосновения, а духи – духовный.

П. Кого же мы должны считать впадающими в это состояние?

К. Тех, кого предостерегало честное слово премудрости, так гласящие: «Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; если будут говорить: `иди с нами, сделаем засаду для убийства...`» (Притч.1,10–11). К ним же мы присоединим и тех, которые, невежественно уклонившись от правой веры, идут вслед плоти, не приемля словес Святого Духа, но «внимая

духам обольстителям,... через лицемерие лжесловесников, сожженных» умом (1Тим. 4, 1–2). Таковые, отметая родство со Христом, поистине посягнули за людей иноплеменных и приняли в себя семена диавольские и, будучи в заблуждении, плодоносят дела заблуждения и гибели. Итак, отвержена, хотя и священная некогда, и благочестивая душа, подпадшая столь постыдному осквернению: ибо вполне не священо все то, что соделывается нечистым и оскверненным вследствие союза с людьми дурными и нечестивыми. Рядом с этим Бог тотчас изрек и другой закон, который изложен так: «когда же дочь священника будет вдова, или разведенная, и детей нет у нее, и возвратится в дом отца своего, как *была* в юности" (Лев. 22, 13). Исторический смысл, думаю, ясен; посему должно перейти к внутренним и сокровенным мыслям. Если, говорит, душа, как осужденная, будет отвержена и окажется лишенной мужа, то есть мысленного Жениха, не имея никакого плода добродетели, то пусть бежит на первоначальный путь и скорее возвратится в дом отца своего, очевидно чрез раскаяние ища родства с Богом, и тогда да вкушает от хлебов Его. Впрочем, ничто не препятствует применить силу сказанного к тому, о чем мы недавно говорили. Если случится, сказано, что священная и святая душа, предавшаяся нечестивым мужам, впадет в заблуждение и воспримет скверну чуждых учений и посему станет как бы вдовою и оставленною Богом, трезвившись же как бы, познает, во что она пала: то пусть возвратится к Отцу, ибо Он приемлет заблудших, если они оказываются чистыми от приразившихся к ним нечестивых семян и если не принесут с собою никакого остатка мерзости введших их в заблуждение, и сопричисляет их к стаду святых своих поклонников так, что Себя Самого предлагает как хлеб с небес, пищу им животворящую. Впрочем, думаю, посредством этих законов Законодатель указывает нам и на нечто другое. Он предвозвещает как бы отпадение синагоги иудейской и ее осуждение за это, а также и имеющие снизойти на нее по времени благодать, призывающую ее милостью Божией к обращению и возводящую в первоначальное состояние: ибо "Если дочь, – сказано, – священника выйдет в замужество за

постороннего, то она не должна есть приносимых святынь». Что касается до научения и наставления, то как бы каким отцом синагоги иудейской был божественный Моисей. Таким образом она была дочерью жреца, потому что Моисей был священнодействователем, так как происходи, от крови и колена Левия. Но "дочь" его посягнула за человека «постороннего» (иноплеменника): ибо за совершенно малозначащее считая определенное Богом и некоторым образом пренебрегая семенами, свыше ниспосылаемыми, она заботилась об учениях и заповедях человеческих и плодоносила мнениям людей чуждых. За сие-то Бог и обвинял ее, говоря ей устами Иеремии: «Подними глаза твои на высоты и посмотри, где не блудодействовали с тобою? У дороги сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила землю блудом твоим и лукавством твоим» (Иер.3, 2–3). Но это древние преступления иудейской синагоги; им родственны и новые, соделанные против Самого Христа: ибо отнюдь не приняв свыше и от Бога Отца пришедшего Жениха, она внимала словам книжников и фарисеев. Таким образом, она посягнула за человека иноплеменника и посему осталась непричастною святым, так как не вкушала хлеба небесного, то есть Христа. Видишь преступления и тотчас наложенное от Христа на нечестовавших ими людей наказание. Посмотри теперь и на то, каким образом они помилованы и возведены в первоначальное состояние. «Когда же дочь, – сказано, – священника будет вдова, или разведенная, и детей нет у нее, и возвратится в дом отца своего» (Лев. 22, 13). Вдовою и отпущенною за нечестие против Христа явилась синагога иудейская и пребыла в грехах и в неимении ничего из духовных благ, и в этом (положении) провела долгие времена. Но она возвратится в отеческий дом свой, ибо и она будет призвана чрез веру к Богу; признает для себя вместе с нами Отцом Зиждителя всяческих и сделается причастной благословения Христова. Эту тайну сделает тебе ясною и слово пророка; ибо он так сказал: «Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима. После того обратятся сыны Израилевы

и взыщут Господа Бога своего и Давида, царя своего, и будут благоговеть пред Господом и благостью Его в последние дни» (Ос. 3, 4–5).

П. Истинно слово.

К. Итак, священное, то есть святое, может быть вкушаемо благоприлично для восприятия только людьми неповрежденными в себе самих; но не может еще быть предложено не пребывающим здоровыми или оскверненным чрез общество с чуждыми; ибо написано: «со строптивым развратишься» (Пс.17 27). А что и для людей истинно священных не безвредно как бы обращаться на общее употребление святыню и думать, что она ничем не отличается от прочих яств, это он разъяснил, тотчас же говоря: «Кто по ошибке съест что-нибудь из святыни, тот должен отдать священнику святыню и приложить к ней пятую ее долю. Священники сами не должны порочить святыни сынов Израилевых, которые они приносят Господу, и не должны навлекать на себя вину в преступлении, когда будут есть святыни свои, ибо Я Господь, освящающий их» (Лев. 22, 14–16).

П. Не очень понимаю, что значит сказанное тобою.

К. Уразумеешь это, и очень ясно, ибо здесь нет ничего трудного. Возносимое в воню благоухания, тельцы ли то или же овцы, возносимы были на алтарь только отчасти, причем отделяемы были внутренности, ноги и голова, тук, а иногда и почки; остатками же питались священники, ибо «те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника», как и божественный Павел сказал (1Кор. 10, 18). Итак, необходимо было, чтобы посвящаемо было Богу нечто из приносимого, согласно приличествующему каждой жертве обряду, а остальным телом жертвы вознаграждались бы совершители ее. Если же бы кто унес совершенно весь дар и употребил на собственные нужды, ничего не воскулив, то виновен был бы пред законом, как употребивший в пищу святое. Так поступали сыновья священника Илия, похищая и оскверняя посвящаемое Богу прежде принесения его в жертву и весьма нечестиво говоря проходящим для жертвоприношения: «дай мяса на жаркое священнику» (1Цар. 2, 15). Но оные беззакония, как

вольные и заключавшие в себе явное оскорбление, получили соответственное наказание. Если же случится кому-либо, сказано, или по забвению, или по неточному знанию постановленного законами сделать что-либо таковое, тот пусть подвергнется взысканию и немедленно отдаст равное возмездие; «и да приложит к сему еще пятую... часть», то есть пятую долю ценности; и таким образом разрешит вину и устранил вред, происшедший «по неведению» (Лев. 22, 14–16). Итак, когда и по неведению совершенное не свободно от вины, то что же думать о совершаемом с умыслом и по дерзости? Посему имеющим попечение о священном должно остерегаться искать случая присвоить что-либо прежде жертвоприношения; иначе пусть они знают, что, ужасно согрешая, повинны будут наказанию и подвергнутся Божественному гневу. Разве ты не считаешь этого истинным, друг мой?

П. Вполне.

К. А что священствующим должно быть святыми и омовенными и мужественно отрясать мертвый, так сказать, и охлажденный помысел, не дышащий добродетелью, это Бог разъяснял, говоря: «И сказал Господь Моисею: объяви священникам, сынам Аароновым, и скажи им: да не оскверняют себя *прикосновением* к умершему из народа своего; только к ближнему родственнику своему, к матери своей и к отцу своему, к сыну своему и дочери своей, к брату своему и к сестре своей, девице, живущей при нем и не бывшей замужем, можно ему *прикасаться*, не оскверняя себя; и *прикосновением* к кому бы то ни было в народе своем не должен он осквернять себя, чтобы не сделаться нечистым. Они не должны брить головы своей и подстригать края бороды своей и делать нарезы на теле своем. Они должны быть святы Богу своему и не должны бесчестить имени Бога своего, ибо они приносят жертвы Господу, хлеб Богу своему, и потому должны быть святы» (Лев. 21, 1–6). Если кто тщательно исследует предмет в его истине, то для человека совершенно никаким осквернением не может быть смерть другого. Но смертность телесная есть образ смертности внутренней и душевной, которою необходимо оскверняется приблизившийся к ней или хотением, или деланием того же

самого: поэтому святым прилично удаляться и находиться возможно далее от мертвых дел, и прекрасно – не сходиться с недугующими таковыми делами; ибо написано: «Кто прикасается к смоле, тот очернится» (Сир.13,1). Причастен может быть, и очень легко, порочности другого не остерегающийся прилепляться ему. Но закон позволяет освященным неповинно оскверняться по отношению к отцу и матери, детям и братьям, а также и близким родственникам, чрез приближение даже к бездушным телам их, из уважения к естеству, и не обращает внимания на эти, бывшие образом, прегрешения, лишь бы знаемые Богу не казались жестокими, надменными и несострадательными. Закон ясно говорит: «Почитай отца твоего и мать твою, ... чтобы продлились дни твои на земле» (Исх. 20 12). И в другом отношении и смысле, говорим, запрещено освященным скорбеть: как можно отягчаться скорбью о смерти тем, которые являются священнодействителями жизни и приносят жертвы Богу в разрешение от смерти (ибо смерть Христова, прообразуемая овцами и тельцами, есть разрешение от смерти)? Так и божественный Павел ясно пишет крещенным во Христа в надежде жизни и воскресения: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним» и воздвигнет с нами (1Сол. 4, 13–14, 17). Итак, закон дозволил освященным подходить к умершим, очень близким для них по родству; но умеряет это и не дозволяет нарушать наиболее приличествующее им посредством пользования этим правом в излишестве и сверх нужды, дабы тем не оскорбляем был почетный дар священства. Так, например, запрещает остригать, по подобию других, головы и, для обезображения лица, брить бороду; повелевает также, чтобы и другие нечестивые дела эллинского безумия, разумею нарезы на теле, даже на мысль не приходили: ибо сочувствовать близким родным в скорби несколько не безрассудно, но совершенно безобразить себя было бы вполне нелепо и безумно; потому что сказано: «всё должно быть благопристойно и чинно» (1Кор. 14, 40).

Предпочитать же обязанности в отношении к Богу обязанностям даже и в отношении к самим родителям, согласно с древним законом, повелел нам и Сам Спаситель, так говоря: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10, 37).

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, отнюдь не повелевает священникам оскверняться прикосновением к мертвым. А что не сходно и не согласно с нечистым святое, это и другими способами являет Он нам, устанавливая для нас законы о браках и тотчас после вышесказанного говоря о всяком священнике: «Они не должны брать за себя блудницу и опороченную, не должны брать и жену, отверженную мужем своим, ибо они святы... Богу своему. Святи его, ибо он приносит хлеб... Богу твоему: да будет он у тебя свят, ибо свят Я Господь, освящающий вас» (Лев. 21,7–8). Жена поистине не блудница и оскверненная недугует пороком открыто постыдным и несомненно заслуживает осуждения; но никаким образом не безвинна и изгнанная (мужем): ибо не напрасно потерпела изгнание от очага сожителя своего. Поэтому возведенным на столь почтенную степень служения должно удерживаться не только от пороков, имеющих в самих себе явное и открытое осуждение, но и от всякого дела, с которым соединяется мысль о пороке и недоброе предположение и бесчестие по причине очень многих подозрений. Кажется, эти слова таинственно указывают и на несчастье синагоги иудейской, которую за то, что «со многими любовниками блудодействовала», по написанному (Иер.3, 1), не принял в духовное общение Христос, всечистый Священник, вознесший Себя Самого за нас Отцу, как бы какой избранный дар, – святой вместе с нами по человеческому естеству, хотя и Сам всю тварь освящающий, как от Бога происшедший и Бог. Затем более ясным делает значение таинства, говоря, что «Если дочь священника осквернит себя блудодействием, то она бесчестит отца своего; огнем должно сжечь ее» (Лев. 21, 9). Предана пламени, как нечестивая и оскверненная, и синагога иудейская, следовавшая мнениям книжников и фарисеев и весь свой ум предавшая заповедям человеческим. Посему весьма

справедливо слышала она пророка, говорящего: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия!» (Ис.1,21.) Итак, соблудивши и совершенно призревши вышнего и духовного Жениха, она соделалась пищей огня. Посему-то, источая над нею горькие слезы, и пророк Иеремия говорит: «Зеленеющею маслиною, красующеюся приятными плодами, именовал тебя Господь. А ныне, при шуме сильного смятения, Он воспламенил огонь вокруг нее, и сокрушились ветви ее. Господь Саваоф, Который насадил тебя, изрек на тебя злое за зло» (Иер.11,16–17). Таким образом род мысленного блуждения есть уклонение от правосмыслия и старание прилежать учителям постыдным и нечестивым.

П. Так полагаю.

К. Впрочем, образы сказанного не ясны и не довольно хорошо видны на других священниках, но они как бы воссиявают в Аароне, носящем образ Христа; ибо сказано еще: «Великий же священник из братьев своих, на голову которого возлит елей помазания, и который освящен, чтобы облачаться в священные одежды, не должен обнажать головы своей и раздирать одежд своих; и ни к какому умершему не должен он приступать: даже *прикосновением к умершему* отцу своему и матери своей он не должен осквернять себя. И от святилища он не должен отходить и бесчестить святилище Бога своего, ибо освящение елеем помазания Бога его на нем. Я Господь. В жену он должен брать девицу...: вдову, или отверженную, или опороченную, [или] блудницу, не должен он брать, но девицу из народа своего должен он брать в жену; он не должен порочить сени своего в народе своем, ибо Я Господь..., освящающий его» (Лев.21,10–15). Видишь ясно, как бы еще в образах, Еммануил а и Христа, наименованного как бы в Аароне: ибо Он помазан Духом, по Писаниям (Ис.11:2, 42и др.), Сам будучи всесовершенный Священник. Посему и неотъемлемую имеет славу священства: «да не откроет, – сказано, – главы", то есть да не снимает священнолепного облачения; ибо Спасителю всех и Икупителю сказано: «Ты иерей во век по чину Мелхиседекову» (Пс.109,4). «Притом тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; а

Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу», так написал и божественный Павел (Евр.7, 23–25). Итак, запрещение снимать кидар с головы указывает на неотъемлемость священства. Если же сказать и так: да не снимает митры (увясла) с головы, – то ты весьма легко уразумеешь здесь постоянство и непоколебимость царства его: ибо митра, имеющая на самой вершине чела золотую дощечку, есть образ начальства и царства. Но «да не раздерет», сказано. У некоторых есть обычай делать это над мертвыми; но это дело совершенно чуждо Христа: ибо жизнь не может потерпеть никакого мучения от смерти. Для нее совершенно ничего не значит мертвое; но она сама есть и разрешение смерти и разрушение тления. Так и Спаситель некогда запрещал желавшим оплакивать дочь начальника синагоги, говоря: "отыдите и не плачьте: не умре бо девица, но спит» (Мф.9, 24). Поистине неразумно было проливать слезы над девицею, как над умершею, когда присутствовала жизнь всех, то есть Христос. А если Он и Сам прослезился над Лазарем (Ин. 11, 35), то это, как мы полагаем, было следствием любви, и сострадание к нам происходило от Божественной благодати: ибо удручаемое смертью естество побуждалось к состраданию и разрешением страдания для Него были слезы.

П. Кажется, так.

К. А что во Христе отнюдь нет ничего скверного, на это косвенно указывается словами, что архиерей должен удаляться от мертвечины, не подходя ни к чему мертвому, не заботя» при сем о почтении к отцу, или к матери, или к братьям. Смотри, как благоразумен закон и сколь немалое значение придает он приличествующему предметам умопостигаемым благоуукрашению: по отношению к другим священникам он обнаруживал внимание к естеству, и дозволял освященным безвинно совершать общепринятые действия по отношению к очень близким и кровным умершим; и не очень заботился о грехе в сени: ибо изображаемы были наши вины, и образ относился к людям, с которыми если бы и случилось осквернение, то ничего не было бы в том неестественного: «все

мы много согрешаем» (Иак.3,2), и самое естество наше немоществует склонностью ко греху. Но в великом Архиерее, то есть Христе, честь соблюдена чистою в самом даже прообразе и безукоризненность в самых тенях, дабы не была повреждена красота истины, как бы в них нарушаемая; потому что бессквернен Христос и не знает греха и превышает всякого осквернения, напротив, причастен светлости и чистоте мысленной, находится во всецелом освящении, и непреходящим им проявление этого, вследствие утверждения сего на естественных законах и всегдашнего пребывания в одном и том же положении и одним и тем же образом. И это, думаю, означает изречение: «И от святилища он не должен отходить и бесчестить святыни Бога своего» (Лев. 21, 12). Затем весьма ясно говорит, что женою для брачного общения должна быть дева, и исключает из брачного общения отверженную. Это было образом синагоги иудейской, ибо она извержена от общения с Ним и о ней говорит Он устами пророка, «ибо она не жена Моя, и Я не муж ее» (Ос.2,2) А Павел "обручил Христу церковь из язычников, как «чистою девою, ... не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (сн. 2Кор. 11, 2 с Еф.5, 27). И таким образом это указание на церковь из язычников и мать иудеев (синагогу) верно, и образ прекрасен. Если же кто пожелал бы силу этих мыслей надлежащим образом обратить на каждого из людей, то говорим, что с душами скверными и нечестивыми не соприкасается Христос; но со всесвятыми и чистыми, как бы с девами, духовно соединяется, и делает их плодоносными, и называет их своим родом: «ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, – говорит Он, – тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф.12, 50).

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, каковыми должны быть избранные на священнодействие, и что они должны стараться делать правильно, и от чего прилично им быть свободными, о том изречено ясно; но кроме того благоразумно было ясно сказать и о том, каким образом они должны священнодействовать, и исчислить в законах виды жертв и все священнодействуемое,

чтобы чрез это непорочным было у них дело и чтобы таким образом они совершили наиприятнейшее служение Богу. Посему и прежде всего другого «и не всходи, – сказано, – по ступеням к жертвеннику Моему, дабы не открылась при нем нагота твоя» (Исх.20,26). Но каким образом может случиться это, тотчас же скажет кто-либо, когда Он дал священникам «платье льняное для прикрытия телесной наготы» его? (Исх.28,42.) И так если бы нужно было и высоко восходить, ничего не было бы в том оскорбительного, когда их срамота была скрыта. Какая же поэтому, говорим, была цель закона? Поклонникам идолов казалось достохвальным и необходимым высоко в дубравах водружать жертвенники; и при этом немного было бы им заботы о том, чтобы быть в честном одеянии. Итак, закон **благоразумно** **направляет** **Божиих** священнодействователей к лучшему от того, что обыкновенно с ними случается, и как бы от образа телесного возводит к созерцанию духовному; ибо «и не всходи, – сказано, – по ступеням к жертвеннику Моему, дабы не открылась при нем нагота твоя». То есть Божий священнодействитель, посвященный на служение Мне, должен стремиться к смирению и не восходить на высоту; должен остерегаться надменности, чтобы не оказаться бесстыдным и безобразным: ибо надменная мысль безобразь и совершенно бесстыдна и есть весьма тяжкий недуг ума. «Сколько ты велик, – сказано, – столько смирайся, и найдешь благодать у Господа» (Сир.3,18). Пишет также и ученик Спасителя: «Да хвалится брат униженный высотой своею, а богатый – унижением своим» (Иак.1,9–10); ибо прейдет как трава и никаким образом не будет отличаться от цветов полевых (ср. Пс.102,15).

П. Соглашаюсь.

К. Итак, сказано, что от надменности и гордости должен быть свободен священнодействующий. Узнаешь ты совершенно ясно и о том, каким образом он мог бы сделать священнодействие самым законным и безукоризненным; ибо в книге Левит написано: «И сказал Господь Моисею, говоря: заповедай Аарону и сынам его: вот закон всесожжения: всесожжение пусть остается на месте сожигания на жертвеннике

всю ночь до утра, и огонь жертвенника пусть горит на нем, и пусть священник оденется в льняную одежду свою, и наденет на тело свое льняное нижнее платье, и снимет пепел от всесожжения, которое сжег огонь на жертвеннике, и положит его подле жертвенника; и пусть снимет с себя одежды свои, и наденет другие одежды, и вынесет пепел вне стана на чистое место; а огонь на жертвеннике пусть горит,... не угасает; и пусть священник зажигает на нем дрова каждое утро, и раскладывает на нем всесожжение, и сожигает на нем тук мирной жертвы; огонь непрестанно пусть горит на жертвеннике *и* не угасает» (Лев. 6, 8–13). Итак, непрерывен и непрекращаем совершенно огонь алтаря, и не чуждый или внешний, но получаемый с самого же алтаря, то есть свыше и с неба. И что это значит? – То, что святой алтарь наш исполнен славы Божией. В виде же огня является Божественное и неизреченное естество. Но кажется, эти слова весьма ясно указуют и на нечто таинственное.

П. Что это такое, о чем ты говоришь?

К. Разве мы не говорили, что Божественный алтарь, как бы в образе, есть Еммануил, чрез Которого мы приходим к Богу и Отцу, служа разумно и едва не воскуря благоухание в добродетелях и освящение евангельского жительства? Ибо сказано: «представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12, 1).

П. Говорили: помню.

К. Так смотри, не дозволяет прекращать сошедший с неба алтарь огонь или возжигать угасший, но повелевает, чтобы был на нем постоянно и пребывал непрерывно. Засвидетельствовал же и Иоанн Креститель о Христе: «я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я, – говорит, – не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым» (Ин. 1, 32–33). Итак, предызображаем был как бы еще в тенях, в виде огня, Дух Святой, сходящий на Христа и всегда пребывающий на Нем: ибо неусыпаем и совершенно непрекращаем огонь алтаря. А что Дух уподобляется естеству огня, в этом уверяет тебя и

блаженный Креститель, говорящий народу Иудейскому: «я крещу в воде; но стоит среди вас *Некто*, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви Его» (Ин. 1, 26–27). И сказал: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3, 11; см. Ин. 1, 33); потому что мы крещены не чувственным огнем, но Святым Духом, наподобие огня истребляющим в душах скверну. Посему и написано о Христе: «Он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий и сядет переплавлять и очищать серебро, ...как золото» (Мал. 3, 2–3). Итак, неугасим огонь алтаря: потому что пребывает во Христе Дух Святой, хотя и по естеству присутствует в Нем, поскольку Он мыслится и есть Бог. Но закон сказал также и то, что огонь алтаря есть его собственный: ибо если Единородный и соделался человеком и, как то приличествует человечеству, называется сославшимся причастным Духа; однако же Дух есть поистине Его Дух и в Нем и собственный Ему. А если бы кто захотел смысл сего отнести и к каждому из освященных верою во Христе, так чтобы каждый из них представляем был как бы Божественным алтарем, то и такое толкование будет полезно; потому что мужам священным и посвятившим жизнь свою Христу прилично являться горячими и кипящими Духом, – и это постоянно, – не увлекаемыми мирскими удовольствиями к охлаждению, но, напротив, воспламеняющими в освящении ум к любви Божественной и желанию добродетели. Это есть способ служения словесного. Таков смысл алтаря. Присоединяет же некоторое повеление полезное и со стороны буквального смысла; именно говорит, что пепел должен быть выносим не кем-либо другим из иноплеменников или из другого колена, но чрез освященных. И замечай, как закон не позволяет ничего из относящегося до Божественного служения считать маловажным или недостойным священнической деятельности, чтобы уступить это другому лицу не священному: потому что святое недоступно для нечистых. Да и самый Божественный алтарь неприкосновенен. И чтобы избранные для священнодействия ведали превосходство Божественного алтаря в освящении, усвояет честь и самим священнолепным облачениям: предусмотрительно не позволяет

являться вне скинии облеченными в священные одежды, дабы освященное, вращаясь среди нечистого и приемля осквернение отвне, не оскорбило чести святой скинии. Поэтому, хотя позволяет нести пепел одетым священнолепно, но когда выносят его вне скинии и удаляются от святых мест, повелевает переодеваться. Изрек же сродное таковому и устами Иезекииля; а пишет сей так: «И сказал он мне: `эта комната, которая лицом к югу, и которая лицом к северу, находящиеся на известных расстояниях, суть преграды святилища, в которых едят это сыны Садока, которые ...приближаются к Господу`» в Святая Святых, и там положат Святая Святых, и «от жертвы за грех и жертвы за преступление»: потому что место свято. «Да не внидет» туда кто-либо кроме священников. И пусть не "исходят" сии из двора святилища «во внешний двор», дабы всегда были святы приносящие жертву, и да не прикасаются "риз" их, «в них же служат», потому что они святы, и да «облекутся в ризы ины», когда соприкасаются с народом (Иез.40:45–46, 44:19, 29). Итак, святы и самые облачения священников и неприкосновенны для народа. Ночью и днем горит всесожигаемое: ибо непрекращаемо благоухание Христово. И самая жизнь святых, если ее разуместь под образом всесожжения, имеет непрекращаемое благовоние: потому что они благоухают Христовым благовонием, священнодействуя Богу похвалы от дел евангельского жития.

П. Истинно слово.

К. Итак, каков способ совершения всесожжения, это ясно из сказанного. А каков должен быть, и притом самый правильный, способ совершения жертвы (хлебного приношения), об этом повелевает, говоря: «Вот закон о приношении хлебном: ...сыны Аароновы должны приносить его пред Господа к жертвеннику; и пусть возьмет [священник] горстью своею из приношения хлебного и пшеничной муки и елея и весь ливан, который на жертве, и сожжет на жертвеннике: *это* приятное благоухание, в память пред Господом; а остальное из него пусть едят Аарон и сыны его; пресным должно есть его на святом месте, на дворе скинии собрания пусть едят его; не должно печь его квасным. Сие даю Я им в долю из жертв Моих. Это великая святыня,

подобно как жертва за грех и жертва повинности. Все потомки Аароновы мужеского пола могут есть ее. Это вечный участок в роды ваши из жертв Господних. Все, прикасающееся к ним, освятится» (Лев. 6, 14–18). Итак, всесожигаемое означает как бы всесовершенное и всецелое посвящение избранных святых; жертва же – оную как бы отчасти святую и подчиненную Богу жизнь, точным указанием которой служит пшеничная мука, горстью священника возносимая с елеем и Ливаном: ибо жизнь, посвященная Богу, хотя бы то и отчасти, должна быть всецело благовонною и утучняемой самыми блестящими надеждами. Разве ты не признаешь благовоннейшим всякое доброе дело наше?

П. Конечно признаю.

К. Что же? Разве эти дела не совершаются нами с добрыми надеждами?

П. Несомненно: ибо во всяком случае за ними будет следовать обетованное от Бога.

К. Итак, ливан и налитая елеем пшеничная мука указывает нам на благовонную и блистательнейшую жизнь.

П. Ты хорошо сказал; но какая может быть у нас жизнь как бы отчасти святая?

К. Ни доходящая до вершины святолепного жительствова, ни идущая стезею очень возвышенною, какова была жизнь Иоанна или святых Апостолов; ни лишенная чести вследствие того, что побеждается жизнью низшею. Разве жизнь находящихся в мире и производящих детей, если бы они решились проводить жизнь похвально, не «разделись» между Богом и миром, по слову блаженного Павла (1Кор. 7, 33)?

П. Разделилась: как же иначе?

К. Итак, образом жизни не вполне посвященной Богу но как бы средней и обращенной в обе стороны было частичное посвящение пшеничной муки, имеющей благовоние и веселие, о которой закон говорит, что она будет в память о принесшем ее чрез служение священническое. И мы воистину приобретем памятование о себе у Бога тем, что благоухаем, делая приношения, так как Христос посредствует и приносит Богу как всецело святого, наподобие всесожжения, так и не совсем

такового вследствие разделения между миром (и Богом), как бы какую жертву отчасти посвященную Богу. Затем жертва – пресная: ибо прилично было бы, чтоб всякое наше дело совершалось чисто, во славу Божию. Так и Спаситель повелел остерегаться совершать молитвы стоя среди площади, и иметь угрюмый вид во время пощения, и безобразно трубить при подаении милостыни братьям (Мф.6,1,5,16); ибо это есть закваска, оскверняющая священное (жертвоприношение). Совершаемому же во славу Божию приличествует быть свободным от обвинения в человекоугодии; потому что таким образом оно будет поистине бесквасною и священной жертвой. Долею же и пищу для священников служит остаток жертвы. Всякий мужеский пол жертвы сдается в святом месте. Тем, что жертвы потребляются священниками в святом месте, соблюдается почтение к таинственнейшим словам нашим, а тем, что сдается всякий мужеский пол, превосходно указывается на то, сколь безобразное и поистине нечестивое дело – изнеженность в избранных от Бога: ибо она делает человека оскверненным, лишает его благословения духовного и являет непричастным уделяемых от Бога святым благ. Изнеженным оказался и Иуда, уклонившийся к скверноязычию; а это произошло от помысла отнюдь не мужественного и не благородного, посему-то он остался и не вкушившим Божиих благ и совершенно непричастным дарованных святым преимуществ.

П. Это так.

К. Таков закон жертвы, приносимой кем-либо из сонма израильтян; иным способом установил приносить жертву от рода священного, говоря: «вот приношение от Аарона и сынов его, которое принесут они Господу в день помазания его: десятая часть ефы пшеничной муки в жертву постоянную, половина сего для утра и половина для вечера; на сковороде в елее она должна быть приготовлена; напитанную елеем приноси ее в кусках, как разламывается в куски приношение хлебное; приноси ее в приятное благоухание Господу; и священник, помазанный на место его из сынов его, должен совершать сие: это вечный устав Господа. Вся она должна быть сожжена; и

всякое хлебное приношение от священника все да будет сожигаемо, а не съедаемо» (Лев. 6, 20–23). Усматривай, Палладий, точность закона и великую тонкость в священнолепной непоколебимости его: между тем как не повелел быть всесожигаемыми жертвам, приносимым от сонма, как не вполне святую жизнь имеющего, но разделенную как бы между Богом и миром, по справедливости выделивши и на высшем месте поставивши избранных для священнодействия, повелел жертве за них быть всесожигаемою, приносимую в жертву пшеничную муку воскурять Богу утром и вечером, то есть во весь день и во всякое время: ибо свят некоторым образом всегда и непрекращающееся имеет благовоние, очевидно духовное, избранный, не разделенный между Богом и миром, как некоторые, но благоприлежно и неотвлекаемо и всецело приверженный своему Владыке, и как бы восклицая: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19–20). Десятая часть меры ефы пшеничной муки есть знамение жизни, благоухающей Богу во всякое время. Но «на сковороде», сказано, а также и «напитанную елеем приноси ее в кусках»; сковородою, как я думаю, загадочно указывается нам на болезнование, смешением с елеем – на изобилие в радости, а тем, что "в кусках", – как бы на нежность и удобосокрушаемость сердца святых: потому что во всяком случае жизнь вполне и всецело святую сопровождают перенесение трудов, изобилие в надежде на Бога и полная удобосокрушаемость. Менее всего приличествует ей несокрушимость, ибо написано: «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Но «ожесте аки камень... и аки наковальня не подвижна» сердце диавола: так говорит Священное Писание (Иов. 41, 15). И этот закон простирается навсегда, исполняемый преемством священнодействующих: ибо должно следовать похвальным деяниям предков и являться подражателями славы отцов, идя по следам служения оных и принося Богу приятнейшее благоухание, не раздельно, а всецело. Это, думаю, значит изречение: «всяка жертва жреческа всесожженна да будет».

П. Итак, мы должны приносить себя самих и посвящать Богу в воню благоухания, следуя жизни святых и подражая их

священнодействиям, очевидно духовным.

К. Совершенно так, Палладий. Но что очиститься от скверны и избежать греха не иначе возможно было бы для кого бы то ни было, как только чрез Христа, в Котором и чрез Которого всякое очищение, так как Он претерпел за нас спасительное заклание, об этом всякий узнает, и притом немедленно, из соседственного с тем и сопряженного с ним законоположения. Оно таково: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи Аарону и сынам его: вот закон о жертве за грех: жертва за грех должна быть заколаема пред Господом на том месте, где заколается всесожжение; это великая святыня; священник, совершающий жертву за грех, должен есть ее; она должна быть съедается на святом месте, на дворе скинии собрания; все, что прикоснется к мясу ее, освятится; и если кровью ее обрызгана будет одежда, то обрызганное омой на святом месте; глиняный сосуд, в котором она варилась, должно разбить; если же она варилась в медном сосуде, то должно его вычистить и вымыть водою; весь мужеский пол священнического рода может есть ее: это великая святыня...» (Лев. 6, 24–29). Итак, жертва за грех есть не иное что как Еммануил, Который есть истинный «Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29). Закалается же на месте всесожжения: ибо не отчасти и не как мы свят Христос, потому что Он «не сделал никакого греха» (1Пет. 2, 22), но весь благоуханен и священ и есть податель освящения для всех других: ибо хотя Он и «со беззаконными вменился» (Ис. 53, 12) и смотрительно сопричислен был к осужденным, однако же Отец знал, что свята и священна смерть Сына. Посему и говорит: «на том месте, где заколается всесожжение; это великая святыня...» (Лев. 6, 25). Сын есть как Бог богов, так и Святой святых, Сам освящающий всю тварь Своим Духом, поскольку родился от Отца и есть истинно Бог. «Должен есть» жертву, сказано далее, «священник, совершающий жертву» (Лев. 6, 26): ибо каждый, думаю, из возведенных на священное служение соберет плоды трудов своих и пожнет воздаяние за свое служение. И остаток жертвы сдается в святых местах, в притворе святой скинии (Лев. 6, 16): потому что в церквах совершаются таинства и в них

избранный род удостоивается святой трапезы. И место, на котором священствует законный священник, должно быть свято. Затем жертва освящает прикасающегося к ней и окропление крови (Лев. 6, 27): ибо мы приступаем к святым тайнам не ради чего-либо другого, как для того, чтобы причаститься святого Христа посредством неизреченной и духовной жертвы. Очищаются, кроме того, и служащие для жертв сосуды, чтобы не послужило чему-нибудь другому и не употребляемо было на нужды человеческие то, что послужило святыне. И этот закон наблюдается и сохраняется в церквах. А что мужающимся прилично быть благословляемыми, и это опять уяснит закон, сказав: «весь мужеский пол священнического рода может есть ее» (Лев. 6, 29).

П. Речь ясна.

К. Законополагает, кроме того, и о том, каким способом может быть правильно совершаема жертва, разумею за грех, и какие части ее могут быть сьедаемы служащими, а какие, напротив, избираются в воню благоухания; ибо написано так: "а всякая, – сказано, – жертва за грех, от которой кровь вносится в скинию собрания для очищения во святилище, не должна быть сьедается; ее должно сжигать на огне. Вот закон о жертве повинности: это великая святыня; жертву повинности должно заколоть на том месте, где заколается всесожжение, и кровью ее кропить на жертвенник со всех сторон; *приносящий* должен представить из нее весь тук, курдюк и тук, покрывающий внутренности, и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник, который на печени; с почками пусть он отделит сие; и сожжет сие священник на жертвеннике в жертву Господу: это жертва повинности. Весь мужеский пол священнического рода может есть ее; на святом месте должно есть ее: это великая святыня. Как о жертве за грех, так и о жертве повинности закон один: она принадлежит священнику, который очищает посредством ее» (Лев. 6:30, 7:1–7). Запрещает употреблять в пищу внутренности (утробу) жертв. Одному Богу, сказано, они должны быть посвящаемы и Ему приносимы; ибо это, думаю, означает изречение: «огнем да сожгутся», то есть должны быть отделены для посвящения одному Божественному

и все превосходящему естеству, образом Которого служит огонь. Когда же приносится в жертву овен преступления, то кровь проливается у подножия (стояла) алтаря: ибо свята и священна, равно как и благоуханна смерть Христова. Возносятся внутренности, тук (жир), почки и лопасти (препонка) печени. Это, я думаю, как и раньше говорил, служит образом добродетели не единой, но как бы в виде многих: ибо весьма много видов добродетели. Итак, мы оправданы во Христе, претерпевшем за нас смерть и принесшем Себя Самого «Богу, в благоухание приятное» и Отцу (Еф.5 2). А что мы не безвозмездно будем служить Богу, это уясняет, тотчас же и кряду говоря: «И когда священник приносит чью-нибудь жертву всесожжения, кожа от *жертвы* всесожжения, которое он приносит, принадлежит священнику; и всякое приношение хлебное, которое печено в печи, и всякое приготовленное в горшке или на сковороде, принадлежит священнику, приносящему его; и всякое приношение хлебное, смешанное с елеем и сухое, принадлежит всем сынам Аароновым, как одному, так и другому» (Лев. 7, 8–10). Сохраняется в церквах и сей закон, и предписывает равенство между священнодействующими, разделяя каждому без различия дары бескровной жертвы. И зная это, Павел пишет: «Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища?», от алтаря жить (1Кор. 9, 13–14). И приносящие жертвы «не участники ли жертвенника», как он же опять говорит в другом месте (1Кор. 10, 18).

П. Это так.

К. Благоустраивает также и жертву хваления и дает заповедь о том, как она должна быть совершаема, говоря: «Вот закон о жертве мирной, которую приносят Господу: если кто в благодарность приносит ее, то при жертве благодарности он должен принести пресные хлебы, смешанные с елеем, и пресные лепешки, помазанные елеем, и пшеничную муку, напитанную елеем, хлебы, смешанные с елеем; кроме лепешек пусть он приносит в приношение свое квасный хлеб, при мирной жертве благодарной; одно что-нибудь из всего приношения своего пусть принесет он в возношение Господу: это

принадлежит священнику, кропящему кровью мирной жертвы; мясо мирной жертвы благодарности должно съесть в день приношения ее, не должно оставлять от него до утра» (Лев. 7, 11–15). Повелел совершать жертву хваления на хлебах квасных, хотя ясно и очевидно высказал в другом месте: «Никакого приношения хлебного, которое приносите Господу, не делайте квасного, ибо ни квасного, ни меду не должны вы сжигать в жертву Господу; как приношение начатков приносите их Господу, а на жертвенник не должно возносить их в приятное благоухание» (Лев. 2, 11–12). Не считаешь ли ты, Палладий, полезным полюбопытствовать об этом?

П. И очень.

К. Итак, скажем, сколько возможно тщательно исследуя и идя стезею сокровенною, какой вид домостроительства будет заключаться в этом. И божественный Давид, бряцая на духовной лире, вполне согласно с законом говорит: «чашу спасения прииму, и имя Господне призову» (Пс. 115, 4), чашею спасения очевидно называя жертву хваления. Приносим и мы хваление, собираясь во множестве в церквах, в единстве духа и как бы в очном теле и в одной душе, верую; ибо написано: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32). Совершаем также славословия часто и уединяясь каждый в доме, днем и ночью; и это дело обычно для людей честных. Разве не правду я говорю?

П. Как же нет?

К. Но в церквах ли всенародно приносится нами жертва, в других ли местах совершается, поодиночке ли или между двумя, тремя и большим числом лиц, безразлично предстояние привыкших песнословить и для сего сошедшихся: ибо вместе с очищенными уже чрез святое крещение возносит жертву сию и еще оглашаемый; но вместе с совершенными вознесши хвалу, от более таинственного еще удаляется и от жертвы Христовой устраняется. Поэтому прекрасно закон предвозвещал домостроительство и повелел совершать жертву хваления на квасных хлебах и на бесквасных печеньях (опресноках). Каждое из поименованного, как я думаю, означает вид жизни: хлеб квашеный будет служить образом жития и жизни, еще не

очищенной святым крещением и не совсем освобожденной от мирской нечистоты; бесквасное же печенье – уже очищенной во Христе чрез веру, – жизни, говорю, совершенных, к которым и божественный Павел возглашал, говоря: «Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1Кор. 5, 8). И еще: «Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны» (1Кор. 5, 7).

П. Ты превосходно сказал.

К. А пшеничная мука затем, еще не приведенная к единению, как, например, с хлебом или печеньем, но как бы остающаяся еще в крупинках, указывает на похвалу приносящих ее как бы на каждый раз особо и поодиночке: ибо мы приятны Богу, совершая славословия и в частности каждый, и все во множестве, как один. Возливается же на жертву хваления елей, означая радость совершаемого и то, что для обыхших приносить ее во всяком случае и всячески последует помилование от Бога. "Принеси, – сказано, – в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои, и призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс.49, 14–15) Пишет также негде и ученик Христов: «Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы» (Иак.5, 13). Итак, ясно повелел, чтобы жертва хваления совершаема была на хлебах квашеных и бесквасных печенях, и еще в крупинках пшеничной муки; когда же все это поодиночке было принесено от каждого и мука пшеничная, сколько ее могло быть в одной горсти, и когда заклана была овца, и внутренности воскурены по закону, а остальное отдано в пищу поставленным на священнодействие, чем закон являл не бесприбыточным священство, тогда присоединяет к сему еще повеление, говоря: «должно съесть в день приношения ее, не должно оставлять от него до утра» (Лев. 7, 15). Чрез сие можно легко понять следующее: когда пройдет это время и век настоящий минет как день, тогда у нас измышлен будет другой способ славословия помимо тех, которые мы знаем. Как освобожденные от владычества фараонова в подзаконное время, радуясь, говорили: «Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и

всадника его ввергнул в море» (Исх. 15, 1, 21), а некоторые из святых, созерцая наперед в духе несравненно более светлые и превосходные дела пришествия Спасителя нашего, восклицали: «Воспойте Господу новую песнь» (Пс. 97, 1); и песнь эта была: «Восшел Бог при восклицаниях» (Пс. 46, 6), пленив ад и «сказать узникам: `выходите`, и тем, которые во тьме: `покажитесь`» (Ис. 49, 9): таким же, думаю, образом, когда упразднится смерть и грех совсем разрешится, будет приличествующий времени и способ хваления: ибо мы за большее будем воспевать и, обогатившись превосходящими ум и слово благами, светлейшими похвалами увенчаем вместе с Богом и Отцом Подателя нам всех благ Христа. «Хотя и пророчества, – сказано, – прекратятся, ... и знание упразднится, и ныне Ибо мы отчасти знаем, ... когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1Кор. 13, 8–10). Также и Сам Христос негде сказал: «Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце» (Ин. 16, 25). Итак, поскольку в нас будет по времени знание совершеннейшее, то мы возвышеннее, нежели ныне, и воспевать будем.

П. Рассуждение вероятно.

К. Установив таким образом для каждой жертвы приличествующие ей границы и весьма ясно высказав, как ее совершать, тотчас делает священнодействователя общником алтаря; ибо записано так: «И сказал Господь Аарону: ты и сыны твои и дом отца твоего с тобою понесете на себе грех за *небрежность во святилище*; и ты и сыны твои с тобою понесете на себе грех за *неисправность* в священстве вашем» (Чис. 18, 1). Присоединив же к сему, что им должно с возбужденным и трезвенным умом приниматься за священные занятия, говорит: «И сказал Господь Аарону: вот, Я поручаю тебе наблюдать за возношениями Мне; от всего, посвящаемого сынами Израилевыми, Я дал тебе и сынам твоим, ради священства вашего, уставом вечным; вот, что принадлежит тебе из святынь великих, от сожигаемого: всякое приношение их хлебное, и всякая жертва их за грех, и всякая жертва их повинности, что они принесут Мне; это великая святыня тебе и сынам твоим. На

святейшем месте ешьте это; все мужеского пола могут есть.... Это святынею да будет для тебя. И вот, что тебе из возношений даров их: все возношения сынов Израилевых Я дал тебе и сынам твоим и дочерям твоим с тобою, уставом вечным; всякий чистый в доме твоём может есть это. Все лучшее из елея и все лучшее из винограда и хлеба, начатки их, которые они дают Господу, Я отдал тебе; все первые произведения земли их, которые они принесут Господу, да будут твоими; всякий чистый в доме твоём может есть это. Все зачатое в земле Израилевой да будет твоим. Все, разверзающее ложесна у всякой плоти, которую приносят Господу, из людей и из скота, да будет твоим; только первенец из людей должен быть выкуплен, и первородное из скота нечистого должно быть выкуплено; а выкуп за них: начиная от одного месяца, по оценке твоей, бери выкуп пять сиклей серебра, по сиклю священному, который в двадцать гер; но за первородное из волов, и за первородное из овец, и за первородное из коз, не бери выкупа: они святыня; кровью их окропляй жертвенник, и тук их сожигай в жертву, в приятное благоухание Господу; мясо же их тебе принадлежит, равно как грудь возношения и правое плечо тебе принадлежит. Все возносимые святыни, которые возносят сыны Израилевы Господу, отдаю тебе и сынам твоим и дочерям твоим с тобою, уставом вечным; это завет соли вечный пред Господом, данный для тебя и потомства твоего с тобою» (Чис.18, 8–19). Итак, отсюда понимаешь, думаю, и очень ясно что всякий вид жертвы и приношения наглядно отделил священному и избранному роду: и от всякого преступления, и от всех грехов, то есть жертвы за всякое преступление и грех: ибо имя жертвам за грех есть грех. Посему-то и мудрый Павел у нас прилагает ко Христу это изречение закона, говоря: «от имени Христова просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех» (2Кор. 5, 20–21): потому что Сын заклан был за грехи наши, но Писаниям, «как кроткий агнец» (Иер.11, 19; сн. Ис.53, 7; Деян.8, 32; Апок.5, 6–12 и др.). А что имя "грех" со стороны закона прилагается к жертвам за грехи наши, это Бог уясняет, говоря чрез пророка о священнодействующих: «Грехами народа Моего кормятся они» (Ос. 4, 8), то есть жертвы

за грехи народа Моего будут пищей для священников. Итак, Он отделяет им остаток всякой жертвы и повелевает употреблять в пищу, но только, говорит, "во святом месте" и всякому мужескому полу (Чис.18,10). Какой смысл сего, о том уже сказано нами в предшествующем; а начаток елея, пшеницы и вина, и выкуп первородных, и возложения назначены в пищу уже не для одного мужеского пола и не в святом притворе, но в доме священника и предлагаются для вкушения даже дочерям и всякому знакомому и домашнему. И такое различие необходимо заметить: ибо остатки жертв приличны к употреблению только одним освященным и не должны быть как бы общей пищей; и приличествующее им место есть место святое. Что же касается до прочего, что принесено как дар, это, говорит, как бы занимает второе место и может принадлежать всему дому священнодействующих, лишь бы только вкушающий был чист, то есть не осквернен: по закону, лишь бы не был не обрезанный, не иноплеменник, не прокаженный, не страдающий семятением, а по цели новозаветного Писания и верованию церковному, лишь бы не был несвященный и неверный, но был бы благочестивый и боголюбивый: ибо возведенным на Божественное священнодействие наиболее всего приличествует прилепляться к тем, которые добры нравами и имеют душу, полную любви Божественной. Присоединив же к сему, что «завет соли вечная есть пред Господом, тебе и семени твоему по тебе» (Чис.18,19), повелел всячески наблюдать то, о чем и в другом месте сказал: не будет недостатка в «соли завета Господня от жертв ваших, во всяком даре вашем да принесете Господу Богу вашему соль» (Лев.2,13). А что солью посыпалась жертва, этот образ означал то, чтобы мы благоразумно посвящали себя Богу и как бы делали наиприятнейшим Ему доступ к Нему: ибо «Едят ли безвкусное без соли», по написанному (Иов 6,6). «Вы – соль земли», – провозгласил святым Апостолам и Христос (Мф.5,13).

П. Ты хорошо сказал.

К. Таковы законы, по которым освященным прилично священствовать. А что избранным, получившим наилучшее суждение о себе, необходимо удаляться и от скверного

сообщества, и от мирского попечения, при котором и ум хорошо утвержденный может быть опьянен и едва не уклоняется к неразумным удовольствиям, это уясняет, говоря в книге Левит: «вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою, когда входите в скинию собрания..., чтобы не умереть. Это вечное постановление в роды ваши, чтобы вы могли отличать священное от несвященного и нечистое от чистого, и научать сынов Израилевых всем уставам, которые изрек им Господь чрез Моисея» (Лев. 10, 9–11). Итак, смотри, как необходимо им бодрствовать; и причиной смерти может служить тот случай, когда приступают к священному служению с умом помраченным и сердцем озабоченным и одержимым мирским опьянением (так как некоторые пьяны и без вина): ибо иногда ум доходит до безобразия, не держась правого пути, и тогда священное приходит в упадок, и дела совершаются уже не в порядке, но как бы сбиваются с правого пути. Находящиеся в таком состоянии необходимо оскорбляют Бога и потерпят горькое наказание за легкомыслие. Итак, необходимо бодрствовать, оттрясая опьянение, происходящее от мирского попечения. Делать это внушает и Сам Спаситель, говоря: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34). А каков у нас может быть способ трезвенности или как нам пребыть нескверными и чистыми, и свободными от наказания, это означил тотчас: «чтобы вы могли, – говорит, – отличать священное от несвященного и нечистое от чистого, и научать сынов Израилевых всем уставам, которые изрек им Господь чрез Моисея» (Лев. 10, 10–11). Очевидно должно сказать то, что священникам надлежит, оттрясая опьянение, удаляться от мужей не святых, скверных и нечистых. И это, думаю, может сделать всякий, и очень легко, пребывая нескверным и чистым: ибо «всякое животное, – сказано, – любит подобное себе», и к подобному себе прилепится муж (Сир. 13, 19). К тому же священникам надлежит быть мудрыми и учительными: потому что поставленный над словесным стадом должен быть трезвен и учителей. И весьма хорошо сказано: "устроить", то есть разъяснить, так чтобы слушающие могли познать, что «закон

был для нас детоводителем» (Гал.3,24) и изрекает таинство Христово: ибо он нисколько не недоступен и не требует объяснения, если не будет понимаем духовно, так как буквальный смысл совершенно прост и свободен от тени неясности.

Часть 3

Книга 13. Еще о священстве

О священниках и Аароне пока пусть будет сказано нам это. Но к сказанному должно, думаю, присовокупить то, чего в нем, кажется, недостает: постановленное о левитах; тогда рассуждение будет достаточно.

Палладий. Так продолжай и изъясняй; ибо ты рассуждаешь правильно.

Кирилл. Устанавливая наилучший порядок для священнодействий, Бог подчиняет первосвященнику учреждение левитское, так говоря в книге Чисел: «объяви левитам и скажи им: когда вы будете брать от сынов Израилевых десятину, которую Я дал вам от них в удел, то возносите из нее возношение Господу, десятину из десятины, и вменено будет вам это возношение ваше, как хлеб с гумна и как взятое от точила; так и вы будете возносить возношение Господу из всех десятин ваших, которые будете брать от сынов Израилевых, и будете давать из них возношение Господне Аарону священнику; из всего, даруемого вам, возносите возношение Господу, из всего лучшего освящаемого. И скажи им: когда вы принесете из сего лучшее, то это вменено будет левитам, как получаемое с гумна и получаемое от точила; вы можете есть это на всяком месте, вы и... семейства ваши, ибо это вам плата за работы ваши в скинии собрания; и не понесете за это греха, когда принесете лучшее из сего; и посвящаемого сынами Израилевыми не оскверните, и не умрете» (Чис.18, 26–32). Видишь ли таинство Христово, предвоссияющее как бы еще в тенях и образах? ибо «принимающий десятины, ... дал десятину», по слову блаженного Павла (Евр.7, 9). Но тогда образом служил Мелхиседек, во времена же Моисеевы Аарон, знаменующий собою священника священников – Христа, Начальника и Предстоятеля святой скинии, то есть Церкви, – Святого Святых, Бога богов, Которому мы обязаны всяким плодоприношением; ибо написано, что «все, которые вокруг Него, да принесут дары» (Пс.75, 12). Но Моисеево было еще в

образах; ныне же духовными плодоприношениями веселят своего Икупителя истинные хранители евангельских повелений.

П. Ты хорошо сказал.

К. А что левитский род есть избранный и изъятый из других, это Он делает явным некоторым образом так: повелел исчислить народ и сделать точный счет всего множества народа не потому, чтобы этого не знал Зиждитель, ибо у Него исчислены и «капли дождевые», согласно написанному, (Сир. 1, 2), и не потому, чтобы могло утаиться что-либо от ума чистого, но дабы читающие Священные Писания весьма ясно видели, что приверженные к Богу и нареченные народом Его находятся в записях у Бога и в книге жизни, причтены к знаемым Его и уже хранятся в памяти Владыки всех. Итак, когда переписываем был народ, тогда как бы особо поставил Бог избранный и священный род и не допустил быть ему в одном ряду с другими, но как бы преимущественную отделил ему часть, говоря премудрому Моисею; «только колена Левиина не вноси в перепись, и не исчисляй их вместе с сынами Израиля» (Чис.1, 49). Ибо удел святых есть избранный и почесть их преимущественная. Может быть в других книгах и записаны они; потому что не одну книгу созерцал Божественный Даниил, но, как сам он говорит, «судьи сели, и раскрылись книги» (Дан. 7, 10). Итак, написание соответствует мере каждого; и как бы изъят от прочего народа отделенный и посвящаемый для Божественных священнодействий род. Но и образ священнодействий левитов изъяснял, прямо говоря: «приведи колено Левиино, и поставь его пред Аароном священником, чтоб они служили ему; и пусть они будут на страже за него и на страже за все общество при скинии собрания, чтобы отправлять службы при скинии; и пусть хранят все вещи скинии собрания, и будут на страже за сынов Израилевых, чтобы отправлять службы при скинии; отдай левитов Аарону... и сынам его... *в распоряжение*: да будут они отданы ему из сынов Израилевых; Аарону же и сынам его поручи..., чтобы они наблюдали священническую должность свою; а если приступит кто посторонний, предан будет смерти» (Чис.3, 6–10).

Итак, левиты назначены сотрудниками некоторым образом и как бы споспешниками священнодействующим; «пусть они будут на страже за него», очевидно, Аарона, «все вещи скинии собрания, и будут на страже за сынов Израилевых». До сего доходит вид содействия их. Над скиниею же поставляет Аарона и сынов его с ним: «и пусть хранят, — сказано, — все вещи скинии собрания» и внутреннейшее завесы, то есть сокровенное и таинственнейшее, и все, что обычно было делать приседящим Божественному олтарю. И ясно, что этот образ, относящийся ко Христу, Которого Отец поставил над домом своим, «дом же Его — мы» (Евр.3, 6). Священствующие же вместе с Аароном ясно знаменуют собою священный и досточудный лик святых Апостолов, как бы поспешествующих и служащих Христу; ибо они были «сорботники у Бога» (1Кор.3,9), хранители и «строители тайн Божиих» (1Кор.4,1), а также «только служители» мы уверовали (1Кор.3,5). А если бы кто захотел тщательно исследовать чин церковный, тот по справедливости удивился бы предызображению в законе. Ибо епископам, получившим жребий начальства, и тем, которые имеют чин низший, разумею пресвитеров, вверен олтарь и находящееся за завесою; им-то и прилично было бы сказать: «и да хранят жречество свое», а диаконам: «пусть они будут на страже за него и на страже за все общество» народа. Разве не они приказывают, провозглашая в церквах, иногда, что народу надлежит песнословить и стоять благочинно, а нередко, что успокаиваться, — а также побуждают к молитве? И, когда совершается бескровная жертва, не они ли несут священнейшие из сосудов и делают точное наблюдение за всем необходимым?

П. Подлинно.

К. Итак, священствуют высшие; левиты же споспешествуют; этим буква закона предвозвещает о чине церковного священства. Народу же возбраняется всякое священное дело, и высшее наказание угрожает восхищающим эту честь: ибо "умрет", сказано, всякий, кто самовольно приступил бы к ней, не имея Божественного избрания к тому.

П. Правда.

К. Итак, не помещен в списках прочих род Левитский, но записан особо, и в книге Божией. Ибо сказано: «И сказал Господь Моисею в пустыне Синайской, говоря: исчисли сынов Левиных по семействам их, по родам их; всех мужеского пола от одного месяца и выше исчисли. И исчислил их Моисей... по слову Господню, как повелено. И вот сыны Левиины по именам их: Гирсон, Кааф и Мерари. И вот имена сынов Гирсоновых по родам их: Ливни и Шимей. И сыны Каафа по родам их: Амрам и Ицгар, Хеврон и Узиил. И сыны Мерари по родам их: Махли и Муши. Вот роды Левиины по семействам их» (Чис.3, 14–20). Обрати внимание, Палладий, и прежде всего другого вот на что (ибо замечание тонкое): переписываем был народ от двадцатилетнего возраста и выше, так как не удостоивает, думаю, законная точность того, чтобы вписывать в книгу Божию, бессильное и еще немощное; ибо, конечно, в исчисления святых следует вносить возмужалое и уже в духовно цветущем возрасте находящееся. Таким образом закон делает приличным отображением духовного возраста телесный и цветущее возрастом поставляет избранным родом, минуя незрелое и немощное и еще детское и не помещая его в священной книге. В отношении же к левитам перепись начиналась от месячного возраста: ибо Владыка всех приемлет, и весьма радостно, младенчество во Христе избранных, равно как, без сомнения, и разумное; потому что отменно и тем и другим отличаться, то есть разумностью и простотою во Христе. Посему и божественный Павел говорит: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1Кор. 14, 20). И Сам Христос говорит в одном месте: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф.10, 16). Итак, приятна (Богу) простота святых. Затем, исчисление делается по именам и по родам (сонмам) и семействам (домов отечеств); ибо тех, кого Бог хочет почитать, Он удостоивает собственного своего надзора и по одному, и во множестве, и по роду. И тщательность в этом деле указывает Сам Спаситель, говоря святым Апостолам: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца

вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф.10, 29–30).

П. Ты хорошо сказал.

К. Кроме этой повелел сделать и другую перепись Левитского рода и каждому назначить приличествующее ему служение, говоря: «исчисли сынов Каафовых из сынов Левия по родам их, по семействам их, от тридцати лет и выше до пятидесяти лет, всех способных к службе, чтобы отправлять работы в скинии собрания. Вот служение сынов Каафовых в скинии собрания: *носить* Святое Святых. Когда стану надобно подняться в путь, Аарон и сыны его войдут, и снимут завесу закрывающую, и покроют ею ковчег откровения; и положат на нее покров из кож синего цвета, и сверх его накинута покрывало всё из голубой *шерсти*, и вложат шесты его; и стол хлебов предложения накроют одеждою из голубой *шерсти*, и поставят на нем блюда, тарелки, чаши и кружки для возлияния, и хлеб его всегдашний должен быть на нем; и возложат на них одежду багряную, и покроют ее покровом из кожи синего цвета, и вложат шесты его; и возьмут одежду из голубой *шерсти*, и покроют светильник и лампады его, и щипцы его, и лотки его, и все сосуды для елца, которые употребляют при нем, и покроют его и все принадлежности его покровом из кож синих, и положат на носилки; и на золотой жертвенник возложат одежду из голубой *шерсти*, и покроют его покровом из кож синих, и вложат шесты его. И возьмут все вещи служебные, которые употребляются для служения во святилище, и положат в одежду из голубой *шерсти*, и покроют их покровом из кож синих, и положат на носилки. И очистят жертвенник от пепла и накроют его одеждою пурпуровую; и положат на него все сосуды его, которые употребляются для служения при нем – угольницы, вилки, лопатки и чаши, все сосуды жертвенника – и покроют его покровом из кож синих, и вложат шесты его.... Когда, при отправлении в путь стана, Аарон и сыны его покроют всё святилище и все вещи святилища, тогда сыны Каафа подойдут, чтобы нести; но не должны они касаться святилища, чтобы не умереть» (Чис.4, 2–15). Тогда как перепись, начинающаяся с одномесечных, научает, что и самое незлобие

святых угодно и благоприятно Богу: то, что для священных дел назначен один законом определенный возраст – от двадцати пяти и до пятидесяти лет, означает, думаю, что превосходное и безукоризненное служение Богу совершает все, что уже разумно и еще крепко: ибо уже в числе таковых тот, кто двадцати пяти лет, но еще – и тот, кто достиг пятидесяти. Потому что склонился уже к прекращению крепости муж, перешедший за пятьдесят лет, и уже не находится во вполне цветущем возрасте, но как бы подвигается к болезням старости. А между тем никто неразумный, а также и никто бессильный не может беспорочно служить Богу, если правда то, что дела крепости и совершенной разумности суть те, которые направляются к добродетели, и которым определена похвала от законодателя.

П. Так думаю.

К. Служению происходивших из рода Каафова подлежало Святое Святых, но только после того как наперед приблизятся к нему священники и закроют его. Ибо повсюду более чтится преимуществующее по чину и все, что есть у Бога, держится в порядке, беспорядочного же совсем ничего нет: и левитский род был в услужении и подчиненном положении при священнодействиях лиц выше поставленных. Кроме того святой ковчег, золотая кадильница, светильник и служебные сосуды покрываются кожами и одеждами синими, причем синий цвет означает свыше и с неба нам являющееся: ибо такого цвета простирающийся в высоту и глубокую даль эфир. А что священные сосуды суть образы Христа, свыше и с неба пришедшего, это уже прежде показано нами в длинных рассуждениях. Но трапеза (предложения), кроме синих покровов, имеет одежду всю пурпуровую (багряную), а олтарь приношений одежду червленую, равно также и умывальник одежду всю пурпуровую при синих покровах. Трапеза, имеющая предложение хлебов, знаменует бескровную жертву, которую благословляемся, вкушая хлеб, с неба сошедший, то есть Христа, Который соделался подобный нам, но и при этом был и есть Бог, свыше и от Отца грядущий и превыше всего сущий, как Царь и Господь всяческих. Прикровенным указанием на царское достоинство Христа могло быть, как мне кажется, то, что на

трапезе распростерта была одежда багряная, то есть пурпуровый покров. А олтарь приношений покрыт был одеждою червленою; одежду же, окрашенную в червлёный цвет, мы примем за образ крови: ибо принесен в жертву ради нас и за нас Христос, и, как бы агнец, восшел на Божественный алтарь в воню благоухания Богу и Отцу. Кроме синих покровов на умывальнице была еще покровом одежда вся пурпуровая. Умывальница представляет собою образ святого крещения, святыми водами омывающего нас во отпущение греха и приводящего в Царствие Небесное; свыше и с неба святое крещение: прикровенным указанием на сие служит синий цвет. Не кажется ли тебе, что я говорю здесь наилучшее из того, что можно сказать при такой неудобопонятности духовного смысла?

П. И очень.

К. Таково служение, указанное сынам Каафовым. Таким же образом были переписаны гедсониты и мерариты от двадцати пяти лет и до пятидесяти, поименно, по родам и семействам. Служению рода Гедеонова вверены были кожи скинии, покровы, завесы дверей, покровы двора и все излишнее, ибо так написано (Чис.3, 25–26). Роду же Мерари (и это был левитский род) поручены были столпы скинии, подножия (стояла), брусья (главицы), колья (колки) и шесты (вереи) и завеса скинии внешней и другое нечто сверх сего (Чис.3, 36–37). И сыны Гедеоновы и Мерарины с помощью колесниц всюду перевозили порученное им; каафиты же шли, имея Святое Святых на плечах; ибо так написано в книге Чисел: «тогда пришли... начальников Израилевых, главы семейств их, начальники колен, заведывавшие исчислением, и представили приношение свое пред Господа, шесть крытых повозок и двенадцать волов, по одной повозке от двух начальников и по одному волу от каждого, и представили сие пред скинию. И сказал Господь Моисею, говоря: возьми от них; это будет для отправления работ при скинии собрания; и отдай это левитам, смотря по роду службы их. И взял Моисей повозки и волов, и отдал их левитам: две повозки и четырех волов отдал сынам Гирсоновым, по роду служб их: и четыре повозки и восемь волов отдал сынам Мерариным, по роду служб их, под

надзором Ифамара, сына Аарона, священника; сынам Каафовым не дал, потому что служба их – *носить* святилище; на плечах они должны носить» (Чис.7, 2–9). Слышишь ли, как у тех обычай был на колесницах возить и носить священные принадлежности, а у одних только каафитов на плечах?

П. Почему это?

К. Потому что всегда облеченное преимуществом и более священное несет больший труд; повсюду и во всем соединяется с этим необходимость трудиться и кроме того терпеть страдания, притом неравные с другими, для тех, которые более святы и как бы стоят ближе к Богу. Разве не верно то, что я говорю?

П. Совершенно верно.

К. В таком порядке совершал служение левитский род. Но я думаю, что это составляет образ таинства.

П. Как же так?

К. Кажется, эти два рода: Гедеонов и Мерарин таинственно указуют на народ подзаконный, разумею Израиля: каафиты же – на освященных во Христе верою. Ибо на попечении тех были покровы двора, кожи скинии, покрывала и столпы, брусья и подножия, колья и завесы и все излишнее, как говорит Священное Писание (Чис.3, 26), чем означает необходимое для служения; а эти (Каафиты) дерзали носить Святое Святых и то, чем знаменуется Христос, не одним способом, а, напротив, многообразно и многообразно: как ковчег, как трапеза, как золотой светильник и золотая кадильница; потому что будучи прост по естеству, как Бог по различию действия, Он многообразно познается; ибо несомненно, что «живо и действенно» Слово Отца (Евр.4, 12), и сверх того Оно есть жизнь (Ин. 11:25, 14и др.), и свет (Лк. 2, 32; Ин. 1:7, 12и др.) и воня мысленного благоухания (Еф.5, 2). Итак, те, которые привержены к заповедям, данным чред Моисея, служение свое имеют над излишним в скинии: ибо бесполезен закон, если не разумеется духовно. А те, которые дерзают носить Святое Святых, совершенно святы во Христе, не носят ничего излишнего, но Самого Еммануила, на них, так сказать, восседающего.

П. Ты хорошо сказал.

К. Но обрати внимание, если угодно, и вот на что.

П. Что это такое?

К. Те, которым поручено было все излишнее в святой скинии, возят это на колесницах; каафиты же шествовали, не на колесницы возложив Святое Святых, и не на что-либо другое, но на свои плечи.

П. Так что же это значит?

К. То, друг мой, сказал бы я, что закон тяжел и есть бремя неудобноносимое; ясным же указанием на сие может быть то, что излишнее не носимо было на плечах, ради немощи находившихся под игом закона. Посему Божественные ученики и говорили тем, которые после принятия веры обращались к служению по закону: «Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?» (Деян.15, 10.) Каафиты же, возложив на плеча свои то, чем знаменуется Христос, несли бремя легкое и удобноносимое. Не это ли есть, очевидно, то, о чем Сам Христос сказал: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф.11, 30)?

П. Кажется.

К. Прибавил бы я к сказанному еще и следующее, так как это не бесполезно было бы для полной уверенности: в первой переписи левитов (Чис.3, 15 и далее) сыны Гедеоновы поставлены в начале, потом в середине Кааф и последним Мерари (это были роды Левитские); во второй же, что от двадцати пяти лет (Чис.4), впереди других поставлен Кааф и наименован первым, а потом после него Гедеон и Мерари, служению которых подлежало излишнее в скинии. И кроме того каждый из сих двух родов (Гедеонов и Мерарин) имеет по два отдельных семейства, а предшествующий (Каафов) простирается даже до четырех. Разумеешь ли прикровенный смысл сего?

П. Нимало.

К. Израиль призван был первым, когда же привзошло в средину общество язычников, поставлен позади его: и "последние стали первые, по слову Спасителя, а первые последними» (Мф.20, 16).

П. Правда.

К. А что мал числом народ Иудейский, между тем как много превосходит его несметная толпа язычников, это ясно.

П. Как же иначе?

К. Посему Бог священнотаиннику Моисею говорит: «итак оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них;... поражу его язвою и истреблю его и произведу от тебя... народ многочисленнее и сильнее его» (Исх. 32, 10, и Чис. 14, 12). Таковым служением почтен весь род Левитский: и правило священнодействия для него – быть подчиненным высшему и действовать под руководством Аарона. А помышлять о том, что выше сего и искать более того, что ему назначено и определено от Бога, причиняет наказание и гибель; и это самым опытом показано; так как в той же книге Чисел написано: «Корей, сын Ицгара, сын Каафов, сын Левиин, и Дафан и Авирон, сыны Елиава, и Авнан, сын Фалефа, сыны Рувимовы, восстали на Моисея, и с ними из сынов Израилевых двести пятьдесят мужей, начальники общества, призываемые на собрания, люди именитые. И собрались против Моисея и Аарона и сказали им: полно вам; все общество, все святы, и среди их Господь! почему же вы ставите себя выше народа Господня? Моисей, услышав это, пал на лице свое и сказал Корею и всем сообщникам его, говоря: завтра покажет Господь, кто Его, и кто свят, чтобы приблизить его к Себе; и кого Он изберет, того и приблизит к Себе; вот что сделайте: Корей и все сообщники его возьмите себе кадила и завтра положите в них огня и всыпьте в них курения пред Господом; и кого изберет Господь, тот и будет свят. Полно вам, сыны Левиины! И сказал Моисей Корею: послушайте, сыны Левия! неужели мало вам того, что Бог Израилев отделил вас от общества Израильского и приблизил вас к Себе, чтобы вы исполняли службы при скинии Господней и стояли пред обществом..., служа для них? Он приблизил тебя и с тобою всех братьев твоих, сынов Левия, и вы домогаетесь еще и священства» (Чис. 16, 1–10.) Сыны Каафовы имея служение носить на плечах Святое Святых, неразумно устремлялись на высший чин и оспаривали у священников их достоинство, восхищая сами себе честь,

согласно и написанному (Евр.5,4), пренебрегши заповедь Божию, нечестиво преступая законы священнодействия, совершенно ни во что вменяя честь предстоятелей. Ибо они говорили Моисею и Аарону: «довлеет вам, яко весь сонм, вси святы, и в них Господь». Слышишь, как низко смотрят они на предоставленную им степень и едва не говорят, что честь архиерея есть общее достояние, и не их только роду, но и другим всем принадлежит, и что вообще в них (Моисее и Аароне) ничего нет особенного или более славного, хотя бы они и считались стоящими выше прочих, получив свое преимущество по определению от Бога: а это очевидно значит – порицать вышние определения и ни во что вменять волю Законодателя. Но божественный Моисей, действуя с обычною ему кротостью, увещавал их как бы заболевших и, еще не помышляя о том, сколь великий гнев постигнет их, укоряет их, говоря: «да довлеет вам, сынове Левины». Ибо «еда мало... вам, – говорит, – что Бог всяческих соделал вас избранными из всех для служения столь почетного и досточудного? Они же пребывали еще жестокосерды, несокрушимы и необузданы в своем высокомерии, доколе безумие их не довело их до того бедствия, что «земля разверзет уста свои», захватила их с потомством и шатрами и повергла их в необычайную гибель, ибо «сошли ... живые в преисподнюю», как написано (Чис.16, 30, 33; сн. Пс.54, 16). Итак, нечестиво и повинно смерти по суду Божию – восставать против главы и не покоряться поставленным начальствовать и получившим преимущественную честь от Бога. Плод же высшей разумности – дорожить тем, что имеешь, и быть за это благодарным, а не бросаться опрометчиво на то, что выше определенной нам меры, и не стремиться к тому, что еще не даровано нам, почитая общим и доступным для многих то, что управляется только мановением свыше.

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, порядок священства не должен быть нарушаем чрез слияние должностей: так приличествует быть и не должно быть иначе.

П. Хорошо говоришь.

К. Но как бы в общий для обоих удел назначает дароприношения людей подвластных, и что принесет кто-либо в дар и жертву Богу, это, говорит, должно принадлежать священникам и левитам вместе. Ибо так сказал Бог всяческих Аарону: «в земле их не будешь иметь удела и части не будет тебе между ними; Я часть твоя и удел твой среди сынов Израилевых; а сынам Левия, вот, Я дал в удел десятину из всего, что у Израиля, за службу их, за то, что они отправляют службы в скинии собрания; и сыны Израилевы не должны впредь приступать к скинии собрания, чтобы не понести греха и не умереть: пусть левиты исправляют службы в скинии собрания и несут на себе грех их. Это устав вечный в роды ваши; среди же сынов Израилевых они не получают удела; так как десятину сынов Израилевых, которую они приносят в возношение Господу, Я отдаю левитам в удел, потому и сказал Я им: между сынами Израилевыми они не получают удела» (Чис.18, 20–24). Во Второзаконии же, как бы возвращаясь к той же речи, так говорит: «Священникам левитам, всему колену Левиину, не будет части и удела с Израилем: они должны питаться жертвами Господа и Его частью; удела же не будет ему между братьями его: Сам Господь удел его, как говорил Он ему. Вот что должно быть положено священникам от народа, от приносящих в жертву волов или овец: должно отдавать священнику плечо, челюсти и желудок; также начатки от хлеба твоего, вина твоего и елея твоего, и начатки от шерсти овец твоих отдавай ему, ибо его избрал Господь Бог твой из всех колен твоих, чтобы он предстоял [пред Господом, Богом твоим], служил... во имя Господа, сам и сыны его во все дни» (Втор.18, 1–5). Смотри, как не сопричитается к народу священный род и отделяется от прочих, притом не одними только занятиями по служению, но уже и различием надежды. Ибо проводящим жизнь низкую, приверженным к земному и жаждущим привременного и, подобно тени, преходящего, справедливо можно было бы сказать: сия часть твоя; «Вот жребий твой, отмеренная тебе от Меня часть, говорит Господь» (Иер.13, 25). Предпочетшим же святую и непорочную жизнь и уже избранным ради добродетели весьма прилично сказать: «в земле их не

будешь иметь удела и части не будет тебе между ними; Я часть твоя и удел твой» говорит Господь (Чис.18, 20; Втор. 10:9, 18:1). Так и Спаситель одному пришедшему некогда и спрашивавшему, как ему получить «живот вечный», говорит: «Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради и подобное сему; а когда тот явно высказал, что всего этого он был хранителем, и к тому еще добавил, спрашивая: чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, "пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною" (Мк.10, 17–21; Мф.19, 16–21). Итак, хотящим, не отвлекаясь, служить Богу, считающим долгом следовать Ему, необходимо удаляться от земного, Его только признавать уделом своим, и надеждою на Него утучняться, согласно воспеваемому в Псалмах: «Утешайся Господом,... Предай Господу ... и Он» исполнит (Пс.36, 4–5). Таким образом отделяет десятины левитам в воздаяние за труд служения их, потому что не без воздаяния для святых труд их, но избранны почести и славны награды. Ибо «не заботьтесь, – говорит Спаситель, – для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться.... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6, 25, 33). Грехами же (Чис.18, 23) именуется закалаемое в жертву за грехи. И это также образ Христа, за нас принесенного в жертву и потерпевшего заклание, дабы упразднить грех мира. Далее, одним только священнодействителям можно было вкушать от жертвы за грех; ибо не оскверненным душам приличествует причащаться святого Тела Христова, но избранным и чистым, к которым можно бы было возгласить: «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой» (1Пет. 2, 9). Затем, для поставленных на служение изъемятся плечо, челюсти и желудок; ибо должна быть присуща избранному роду сила деятельная, и совершительная: и ее-то означает плечо; также, конечно, и слово, – очевидно, учительное, образом которого служат челюсти; а к тому еще и желудок, которым очень хорошо обозначается плодородие. Разве не должен быть деятельным,

способнейшим тот, кто истинно священнодействует и близок Богу?

П. Совершенно так.

К. Итак, левитский род Бог сделал лишенным удела, и удел ему дал избранный – Себя Самого. Однако благоразумно не допустил, чтобы он казался поставленным совсем вне других, совершенно ничего не получив; но установил в этом деле как бы некоторую соразмерность, дав малое нечто для необходимого употребления. Ибо написано так: «И сказал Господь Моисею на равнинах Моавитских у Иордана против Иерихона, говоря: повели сынам Израилевым, чтоб они из уделов владения своего дали левитам города для жительства, и поля при городах со всех сторон дайте левитам: города будут им для жительства, а поля будут для скота их и для имения их и для всех житейских потребностей их; поля при городах, которые вы должны дать левитам, от стены города *должны простираться* на [две] тысячи локтей, во все стороны; и отмерьте за городом к восточной стороне две тысячи локтей, и к южной стороне две тысячи локтей, и к западу две тысячи локтей, и к северной стороне две тысячи локтей, а посередине город: таковы будут у них поля при городах. Из городов, которые вы дадите левитам, [будут] шесть городов для убежища, в которые вы позволите убегать убийце» (Чис.35, 1–6). Ибо позволяется святым и в этом мире владеть тем, что достаточно было бы для поддержания жизни и могло удовлетворять их в необходимых потребностях тела, потому что «Имея пропитание, – сказано, – и одежду, будем довольны тем» (1Тим. 6, 8). А излишнее не безвредно. Таким образом отделены были святым служителям города и жилища, и окрестные поля, притом измеренные: так решил Бог для того, чтобы, с одной стороны, не ослабить их до изнеженности, дав больше, чем было нужно, с другой – не причинить излишним стеснением безмерного угнетения, но чтобы с пользой и устранить весьма большую скудость и уничтожить отягощение; ибо соразмерял довольство с нуждой. Повелевает также передать левитам города убежищ, поручая попечению священнодействующих род людей наиболее несчастных и в наибольшей помощи

нуждающихся. Здесь, думаю дан церквам образ заботиться об узниках, ибо "Помните, – сказано, – узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле» (Евр.13, 3).

П. Правда.

К. А что предмет надежды святых священнодействователей тверд, и что постоянен удел их, это Он загадочно показал таким образом. В конце книги Левит написано: «И сказал Господь Моисею на горе Синае, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: когда придете в землю, которую Я даю вам, тогда земля должна покоиться в субботу Господню; шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезавай виноградник твой, и собирай произведения их, а в седьмой год да будет суббота покоя земли, суббота Господня» (Лев.25,1–4). Определивши же субботствование и повелев, чтобы земля в седьмой год оставляема была незасеянного и непаханную, присовокупил еще: «И насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет; и воструби трубою в седьмой месяц, в десятый [день] месяца, в день очищения вострубите трубою по всей земле вашей; и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя.... В юбилейный год возвратитесь каждый во владение свое» (Лев. 25,8–10,13). Какое основание того, что и сама земля освобождалась, а также что означает год отпущения, это мы исследуем в свое время. А что левитам дан избранный удел, об этом сейчас будет сказано; между тем написано еще так: «Если кто продаст жилой дом в городе, *огражденном* стеною, то выкупить его можно до истечения года от продажи его: в течение года выкупить его можно; если же не будет он выкуплен до истечения целого года, то дом, который в городе, имеющем стену, останется навсегда у купившего его в роды его, и в юбилей не отойдет *от него*. А дома в селениях, вокруг которых нет стены, должно считать наравне с полем земли: выкупать их... можно, и в юбилей они отходят. А города левитов, дома в городах владения их, левитам всегда можно выкупать; а кто из

левитов не выкупит, то проданный дом в городе владения их в юбилей отойдет, потому что дома в городах левитских составляют их владение среди сынов Израилевых; и полей вокруг городов их продавать нельзя, потому что это вечное владение их» (Лев. 25, 29–34).

П. Но что говорит здесь закон? я не довольно понимаю.

К. Так слушай. Если кто в городе купил здание у владельцев, то да позволено будет, сказано, продавшим выкупить проданное, и это до истечения одного года; а если это не будет сделано, то по прошествии года купивший да будет, сказано, владельцем, и уже не будет подлежать обязательству. Если же это будет поле и поместье, то да позволено будет, сказано, всегда возвращать, как скоро продавший обратно уплатит купившему отданные деньги; а если он не может уплатить и получить свое владение обратно, то повелел, чтобы оно возвращаемо было в пятидесятый год без всякой уплаты от старинного владельца; ибо купившему владение закон зачислял выгоды долговременного пользования в уплату должного ему. Но это узаконил Бог для простого народа. Левитское же владение опять поставил как бы отдельно и в особой чести, говоря, что оно всегда может быть выкупаемо, и препятствуя продавать его: ибо "сыя, – говорит, – есть часть и жребий им».

П. Так неужели же, почтеннейший, сим только и ограничивается для нас цель закона, и исследование не может произвести совсем ничего потребного?

К. В таком случае каким образом еще закон духовен (Рим. 7, 14)? Или каким образом не заслуживает внимание то, что говорит Священное Писание, именно ради чего находящееся в городе не должно быть выкупаемо по прошествии одного года, находящееся же вне города и в полях всегда может быть выкупаемо? Но легко увидеть, что не очень много значения дается у премудрого Бога буквальному смыслу, когда за ним следует смысл духовный и ясно видимы точные черты истины.

П. Разъясни же, что такое, о чем говорит закон.

К. Не ясно, Палладий, дело этой продажи и очень недоступно пониманию, хотя бы кто и в самом простом смысле захотел понять ее. Скажу, впрочем, как могу и как придет мне на

ум. Но прошу и я тебя, и ты скажи мне: людям, занимающимся опустошением городов и стран, кого, полагаешь, было бы удобнее брать в плен с меньшим трудом, – тех ли, которые находятся внутри стен и хорошо укрепленных городов, или тех, которые находятся в полях?

П. Кому же это не ясно? Легче всего брать в плен находящихся в незащищенных стенами полях.

К. Правильно сказал ты. А которые, думаешь, лучше и наиболее пристойно проводят жизнь, городские ли и имеющие сведения в законе, или же грубее воспитанные в селениях? Не слабее ли жители селений в охранении своей безопасности, между тем как живущие в укрепленных городах и совет подадут лучший, и законосообразно обсудят нужное для их собственной пользы, когда будет время совета и суждений?

П. Правда: хотя может случиться, что и они будут побеждены.

К. Да и всякий извинит живущих в селениях, если бы они были взяты в плен и погрешили против наилучшего решения; ибо они совершенно не ограждены стенами и менее живущих в городах рассудительны. А этих всякий обвинил бы, и думаю, весьма справедливо, если бы они, после того как защитились от неприятелей и спасли свою собственность, при нападениях противников сами себя предали им добровольно и, своим собственным малодушием побежденные, подпали власти противников.

П. Ты хорошо сказал.

К. Смотри же теперь на иудеев, живущих в святом городе, о котором Бог всяческих говорит: «Я буду для него, говорит Господь, огненной стеною вокруг него и прославлюсь посреди него» (Зах.2,5); и сверх того умудренных законом; посему и говорил (пророк): «счастливы мы, Израиль, что мы знаем, что благоугодно Богу» (Вар.4,4). Не полагаешь ли, что таковые совершенно недоступны для демонских нападений, если б только решились жить право и повиноваться Божественным законам?

П. Совершенно так.

К. Толпы же язычников, имея ум более грубый и удобоувлекаемый, совершенно естественно, без труда могут быть пленены хищником сатаной, будучи лишены помощи свыше и не имея детоводителем закона.

П. Кажется, так.

К. Таким образом иудеи, живущие в городе, укрепленном стенами и огражденном помощью свыше, имея ум образованный и зная благоугодное Богу, потом, не рассудив о приличествующем для них, по легкомыслию отвергнув назначенный им удел и отпавши от высшей надежды, если не отрезвятся от опьянения своего, по написанному, и не возвратят свою собственность при наступлении года искупления, то есть пришествия Спасителя нашего, останутся и впредь, и навсегда будут находиться под властью купившего, то есть сатаны. Ибо "вот, говорит Господь, беззакониями вашими проданы за грехи ваши и отпущена мать ваша» (Ис.50,1). Но совершенно беспомощное множество язычников, недугующее грубым и невежественным умом, а посему преданное на рабство другим, всегда может быть искуплено по милосердию Божию: ибо восприимет свой удел, быв призвано к свободе в лето оставления, когда Христос всю подсолнечную освободил от владычества демонов, изъял от сетей греха, оправдал верою и освятил Духом, упразднив крестом Своим «бывшее о нас рукописание» (Кол.2,14). Левитское же не отчуждаемо: непоколебимо соблюдается удел святых, и они имеют твердую надежду. Так и любозначительнейшей Марии Христос некогда сказал, что она «избрала благую часть, которая не отнимется у неё» (Лк.10,42). Но и малому, и великому священнику, и народу, и всем вообще принадлежит искупление и непоколебимость надежды во Христе.

П. Итак, продаст свой удел Израиль, не познав лета искупления, а язычники будут обладать надеждою, и чрез Христа будет возвращение благ естества.

К. Так полагаю; и слово наше запечатлеет в истинности Бог всяческих, и иным образом означая это устами Иезекииля, в распределении имущества: «Так говорит Господь Бог: если князь дает кому из сыновей своих подарок, то это должно пойти

в наследство и его сыновьям; это владение их должно быть наследственным. Если же он даст из наследия своего кому-либо из рабов своих подарок, то это будет принадлежать ему только до года освобождения, и тогда возвратится к князю. Только к сыновьям его должно переходить наследие его. Но князь не может брать из наследственного участка народа, вытесняя их из владения их; из своего только владения он может уделять детям своим, чтобы никто из народа Моего не был изгоняем из своего владения» (Иез.46, 16–18). Ясно ли для тебя это изречение, и кажется ли простым смысл сказанного?

П. Нимало; но я весьма охотно узнал бы это от тебя.

К. Старейшиною, Палладий, называет Первосвященника, получившего жребий быть вождем подчиненного ему народа. Итак, поскольку святым священнодействованиям выделены были потребные и избранные уделы, и поскольку Бог постановил, чтобы они навсегда за ними сохраняемы были и не были отчуждаемы, то необходимо было Ему сделать это ясным. Ибо если бы случилось, говорит, одному из старейшин, то есть священнодействователей, разделить нечто из удела своего собственным детям, то да утвердится, говорит, данное, и неотъемлем да будет дар у получившего; потому что не из иноплеменников к кому-либо переходит этот удел, но от священников к священникам. А если бы кому из рабов подарил, то будет, говорит, владеть получивший не постоянно, но всецело возвратится старейшине в «лето отпуска» удел его. Но к сему присоединяет повеление, чтобы священнодействующий удалял от себя желание удела других; ибо это, думаю, значит сказанное: «да не возьмет старейшина от наследия людей» своих. Достаточно ли кажется тебе эта речь для разъяснения дела?

П. И очень.

К. Итак, пусть перейдет она к исследованию духовного смысла: ибо данное в законе суть образы, и в тенях начертано изображение истины.

П. Правда.

К. Итак, непоколебимы и постоянны уделы, переходящие от отцов к детям; и наоборот отчуждаются и назад возвращаются

переходящие от господ к рабам: ибо это сказано в Священном Писании.

П. Понимаю.

К. У нас же оправданных верою, один старейшина – Христос, имеющий уделом Своим удел Бога и Отца. Посему и говорил, когда обращал к Нему речь как бы в виде молитвы: «И все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них. (Ин. 17, 10). Воспевает же негде и божественный Песнопевец, что Он, «восшел на высоту, пленил плен, принял дары для человеков» (Пс. 67 19; сн. Еф. 4, 8); ибо «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями» (1Кор. 12, 28), «Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания» и сродное сему (1Кор. 12, 8). И просто сказать, своими благами утучняет души любящих Его. Так твердо и постоянно для священнодействующих и свободных обладание дарованным; а у имеющих дух рабский, то есть у израильтян, неприемлющих свободной веры, но еще находящихся под игом скверного и мерзкого греха, отчуждается и отъемлется даже и благодать, данная чрез Моисея, то есть знание закона, детоводящее к истине. И нет им совершенно никакого удела со святыми, и никакой части со Христом: «ибо всякому имеющему, – сказано, – дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:29, 13 и Лк. 8, 18). А что лишен удела Израиль, не принявший веры и не украсившийся достоинством свободы, на это указал Спаситель, выставляя на вид, как я думаю, силу сего закона; ибо так сказал решившимся не повиноваться: «истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 34–36). Итак, смотри, право участия в наследии приличествует только свободным, а не находящимся под игом рабства: ибо сыны суть пребывающие в доме, а не рабы, сказано.

П. Превосходно.

К. Прибавляя же: «да не возьмет старейшина от наследия людей» своих, с тем чтобы дать наследие «сыном своим», закон указывает на нечто таковое, что никогда Христос (потому

что Он есть Старейшина наш) не выделит кому-либо из освященных удела, ему не приличествующего. Ибо разве не иная какая-то как бы часть и иной удел приличествует не всецеле посвятившим Богу свою жизнь, а иной и превосходный – избранным и достигшим вершины светлости во Христе?

П. Как же иначе?

К. Итак, непристойно святым стремиться получить от Христа то, что приличествует мирским и проводящим жизнь не во всем святую; напротив, им следует искать не чего-либо плотского, но всего Божественного и духовного. Так и Сам Спаситель повелел святым Апостолам творить слова молитвы, составляя прошение, весьма приличное святым: ибо «Молитесь же так:», – говорит, – ...да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (Мф.6, 9–13). Итак, непристойно просящим того, чего не дает Старейшина, сказано будет нами: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро» (Иак.4, 3). А что истинен говорящий Богу: Ты воздашь каждому "по делом" его (Иер.25, 14), на это опять указывает нам закон, говоря, что того ради «да не возьмет старейшина от наследия людей» своих, дабы дать к сыновьям его должно переходить наследие его, – говорит, – «чтобы никто из народа Моего не был изгнан из своего владения» (Иез.46, 18); ибо каждому как бы уготован от Бога свой удел и соответственная деяниям часть. Или, может быть, говорит, что очень непристойно освященным выступать из своего положения и желать того, что имеют помышляющие о мирском, а это есть привременное и плотское и, подобно теням, преходящее.

П. Это так.

К. Итак, особые уделы, а также и города, у других взятые, даны от Бога святым священнодействующим, как награды; но как бы общим для всех определяет один, прославленный Иерусалим. Ибо так сказал во Второзаконии: «И если левит придет из одного из жилищ твоих, из всей земли [сынов] Израилевых, где он жил, и придет по желанию души своей на

место, которое изберет Господь, и будет служить во имя Господа Бога своего, как и все братья его левиты, предстоящие там пред Господом, – то пусть они пользуются одинаковою частью, сверх полученного от продажи отцовского *имущества*" (Втор.18, 6–8). Так как один есть Бог священников повсюду, то надлежит быть соединенными тем, которые возведены в это звание и избраны определением свыше. Это же и ныне сохраняется в церквах, и закон о сем читается у нас: ибо хотя для каждого из избранных на священство есть свой город и свой удел, однако он соприемлется к священнодействию, если бы по какому-нибудь случаю пришел из одного в другой город ли, или страну, и вкушает вместе со священниками и читается по законам любви. Но, кажется, закон этот, как я думаю, означает еще и нечто таинственное: ибо бесчисленны по всей вселенной страны и города, в которых святые и боголюбивые души людей служат Богу, живя законно и евангельски жительствовав, и как бы принося Ему жертвы в воню благоухания, очевидно духовного: веру, надежду, любовь, терпение, кротость, милосердие к бедным: «ибо таковые жертвы благоугодны Богу», по Писаниям (Евр.13, 16). Но все они стекаются как бы к одной и общей матери, «к небесному Иерусалиму,... церкви первородных» (Евр.12, 22–23), вышнему прекрасному граду, «скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек» (Евр.8, 2). Там более чистое будет совершать служение, так как совсем отъят будет от нас грех, и не будет там льва и змия, василиска и аспида: ибо «И будет там..., – сказано, – путь по ней назовется путем святым.... Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него» (Ис.35, 8–9). Там будем вкушать отделенную нам часть; ибо написано: плоды трудов «твоих снеси» (Пс.127, 2). Разве не соответственное трудам каждого будет воздаяние благ, хотя и в большей мере, по щедротам Владыки? Ибо «мерю доброю, – сказано, – утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплю вам в лоно ваше» (Лк. 6, 38).

П. Ты сказал правильно. Только объясни мне вот что: разве не было позволено левитам священнодействовать каждому в своем городе и селении?

К. Не было: ибо одна была скиния и один олтарь, на котором приносились все жертвы, один же и храм в Иерусалиме, построенный Соломоном, осуществлявший образ древней оной скинии. И закон совершенно запрещает кому бы то ни было приносить жертвы вне святой скинии; и для решавшихся делать это наказанием было истребление и им угрожал смертный приговор, ибо ясно сказал так: «если кто... заколет тельца или овцу или козу в стане, или если кто заколет вне стана, ... то истребится человек тот из народа своего» (Лев. 17, 3, 9). А что желавшим приносить жертву в то время вполне необходимо было приходить в храм и в самый святой город и там законно совершать жертвы, которые приносили происходившие от племени Левия, об этом ты ясно можешь слышать от Бога, прямо говорящего во Второзаконии: «Нельзя тебе есть в жилищах твоих десятины хлеба твоего, и вина твоего, и елея твоего, и первенцев крупного скота твоего и мелкого скота твоего, и всех обетов твоих, которые ты обещал, и добровольных приношений твоих, и возношения рук твоих; но ешь сие... пред Господом, Богом твоим, на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, – ты и сын твой, и дочь твоя, и раб твой, и раба твоя, и левит, [и пришелец], который в жилищах твоих, и веселись пред Господом, Богом твоим, о всем, что делалось руками твоими. Смотри, не оставляй левита во все дни, [которые будешь жить] на земле твоей» (Втор.12, 17–19). Ибо недоступно Божество и не приемлется жертва без посредства левитов. Они посредничают, подражая посреднику «между Богом и людьми» (1Тим. 2, 5), то есть Христу. А что одна есть Церковь, одно таинство Христово, и что незаконна, более того – отверженна и не может быть угодна Богу жертва, не в церкви совершаемая, это ясно показал закон, говоря, что не должны быть совершаемы жертвоприношения вне святой скинии. Как строго было соблюдение этого, научись и из сего. Не было бы ничего невероятного, а напротив было истинно, что неисчислимые города, по всей Иудее рассеянные, отделялись от Иерусалима длинными промежуточными расстояниями. И потому как было трудно и не легко выполнимо для желавших приносить в жертву начатки хлеба, равно елея и вина,

перенести это столь длинным путем! Для некоторых препятствие тому, может быть, составляло и утруждение рук. Но непристойно было, более того – даже и весьма нелепо, из-за того, что дело было трудно и неудобовыполнимо для находившихся далеко, нарушать красоту истины принесением сынами Израиля жертв не в святой скинии. Посему, дабы закон о сем, по надлежащем устранении всех встречающихся на пути препятствий, наконец, мог быть исполнен согласно с волею Законодателя, Моисей дал наставление и изъясняет Божественную волю во Второзаконии, говоря: «Отделяй десятину от всего произведения семян твоих, которое приходит с поля [твоего] ежегодно, и ешь пред Господом, Богом твоим, на том месте, которое изберет Он, чтобы пребывать имени Его там; ...десятину хлеба твоего, вина твоего и елея твоего, и первенцев крупного скота твоего и мелкого скота твоего, дабы ты научился бояться Господа, Бога твоего, во все дни. Если же длинна будет для тебя дорога, так что ты не можешь нести сего, потому что далеко от тебя то место, которое изберет Господь, Бог твой, чтоб положить там имя Свое, и Господь, Бог твой, благословил тебя, то променяй это на серебро и возьми серебро в руку твою и приходи на место, которое изберет Господь, Бог твой; и покупай на серебро сие всего, чего пожелает душа твоя, волов, овец, вина, сикера и всего, чего потребует от тебя душа твоя; и ешь там пред Господом, Богом твоим, и веселись ты и семейство твое. И левита, который в жилищах твоих, не оставь, ибо нет ему части и удела с тобою» (Втор.14, 22–27). Видишь ли, с каким искусством закон уравнивает неровное, делает легко проходимым неудобопроходимое и облегчает трудное? И это, думаю, означает сказанное устами пророка: «Путь праведника прям; Ты уравниваешь стезю праведника» (Ис.26, 7). Обрати внимание и на то, что повсюду и необходимо привлекается левит, чем закон ясно показывает нам, что не принял бы Бог всяческих жертвы из несвященных рук и несогласно с законом принесенной.

П. Итак, во всем почтен левитский род.

К. Совершенно так, Палладий; ибо священник есть образ и отпечаток Христа, так как Еммануил назван ходатаем «Бога и

человеков», также посланником и Святителем исповедания нашего, по Писаниям (1Тим. 2, 5 и Евр.3, 1), Который «и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление.... Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых», по Писаниям (Евр.9:12, 10:14). Обрати же внимание, если угодно, на то, как и иным образом увенчивается священнодействующий славою Христа. Между тем как Он ясно взывает к нам и говорит: «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца» (Ин. 5, 22–23); и также устами святого: «Един Законодатель и Судия», как значится в Священных Писаниях (Иак.4, 12): и между тем как и божественный Давид воспевает: «яко Бог Судия есть» (Пс.49, 6). Законодатель, усваяя светлое достоинство такового суда происходящим, от священного рода, так говорит во Второзаконии: «Если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровью и кровью, между судом и судом, между обоями и побоями, *и будут* несогласные мнения в воротах твоих, то встань и пойдь на место, которое изберет Господь, Бог твой..., и приди к священникам левитам и к судье, который будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить; и поступи по слову, какое они скажут тебе, на том месте, которое изберет Господь..., и постарайся исполнить все, чему они научат тебя; по закону, которому научат они тебя, и по определению, какое они скажут тебе, поступи, и не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут тебе. А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении пред Господом, Богом твоим, или судьи..., тот должен умереть, – и *так* истреби зло от Израиля; и весь народ услышит и убоится, и не будут впредь поступать дерзко» (Втор.17, 8–13). Видишь, что закон ясно требует от решившихся приносить жалобу на кого-либо по какой бы то ни было причине, чтобы судьей и решителем они делали священнодействителя. Но блюди тщательно, чтобы исполнить согласно со всем тем, что тебе будет предписано: «Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его», по слову пророка (Мал. 2, 7). Ибо сам он отнюдь не законополагает, а напротив выводит

на прямой путь волю Законодателя, неподкупно изъясняя ее и являясь наилучшим воздаятелем справедливости, тонко взвешивает суждение по каждому делу. Поэтому на тех, кто решился не повиноваться им, падает обвинение в грубости и высокомерии и определяется им в наказание высшее из всех зол, то есть смерть: "да умрет", сказано, тот, кто не обратит внимание на «священника, стоящего там на служении пред Господом, Богом твоим» (Втор. 17, 12). Итак, велико и поистине дивно предстояние Бога и служение Ему; а не почтивший служителя Божия подлежит суду и наказанию, и презирающий это Божественное достоинство за презрение свое понесет жестокое наказание. Мы найдем, что и Сам Господь наш Иисус Христос заботился об уважении к этому закону; ибо Он так взывал к народу Иудейскому: «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте» (Мф. 23, 2–3). Посему пусть никто не судит священника, хотя бы он казался и распущенным и был нерадив в решимости жить согласно с законом, но пусть оказывает ему благопослушность, когда он изъясняет закон; ибо он страдает недостатками, зависящими от его собственной воли, но изъясняет то, что есть Божие. Итак, не должно быть бесчестимо Божие из-за человеческого.

П. Конечно так.

К. А что славно и поистине достойно внимания дело священства, это ты можешь видеть и из того, что оно славнейшее имеет начало и такой же конец: ибо не может укрыться ни то, что кто-либо возведен на степень священнодействия, ни то, что он призван от Бога к вышним и небесным обителям (Ин. 14, 2) и оставил другому священство. Поэтому и Христос о священнодействующих евангельскую проповедь среди язычников (Рим. 15, 16), а также и у израильтян сказал, что они повсюду и во всем будут известны и для всех видимую приобретут славу: ибо «Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет» (Лк. 11, 33). А что сказанное истинно, разумею то, что Божественный служитель будет в видимой для всех и дивной славе, в этом пусть убедит

и божественный Исая, восклицающий: «Взойди на высокую гору, благовествующий Сион!» (Ис.40, 9).

П. Что это так, ясно для всякого. Но скажи, как и сего образ сеннописуем был для нас в Священных Писаниях.

К. Тебе, друг мой, возможно очень легко видеть это изображенным как бы еще в грубых чертах; ибо так сказал Бог в книге Чисел священнейшему Моисею: «и возьми Аарона... и Елеазара, сына его, и возведи их на гору Ор...; и сними с Аарона одежды его, и облеку в них Елеазара, сына его, и пусть Аарон отойдет и умрет там. И сделал Моисей так, как повелел Господь. Пошли они на гору Ор в глазах всего общества, и снял Моисей с Аарона одежды его, и облек в них Елеазара, сына его; и умер там Аарон на вершине горы. А Моисей и Елеазар сошли с горы» (Чис.20, 25–28). Итак, разумеешь ли, как возводится на гору имевший умереть и прекратить свое существование Аарон, а также и имевший быть преемником ему в священстве от него происходивший, то есть Елеазар? Гора же знаменует отовсюду видимое и высокое положение и обширность славы. Так и о всяком, возводимом на степень священнодействия, да будет сказано: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5, 14).

Книга 14. О том, что желающим иметь доступ в церковь должно быть чистыми и омовенными от греховной скверны и только такими приступать к Богу

К. Поймешь очень хорошо, и не в продолжительном времени. Амманитяне, от Исава ведущие свой род, были близки по происхождению и единокровны с сынами Иакова, с Израилем, говорю; но и самое естество, не знаю как, оставив без внимания, происшедшие от Исава оказались неверны обычаям родства, явились жестокими и неумолимыми к близким и единокровным, то есть к Израилю. Ибо когда он (Израиль), удаляясь из Египта, проходил подле страны амманитян, то как брата, умолял обитателя этой страны позволить ему переход через нее и оказать милосердие к ним, обиженным; но он не позволял. И что говорю: не позволял? Более того, вооружился, предпринял войну и тяжко обидел бы, если бы Израиль, по Божественному гласу, не уклонился от него. А написано о сем так: «И послал Моисей из Кадеса послов к Царю Едомскому [сказать]: так говорит брат твой Израиль: ты знаешь все трудности, которые постигли нас; отцы наши перешли в Египет, и мы жили в Египте много времени, и худо поступали Египтяне с нами и отцами нашими; и воззвали мы к Господу, и услышал Он голос наш, и послал Ангела, и вывел нас из Египта; и вот, мы в Кадесе, городе у самого предела твоего; позволь нам пройти землю твою: мы не пойдем по полям и по виноградникам и не будем пить воды из колодезей [твоих]; но пойдем дорогою царскою, не своротим ни направо ни налево, доколе не перейдем пределов твоих. Но Едом сказал ему: не проходи через меня, иначе я с мечом выступлю против тебя» (Чис.20, 14–18). И чрез несколько слов: «И выступил против него Едом с многочисленным народом и с сильною рукою. Итак не согласился Едом позволить Израилю пройти чрез его пределы, и Израиль пошел в сторону от него» (Чис.20, 20–21). Неужели не ясно и не наглядно это слово?

П. Не очень.

К. Неужели не понимаешь того, что связанные с израильтянами отношением близкого родства, самыми делами своими изобличались как чуждые любви и жестокосердые, и ничем не отличающиеся от диких зверей? Ибо, когда должны были бы пожалеть тех, как братьев, находящихся в подвигах и трудах, они выходят воевать против них. Посему закон и, говорит: «не может войти в общество Господне,... потому что они не встретили вас с хлебом и водою на пути, когда вы шли из Египта» (Втор. 23, 3–4), то есть по причине чрезвычайной несострадательности и доходящей до нечестия дикости нравов. Можешь видеть, что таковы в отношении к нам, решившимся шествовать путем правым, толпы и вожди еретиков. Ибо что касается до познания одного и единого только Бога Отца и принятия веры в Сына и Духа, хотя и не совсем здорового (принятия), они имеют славу, правда не истинную, братства в отношении к нам, и в неподлинном, правда, смысле сохраняют родство с нами; но когда мы подвергаемся преследованиям, не защищают, а напротив своею злобою отягощают нас: ибо «Они вышли от нас, но не были наши, согласно написанному: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами» (1Ин. 2, 19). И Сам Спаситель обращается, и весьма справедливо, к таковым, ложную имеющим честность, не приобывшим еще совершать дела во славу Его, с словами: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30; Лк. 11, 23). Кажется ли тебе, что подобны аммонитянам богоненавистные скопища еретиков, чрезмерно недугующие несострадательностью и нечестием?

П. Совершенно так.

К. Посмотри же, если угодно, и на моавитян, явно весьма враждебных к хотящим служить единому по естеству и истинному Богу. Ибо они были поклонники идолов; чрезмерно полагаясь на прорицания и волхвования, не мало устрашаемые даже и полетом птиц, и скрежеща зубами на благоуспешность Израиля, они подкупили Валаама и внушали ему произнести проклятие (на Израиля); но несказанною силою Божией уста прорицателя обращались к нежеланным для них благословениям. Такова же и против нас война эллинов,

завидующих славе Спасителя нашего и воздвигающих против нас всю силу диавола, которую потрясает Божественная и вышняя благодать, изливающая бессилие в скопище демонов и превращающая то, к чему направлено было злоумышление, в то, что производит радость.

П. Совершенно так.

К. Итак, аммонитянам, а равно и моавитянам недоступна святость, и весьма справедливо: ибо у кого родственны дерзкие попытки и однородна наглость, тем приличествует быть постигнутыми и равными наказаниями. Обрати внимание также и на осторожность закона: он совершенно отделяет от них святых и даже, можно сказать, не повелевает вступать в беседу с ними, говоря: «Не желай им мира и благополучия во все дни твои, во веки» (Втор. 23, 6). Не есть ли это, очевидно, то, чему научила нас и двоица святых, Павел и Иоанн? Ибо один из них говорит: «Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его» (2Ин.1, 10); а это, думаю, и значит: «да не совещаеши мирная им и полезная им.» А другой говорит: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит. 3, 10–11); это значит: не говори полезная им. Ибо должно, говорит закон, уступать дорогу людям крайне развращенным, как безумным, говоря (им): «идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами» (Ис. 50, 11). Но аммонитянину возбранялось (входить во двор скинии) до третьего рода, а моавитянину даже и до десятого, в чем, как я думаю, самым временем Бог показывает нам великость негодования своего на тех и других: меньшее, как и естественно, наказание предлежит еретикам, и об них можно сказать, что несомненно сказано об иудеях: «Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению» (Рим. 10, 2); ибо, считая себя говорящими правильно и мудрыми, не замечают жалкие того, что воют на догматы истины, и, будучи одержимы ложною ревностью, думают, что защищают славу Божию, ополчаясь на шествующих путем правым. Моавитяне же, то есть толпы язычников, нагло и открыто, и без всякого колебания, воют на Божию славу;

посему-то и более тяжким наказанием угрожал им закон. Впрочем и те, и другие извержены из священной ограды, как нечистые и богоненавистные.

П. Итак, не безвредное дело относительно осквернения, Даже и в беседу вступать с кем-либо чуждым и иномыслящим.

К. Ты разумеешь весьма хорошо. Посему и закон омовенных и чистых и поэтому уже соделавшихся своими Богу, как бы стеною, отделяет от нечистоты тех, говоря: «Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их закланию, не вступай с ними в союз и не щади их; и не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего; ибо они отвратят сынов твоих от Меня» (Втор. 7, 1–4). Так осторожен закон: «да не завещавши, – говорит, – к ним завета»; ибо не согласно и несоприкосновенно с освященным еще оскверненное, с просвещенным находящееся во мгле и тьме, с принятым неприемлемое, со входящим в священную и Божественную скинию изгоняемое из нее.

П. Но какая же это предусмотрительность закона? И почему он отделяет, и притом вовсе, чистое от оскверненного, хотя бы последнее украшено было, может быть, добродетелью?

К. Потому что весьма велика опасность, друг мой, чтобы и кажущееся право стоящим не приняло уклонения к ненадлежащему и не отвлечено было от приличествующего, чем бы то ни было увлеченное, или возбуждающим вожделение удовольствием, или наталкивающею на согрешение самой природе присущую склонностью к тому. Всегда почти она склонна к порочному, о чем свидетельствует нам и Божественное слово: «помышление сердца человеческого, – говорит оно, – зло от юности его» (Быт. 8, 21). Приведу, если желаешь, в наглядное доказательство сего, то, что, как повествуется, потерпела сама рожденная от Иакова.

П. Дину, конечно, разумеешь, – так полагаю.

К. Совершенно так, Палладий; ибо так написано в книге Бытия: «Иаков, возвратившись из Месопотамии, благополучно пришел в город Сихем, который в земле Ханаанской, и расположился пред городом. И купил часть поля, на котором раскинул шатер свой, у сынов Еммора, отца Сихемова, за сто монет. И поставил там жертвенник, и призвал имя Господа Бога Израилева. Дина, дочь Лии, которую она родила Иакову, вышла посмотреть на дочерей земли той. И увидел ее Сихем, сын Еммора Евеянина, князя земли той, и взял ее, и спал с нею, и сделал ей насилие. И прилепилась душа его в Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу и говорил по сердцу девицы» (Быт.33:18–20, 34:1–3). Итак, смотри: пока она еще охотно вращалась и пребывала в шатре отца, в котором он и призывал Бога Израилева, и воздвиг святой жертвенник, была еще нескверною и украшалась девством; но как скоро вышла из отцовского шатра и, оставив священное место, примешалась к чужим женщинам, тотчас вынуждена была к необычному ей осквернению и уже не была более девою; и хотя сначала невольно подчинилась сладострастию других, однако после того и сама хотела быть с своим оскорбителем; ибо "говорил, – сказано, – по сердцу девицы».

П. Это так.

К. Итак, предложив это чувственное во образ умопостигаемого, скажем теперь, что душа, проводя превосходное житие как бы в какой скинии, будет всечистою и нескверною, и свободною от всякой мерзости; если же выйдет куда-либо и устремится к дочерям иноплеменников, то есть если испытает и усмотрит жизнь мирских, то развратит свой доброкачественный и благородный ум, ибо не безвредно сожительство с порочными для тех, которые вознамерились вести жизнь славную. Но и божественный Давид, как мы знаем, не желал ходить вне священной скинии, а напротив, более всего молился о том, чтобы пребывать и жить не вдали от нее, говоря: «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его, ибо Он укрыл бы меня в скинии Своей в день бедствия, скрыл бы меня в

потаенном месте селения Своего, вознес бы меня на скалу» (Пс.26, 4–5). Селением Божественным и священным называет при этом, думаю, твердость и непоколебимость благочестивого жития, в каковом селении, укрывшись некоторым образом, он был бы неуловим для стремящихся погубить его страстей.

П. Кажется, так.

К. Что же? не яснее ли и истиннее всякий может узнать, что иногда и в людях, по-видимому, утвердившихся, обращение с иноплемениками может произвести крайнюю степень осквернения, когда приведет в доказательство конец жизни Соломона и то, что случилось ему испытать на самом пороге старости?

П. Каким же образом?

К. Он так был знаменит и славен, что уже несравненную приял славу; однако перешел потом к гнусности, более того даже малодушно снизошел до крайнего нечестия против Бога. Так было с ним; ибо написано в Третьей книге Царств: «Царь Соломон превосходил всех царей земли богатством и мудростью. И все [цари] на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его» (3Цар.10, 23–24). Но столь славного и знаменитого, и до того, наконец, достигшего в мудрости, что был предметом безмерного удивления и у весьма отдаленных народов, ниспровергла страсть к порочным женщинам и, так сказать, похитив из самой Божественной скинии, ввергла в ров идолослужения. Ибо так написано о нем: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: `не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам`; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его. Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И

делал Соломон неугодное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его» (3Цар.11, 1–6). Не достоин ли оплакивания тот, о котором говорится, что впал в такое зло? Воздвигший знаменитый оный храм в Иерусалиме, просивший себе Божественным «присядающую престолу Твоему премудрость» (Прем. 9, 4), по несравненной своей мудрости бывший предметом удивления даже до самых пределов поднебесной, как денница сиявший в городах и странах, будучи побежден страстью к постыдным женщинам и ходя во след сквернейшего вождения, оказывается впадшим в такое безумие, что совершенно ни во что считал и самое благочестие в отношении к Богу. Итак, опасно, без сомнения, быть в общении с иноплеменниками; но всего опаснее – быть побеждаемым плотским удовольствием: нечист таковой и всечистому Богу ненавистен, и лишенный добродетели, не может приступать к священной и Божественной скинии; но не может также и приносить жертву приятную; ибо написано во Второзаконии: «Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых и не должно быть блудника из сынов Израилевых». (Не должно быть платящей подать из дочерей Израилевых, ни продаваемого из сынов Израилевых.) «Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего ни по какому обету, ибо то и другое есть мерзость пред Господом Богом твоим» (Втор.23, 17–18).

П. Как суров закон, и как он в высшей степени полезен!

К. Хорошо, Палладий: ты мыслишь правильно. Но изумишься, думаю, и еще более, приняв в соображение, что весьма сильно затрудняя легкий путь к удовольствиям, он изгоняет распутного и необузданного. Ибо смотри, как он явно порицает и хотящих добровольно и по собственному избранию упражняться в постыдном осквернении, и обыкших приводит к сему силою и других; смотри, как он, указывая, чего не должно делать, приводит их к большей осторожности и затрудняет для них отыскание отговорок, которые могли бы быть достаточными для защиты: обвинению будут подлежать уже не грехи неведения, а грехи нерадения и непокорного духа.

П. Каким же образом?

К. Разве не самовольно идут некоторые на блуд одеяние, и разве не из желания вознаграждения женщины и отроки продают красоту свою невоздержанию некоторых?

П. Да.

К. Что еще? Разве не побеждаются некоторые постыдною корыстию и, предлагая желающим своих служанок или тех отроков, которых случилось им купить, не собирают деньги эти жалкие, о которых и пророк говорит: «и отроковицы продаяху на вине, и пияху?» (Иои.3,3.) Ведь правда, что некоторые доходят до такой степени порочности и нечистоты, что нечестиво дерзают иногда собирать пошлины и с таких постыдных вещей.

П. Понимаю.

К. Итак, блудодействуют добровольно те, которые, быв удалены от зла, потом устремляются к нему по собственному изволению. Плательщики же податей суть те, которые уплачивают другим подати по принуждению и собирают доход от распутства для купивших их.

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, закон повсюду запрещает это, нечестивым признает избалованного в таком преступлении, поставляет его вне священной скинии и прямо являет недоступным для него Божественный жертвенник, говоря, что неприятною будет жертва и неприемлемым – обет: ибо поистине нечисты обеты «от мзды блудничи». Равным образом ненавистною и мерзостнейшею почитает «цену песию»: псом же думаю, называет удобопреклонного к нечистоте и отдающегося безразлично каждому приходящему; а ценою песию – то, что предлагается ему за это. Поэтому и возглашает закон «да не будет блудница от дочерей Израилевых, и да не будет блудник от сынов Израилевых. И премудрый Павел согласно с тем взывает: «Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела» (1Кор.6,18). Так и мужественно стремящихся к красоте воздержания призывал он к исканию лучшего; ибо сказал еще: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для

разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 1–2). Разве ты не думаешь, что отложение постыдного есть подлинно святая и истинно всечистая жертва?

П. Думаю; как же иначе?

К. И когда мы удаляемся от плотского удовольствия, Бог радуется; а когда склоняемся к слабости, весьма скорбит, и когда решаемся подпасть влечениям плоти, налагает наказание: ибо вынуждает иногда и к отступлению от Бога пылкое и необузданное сладострастие; а что это правда, может тотчас показать рассказанное о Соломоне. Но еще прежде него изобличаем был подвергшийся сему в пустыне Израиль; ибо написано: «И жил Израиль в Ситтима, и начал народ блудодействовать с дочерьми Моава, и приглашали они народ к жертвам богов своих, и ел народ [жертвы их] и кланялся богам их. И прилепился Израиль к Ваал-Фегору. И воспламенился гнев Господень на Израиля. И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем, и отвратится от Израиля ярость гнева Господня» (Чис.25, 1–4). Видишь ли, что как бы раздражается и едва не приводится нами в невольный гнев Божественное благостнейшее естество? Ибо прилично скотам – неистово устремляться к прелестям женщин, и весьма нечестиво – дерзновенно променивать почитание Бога на необузданное удовольствие. Посему таковые и «обличаются Господу прямо солнцу», то есть их вешают на прямых столбах, обращенных к востоку: это было у них одним из видов наказания, между тем как образ сей едва не вопиял ясно и не провозглашал, что от всевидящего и безошибочного oka Судии не может укрыться никто виновный в таких грехопадениях и уйти безнаказанным, но выставлен будет, по слову пророка, в позор всякой плоти (Ис.66, 24), подлежа тяжким наказаниям за соделанные им согрешения.

П. Таким образом быть обличенным прямо солнцу значит быть наказанным явно и как бы пред очами Божиими?

К. Совершенно так: и эта речь наша не уклоняется от цели. А что блудодействующие или те, над которыми совершенно

блудодееание, дадут отчет пред Богом в столь гнусной и скверной жизни, что сокровенное Ему явно, и что ясно познано будет то, что есть в каждом, это и в другом еще законе изобразил нам. Ибо написано в книге Чисел: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: если изменит кому жена, и нарушит верность к нему, и переспит кто с ней и излиет семя, и это будет скрыто от глаз мужа ее, и она осквернится тайно, и не будет на нее свидетеля, и не будет уличена, и найдет на него дух ревности, и будет ревновать жену свою, когда она осквернена, или найдет на него дух ревности, и он будет ревновать жену свою, когда она не осквернена, – пусть приведет муж жену свою к священнику и принесет за нее в жертву десятую часть ефы ячменной муки, но не возливает на нее елея и не кладет ливана, потому что это приношение ревнования, приношение воспоминания, напоминающее о беззаконии; а священник пусть приведет и поставит ее пред лице Господне, и возьмет священник святой воды в глиняный сосуд, и возьмет священник земли с полу скинии и положит в воду; и поставит священник жену пред лице Господне, и обнажит голову жены, и даст ей в руки приношение воспоминания, – это приношение ревнования, в руке же у священника будет горькая вода, наводящая проклятие. И заклянет ее священник и скажет жене: если никто не переспал с тобою, и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невредима будешь от сей горькой воды, наводящей проклятие; но если ты изменила мужу твоему и осквернилась, и если кто переспал с тобою кроме мужа твоего, – тогда священник пусть заклянет жену клятвою проклятия и скажет священник жене: да предаст тебя Господь проклятию и клятве в народе твоём, и да соделает Господь лоно твое опавшим и живот твой опухшим; и да пройдет вода сия, наводящая проклятие, во внутренность твою, чтобы опух живот [твой] и опало лоно [твое]. И скажет жена: аминь, аминь. И напишет священник заклинания сии на свитке, и смоет их в горькую воду; и даст жене выпить горькую воду, наводящую проклятие, и войдет в нее вода, наводящая проклятие, ко вреду ее. И возьмет священник из рук жены хлебное приношение ревнования, и вознесет сие приношение

пред Господом, и отнесет его к жертвеннику; и возьмет священник горстью из хлебного приношения часть в память, и сожжет на жертвеннике, и потом даст жене выпить воды; и когда напоит ее водою, тогда, если она нечиста и сделала преступление против мужа своего, горькая вода, наводящая проклятие, войдет в нее, ко вреду ее, и опухнет чрево ее и опадет лоно ее, и будет эта жена проклятою в народе своем; если же жена не осквернилась и была чиста, то останется невредимою и будет оплодотворяема семенем» (Чис.5, 11–28). Таков закон. Но думаю, что пространно написанное здесь превосходно сводит к немногим мыслям божественный Павел, когда пишет нам: «ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить *соответственно тому*, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2Кор. 5, 10).

П. Думаю, что правильно сказано это; но разъясни подробно относящееся к каждому из постановленного.

К. Повелел, чтобы жена, подозреваемая в прелюбодеянии, когда она терпит обвинение, не подкрепленное уликами, приводима была к священнику и поставляема пред очами Божиими: это, думаю, значит, что все предстанем пред Христом. Затем повелел, чтобы за нее приносим был дар, состоящий из ячменной муки, не посыпанной Ливаном и не напоенной елеем; ибо это есть жертва ревнования, напоминающая грех. Очевидно таким образом, что в жизни каждого восходит к Богу как бы воня, на преданных нерадению возносящая обвинение во всех их нелепых действиях, а по отношению к тем, которые весьма старались жить правильно, свидетельствующая о их правоте. Посему-то говорит, и весьма справедливо, что дары ненаходящихся в подозрении содержат в себе муку из пшеницы с прибавлением Ливана, а также и с возлиянием елея; ибо во всяком случае достойная человека жизнь, образом которой может служить и пшеничная мука, будет считаться у любодобродетельного Бога за благоухание и радость. А признаком, и очень ясным, жизни незаконной и скотам приличной может служить мука ячменная; ибо скотам более прилична и весьма несвойственна человеку неудержимость в похоти и необузданное желание устремляться к гнусному

сладострастию. Посему-то жена, обвиняемая в незаконной жизни, приносила Богу ячменную муку, без Ливана и елея, то есть без благоухания и радости; ибо это жертва, напоминающая грех; а где напоминание греха, там каким образом или откуда была бы радость, потому что судимый находится не в надежде венцев, но в страхе осуждения и огня. И, кроме того, жена приводится к Судии непокровенною, то есть не в обычном и приличном ей украшении. Какое же основание сего? – То, что и вина ее есть вина непристойности и обвинение в осквернении. А припомни, что не позволяется жене непокровенною молиться Богу и сведущий в законе Павел, самый закон природы взяв в доказательство того, что ей должно быть покровенною, "так как, – говорит, – волосы даны ей вместо покрывала» (1Кор. 11, 15). Итак, не была уже в пристойном украшении жена, обвиненная в непристойности. Непокровенна же и иным образом; ибо пред очами Судии все обнажено, и никто вообще не может утаиться от Испытующего сердца и утробы и устами пророка так говорящего: «Разве Я – Бог *только* вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали? Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его? » (Иер.23, 23–24.) Впрочем, что Христос есть Судия, на это опять указывает таинственно: ибо сказал, что живая и чистая вода должна быть влита в глиняный сосуд, а также всыпана и часть земли, находящейся при скинии; затем, по смытии слов заклания водою, повелел жене, подозреваемой в блудодеянии, пить ее: и если она повинна преступлению, то "надмет (вспухнет),– сказано, – чрево..., и отпадет стегно ея; если же свободна от вины, и подозрение на нее ложно, то плодствовать будет семя».

П. Какой же смысл этих слов? Или каким образом и сейчас поименованное может знаменовать для нас Христа?

К. Под водою живою и чистою разумен животворящее Слово Божие, истинно чистое и греху совершенно непричастное, Которое явилось во плоти как бы в глиняном сосуде; ибо что плоть есть персть и от земли взята, как или с какой стороны это может быть сомнительно? Под землю же, взятою от скинии, разумеи Потерпевшего смерть ради нас; ибо естеству человеческому сказано: «прах ты и в прах возвратишься» (Быт.

3, 19). А под словами заклѣтия весьма легко уразумѣешь бывшего «по нас клятвою» по причине того, что Он повешен был на древе: «ибо написано: проклят всяк, висящій на древе» (Гал. 3, 13; Втор. 21, 23). Итак, Еммануил, будучи Бог по естеству, когда проникнет в глубину человеческого помышления, тогда повинных грехопадениям обличит, наказуя, а неповинных в сем явит плодоносными; ибо это, думаю, значит: «и будет оплодотворяема семенем»: так как это телесное состояние знаменует плодородие души.

П. Превосходно сказал ты.

К. Итак, блуд и плотскіе страсти оскверняют человекам удаляют его от общенія с Богом: ибо «живущіе по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8, 8). Плотью же, как я думаю, именует плотскій помысл: в таком смыслѣ правильно будет понято написанное. Сверх того порочный образ жизни, а также настроенность, отличающаяся грубостью нравов, и наклонность ко всему непристойнейшему делают нас мерзкими и нечистыми. Нам следует не только мужаться против плотских страстей, но и отличаться кротостью нравов, являться весьма заботливыми о любви к братьям, представляться увенчанными украшеніем справедливости, и сверх сего имѣть в себѣ ум тонкій и испытанный, но превратно относящійся к мнѣніям о Боге и в исследованиях догматов повсюду сохраняющій безукоризненность. Таковыѣ поистинѣ совершенны и не лишены ничего наилучшаго. А что "совершенъ быть долженъ Божій человек, это сказалъ нам и божественный Павел; совершеннымъ же называетъ ко всякому добродѣлу приготовленъ» (2Тим. 3, 17) и расположенного хорошо совершать дела добродѣтели. Развѣ это не так?

П. Какъ же иначе?

К. Смотри же, какъ закон (Лев. 11) бесчисленными способами приноситъ намъ пользу, таинственно указывая для изображенія человеческихъ нравовъ на множество бессловесныхъ животныхъ, и на роды пернатые и водные. Не удивляйся, если иногда уподобляетъ даже и самимъ растениямъ, естественнымъ качествомъ каждого превосходно обозначая свойства каждого изъ насъ. Ибо сказалъ Богъ устами Исаяи, указуя на благоуханіе, очевидно,

духовное, а также и на высоту в добродетели расцветших к жизни чрез веру во Христа: «Я проложу дорогу в степи, реки в пустыне. Посажу в пустыне кедр, ситтим и мирту и маслину; насажу в степи кипарис, явор и бук» (Ис.43:19, 41:18–19), и еще: и будет сказано, что «Вместо терновника (драчия) вырастет кипарис; вместо крапивы возрастет мирт» (Ис.55, 13), драчием, думаю, и крапивой благопристойно называя души, еще не укрощенные и являющиеся пред очами Божиими в виде дикого терния. Но и камням иногда уподобляет честный сонм святых: «подобно камням в венце, они воссияют на земле» (Зах.9, 16). А Спаситель говорит, что Царствие Небесное подобно квасу (закваске) и зерну горчичному (Лк. 13, 21, 19). Итак, многими и нагляднейшими примерами обычно богодухновенному Писанию уяснять человеческое.

П. Согласен.

К. Так заметь, что с пользою указав бесчисленные виды скотов, а также и пернатых, и плавающих, одни признает оно скверными, как нечистые, а другие приемлет и избавляет от порицания, дабы хорошо ведали служащие Богу, что делая, не будут приняты, а от чего разумно воздерживаясь, далеко будут от порока и будут светлы и достоприсяжны, и почтены по определению свыше. Закон же у нас о сем таков: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря им: скажите сынам Израилевым: вот животные, которые можно вам есть из всего скота на земле: всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте; только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта: верблюда, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас; и тушканчика, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас, и зайца, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас; и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, нечиста она для вас; мяса их не ешьте и к трупам их не прикасайтесь; нечисты они для вас» (Лев. 11, 1–8). Между тем Христос весьма ясно говорит: «то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф.15, 11), Сказано, также

божественному Петру, когда с неба спускаема была за четыре угла плащаница, в которой, как написано, были всякие четвероногие и пернатые: «встань, Петр, заколи и ешь»; а когда ученик воскликнул, страшась еще запрещения закона и говоря: «Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого.... Тогда в другой раз *был* глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян.10, 11–15, ср. Иез.4, 14). Пишет и божественный Павел: «Пища не приближает нас к Богу» (1Кор. 8, 8). Таким образом ясно, что закон отнюдь не считает нечистым что-либо из существующего, а признает, что «Для чистых все чисто» (Тит. 1, 15); но весьма разумно, применяя естественные свойства каждого животного к качествам нравов человеческих, приносит немалую пользу. А что истинно и несомнительно то, что говорю, это можешь ты понять еще и из следующего. Должно гнушаться, постановил он, того, что всеми осуждено, как-то: верблюда и хирогирия (тушканчика), врана ночного и лилика (морская птица), халавотиса (род ящерицы) и мигали (землеройка) (Лев. 11, 4–5, 17, 30), и еще более мерзкого, нежели это. Разве не ясно в сем намерение Законодателя, друг мой?

П. Совершенно ясно.

К. Итак, надобно с умением переносить то, что по природе присуще некоторым из бессловесных животных, на качество нравов, так как каждое из них, можно сказать, как бы изображает в себе нрав какого-либо человека и обозначает, какими обладает он свойствами. Так разве не обыкли и мы людей чрезвычайно пылких и сильных, и смелостью превосходящих других называть вепрями, или львами, или именем какого-либо другого из таковых животных, а людей кротких и спокойных и имеющих уступчивый характер называть овцами и голубями, и иногда венчать именем Тишины (морская нимфа), заимствуя приличествующее характеру каждого обозначение от более явного?

П. Правда.

К. Так обратимся к намерению закона и исследуем тщательно то, что он внушает.

П. Обратимся.

К. Похвальные дела справедливости и вообще всякой четности хотя исходят от воли каждого, но совершаются, думаю двояким образом и имеют как бы двоякий вид.

П. Каким образом?

К. Мы или для себя самих делаем что-либо доброе, отсекая например непристойные и порочные удовольствия, умерщвляя «умертвите земные члены» (Кол. 3, 5), приводя дух в состояние кротости, заботясь о нищете духовной, имея чистый и непомянутый, насколько возможно, ум, – или же по отношению к братьям совершаем добрые дела, захотевшим огорчить и неприязненно оскорбившим нас оказывая незлобие, страждущим подавая помощь, утешая огорченных, заблудившихся по неведению обращая на путь правый и руководя к лучшему, удовлетворяя нуждающихся и ревностно стремясь совершать то, что могло бы быть приятно Богу. Итак, разве не двоякий бывает как бы вид справедливости, один совершаемый в отношении к нам самим, а другой в отношении к другим?

П. Кажется.

К. Посему таковую двойственность закон всегда почти уподобляет раздвоенному копыту или двупалости ноги; ибо нога всегда может быть для нас знаком и образом действительного шествования путем деятельности, и мы говорим, что правою стопою шествуют, о тех, которые весьма ревностно стремятся беспорочно идти к совершению служащего на пользу. Воспевает же и Давид: «нога моя ста на правоте» (Пс.25, 12), то есть в справедливости и правоте шествовал я и возненавидел развращенное; о грехолюбивых же говорится: «Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их» (Рим. 3, 15–16; Ис.59, 7). Итак, нога есть знак шествия в делах; двупалость же может служить ясным образом того, что мы можем право и безукоризненно шествовать тем и другим путем; путем добродетели в отношении к нам самим, и путем добродетели в отношении к другим.

П. Речь убедительна.

К. Итак, кто умеет право и разумно шествовать тем и другим путем, кто может приносить пользу и себе и другим,

разумею – качеством нравов, и притом смышлен и весьма благоразумен, делает сердце свое как бы каким вместилищем и жилищем помышлений о Боге, постоянно как бы приводит во всестороннее движение в себе мысли о Божественных догматах и чрез это частое и разумное исследование утончает некоторым образом его столь тщательно усвоенные мысли: тот совершенно подобен будет животному, жуящему жвачку, пищу находящуюся в утробе всегда отрывающему и доводящему до зубов, чтобы она, еще раз измельчившись, хорошо переварилась и пошла на пользу.

П. Ты говоришь правильно.

К. Животное, которое имеет ногу, оканчивающуюся раздвоенным копытом, и отрывает обратно сокрытую в утробе жвачку, закон называет чистым потому, что человек, способный быть полезным и добрым в отношении к себе самому и другим и соединяющий с этим любословие и опытность в познании, очевидно о Боге, будет совершен в добродетели И будет иметь в себе самом безукоризненность в отношении ко всему досточудному. Да если бы и другой кто-либо сделался причастным таковому – разумею – чрез научение, и, так сказать, поядал слова его, сделался подражателем (его), решился соревновать столь отличному и избранному мужу: то будет нескверен и чист; потому что будет жить вместе с чистым, и свой собственный образ жизни тотчас явит как бы отображением его мудрости и полезного знания. Вот что, думаю, значит, что нам должно вкушать от всякого животного, от природы разделяющего ногу на два копыта и отрывающего жвачку. Ибо чисты таковые животные, говорит закон, по сейчас указанной причине.

П. Я понял, что ты говоришь.

К. Итак, человека превосходного и совершенного в добродетели он таинственно указал в животном, которому свойственна двупалость, и которое отрывает жвачку. А что прекрасно и полезно удаляться от того, что не такого духа, от хромающего как бы в добре и ищущего позади совершенства в добродетели, этому опять научает, когда ни отрывающих жвачку, но не обладающих двупалостию, ни обладающих от природы

двупалостию, если они не имеют жвачки, не одобряет, а напротив обвиняет в нечистоте и полагает в числе способных осквернять. Итак, правильно рассуждая и прелагая таинственно сказанное в истину, утверждаем, что двупалость ноги есть образ деятельной силы и качества нравов. Жвачку же определяем как знак слова по благочестию бываемого и познания догматов правого и испытанного. Разве это не так?

П. Совершенно так.

К. Посему справедливо несовершенным в добродетели и далеко не достойным удивления может быть признан хвалящийся добрыми делами, но не обладающий правостию учения, и не имеющий в уме глаголов истины. А что и обратное истинно, это также ясно: ибо правость учения и сладкое размышление о Божественных глаголах нисколько не помогли бы совершенству в рассуждении добродетели, если бы с ними не связана была слава добрых дел. Только правый в том и другом получит совершенную похвалу; а кому недостает того или другого, тот не полную будет иметь похвалу за доброе. На таковое нечто указывает и Спаситель, говоря, что «малейшим наречется в Царстве Небесном» научающий, но еще не сотворивший сам, и наоборот "великим" и славен сотворивший и научивший (Мф.5, 19). Итак, нечист по закону не обладающий чем-либо одним только. А что должно удаляться от таковых и никаким образом не являться участниками их, это он разъяснял, говоря: «от мяс их да не ясте, и мертвечин их да не прикасаетесь»: то есть и пока они живы, не имейте с ними общения, и когда, может быть, умрет кто-либо из таковых, нескверным блюдите ум свой, даже не прикасаясь, так сказать, к сделанному ими, очевидно многоречивым и скверным писаниям их, ибо это – останки жизни человека. Делать это обычно невежественным еретикам. Ибо хотя соделавшиеся вождями присущего им невежества несомненно заблуждались, однако останки как бы своего нечестия передали своим ученикам; а эти принимают, притом весьма охотно, и усвояют сие умом, и имеют осквернение, с трудом омываемое, как бы прикасаясь к мертвечине, исполненной крайнего зловония и нечистоты.

П. Правда.

К. В пример не раздвояющего копыта, но отрывающего жвачку, берет верблюда, животное сильное и огромное; далее – зайца и тушканчика (хирогриля), животных, так сказать, самых маловидных из всех других, – крайностям, как я думаю, обняв в сокращении всех вообще и ничего не опустив из находящегося в середине; ибо это подобно тому, как если бы было сказано: от весьма высокого и высочайшего и до малого и самонизжайшего всякий таковой мерзок и нечист. «Ибо нет лицепрятия у Бога», согласно написанному (Рим 2, 11); но если б кто был и велик, и высокомерен, богатством и мирскою славою вознесен на высоту, то и он бесславный непочетный жребий получит, как скоро подлежит обвинению в порочности; если б, с другой стороны, кто был мал, живя в нищете и бесславии, – также осужден за нечистоту, если не может похвалиться добродетельным нравом, и никто не должен считать унижение основанием к тому, чтобы быть помилованным от Праведного Судии, не имея благолепия в делах очевидно, сообразных с благочестием и добродетелью. Итак, верблюд, заяц и тушканчик служат ясным образом великого и малого. Представляет также и свинью, как животное нечистое, потому что хотя она и раздвояет копыто, но еще неспособна по природе пережевывать пищу, то есть отгрызать жвачку, показывая этим, что недействительна и бесполезна похвала делами без слова сообразного с благочестием; ибо как «вера без дел мертва есть» (Иак.2, 20), так и наоборот – мертво совершенно благоуукрашение и честность в делах, если при этом нет богопознания и слово, сообразное с благочестием, не вселилось в душах наших, но будучи низкою, душа наша склонилась к земле и как бы боится поднять взор вверх. Не мало найдем мы пораженных таким недугом; они хотя ведут иногда жизнь и честную и чистую, однако не познав Того, Который есть истинный по естеству Бог, только к земному, так сказать, пригвождают взор ума своего. И таковой также нечист; ибо никто «не увенчивается, если незаконно будет подвизаться», по написанному (2Тим. 2, 5).

П. Поэтому нечистым признает он нас, наподобие свиньи, а также и прочих животных, когда мы повинны преступлениям, осуждаемым от закона.

К. Совершенно правильно сказал ты. И недовольно было закону того, что он приводит образ нечистых людей в одних только этих и подводных животных, но всякою как бы тварью решившись помогать и обильно предлагая ведение полезного и приличествующего, обзирает и роды водных животных и стаи пернатых, чтобы, тщательно исследуя свойственное каждому, мы могли уразумевать, что угодно Богу, и что наоборот противно и ненавистно Ему, и таким образом проводя жизнь наиболее согласную с законом, как можно более усиленно удаляясь от всего, способного осквернять. Посему так еще сказал закон: "Из всех *животных*, которые в воде, ешьте сих: у которых есть перья и чешуя в воде, в морях ли, или реках, тех ешьте; а все те, у которых нет перьев и чешуи, в морях ли, или реках, из всех плавающих в водах и из всего живущего в водах, скверны для вас; они должны быть скверны для вас: мяса их не ешьте и трупов их гнушайтесь; все *животные*, у которых нет перьев и чешуи в воде, скверны для вас» (Лев. 11, 9–12).

П. Какое различие между сими, – разумею в отношении к духовному созерцанию, об этом скажи ты сам, ибо я не очень понимаю.

К. Хорошо; я скажу насколько можно, приводя в ясность, то, что закон предлагает в виде примера. Все те из водных животных, которые Зиждителем всего мудро созданы в виде рыб, взмахами перьев как бы веслами всегда рассекая воду, делают весьма сильное и весьма быстрое движение, куда бы ни захотели, и когда луч солнца испускает теплоту на поверхность вод, выплывают наверх и едва не осмеливаются выпрыгнуть из самых вод, не желая всегда пребывать внизу; легко уходят также и от сетей ловцов. Которые же из них не в чешуе и перьях, а в жестких покровах и облечены природным панцирем, те менее всего знают высоту, уходят всегда в глубь, в траву и охотно пребывают в самых тинистых местах. Они притом вялы и удоболовимы, и раз увидевшими их без труда могут быть

пойманы. Вот слово о них, ясное и истинное. Перейдем же теперь, как бы от подобию и образов, к более ясному.

П. Превосходно бы ты сделал, если бы раскрыл это, с готовностью приступив и к сему.

К. Прекрасно изображая нам суматоху жизни сей и нерадостное разлитие и смешение в ней вещей, Псалмопевец поет: «Это-море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими» (Пс.103, 25); рыбам весьма легко можно уподобить тех, которые без всякой пользы носятся туда и сюда и только то приобретают, что делает их плотскими и подвергает суетным трудам.

П. Правильно говоришь.

К. Порицает таковых и ученик Христов, так говоря: «Теперь послушайте вы, говорящие: `сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль`; Вместо того, чтобы вам говорить: `если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое`, – вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло» (Иак.4, 13, 15–16). Итак, наподобие рыб плаваем мы по этому широкому и пространному морю, то есть миру: ибо различна жизнь каждого. Некоторые не совсем уклонились ко греху, но сознают, что они бывают иногда немощны, одержимые узами господства плоти, и хотя от иных прегрешений не хотят отставать: «все мы много согрешаем», согласно написанному (Иак.3, 2), однако удаляются как от нелепого, от наглого совершения чего-либо срамного, и никто не убедил бы их к совершению явного и неприкровенного прегрешения, но весьма стараются скрыться, ибо «благоразумный скрывает оскорбление», согласно написанному (ср. Притч. 12, 16). Это, думаю, значит иметь чешую вместо покрова. Весьма часто всплывают также и на высоту, ибо не всегда обращают взор к низкому, но помышляют и о высшем, и быстро убегают от хотящих уловить их на погибель. Это, можно сказать, значить пользоваться как бы мысленными перьями и делать сильное движение духа.

П. Ты сказал справедливо: ибо образ приводит к мысли, что таким должно представлять его значение.

К. Некоторые же грешат безбоязненно, вполне предаваясь наглой как бы и неприкровенной порочности, и о них прекрасно может быть сказано, что их «слава их – в сраме» (Флп.3, 19); ибо они всегда устремлены к нечистоте, и, валяясь в самой глубокой грязи, поистине суть гады или другое что близкое к сему. Таковые во всех отношениях вялы и удобоуловимы, рабствуя самым гнусным удовольствиям. Разве не таковая жизнь людей потерянных? Ибо распутные женщины или блудницы, а также самый постыдный и нечистый род женоподобных, равно и те, которые отличаются на сценах, у которых плотское сладострастие ненасыσιμο и которым любезно блуждание в нечистом идолослужении, проводят жизнь поистине проклятую и доходящую до постыднейшего осквернения. Итак, закон чистыми почитает тех, которые хотя недугуют человеческими слабостями, однако еще не совсем развратились, напротив выплывают как бы на поверхность, не успокоились на одном земном, но помышляют и о горнем, и как бы разделены между Богом и миром. Нечистыми же почитает тех, которые всячески стремятся непрестанно и делать и мыслить плотское и мирское, и при этом теряют всякий стыд, привыкая нагло и открыто безобразничать. С пользою устраняет от общения с этими, не признавая бесчестием общение с теми; ибо не с порочными безопасно сближение, но с более честными; потому что написано: «Общающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми, развратится» (Притч. 13, 21). Пишет также и Павел: «называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» (1Кор. 5, 11).

П. Ты хорошо сказал; ибо это немало служит на пользу.

К. Это таинственно говорит нам закон о плавающих и водных животных. Но как бы, расширяя для нас область представления примеров, присоединяет еще стаи пернатых, говоря: «Из птиц же гнушайтесь сих...: орла, грифа и морского орла, коршуна и сокола с породю его, всякого ворона с породю его, страуса, совы, чайки и ястреба с породю его, филина, рыболова и ибиса, лебедя, пеликана и сипа, цапли, зуя

с породю его, удода и нетопыря. Все животные пресмыкающиеся, крылатые, ходящие на четырех *ногах*, скверны для нас; из всех пресмыкающихся, крылатых, ходящих на четырех *ногах*, тех только ешьте, у которых есть голени выше ног, чтобы скакать ими по земле; сих ешьте из них: саранчу с ее породю, солам с ее породю, харгол с ее породю и хагаб с ее породю. Всякое *другое* пресмыкающееся, крылатое, у которого четыре ноги, скверно для вас; от них вы будете нечисты: всякий, кто прикоснется к трупам их, нечист будет до вечера» (Лев.11, 13–24). Ясен ли для тебя смысл сказанного?

П. Нимало.

К. Или ты не понимаешь, что естественные свойства каждого из поименованных животных, наравне с другими (раньше упомянутых), служат образами нравов и различия характеров?

П. Как же так?

К. Хочешь ли, мы скажем особо о каждом, сделав тонкое различие между ними?

П. Конечно.

К. Итак, закон воспрещает употребление в пищу орла и грифа, и морского орла, и коршуна (неясыти): ибо они летают высоко, любят места весьма высокие и презирают внизу находящееся: «птенцы... суповы, – сказано, – высоко парят» (Иов 5, 7); а таков некоторым образом гордый и очень высокомерный, имеющий в себе надменный ум, привыкший презирать скромный и умеренный помысл и отнюдь не любящий следовать смиренным (Рим. 12, 16). Вместе с ними порицает также сокола (иктина) и породу его, ворона и породу его, коими весьма хорошо обозначается хищнический и хитрый в злодеянии род людей. Образ первого есть сокол, а второго – самый черный и темный ворон: темны и не для всех явны люди, острые на лукавство и невидимую для многих имеющие в себе самих злокачественность нравов; а недугующим проклятою гордостью всегда свойственно желание преимуществовать над кем только возможно, осаждают их многообразными изобретениями злобы и таким образом похищать, притом ненасытно. Посему тотчас прибавляет: «страуса, совы»; ибо это

животные, думаю, самые ненасытные, и всегда собирают, что попадает. Затем говорит: «и ястреба с породю его, филина, рыболова и ибиса, лебедя». Эти могут изображать собою людей жестоко и зверски злоумышляющих на кого только могут, так что не отказываются подвергать даже жизнь некоторых опасности и страху: ястреб, например, стремительно нападает на всякую слабейшую птицу, устремляется и на малых птиц и, схватив, погубляет; рыболов же (лилик), ибис (ивин) и султанка лазоревая (порфирион), к тому прибавил бы я и пеликана, неистово бросаются на рыб и погибель (труп) их делают пищею себе: а таковы все насколько дело касается характера и грубости нравов, за ничто почитающие погубить кого-либо ради своего собственного удовольствия. Они отвергли закон взаимного доброжелательства, оскорбляют уставы любви и по всей справедливости должны услышать от нас: не своего ищите, но еже ближних (1Кор. 10, 24); ибо любви, – сказано, – искреннему зла не творит» (Рим. 13, 10). Отвращаться также должно, сказано, еще «совы, чайки и ястреба с породю его, филина, рыболова и ибиса, лебедя, пеликана и сипа, цапли, зуя с породю его, удода и нетопыря». Это, полагаю, любители ночи; они радуются тьме и в ней охотнее всего стараются летать, напротив ненавидят солнечный свет и не терпят что-либо делать при нем: таковы, очевидно, делатели зла; ибо истинно то, что сказал Христос: «ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин. 3, 20–21). Нечисты также и вся гады птичия, иже ходят, сказано на четырех, как, например, мухи и с ними сродные. Бесчисленны эти животные малые и отвратительные, и высокого полета не имеющие. Какое же основание для того, что закон и до них доходит, это необходимо рассмотреть. Как прежде, когда он упоминал о скоте, наименовав верблюда, присовокупил и зайца, во всем равно являя нечистыми уличных в порочности, велик ли кто был или мал: «Ибо нет лицепрятия у Бога», согласно написанному (Рим. 2, 11): так и здесь, упомянув об орле и наименовав царственнейше из пернатых,

нисходит опять и к самому малому из носящих крылья, наравне полагая малого и великого, если он является творящим непристойное и не перестал подлежать обвинению. Исключает однако из этого рода «саранчу» и «крылатых» и им подобное, как настолько сильное, чтобы быть в состоянии вскакивать и отнюдь не оставаться внизу, напротив часто подниматься на высоту и легко подпрыгивать. Таков некоторым образом ведущий мирскую жизнь, но не совсем непричастный любви к Богу и другим добродетелям; ибо таковой не совершенно привязан к земному и не успокаивается на низком, а старается отчасти помышлять и о горнем, и стяжать иногда славу, устремляясь на высоту и перелетая через земное. Далее, прикасавшийся к нечистому и осквернившийся должен был омыть одежду свою; а к вечеру, говорит, будет чист, весьма ясно открывая таинство Христа, чрез Которого очищаемся, получая оставление грехов чрез святое крещение, очевидно, со времени Его пришествия, бывшего как бы к вечеру, то есть когда к концу уже близился настоящий век. Разве мы не признаем, что в последние времена вочеловечилось Слово Божие?

П. Конечно так.

К. И в ином смысле нечистым считает закон человека, прикасающегося к дикому зверю или к другому из нечистых животных. А сказал так: «Из всех зверей четвероногих те, которые ходят на лапах, нечисты для вас: всякий, кто прикоснется к трупу их, нечист будет до вечера; кто возьмет труп их, тот должен омыть одежды свои и нечист будет до вечера: нечисты они для вас. Вот что нечисто для вас из животных, пресмыкающихся по земле: крот, мышь, ящерица с ее породю, анака, хамелеон, летаа, хомет и тиншемет, – сии нечисты для вас из всех пресмыкающихся: всякий, кто прикоснется к ним мертвым, нечист будет до вечера. И всё, на что упадет которое-нибудь из них мертвое, всякий деревянный сосуд, или одежда, или кожа, или мешок, и всякая вещь, которая употребляется на дело, будут нечисты: в воду должно положить их, и нечисты будут до вечера, потом будут чисты» (Лев. 11, 27–32). Присовокупил к сему, что осквернен будет всякий сосуд, в который упадет что-либо из мертвечины их: сосуд глиняный и

кожаный, также одежда, снедь и питание, кроме источника водного, и потока, – сказано, – и собрания вод и семян (Лев.11, 33–37). Кажется, посредством диких зверей закон обозначает самых жестоких из разбойников, которыми за ничто почитается и самое крайнее из всех злодеяний, человекоубийство, и которые едва не всякого встречающегося умерщвляют, погубляя безжалостно и без всякой пощады; а посредством мыши, ласочки и им сродных и подобных, разумею крокодила земного, ящерицу и звездную ящерицу (халавотиса) – тот род воров, робкий и трусливый, ночью бродящий, который любит скрыто вредить спящим, но ужасно боится быть пойманным и избегает бдительности тех, кому вред приносится. Ибо разве не самые вороватые животные – ласочка и мышь, которые в то же время очень склонны к боязливости и скрываются в норы, вырытые в земле, как скоро заслышится стук, и всего охотнее кормятся ночью, а не днем, также крокодил земной и сродные им?

П. Правда.

К. Итак, нечисто все, что есть хищническое, будет ли кто нрава звероподобного и имеет руки обагренные кровью, или малое украдет, как мышь и ласочка, и наподобие крота и звездочной ящерицы взбирается на стены и крыши. И если кто прикасается к оскверненным таким образом, тот будет причастным вине: ибо общение с таковыми во всяком случае делает нечистыми. В свою очередь и оскверненные сосуды служат образом людей: ибо человек есть нечто вроде сосуда. Исключает однако из числа оскверняемых предметов источник воды, поток и собрание воды, хотя бы и попало в них что-либо из оскверненного по закону, дабы не позволить, думаю, подзаконным почитать это дело совершенно обременительным и неудобопереносимым и соблюдение закона считать неудобоприменимым, так как чрез это они претерпевали бы ущерб в самом необходимом, до того, что и города иногда и дома принуждены были бы оставлять вследствие осквернения в них вод и отъятия необходимо и неотложно нужного. Таким образом закон отступился от точности соблюдения предписания, ради необходимого и полезного для подзаконных.

П. Речь убедительна.

К. Но наравне с другими нечиста, сказано, мертвечина и чистых животных; и она, добавлено, может осквернять прикасающегося. А написано так: «И когда умрет какой-либо скот, который употребляется вами в пищу, то прикоснувшийся к труп его нечист будет до вечера; и тот, кто будет есть мертвечину его, должен омыть одежды свои и нечист будет до вечера; и тот, кто понесет труп его, должен омыть одежды свои и нечист будет до вечера» (Лев. 11, 39–40). Это, как я думаю, очевидно значит: «не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» (1Кор. 5, 11). То есть если кто из признаваемых совершенно честными, из очищенных уже и принятых в общение духовное чрез веру подвергается от греха происходящей мертвенности, то таковой «нечист да будет», как сказано, и отвержен; ибо оскверненный мертвыми делами, он, во всяком случае, оскверняет прилепляющегося к нему. Но если б кто и подвергся осквернению, чист да будет с помощью воды к вечеру; а что сие значит, это ясно показала нам предшествующая речь. Заметь же, что и ядущего мертвечину их, и того, кто только прикоснулся бы к ним, закон считает нечистым, ни причастного их мертвости не избавляя от порока и вины, ни подходящего к ним и приближающегося не называя невиновным: ибо должно, думаю, бдительно удаляться не только от совершения того же самого, что делают порочные, но и от самого общения с ними; потому что «Кто прикасается к смоле, тот очернится», сказано (Сир. 13, 1); и слово это истинно. А что для обозначения качества нравов из примеров избраны законом полезные, это может каждый узнать из добавленного потом; ибо он сказал еще: «не оскверняйте душ ваших каким-либо животным пресмыкающимся и не делайте себя чрез них нечистыми, чтоб быть чрез них нечистыми, ибо Я – Господь Бог ваш» (Лев. 11, 43–44). Какое осквернение душе человека могла бы причинить смерть животного и прикосновение к умершему? Какой вред могла бы причинить пища «во чрево вмещаемая и афедромом» извергаемая, по слову Спасителя (Мф. 15, 17)?

П. Никакого, как я думаю; ты мыслишь правильно.

К. Итак, должно, полагаю, подобно искуснейшим из пловцов, приводящих в движение все снасти, проходить мимо осквернения и стремиться как бы к тихому и спокойному берегу, – к любезнейшей Богу жизни: ибо только таким образом, а не иначе Он доступен нам. А что это истинно, – не трудно увидеть, ибо еще написано в книге Исход: «Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадиямского. Однажды провел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией, Хориву. И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я...! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 1–5). Итак, понимаешь ли, что никто не может быть вблизи всечистого Бога, не омыв наперед всякую нечистоту с души своей, не освободив от всякой мертвенности, в делах умопредставляемой, ногу, то есть мысленное шествование к деяниям; ибо обувь не есть ли останок мертвого животного?

П. Кто же в этом сомневается?

К. Итак, она есть образ мертвенности, от которой если кто освободится, расторгнув узы, которыми был удаляем от Бога, приблизится к Нему и станет Ему присным, а также будет способен и других спасать. Так Моисей избран был на дело посланничества и избавления сынов Израилевых. Священное Писание также взывает к нам: «если ты мудр, то мудр для себя...; и если буен, то один потерпишь» (Притч. 9, 12).

П. Ты хорошо говоришь.

К. Что же, не присоединим ли мы к сему и вот что?

П. Что такое?

К. Когда Вседержитель Бог намеревался сойти в виде огня на гору Синай, Моисей получил повеление надлежащим образом приготовить Израиль к богосозерцанию. И самый способ приготовления установил Владыка всех; ибо «И сказал Господь Моисею: пойдя к народу, ... и освяти его сегодня и

завтра; пусть вымоют одежды свои, чтоб быть готовыми к третьему дню: ибо в третий день сойдет Господь пред глазами всего народа на гору Синай» (Исх. 19, 10–11). Итак, необходимо предпочитаться тем, которые желают быть близкими к Богу и у которых есть намерение как бы предстоять пред Ним и служить Ему силою и готовностью ко всему доброму; и кто будет наконец таковым, тот не неспособен будет узреть уже некоторым образом и Самого Бога, по слову Спасителя: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). Достигшим же такой славы ты можешь видеть, если хочешь, еще и божественного Авраама. Но расскажем в подробности и повествуемое о нем. Написано так: «И сказал Бог Аврааму: ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их. Сей есть завет Мой, который вы *должны* соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя...: да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамением завета между Мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий *младенец* мужеского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени. Непременно да будет обрезан рожденный в доме твоём и купленный за серебро твое, и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным. Необрезанный же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей..., истребится душа та из народа своего, *ибо он нарушил завет Мой*» (Быт. 17, 9–14). Затем сказано: «И взял Авраам Измаила, сына своего, и всех рожденных в доме своем и всех купленных за серебро свое, весь мужеский пол людей дома Авраамова; и обрезал крайнюю плоть их в тот самый день, как сказал ему Бог» (Быт. 17 23). А какая была награда за это послушание, каким образом полезно было обрезание, узнаем из последующего: «И явился ему, – сказано, – Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер..., во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер... и поклонился до земли, и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего; и принесут немного воды,

и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом, а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите...; так как вы идете мимо раба вашего. Они сказали: сделай так, как говоришь» (Быт.18, 1–5). Обрезание во плоти было образом, и очень ясным, обрезания мысленного и в духе, чрез которое Христос удаляет всякую скверну от душ наших: мы обрезана, по слову блаженного Павла, «обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти» (Кол. 2, 11): ибо как бы совлекшись «ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях» (Еф.4, 22), и, так сказать, отсеки плотские удовольствия остротою и действием духа, мы явим себя уже достойными того, чтобы быть способными к богосозерцанию и соделаться священной обителью Святыя и Единосущныя Троицы: «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем,... и Мы придем к нему и обитель у него сотворим», – сказал Спаситель (Мк.8, 38 и Ин. 14, 23). И не до этого только будет простираться воздаяние за добрую жизнь, но, как уже принятые в родство с Богом, мы познаем то, что заключается в Нем Самом, очевидно чрез Откровение от Него, как несомненно и божественному Аврааму предоткрыто было об истреблении Содома, ибо с ним, как бы с другом, имел общение Бог. Так посмотри же, сколь многочисленными благами вознаграждается для нас удаление от осквернения. Посему-то и Павел говорит: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12, 1). Также и пророк Иеремия ясно воззвал: «Смой злое с сердца твоего, Иерусалим, чтобы спастись тебе» (Иер.4, 14).

П. Итак, не с душою нечистою должен приступать ко всесвятому Богу, но при святой и непорочной жизни: ибо таким образом мы прямо придем к надлежащему.

К. Совершенно так, Палладий, и немного, думаю, нужно будет труда, чтобы тебе можно было видеть истинность слова твоего о сем, если только решишься любознательно и благоразумно исследовать жития святых; ибо прообразовательно совершавшееся у древних «описано в наставление нам», как сказал божественный Павел (1Кор. 10,

11). Итак, что чистыми и омовенными должно приступать к Богу, это может всякий узнать еще и из следующего. Дина, дочь Иакова, бывшая девицею и в возрасте брачном, вышла из шатра отца своего посмотреть на дочерей Сикимских. Но не покоился Сихем, сын Эмморов: он тотчас полюбил девицу и увлечен был неудержимою похотию к тому, что ему вздумалось; и приступая к этому грубо, он изнасиловал девицу еврейскую, быв иноплеменником и еще необрезанным. Несносным казалось это дело сынам Иакова, и против нечестиво оскорбивших еврейку и сестру их они вышли войною. Когда же божественный Иаков сильно беспокоился этим и был в великом страхе, предполагая, что погибнет со всем родом своим, пришел к нему Бог и опять спас его. А каким образом, – это достойно того, чтобы узнать. Именно написано так: «И сказал Иаков Симеону и Левию: вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для... жителей сей земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой. Они же сказали: а разве можно поступать с сестрою нашею, как с блудницею! Бог сказал Иакову: встань, пойдя в Вефиль и живи там, и устрой там жертвенник Богу, явившемуся тебе, когда ты бежал от лица Исава, брата твоего. И сказал Иаков дому своему и всем бывшим с ним: бросьте богов чужих, находящихся у вас, и очиститесь, и перемените одежды ваши; встанем и пойдем в Вефиль; там устрою я жертвенник Богу, Который услышал меня в день бедствия моего и был со мною... в пути, которым я ходил. И отдали Иакову всех богов чужих, бывших в руках их, и серьги, бывшие в ушах у них, и закопал их Иаков под дубом, который близ Сихема» (Быт. 34:30–31, 35:1–4). Видишь, что Владыка всех приходит к уstraшенному праведнику и повелевает воздвигнуть жертвенник в воню благоухания и в светлое приношение Богу за имевшее быть дарованным ему спасение и помощь. Он же весьма хорошо зная, что необходимо сделать это, повелевает предпочиститься, отбросив лжеименных богов и облекшись в другие одежды; а это, думаю, прямо означает искренность в вере и чистоту в жизни; ибо под отвержением богов чуждых справедливо можно разуместь

желание предаваться одному только Богу, не разделяясь помыслом и не склоняясь к тому, чтобы недуговать остатками демонского обольщения, а под переменою одежд как бы переоблачение в житие чистое. Так казалось нужным писать и премудрому Павлу; не слышишь ли, как он ясно говорит: совлекитесь «ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, и облечься в нового человека, созданного по Богу» (Еф.4,22,24; Кол.3,10)? Отложением плоти он называет отложение плотских удовольствий. Пишет также и Соломон: «во всякое время да будут ризы твоя» светлы (Еккл.9,8). Думаю, – и рассудив очень правильно, – что не дошел бы мудрый Соломон до такого пустословия, чтобы убеждать нас по-детски услаждаться светлостью одежд; но светлой одежде уподобляет как бы омовенную и свободную от всякой нечистоты жизнь. Иначе как мог бы кто-либо облечься в Господа нашего Иисуса Христа? Не полагаешь ли, друг мой, что вполне достигает этого облеченный в красоту евангельского жития?

П. И очень.

К. Но если кто обратится к самому славному Иосифу, то его найдет не опустившим ничего из относящегося к честной жизни, напротив помышлявшим, что во всяком деле ему будет содействовать и помогать Бог, если сам он будет мужественно отвращаться от осквернения. Ибо между тем как легко можно было ему благоденствовать и утопать в наслаждениях, допустив пылким движениям юности устремляться к приятному и любезному и невозбранно увлекаться таковыми стремлениями, он однако не делал сего; далеко нет: он лучшим как бы считал жребий пребывания у Бога, и труды воздержания предпочитал всему лишь временно услаждающему. Он знал, что хотя раздражение плоти по началу и приятно, и что этого рода удовольствие как бы какою сладостью очаровывает ум, до что оно приводит к концу уже далеко не приятному; ибо наказания и осуждение, и подобные бедствия тотчас нависнут над головою согрешившего. Хочешь ли, мы скажем немного нечто из написанного о нем.

П. Конечно хочу.

К. "Иосиф же, – сказано, – был красив станом и красив лицом. И обратила взоры на Иосифа жена господина его и сказала: спи со мною. Но он отказался и сказал жене господина своего: вот, господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки; нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом? Когда так она ежедневно говорила Иосифу, а он не слушался ее, чтобы спать с нею и быть с нею, случилось в один день, что он вошел в дом делать дело свое, а никого из домашних тут в доме не было; она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мной. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал и выбежал вон. Она же, увидев, что он оставил одежду свою в руках ее и побежал вон, кликнула домашних своих и сказала им так: посмотрите, он привел к нам Еврея ругаться над нами. Он пришел ко мне, чтобы лечь со мною, но я закричала громким голосом, и он, услышав, что я подняла вопль и закричала, оставил у меня одежду свою, и побежал, и выбежал вон» (Быт. 39, 6–15). Видишь ли, как женщина насильно влекла его, даже не хотевшего, к ложу? Но у него ум утвержден был в воздержании, совершенно ничем не побеждаемый. Он был еще юноша, едва достигший семнадцати лет, когда борода только еще начинает пробиваться, когда удовольствия являются в полной своей силе, когда движения плоти бывают наиболее пылки, и похоти, так сказать, упрямы и несклонны на внушение разума; ибо всегда почти юношеский возраст любит неудержимо отдаваться плотским стремлениям и не легко выносить узду воздержания. Но непоколебим был дивный Иосиф, не оставив юношеской распущенности без водительства и не убоявшись того, что был чужестранец и слуга, так как тем и другим сделан был и, сильно, был продан братьям Измаильтянам. Когда же он оказался выше гнуснейшего удовольствия и влечений к распутству, тогда женщина прибегает к клевете и обращает вину на юношу: его, неуступавшего ее требованиям, обзывает оскорбителем (ее чести). И вот вследствие сего юноша стал узником; но спасен был Божественною благодатью и в награду за воздержание тотчас получил начальствование над всею

страною Египетскою. Итак, хотя и с трудами сопряжено это дело хотя и тяжелые подвиги предлежат стремящимся к похвалам воздержания, однако невелика в этом важность для решившего быть всецело боголюбивым: он непременно будет иметь и равносильную похвалу и соответствующее воздаяние. Поэтому и божественный Давид удивляется достохвальнейшему юноше за претерпение сего, говоря: «в рабы продан был Иосиф. Стеснили оковами ноги его; в железо вошла душа его» (Пс.104, 17–18). Железом, думаю, называет твердую и несокрушимую силу подвигов, посредством которых можно подавить грехи и избежать всякой нечистоты, и достигнуть святой и чистейшей жизни, разумею – жизни евангельской и во Христе, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

Книга 15. О том, что должно приступать к Богу чистыми и омовенными, и что очищение наше – во Христе

Из всего рассуждения, Палладий, составилось у нас ясное и наглядное доказательство того, что в дом Божий должно приходить всечестно, светлыми и омовенными, приобретающими близость к Богу чрез освящение: потому что тогда мы встретимся с Богом милостивым и, так сказать, целым оком взирающим на то, что касается до нас, и оказывающим милосердие, которого достойны святые. «На кого Я призрю: – говорит, – на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис.66, 2) Ибо истинно святые руки прострет и как бы в самое ухо Божества возопиет таковой, так что, достигнув исполнения того, о чем молился, от избытка радости скажет: «Он услышал от... чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его» (Пс.17, 7). Или не слышал ты божественного Давида, ясно нам воспевающего, что «Очи Господни обращены на праведников, и уши Его – к воплю их» (Пс.33, 16.)?

Палладий. Слышал.

Кирилл. Что слово это истинно, в том не должно сомневаться. Но для очищения от скверн какой может быть у нас способ? Ибо «грехопадения никто не понимает» (Пс.18, 13); «все мы много согрешаем» (Иак.3, 2); естество наше недугует удобопреклонностью ко греху и весьма легко увлекается к привычке поступать неправо, когда гнусное и мерзкое удовольствие некоторым образом углаживает для нас путь устремления к порочному.

П. Хорошо говоришь. Нисколько не медля, я соглашусь с тобою, так как ты говоришь правильно.

К. Уже и плоть от земли, взятая сама в себе, недугует законом греха, да и ум человеческий весьма легко увлекается к склонности «зло от юности», согласно написанному (Быт.8, 21). Посему и Священное Писание справедливо сетуете нас: «Все уклонились, – говорит, – сделались равно непотребными; нет

делающего добро, нет ни одного» (Пс.13, 3). поскольку же не было отклонения от зла, то Бог и Отец послал нам с неба Спасителем и Искупителем Своего Сына, оправдывающего верою, избавляющего от наказания, немощное делающего весьма крепким, просвещающего омраченное, обращающего заблуждающееся и извлекающего от господства диавольского подчинившееся ему.

П. Итак, во Христе мы очистимся от скверны греховной, очищенные же таким образом и как можно далее ставши от всякого порока, приидем чрез Него к Богу и Отцу.

К. Очень хорошо разумеешь. Всякий может слышать и самих святых пророков, провозвещающих нам столь досточудную и превознесенную благодать. Например, Михей премудрый так говорит: «Кто Бог, как Ты, прощающий беззаконие и не вменяющий преступления остатку наследия Твоего? не вечно гневается Он, потому что любит миловать» (Мих.7, 18). Также и другой: «Помни это, Иаков и Израиль, ибо ты раб Мой ... Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако» (Ис.44, 21–22). И весьма многое можно было бы собрать из Божественного Писания, очень ясно показывающее нам истину сего, но я считаю излишним к тому, что вызывает ясное и очевидное убеждение, прибавлять еще другое.

П. Что сие дело очевидно, это для всякого ясно; но хотел бы я и из образов закона усмотреть очищение, совершающееся во Христе.

К. Так внимай, если тебе представляется приятным, чтобы мы обратились к сему. Оскверненным и подвергшимся обвинению в нарушении закона закон повелевал приносить жертву, различая двоякий род жертв: одни из них изображают Еммануила, за нас закалаемого, а другие – нас самих, умирающих для мира и в воню благоухания приносящих Богу свою жизнь и спасение. Ибо разве не будем проводить жизнь божественную и евангельскую, умерщвляя «земные члены» (Кол. 3, 5), и избавляя ум от мирского смятения и земных удовольствий?

П. Совершенно так.

К. Итак, жертва есть оное в смерти Христовой совершающееся очищение; а обет и дар с нашей стороны есть посвящение Богу благочестности и жизни проводимой в святости. Но с пользою и необходимостью предуведомляет закон и ясно свидетельствует, что непорочные должны быть делаемы при сем приношения. поскольку из приносимых жертв одни означали Христа, как за нас закалаемого, а другие и нас прообразуют, как бы приносящих в жертву Богу свою жизнь: то посему и сказано, что они должны быть непорочны и никоим образом не страдать увечьем. Ибо непорочен Христос: Он «греха не сотвори» (1Пет. 2, 22). Но и нас не примет Бог, еще в осквернении находящихся и недугующих мерзостью греха. Посему написано в книге Левит: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви Аарону и сынам его и всем сынам Израилевым и скажи им: если кто из дома Израилева, или из пришельцев, [поселившихся] между Израильтянами, по обету ли какому, или по усердию приносит жертву свою, которую приносят Господу во всеожжение, то, чтобы сим приобрести благоволение *от Бога, жертва должна быть* без порока, мужеского пола, из крупного скота, из овец и из коз; никакого *животного*, на котором есть порок, не приносите...; ибо это не приобретет вам благоволения. И если кто приносит мирную жертву Господу, исполняя обет, или по усердию..., из крупного скота или из мелкого, то *жертва должна быть* без порока, чтоб быть угодною *Богу*: никакого порока не должно быть на ней; *животного* слепого, или поврежденного, или уродливого, или больного, или коростового, или паршивого, таких не приносите Господу и в жертву не давайте их на жертвенник Господень; тельца и агнца с членами, несоразмерно длинными или короткими, в жертву усердия принести можешь; а если по обету, то это не угодно будет *Богу; животного*, у которого ятра раздавлены, разбиты, оторваны или вырезаны, не приносите Господу и в земле вашей не делайте сего; и из рук иноземцев не приносите всех таковых *животных* в дар Богу вашему, потому что на них повреждение, порок на них: не приобретут они вам благоволения» (Лев. 22, 17–25). Примечай же, как ясно и очевидно внушает закон и израильтянам по крови, и отвне

привзошедшим и сопричисленным к народу, – разумею прозелитов, что должно весьма внимательно наблюдать, нет ли порока в жертвах; ибо должно быть приносимо нами, сказал он, мужское и беспорочное, то есть крепкое и свободное от страстей: потому что изнеженность и женственность духа, также и недуг внутри ума, и мысленное увечье совершенно неприятны Богу и отвержены пред Ним. Разве не называешь ты несвященным того, чему являлось бы сие присущим?

П. Как же иначе?

К. Итак, отверженно бессильное и как бы расслабленное; приятно же крепкое, как бы живописуемое в природе мужского пола, если имеет присоединенную к сему непорочность. Таковое служит для нас ясным образом Христа: ибо Еммануил есть муж и вместе непорочен, так как Он есть истинно сила Божия и не ведал греха. Муж Он есть и в ином смысле: ибо мужское всегда преимуществует и бывает превосходнее другого пола; к тому же и властительнее. А Сын несравненно превосходнее всех и над всем начальствует, хотя и соделался подобен нам и, будучи пастырем, для пользы нашей сопричислен к овцам. Несвященно же и исключается из числа жертв слепое, с переломленными членами, также с отрезанным языком, червивое, коростовое, имеющее лишаи, с отрезанным ухом или хвостом. Но также и то, у которого, сказано, повреждены мужеские члены, и совершенно уже оскотленное, необходимо считается больным; ибо это, думаю, значит: «у которого ятра раздавлены, разбиты, оторваны или вырезаны».

П. Итак, не должно ли это быть принимаемо в отношении к нашим нравам и образу жизни?

К. Совершенно так; ибо не иначе, как таким образом, закон может быть для нас духовен; а служение как бы в тени не имело бы никакого значения пред Богом; Он даже и не определил бы некогда законов для сего служения, если б не предызображал в нем отличнейшую красоту истины.

П. Хорошо говоришь. Так рассуждай о значении каждого порока и изъясняй, в чем оно состоит.

К. Приступаю к сему, и весьма охотно. Слепым, кажется, называет неблагоразумного и бессмысленного, и не имеющего в

себе самом света Божественного, то есть просвещения чрез Христа в Духе: совершенно же несвященен тот, кто еще неразумен и неверен; ибо «Если вы не верите, – сказано, – то потому, что вы не удостоверены» (Ис.7,9). Сокрушенным, далее, называет всецело недугующего, совершенно ничего не имеющего здорового, не могущего и ходить прямо, то есть бессильного сделать что-либо доброе и совершенно лишенного благоукрепления во Христе и в Духе. Таковым пороком страдают те, о которых написано одним из святых пророков: «Посему так говорит Господь: вот, Я полагаю пред народом сим преткновения, и преткнутся о них отцы и дети вместе, сосед и друг его, и погибнут» (Иер.6,21). Между тем оправданных верою во Христе божественный Псалмопевец представил нам радостными, поющими и говорящими: «благослови душе моя Господа,... исцеляющего вся недуги твоя, избавляющего от истления живот твой» (Пс.102, 2–4). «Язык урезан имуща», как я думаю, означает неумеющего говорить право и не могущего возглашать «слово веры, которое проповедуем», по Писанию (Рим. 10,8), от «доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа» (1Пет. 3,21). Но что избавятся и от такого недуга в прошествие Христа, это изъясняет пророк, говоря: «косноязычные будут говорить ясно» (Ис.32,4). Итак, язык урезан имеет тот, кто еще немотствует и не научен глаголать свыше и от Отца дарованный нам мир, то есть Христа или то, что касается Его. Червивыми же, коростовыми и имеющими лишаи мы называем тех, которые имеют в себе самих страждущий дух и великим тлением во грехах недугуют, не помышляют о том, чтобы вести себя к уменьшению зла, но напротив стремятся переходить к постыднейшему и расширяться в худшее. Ибо червивость, короста, а также и лишай, всегда являются идущими к увеличению, как бы стремятся к худшему и мало-помалу расходятся по всему телу. Таковы и в наших душах непресекаемые страсти, с неудержимою как бы стремительностью всегда переходящие к худшему. Ухорезное же и к тому еще бесхвостое может означать непокорного и непослушного и не во всем благообразного.

Разве не бывает повреждения слуха у людей с отрезанным ухом?

П. И очень.

К. А тех из животных, которые не имеют хвоста, признал ли бы ты сам весьма красивыми на вид? Никак: ибо они носят на себе очень великое безобразие. Итак, безобразен и нелеп тот, на кого косвенно указывается как бы в животном, не имеющем хвоста. Отверженным также считает и то, что хотя и есть мужское по своей природе, но действовать по-мужески не может, разумею животное с раздавленными или вырезанными ятрами. Таковыми могут быть и те, которые, хотя, по-видимому, имеют мужество, нужное для добродетели, но еще не деятельны в стяжании славы добродетели, как бы сухи и бесплодны, и лишены силы приносить многообразные плоды ее: ибо величайшее множество нечисты о пастей неизбежно влечет нас к бессилию и недейтельности, а кроме сего еще и к неспособности приносить плод сему-то, как я думаю, и многими именами называет закон оскотенное: «у которого, – говорит, – ятра раздавлены, разбиты, оторваны или вырезаны», потому что весьма разнообразны в нас страсти, многими как бы стезями ведущие к бессилию и недейтельности.

П. Слово твое убедительно.

К. А что гнусно, кроме того, и совершать жертвоприношение Богу рукою чуждою, это закон показал, говоря: «и от руки иноплеменника да не принесете даров Господу Богу вашему», чрез что прообразовательно означает, что чрез одного только Христа доступен Отец, ибо Он есть истинно непорочный и великий Архиерей наш, Ходатай по домостроительству (Евр. 4:14, 7:26, 8:6), как пишет божественный Павел: в Нем «имеем доступ к Отцу, в одном Духе» (Еф. 2, 18; см. Рим. 5, 2). Итак, свободными от порока приличествует быть тем, которые решились бы посвятить души свои Богу и Отцу при посредничестве Христа: ибо «святы будьте, – сказано, – ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19, 2).

П. Превосходно ты сказал.

К. Исчислив же виды жертв как бы в волах и овцах, и другими способами продолжать весьма тщательно внушать нам,

что непорочно должны приступать к Богу имеющие обыкновение делать это. Ибо сказал опять в книге Левит: «Никакого приношения хлебного, которое приносите Господу, не делайте квасного, ибо ни квасного, ни меду не должны вы сожигать в жертву Господу; как приношение начатков приносите их Господу, а на жертвенник не должно возносить их в приятное благоухание. Всякое приношение твое хлебное соли солью, и не оставляй жертвы твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоём приноси... соль» (Лев. 2, 11–13). Закваска есть образ хитрости, не одной только порицаемой, но и другой, – той, разумею, доброй и похвальной, которую и слово премудрости обещает дать незлобивым еще (Притч. 1,4): имя хитрости есть некоторым образом среднее (общее). А мед косвенно указывает нам иногда на телесное удовольствие, как в изречении: «мед источают уста чужой жены, и мягче ея речь ее» (Притч. 5, 3); иногда же служит изображением и добрых сладостей, ибо написано: «Ешь, сын мой, мед, потому что он приятен, и сот, который сладок для гортани твоей» (Притч. 24, 13). Итак, закон запрещает приносить в дар и жертву квасное и мед; ибо хотя и приемлет от приносящего сие в дар и начаток, однако отнюдь не возносит «Богу, в благоухание приятное» (Еф. 5, 2).

П. Объясни же опять, что значит этот намек.

К. Трудно это дело, Палладий; ибо как же не трудно узнать, что значит отнюдь не считать сего отверженным, однако и не возносить еще оное в приношение и жертву? Итак, я думаю, что иногда и хитрость души святой и доброй, если применяется к делу благовременно и имеет в основании своем благочестие к Богу, не отверженна пред Ним, впрочем, не поставится и в равном значении с благоухающею добродетелью и не вменится в жертву мысленную. Более чести имеет пред Богом простота: "дивится Священное Писание божественному Иакову, так говоря: был «Иаков человеком кротким, живущим в шатрах» (Быт. 25, 27): потому что хитрость чужда всем незлобивым. Впрочем святым Апостолам Сам Спаситель говорил: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16). Правда бесхитростность честна пред Богом и в сравнении с

противоположным конечно лучше; но хитрость и лукавство приличествует домостроительству апостольства, чем пользовался по временам и блаженный Павел, повсюду избегая потерпеть от врагов преждевременную смерть. Итак, хитрость приемлется в делах, совершаемых ради Бога, однако отнюдь не вменяется в благоухание добродетели, если оценивается по своей собственной природе. Равным образом и мед, принятый за образ плотского удовольствия, означает, думаю, сию мирскую и плотских удовольствий не чуждую жизнь; ибо честен брак, служащий к деторождению, и неповинен пользующийся им по закону, во Христе; однако не будет сие для кого бы то ни было иметь силу добродетели и не поставится наравне с славой воздержания. И блаженный Павел пишет находящимся в браке: не разлучайтесь «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а *потом* опять будьте вместе, – говорит, – чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим», но к сему прибавил: «Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление» (1Кор. 7, 5–6). Итак, видишь ли, что он дает совет находящимся в браке. Как же может быть добродетелию то, что врачуется советом? А о деве говорит, что «блаженнее, если останется так» (1Кор. 7, 40), то есть безбрачною. Итак, не отвергается мед ибо приемлется брак; впрочем не «в воню благоухания», как виды добродетели. Но еще и соль насыпается на жертвы; ибо должно, думаю, нам приносить жертвы мудро и разумно, и на всякое благое дело хорошо уготованным. Неприятность и бестолковость всего менее может приличествовать избравшим путь благочестия. Посему-то и Спаситель говорил святым ученикам: «вы есть соль земли» (Мф. 5, 13). Пишет также и Павел: «Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому» (Кол. 4, 6 и Еф. 4, 29).

П. Следовательно, разумность и приятность означается солию.

К. Подлинно так. Но думаю, что, весьма ясно различив виды жертвоприношения, мы должны из самых же Священных Писаний усматривать и то, каким образом недугующие грехом

могли бы избавиться от этого недуга и устранить вред, происходящий от прегрешений. В книге Левит написано: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если какая душа согрешит по ошибке против каких-либо заповедей Господних и сделает что-нибудь, чего не должно делать; если священник помазанный согрешит и сделает виновным народ, – то за грех свой, которым согрешил, пусть представит из крупного скота тельца, без порока, Господу в жертву о грехе, и приведет тельца к дверям скинии собрания пред Господа, и возложит руки свои на голову тельца, и заколет тельца пред Господом; и возьмет священник помазанный..., крови тельца и внесет ее в скинию собрания, и омочит священник перст свой в кровь и покропит кровью семь раз пред Господом пред завесою святилища; и возложит священник крови [тельца] пред Господом на роги жертвенника благовонных курений, который в скинии собрания, а остальную кровь тельца выльет к подножию жертвенника всесожжений, который у входа скинии собрания; и вынет из тельца за грех весь тук его, тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник на печени; с почками отделит он это, как отделяется из тельца жертвы мирной; и сожжет их священник на жертвеннике всесожжения; а кожу тельца и все мясо его с головою и с ногами его, и внутренности его и нечистоту его, всего тельца пусть вынесет вне стана на чистое место, где высыпается пепел, и сожжет его огнем на дровах; где высыпается пепел, там пусть сожжен будет» (Лев. 4, 1–12). Итак, вот что закон говорит о начальнике, который подает повод подчиненному ему народу вместе с ним погрешить против надлежащего. А к этому тотчас же присовокупил повеление: «Если же все общество Израилево согрешит по ошибке и скрыто будет дело от глаз собрания, и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и будет виновно, то, когда узнан будет грех, которым они согрешили, пусть от всего общества представят они из крупного скота тельца в жертву за грех» (Лев. 4, 13–14). И потом подробно говорит о том, что он должен быть принесен в жертву подобным первому образом.

П. Какое же значение этих слов?

К. Ясное, Палладий, и без труда постижимое для вполне здравомыслящих: ибо во Христе очищение священников и народа, малого и великого, и всех вместе, а также если и по одиночке мы окажемся согрешающими, по неведению ли Божественного закона, или быть может против воли увлеченные к тому, что отнюдь не угодно Владыке всех Богу. Посему и божественный Давид взывал: «Грехов юности моей и преступлений моих не воспоминай» (Пс.24, 7). А блаженный Иов едва не явно обвиняет благого по естеству, благостного и милосердного и не неведующего немощь естества нашего за медленность и уклончивость в отпущении грехов некоторым. Говорит же он так: «И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего?» (Иов 7, 21.) Итак, закон предвозвестил, что во Христе, и только в Нем одном, оправданы будут чрез веру держимые грехами; ибо Он, наподобие тельца, за нас закалается пред дверьми священной и Божественной скинии, дабы нам открыть вход внутрь. Он «грехи наши носит», по слову пророка (Ис.53, 4); потому что это, думаю, означает возложение рук на тельца. Он «со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление», по слову блаженного Павла (Евр.9:12). Он чрез окропление Собственною Кровию освящает Церковь и притом богато. "Да омочит, – сказано, – жрец перст в крови, и да покропит от крове седмижды перстом пред Господом», ибо мы «приступили, говорится в Писании, к к небесному Иерусалиму,... церкви первенцев, написанных на небесах,... и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева» (Евр.12, 22–24); потому что кровь Авеля вопияла к Богу, осуждая убийцу, честная же Кровь Христа Спасителя всех нас, говорит о нас лучше пред Богом, ибо пролита, как выкуп, за жизнь всех. Изливалась кровь тельца у подножия (стояла) алтаря; ибо смерть Христа есть святая и истинно священная. Возносятся внутренности, тук, почки и сальник (препонка) печени; ибо во Христе все благоуханно: и совне являющееся, и сокровенное; потому что свято было Слово и ничего не было в Нем нечистого. Кожа и прочее сжигается вне врат: таким образом даже и самое место

страдания не оставляет закон неуказанным нам. Посему и божественный Павел сказал нам: «выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» (Евр.13,13), то есть за нас и ради нас понесенный крест. И Сам Спаситель говорит: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф.10,38). Кажется же, что святой Павел, говоря: "вне стана", понимает: «вне мира»; ибо хотение следовать Христу удаляет нас от жизни мирской. А свидетельствует о сем опять Павел; ибо он так сказал о Христе: «для меня мир распят, и я для мира» (Гал.6,14). Ходя по земле, святые стараются жить уже не по земному, а скорее иметь жительство на небе (Флп.3,20). Затем очищением для оскверненных служит пепел с водою: ибо страдание Спасителя служит избавлением от греха, освящая нас водою, чрез которую мы приобретаем «не плотской нечистоты омытие», согласно написанному (1Пет.3,21), но омовение скверн душевных; ибо "Омойтесь, – сказано, – очиститесь», так задолго увещевало нас и Пророческое слово (Ис.1,16).

П. Итак, в тельце, как бы в образе и предначертаниях, сеннописуется претерпенная ради нас и за нас смерть Христова.

К. Весьма хорошо разумеешь. И, кроме того, удивишься, думаю, взирая вот на что.

П. Что такое?

К. Если согрешит, сказано, начальник вместе с подчиненными, или же (согрешит) сам по себе подчиненный народ: то жертвою должен быть телец; если же начальник впадет в прегрешения отдельно от народа, то да принесет, сказано, козла от коз; а если согрешивший будет кто-либо из народа, то уже не мужеского, а женского пола должно быть закалаемое. Но я прочту, если угодно, и самые законы о сем. Именно сказано так: «А если согрешит начальник, и сделает по ошибке что-нибудь против заповедей Господа, Бога своего, чего не надлежало делать, и будет виновен, то, когда узнан будет им грех, которым он согрешил, пусть приведет он в жертву козла без порока, и возложит руку свою на голову козла, и заколет его на месте, где заколаются всесожжения пред Господом: это

жертва за грех; и возьмет священник перстом своим крови от жертвы за грех и возложит на роги жертвенника всесожжения, а остальную кровь его выльет к подножию жертвенника всесожжения; и весь тук его сожжет на жертвеннике, подобно как тук жертвы мирной, и так очистит его священник от греха его, и прощено будет ему» (Лев.4,22–26). И к сему присоединяет: «Если же кто из народа земли согрешит по ошибке и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и виновен будет, то, когда узнан будет им грех, которым он согрешил, пусть приведет он в жертву козу без порока за грех свой, которым он согрешил» (Лев.4,27–28). И изложив способ, как должна быть принесена жертва, говорит: «если из стада овец захочет он принести жертву за грех, пусть принесет женского пола, без порока» (Лев.4,32). Итак, разумеешь ли, Палладий, глубину таинства, как бы в зеркале и тених изображаемую древним? Соразмеряется как бы с величию прегрешений приношение жертв. Телец был приносим за начальника и народ, общим как бы и одним и тем же грехом недуговавших; а за одного, или за одну душу, – один козел; ибо Себя Самого принес Христос за всех вместе как бы в образе тельца, в жертву многоценную и великую: «А когда умножился грех, – сказано, – стала преизобилывать благодать» (Рим. 5, 20). Но наподобие козла и овцы, за каждого и особо, по причине того, что уподобился подверженным греху и «со беззаконными вменися», по Писаниям (Ис.53,12); а образом беззаконного служит молодой козел, как бесплодный и сухой. Так и Христос поставляет, как овец, по правую сторону – святых, а как козлов, и по левую сторону, – делателей беззакония (Мф.25,33). Итак, славу Его и величие можно всякому видеть в тельце; а уподобление нам и вменение со беззаконными ты можешь разуметь под козлом. Также, и как овца, Он был закалаем, по причине врожденной сему животному кротости и по преимущественной покорности жертвы; ибо, "как овца, – сказано, – веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис.53,7) Но если бы начальник повинен был в прегрешениях, то козел мужеского пола был приносим в жертву;

если же кто из народа и в отдельности, то закалаемое было женского пола, будет ли это овца или из коз, так что и в самом различии жертв закон указывает премудрости домостроительства Спасителя нашего: ибо всегда начальствующим и в первой чести является мужское, следующее же и второе место занимает женское. Итак, соответствует прегрешениям каждого и очищение чрез Христа в стоящих впереди и начальствующих, и в подвластных, и в каждом по одиночке, и в подчиненных: потому что неравно виновны впавшие в грех начальник и народ, но в большей мере, конечно, начальствующие; посему и более обильною благодатью очищаются.

П. Понимаю, что говоришь: мужское превосходнее женского.

К. И ты можешь видеть во Христе это как бы различие в славе: ибо Он, без сомнения, есть начальник и вождь всех, как Бог и Господь, но соделался и как бы вторым в ряду по человечеству; поставлен также и под законом как бы подначальный.

П. Мысль правдоподобна.

К. Присовокупляет и другие виды осквернений, и для каждого опять предуказал очищение, как во Христе исполняемое; а сказал так: «Если кто согрешит тем, что слышал голос проклятия и был свидетелем, или видел, или знал, но не объявил, то он понесет на себе грех. Или если прикоснется к чему-нибудь нечистому, или к трупам зверя нечистого, или к трупам скота нечистого, или к трупам гада нечистого, но не знал того, то он нечист и виновен. Или если прикоснется к нечистоте человеческой, какая бы то ни была нечистота, от которой оскверняются, и он не знал того, но после узнает, то он виновен. Или если кто безрассудно устами своими поклянется сделать что-нибудь худое или доброе, какое бы то ни было дело, в котором люди безрассудно клянутся, и он не знал того, но после узнает, то он виновен в том. Если он виновен в чем-нибудь из сих, и исповедается, в чем он согрешил, то пусть принесет Господу за грех свой, которым он согрешил, жертву повинности из мелкого скота, овцу или козу, за грех, и очистит его священник от греха его» (Лев. 5, 1–6). Итак, заметь, что

слышавшего голос клятвы и совершенно ни во что вменившего это дело, равно и другим сквернам сделавшегося причастным, а также к сему изобличенного и в ложной клятве, поставляет в равном и совершенно одинаковом виде прегрешения: ибо истинно безмерным осквернением и самую крайнюю степень зла является презрение к Богу, и это прегрешение близко и родственно плотским видам нечистоты. Разве не в равном значении должны быть поставляемы проклятая ложная клятва и презрение к клятве.

П. Совершенно так; потому что в обоих случаях вины равносильны.

К. Таким образом последует разрешение и от сих грехов чрез исповедание и заклание агницы или козы. Ибо «глаголи ты беззакония твоя прежде, – сказано, – да оправдишися» (Ис.43, 26). Также и божественный Давид восклицает: «я сказал: `исповедаю Господу преступления мои`, и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс.31, 5). Впрочем для совершенного очищения недостаточно одного исповедания: совершенно очищает смерть Христа, за нас пострадавшего и на Себе Самом грехи всех нас несущего, наподобие всякого рода кротких животных, как то: тельца, а также овцы и козы. Закон признает неизвинительным небрежение о жертве для находящихся в осквернении и нечистоте даже и в том случае, если б не имел кто тельца или овцы, и убеждает оказывать честь хотя бы тем, что кто имеет под рукою и что может, говоря: «Если же он не в состоянии принести овцы, то в повинность за грех свой пусть принесет Господу двух горлиц или двух молодых голубей, одного в жертву за грех, а другого во всесожжение; пусть принесет их к священнику, и [священник] представит прежде ту *из сих птиц*, которая за грех, и надломит голову ее от шеи ее, но не отделит; и покропит кровью сей жертвы за грех на стену жертвенника, а остальную кровь выцедит к подножию жертвенника: это жертва за грех; а другую употребит во всесожжение по установлению; и так очистит его священник от греха его, которым он согрешил, и прощено будет ему» (Лев. 5, 7–10). Горлице и голубю весьма легко можно уподобить Господа нашего Иисуса Христа; потому что первая есть благогласнейшая и звонкогласнейшая между

птицами, а второй преимущественно пред всеми достигает высшей степени кротости. То и другое было во Христе: ибо уладили всю вселенную евангельскою проповедью она вышняя и небесная горлица, как бы воспевая пленительную песнь и открывая волю Бога и Отца, как говорит божественный Иоанн: «Тот, Которого послал Бог, говорит слова Божии» (Ин. 3, 34). Он призывал и нас к подражанию присущей Ему кротости и смирению, так говоря: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 29). Итак, пусть возьмет, сказано, "жрец горлицу и отторгнет ногтем: так закалятся малые птицы, – но только да не отлучит» совсем, ясно что, голову. Так совершилась смерть Христа, не к разделению, но соединению. Посему и в древнейшее время, полагая закон о Пасхе, Бог повелел закалать в жертву агнца, но только «В одном доме, – говорит, – должно есть ее,... не выносите мяса вон из дома и костей ее не сокрушайте» (Исх. 12, 46). Ибо отнюдь не разделился Христос, но есть един всецело и в каждом, и во всех; и «Той есть... мир наш», приводящий нас в единение и друг с другом в единомудрии, и чрез Себя Самого с Богом в Духе (Еф. 2, 14, 18). Итак, что смерть Христа соделалась причиною не разделения, но единения между нами, на это косвенно указывало то, что хотя птица закалалась, но не совершенно отделяема была ее голова от хребта; а что Он освящает Церковь Свою Кровию, это обозначалось тем, что кровию птицы окроплялась скиния и находившееся в ней. Затем, одна из горлиц приносилась за грех, и одна во всесожжение; но под обеими разумеется Христос, и умирающий за нас, и как бы всесожигаемый в воню благоухания Отцу, а также и предающий Себя Самого в выкуп за жизнь всех.

П. Ты хорошо сказал.

К. Закон доводит образ жертвоприношения и до самого доступного и повелевает, чтобы оно совершалось соответственно средствам каждого, повсюду пресекая леность в благопотребнейшем и делая неизвинительною небрежность в склонных к ней. Пишет же так: «Если же он не в состоянии принести двух горлиц или двух молодых голубей,

пусть принесет за то, что согрешил, десятую часть ефы пшеничной муки в жертву за грех; пусть не льет на нее елея, и ливана пусть не кладет на нее, ибо это жертва за грех; и принесет ее к священнику, а священник возьмет из нее полную горсть в память и сожжет на жертвеннике в жертву Господу: это жертва за грех; и так очистит его священник от греха его, которым он согрешил в котором -нибудь из оных случаев, и прощено будет ему; [остаток] же принадлежит священнику, как приношение хлебное» (Лев. 5, 11–13). Но в сем уже нет того, что о Христе могло бы быть понимаемо; это вид жертвы указывает нам лишь на жизнь приносящего, на доступ (к Отцу) во Христе и на посвящение Богу. Ибо приносится пшеничная мука, – то, из чего бывает хлеб; хлеб же есть образ жизни. Но ни Ливаном, говорит, не должно посыпать ее, ни елеем напаять. Мудрую и необходимую причину сего весьма ясно провозглашает в том, что эта жертва «о грехе... есть», от которого во всяком случае и во всех отношениях весьма далека радость, как бы в елее подразумеваемая, а равно и благоухание, указуемое как бы в Ливане. Бесспорно, что грех в нас есть нечто истинно печальное и неблаговонное, между тем как, наоборот, добродетель как бы всегда изобилует радостью сама в себе, чрез упование на Бога имея много благоухания, очевидно мысленного по качеству. Итак, пшеничная мука без ливана и елея есть образ жизни, не имеющей радости и лишенной благоухания; но во Христе и она обращается к радости; приемлет и благоухание в вере, и приносится Богу чрез Него, очищающего оскверненных и омывающего мысленно подпавших нечистоте. Пусть "возьмет, – сказано, – жрец от пшеничной муки и вознесет на жертвенник всесожжения» Господу; ибо во Христе наше «приведение» и чрез Него приступаем мы оскверненные к Богу (Еф.2, 18), оправдываемся же верою и возносимся «в благоухание приятное» Отцу (Еф.5, 2), уже не себя самих имея благоуханием духовным, а Христа в нас.

П. Верно твое слово.

К. К тому же, если бы кто и оскорбил Бога и унес что-либо из освященного, или уклонился от исполнения обещанного и не принес его немедленно, если б небрежение в сем дошло до

вины забвения, опять указывает способ очищения; ибо написано так: и «И сказал Господь Моисею, говоря: если кто сделает преступление и по ошибке согрешит против посвященного Господу, пусть за вину свою принесет Господу из стада овец овна без порока, по твоей оценке, серебряными сиклями по сиклю священному, в жертву повинности; за ту святыню, против которой он согрешил, пусть воздаст и прибавит к тому пятую долю, и отдаст сие священнику, и священник очистит его овном жертвы повинности, и прощено будет ему» (Лев. 5, 14–16). Поистине весьма тяжкий грех – унести что-либо из освященного и пожертвованного во славу Божию. Но равным образом подвергнется обвинению и не за малую вину сочтется также невыполнение обещанного; ибо сказано: чадо, «Когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни. Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить» (Еккл. 5, 3–4). Поет также и божественный Давид: «помолитесь и воздадите Господеви Богу нашему» (Пс. 75, 12). Наказаны были и сыновья Илия, похищавшие некоторые из святынь и присвоившие себе принадлежавшее Богу (1Цар. 2, 12 и далее). Какое же могло быть отпущение и этой вины? Или как мог кто-либо разрешить свою ногу от уз вины и освободиться? – Прежде всего, если делает возврат похищенного с избытком: ибо «пятую часть, – сказано, – приложит нань». Потом, – «да принесет в жертву овна" купленного: это – образ Христа, которого начальники иудейские некоторым образом купили за тридцать динариев (сребренников), уплаченных ими ученику предателю. Итак, во Христе отпущение и преступлений против Бога. А что Он же может избавить и от грехов против людей, это нетрудно увидеть, прочитав соседственный с приведенным и следующий за ним по порядку закон. Он таков: «Вот закон о жертве повинности: это великая святыня; жертву повинности должно заколоть на том месте, где заколается всесожжение, и кровью ее кропить на жертвенник со всех сторон; *приносящий* должен представить из нее весь тук, курдюк и тук, покрывающий внутренности, и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник, который на печени; с почками пусть он отделит сие; и сожжет

сие священник на жертвеннике в жертву Господу: это жертва повинности. Весь мужеский пол священнического рода может есть ее; на святом месте должно есть ее: это великая святыня. Как о жертве за грех, так и о жертве повинности закон один: она принадлежит священнику, который очищает посредством ее» (Лев. 7, 1–7). Видишь ли, что очищение в обоих случаях происходит и выполняется одинаковым образом? Именно, закон весьма ясно повелел, чтобы прегрешения как против Бога, так и против братьев и единоплеменников были очищаемы чрез возвращение с избытком и чрез принесение в жертву овна. Во Христе же не отчасти оправдание, а напротив совершенное омытие того, чему свойственно осквернять. Посему Он и говорил: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную,... и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 6:47, 5:24). А если избежал суда усвоивший себе в вере оправдание чрез Христа, то совершенно необходимо сказать, что избежал и преступлений, и никакой род обвинения против такового, думаю поэтому, не имеет силы; ибо «Кто осуждает? Кто будет обвинять?» (Рим. 8, 33–34.) Итак, делами давая удовлетворение оскорбленным из братьев, найдем вполне обеспеченное оправдание во Христе. Так и Закхей мытарь, призванный к апостольству, не только обещал следовать Призвавшему, но и воздать четверицею за все то, кого чем обидел (Лк. 19, 6, 8). Ибо готовящимся иметь в себе обитающим Христа чрез Духа, должно, думаю, прежде омыться от скверн и очиститься от преступлений и таким образом светлую и нескверную являть Ему свою душу, как без сомнения и божественный Песнопевец, быв украшен таковою добродетелию, восклицал, говоря: «готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою» (Пс. 56, 8). Как к шерсти, если она чиста, хорошо пристают краски, а если в ней есть некоторый остаток нечистоты, то наведенная краска легко отваливается, не имея в ней твердого закрепления: так и причастие Христа святые и чистые души напаяет, а в душах, не так настроенных, вовсе не может утвердиться: «святый Дух премудрости удалится от лукавства», согласно написанному, «и не будет обитать в теле, поработанном греху» (Прем. 1, 5, 4).

Итак, оказывая услуги обиженным и делами любви прогоняя огорчение братьев, избавим себя самих от всякой вины и приобретем отпущение во Христе.

П. Ты сказал весьма правильно.

К. Хочешь ли теперь, чтобы, присоединяя к сим и другие способы разумения, изъяснили мы и происходящие от осквернений пороки, и поставленные на каждый случай законы об очищении?

П. Конечно, хочу: ибо таким образом рассуждение о сем может принести нам еще большую пользу.

К. Написано в книге Чисел: «И сказал Господь Моисею, говоря: повели сынам Израилевым выслать из стана всех прокаженных, и всех имеющих истечение, и всех осквернившихся от мертвого, и мужчин и женщин вышлите, за стан вышлите их, чтобы не оскверняли они станов своих, среди которых Я живу» (Чис.5, 1–3). Каждому, думаю, явно, что закон показался бы несправедливым, если бы в сих словах вменял нам в вину совершающееся по необходимости и против воли: ибо за что наказывать страдание тела, и справедливо ли было бы, если бы нареканию от закона подвергался впадший в телесный недуг? Таким образом, разумно и необходимо принимать телесные недуги за образы и отображения душевных болезней: ибо так только может быть духовен закон и может считаться праведным решением то, что изречено Богом на каждый случай в то время, как подвергающее наказаниям не тех, которые впали в невольные недуги, но тех, прегрешение которых служит основанием к справедливому наказанию.

П. Как хорошо говоришь ты!

К. Итак, Господь повелел высылать прокаженного из стана, но при сем заповедует делать тщательнейшее испытание о нем, исследовать точно болезнь его, так говоря: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: когда у кого появится на коже тела его опухоль, или лишай, или пятно, и на коже тела его сделается как бы язва проказы, то должно привести его к Аарону священнику, или к одному из сынов его, священников; священник осмотрит язву на коже тела, и если волосы на язве изменились в белые, и язва оказывается углубленною в кожу

тела его, то это язва проказы; священник, осмотрев его, объявит его нечистым. А если на коже тела его пятно белое, но оно не окажется углубленным в кожу, и волосы на нем не изменились в белые, то священник *имеющего* язву должен заключить на семь дней; в седьмой день священник осмотрит его, и если язва остается в своем виде и не распространяется язва по коже, то священник должен заключить его на другие семь дней; в седьмой день опять священник осмотрит его, и если язва менее приметна и не распространилась язва по коже, то священник должен объявить его чистым: это лишаи, и пусть он омоет одежды свои, и будет чист. Если же лишаи станут распространяться по коже, после того как он являлся к священнику для очищения, то он вторично должен явиться к священнику; священник, увидев, что лишаи распространяются по коже, объявит его нечистым: это проказа» (Лев. 13, 1–8). Тонкое нечто, Палладий, заключается в сих словах, и не легко постигнуть смысл их; и я считаю необходимым, сосредоточив в немногих словах смысл их, сказать, что хотел обозначить закон. Но теперь пока я предызъясню особенность этой болезни. Проказа самая тяжкая болезнь в человеческих телах, не легко исцелимая, всепожирающая, соединяется же с омертвением плоти: ибо тотчас образуется глубокая язва, причем кожа разрушается и постоянно оседает в глубь, потому что нетление проникает все глубже и глубже. Посему-то, как я мая, и волос, растущий в пораженных местах, иссушаемый, белеет, подобно как растение истлевает вместе с лежащею под ним землею. Такова болезнь проказа. Белая же сыпь есть телесный недуг весьма подобный проказе; только она не проводит болезнь в глубину и не простирает ощущения недуга внутрь, а держится как бы на окраине, едва лишь появляясь на поверхности тела, и волосы не изменяет в белый, также и не распространяется неудержимо, но весьма незначительными лечебными попечениями легко задерживается, и покрывшаяся сыпью плоть возвращается в здоровое состояние. Таким образом проказа есть несомненное омертвление; а представляющаяся как бы проказою белая сыпь еще не есть одно с нею на самом деле, – не есть проказа и омертвление. Итак, закон объявляет

прокаженного нечистым, как уже подвергшегося омертвлению; но освобождает от обвинения в том же заболевшего белою сыпью, как подвергшегося только подозрению в одержимости проказою, но еще не прокаженного действительно. Поэтому "аще, – сказано, – будет струп знамения и язва прокажения», и впалый вид кожи, а также и изменение цвета волоса в белый, так как волос вероятно умирает вместе с лежащею под ним плотию: то это будет во всяком случае проказа: ибо омертвление простирается в глубину. Ели же обозначится некоторая белая сыпь, без углубления в коже и без изменения цвета волоса в белый, – пусть подвергнется опыту, сказано, со стороны священника и отделяем будет двукратно. Ничего нет несообразного, что и самое протяжение дней испытания недуга может иногда показать истину испытывающим: если волос претерпевает изменение цвета, а кожа углубляется, значит белая сыпь перешла в проказу; если ничего из этого не случилось – да будет, сказано, освобожден от обвинения: ибо болезнь эта не есть проказа, а только подобна проказе и очень близка к ней, то есть белая сыпь. Таким образом ближайший смысл и разъяснение дела изложены достаточно. Скажем же теперь о духовном смысле и коснемся подразумеваемого и сокровенного.

П. Как прекрасно будет это дело и полезно!

К. Итак, должно нам, оживотворяемым во Христе, – оживотворение же разумею духовное, – удаляться от мертвых дел и как можно далее держаться от них; а они суть, думаю, Те от которых бывает омертвление души и обессиление ума, и которые необузданно стремятся к плотскому и мирскому Ибо если истинно, что «сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление» (Гал.6,8), и что «живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим.8,8): то как или откуда может быть сомнительно, что они и умрут? Итак, мертв и делами мертвости одержим оскверненный душою и умом, а также и исполненный мирского непотребства; и если б кто захотел назвать таковое состояние истинною духовною проказою, то не погрешил бы против правильности. Посему нечист таковой в очах Христа: ибо «да осквернит, – сказано, – его жрец». Поставленный пред

Божественным судилищем в числе весьма грехолюбивых, он услышит: «отойдите от Меня все делатели неправды, не знаю вас» (сн.: Мф.25, 41; Пс.6, 9; Лк. 13, 27). А имеющим белую сыпь и «струп знамения» (опухоль) должно уподобить тех, которые остаются пока при одних только похотениях и еще не приступили к замышленному делу. Не признаешь ли ты истинным того, что прежде совершения дел в нас возникают и как бы воздвигаются похоти и помыслы, призывающие к чему-либо из отверженного законом?

П. Признаю; ибо помню блаженного Давида, говорящего: «Прежде страдания моего я заблуждался» (Пс.118, 67).

К. Весьма правильно ты сказал: потому что прежде совершения дел прегрешения существуют конечно в духе, предзававшем похоть, причем, впрочем, грех заключается в одних еще только похотениях; дух стоит между двумя воюющими сторонами, взирая на ту и другую из них и имея еще свободным стремление обратиться туда, куда бы захотел; он еще не подвергся омертвлению, но весьма близко находится от этого зла и уже одержится муками рождения недуга. Такое нечто ясно возгласил нам и ученик Спасителя. «В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак.1, 13–15).

П. Правда.

К. Итак, умирание как бы в проказе, то есть мысленной, и как бы в болезни, соединенной с омертвлением, происходящим от греха, не в похотениях одних состоит, но в исходе дел совершаемых, и доколе дух находится еще в муках рождения зла, оно еще не есть омертвление, еще не есть смерть: ибо не всякий «грех к смерти», как сказал ученик Спасителя (1Ин. 5, 16–17), но еще только наводит на подозрение в недуге, приносящем с собою смерть. Мы говорили, что кажется как бы проказою или близка к ней белая сыпь. "Узрит, – сказано, – жрец" одержимого этою болезнью, именно белою сыпью, и если она не представляется изменяющеюся в проказу, то да не «осквернит его, а лучше отлучит", ибо не безукоризненно пред

Богом приближение ко злу, даже и в похотениях. Если же болезнь, сказано, не претерпевает изменения, не склоняется к худшему, то «чист будет», сказано. Самое лучшее, посему, и истинно спасительное – избегать омертвения, разумею – состоящего в делах, и самими уже делами совершаемыми как бы убивающего дух. Кроме того мудрое также дело – тщательно стараться отклонять страсти, хотя бы они являлись состоящими и в простых еще лишь похотениях: это, думаю, значит удаляться и от самой проказы, и от белой сыпи. Ты знаешь, что тщательнейшего надзора удостоивает все до нас касающееся Еммануил, Который есть Бог по естеству и великий наш Архиерей, и допускает к себе лишь омовенных от непотребства, а если которых усмотрит оскверненными, тех высылает из стана святых.

П. Слово твое истинно.

К. «Святы будьте, – сказано, – ибо свят Я Господь» (Лев. 19, 2). Заметь также, что по омовении одежд избавленный от вины чист будет, говорит закон, предвозвещая очищение водою и как бы в образах, доступных телесному чувству, начертывая нам таинство святого крещения.

П. Понимаю.

К. Усматривай еще, Палладий, сколь велика внимательность закона: он как бы переносит мысль нашу к противоположному и как бы всякими способами показывает служащее на пользу.

П. Каким образом, скажи.

К. Он сказал опять: «Если будет на ком язва проказы, то должно привести его к священнику; священник осмотрит, и если опухоль на коже бела, и волос изменился в белый, и на опухоли живое мясо, то это застарелая проказа на коже тела его; и священник объявит его нечистым и заключит его, ибо он нечист. Если же проказа расцветет на коже, и покроет проказа всю кожу больного от головы его до ног, сколько могут видеть глаза священника, и увидит священник, что проказа покрыла все тело его, то он объявит больного чистым, потому что все превратилось в белое: он чист. Когда же окажется на нем живое мясо, то он нечист; священник, увидев живое мясо, объявит его

нечистым; живое мясо нечисто: это проказа. Если же живое мясо изменится и обратится в белое, пусть он придет к священнику; священник осмотрит его, и если язва обратилась в белое, священник объявит больного чистым; он чист» (Лев. 13, 9–17).

П. Какой же в этом подразумеваем быть может здесь вид противоположения?

К. Разве не понимаешь, что мы утверждали, что проказа есть омертвление в живом теле отчасти и что одержимый этим недугом был отверженным, как нечистый!

П. Понимаю.

К. Так заметь, что у нас дело обращается как бы опять в противоположное, потому что если, сказано, будет совершенно весь прокажен и одержим омертвлением, не имея ничего здоровым, то такой пусть будет свободен от обвинения в осквернении: чист есть. Если же в нем будет какой-либо остаток живой плоти, то пусть обвинит его, сказано, жрец в нечистоте: осквернит его плоть живая; он прокаженный; потому что это будет равносильно вине проказы.

П. Что это такое ты говоришь, не могу разуметь, ибо если прокажение – отчасти осквернит кого бы то ни было, каким образом может явить его чистым совершенная и распространенная по всему телу проказа?

К. Хотя дело это, Палладий, действительно тонкое, но мы не должны думать, что точность закона вносит как бы какое спорное и противоречивое для нас умозрение. С каждым обстоятельством связан какой-либо мудрый и необходимый смысл, имеющий безукоризненность. Будем же говорить о нем, если угодно.

П. Весьма угодно: ибо мне, жаждущему узнать это, будут весьма приятны твои слова.

К. Двояким, думаю, образом можем мы проводить вполне согласную с законами жизнь пред любодобродетельным Богом: или, живя для Него, избегаем омертвления от страстей и греха, – и это значит не страдать проказою, ибо и отчасти случающаяся с живым телом мертвенность производит проказу, или же иным способом, – посредством похвального умерщвления и

воздержания от мирской жизни – как бы каким венцом украсимся присужденною наградой за все дела наилучшие; потому что божественный Павел так пишет некоторым: «Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6, 11). Итак, живя во Христе, поскольку стремимся исполнять угодное Ему, возненавидим умерщвление, очевидно, происходящее от страстей и греха, умерши же греху, по Писанию, откажемся жить в нем, право мудрствуя (Рим. 6, 12).

П. Изложи мне это еще яснее, потому что я не очень понимаю.

К. Не утверждаем ли мы, Палладий, что Христос претерпел за нас смерть, «да и живущий не к тому себе живут, но умершему за них и воскресшему», то есть Христу (2Кор. 5, 15)?

П. Без сомнения утверждаем.

К. Итак, мы живем Христу, жительствова по Евангелию и гнушаясь омертвлением, происходящим от греха, или смертью от страстей. Так и божественный Петр пишет о Христе: «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды» (1Пет. 2, 24); ибо думаю, что те, которые имеют в виду жить светло, должны быть вдали от всего умерщвляющего и хорошо успевать в том, чтобы избавиться от скверн.

П. Правильно говоришь.

К. Итак, нимало не будет страдать как бы недугом проказы решившийся жить для Христа, последующий евангельским вещаниям и отвергающий мертвенность, от греха происходящую.

П. Согласен.

К. И это есть один способ, которым мы может благоугождать Богу; другой же может состоять в следующем: «умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание» (Кол. 3, 5), мы должны являться как бы уже умершими греху, притом совсем, и уже более не жить в нем. В этом утверждает и божественный Павел, говоря: «Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в

нем?» (Рим. 6, 1–2). Посему как при избрании Жизни для Христа закон подвергает осуждению умирание отчасти, так и в умирании для греха житие в нем было бы опять осквернением, не свободным от обвинения со стороны закона. Поэтому-то сказано, что если проказа будет на всем теле и как бы омертвление распространилось по всем членам (а это означает умершего греху), то осквернения уже нет в теле: ибо чист есть, сказано, весь совершенно умерший греху, не уступил ему ни одного места и как бы не дал водвориться себе. "Аще же, – сказано, – явится на нем плоть жива... опять, то осквернит его плоть» живая: ибо вообще житие для греха, хотя бы отчасти, являет скверным недугующего сим; потому «малая закваска, – сказано, – квасит все тесто» (1Кор. 5, 6). Истинно слово сие: «Аще же составится, – сказано, – плоть живая, и изменится в проказу, то пусть разрешится от обвинения: чист есть"; ибо избавился от того, чтобы и отчасти жить для греха, как скоро дух его перешел к омертвлению похвальному и истинно предобрую испытывает перемену состояния. Итак, повторю в главных чертах то, что сказал: если мы живем для Бога, то да не будет в нас ничего мертвого; если же умерли для греха, то да не будет в нас живым ничто из него. Вот светлый путь нашего святолепного жительствова, не имеющего ничего укоризненного.

П. Ты хорошо сказал.

К. Но и еще точнее различая эти недуги, закон говорит: и если будет подозрение и предположение, что проказа появилась или в заструпевшей ране, или в части тела некогда обожженной, то пусть опять прилагает жрец то же тщание и наблюдение. И если кажущееся расцветшим белое не изменилось в проказу, то да будет чист, сказано. Если же будет ясным изменение белого в проказу, то будет нечист и осквернен (Лев. 13, 18–28). Закон и чрез это указывает нам, что душевные недуги, а они бесчисленны, – извлеченные честною жизнью и по времени доведенные как бы до заструпления, если бы по нашему небрежению были снова как бы разбережены, то Христос, великий наш Первосвященник, осмотрит их и произнесет весьма правый суд. Ибо если болезнь дошла до одних только помыслов, то и в таком случае больной отнюдь не

безукоризнен: отлучен, сказано, будет (Лев. 13, 26), однако не отвержен совершенно и не совсем умер. Если же болезнь перешла пределы помыслов и даже желания, если вновь заболевший ею уже как бы потерпел полную перемену к худшему, то положить на него наказание за осквернение. Итак, должно особенно остерегаться, чтобы успокоившиеся страсти пробуждать снова, не возобновлять духовных ран и не возвращаться опять к прежним порокам. Иначе и мы услышим святого, воскликнувшего: «Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья *идет* валяться в грязи» (2Пет. 2, 22).

П. Мне кажется, что ты говоришь это правильно и весьма кстати.

К. Итак, о проказе, о струпьях и ранах закон преподавал нам это; но к сему присовокупляет и говорит: «Если у мужчины или у женщины будет язва на голове или на бороде» голову, и если, говорит, будет некоторая впалость на ней от того, что кожа разрушается и оседает, и если будет изменение волоса в белый, то таковой, без сомнения будет прокаженный и нечистый. Если же ничего такого не будет, то да "острижет", сказано, голову или бороду подвергшийся белой сыпи. Остригши же таким образом волосы, пусть придет к жрецу и затем подвергнется испытанию; ибо если пятно или белая сыпь не распространяется в ширину, но остается как бы на месте или приходит к уменьшению, то пусть будет чист опять; потому что эта болезнь – не проказа, но только подозревается и кажется такую (Лев. 13, 29 и далее).

П. Так какой же будет смысл и сих слов?

К. Двойное в нас, Палладий, бывает осквернение: плотское и духовное. И плоть оскверняет оные гнусные и нечистые страсти ее, а душу и ум более всего другого уклонение от правоты учения к худшему и повреждение здравой веры, а к тому еще коварства и обманы, ложные клятвы, наговоры, надмение, ссоры, рвения и все то, что близко и сродно с этими и одинаковую участь имеет в осуждении за непотребство. Итак, закон этими словами, кажется, напоминает нам о душевных страстях и хочет обозначить ими недуги, обыкновенно случающиеся с умом; ибо голова есть образ ума, а борода –

зрелого рассудка, потому что и она есть признак совершенства. Итак, наблюдает все нас касающееся и тонко исследует оный Архиерей всех, то есть Христос; Он проникнет взором в самый ум и будет испытывать внутренние и сокровенные мысли. И если будет повреждение или перемена правой веры на неправую, или уклонение к порочности нравов и зложеланию, в особенности для Него ненавистному, то Он отвергнет таковых снова, как оскверненных, и произнесет суд, объявляющий их совсем нечистыми. Это, говорю значит страдать проказою на голове или бороде. Если же оказалось бы, что ум находится как бы только в начале болезни и не представляется совершенно склонившимся к недугованию тем, о чем я говорил, то отлучается, будучи подвергнут умеренным наказаниям, но не совершенно будет нечист и чужд Бога; напротив, омыв одежды, чист будет, то есть примет в помощь себе оправдание во Христе. Острижение же волос, представляющее жрецу обнаженную рану, может указывать на то, что пред очами Божества все как бы выступает из середины и является обнаженным все то, на что Оно восхотело бы воззреть; «И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его», как написано (Евр.4, 13).

П. Правда; ибо Он сказал устами одного святого: «Разве Я – Бог *только* вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали? Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его?» (Иер.23, 23–24.)

К. Заметь, Палладий, что закон говорит о вещах гораздо более тонких и из необходимого для знания не опускает ничего, чем мог бы принести пользу слушателям, подчиняя оное своим правилам; потому что, как написано: «грехопадения кто разумеет?» (Пс.18, 13.) «Все мы много согрешаем» (Иак.3, 2). Ибо естество наше недугует бессилием и удобопреклонностью к прегрешению: «Кто родится чистым от нечистого?, – как говорит Священное Писание, – Ни один» (Иов 14, 4). Поэтому и божественный Давид воспевает о нас: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит? Но у Тебя прощение» (Пс.129, 3–4). Итак, смотри теперь, как закон милостиво освобождает нас от обвинения в таковых

прегрешениях и по благодати очищает тех, которые вследствие человеческой неустойчивости подвергаются едва не тяжким невольным грехопадениям; ибо он сказал так: «Если у мужчины или у женщины на коже тела их будут пятна, пятна белые, и священник увидит, что на коже тела их пятна бледно-белые, то это лишай, расцветший на коже: он чист» (Лев. 13, 38–39). Хотя по точному исследованию страдание лишаем есть болезнь плоти и близко к проказе; однако еще не соединено с омертвлением и не вовсе безнадежно. Таковы же некоторым образом и бывающие с нами грехопадения, которые хотя суть, без сомнения, пороки, однако еще не служат к смерти и гибели души. И не очень строг в приговоре Судия, «Ибо Он знает состав наш» (Пс. 102, 14), и Ему не безызвестна немощь естества нашего. Итак, Он дарует отпущение по свойственному Ему человеколюбию. И это, думаю, значит, что страдающий лишаем "чист есть". И добрым людям приходят иногда на ум малые грехи, каковы, для примера сказать: кратковременное раздражение, умеренные движение к гневу, малодушие в отношении к братьям, иногда стремление к суетной славе. И таковые поползновения обыкновенно случаются иногда даже с людьми, проводящими безупречную жизнь и истинно чистыми: ибо это свойственно человеку и, так сказать, обще всем, ведущим жизнь в плоти и крови. Так и это опять таинственно изображает закон, говоря: «Если у кого на голове вылезли *волосы*, то это плешивый: он чист; а если на передней стороне головы вылезли *волосы*, то это лысый: он чист» (Лев. 13, 40–41). Невольное отпадение волос есть болезнь головы; а мы недавно говорили, что голова именуется во образ ума: ибо голова есть жилище ума, как некоторые думают.

П. Это я буду помнить.

К. Итак, пороки головы телесной по справедливости указуют на недуги ума, но опять незначительные и такие, которые прилично прощать. Так закон освобождает нас от обвинения во всяких естественных для человека страстях и в невольных осквернениях, которые могут с нами случиться, потому что естество наше по необходимости недугует немощью, и быть вполне чуждыми страстей не есть удел настоящего

времени, а приличествует лишь веку будущему, в котором грех будет ниспровергнут до основания, и мы преселимся в жизнь совершенно беспорочную. Впрочем, «Если же на плеши, – сказано, – или на лысине будет белое или красноватое пятно», то прокажен есть и нечист будет (Лев. 13, 42–44). Ибо иногда и малые страсти переходят в сильные вины и весьма сквернят, не будучи пресекаемы нами, но получив как бы свободный и беспрепятственный доступ к худшему. Говорю для примера: если кто-либо иногда гневается немного, и страсть эта усилилась в нем, то пусть он отсечет ее кротостью, дабы малое грехопадение, возрастая, мало-помалу не оказалось смертною виною для одержимого страстью. Это, вероятно, и значит то, что на плеши расцвела проказа, то есть как бы в образе представляющегося Устремление от ничтожного начала к худому концу. Потому правильно, полагаю, сказано блаженным Давидом: «гневайтесь и не согрешайте» (Пс.4, 5).

П. Как глубоко это слово!

К. Конечно так: ибо ты сознаешь, как я думаю, что очень тонкую речь веду я и что без труда такие умозрения не могу ни помыслить, ни изложить. А что невозможно укрыться нечестиво недугующим явными прегрешениями, тогда как весьма малые остаются иногда неведомыми и сокровенными, это ты можешь узнать из следующего. Страждущие плешивною чисты, говорит закон, напоминает об этом, по справедливости прощая нам малые из грехопадений, как мы говорили недавно. Но если у кого будет на плеши проказа, то есть когда недуг от маловажного переходит к худшему, тогда он объявляет его явно гнусным и не имеющим слова в оправдание виновности. Посему и говорит: «У прокаженного, на котором эта язва, должна быть разодрана одежда, и голова его должна быть не покрыта, и до уст он должен быть закрыт и кричать: нечист! нечист! Во все дни, доколе на нем язва, он должен быть нечист, нечист он; он должен жить отдельно, вне стана жилище его» (Лев. 13, 45–46). Раздрание одежд и непокровение головы может указывать и весьма ясно на неприкровенность бесстыдства; и обвитие около уст – на неимение так сказать, защиты и невозможность ничего сказать, когда Бог будет обвинять нечистоту. Необходимость же

выходить из стана может служить образом того, что оный грешник уже не водворяется с ликами святых, но, быв изгнан из священного общества их, непричастен останется всякому благу.

П. Сколь это ужасно и достойно проклятия!

К. Совершенно так, Палладий. Посему и божественный Давид говорит: «грех юности моея, и неведения моего не помяни: по милости твоей помяни мя, ради благодати твоея, Господи» (Пс.24,7). Но как бы до всего доходит закон, представляя доказательство присущей ему точности, до сосудов, до шерсти, до утка и основы и кожного сосуда. «Аще прокажение», говорит, будет, и болезнь появится на чем-либо из сего, то "увидит" опять "жрец" и отлучит "язву": и если не будет никакого перехода пятна к лучшему, то «на огни да сожжется: понеже прокажение исто есть», говорит (Лев.13,51–52). Еще повелевает, чтобы попорченное было омываемо; а если после сего окажется, что порча укоренилась, то предаст уже огню, как совершенно бесполезное, уподобляя, вероятно, шерсти, утку, основе и козам то, что нас касается. Ибо, что у рога никакого значения не имеет шерсть, уток или иное что подобное в том, как или почему может кто-либо сомневаться? Итак, мы должны признавать тягчайшим из преступлений то, когда, после очищения и омовения, которые соделал в нас Христос, не будем удаляться от скверн, но пребудем и останемся в них. Ибо если омывающий нас Христос не увидит в нас никакой пользы от омовения, то предаст огню в наказание, совершенно подобно тому, как и подзаконный священник, не увидев никакой пользы для утка или основы от омовения, сожигал их наконец.

П. Это так.

К. Итак, проказою закон прекрасно указывает на омертвление, как бы в делах искусно заимствуя от того, что можно видеть ясно и чувственно, мысля о более сокровенном и плотскими примерами уясняя мысленное. Но предлагая нам богатое познание о душевных осквернениях и представляя явным как бы в телесных недугах то, что случается мысленно, сверх сказанного говорит еще в книге Левит: «если у кого будет истечение из тела его, то от истечения своего он нечист. И вот [закон] о нечистоте его от истечения его: когда течет из тела его

истечение его, и когда задерживается в теле его истечение его, это нечистота его; всякая постель, на которой ляжет имеющий истечение, нечиста, и всякая вещь, на которую сядет..., нечиста; и кто прикоснется к постели его, тот должен вымыть одежды свои и омыться водою и нечист будет до вечера; кто сядет на какую-либо вещь, на которой сидел имеющий истечение, тот должен вымыть одежды свои и омыться водою и нечист будет до вечера; и кто прикоснется к телу имеющего истечение, тот должен вымыть одежды свои и омыться водою и нечист будет до вечера; если имеющий истечение плюнет на чистого, то сей должен вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера» (Лев. 15, 2–8). И кроме сего говорит, что мерзок будет и отвратителен всякий сосуд, на котором «всядет... изливаяй семя», хотя бы он и омыл руки водою, – и это будет оскверненным (Лев. 15, 9 и далее). И если бы кто прикоснулся к телу его, во всяком случае и тот становится причастным вине нечистоты; также, если бы приблизился к нему кто-либо из неоскверненных еще, то и в таком случае они будут подлежать вине нечистоты. Поэтому-то он, вместе с прокаженными, выходил и выселялся из стана, будучи недоступным для всех и не имея с ними общения, даже прикосновением руки оскверняя случайно встречающихся с ним.

П. Но какой же мог бы быть недуг в душе, подобный телесному излиянию семени? Ибо закон духовен: не так ли?

К. Совершенно так; ты сказал правильно. Но ты рассуди вот о чем: истечение семени из тела некоторым образом вредит естественной способности к плодородию, обращая в ничто запас семени и ослабляя напряжение в членах; оно как бы уже невольным делает растление, так что одержимые этим недугом находятся в продолжительном и постоянном осквернении. Так переходи же теперь от телесного недуга и наглядного образа к совершающемуся в уме: растлевается и самый ум, распутно трудясь над тем, над чем не следует, и ни на что необходимое не употребляя напряжение своей деятельности, так что не имеет никакого истинного плода, а напротив всегда стремится к несправедливому и недугует неудержимым ниспадением к постыдному.

П. Что такое ты говоришь?

К. Разве божественный Павел не сказал нам, Палладий, что человек «создан... на дела благие?» (Еф.2, 10.)

П. Конечно, сказал.

К. Итак, он получил естество прямо направленное и способное ко всему похвальному. Или ты не признаешь, что это животное восприимчиво к мудрости и всякому знанию? что оно весьма легко могло бы совершать дела благоразумия и мужества, а также и справедливости, если бы восхотело исполнять ему свойственное и следовать Божественным законам?

П. Признаю.

К. Если же кто, оставив это в стороне, оказался бы уже не мудрым, а безумным и бессердечным, не к тому направляющим стремление своих хотений, что способно руководить к истине, и напротив предпочитающим нестись вне подобающего и вместе с заботящимся о ниспровержении правого нисходит до гибели, совершенного и безукоризненного мнения о Боге и не безупречно проходящим путь деятельности: то разве не справедливо было бы такового назвать мысленно изливающим семя, как попусту иждивающего силы, посредством которых он мог бы плодоносить Богу?

П. Я полагаю, так.

К. Что же? Если бы кто, оставив исполнение дел справедливости и украшение себя благолепием мужества, оказывался несправедливым и преданным удовольствиям, то не счел бы ты его недугующим одинаково с изливающим семя, как иждивающего на постыдное естественную свою способность к доброму, и предпочетшего духовному благоплодию потерю его на дела отнюдь не полезные?

П. Счел бы.

К. Закон повелел как можно далее уходить от изливающего семя, как бы научая нас в особенности удаляться от склонных к порочности и мужественно отражать от себя тех, которых и Сам Бог возгнушался бы, как недугующих постоянным осквернением; ибо поистине не безвредное дело – прилепляться к людям злым. Истинно написанное: «Кто прикасается к смоле, тот

очернится» (Сир. 13, 1). Изливающий семя оскверняет всякую вещь, которой он коснется, ложе свое, тело, чаши, воду и сосуды деревянные: чрез это таинственное указывается на то, что причастным ему в присущей ему нечистоте будет всякий, кто даже только вблизи его был бы по своему духовному расположению. Ибо написано: «себе чиста соблюдай, и не приобщайся чужим грехом» (1Тим. 5, 22). Впрочем и явные пороки, и сокрытые в глубине наших помышлений недуги, и вообще всякую слабость нашу только Христос удаляет и даруемое Им очищение, так как закон не в силах сделать это; ибо, согласно написанному, «законом никто не оправдывается» (Гал. 3, 11). И ты увидишь, что это отнюдь не ложь, если вникнешь в последующие слова закона; он говорит: «А когда имеющий истечение освободится от истечения своего, тогда должен он отсчитать себе семь дней для очищения своего и вымыть одежды свои, и омыть тело свое живою водою, и будет чист; и в восьмой день возьмет он себе двух горлиц или двух молодых голубей, и придет пред лице Господне ко входу скинии собрания, и отдаст их священнику; и принесет священник из сих *птиц* одну в жертву за грех, а другую во всесожжение, и очистит его священник пред Господом от истечения его» (Лев. 15, 13–15). Итак, очищает изливающего семя и избавляет его от недуга, но только во Христе, чрез воду и кровь. Да «исчислит себе, – говорит, – семь дней на очищение свое, и исперет ризы своя, и оmyет тело свое водою и чист будет». Протяжение очищения на семь дней означает, конечно, что во всю жизнь и во всякое время жизни должно очищаться добрыми делами тем, которые решились перейти от мирской порочности к совершению дел благоприличных; потому что мера седмицы включает в себе полноту времени и возвращение к тому, что было в начале, так как время приблизилось уже к концу. Весьма ясно также говорит, что должно присоединяться и необходимо быть прибавляемо к добрым делам нашим очищение чрез Христа, и очищение водою, так что в омовении тела и одежд разумеется уже святое крещение, с присоединением, очевидно, и очищения кровию. Ибо «в день осмый, – говорит, – да возмет себе два горличища, или два птенца голубина». День восьмой опять может означать

время нашего домостроительства с плотию, когда претерпел за нас заклание Еммануил, – эта поистине благогласная и благозвучнейшая горлица, которая собственною кровию совершила «во веки освящаемых» (Евр.10,14). А что смерть Христова имеет в себе всякое благоухание, так как она совершилась за жизнь мира и за отъятие греха, это означает, что горлиц было две, из которых одна закалалась за грех, а другая во всесожжение; но что и умилованием за грехи наши соделался Христос, как говорят Писания (1Ин.2,2; ср.: Рим.3,25), и сие он показал, сказав: «и да помолится о нем жрец пред Господом о излиянии его».

П. Ты хорошо сказал.

К. Так должно очищать изливающего семя, по заповеди Божественного закона. Оскверняет же истечение и всякого, с кем оно случится, будет ли оно произвольное, или произвольное, имеющее своим источником врожденное движение. Произвольное, говорю, – бывающее при сообщениях с женою и по закону супружества; произвольное же, – бывающее при ночных грезах. Ибо он сказал еще так: «Если у кого случится излияние семени, то он должен омыть водою все тело свое, и нечист будет до вечера; если мужчина ляжет с женщиной и будет у него излияние семени, то они должны омыться водою, и нечисты будут до вечера» (Лев.15,16,18): потому что на обоих лежит одинаковая вина, и различного нет ничего. Итак, в излиянии семени изображаем был пред нами как бы продолжительный и постоянный недуг; в подлежащем же теперь случае цель закона, кажется, та, чтобы показать, что оскверненным будет и тот, кто не совсем и не всецело недуговал бы растлением, а являлся бы недуговавшим только отчасти и изредка. Такое нечто указал ученик Спасителя: "Кто, – говорит, – соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем. Ибо Тот же, Кто сказал: не прелюбодействуй, сказал и: не убей; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник закона» (Иак.2,10–11). Ибо, как скоро согрешил кто-либо, нарушил ли он весь закон, или согрешил в чем-либо одном и отчасти, во всем должен быть повинен пред ним. Итак, нечист

по закону и тот, кто хотя и не доходит до крайней степени осквернения, однако является впадшим в оное, даже только отчасти. Впрочем он не становится совершенно отверженным, но очищается водою во Христе; потому что весьма ясно указывает на время пришествия Христова то, что оскверненный, по словам закона, нечист до вечера. Ибо при скончании и едва не при самом заходе времен века сего явился Христос, чрез Которого и в Котором мы омываемся от всякой нечистоты греховной, и будучи одержимы прегрешениями, избавляемся от малых и великих грехов. А что прежде времени пришествия Спасителя невозможно было быть омываемыми от скверны, ибо в законе никто не оправдается, по Писаниям, это ты можешь узнать из ясно сказанного, что «не чист будет до вечера».

П. Понимаю, что говоришь, и слово твое истинно.

К. К сему присовокупляет закон постановления о жене, страдающей кровотечением, и недугующей неудержимым потоком, ее оскверняющим. И как от изливающего семя оскверняется всякий сосуд, всякое ложе, всякая одежда и всякий прикасающийся к нему или близко идущий: так и от нее. Избавляет и ее одинаковым с ним способом, омывая водою, с закаланием горлиц, а также и с умилованием чрез посредство священника. Но как бы возводя нас к умозрениям духовным и не позволяя оставаться при немощах плоти (ибо они должны быть принимаемы за образ немощей, внутри души заключающихся и мысленных), закон ясно присовокупляет: «Так предохраняйте сынов Израилевых от нечистоты их, чтоб они не умерли в нечистоте своей, оскверняя жилище Мое, которое среди них» (Лев. 15, 31). Ибо только уже очищенные и освященные чрез Христа, тогда и только тогда мы истинно светлыми приступим и не оскверним уже святой скинии; но приходя в церкви, чисто и чистые поклонимся всесвятому Богу.

П. Превосходно сказал ты.

К. Что естество человеческое уже и прежде немоществовало осквернением и не иначе может очищаться, как только чрез Христа, – поистине священную и святую жертву, это ты можешь узнать и очень ясно, тщательно исследовать и другое постановление того же закона. Ибо написано опять в

книге Левит: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если женщина зачнет и родит *младенца* мужеского пола, то она нечиста будет семь дней; как во дни страдания ее очищением, она будет нечиста; в восьмой же день обрежется у него крайняя плоть его; и тридцать три дня должна она сидеть, очищаясь от кровей своих; ни к чему священному не должна прикасаться и к святилищу не должна приходить, пока не исполнятся дни очищения ее. Если же она родит *младенца* женского пола, то во время очищения своего она будет нечиста две недели, и шестьдесят шесть дней должна сидеть, очищаясь от кровей своих. По окончании дней очищения своего за сына или за дочь она должна принести однолетнего агнца во всесожжение и молодого голубя или горлицу в жертву за грех, ко входу скинии собрания к священнику; он принесет это пред Господа и очистит ее, и она будет чиста от течения кровей ее. Вот закон о родившей *младенца* мужеского или женского пола» (Лев. 12, 1–7).

П. Кто же это – родившая жена? И какая опять цель закона относительно ее?

К. Как кажется, нам необходимо вести тонкую речь; ибо весьма труден для разумения смысл этой заповеди и не легко понятен. Однако, сколько возможно, будем исследовать его. Прежде всего другого я изумлен вот чем, Палладий.

П. Что это такое?

К. Между тем как этот закон касается всякой жены, рождающей мужеский пол или женский, и включает в себе общее для всех нас осуждение, от такого бесславия изъята святая Дева, от Которой, мы утверждаем, родился по плоти Христос; ибо усматривай, если угодно, точность закона. "Жена, говорит он, и не все безразлично, но яже еще зачнет и родит мужеск пол, нечиста будет». А Божественное тело получило состав от Духа Святого, неизреченно образовавшись во святой Деве и мало сообразуясь с законами естества; потому что нимало не нуждался в происхождении от семени Первороденный из святых, начаток получивших возрождение от Бога чрез Святого Духа, – тех, о которых ясно сказано: «которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа,

но от Бога родились» (Ин. 1, 13). Итак, избегла осуждения от закона святая Дева, отнюдь не получившая извне семени, но зачавшая божественного Младенца по действию Святого Духа. Рождающая же, и по сему нечистая жена, по справедливости и по требованию здравого разума, есть человеческая природа. Недаром в настоящее время мы и самой природе приписываем женское лицо. Обвиняется же она со стороны закона и именуется повинною осквернению за то, что рождает для тления и не такова теперь, какою была тотчас по получении бытия своего от Бога (ибо создана была для нетления), но напротив дошла до необходимости нетления, быв осуждена за преступление и, будучи природою, вследствие Божественного проклятия терпит наказание против природы: «Бог не сотворил смерти, – согласно написанному, – «и не радуется гибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно:... но завистью диавола вошла в мир смерть» (Прем. 1:13–14, 2:24). Итак, оскверняет природу привзошедшее отвне тление и по зависти диавольской возобладавшая смерть, имеющая корнем своим грех. Оскверняет также и иначе, именно тем, что рождаемое сеется как бы в плотском сладострастии. И кажется, нечто таковое обозначает божественный Давид, воспевая и говоря: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс.50, 7). Итак, природа нечиста, как подлежащая тлению вследствие преступления и проклятия, вопреки воле Божией; «Он создал все для бытия», как истинно сказано.

П. Так прибавь же к сему и то, каким образом можно было бы избавиться от нечистоты.

К. Сам осуждающий закон указывает нам, Палладий, этот путь, ибо он говорит: пусть отлучена будет, как нечистая "семь дней". Пусть также отсчитает и другие «тридесять и три дни,... и сидети будет в крови нечистей своей», именно при рождении мужеского пола. «Аще же женск пол родит», говорит он, то вдвое больше должно быть отлучение, двойное должно быть отчисление и других дней. Итак, если рожденное дитя будет мужеского пола, то родившая будет нечиста и пребывает в осквернении семь и тридцать три дня, то есть сорок; если же

женского пола, – то четырнадцать и шестьдесят шесть, то есть восемьдесят.

П. Какой же, наконец, смысл и сего?

К. Закон опять от плотских примеров возводит нас к восприятию невидимого и как бы на какой деке духовного созерцания нарисует чувственное. Люди, сведущие в этом, утверждают, что если зачатое в утробе будет мужского пола, то оно овидотворяется лишь по истечении сорока дней; если же женского пола, то медленнее достигает этого, как неможное и бессильное. И оно нуждается, утверждают они, для явного овидотворения своего в числе дней вдвое большем сорока, то есть в восьмидесяти. Итак, родившая дитя мужского пола нечиста сорок дней, а мать дитяти женского пола пребывала в осквернении и нечистоте целых восемьдесят числом дней, то есть до определенного образования плода в утробе и достижения им человеческого вида. Для очищения же, по определению закона, закалались агнец и горлица пред дверьми святой скинии, при посредничестве жреца и совершении им жертвы. Кроме того мужеский пол должно было и обрезать, по определению закона, именно в восьмой день. Таков буквальный смысл. Мы же, восходя к духовному созерцанию, скажем теперь, каким образом родившая нас для тления и нечистоты природа отогнала скверну и избегла нечистоты и осуждения со стороны закона; ибо уже долгое время она проводила в отлучении, то есть от лица Божия. А время это было то, которое предшествовало явлению Христа и в которое царствовала смерть, от Адама до Моисея, и многообразный грех властвовал над живущими на земле. Когда же в восьмой день, то есть после времени закона и после древнего оного субботствования, мы "обрезаны были обрезанием нерукотворным» (Кол. 2, 11) чрез Духа и приняли образ Христа (ср. Гал. 4, 19), соделавшись общниками Его «Божественного... естества» (2Пет. 1,4): тогда уже мы отгнали вину, тогда исчезла также и нечистота и удалась всякая наша скверна. Ибо мы рождаемся уже не для тления, по причине преступления в Адаме, но для жизни и нетления, по причине оправдания во Христе, так как Он потерпел за нас заклание, как агнец

непорочный и истинный, как горлица Божественная и мысленная; потому что не иным способом мы спасены. Разве это не так?

П. Совершенно так; таинственный образ теперь очень ясен.

Книга 16. О том, что мы должны приносить Богу духовные жертвы и дароприношения

Итак, достаточно, как я думаю, сказано о том, что должно мужественно приступать к изглаждению греха и к очищению, совершаемому чрез Христа, Который силен изгладить всякую находящуюся в нас нечистоту, истребляет ее действием Духа и являет нас измовенными и святыми. Посему и Священное Писание предвозвещало нам об имеющем совершиться с нами действии Духа, говоря, что «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде» (Мал.3, 1–3). Согласно с сим вещает и божественный Исайя, говоря, что «когда Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалима из среды его духом суда и духом огня» (Ис.4, 4). Но в том ли одном, Палладий, исполнен будет нами образ праведности, во Христе разумеваемой, что мы очистимся (от грехов)? И то, что изглажены будут прежние скверны наши, достаточно ли, скажи мне, будет нам для святолепной славы и увенчает ли нас высшими почестями? Или же, быть может, тогда только получим лучшую участь и украсим главы наши высшими похвалами, когда будем приносить Богу как бы некоторое духовное дароприношение и поистине священную жертву, проводимую в святости и преподобии жизнь, и будем по надлежащему совершать духовное служение?

Палладий. Полагаю, так.

Кирилл. И точно, дело это согласно с священными законами и Богу приятно, и всех более одобрительно; ибо Он повелел прекращать всякое дело в субботу и совершенно не позволял кому бы то ни было делать что-либо, так говоря в

книге Исход: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай... всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела» (Исх.20, 8–10). Ясно, что этот образ указывает на субботаство в духе, наступившее тогда, когда мы призваны Самым Христом к прекращению и упокоению от всякого плотского дела и порочных стремлений, когда мы оттрясли бремя греха, возлюбили удаление от порочности и неделание того, что не согласно с законом: «убо оставлено есть таковое субботаство израильтянам; потому что они отнюдь не внидоша» в покой Христов, по слову блаженного Павла (Евр.4, 9, 6). Нас же упокоил Христос и внушил нам, чтобы мы мысленно субботаствовали, предаваясь добродетели и соблюдая прекрасное неделание прегрешений.

П. Превосходно сказал ты.

К. Но хотя в древнее время и узаконил Бог, чтобы все преставали от дел в субботу, однако же увенчанные славою Божественного служения и назначенные пребывать при святой скинии совершали службы и, нарушая субботу, были, по слову Спасителя, «неповинны» (Мф.12, 5), не подвергаясь обвинению в нарушении закона. Посему и мы, хотя престанем во Христе от земных дел, исполняя мысленное субботаство, но не будем удерживаться от дел священных, то есть от приношения Богу духовных жертв и мысленных дароприношений. Следуя же как бы "стопам" Христа, согласно написанному (1Пет. 2, 21), самих себя принесем в жертву, не закланием овец и кровию тельцов чествуя Бога всяческих, а напротив самих себя посвящая Ему «в воню благоухания»: "ибо «благоугоднее Господу, нежели вол, нежели телец с рогами и с копытами», по слову Псалмопевца (Пс.68, 32).

П. Правильно разумеешь, но продолжай еще, и из Священных Писаний предлагай изображения столь важного и досточудного служения.

К. В книге Левит так сказал Бог, очевидно, всем израильтянам: «когда кто из вас хочет принести жертву Господу, то, если из скота, приносите жертву вашу из скота крупного и мелкого. Если жертва его есть всесожжение из крупного скота,

пусть принесет ее мужеского пола, без порока; пусть приведет ее к дверям скинии собрания, чтобы приобрести ему благоволение пред Господом; и возложит руку свою на голову жертвы всесожжения – и приобретет он благоволение, во очищение грехов его; и заколет тельца пред Господом; сыны же Аароновы, священники, принесут кровь и покропят кровью со всех сторон на жертвенник, который у входа скинии собрания; и снимет кожу с жертвы всесожжения и рассечет ее на части; сыны же Аароновы, священники, положат на жертвенник огонь и на огне разложат дрова; и разложат сыны Аароновы, священники, части, голову и тук на дровах, которые на огне, на жертвеннике; а внутренности жертвы и ноги ее вымоет он водою, и сожжет священник все на жертвеннике: *это всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу*» (Лев. 1, 2–9). Не очевидно ли (здесь) изображение жизни святых людей и всецелого сродства их с Богом в Духе и освящении? Мы изображаемся как бы в кротких животных, то есть тельце и овне, умирая для мира чрез умерщвление плоти, дабы жить для Бога чрез евангельское житие, как бы возносясь ко Отцу чрез Сына в жертву истинно духовную и благоуханнейшую. Но мы опять скажем тебе о каждом предмете особо и сколько возможно подробнее. Каждый возносит Вседержителю Богу собственную жизнь, как бы некоторый дар, но возносит, как ему дано, и в той мере, какую имеет: «один так, другой иначе, каждый имея свое дарование от Бога», по слову премудрого Павла (1Кор. 7, 7): ибо в величине животных и различии их по виду косвенно указывается неравенство и несходство в силе духовной и разумной. Так велик ли кто и очень силен наподобие тельца, или мал и далек от совершенства наподобие овцы, в том и другом случае он приносит себя в дароприношение Богу и во всесожжение, то есть во всецелое посвящение, не разделенною имея жизнь между Богом и миром, но всецело приятною и посвященною Богу. Образ жертвы должен быть таков: «мужеского пола, – сказано, – и непорочна да будет жертва; потому что святые всегда как бы сообразны Христу, Который есть «мужеский пол» и истинно «непорочен», так как мужеский пол изображает собою предводительство, а непорочность – чрезвычайную и

непревосходимую святость: ибо один есть наш вождь и всесвятый без сравнения Еммануил. И иначе можно и, думаю, нужно сказать, что посвящаемые Богу должны быть мужеского пола и непорочны, не имея в себе ничего женственного и не ослабевая до легкомыслия, но всеусильно должны стремиться к тому, чтобы мужаться и сохранять в себе мужественный и как бы возбужденный ум. Впрочем к этому добавил бы я, что им должно быть чистыми и непорочными, насколько это возможно для человеческой природы; потому что, как в одном месте весьма мудро воспевают божественный Давид: «Суди меня, Господи, по правде моей и по непорочности моей во мне» (Пс.7,9), пред Богом человеческая праведность некоторым образом имеет соответственную ей меру, так как очевидно праведность святых Ангелов преимуществоует и много превышает меру нашу. Итак, «мужеский пол и непорочна» да будет священная жертва. Приносится же она к самым дверям святой скинии: ибо не в ином каком-либо месте делаемся мы совершенными, а непременно только в церкви становясь благоприятными Богу и Отцу, когда приносит нас Христос, как священник: «потому что через Него и те и другие имеем доступ» (Еф.2,18), и Сам Он обновил нам доступ к бытию, «предтеча о нас» вошедши во Святая Святых (Евр.6,20) и показав нам истинную стезю. Далее Он повелел приносящим возлагать на тельца руки, косвенно знаменуя этим, что они образно приносят его вместо самих себя, весьма прилично делая заклание животного образом того, что жить свято возможно только умирая для мира. И вот смотри, как сень изображает нам истину. Закалаем был телец пред Господом, а кровь проливаема была при жертвеннике; ибо смерть для мира и умерщвление плотских движений приятнее всего Богу и достойно призрения свыше. И может быть нечто таковое воспевают нам божественный Давид, говоря так: «честна пред Господом смерть преподобных Его» (Пс.115,6): ибо смерть преподобных есть как бы священное возношение Богу. И не говорю: смерть всех ходящих по плоти. Это слова, напротив, указывают на ту смерть, которую обыкновенно претерпевают умирающие для мира, но живущие для Бога в преподобии и

святости; ибо трудно было бы нам проводить святую жизнь, если бы мы наперед не умерли для мира. Петр пишет о Христе: «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды» (1Пет. 2, 24). Итак, заклание тельца, кажется, означает избавление от грехов и претерпение смерти, честной пред Богом, которую Он удостоивает и своего призрения: ибо «да заколют, – сказано, – тельца пред Господом» (Лев. 1, 5). Пролитие же крови при жертвеннике, думаю, может обозначать посвящение жизни и возвышение души во славу Божию. С жертвы сдирается кожа, и она раздробляется на части: сдирание кожи означает как бы обнажение и обнаружение всего, что есть в нас, а раздробление на части весьма хорошо указывает на проникновение слова Божия до членов и мозгов: «Ибо слово Божие, – сказано, – живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет» (Евр. 4, 12–13). Когда же священник возжигает огонь, тогда возлагаются на алтарь раздробленные части, вместе с головою и ногами, а также и с внутренностями омытыми в воде: ибо все принадлежащее святым благоуханно, так как ничто отверженное Богом не мыслится как присущее им. Мясо же может быть образом как бы грубой и телесной их жизни, ибо она честна и свята. Голова есть знак ума, внутренности – помыслов и пожеланий; ноги же служат тонким намеком на деятельное и как бы в делах являемое хождение.

П. Как замысловато это объяснение!

К. Однако ж оно заключает в себе истину, хотя и проникающую к нам как бы сквозь туман и мрак; ибо глубок смысл закона. «Если жертва всесожжения его... из мелкого скота, – говорит он, – из овец, или из коз, пусть принесет ее мужеского пола, без порока.... и заколет ее пред Господом на северной стороне жертвенника» (Лев. 1, 10–11). Раздробляется также и это на части, с измовением внутренностей точно таким же образом, как и в отношении к тельцу. Узаконил еще и то, чтобы возносить его на жертвенник: и на это тоже самое может

быть объяснение смысла. Впрочем, здесь есть нечто и неодинаковое: агнец закалаем был «на северной стороне жертвенника».

П. Какой же смысл этого обряда?

К. Разве ты не знаешь, что более к югу лежит земля Иудейская, а более северную страну к морю разделили между собою бесчисленные толпы язычников, расселившиеся по селам и городам?

П. Правда.

К. Посему то обстоятельство, что агнец закалается на северной части, служит указанием на то, что и самые толпы, живущие к северу, будут также посвящены Богу. Это именно и Спаситель провозглашал о толпе язычников, говоря: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10, 16).

П. Я понял, что ты говоришь.

К. Но дабы поставить выше малодушия и всякой медлительности тех, которые пожелали бы исполнять установленное законом, Бог всяческих некоторым образом уравнивает путь плодоприношения и повелевает совершать жертвы из животных, которые меньше и овцы. Он говорит: «Если же из птиц приносит он Господу всесожжение, пусть принесет жертву свою из горлиц, или из молодых голубей; священник принесет ее к жертвеннику, и свернет ей голову, и сожжет на жертвеннике, а кровь выцедит к стене жертвенника; зоб ее с перьями ее отнимет и бросит его подле жертвенника на восточную сторону, где пепел; и надломит ее в крыльях ее, не отделяя их, и сожжет ее священник на жертвеннике, на дровах, которые на огне: это всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу» (Лев. 1, 14–17). Заметь опять, как превосходно и премудро соблюдено здесь то, что святые являются сообразными Христу; ибо Он есть истинно вышняя и сладкогласнейшая горлица, равно как и кротчайший голубь. Посему и в книге Песнь Песней написано о Нем: «глас горлицы слышан в» пустыне (Песн. 2, 12). А чрезвычайной и высочайшей кротости как бы некоторым образцом и примером представлял

Он Себя нам, когда говорил: «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф.11, 29). Но вот и святым, поскольку они носят на себе образ Христа, весьма тщательно соблюдены благолепие и досточудность в тех же добродетелях; потому что и они по справедливости могут быть разумеемы под горлицами, как передающие слушателям Божественное и священное слово и охотно совершающие пение и песни во славу Божию. Посему-то и говорят они: «язык мой... поучится правде Твоей», весь день хвале твоей (Пс.70, 24, 14, 15). Также и жизнь свою они проводят во Христе и шествуют кротчайшею стезею евангельского жития, желаящим ударить их в правую ланиту подставляя и левую и принуждающим их пройти одно поприще добровольно предлагая, если хотят, пройти с ними и два (Мф.5, 39–41). Итак, они себя самих посвящают в воню благоухания и во всесожжение Богу, как бы в виде горлиц и голубей. Затем, отторгнувши голову, священник возлагает ее на жертвенник, излив кровь: ибо истинно свят и по преимуществу священен ум святых, и ему прилично быть посвященным всесвятому Богу. Он полон благих помыслов и благоухает миром истинного богопознания: «мысли праведных судьбы», согласно написанному (Притч. 12, 5). А что свята и жизнь живущих в страхе Божиим, это может ясно быть из того, что кровь должна быть проливаема при святом жертвеннике: ибо кровь изображает собою жизнь. Отделяется гортань птиц, то есть зоб с перьями, и извергается, как совершенно ненужное. И это может быть ясным указанием на то, что жизнь святых является выше телесного удовольствия, так что кажется уже как бы не нуждающеюся и в чреве, вмещающем пищу. Такова в особенности жизнь людей трудолюбивейших (подвижников), которые, пренебрегая пищею и даже самым чревом, измождают плоть, умерщвляют похоти и становятся свободными и избавленными от всего мирского и излишнего. Это, думаю, означает отнятие перьев. Иметь перья необходимо птицам: но и нам необходимо то, чрез что это земное тело достигает удовлетворения собственных нужд, разумею одежды, средства пропитания, и кроме сего весьма необходимо то, с помощью чего является все это, то есть денежные доходы,

противоборствующие напору нужды, мягкое ложе и тому подобное. Но хотя это полезно и необходимо для живущих на земле и в телах, однако святыми людьми считается за ничто; напротив, отвергая приобретение всего такового, как излишнее бремя, они едва не нагими и неодетыми проводят жизнь в мире сем, с неохотою удовлетворяя телесной необходимости тем, что случится и что легко можно добыть. По снятии перьев и отнятия зоба или гортани, «да изломит, – сказано, – от крил, и да не разделит», и затем да вознесет "на олтарь". Выламывание крыльев может быть образом и ясным примером того, что ум святых не мыслит о чрезмерно великом и не парит высоко, а более устремляется к помыслам смиренным и как бы ищет нижнего (Рим. 12, 16). Ум людей надменных всегда как бы высокопарящ и несется к высоте, не терпит того, чтобы держаться более низменного и презирает умеренный и смиренный помысл. Итак, выламывание крыльев прикровенно указывает на отложение надменности. А что и совсем и, так сказать, всецело посвятили свою жизнь Богу неразделенные между Ним и миром, на это указывает то, что крылья не разделялись: о разделении находящихся в браке сказал и мудрый Павел (1Кор. 7, 33). Итак, священен ум людей святых, свята их и жизнь, и стоит выше телесных удовольствий, свободна от мирского попечения и преукрашена смиренномудрым помыслом, не разделена Богом и мирскими предметами. Поэтому она и возносится в воню благоухания Богу.

П. Это так.

К. Но закон низводит роды жертвы и до меньшего еще и доступного всякому и получаемого без труда, расширяя, как я думаю, путь к похвальной деятельности и для малого, и для великого; ибо написано: «широка заповедь Твоя зело» (Пс. 118, 96). И не величиною дароприношения, без сомнения, измеряется пред очами добролюбивого Бога искренность (приношения), но в одном ряду с имеющими много становится и бедный, отдающий насущное и желающий почтить Бога тем, что имеет и что может. Посему так сказал Он еще: «Если какая душа хочет принести Господу жертву приношения хлебного,

пусть принесет пшеничной муки, и волеет на нее елея, и положит на нее ливана, и принесет ее к сынам Аароновым, священникам, и возьмет полную горсть муки с елеем и со всем ливаном, и сожжет сие священник в память на жертвеннике; *это жертва, благоухание, приятное Господу»* (Лев. 2, 1–2). Разумеешь ли, как он напоминает приносящему о смирении: Божественный закон называет нам его вообще душою, хотя бы в сей жизни он был и весьма незнатен, показывая этим справедливость ко всем и беспристрастие Высочайшего Естества, подобно тому как без сомнения и в других словах: «все души – Мои» (Иез.18, 4): «Ибо нет лицепрятия у Бога» (Рим. 2, 11), как я сказал недавно. Итак, если бы кто из людей, не имеющих, сказано, знатности в мире, захотел приносить дар Богу, то родом жертвы его пусть «мука пшенична... будет», только напоенная елеем и смешанная с ладаном. А что пшеничная мука служит образом жизни, елей – веселия, основывающегося на уповании, ладан же – благоухания в делах и подвигах и в жизни, вполне согласной с законом, это нам разъяснила продолжительная беседа. Итак, желающим возвеселить в себе Бога всяческих должно, весьма мудро говорит закон, предавать и посвящать Ему свою жизнь, не скорбя о подвигах, предпринимаемых ради добродетели, ибо не "ропщите", говорит божественный Павел (1Кор. 10, 10), но посвящая Ему жизнь, исполненную благоухания мысленного; потому что тогда только вознесет «жрец памат ея» к Богу. Иначе сказать, мы приблизимся во Христе к Богу и Отцу чрез духовную жертву, приобретая этим и то, что будет в памяти у Него: ибо чем обыкновенно мы становимся доброхвальными, тем самым обнаружится, что мы сделались достойными памяти о нас Бога и известными Ему во Христе.

П. Ты сказал превосходно.

К. Но к этому присовокупляет: «Если же приносишь жертву приношения хлебного из печеного в печи, *то приноси* пшеничные хлебы пресные, смешанные с елеем, и лепешки пресные, помазанные елеем. Если жертва твоя приношение хлебное со сковороды, то это должна быть пшеничная мука, смешанная с елеем, пресная; разломи ее на куски и влей на

нее елея: это приношение хлебное.... Если жертва твоя приношение хлебное из горшка, то должно сделать оное из пшеничной муки с елеем» (Лев. 2, 4–7).

П. Как глубок смысл закона! Так объясни же это, чтобы, вникая умом и в столь тонкие предметы, мы не уклонялись от цели.

К. Достойна внимания, думаю, оная предусмотрительность и высокая мудрость закона, ибо он нисходит до всякого состояния, приемлет даже и совсем малый дар и повсюду сообщает ему благоуханность и приятность. Ты знаешь, конечно, как говорит даже Сам Христос: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф.10, 42). Нечто подобное должно разуметь и здесь, и милость Законодателя прославлять приличествующими Ему хвалами. Дар приемлется, как я сказал, даже если бы кто пожелал исполнить предписанное в законе и самими дешевыми жертвами. Будет ли, сказано, дар его хлеб квасный или опреснок, будет ли он от "печи, или от сковрады, или от огнища" (очага), будет ли он и не из пшеницы, а новые зерна истолченные, то есть мука из шелушных плодов, пусть только принесенное напоено будет елеем и имеет на себе ладан. Кажется, в этих словах Писание как бы указывает нам на прославление святых чрез сожжение, труды, а также и чрез сокрушение; ибо печь и огнище, а также и сотрение жерновом, конечно, суть знамения сокрушения и труда людей испытываемых как бы посредством огня. Поэтому-то они и восклицали, проходя столь достославною стезею: «Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро» (Пс.65, 10). Воспевает также и божественный Давид: «сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит» (Пс.50, 19). А что потрудившиеся так становятся благоуханием Христовым, это без сомнения по справедливости должно быть; равным образом, что они будут помилованы и обильно утучнены благодатию Духа, это ясно для того, кто рассмотрит употребление ладана и елея: ибо содержащееся в законе разве не служит для нас как бы тонким намеком на прикровенное и сению?

П. Конечно так.

К. Итак, мы принесем самих себя Богу, умирая для греха и мысленно претерпевая эту священную смерть, живя же "правдою", согласно написанному (1Пет. 2, 24), и в качестве благодарственного дара посвятим Ему собственную жизнь, славную и безукоризненную, благоукрашенную славой любви Бо-жественной. Это ясно мы можем знать и из других законов; ибо написано в книге Левит: «Если жертва его жертва мирная, и если он приносит из крупного скота, мужеского или женского пола, пусть принесет ее Господу, не имеющую порока, и возложит руку свою на голову жертвы своей, и заколет ее у дверей скинии собрания; сыны же Аароновы, священники, покропят кровью на жертвенник со всех сторон; и принесет он из мирной жертвы в жертву Господу тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник, который на печени; с почками он отделит это; и сыны Аароновы сожгут это на жертвеннике вместе со всесожжением, которое на дровах, на огне: *это жертва, благоухание, приятное Господу*» (Лев. 3, 1–5). Итак, телец приносится непорочный: ибо надлежит быть чистыми и сколько возможно более удаленными от всякого порока тем, которые возносят себя в воню благоухания Богу. Закалался же он при самых дверях святой скинии, причем на него возлагаемы были руки приносящего. Какой смысл такового обряда, было уже ясно сказано. Возносим был в жертву тук иже на утробе, и обе почки, вместе со снятым с них жиром «и препонка... печени». Тук, который на утробе, может указывать, как я думаю, как бы на благосостояние ума и тучность сердца, превосходно воспитанного мысленным руководством Духа: ибо хорошее питание и в бессловесных животных, а также и в человеческих телах производит утучнение; преизобильное же причастие Божественных дарований наполняет ум святых всяким благом. Поэтому-то они и становятся священными и избранными в воню благоухания Богу. Почки же могут служить образом заключающейся в уме рассудительной деятельности, по которой он считает заслуживающим отвержения то, чему свойственно вредить, а достойным предпочтения и избрания

полезное. Пишет же и божественный Павел: «Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь» (1Сол. 5, 20–21). Итак, поскольку разделяющий член в теле есть почка (так как она весьма хорошо отделяет излишнее, нужное же и полезное передает природе тела, искусно разделяя, куда и сколько нужно отделить), то почки по справедливости можно истолковать в смысле рассудительной способности ума. Поэтому священны и посвящены Богу почки святых людей, то есть рассудительная способность, которую имеют они в уме. Люди, преданные Богу, суть опытные и точные меновщики, всегда порицающие дурное и привыкшие удостаивать прекрасного отзыва то, что служит на пользу. Посему-то, думаю, и божественный Псалмопевец, стяжавший славу в этом, взывал к Богу: «яко Ты создал еси утробы моя», Господи (Пс.138, 13). Перепонка же печени не на иное что указывает нам, как на действие души, или на движение сердца, в котором оно идет к пожеланиям. Некоторые, тщательно исследовавшие предметы этого рода, не затрудняясь говорят, что в печени всякое животное имеет пожелания. Итак, должно посвящать Богу и перепонку печени, то есть самый, так сказать, источник всякого нашего пожелания, согласно тому, как воспевает Псалмопевец: «Господи, пред Тобою все желание мое» (Пс.37, 10). Но только тот может похвалиться собою и произносить столь славное и досточудное вещание, кто имеет стремления свои направленными только к тому, что угодно Богу, и является жаждущим делать то, чего Он хочет.

П. Соглашаюсь; ибо ты разумеешь правильно.

К. Относительно овцы, а также и козы, Он определяет тот же закон; и над ними одинаковым образом совершаем был обряд жертвоприношения, причем различие животных по величине превосходно указывает на меру благочестия и стяжания славы приносящих дар; ибо один обильно и превосходно (преуспевает в благочестии) – и его должно разуметь как бы под образом тельца; другой посредственно, как это можно видеть под образом овцы; а иной и еще менее того, потому что коза меньше и овцы. И это, думаю, означает то же, что и евангельская притча, по которой благодатная земля

произрастила плод во "сто" и в «шестьдесят» и в «тридесять» (Мф.13, 8, 23).

П. Соглашаюсь.

К. А что соответственно правым деянием каждого будет и воздаяние награды, и что решившимся мужаться в добре определены от Бога равносильные подвигам и награды, в этом убедит и Сам Спаситель, Который говорит, что неодинаково было распределение талантов, но поставляет из стяжавших славу одного над десятью городами, другого над пятью (Мф.25, 15–29). Жизнь каждого как бы взвешивается и возмездие непременно как бы уравновешено будет с нашею доброкачественностью. Равным образом и закон Моисеев покажет нам то, что я сказал; ибо так говорит он в книге Чисел: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: когда вы войдете в землю вашего жительства, которую Я даю вам, и будете приносить жертву Господу, всесожжение, или жертву заколаемую, от волов и овец, во исполнение обета, или по усердию, или в праздники ваши, дабы сделать приятное благоухание Господу, – тогда приносящий жертву свою Господу должен принести в приношение от хлеба десятую часть [ефы] пшеничной муки, смешанной с четвертою частью гина елея; и вина для возлияния приноси четвертую часть гина при всесожжении, или при заколаемой жертве, на каждого агнца.... А принося овна, приноси в приношение хлебное две десятых части ефы пшеничной муки, смешанной с третьею частью гина елея; и вина для возлияния приноси третью часть гина в приятное благоухание Господу. Если молодого вола приносишь во всесожжение или жертву заколаемую, во исполнение обета или в мирную жертву Господу, то вместе с волом должно принести приношения хлебного три десятых части ефы пшеничной муки, смешанной с половиною гина елея; и вина для возлияния приноси полгина в жертву, в приятное благоухание Господу. Так делай при каждом приношении вола и овна и агнца из овец, или коз; по числу жертв, которые вы приносите, так делайте при каждой, по числу их. Всякий туземец так должен делать это, принося жертву в приятное благоухание Господу; и если будет между

вами жить пришелец, или кто бы ни был среди вас в роды ваши, и принесет жертву в приятное благоухание Господу, то и он должен делать так, как вы делаете; для вас, общество [Господне], и для пришельца, живущего [у вас], устав один, устав вечный в роды ваши: что вы, то и пришелец да будет пред Господом; закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Чис.15, 1–16).

П. Так где же мы можем усматривать в этом равномерность и соответствие награды, как ты говоришь, с делами каждого?

К. Разве ты не слышишь, друг мой, что закон ясно говорит: когда кто захочет совершить моления и всесожжения, то если закалает в жертву агнца, пусть соединит к жертвоприношению десятую часть ефы муки пшеничной, вина же и елея четвертую часть ина (это суть меры на еврейском языке): а если овна, говорит, то сопровождающее жертву прибавление должно быть в увеличенном объеме, то есть составляет третью часть, ибо четвертая часть меры менее третьей? При принесении же тельца, количество пшеничной муки и всего прочего превышает даже и третью часть, и достигает уже половины.

П. Это я знаю, но что это значит?

К. Ты, конечно, знаешь, что пшеничная мука есть изображение жизни, а елей – радости; потому что написано: «умастити лице елеем» (Пс.103, 15). Вино же служит указанием на мысленное, свыше и чрез Духа неспосылаемое веселие; ибо "вино, – сказано, – ...веселит сердце человека» (там же).

П. Понимаю.

К. Итак, соответственно тому, чем кто станет плодоприносить, будет дарована от Бога и жизнь с радостью и веселием. Конечно, мы не говорим того, что в жизни или в оживотворении, даруемом от Бога, есть большее или меньшее. Это было бы пустословием. Но, говоря о жизни, мы разумеем славу в жизни, которою один превосходит другого, а другой наоборот имеет меньшее в сравнении с прочими. Впрочем и он не будет лишен почести и славы; «и звезда от звезды разнится в славе» (1Кор. 15, 41). Итак, изображением жизни святых в славе служит здесь различие жертвоприношений, которое количеством сопровождающих жертву приношений начертывает

нам меру прославления. А что и языческие народы, вместе с происшедшими от племени Израилева, преклонят выю свою под иго Спасителя и будут идти путем тех же самых жертв и того же духовного прославления, это он показал, присовокупив, что пришелец не иными должен руководиться законами, как и израильтяне; ибо один есть путь для всех, приводящий к сродству с Богом и Отцем. И этот путь есть Христос; ибо, как сказал божественный Петр: «ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян.4, 12).

П. Как превосходно и искусно это изъяснение!

К. Что мы нимало не солжем, утверждая, что различные способы прославления и что возмездие будет распределено Богом соответственно мере (заслуг) каждого, это уяснит и премудрый Павел говоря: «кто сеет скуп, тот скуп и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2Кор. 9, 6). И еще прежде него Давид возвестил: «и воздаст ми Господь по правде моей, и по чистоте руку мою воздаст ми» (Пс.17, 21). Разве ты не признаешь, что, например, праведность Павла есть иная в сравнении с праведностью кого-либо другого, который еще не таков, как он, разумею – в отношении к духовной силе, так чтобы с уверенностью мог воскликнуть: «я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал.6, 14.)

П. Конечно так.

К. Что еще? Разве мы не согласимся, что чистота рук Иоанна в сравнении с кем-либо другим есть иная, так как он взошел на высоту евангельского жития?

П. Согласимся: как же иначе?

К. Затем скажи мне: праведный всех Судия потребует ли от нас праведности равной и во всем подобной доброхвальным деянием святых, или же, испытав меру присущей нам силы, не потребует от нас ничего более того, что каждый из нас имеет и может исполнить?

П. Я и сам так думаю; ибо так сказал Христос: «и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48). Очевидно,

что истинно и обратное: от получившего меньшее конечно мало и потребуется.

К. Так смотри: это и в законе написано, то есть что соответственно мере каждого взыскивает от него Бог. Будучи источником и началом превышающей ум милости и человеколюбия, Он не отвергает никого из прибегающих к Нему верою, но допускает каждого с тем, что он имеет, и приемлет духовные дароприношения, отнюдь не требуя того, что выше силы. А закон о сем у нас такой имеется в книге Левит: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: если кто дает обет посвятить душу Господу по оценке твоей, то оценка твоя мужчине от двадцати лет до шестидесяти должна быть пятьдесят сиклей серебряных, по сиклю священному; если же это женщина, то оценка твоя должна быть тридцать сиклей; от пяти лет до двадцати оценка твоя мужчине должна быть двадцать сиклей, а женщине десять сиклей; а от месяца до пяти лет оценка твоя мужчине должна быть пять сиклей серебра, а женщине оценка твоя три сикля серебра; от шестидесяти лет и выше мужчине оценка твоя должна быть пятнадцать сиклей серебра, а женщине десять сиклей. Если же он беден и не в силах *отдать* по оценке твоей, то пусть представят его священнику, и священник пусть оценит его: соразмерно с состоянием давшего обет пусть оценит его священник» (Лев. 27, 1–8). Приходили некоторые вписывавшие себя самих в число посвящаемых Богу и охотнее предлагавшие в дар Ему определенное законом количество дидрахм. Если же кто был из числа людей не очень достаточных или незнатных, то уплата была уже не по закону; но по испытании его священствовавшим в то время, долг определяем был сообразно мере возможности его. Так вот более ясное истолкование и смысл Писания. Необходимым также считаю я напомнить занимающимся с особенною любознательностью Священным Писанием о том, как некогда Христос обращался с речью к фарисеям, причем ясно и наглядно упоминал об этой самой заповеди. Они, стремясь к жизни суетной и неодобряемой законом и «уча учениям, заповедям человеческим», согласно написанному (Мф.15, 9), приступили к

Нему, говоря: «зачем ученики Твои преступают предание старцев? ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб» (Мф.15, 2). Но Спаситель тотчас же сказал им: «зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: «если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался тот может и не почитать отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф.15, 3–6; сн. Исх. 20, 12). Фарисеи, будучи весьма сребролюбивы и корыстолюбивы, желали видеть как можно более людей, приходящих к ним для переписи по закону, и, чтобы наполнялись их кошельки, ненасытную рукою собирали деньги с каждого из приходящих. Но естественно было, что некоторые уклонялись от переписи, имея небезосновательным предлогом к замедлению бедность и то, что они должны содержать старых отцов или матерей из того, что сами не без малого труда добывают. Преступные же фарисеи, едва только узнавали о сем, как увещавали их, чтобы они как можно скорее приступали к посвящению дара Богу, уже не думая о справедливом и презирая предписанное законом, то есть что должно с полным усердием оказывать уважение родителям и пещись о них, но прогоняя их от себя, исполняли установленное законом (относительно дароприношений). И так как по законам было виною и преступлением присвоить себе что-либо из принесенно во славу Божию, а имя приношениям было: дар, то они и учили говорить родителям, требовавшим вспомоществования: «дар... то, чем бы ты от меня пользовался», то есть то, что я мог бы дать тебе, посвящено Богу, и знай, что ты нарушаешь закон, похищая принесенного во славу Божию и нечестиво получая это. И эти виновники постыднейших измышлений для тех, которые предпочитали посвятить свое имущество Богу по закону, утверждали, что такое бесчеловечие к родителям невинно. Это, я думаю, и значит: "иже А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар то, чем бы ты от меня пользовался тот может и не почитать отца своего или мать свою» свою; иначе сказать: не почитать отца и не оказывать уважения матери дозвоительно

говорящим: "дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался», то есть то, чем я оказал бы тебе пользу, если бы отдал тебе, есть дар Божий, и ты окажешься похитителем священных приношений.

П. Полагаю, что это сказано правильно и истинно.

К. поскольку буквальный смысл теперь для нас ясен, то перейдем к духовному и коснемся созерцания предметов сверхчувственных.

П. Перейдем.

К. Каждый из нас, Палладий, оправданных верою и освященных Духом, сделался священным даром Богу. Каждый из нас обязан Христу своею жизнью; ибо, как сказал божественный Павел, мы куплены "ценою" и не принадлежим себе (1Кор. 7:23, би др.), и: один «за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего» (2Кор. 5, 15). Он приобрел нас Собою у Бога и Отца, как бы цену какую уплатив за нас, собственную кровь. Итак, мы приходим к Спасителю всех Христу чрез веру и освящение, в воздаяние за соделанное Им для нас, принося Ему в дар благочестивую жизнь. Но различен, а не один представляется, – и весьма справедливо, – образ этого приношения: ибо одни не очень мужественно стремятся к сему, а другие как бы с более горячею готовностью и с возбужденным духом, с бодрым умом и с живейшею стремительностью идут к совершению того, что должны исполнять и что они могут совершить угодного Ему. Это суть, по указанию буквального смысла, находящиеся в возрасте от двадцати и до шестидесяти лет; ибо и до шестидесятого года доходит крепость тела и сила его движений. В то же время и ум еще бодр и крепок и весьма способен к восприятию того, чему захотел бы научиться. Но познавший «создание наше», как написано (Пс. 102, 14), знает, конечно, таковой же возраст и в душах наших: от телесных подобий речь переходит к мысленному. Итак, мужеский ли то будет пол, или женский, тот и другой, пока находятся в возрасте духовной зрелости, пусть приносят в дар определенное законом, то есть мужеский пол – пятьдесят дидрахм, как целый и самый совершенный плод духовного служения, высшая законченность и совершенство

которого являются ясно засвидетельствованными чрез семью – семь. Женский же пол – тридцать дидрахм; ибо он менее достохвален, нежели мужеский пол; однако и он приносит плод как бы совершенный по своей природе, и с трудом произведенный, означаемый тремя десятками. От пяти до двадцати лет, если это мужеский пол, платит двадцать дидрахм, а если женский пол, десять; ибо едва только с пяти лет, думаю я, ум начинает, так сказать, прозирать разумением, хотя еще детским и слабым, но идущим к большему совершенству; также и тело делается все более и более крепким. Разве ты не понимаешь, что я говорю?

П. И очень понимаю.

К. Итак, с духовным благоукреплением соразмеряется и плод от каждого. При этом женский пол всюду идет позади мужского и часто вполтину менее его оценивается. Что женщина есть немощный сосуд, об этом ясно засвидетельствовал и божественный Петр (1Пет. 3, 7). Она имеет недостаток в природных дарованиях мужчины и молчит в "церквах" (1Кор. 14, 34); ибо не доверено ей право слова, и она не так крепка для исполнения добродетели, как мужчина. От одного месяца, сказано также, и до пяти лет мужеский пол – пять дидрахм, а женский – три. Да и подлинно, какой может быть плод от младенцев? Итак, здесь Слово Божие некоторым образом намекает нам на новорожденное во Христе дитя, которому, как и священный Павел сказал, млеко прилично в пищу (Евр. 5, 12; 1Кор. 3, 2). От тех, которые только что призваны чрез веру и находятся еще в детском возрасте, и плод мал. И зная это, божественные ученики обращенным из язычников заповедуют остерегаться «от блуда, удавленины и крови» (Деян. 15, 20), хотя Христом даны были и гораздо большие Евангельские заповеди, причем добавляют, что делающие так хорошо поступят (Деян. 15, 29); ибо подлинно не должен быть обременяем очень тяжелыми правилами ум еще нежный и младенчествуемый. Но закон присовокупил также, что с шестидесятилетнего возраста и старше должно требовать с мужеского пола пятнадцать дидрахм, а с женского десять; потому что склонившееся уже к бессилию и недеятельности не

может иметь большего благоплодия, подобно тому, как, без сомнения, и устаревшие растения, вследствие того, что у них ветшает корень, являются медлительными к производству зрелых плодов. Итак, истинно правосудный и милосердый Бог приемлет плоды соответственно с расположением каждого и способностью ума, не отвергая бессильное и устаревшее и не удаляя его, как недейтельное, и не отпуская крепкое без награды, но как бы расширяя путь всякому желающему стяжать славу тем способом, каким он может. А о слабейших по состоянию, а также малосмысленных Он Сам озаботится, определяя каждому плодоношение по его силе. Это, думаю, и значит: «да станет пред жерцем, и да оценит его жрец: якоже может рука обещавшагося».

П. Как тонко это изъяснение!

К. Итак, Палладий, должно возносить Богу, как воню благоухания и как нечто должное, святолепное жительство и славу отличной жизни. Ты знаешь, конечно, что пишет один из святых мужей: «чти Господа от праведных твоих трудов, и начатки давай Ему от твоих плодов правды» (Притч. 3, 9). Древние думали чтить Бога принесением в жертву волов и ладана: потому что таков был путь жительства по закону. Мы же, во Христе чрез веру шествующие лучшею и превосходнейшею стезею, вознесем Богу поклонение в духе и истине, напрягая все усилия, чтобы иметь возможность мужественно совершать то, что должно, и чтить Бога духовными и священными приношениями: ибо должно, думаю, припомнить ясно говорящего чрез премудрого Моисея: "исходящая из уст твоих сохрани» (Втор. 23, 23), то есть что ты обещал, старайся как может скорее исполнить, потому что промедление в этом случае не есть дело безвредное; «Когда даешь, – сказано, – обет Богу, то не медли исполнить его... Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить» (Еккл. 5, 3–4).

П. Правда.

К. И конечно надлежащий предмет искусства исполнять обеты и исповедания может каждый узнать безошибочно не иначе, как только чрез закон; ибо написано, что «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118, 105). В самом

деле, разве не законом Божественным световодимся мы, и не тогда ли каждый идет прямым и безошибочным путем, когда имеет как бы светильником своим лучи, от него исходящие?

П. Как же иначе? Ибо и божественный Давид поет; «заповедь Господня света, просвещающая очи» (Пс.18, 9).

К. Но каким образом стяжаем мы славу, проводя жизнь доброхвальную и всечистую и, как светлый дар Богу принося Ему образцы высшей честности, об этом ты узнаешь, и весьма ясно и из других изречений заповедующего нам Бога. Именно в книге Чисел говорится так: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: если мужчина или женщина решится дать обет назорейства, чтобы посвятить себя в назореи Господу, то он должен воздержаться от вина и *крепкого* напитка, и не должен употреблять ни уксусу из вина, ни уксусу из напитка, и ничего приготовленного из винограда не должен пить, и не должен есть ни сырых, ни сушеных виноградных ягод; во все дни назорейства своего не должен он есть... ничего, что делается из винограда, от зерен до кожи. Во все дни обета назорейства его бритва не должна касаться головы его; до исполнения дней, на которые он посвятил себя в назореи Господу, свят он: должен растить волосы на голове своей. Во все дни, на которые он посвятил себя в назореи Господу, не должен он подходить к мертвому телу: *прикосновением* к отцу своему, и матери своей, и брату своему, и сестре своей, не должен он оскверняться, когда они умрут, потому что посвящение Богу его на главе его; во все дни назорейства своего свят он Господу. Если же умрет при нем кто-нибудь вдруг, нечаянно, и он осквернит тем голову назорейства своего: то он должен остричь голову свою в день очищения его, в седьмой день должен остричь ее, и в восьмой день должен принести двух горлиц, или двух молодых голубей, к священнику, ко входу скинии собрания; священник одну *из птиц* принесет в жертву за грех, а другую во всесожжение, и очистит его от осквернения мертвым телом, и освятит голову его в тот день; и должен он снова начать посвященные Господу дни назорейства своего и принести однолетнего агнца в жертву повинности;

прежние же дни пропали, потому что назорейство его осквернено» (Чис.6, 1–12).

П. Не легко прозреть в эти слова откровения, и совсем невозможно, если закон этот не будет подвергнут тонкому исследованию: потому что не брить волосы на голове, а отпускать их длинными и разбрасывать их, удаляться от вина, уксуса (оцта), от грозда сухого, а также и от виноградных зерен, – все это к какому виду служения Богу может относиться?

К. Поистине ни к какому, Палладий, если рассматривать это дело всецело само по себе, по его природе. Нельзя однако не удивляться цели закона, весьма искусно изменяющего эллинские обычаи на более приличные и кажущееся суетным превосходно прелагающего в образ жизни евангельской. Итак, если бы у кого была цель очиститься пред Богом по великому обету, то есть жить по образу высшего жительствова и идти прямою и непорочною стезею совершенной правды, тот должен далеко бежать от вина и сикера, то есть освобождать дух от всего, что имеет силу опьянять и помрачать его. Это суть, как я думаю, мирской помысл, земные похотения, плотские попечения, суетные развлечения. Некоторых из священников, подвергшихся сему, слово пророческое оплакивает в таких словах: «жрец и пророк шатаются от вина и сбиваются с пути от сикеры» (Ис.28, 7). Также и о других пророк говорит: «Ибо виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморрских; ягоды их ягоды ядовитые, грозды их горькие; вино их яд драконов и гибельная отравка аспидов» (Втор. 32, 32–33). Говорится и о некоторых других, что они «напаяют подруга своего развращением мутным» (Авв.2, 15). Так (закон) удерживает ум освященных от всего, что может опьянять. Говорит он очень ясно и о том, что не должно прикасаться к уксусу, называя уксусом, как думаю, противоестественные и извращенные удовольствия. Запрещает употреблять еще виноградные грозды сухие и зерна, не дозволяя нашему уму уклоняться даже, так сказать, к старым остаткам присущих нам влечений к удовольствиям. По этим-то, как я думаю, а не по иным причинам отвергается законом вино и все, что из него делается. Что же наконец может означать то, что должно было

отпускать длинные волосы для Бога, об этом мы скажем теперь, предварительно заметив вот что: неразумнейшие исчадия эллинские, следуя противоестественным своим обычаям и проводя жизнь бессловесных животных, отпускали волосы, основываясь на том, что выращивают их для своих божеств, но по временам обстригали их, одни – для горных нимф, другие – для речных, и это дело у них было одним из видов богослужения. Мудрый же Моисей, или лучше чрез Моисея премудрый и преискусных ху-дожник – Бог тоже самое установил в законе и для израильтян, которым трудно было очиститься от египетского заблуждения, – мало-помалу, посредством древних обычаев и образа жизни, как бы посредством образов и теней, переводя их к тому, чтобы воздавать почитание уже не демонам, но всех Богу. По сей-то причине Он установил и законы о жертвах и принимал, неохотно впрочем, кровавые жертвы. И Он ясно говорил устами Исаяи: "кто бо взыска сия из рук ваших?" (Ис.1, 12.) Итак, у эллинов был неразумнейший обычай, а закон научает лучшему, и даже то, что кажется суетным, разумно преобразует в доброе. Желаете ли, мы скажем и о каждом в отдельности, сколько возможно?

П. Весьма желаю.

К. Разве ты не знаешь, – припомню тебе прежде сказанное, – что Слово Божие полагало голову образом ума, как жилище ума? Ибо так именно приемлет богодухновенное Писание.

П. Согласен. Но что же из того?

К. То, что волосы суть как бы плоды головы и выходят из нее наподобие посаженных в землю ростков: равным образом и мысли, и все, что происходит из ума, суть плод ума; они возвращают нам закон и как бы служат приличными ему прекрасными и цветущими волосами. Посему нам должно иметь в себе ум не обнаженный и лишенный благих мыслей, но, так сказать, обильный растительностью и возвращающий для Бога, как волосы, точное ведение всего наилучшего, с помощью которого он может исследовать и самую Божественную красоту, – в чем она состоит, ясно усмотрит как бы сокровище в глубине и приобретет весьма правильные понятия, так что будет в

состоянии получить вполне безукоризненное знание о Боге и идти непогрешительною стезею, – говорю о стезе ко всему похвальному. Разве ты не скажешь, что таковой проникает как бы уже к вершине всякой похвалы?

П. И очень.

К. Что же? Разве обривание и снятие с головы обрезаемых до корня волос не наводит на мысль о бесчестии тех, с кем бы это случилось?

П. Согласен.

К. Ты знаешь, что говорит Бог матери иудеев, то есть Иерусалиму: «Сними с себя волосы, остригись, скорбя о нежно любимых сынах твоих; расширь из-за них лысину, как у линяющего орла, ибо они переселены будут от тебя» (Мих.1, 16); потому что острижение волос есть дело позорное и приносящее бесчестие и более всего приличествует сетующим.

П. Ты сказал правильно.

К. Так и ум как бы обнажен и весьма обещен, и исполнен позора, если не имеет в себе того, чем достигается уважение. Сюда относятся, и весьма справедливо, люди малосмысленные и имеющие превратное понятие о Боге, так что поклоняются камням и неразумно дерзают приносить почитание тва-ри, вместо Создателя и Творца, мыслят и говорят нечто совсем развращенное и, отвергая истинную и непорочную веру, устремляются напротив к тому, что можно пустословить только по неразумию, потому что не имеют ума, украшенного благими помыслами.

П. Превосходно ты сказал.

К. Итак, да будет ум наполнен правыми помыслами и изобретением мыслей, направленных ко всему похвальному, будучи как бы украшен волосами: ибо таковой ум в высшей степени мудр и способен к водворению в себе просвещения, получаемого во Христе верою. Человеку, проводящему столь прекрасную и отменную жизнь и отличающемуся таким умом, Божественное откровение предписывает удаляться от всего оскверняющего, устраняться от плотских дел и как можно дальше отбрасывать все, что ведет к омертвлению и тлению. На это самое, конечно, указывает нам заповедь о том, что не

должно подходить к умершим и оскверняться прикосновением к мертвецу; закон совершенно воспрещает это, поставляя угодное Богу выше уважения даже и к родителям: к отцу, говорит он, и к матери «да не внидет» (Чис.6, 6): потому что при упражнении в добродетели пусть удалена будет плотская любовь, и да будет выше и дороже родства по крови Бог. Это говорит и Сам Христос: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф.10, 37–38). А что Божие выше уважения к родителям, об этом научил нас и Сам Спаситель. Некто из вновь поступивших в число учеников Его приступил к Нему, говоря: «Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф.8, 21–22). Мертвыми, думаю, называет Он тех, которые хотят помышлять о мирском и не воздерживаются от дел мертвости.

П. Это так.

К. Вот образ жительствова всечистого и изрядного по закону, или лучше, в духе и истине; ибо закон есть сень. Но если случится, сказано, освященному оскверниться от мертвеца, то пусть "обриет" и лишит волос «главу свою», потому что волосы на голове у него уже тогда некоторым образом не священны. «И в восьмой день должен принести двух горлиц, или двух молодых голубей» (Чис.6, 10). «И принести, – также, сказано, – однолетнего агнца в жертву повинности; прежние же дни пропали, потому что назорейство его осквернено» (Чис.6, 12). То есть если бы случилось, что освященный пренебрег тем, что ему приличествует, и осквернился мертвенными делами, уклонившись к плотскому, то последствием этого будет лишение его украшений всечистого жительствова и как бы величайшее бесчестие на главе его: ибо на таковое нечто указывает острижение волос. Как напрасно потрудившийся в прошедшее время, он будет оплакивать потерю трудов своих. Это, я думаю, и означают слова: «дни прежний да не будут ему в число». Нечто подобное сказано и устами Иезекииля: «праведность

праведника не спасет в день преступления его, и беззаконник за беззаконие свое не падет в день обращения от беззакония своего, равно как и праведник в день согрешения своего не может остаться в живых за свою праведность» (Иез.33, 12). Итак, если бы случилось освященным среди своих подвигов оскверниться, то они потеряют то, что сделано ими прежде; впрочем эта потеря не непоправима. Они очищаются во Христе, Который, подобно горлице и голубю, приносит Самого Себя за нас Богу и Отцу, как агнец закалается и оправдывает нас смертью Плоти Своей. Поэтому-то и повелено потерпевшему острижение (волос) приносить жертвы во образ Христа, Который оправдывает нечестивого, укрепляет немощное, восстанавливает падшее, обращает заблуждающееся и омывает оскверненное.

П. Ты сказал превосходно.

К. Я думаю, что уделив немного внимания предмету нашего исследования, мы можем усмотреть и иную глубину тонких и сокровенных мыслей; ибо не без цели побуждает нас к сему закон, говоря о растящем свои волосы для Бога: «Если же умрет при нем кто-нибудь вдруг, нечаянно, и он осквернит тем голову назорейства своего: то он должен остричь голову свою в день очищения его, в седьмой день должен остричь ее, и в восьмой день должен принести двух горлиц, или двух молодых голубей, к священнику, ко входу скинии собрания; священник одну из птиц принесет в жертву за грех, а другую во всесожжение, и очистит его от осквернения мертвым телом, и освятит голову его в тот день» (Чис.6, 9–11). Повелевалось приносить также и единолетнего агнца.

П. Но по справедливости останется в недоумении изучающий Христианскую науку относительно того, что за смысл этого прикровенного места и к чему оно клонится. Изъясни это, так как я желаю научиться.

К. Я скажу тебе о сем, как могу. Ты же, в свою очередь, если я уклонюсь от (надлежащего) пути, будь снисходителен; ибо это место закона очень трудно и прикровенный смысл его неясен.

П. Согласен.

К. Так как голова тела, Палладий, служит для нас образом ума (ибо так принимается в Божественном и Священном Писании): то возникающие естественно из него и в нем мысли, которыми мы руководимся в познании о всем существующем, мы уподобляем волосам на голове; ибо они вырастают у нас из головы.

П. Это я запомню.

К. Следовательно и ум наш бывает, так сказать, не острижен и украшен волосами для Бога, когда полон благих мыслей. Наоборот, он обнажен и лишен волос и недугует бесчестнейшею плешью, если не имеет правых понятий о Боге и не обогатит себя превосходнейшим познанием о всем, что должно делать.

П. Правда. Это раскрываемо было нами и недавно.

К. Итак, прежде пришествия Спасителя призван был к богопознанию чрез Моисея Израиль. Поэтому он и освящаем был. Давал он Богу некоторым образом и обет чистоты: ибо, что он будет хранителем закона, это он открыто обещал на горе Хориве, говоря так: «все, что сказал Господь, сделаем» (Исх. 24, 3). Таким образом он имел ум, полный наставления в законе и как бы волосами, возвращаемыми для Бога, украшенный славою заповеди, данной чрез Моисея. Но они (израильтяне) осквернились над мертвецом; ибо убили Еммануила. И хотя смерть Христова была истинно свята, однако на убивших Его оставалось осквернение, – виновность в убийстве Господа. Посему закон и повелевает им, как бы волос какой, остричь это наставление в законе и едва не обриться, как прообразовательно совершалось это в седьмой день (Чис. 6, 9), то есть снять с головы то, что выросло до осмого дня, в который ожил (воскрес) Христос, обновляя нас в нетление и преобразуя для новой и евангельской жизни. Итак, обривши то, что выросло до осмого дня, он (Израиль) опять украшается волосами и освящает голову после осмого дня. И его ум украшается уже не образами и тенями, как прежде, но самыми догматами веры и истины. Или ты не думаешь, что оправданным в вере должно как бы снять с себя славу служения по закону и напротив возрастить и воспрять в ум и сердце ведение евангельского

жительства, как гораздо лучшее и превосходнейшее прежнего знания?

П. Каким образом ты утверждаешь это?

К. Разве не ясно и не открыто восклицает наученный в законе Павел, говоря об оной древней и подзаконной славе: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Флп.3, 7–9).

П. Это я знаю.

К. Порицает он также и других за то, что чтители обрезание по закону после явления таинства Христова: "остались, – говорит, – без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры» (Гал.5, 4–5). Говорит он еще и то, что древняя она заповедь стала бесполезною и несвободна от укоризны, и что вместо нее введена другая, то есть евангельская.

П. Правда.

К. Итак, указывает на недействительность наставления в законе загадочное повеление, чтобы давший обет Израиль стригся, как подвергшийся осквернению над мертвецом, то есть как повинный в преступлении убийства Господа, и чтобы посвящал Богу как бы другие волосы после осмого дня, то есть по воскресении, – разумею тщательное и утонченное образование и научение в Евангельских заповедях. Возвращающему волосы, по наступлении осмого дня, закон повелел приносить горлиц и голубей (Чис.6, 10), как бы и этим делая указание на очищающего оскверненных, то есть Христа; потому что обоими Он указывается: горлицею, как благогласнейший, и голубем, как кротчайший, между тем как закон и косноязычен, и не имеет кротости, ибо тотчас же налагает наказание на согрешающих. Вместе с птицами приносится также и агнец (Чис.6, 12), чтобы во всем разумеваем был Христос: в птицах, как сошедший свыше и с небеси, а в

агнце, как снизу и от земли; ибо "Слово, будучи Богом по естеству, стало плотию» (Ин. 1, 14). Но и при этом Оно было и есть Бог; Оно избавляет нас от сени законной и влагает в сердца всех ведение заповедей Его, и соделывает истинно святыми, очищая своею "кровию", по Писаниям (Рим. 5, 9).

П. Это так.

К. Если же, сказано хорошо исполнен будет обряд обета растящим волосы после осмого дня, тогда он совершен да будет. А каким образом это должно быть, о том Бог законополагает, говоря: «И вот закон о назорее, когда исполнятся дни назорейства его: должно привести его ко входу скинии собрания, и он принесет в жертву Господу одного однолетнего агнца без порока во всесожжение, и одну однолетнюю агницу без порока в жертву за грех, и одного овна без порока в жертву мирную, и корзину опресноков из пшеничной муки, хлебов, испеченных с елеем, и пресных лепешек, помазанных елеем, и при них хлебное приношение и возлияние; и представит сие священник пред Господа, и принесет жертву его за грех и всесожжение его; овна принесет в жертву мирную Господу с корзиною опресноков, также совершит священник хлебное приношение его и возлияние его; и острижет назорей у входа скинии собрания голову назорейства своего, и возьмет волосы головы назорейства своего, и положит на огонь, который под мирною жертвою; и возьмет священник сваренное плечо овна и один пресный пирог из корзины и одну пресную лепешку, и положит на руки назорею, после того, как острижет он голову назорейства своего; и вознесет сие священник, потрясая пред Господом: эта святыня – для священника, сверх груди потрясения и сверх плеча возношения. После сего назорей может пить вино. Вот закон о назорее, который дал обет, и жертва его Господу за назорейство свое, кроме того, что позволит ему достаток его; по обету своему, какой он даст, так и должен он делать, сверх узаконенного о назорействе его» (Чис.6, 13–21). Отложив как бы какое бремя, грубую оболочку Моисеева письмени и освободив ум, как бы от некоторых длинных и весьма густых волос, – от служения в образе и сени, обязавшийся Богу обетом чистоты, имея как бы вновь выросшие

волосы, — истинно чистым творящее ведение и наставление в данных Христом заповедях, будет свят и священен, а сверх того и достоприсятен. Вознесет же он себя самого в воню благоухания Богу и посвятит Ему как бы приятную жертву, славную и безукоризненную красоту своего жительства: ибо «да приведет, — сказано, — дар свой, агнца единоголетна во всесожжение и еще агницу... греха ради, а также и овна для жертвы спасение, и кош опресноков, пропитанных елеем, и опресноки помазаны елеем». Под агнцем справедливо разуместь можно младенчество во Христе приносящего жертву, а под овном — совершенство ума, равно как и плодоношения; ибо сказано: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1Кор. 14, 20). В середине же этих жертв полагается агница «греха ради», — в чем опять нам легко усмотреть, что и жизнь людей очень чистых, проводящих ее в простоте и незлобии, во Христе разумеваемом, и совершенным по здравости ума, не всецело непорочна, а во всяком случае нуждается в очищении. Всецелой безукоризненности не может стяжать никто, и только Еммануилу предоставлено и присвоено, как Ему принадлежащее, право сказать: «ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин. 14, 30). Итак, в агнце, агнице и овне всякий может усмотреть то, что я сказал: в хлебах же не заквашенных указывается бесхитростная и чистая жизнь, ибо и премудрый Павел пишет к освященным: «очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1Кор. 5, 7). А в опресноках указывается приятность и как бы сладость жизни святых. Таким образом мы самих себя принесем в жертву, как бы в агнице, по причине младенчества во Христе; в агнице же, — вследствие немощи естества и удобопреклонности к прегрешению — потому что женский пол есть образ немощи. В овне, далее, мы принесем себя, как совершенные, достигшие в меру возраста Христова; в бесквасных хлебах, как чистые; в опресноках же, как приятные, но только будучи помилованы Христом; ибо мы оправданы "не от дел праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей» великой милости"(Тит. 3, 5). По этой-то причине весьма благоразумно был возливаем на хлебы

елей. Священник же, далее является посредником и приносит прежде всего жертву за грех, потом – всесожжение, и в-третьих – овна в жертву спасения; ибо так как Христос является за нас ходатаем и приводит нас к Богу и Отцу, то мы будем приняты, принося моления за свои согрешения и испрашивая оставление прежних преступлений. Затем мы мысленно приносимся во всесожжение, то есть мы будем вполне и всецело святы и священны и вознесем себя Богу в воню благоухания, не разделяясь между Ним и тем, что в мире; ибо всесожигаемое все истребляемо было огнем. Вознесем также и благодарение за свое спасение и за жизнь, не тленными и земными вещами чувствуя Бога, но как достоприемлемый дар принося Ему чистую и бесквасную, приятную и святую жизнь; ибо такова некоторым образом жизнь святых. По принесении же священником жертвы по закону, "и возьмет, – сказано, – волосы головы назорейства своего, и положит на огонь» (Чис.6,18).

П. А это что значит, по твоему мнению?

К. Исполнение обета и как бы предел обещанного; ибо уже не как оскверненный над мертвецом остригал обещанные и оскверненные волосы, так и здесь мы должны принимать видстрижения; но уже как совершенный во Христе и возраставший другие волосы после осмого дня, он образно посвящает Богу обещанное. Знамением же того, что дароприношение принято Богом, служит истребление волос огнем: ибо вид огня всегда приписывает естеству Божественному Священное Писание. Так и божественный Моисей сказал: «Бог наш огонь потребляли есть» (Евр. 12, 29; ср. Втор. 4, 23), уподобляя, как я думаю, огню всемогущество Божественного и чистого естества. Обрати внимание также и на то, что при дверях скинии происходило оное совершенное стрижение, то есть конец всякой нашей праведности и чистоты; ибо каким образом одна наша собственная чистота и праведность могла бы ввести нас во Святое Святых, когда совершенной неповинности и непогрешительности она не имеет? «Кто рождается чистым от нечистого? Ни один» (Иов 14, 4). Вводит же (туда) Христос, непамятозлобно освобождающий и избавляющий нас от всякого греха: потому что он «предтечею за нас вошел» (Евр.6, 20), не

Себе, конечно, облегчая туда доступ, но тем, которые были "вне врат" (ср. Евр.13, 12) и как бы у самого порога святой скинии.

П. Это правда.

К. О нем говорится, что Он «открыл нам... путем новым и живым» (Евр.10, 19–20). По острижении пришедшего к самим дверям святой скинии, а равно и по истреблении волос огнем, "и возьмет, – сказано, – священник сваренное плечо овна и один пресный пирог из корзины и одну пресную лепешку, и положит на руки назорею», и опять взяв, «и вознесет, – сказано, – сие священник, потрясая пред Господом: эта святыня – для священника», как и грудина "участия" (Чис.6, 19–20).

П. Так что же этим хочет обозначить закон?

К. В богодухновенном Писании мышца всегда представляется образом крепости или дел, в крепости совершаемых, а бесквасный хлеб – образом святой и чистой жизни; опреснок же намащенный елеем и заготовленный в виде лепешки представляет в себе образ приятности и удовольствия. Лицо посредствующего жреца всякий и весьма справедливо может приложить к Еммануилу. Итак, достигший высшей святости и принесший всечистому Богу в славный дар дела крепости, очевидно духовной, под образом плеча овна, и непорочную жизнь, представляемую под образом бесквасного хлеба, а также и удовольствие и приятность жизни в освящении, под образом опресноков, как бы на собственные руки возлагая все это, возносит Богу чрез Ходатая Христа, Который как бы с рук на руки приемлет дароприношения, награждая истинного поклонника Своего высшими почестями, в особенности же этим самым. Посему и сказано, что исполняющий столь святой и всечистый обет, возложив на собственные руки, передает жрецу возложение и избранную и выделенную ему часть, как например грудину овна, согласно определению законодателя. И как мышца означает, говорим, дела, произведенные крепостью, или самую крепость, так грудина овна – чувство и ум: ибо чувство мы имеем в сердце и груди, и Божественное Писание часто безразлично выражается, иногда голову представляя образом ума, а иногда грудь делая указанием на чувство. Итак, священные и избранные, как бы с рук на руки передаваемые и

ради Христа благоприятные Богу и Отцу дары суть духовная крепость очищаемых, а также и чувство их. Да если сказать правду, то не иначе святые могли бы и совершать угодное Богу, как только посредством крепости духовной, а также и посредством доброго чувства.

П. Ты хорошо сказал.

К. А вареным закон повелел брать плечо для того, чтобы от крепости святых удалить как бы все грубое и несоответствующее надлежащему: потому что посвященные Богу не должны быть резкими и иметь дух несдержанный, но должны стараться тихо, мягко и весьма ловко совершать то, что относится к добродетели. Только в том случае, а не иначе дела святых будут приятны и как бы вкусны Богу, если они не будут иметь в себе ничего грубого и несносного. Ты знаешь, конечно, что спасение живущих в чистоте Христос называет как бы собственною пищею, говоря святым ученикам: «у Меня есть пища, которой вы не знаете» (Ин. 4, 32). Припомни также, что Бог, когда повелел закалать агнца во образ Христа, то присоединил к этому еще таковое постановление: «не ешьте от него недопеченного, или сваренного в воде, но ешьте испеченное на огне» (Исх. 12, 9), называя суровым (сырым), как я думаю, неприемлемое и, так сказать, не легко сваримое. Поэтому-то и сказано, что должно быть взимاءемо «сваренное плечо овна» (Чис. 6, 19), чрез что означаеться, что не вареное неприятно, несъедобно, а потому и не приемлеться.

П. Как тонко и правдиво это изъяснение!

К. Итак, должно исполнять обеты Богу, и кто что обещал, тот пусть исполнит, нимало не медля, потому что не исполнять этого скоро весьма страшно и опасно, как я думаю и как утверждает и само Священное Писание. Ибо если мы, правильно мысля, считаем весьма непристойным подвергнуться обвинению в лжеречивости, то как же не постыдно было бы исповедать что-либо и обещать пред Богом, и после того солгать в этом обещании? Посему всякого, давшего обет и замедлившего его исполнением, а также и совсем уклоняющихся от исполнения, закон обвиняет в грехе; но он освобождает от вины тех, которые совершенно ничего не имеют

собственного, но как бы связаны необходимыми узами и живут под властью другого. Написано же так в книге Чисел: «И сказал Моисей начальникам колен сынов Израилевых, говоря: вот что повелел Господь: если кто даст обет Господу, или поклянется клятвою, положив зарок на душу свою, то он не должен нарушать слова своего, но должен исполнить все, что вышло из уст его. Если женщина даст обет Господу и положит на себя зарок в доме отца своего, в юности своей, и услышит отец обет ее и зарок, который она положила на душу свою, и промолчит о том отец ее, то все обеты ее состоятся, и всякий зарок ее, который она положила на душу свою, состоится; если же отец ее, услышав, запретит ей, то все обеты ее и зарок, которые она возложила на душу свою, не состоятся, и Господь простит ей, потому что запретил ей отец ее» (Чис.30, 2–6). Но если бы это была, сказано, и жена, сочетававшаяся с мужем по закону, то пусть имеет силу тот же закон (Чис.30, 7–9). Относительно вдовицы и пущеницы поставляет особые определения и весьма мудро говорит, что обещания их должны быть непременно исполнены, причем всюду подвергает вине свободных и находящихся вне уз (брачных), если не захотят исполнить обещанного; но по справедливости разрешает тех, которые не в таком состоянии находятся, бесправны и подчинены другим. В таком случае на господствующих, то есть на отца и мужа, выразивших согласие и как бы одобрение на обеты тех, которые находятся под их управлением и властью, взводит обвинение в нечестии, если они не захотят исполнить обещанного. А если те не соглашаются, то определяет разрешение от грехов, потому что посвящаемое Богу должно быть плодом свободного произволения, а не принуждения (Чис.30, 10–17).

Книга 17. О святых праздниках

Относительно чистоты дающих обет, а также и священников, удовольствуемся сказанным. Но, думаю, должно наконец присоединить рассуждение и о том, какая будет от Бога награда за труды и чем занимаясь подъявшие их приобретут высшие почести и сделаются причастниками вечного упования.

Палладий. Ты говоришь правильно.

Кирилл. Без сомнения, Палладий, тем, которые проводили славную и превосходную жизнь и достигли такой степени светлого жития, что заслуживают наилучшего мнения о них, прилично наслаждаться продолжительным благоденствием, в праздновании и духовном веселии, имея вождем торжества Еммануила и покаясь на твердом уповании.

П. Конечно, прилично, и слово твоё истинно.

К. Так не хочешь ли, мы исследуем совершавшиеся во образ и по закону праздники и изъясним обряды жертв, которые были приносимы во время их, возводя, сколько возможно, к истине силу смысла, в них заключающегося?

П. Хотел бы; как не хотеть?

К. Итак, поскольку ты находишь, что я мыслю верно и прекрасно, считая приличным рассудить и об этом предмете, то изволь, прежде всего другого мы исследуем то, когда и по каким случаям Священное Писание предписало нам совершать праздники, ибо таким образом беседа наша пойдет прямым путем к надлежащему и сверх того не худо избегнет того, чтобы казаться не искусно веденною.

П. Так приступай к тому, что тебе угодно; потому что ты принесешь этим великую пользу.

К. Однажды, когда израильтяне собраны были в пустыне при горе Хориве, Бог всяческих постановил закон, определяющий, что нам должно делать, даровав весьма многие и полезные заповеди, наконец присовокупил: «трикратны в лете сотворите Ми праздник». А какие это должны быть времена, Он изъяснил также, сказавши тотчас: «Три раза в году празднуй Мне: наблюдай праздник опресноков: семь дней ешь пресный

хлеб, как Я повелел тебе, в назначенное время месяца Авива, ибо в оном ты вышел из Египта; и пусть не являются пред лице Мое с пустыми *руками*; *наблюдай* и праздник жатвы первых плодов труда твоего, какие ты сеял на поле, и праздник собирания плодов в конце года, когда уберешь с поля работу твою. Три раза в году должен являться весь мужеский пол твой пред лице Владыки, Господа» (Исх. 23, 14–17). Итак, что праздники во славу Божию должны совершать в особенности люди мужающиеся, а не падшие духом, имеющие ум слабый и склонный всегда к плотским и мирским удовольствиям, это Он показал, когда изрек: «три кратно в лето да явится всяк мужеск пол пред Господом Богом твоим»: ибо мужеский пол достоин воззрения свыше от Бога в том смысле, как уже было прежде сказано. Но с пользою Он узаконил и то, что надобно совершать святые праздники; потому что должно, поистине должно было людям, приступающим к началу правильного детоводства и уже как бы возлагающим на себя Божественное иго, весьма ясно показать конец согласного с законом жития, то есть что оно во всяком случае и непременно завершится удовольствиями и радостями, очевидно духовными. Посему-то Он, провозвестив закон, мудро отвергнув причиняющее вред, а наоборот, одоблив служащее к пользе и предложив путь угодного Ему жития, дал уразуметь и то, что труд их будет некогда иметь конец в удовольствиях. Итак, первый праздник был в новом (первом) месяце; второй и как бы соседственный с ним – праздник начатков жатвы; третий и последний при исходе лета, по собрании нами плодов, в седьмом месяце года. Разве не так сказано в Священном Писании?

П. Совершенно так.

К. Итак, необходимо показать ясно свойственное каждому времени и, сколько возможно, уразуметь, как и по каким причинам должно праздновать оное. Милосердый Бог повелел в то время сынам Израилевым выйти из земли Египетской и свергнуть с себя иго несносного рабства, и направить путь в землю обетования. Но Божественным определением воспротивился фараон; он дерзко возгласил против неизреченной славы, говоря: «я не знаю Господа» (Исх. 5, 2) и

многократно утверждал, что не отпустит сынов Израилевых (Исх. 5:2, 7:13–14, 22, 8:15, 32 и др.). И вот он поражаем был многими и одна за другою следовавшими казнями. Но поскольку он был все еще жесток и сохранял в своем сердце несокрушимое упорство против Бога, то Бог послал губителя на первенцев египетских, и Имеющий власть над всем судил им всем умереть в одну ночь. Но он заранее позаботился о том, чтобы племена Иудейские не потерпели зла, и чтобы они были как можно далее от руки и гнева истребителя. А этого не иначе можно было достигнуть кому-либо, как только чрез Христа, Который есть "живот" (Ин. 14, 6) и животворящий, как происшедший от живота по естеству, то есть от Отца (Ин. 5, 26). И вот закон предызображал это Христово таинство, так говоря: «И сказал Господь Моисею и Аарону в земле Египетской, говоря: *месяц сей да будет у вас началом месяцев, первым да будет он у вас между месяцами года. Скажите всему обществу... Израилевых: в десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство; а если семейство так мало, что не съест агнца, то пусть возьмет с соседом своим, ближайшим к дому своему, по числу душ: по той мере, сколько каждый съест, расчислитесь на агнца. Агнец у вас должен быть без порока, мужеского пола, однолетний; возьмите его от овец, или от коз, и пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером, и пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его; пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими *травами* пусть съедят его; не ешьте от него недопеченного, или сваренного в воде, но ешьте испеченное на огне, голову с ногами и внутренностями; не оставляйте от него до утра...; но оставшееся от него до утра сожгите на огне. Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью: это-Пасха Господня. А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми*

богами Египетскими произведу суд. Я Господь. И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую. И да будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во [все] роды ваши; как установление вечное празднуйте его. Семь дней ешьте пресный хлеб; с самого первого дня уничтожьте квасное в домах ваших, ибо кто будет есть квасное с первого дня до седьмого дня, душа та истреблена будет из среды Израиля. И в первый день да будет у вас священное собрание, и в седьмой день священное собрание: никакой работы не должно делать в них; только что есть каждому, одно то можно делать вам» (Исх. 12, 1–16). Так хочешь ли, чтобы мы, пройдя все это слегка и кратко, сказали, что нужно? Ибо этим мы дадим мудрым "вину" и приведем дело в известность для праведных, как написано (Притч. 9, 9); а они прибавят от себя и станут гораздо лучшими.

П. И весьма хочу.

К. Итак, в начале года и в первом месяце является таинство Христово; потому что для нас служит новым веком время пришествия Спасителя нашего, изменившее все к лучшему, а обветшающее и стареющееся, и близкое к исчезновению пременяющее в обновление твари; ибо что во "Христе, то новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2Кор. 5, 17). И мы не живем уже более в духе Моисеевом, но приведены к евангельской жизни, так как Христос обновляет нас Духом.

П. Ты сказал правильно.

К. Каждый берет овцу и приглашенные для вкушения от нее собираются по несколько человек в один дом; ибо и мы, будучи как бы разделены поодиночке со стороны естественного существования, сошлись во Христе в духовное единство, так как душа в нас одна и сердце одно. В жертву же приносится или овца, или "от козлищ"; овца – по причине ее беспримерной кротости и незлобия и сверх сего – плодovitости: ибо «как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен,» (Ис. 53, 7). Агнец – потому, что заклан за нас и предан был за грехи наши, по Писаниям (2Кор. 5, 7; 1Пет. 3, 18;

1Ин. 2, 2). Козел же есть жертва за грехи, по закону. Овча должно «быть совершенном мужеск пол». Совершенство означает или свободу от всякого порока, крепость и здоровье (ибо Христос беспорочен и чужд всякой страсти), или же действительное совершенство, потому что Еммануил всесовершен, имея в Себе Самом и по естеству то, чрез что Он есть Бог. Мужеский же пол означает, что Он есть вождь всех; потому что мужеский пол занимает всегда главенствующее положение, а женский повсюду стоит на втором месте. И берется овца от десятого дня месяца, а приносится в жертву к вечеру в четырнадцатый день: ибо таинство Христово не есть новопоявившееся и не тогда только в первый раз стало известно, когда иудеям казалось опьянением (Деян. 2, 13). Но знание о Христе было гораздо древнее страдания, так как о Нем предвозвещали святые люди, и вопиял закон, и так как Священное Писание предызображало нам Его таинство. Итак, мы хранили у себя тогда как бы в предведении еще не пожренного Агнца; но нам не было безызвестно, что Он заклан будет к вечеру: ибо смерть Христова совершилась в последние времена века, при самом уже как бы закате проходящего времени. Закалается же всем обществом; ибо Он умер за всех, чтобы они, приводя агнца на закалание ради своего спасения, знали, что «куплены... ценою» и не суть "свои" (1Кор. 6, 19–20), но что один «за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего» (2Кор. 5, 15). Так как Он предан был за наши прегрешения, то и говорится, что Он умер ради нас. Посему и мы являемся закалающими Его; ибо те, ради которых Он неизбежно умер, очевидно суть почти совершители Его страдания, хотя бы исполнение принадлежало другим. А что кропление крови спасает помазанных, это Он тотчас показал, повелев помазать кровию входы домов, – разумею косяки и пороги дверей: ибо Христово таинство как бы заграждает и делает неприступным для смерти вход. Итак, несомненно, что и мы, помазанные честною кровию, будем победителями смерти, будем презирать тление, ни во что вменяя истребителя; потому что избавляет нас кровь жизни, то есть Кровь Христова. Говорится также, что мясо агнца должно

съесть в одну ночь; ибо поистине одно есть время спасительного страдания, и однажды умерший «ктому уже не умирает», как написано, «смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога» (Рим. 6, 9–10). Мясо съедалось печеное, с пресными хлебами и горькими травами. При этом печение указывает как бы на совершение Еммануила чрез страдания: "надлежало, – сказано, – чтобы Тот, для Которого все и от Которого все...спасения их совершил через страдания « (Евр. 2, 10). А что оно снедалось с пресными хлебами и горькими травами, это таинственно знаменует, что и мы, которым для причастия предлагается Христос, должны удалиться от мысленной закваски, то есть от злобы и лукавства, а напротив, с величайшею охотою претерпевать страдания ради любви к Нему и переносить горькие труды, или во след Тому, Кто ради нас пошел на смерть; ибо к сему побуждая нас, Он говорит: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего» (Мф. 10, 24). «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15, 20). «Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?» (Мф. 10, 25). Кроме того закон воспрещает есть мясо сырым или сваренным в воде, хотя, я думаю, не стал бы есть его сырым, если бы закон и не запретил этого. Итак, он этим таинственно указывает то, что Христово таинство не имеет в себе ни неудобоприемлемости, зависящей от изобилия вымыслов, ни водянистости и разжиженности; тогда как знаменитые эллинские поэты и писатели, и мудрецы в деле словесности, описывая тайные празднества (оргии) в честь своих богов, бесстыдно лгут и предлагают умам людей сказания как бы сырые и неудобоприемлемые, содержащие в себе много водянистого. Так они рассказывают о прелюбодеяниях, о плотской любви к распутным женщинам, о детораствлениях, об отсечении детородных членов, о превращении девиц в деревья, и кроме того, другие басни постыдные и безобразные, измышленные ими. А все то, что во Христе, есть истинно, удобоприемлемо и съедобно для ума, и ничего не заключает в себе рыхлого или водянистого. Оно приводит желающих понять к благопристойности, а не располагает к чувственным

удовольствиям и плотоугодию, как то несомненно делает пустые и старушечьи басни эллинские. Понимаешь ли ясно то, что я говорю?

П. Совершенно ясно понимаю.

К. А что тому, кто соделался причастником Христа чрез причащение святой Его Плоти и Крови, должно иметь и ум Его и стараться идти путем Его деяний, с ясным разумением того, что заключается в Нем, это Он показал немедленно, говоря, что должна быть снедаема голова с ногами и внутренностями: ибо не говорили ли мы, что голова есть образ ума, а ноги повсюду указывают как бы на шествие путем дел? Внутренности же приносимых в жертву животных не указывают ли на нечто внутреннее и сокровенное?

П. Казалось бы, так разуметь правильно. Впрочем объясни мне то, что значит ум Христов, что это за шествие, а также и сокровенное.

К. Ум Христов означает то, чтобы мыслить единственно только о том, что имеет в виду славу Бога и Отца, и желать исполнения того, что угодно Родителю: «ибо Я сошел с небес, – говорит Христос, – не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин. 6, 38). И божественные ученики, восхотевшие мыслить и исполнять это, ясно говорили: «мы имеем ум Христов» (1Кор. 2, 16). А также они учили говорить и в молитвах: «Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое: да придет Царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли» (Мф. 6, 9–10). Видишь ли, что те, которые соделались сообразными и единомысленными Христу, ясно утверждают, что имеют и ум Его? Это, думаю, значит, что снедаема была голова агнца. Шествие же Христово состоит в том, что Он мужественно и неустрашимо претерпел смерть, чтобы, как говорит Павел, «грешников спасти» (1Тим. 1, 15). Следует также и нам быть вполне готовыми к этому и за братьев с готовностью жертвовать даже жизнью телесною. Так и один из святых учеников сказал: «Христос пострадал за нас плотию, то и вы за Него вооружитесь тою же мыслью» (1Пет. 4, 1). Павел же упрекает некоторых, говоря так: «что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но

готов умереть в Иерусалиме за имя Господа» нашего Иисуса Христа (Деян.21,13). И Сам Христос, заповедуя следовать стопам Его, говорит: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф.10,38). Свято и во всех других отношениях и простирается на всякую добродетель шествие Христово и путь Его. Под внутренностями же разумеи сокровенное в Нем в тайне Слово. Ибо будучи Богом по естеству и явившись от Бога, Единородный «стало плотию, и обитало с нами» (Ин.1,14) и пребывая "образом и подобием Родителя, Себе умалил до истощания и приняв образ раба» (Флп.2,6–7). Итак, восприимем в свои души не одно только человеческое и совне видимое в естестве Еммануила, но и самыми внутренностями Его, то есть сокровенными Его таинствами наполняя ум, мы будем иметь хорошее духовное питание. Съесть всего агнца, сказал Бог, должно в эту одну ночь, чтобы совсем ничего не было от него оставлено и сохранено до утра; и кости его сокрушать не дозволял. Первое предписание означает, что в веке грядущем некоторым иным образом освятит и благословит Христос посвящающих себя Ему чрез веру и освящение и не будет опять питать собственной Своею Плотию и животворить Своею Кровию, как ныне; но так как смерть уже упразднится и тление совсем уничтожится, то будет некоторый мысленный образ освящения. Итак, утро, думаю, может означать не другое что, как век грядущий. Второе же предписание, – разумею запрещение сокрушать кости, – приводит нас к мысли о Христе и убеждает следовать глаголам боговещателей: ибо божественный Евангелист, принимая то изречение в телесном смысле о Христе, говорит: воины «не перебили у Него голеней... ..да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится от Него» (Ин.19,33,36; Исх.12,46). Едят же агнца, препоясавши чресла, обувши ноги и имея в руках посохи, и, просто сказать, приняв вид отправляющихся в путешествие; и это весьма правильно; потому что будучи как бы вполне приготовленными к мысленному переселению, поспешая, так сказать, уйти от развлечений мира сего и охотно стремясь перейти ко всему наилучшему, мы свято и чисто причастимся Христа; при этом мы не привыкаем иметь пребывание среди

вещей привременных, но мужественно переходим к твердому и постоянному и, удаляясь от плотских нечистот, приступаем к красоте духовной, памятуя слова Христа: «встаньте, пойдем отсюда» (Ин. 14, 31). Посему-то едущие агнца во образ Христа и облакаются видом приличным тому, кто отправляется в путь. Агнца есть должно было с поспешностью; потому что он есть Пасха Господня, то есть прехождение, или жертва за прехождение; подобно этому, когда настало время, в которое нам необходимо перейти от мирского непотребства к усердному деланию того, что угодно Богу, тогда не делать этого со всею поспешностью, а напротив как бы промедлять и уклоняться, все еще прилепляясь к прежнему злу, разве не было бы делом самым опасным? Так и божественный Павел говорит: «бегите, чтобы получить» (1Кор. 9, 24). Итак, нам должно идти к причащению Христа чрез веру, поправ всякую медлительность и не допуская никакой остановки, но с великою поспешностью: ибо таким образом мы перейдем от грехов к оправданию, от смерти к жизни, и сняв с себя позор рабства, обогатимся преславною благодатию сыноположения.

П. Ты сказал превосходно.

К. Когда все это будет с точностью наблюдено и, согласно определению Законодателя, приведено к концу, тогда, говорит Он, Я пройду и как бы обойду кругом всю землю Египетскую и погублю первенцев, и также произведу отмщение среди богов египетских, то есть на всякого у них высокого и превознесенного и ради славы своей едва не поставленного в числе поклоняемых наведу наказание за столь ожесточенное и неумеренное расположение его и за столь великую надменность. Сынам же Израилевым обещал оказать покровительство, если у них помазаны будут кровью пороги, – что наименовал и знамением близости их к Нему, "и увижу, – говорит, – кровь и пройду мимо вас» (Исх. 12, 13). Когда Бог наводит свой гнев и негодование «на всякого высокого и величавого», по слову пророка (Ис. 2, 12), и осуждает на смерть распутного и преступного, и непрестанно пренебрегающего богопочтением, тогда избегают осуждения и непричастными наказанию являются одни только запечатленные славною

печатню и окропленные Кровию Христа, ибо ты знаешь, что Он говорит: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь. А не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 5:24, 6:54, 3:36). Итак, освященные чрез причастие Христа, очевидно таинственное, и помазанные святою Кровию являются и причастниками вечной жизни, и Богу и Отцу друзьями и знаемыми, и победителями смерти. Весьма хорошо говорит Он, что должны стараться нескончаемо исполнять этот закон: так как мы никогда не перестанем праздновать во Христе, изгоняя закваску из собственных пределов, то есть из всякой страны; где бы мы ни имели пребывание. Ибо те, которые призваны верою к оправданию чрез Христа, духовно празднуя, должны делать это не «в квасе злобы и лукавства, а напротив, очищая ветхий квас, изменяться к лучшему и уже являться как бы новым смешением» (1Кор. 5, 7–8), со всем родом и домом, и теми, которые живут во всей той стране, чрез что означается некоторое великое и бесчисленное святое общество людей, принявших веру. Сказал также, что первый день седмицы должен быть назван святым, а также и седьмой – «нарочит свят». Этим, я думаю, закон показывает, что начальное время жизни человека было свято, в праотце рода человеческого – Адаме, еще не нарушившем заповеди и не пренебрегшим Божественными повелениями. Но свято также, и гораздо более того, последнее время жизни – во Христе, Который есть второй Адам, преобразующий род наш из того состояния, которое наступило в середине, в обновление жизни Духом. Повелевает также, чтобы они непременно субботствовали в день седьмой, удаляясь от всякого дела: ибо приличествует, и весьма справедливо, вошедшим чрез веру в покой Христов удерживаться впредь от всякого плотского дела, от земных попечений и суетного круговорота, а напротив стараться исполнять одно лишь то, что ведет к жизни неповрежденной и что делает нас достопочтенными и святыми, потому что премудрый Павел так нам пишет: «кто вошел в покой Его,

очевидно – Христа, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих» (Евр.4, 10).

П. Правда.

К. Так изрекло нам Божественное провещание. А божественный Моисей, изъясняя сынам Израилевым повеленное, сказал: «выберите и возьмите себе агнцев по семействам вашим и заколите пасху; и возьмите пучок иссопа, и обмочите в кровь, которая в сосуде, и помажьте перекладину и оба косяка дверей кровью, которая в сосуде; а вы никто не выходите за двери дома своего до утра. И пойдет Господь поражать Египет, и увидит кровь на перекладине и на обоих косяках, и пройдет Господь мимо дверей, и не попустит губителю войти в дома ваши для поражения» (Исх. 12, 21–23). Что агнец берется по домам отечеств, или по сродством, это указывает, думаю, на тождество по духовному родству в вере и единомыслии: ибо мы будем праздновать не с теми, которые возымели пустые мысли, и будем иметь общение в святой и животворящей жертве не с теми, которые привыкли мыслить что-либо другое, кроме правого и истинного, но с единомысленными нам и братьями по единству духа и тождеству веры. С кровию агнца предусмотрительно соединяется иссоп. Какой может быть смысл и этого обстоятельства, о том я скажу кратко. Иссоп, Палладий, говорят, есть трава, которую врачи высоко ценят потому, что она, в силу присущей ей естественной теплоты, имеет достаточную способность сильно истреблять нечистоту, находящуюся во внутренностях, и очень разжижать сгущение мокрот. Итак, с иссопом, как я недавно сказал, соединяется кровь: этот образ косвенно показывает нам, что честная Кровь Христова избавляет нас не только от гибели, но и от всякой нечистоты, сокрытой внутри нас, и не допускает нас охлаждаться до равнодушия, но наоборот делает нас горящими духом. А что необходимо и полезно, чтобы однажды удостоившиеся причаститься Христа старались твердо и неуклонно держаться святой жизни, на это опять указывает закон, когда снедавшим агнца повелевает сидеть внутри дверей, чтобы, вышедши из домов, не погибнуть вместе с

египтянами: ибо нельзя сомневаться, что всякий, кто бы ни принадлежал к числу священных, имея добродетель как бы некоторым домом, если каким-либо образом выйдет из состояния освящения, – погибнет вместе с другими и вместе с ними будет подлежать наказаниям, которые наведены будут на людей, страдающих распутною и неисцелимо дурною жизнью. Поэтому и божественный Псалмопевец говорит: «Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей. Не погуби души моей с грешниками и жизни моей с кровожадными, у которых в руках злодейство» (Пс.25, 8–10). Обрати внимание еще на то, что закон говорит: «да не изыдите из дверей дому вашего до заутриа»: ибо ночи Священное Писание уподобляет настоящий век; днем же, наоборот, будет ожидаемый век будущий. Так и блаженный Павел, взирая на век настоящий как достигающий уже конца, а на век будущий как приближающийся и едва не находящийся уже при дверях, провозглашал, говоря: «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно» (Рим. 13, 12–13). Итак, выражение: «до заутриа» может означать: до конца всей жизни, то есть доколе появится будущее время. Каким же образом это может случиться с нами? При конце жизни каждого едва не наступает и век будущий, если истинно то, что подвергшийся смерти освободился от греха (Рим. 6, 7), «затвори бо Бог» для него, согласно написанному (Рим. 11, 32), и он соблюдается для судилища Христова, так что каким он окажется застигнутый собственной кончиною, таким предстанет и на суд.

П. Понимаю, что говоришь, и твое объяснение очень хорошо.

К. Так сеннописуемо было древним таинство Христово в то время, когда приносим был в жертву агнец, по образу которого и Сам Еммануил истинно претерпел заклание ради жизни всех. Так и божественный Павел пишет, что «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1Кор. 5, 7). Но Божественное откровение указывает нам, что должно и во второй месяц совершать эту жертву и исполнять обряд праздника, если какое-либо из необходимых препятствий случайно помешает и отвлечет от

возможности исполнить Божественное постановление в первый месяц. Хочешь ли, мы предложим слова этого самого Божественного откровения и скажем, что следует, по поводу его.

П. Конечно, хочу.

К. В книге Чисел написано: «И сказал Господь Моисею в пустыне Синайской во второй год по исшествии их из земли Египетской, в первый месяц, говоря: пусть сыны Израилевы совершат Пасху в назначенное для нее время: в четырнадцатый день сего месяца вечером совершите ее в назначенное для нее время, по всем постановлениям и по всем обрядам ее совершите ее. И сказал Моисей сынам Израилевым, чтобы совершили Пасху. И совершили они Пасху в первый *месяц*, в четырнадцатый день месяца вечером, в пустыне Синайской: во всем, как повелел Господь Моисею, так и поступили сыны Израилевы. Были люди, которые были нечисты от *прикосновения* к мертвым телам человеческим, и не могли совершить Пасхи в тот день; и пришли они к Моисею и Аарону в тот день, и сказали ему те люди: мы нечисты от *прикосновения* к мертвым телам человеческим; для чего нас лишать того, чтобы мы принесли приношение Господу в назначенное время среди сынов Израилевых? И сказал им Моисей: постойте, я послушаю, что повелит о вас Господь. И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если кто из вас или из потомков ваших будет нечист от *прикосновения* к мертвому телу, или будет в дальней дороге, то и он должен совершить Пасху Господню; в четырнадцатый день второго месяца вечером пусть таковые совершат ее и с опресноками и горькими травами пусть едят ее; и пусть не оставляют от нее до утра и костей ее не сокрушают; пусть совершат ее по всем уставам о Пасхе; а кто чист и не находится в ... дороге и не совершит Пасхи, – истребится душа та из народа своего, ибо он не принес приношения Господу в свое время: понесет на себе грех человек тот; если будет жить у вас пришелец, то и он должен совершать Пасху Господню: по уставу о Пасхе и по обряду ее он должен совершить ее; один устав пусть будет у вас и для пришельца и для туземца» (Чис.9, 1–14).

П. Я желал бы, будь уверен, ясно знать, кто суть нечистые «о души человеци», для которых это служит причиною невозможности совершать Пасху?

К. Весьма широк смысл этого повествования. Я напомним, что Бог ясно изрек некогда священнотаиннику Моисею: скажи «повели сынам Израилевым выслать из стана всех прокаженных, и всех имеющих истечение, и всех осквернившихся от мертвого» (Чис.5,2). Но о сем мы уже раньше достаточно рассуждали. Впрочем, и на настоящий раз скажу, что считаю полезным. Нечистым «о души человеци» Священное Писание называет осквернившегося над мертвецом; потому что запрещено было даже прикасаться к бездушному телу и на оплакивающих кого-либо из ближних и кровных родных древний закон возлагал вину в нечистоте. Поэтому они и изгоняемы были из стана. Этим опять закон предызображал, что осквернен будет и исполнен духовной нечистоты тот, кто примет участие в мертвости другого, относящейся к нравам и образу жизни: ибо мертвы по образу жизни те, о которых сказано Христом: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф.8,22). Итак, находится вне Божественного двора и изгнан из «церкви первородных» (Евр.12,23) и общества святых тот, кто вошел в общение с привыкшими мыслить и делать дела мертвые, или кто сделался близок к ним в том отношении, что захотел мыслить и делать одинаковое с ними. Таков прикровенный смысл этого закона. Если же мы будем искать разумения истинного и наиболее всего приличного нам, людям духовным, то нечистыми «о души человеци» и по этой причине во второй месяц совершающими праздник и закалающими жертву во образ Христа по закону Пасхи, мы должны считать не иного кого, как иудеев, оскверненных убиением Христа и подлежащих обвинению в нечистоте по причине дерзости против Еммануила. Они неизбежно лишились участия в святом нашем празднике. Они опоздали и ошиблись относительно времени, в которое страдальчески окончил жизнь Свою Начало-вождь жизни всех. Но по милости хотящего «всем... спастись» (1Тим.2,4), и они соделаются причастны Христа в последующие за сим времена, как бы во втором

месяце, и будут праздновать вместе со святыми, призванными в надлежащее время, то есть со святыми из язычников: ибо обрати внимание на то, что омывшиеся тотчас же в Египте от нечистоты идолослужения закаляют агнца в первый месяц и первыми приходят к вере, будучи же помазаны Кровию Господа ни во что сочтут истребителя и будут победителями тления; а те приходят едва лишь во втором году и месяце и признаются в своем осквернении; утверждают ясно и то, что соделались нечисты «о души человеци», и просят о получении благословения, но совершают праздник позже и после первых: ибо когда «войдет полное число язычников, – сказано, тогда, – весь Израиль спасется» (Рим. 11, 25–26). Предвозвестил о них также и пророк: «После того обратятся сыны Израилевы и взыщут Господа Бога своего и Давида, царя своего, и будут благоговеть пред Господом и благостью Его в последние дни» (Ос. 3, 5): ибо в последние времена взыщется останками Израиля (Рим. 11, 5) происшедший от семени Давидова по плоти Христос.

П. Истинно слово твое, потому что Израиль оставлен в надежде.

К. А что не совершать праздников о Христе есть дело не только не безвинное, но и, напротив, самое опасное из всех, это закон тотчас разъяснил, говоря, что человек, не соделавшийся нечистым «о души человеци», не находившийся в продолжительном путешествии и не имевший непреодолимого препятствия подвергнется крайним наказаниям, если не захочет исполнять предписанного законом. Под нечистым «о души человеци» мы можем разуместь, как я недавно сказал, убийцу Господа – народ Иудейский; под находящимся же как бы в продолжительном путешествии и вне Иерусалима, то есть святой Церкви нашего Спасителя – того, кто говорит "древу Бог `мой отец`, и камню: `ты родил меня`» (Иер. 2, 27), и поклоняется твари вместо Творца (Рим. 1, 25), или другим каким-либо заблуждением недугует, если истинно то, чтобы считать близким к Богу человека доброго и имеющего неложное понятие о Нем, и наоборот – отступившим от Него и удаляющимся и далече от Него сущим – того, кто не таков. Итак, не будучи нечистыми «о

души человеци», как иудеи, и не находясь в продолжительном путешествии, как эллины или еретики, с поспешностью и без замедления будем приносить жертву и воздадим честь праздникам Господним. Праздновать будет с нами по одинаковому закону и будет сорадоваться радующимся также пришлец: ибо тех, которые во времена веры во Христа принимают эту достохвальную веру, мы делаем общниками бескровной жертвы и призываем к причастию святой трапезы. К этому, я думаю, необходимо присоединить и то, что в церквах утвердился обычай, исходящий, полагаю, от того же закона, именно, чтобы, если четырнадцатый день луны случится не в первый месяц, то употреблять второй, ближайший месяц и в нем искать определенного дня, чтобы время праздника не удалялось от надлежащего. Так ведется дело, сообразно с тем, как возвещено было древним законом.

П. Правильно сказал ты. Однако объясни мне то, всякому ли, даже и находящемуся в продолжительном путешествии и весьма далеко от Иерусалима, дозволял закон неповинно совершать Пасху.

К. Вовсе нет; ибо он велел приносить жертву в одном только святом граде, в котором и Соломон построил древний храм. Так именно взывал Моисей во Второзаконии к сынам Израилевым, говоря; «Наблюдай месяц Авив, и совершай Пасху Господу, Богу твоему, потому что в месяце Авиве вывел тебя Господь, Бог твой, из Египта ночью. И заколай Пасху Господу, Богу твоему, из мелкого и крупного скота на месте, которое изберет Господь, чтобы пребывало там имя Его. Не ешь с нею квасного; семь дней ешь с нею опресноки, хлебы бедствия, ибо ты с поспешностью вышел из земли Египетской, дабы ты помнил день истребления своего из земли Египетской во все дни жизни твоей; не должно находиться у тебя ничто квасное во всем уделе твоём в продолжение семи дней, и из мяса, которое ты принес в жертву вечером в первый день, ничто не должно оставаться до утра. Не можешь ты заколоть Пасху в котором – нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе; но только на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его, заколай Пасху вечером при

захождении солнца, в то самое время, в которое ты вышел из Египта; и испеки и съешь на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, а на другой день можешь возвратиться и войти в шатры твои» (Втор. 16, 1–7). Великим множеством городов и селений наполнена была страна Иудейская, но совершать жертвы и исполнять закон, касающийся Пасхи, Бог повелел в одном только святом граде. Этим буква закона, я думаю, весьма хорошо сеннописует нам то, что таинство Христово пристойно и позволительно совершать не каким бы кто ни захотел образом и не во всяком месте: потому что одно только есть место, ему приличествующее и поистине самое свойственное, это – святой град, то есть Церковь, в которой и существует законный священник, и освященными руками совершается жертвоприношение и «фимиам приносится Вседержителю Богу, и жертва чиста», по слову пророка (Мал. 1, 11). Таким образом, ни во что ставят закон о сем еретики, извращающие все правое; потому что приносят в жертву агнца не во святом граде и не рукою избранных чрез Духа на священнодействие, но, как пишет нам божественный Павел, сами восхищая себе эту "честь" (Евр. 5, 4) и во всяком месте принося жертву. Подобно необузданным и буйным волам, они без разбора стремятся только к тому, что им нравится. Но они, сильно увлекаясь своею необузданностью и склонностью к безумию, получают от Судии за такие помыслы жестокие наказания. Мы же пойдем испытанным и непревратным путем, исследуя то постановление приведенного нами закона, которое ты уже слышал ясно выраженным в словах: храните «месяц Авив ...заколай Пасху Господу, Богу твоему, из мелкого и крупного скота». Но кто-либо скажет: постановивший закон о Пасхе для бывших в Египте повелел приносить в жертву одного только агнца, упоминания же об овцах и тельцах мы не найдем. Так неужели погрешил Моисей против того, что следовало? – Никак нет; потому что в книге Чисел Бог законоположил присоединять к агнцу также волов и овец, так говоря: «В первый месяц, в четырнадцатый день месяца-Пасха Господня. И в пятнадцатый день сего месяца праздник; семь дней должно есть опресноки. В первый день [да будет у вас] священное

собрание; никакой работы не работайте; и приносите жертву, всесожжение Господу: из крупного скота двух тельцов, одного овна и семь однолетних агнцев; без порока они должны быть у вас; и при них в приношение хлебное приносите пшеничной муки, смешанной с елеем, три десятых части *ефы* на каждого тельца, и две десятых части *ефы* на овна, и по десятой части *ефы* приноси на каждого из семи агнцев, и одного козла в жертву за грех, для очищения вас; сверх утреннего всесожжения, которое есть всесожжение постоянное, приносите сие. Так приносите и в каждый из семи дней; *это* хлеб жертва, приятное благоухание Господу; сверх всесожжения постоянного и возлияния его, должно приносить сие. И в седьмой день да будет у вас священное собрание; никакой работы не работайте» (Чис. 28, 16–25). Что Пасху необходимо было по закону совершать в первом месяце и притом в четырнадцатый день, – об этом мы уже раньше говорили. Что может означать также вкушение опресноков и покой от дел в субботу, а кроме того еще наименование первого и седьмого дней нарочитыми святыми, это ясно было раскрыто предшествующим рассуждением. Посему, не останавливаясь более на сем, обратимся опять к обрядам жертв. Приносятся два тельца во всесожжение и жертву, один овен, а равно и агнцы, числом семь, все непорочные и однолетние, а жертва при них – мука пшеничная, напоенная елеем, впрочем не в одинаковой мере: три десятины на каждого тельца, две – на овна, и по одной на каждого из агнцев. Потом вместе с этим приносится также козел от коз, в жертву за грех. И все это, сказано, «кроме всесожжения всегдашняго». Итак, смотри, Палладий, как много плодов приносит смерть Еммануила, о чем ясно и истинно было сказано Им Самим: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24): ибо закалается агнец во образ Христа в первом месяце по закону, а в день – четырнадцатый; к сему присоединяются тельцы, овен и агнцы для жертвы и всесожжении, что все, как я думаю, образно оказывает на множество призванных к освящению чрез веру и на меру их духовного благосостояния; потому что если бы не

умер за нас Христос, то мы не были бы приняты Богом и Отцем во воню благовония. поскольку же Он потреблен был путем страданий, то мы следуем стопам Его, принося себя самих в священнолепное возношение Богу и Отцу и в жертву поистине духовную. Тельца было два: потому что – два народа: разумею Израиля и обращенных из язычников. Но один овен; потому что мы объединяемся во Христе, сотворившем «содлавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир», как написано (Еф.2, 14–15). Агнцев же было семь; потому что все мы, содлавшись едино во Христе, составляем некоторое великое стадо, и подчиняясь руководству единого над всеми Архипастыря, из двух стад собранные в одно и отличаясь чистою и непорочною жизнью, проводим таковую жизнь в мире ради вмененного за нас «со беззаконными» и потерпевшего за грех всех заклание (Ис.53, 12), Который и под образом козла знаменуется. А упомянув о тельце, овне и агнце, закон указал на троякий вид боголюбезного жительства святых, разумею высший, средний и еще меньший и низший: ибо в телесной величине животных изображалось количество духовного благосостояния; потому что разве не сказало и слово Божие, что плодоноснейшая земля дает троякого рода плоды евангельского жития? (Мф.13, 23; Мк.4, 20; Лк. 8, 8.)

П. Правда; ибо сказано, что одна сотворила "сто", иная «шестьдесят», а иная «тридесать».

К. Итак, решено, что различие в добродетели и разнообразие в жизни прекрасно сеннописуется как бы в величине жертв и телесном объеме их. Так, высший и превосходнейший род жизни – в тельце, средний и стоящий ниже совершенного – в меньшем по объему – овне; самый же низший – в меньшем и сего – агнце, так как агнец менее овна, равно как, без сомнения, и овен – тельца. Поэтому соответственно величине каждого приносится также и мера пшеничной муки, служащей изображением жизни, ибо три десятины полагается на тельца, две – на овна и одна – на агнца. Притом, все это должно быть орошено елеем, сказано;

так как, конечно, соответственно мере каждого последует и награда от Бога, и будет великое различие жизни в царстве славы и блаженства: одним по справедливости приличествует высшая жизнь, другим как бы ниже той, однако также не лишенная чести и славы, а некоторым и еще низшая и уступающая этой: «иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1Кор. 15, 41). И у самих, думаю, святых Ангелов есть великое различие в мере славы. Впрочем, какова бы ни была эта мера, жизнь святых радостна и необходимо должна сопровождаться веселием и утучняться дарами Божиими: ибо заметь, что елей возливается не на три только десятины, но и на две и одну. Всегдашнюю жертвою и всесожжением закон называет агнца, закалаемого при святой скинии утром и при наступлении вечера. Чрез это можно познать слова, что велико благоухание святой скинии и поистине непрерывно благоухание церквей и святых людей в них. Они благоухают Еммануилом и совершают таинство Христова, принося бескровное служение Богу: ибо это, думаю, означает – приносить во всесожжение агнцев утром и к вечеру, потому что агнец для всесожжения берется в начале и конце, и в середине дня. Итак, от начала до конца разливается благоухание в церквах, как бы в агнце, во Христе.

П. Ты хорошо сказал.

К. Кроме того, другой праздник присовокупляет закон к первому и едва не связывает между собою самые времена их, говоря в книге Чисел: «И в день первых плодов, когда приносите Господу новое приношение хлебное в седмицы ваши, да будет у вас священное собрание; никакой работы не работайте; и приносите всесожжение в приятное благоухание Господу: из крупного скота двух тельцов, одного овна и семь однолетних агнцев..., и при них в приношение хлебное пшеничной муки, смешанной с елеем, три десятых части *ефы* на каждого тельца, две десятых части *ефы* на овна, и по десятой части *ефы* на каждого из семи агнцев, и одного козла [в жертву за грех], для очищения вас; сверх постоянного всесожжения и хлебного приношения при нем, приносите [сие Мне] с возлиянием их; без порока должны быть они у вас» (Чис.

28, 26–31). В первый месяц, по законам еврейским, закалался агнец, в ближайший же и следующий за ним было в обычае собирать плоды с полей, разумею ранние из шелушных плодов и снопы колосьев по сжатии хлеба. Итак, время новых (плодов) есть то, в которое должно быть собираемо с полей посеянное на них. Этот праздник, сказано, есть нарочитый и должен быть совершаем законно, с устранением труда и утомления: ибо во время праздников обычно оставаться свободным от труда и всячески удаляться от занятий, более обременительных. И из сего опять всякий может познать, что совершающим святой праздник Богу менее всего приличествует делать бесславный и весьма тягостный грех; а напротив, отпуская на свободу и насыщая ум, – услаждаться занятиями добродетельными. Приносятся во всесожжение и жертву два тельца, одного овен и семь агнцев, мука, смоченная елеем, и козел от коз. Что имеет в виду это таинственное постановление закона, о том сказано недавно, мы не будем повторять того же самого. Впрочем, мы необходимо должны сказать о том, что время новых (плодов) прообразует таинство Воскресения Спасителя нашего: ибо естество человеческое процвело в первый раз только во Христе, избавившись от тления и уже отбросивши ветхость греха. Посему-то оно весьма похвалялось этим, говоря: «Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения» (Ис. 61, 10). Ризою спасения и одеждою веселия здесь названо нетление, даруемое свыше и с неба и всецело – во Христе. Но еще яснее Бог постановил закон о сем торжестве и многими словами объяснял таинственный образ, говоря в книге Левит: «объяви сынам Израилевым и скажи им: когда придете в землю, которую Я даю вам, и будете жать на ней жатву, то принесите первый сноп жатвы вашей к священнику; он вознесет этот сноп пред Господом, чтобы вам приобрести благоволение; на другой день праздника вознесет его священник; и в день возношения снопа принесите во всесожжение Господу агнца однолетнего, без порока, и с ним хлебного приношения две десятых части *ефы* пшеничной муки, смешанной с елеем, в жертву Господу, в приятное благоухание, и возлияния к нему четверть гина вина;

никакого *нового* хлеба, ни сушеных зерен, ни зерен сырых не ешьте до того дня, в который принесете приношения Богу вашему: это вечное постановление в роды ваши во всех жилищах ваших. Отсчитайте себе от первого дня после праздника, от того дня, в который приносите сноп потрясения, семь полных недель, до первого дня после седьмой недели отсчитайте пятьдесят дней» (Лев. 23, 10–16). Воистину спасительным праздником служит смерть Еммануила за нас претерпенная: ибо Он уплатил за нас долги наши, и истинно то, что Он Сам подымлет грехи подобия нам. Тотчас же вслед затем закон ввел для нас и ясное предызображение святой Пятидесятницы, говоря, что должно отсчитать семь седмиц после принесения снопа (Лев. 23, 15); ибо после дня Воскресения Спасителя, мы, верующие, отсчитав семь седмиц, совершаем этот праздник.

П. Как ясна речь твоя!

К. А что время Воскресения Спасителя нашего приводит освященных Духом и оправданных верою к тому, что они могут приносить плод новой и безукоризненной жизни,— это закон ясно показал, так говоря прямо после того: "*и тогда* принесите новое хлебное приношение Господу: от жилищ ваших приносите два хлеба возношения, которые должны состоять из двух десятых частей *ефы* пшеничной муки и должны быть испечены кислые, как первый плод Господу; вместе с хлебами представьте семь агнцев без порока, однолетних, и из крупного скота одного тельца и двух овнов...; да будет это во всесожжение Господу, и хлебное приношение и возлияние к ним, в жертву, в приятное благоухание Господу. Приготовьте также из *стада* коз одного козла в жертву за грех и двух однолетних агнцев в жертву мирную.... священник должен принести это, потрясая пред Господом, вместе с потрясаемыми хлебами первого плода и с двумя агнцами, и это будет святынею Господу; священнику, [который приносит, это принадлежит]; и созывайте *народ* в сей день, священное собрание да будет у вас, никакой работы не работайте: это постановление вечное во всех жилищах ваших в роды ваши» (Лев. 23, 16–21). Начаток и как бы первый плод воссоздаваемый

к обновлению твари есть Еммануил; и между нами также Он мыслится как первый хлеб и новое смешение; по подобию Его и мы, как бы вступив на тот же путь, названы в некотором смысле новым смешением. Ясным образом этого является приносимый хлеб из новых плодов; но закон определяет приносить не один хлеб, а два: потому что два народа, хотя они и являются приведенными к единству чрез Ходатая Христа. Но только квашены да испекутся, сказано. Что значит это таинственное изречение, о том мы теперь скажем, обзрев по возможности хорошо глубину закона. Следует ли в этих словах разуместь ту закваску, которая состоит в порочности и неправде? Не безумие ли это? ибо каким образом мы тогда могли бы считать свободными от злобы тех, которые приведены к обновлению евангельского жития? Или каким образом это может относиться к обновлению? Также каким образом мог бы кто-либо называться новым смешением, если в нем еще пребывает остаток оной закваски, и если он еще не совсем непричастен нечестивой и гнусной порочности? Итак, сообразно приличествующему умозрению смыслу, здесь должно разуместь иной вид закваски, которая не подлежит порицанию, а напротив в богодуховенном Писании считается достойною удивления. Так закваске Спаситель уподобляет славную и полезную силу Божественного евангельского наставления, говоря: «Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё» (Мф.13, 33): ибо, входя в ум и сердце, животворное действие евангельского наставления преобразует душу, тело и дух как бы в свое собственное качество. Итак, вот какую закваскою заквашенными нужно предполагать народы, принесенные как бы в виде хлебов. И каждый из них «от двух десятин», каковый образ таинственно указывает нам на двойной вид наставления.

П. Что такое говоришь ты?

К. Разве ты, Палладий, не признаешь, что чрез двойное наставление — законное и евангельское — мы будем священными и благоприятными Богу и таким образом идем к новой и избранной жизни?

П. Признаю.

К. Это разъяснял нам и Сам Спаситель, говоря: "сего ради Я говорил вам, что всякий книжник, наученный в Царствии Небесном, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф.13, 52): ибо имеющие ум, сведущий в том, что провозвещено было чрез Моисея, и исполненный оных древних и как бы в образах изложенных заповедей, а затем сверх того обогатившие его знанием новым, евангельским, полагаю, двойным украшены, посему, наставлением.

П. Правильно ты сказал.

К. Но не в одних только хлебах нам изображено общество людей, приготовленных к обновлению жизни. Закон присовокупляет к сему постановление и о том, что должно приносить в жертву семь агнцев с одним тельцом и двумя овнами, затем следует, разумеется, возлияние на жертвы, то есть возливается вино, в количестве четвертой части ина, что на греческом языке может быть обозначено шестью ксестами. Итак, семь агнцев опять будут служить образом стада верующих, младенчеству во Христе, – так как агнец есть символ младенчества, – впрочем, в отношении к крепости и мужеству духовному достигающего совершенства и меры «возраста исполнения Христова» (Еф.4, 13).

П. Каким образом?

К. Упомянув агнцев, а затем в середине поставив тельца, закон присоединяет овнов. Агнцы служат образом стада, телец – крепости и мужества, – так как это животное сильное; наконец образом совершенного возраста служат овны. Итак, верующие, мужаясь против всего земного, восходят к совершенству, во Христе разумеваемому: ибо совершенны возрастом овны, весьма хорошо обозначая собою меру мысленного совершенства. Но овнов – два, потому что двойное в нас совершенство в Христе, в деле и познании умопредставляемое: ибо «кто сотворит и научит, – сказано, – тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф.5, 19). Далее, на жертвы опять возливается вино; потому что, без сомнения, будут радоваться те, которые постарались достигнуть совершенства, во Христе умопредставляемого: ибо "вино, – сказано, – веселит сердце

человека» (Пс.103, 15). Закалаем был также козел в жертву за грех; а к нему присоединяются еще два агнца с хлебами в жертву спасения. Что же опять это значит? То, что умер за грехи наши Еммануил, как бы представляемый в образе козла, священной и благоприятною делая жизнь нашу, в обновлении проводимую, и нашу перемену в новое смешение, и простирающееся на душу и тело принесение и посвящение Богу, которое мы делаем, как бы умирая вместе с Бывшим ради нас между мертвыми, дабы и ожить с Ним. Нечто таковое пишет нам в Послании и предмудрый Павел, говоря: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6, 3–4). Итак, Он был заклан за грехи наши, спогребены же и мы Ему, претерпевая смерть не телесную, но умерщвляя «земные члены» (Кол. 3, 5), и уже не для мира живя, а для Христа, а чрез Него – и для Отца. Усматривай также, что вместе с закалаемым козлом умирают и агнцы, и воскурятся хлебы: потому что приятно наше посвящение и в воню благоухания приемлется новая евангельская жизнь, которая как бы сообразуется с страданиями Христа и направлена к подражанию Ему: ибо если «с Ним страждем, с Ним и воцаримся»: если с Ним умираем, «то с Ним и оживем»: если мы бываем общниками страданий, то будем причастниками и славы (Рим. 8, 17; 2Тим. 2, 11–12; Рим. 6, 8). И таковая жертва пусть будет названа жертвою спасения, говорит закон, и весьма справедливо, ибо Христос спасает тех, за кого Он претерпел заклание, так как избавляет от греха и делает победителями смерти и тления спогребшихся Ему и умирающих с Ним тем способом, о котором уже было сказано.

П. Как глубоко слово Писания, и темно содержание закона!

К. Это потому, Палладий, что оно таинственно и есть как бы неясное начертание тени тонких и изощренных мыслей.

П. Ты хорошо сказал.

К. Три времени определил закон, в которые нам приличествует праздновать. «Три кратно в лете сотворите Ми праздник», говорит Бог. Так как о двух праздниках мы уже

достаточно говорили, то хочешь ли, теперь скажем о том, какой третий праздник, и по какой причине он совершается? Ты уже слышал о причинах совершения каждого из тех: один из них совершался, и весьма пригодно, потому, что Христос даровал спасение, претерпев смерть ради спасения всех нас, а другой – потому, что, разрушив тление, Он воскрес и обновил нас для новой жизни. И время первого праздника было первым в месяцах года и приходилось в начале. К нему было близко и связано с ним время второго праздника, в которое наставала пора налагать серп на колосья, а также собирать и другие семена, которые бесчисленны в полях. Так теперь скажем, что следует, и о времени третьего праздника, весьма тщательно исследуя то, как и по каким причинам он должен быть совершаем, поищем сведение о нем в законе и заимствуем оное из самых Священных Писаний; ибо таким образом слово наше направится к истине. Или тебе, быть может, кажется, что я говорю и рассуждаю неправильно?

П. Нет, совершенно правильно.

К. В книге Левит написано: «скажи сынам Израилевым: в седьмой месяц, в первый [день] месяца да будет у вас покой, праздник труб, священное собрание...; никакой работы не работайте и приносите жертву Господу» (Лев. 23, 24–25). Кажется, седьмой месяц указывает на последнее время, имеющее быть при скончании всего; ибо в седьмой месяц все нужно собирать с полей уже не на гумно, Палладий, но запирают в самые сокровищницы (житницы) каждого. Время плодоприношения уже проходит, наступает уже начало зимы, растения засыхают, и цветы увядают. Теперь, перенося касающееся времени на себя самих, скажем, что как сей век уже приходит к концу, и как бы уже наступает и приходит век будущий, в который любители греха необходимо будут наказаны, то каждый соберет от собственных трудов своих, если он благоразумен, и снесет в небесные сокровищницы, припомнив, что говорит Христос: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе» (Мф. 6, 19–20). Посему, когда Христос восстал из мертвых, слова святых

тайноводителей приводят нас на память скончание века; ибо они отовсюду возвещают: «кончина века» (Мф. 24, 3; сн. Ин.2, 18; 1Кор. 7, 31 и др.); пусть каждый, говорят они, собирает свое имущество уже в сокровищницы небесные. Но в новомесячие, сказано, месяца, в который вы запираете плоды (в житницы), «да будет вам покой, память труб»: потому что каждый собирает в сокровищницы блага от собственных трудов и будет промышлять и заботиться о вечном блаженстве и покое, памятуя то, о чем говорит божественный Павел, а именно: «потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба» (1Сол. 4, 16); «ибо вострубит, – говорит он же, – и мертвые воскреснут нетленными» (1Кор. 15, 52); «ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить *соответственно тому*, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2Кор. 5, 10). Посему будем помнить об этой священной и весьма страшной трубе, когда наступит и благознаменитый, нарочитый святой праздник святых, когда они уже получают в удел уповаемое и примут богатое возмездие за славные подвиги. Итак, необходимо, чтобы мы, востекая таковыми мыслями к высшей праведности, прекращали всякое дело, не могущее принести совершенно никакой пользы, – напротив, даже и оскверняющее. Об этом-то, я думаю, и сказал нам премудро Павел: «время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие;... и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся» (1Кор. 7, 29, 31).

П. Кажется, так.

К. Далее закон говорит, что «также в девятый [день] седьмого месяца сего, день очищения, да будет у вас священное собрание; смиряйте души ваши и приносите жертву Господу; никакого дела не делайте в день сей, ибо это день очищения, дабы очистить вас пред лицом Господа, Бога вашего; а всякая душа, которая не смирит себя в этот день, истребится из народа своего; и если какая душа будет делать какое-нибудь дело в день сей, Я истреблю ту душу из народа ее; никакого дела не делайте: это постановление вечное в роды ваши, во всех жилищах ваших; это для вас суббота покоя, и смиряйте

души ваши, с вечера девятого [дня] месяца; от вечера до вечера... празднуйте субботу вашу» (Лев. 23, 27–32). Закон заповедал смирение и пост, принесение всесожжения, а равно и прекращение всякого дела, чрез пост изображая умерщвление плотских похотей, чрез всесожжения же – принесение себя Богу в воню благоухания, не по частям, но всецело и всесовершенно; а чрез покой от дел и совершенное удаление от занятий закон превосходно назнаменует то, что нам не следует совершать уже ничего земного. Разве ты не думаешь, что те, которые достигли уже до скончания времен, которые помнят об одной священной и последней трубе и имеют в мысли Судию, а посему и собирают в вышние сокровищницы богатство духовного плодоприношения своего, должны умерщвлять вождения и являться высшими телесных страстей, даже более того, должны благоухать пред Богом добродетельным образом жизни и стараться далеко уходить и удаляться от суетных занятий? А это, полагаю, суть занятия мира сего и тягостное житейское попечение.

П. Думаю: как же иначе?

К. Что же? Разве победители страстей, умерщвляющие «земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть» (Кол. 3, 5), не принесут себя в воню благоухания Богу и не будут в числе всесожжения, делая это как бы некоторым выкупом и умилованием за собственные души?

П. И очень.

К. Итак, день поста Законодатель наименовал днем умилования, и весьма правильно и законно, так как он умерщвляет плоть и ее похоти, благоухает же видами добродетели. А тот, кто не прекращает всякого дела мирского, непременно и во всяком случае подвергнется крайним бедствиям, что закон ясно показал, говоря, что не постящийся, не приносящий всесожжения и оскорбляющий закон о неделании потребится от народа своего. Называя же время этого праздника субботой суббот, он позволяет думать, что оно есть время неделания из неделаний, то есть всесовершенное и в полной мере применяемое отложение от дел, но ясно, что дел, клонящихся к порочности и греху: ибо, если прекращается

век сей, и едва не стареет время, то какое уже значение может иметь для нас вообще стремление к суетности? Не более ли, напротив, мы будем благоразумны, если останемся в приятнейшем Богу неделании и совсем будем удаляться от наших хлопот?

П. Ты хорошо говоришь.

К. Затем еще постановляет: «А в пятнадцатый день, – говорит, – день седьмого месяца, когда вы собираете произведения земли, празднуйте праздник Господень семь дней: в первый день покой и в восьмой день покой; в первый день возьмите себе ветви красивых деревьев, ветви пальмовые и ветви деревьев широколиственных и верб речных, и веселитесь пред Господом Богом вашим семь дней; и празднуйте этот праздник Господень семь дней в году: это постановление вечное в роды ваши; в седьмой месяц празднуйте его» (Лев. 23, 39–41). Понимаешь ли теперь, что после уборки хлеба с полей в житницу, когда собраны плоды каждого, ближайшим праздником является славнейший праздник сооружения кущей, представляющий собою образ жизни в раю и возводящий человека к причастию первоначальных благ: ибо мы под сооружением кущей разумеем мысленное и истиннейшее сооружение тел человеческих и после происшедшего в промежутке тления оживание их к нетлению. Покой полагался в день первый и восьмой, потому что прежде начального преступления, когда бедственнейший грех еще не вошел в нас и не наложил на нас поистине тягостного и неудобноносимого ига, мы проводили в раю, в лице Адама – начала и корня рода нашего, жизнь спокойную, свободную и чуждую всякого труда. Когда же пришел на землю Христос, то и промежуточное состояние трудов перешло опять в первоначальное состояние в восьмой день, то есть после субботаствования по закону, или исполнения подзаконного времени, и мы, свергнув с душ наших неудобноносимое и постыдное иго греха, успокоились от всякой тягости, так как нас призывает к сему чрез веру Христос и говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11, 28). Итак, днем покоя бывает первый день седмицы, указывающий на первоначальное время

человека; но подобно тому днем покоя бывает и восьмой день, в который воскрес Христос, пригвоздивший к Своему кресту «бывшее о нас рукописание» (Кол. 2, 14), и один за всех умер, чтобы, избавив нас от смерти и грехов, освободить от наказания и трудов, и чтобы мы приобрели чрез Него первоначальный "покой" (Евр. 4, 11). «В день первый, сказано, пусть возьмут себе плод древа красен, и ветвь финическую», и иные из ветвей, из чего можно понять, как и само дело как бы громко вопиет, что во Христе Бог дает нам снова райские сладости, хотя мы и лишились их в промежуточное время вследствие начального преступления. В Адаме мы были изгнаны из Рая, но чрез Христа снова введены в него. Ты знаешь, что Он говорит повешенному с Ним разбойнику: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43): ибо Христос отвратил от нас оное вращающееся оружие (Быт. 3, 24), и наконец для верующих открылся вход в рай, так как Он все преобразовал в первоначальное состояние и восстановил в древнем положении. Ветви же с вечно цветущих растений означают собою непрерывность благодати и как бы неувядаемость надежды: «Ибо дары и призвание Божие непреложны», согласно написанному (Рим. 11, 29). И поистине непрерывно блаженство святых, как восклицает и премудрый Исайя, говоря: «и радость вечная будет над головою их... вечное а печаль и воздыхание удалятся» (Ис. 35, 10). К законам об этом празднике присоединено и повеление о том, чтобы веселиться от потока; ибо сказано, чтобы в последний день седмицы или в восьмой почерпнуть воды из потока и так веселиться уверовавшим. А мысленный и небесный поток есть Христос, свыше текущими источниками напаяющий души чтущих Его. Посему Он и говорит устами пророков: «вот, Я направляю к нему мир как реку, и богатство народов – как разливающийся поток» (Ис. 66, 12). Восклицает также и божественный Давид к Богу всяческих и Отцу: «Как драгоценна милость Твоя, Боже! Сыны человеческие в тени крыл Твоих покойны: насыщаются от тука дома Твоего, и из потока сладостей Твоих Ты напояешь их» (Пс. 35, 8–9): ибо приличествует и весьма справедливо, гражданам райским

богато причащаться Христа и увеселяться обильными подаяниями Духа.

П. Конечно приличествует, и ты говоришь правильно.

К. Обрати также внимание на то, что этот праздник совершаем был только в одном Иерусалиме, и потому было совершенно необходимо, чтобы сюда собирались жители из всей Иудеи. И это могло быть знамением того, что все, прошедшие славную и достохвальную жизнь, непременно соберутся в вышний град, небесный Иерусалим, и там будут присутствовать и праздновать вместе со Христом. А тем, которые остаются еще неверными и не приемлют благодати Воскресения, напротив, отвергли столь досточестное и глубокое таинство, предлежит осуждение на погибель, и во всяком случае угрожают всевозможные бедствия. Они пойдут на казнь. Свидетелем сего может быть верный пророк Захария, который говорит: «И будет: если какое из племен земных не пойдет в Иерусалим для поклонения Царю, Господу Саваофу, то не будет дождя у них. И если племя Египетское не поднимется в путь и не придет..., то и у него не будет дождя и постигнет его поражение, каким поразит Господь народы, не приходящие праздновать праздника кущей» (Зах.14,17–18). Итак, вожделеннейшим праздником кущей мы должны будем считать Воскресение всех тел, имеющих начатком Христа, потому что Он назван перворожденным из мертвых (Кол. 1, 18) и поистине есть таков.

П. Ты рассуждаешь весьма правильно.

К. Но только вот что знай.

П. Что такое?

К. В приведенных нами недавно словах закона наименована была всегдашняя жертва, а также новомесечия, жертвы субботние, а равно и пост, и к тому еще многожеланный праздник кущей. При этом закон повсюду и на каждый из упомянутых случаев присовокупляет: «принесшие всесожжения Господу». Но какие могут быть у нас роды жертв, приличествующие новомесечию и субботам, также посту и празднику кущей, или в чем состоит всегдашняя жертва, об этом Законодатель умолчал в книге Левит, но пространно

говорит о сем и с величайшею подробностью излагает сие в книге Чисел. Хочешь ли, мы скажем об этом, сколько возможно, разобрав каждое по частям?

П. Конечно, весьма хочу.

К. Написано так: «И сказал Господь Моисею, говоря: повели сынам Израилевым и скажи им: наблюдайте, чтобы приношение Мое, хлеб Мой в жертву Мне, в приятное благоухание Мне, приносимо было Мне в свое время. И скажи им: вот жертва, которую вы должны приносить Господу: два агнца однолетних без порока на день, во всесожжение постоянное; одного агнца приноси утром, а другого агнца приноси вечером; и в приношение хлебное [приноси] десятую часть *ефы* пшеничной муки, смешанной с четвертью гина выбитого елея; это-всесожжение постоянное, какое совершено было при горе Синае, в приятное благоухание, в жертву Господу; и возлияния при ней четверть гина на одного агнца: на святом месте возливай возлияние, вино Господу. Другого агнца приноси вечером, с таким хлебным приношением, как поутру, и с таким же возлиянием при нем приноси его в жертву, в приятное благоухание Господу» (Чис.28, 1–8). Разумеешь ли, как Божественный закон в этих словах утверждает, что праздникам более всего приличествует возношение жертв: ибо я думаю, что мы всюду и во всяком случае во время их должны благоухать пред Богом образом жития нашего во Христе, являясь как бы вместо фимиама и принося самих себя Богу в благовонное всесожжение, согласно сказанному, полагаю, весьма правильно: «представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12, 1). А о том, что должно совершать всегдашнюю жертву, закон весьма хорошо говорит, когда дает повеление о заклании одного агнца утром, а другого к вечеру, причем с ними вместе воскуряема была пшеничная мука, а к ней присоединялись елей и вино; потому что во всякое время и непрестанно, от начала и до конца, во святой скинии, то есть в Церкви, мы благоухаем во Христе всякою добродетелью. Что агнцы воскурятся утром и к вечеру, это может служить предызображением Того, Который ради нас и за нас восходит к Отцу в воню благоухания, а вместе с Собою

возносит и жизнь уверовавших в Него, которая исполнена радостью в надежде на прочную славу и царство, и сверх сего будет исполнена веселием от вечных наслаждений. Знамением же такой жизни может служить пшеничная мука, напоенная елеем и орошенная вином. Это есть жертва спасения, подобная той, которая совершена была Моисеем на горе Синае. Именно, в книге Исход, после того как постановлены были законы Вседержителя Бога, касавшиеся всего, что должно было делать, написано: «И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых; и послал юношей из сынов Израилевых, и принесли они всесожжения, и заклали тельцов в мирную жертву Господу» (Исх. 24, 4–5). Думаю, безразлично для смысла жертвы, называются ли приносимые в жертву агнцами или тельцами, потому что в тех и других сохраняется образ незлобия, что наиболее всего приложимо к лицу Христа, Который устами Иеремии говорил: «А я, как кроткий агнец, ведомый на заклание, и не знал» (Иер. 11, 19). Если же кто захотел бы иначе разумеать совершаемое во святой скинии утреннее и вечернее жертвоприношение, то есть о времени человечества, благоухавшего прежде преступления Адамова и таковым же явившегося опять в последние времена во Христе и в жизни, сообразно Ему умопредставляемой, то он не уклонился бы от цели и рассуждал бы мудро; ибо таково дело по своему существу.

П. Я согласен.

К. Далее закон определяет и жертвы субботние, говоря тотчас же вслед затем: «А в субботу [приносите] двух агнцев однолетних без порока, и в приношение хлебное две десятых части *ефы* пшеничной муки, смешанной с елеем, и возлияние при нем: это – субботнее всесожжение в каждую субботу, сверх постоянного всесожжения и возлияния при нем» (Чис. 28, 9–10). Не иной способ жертвоприношения и при этом по сравнению с тем, о котором недавно сказано: он совершенно тот же самый и не представляет никакого изменения. Но обрати внимание, Палладий, вот на что: всегдашняя жертва священнодействуется непрестанно и по закону совершается всякий день; жертва же

субботняя совершается не всякий день, но только в самые субботы. Итак, чтобы израильтяне, полагая, достаточною всегдашнюю жертву, совершаемую во всякий день, не оказались небрежными в отношении к принесению жертвы субботней, закон сделал необходимое прибавление: это есть «всесожжение субботы в субботах, на всесожжение всегдашнее и возлияние его».

П. Так стало быть, кроме жертвы всегдашней, по закону священнодействуется еще и жертва субботняя?

К. Да, и в этом сомневаться нельзя; потому что и мы, суббоуа во Христе и вшедши в Его покой, как бы вдвойне имеем приносить Богу жертвы духовного благоухания, если не ложно то, что и у древнейших людей похваление подзаконного праведностио было благоуханно: "ибо закон духовен,... и заповедь свята и праведна и блага», по слову блаженного Павла (Рим. 7, 12, 14). Но гораздо превосходнее житие во Христе, и суббоуование в духе далеко лучше служит к благоуханию, нежели праведность подзаконная.

П. Ты хорошо сказал.

К. К этому еще закон присовокупляет: «И в новомесячия ваши приносите всесожжение Господу: из крупного скота двух тельцов, одного овна и семь однолетних агнцев без порока, и три десятых части ефы пшеничной муки, смешанной с елеем, в приношение хлебное на одного тельца, и две десятых части ефы пшеничной муки, смешанной с елеем, в приношение хлебное на овна, и по десятой части ефы пшеничной муки, смешанной с елеем, в приношение хлебное на каждого агнца; *это* -всесожжение, приятное благоухание, жертва Господу; и возлияния при них должно быть пол-гина вина на тельца, треть гина на овна и четверть гина на агнца; это всесожжение в каждое новомесячие *во все* месяцы года. И одного козла приносите Господу в жертву за грех; сверх всесожжения постоянного должно приносить его с возлиянием его» (Чис.28, 11–15). Постоянная и непрестающая жертва, совершаемая каждый месяц, в новомесячия, совершается независимо от жертвы всегдашней, приносимой ежедневно. Но смысл новомесячий опять будет не простой. Здесь, очевидно,

скрывается смысл таинственный. Под новомесячием мысленным и истиннейшим справедливо разумеется новый век во Христе, когда первый, подзаконный, миновал. А в ином смысле новомесячие может служить образом века будущего, следующего за настоящим, но еще не наступившего, а имеющего лишь началом своим Воскресение Христа, чрез которое мы перешли к обновлению, получив как бы в виде залога Духа благодати и несомненную надежду на нетленную жизнь, в блаженстве и освящении преобразуясь в первоначальное состояние и, как бы в обратном шествии своем, сообразуясь веку будущему. Какая же жертва приличествует новомесячиям, то есть новомесячию во Христе и мысленному, а равно и жизни, подобной жизни века будущего? – Эта жертва должна состоять в том, чтобы нам умирать для Бога и жить уже не в области греха, но совсем удаляясь от жития земного, чтобы жить со Христом. Так и божественный Павел пишет тем, которые освящены в Духе, оправданы во Христе и получили наставление в добродетелях будущего века, говоря: «если вы ... умерли во Христе, для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений» (Кол. 2, 20) и еще: «Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3, 3–4). Итак, смотри, что те, которые живут похвально, священноумирают для Бога в различной мере духовного благосостояния, и тотчас получают награду за свою одобрительную жизнь. Именно закаляются два тельца, и при них – один овен и семь агнцев, не имеющих порока. Посредством всех этих животных изображается нам общество святых, – посредством тельцов, как отличающееся высшею степенью добродетели, – под образом овна, как стоящие ниже и как бы на втором месте, а в образе агнцев, как занимающее еще меньшую и низшую степень. Тельцов два, потому что два народа; в середине один овен, по причине соединения обоих в едино во Христе. Далее, семь агнцев, потому что народ святых людей находится в совершеннейшей полноте. Будучи два и вместе одно по духовному единению, это общество по справедливости может считаться совершеннейшим; потому что

весьма пространно стадо верующих и отличается простотою и младенчеством во Христе. Заметь также, что на одного тельца отделялось три десятины пшеничной муки и пол-гина, то есть шесть ксестов елея и вина, на овна же две десятины муки и третья часть гина возливаемых веществ. Наконец жертва при каждом из агнцев состояла из одной десятины муки, а возлияние, то есть елей и вино, составляло четвертую часть гина: ибо равномерно трудам каждого и силе его добродетели будет определена Богом, Судиею праведным, и степень жизни в славе и блаженстве, а равно и в тучности, от Него даруемой, так же как и степень духовного веселия; потому что разве не часто мы говорили, что пшеничная мука служит образом жизни, елей – тучности, а вино – духовного веселия?

П. И очень.

К. К этим жертвам присоединяется еще козел, закалаемый за грехи, во образ Христа: ибо жертва наша становится приятною и угодною Богу по причине спасительного страдания Христова. А это, думаю, и означает то, что Сам Спаситель сказал святым Апостолам: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Итак, к нашим воскресениям необходимо присоединяется Христово, которое некоторым образом смешивается с нашими и вместе с собою возносит их к Отцу: ибо мы не иначе можем быть приняты, как только чрез одного Христа.

П. Ты сказал превосходно.

К. Это – жертвы, совершаемые в субботы и новомесечия; а «в седьмой месяц, – сказано, – в первый [день] месяца, да будет у вас священное собрание; никакой работы не работайте; пусть будет *это* у вас день трубного звука; и приносите всесожжение в приятное благоухание Господу: одного тельца, одного овна, семь однолетних агнцев, без порока» (Чис. 29, 1–2). И три десятины пшеничной муки полагается на тельца, при соответственном количестве сопровождающего это и возливаемого, – разумею елея и вина, то есть половина еврейского гина, третья и четвертая часть его. Какое же значение сего праздника, это закон объясняет, говоря: «день знамения будет вам». Именно, праздник этот указывает нам на

последнюю трубу, которая будет трубить гласом Ангела, от которой воскреснут все мертвые и восстанут находящиеся во гробах, как мы говорили уже прежде. Повелел также, чтобы и в десятый день того же месяца, на который падал пост, изображающий собою умерщвление плотских похотей и удаление от земных страстей, совершать ту же самую жертву и по одинаковому с первым днем обряду. А какую имеет силу совершаемое в этот день со стороны приличествующего умозрению смысла, об этом мы уже довольно сказали.

П. Помню.

К. Узаконяет также и то, какие могут быть совершаемы нами жертвы, приличные празднику кущей, и говорит: «И в пятнадцатый день седьмого месяца пусть будет у вас священное собрание; никакой работы не работайте и празднуйте праздник Господень семь дней; и приносите всесожжение, жертву, приятное благоухание Господу: тринадцать тельцов, двух овнов, четырнадцать однолетних агнцев; без порока пусть будут они; и при них в приношение хлебное пшеничной муки, смешанной с елеем, три десятых части *ефы* на каждого из тринадцати тельцов, две десятых части *ефы* на каждого из двух овнов, и по десятой части *ефы* на каждого из четырнадцати агнцев, и одного козла в жертву за грех, сверх всесожжения постоянного и хлебного приношения его и возлияния» их (Чис.29,12–16). Затем, с уменьшением числа тельцов на каждый день по одному, жертвы совершаются по одинаковому обряду и в одинаковой мере: два овна, четырнадцать агнцев и один козел. И таким образом во второй день тельцов приносимо было двенадцать, в третий – одиннадцать, в четвертый – десять, в пятый – девять, в шестой – восемь и в седьмой – семь. Итак, замечаешь ли, что число тельцов каждый день уменьшается одним, число же овнов и агнцев и количество муки и возлияния остается одинаковым?

П. Что же это значит, друг мой? Почему тельцов в начале положено тринадцать, а потом на каждый день по одному уменьшается, овнов же постоянно два, агнцев – четырнадцать, с присоединением к жертвам еще и козла?

К. Не легко усмотреть, Палладий, смысл этих законоположений, и предмет этот, по своему свойству, не ясен. Однако я попытаюсь, сколько возможно, высказать то, что мне пришло на ум; а ты сам будешь направлять к лучшему то, в чем я буду уклоняться от цели.

П. Готов делать так.

К. Кажется, что Божественное постановление изображает нам, с одной стороны, детоводительство сынов Израилевых посредством закона, а с другой – призвание тех, которые чрез веру приведены к освящению. Таинственный образ жертвы, думаю, указывает на то, что можно различать два времени, в которые общество иудейское детоводимо было к богопознанию и житию, сообразному с законом. Какие же это могли быть времена, как не время, в которое был еще Моисей, Иисус (Навин) и судии, и время, в которое были пророки до Иоанна Крестителя, имевшего, по слову Спасителя, преимущественное посланничество и служение пророческое? (Мф.11, 9–11.) Но в эти два времени, как показывает Священное Писание, являлись люди, которые, хотя шествовали стезею жизни, похваляемою законом, однако не в равной мере, и не совсем одинаково в отношении к духовной силе и благосостоянию. Одни обладали высшею силою, образом которой служит телец; другие – силою, представляемою как бы в средней мере. Знамением сего может служить овен. Третьи, сверх сих, – еще меньшею силою и в низшей мере, как несомненно это может представлять по самой телесной величине агнцев: ибо разве овен не меньше тельца, и агнец не уступает по величине овну?

П. Полагаю; как же иначе?

К. Итак, поименованные животные служат весьма ясным образом величины каждого, очевидно в добродетельной жизни. А поскольку то, что преимуществует и является избранным, всегда числом бывает меньше того, что стоит на втором или на третьем месте, так как бывает редко, то по этой причине и полагается тринадцать тельцов, два овна и четырнадцать агнцев. поскольку же два, сказали мы, было овна, то и число жертв было двойное: вместо семи агнцев полагается четырнадцать, а овнов – два. Разве не естественно было, чтобы

много было досточтимых и святых людей, славных непорочностью со стороны подзаконной праведности, как несомненно написал нам божественный Евангелист о Захарии и Елисавете, что «Оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно» (Лк. 1, 6.)?

П. Согласен; ибо и Бог обвиняет мать иудеев, говоря: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней» (Ис.1, 21).

К. Итак, существовала праведность по закону, в отношении к которой и было естественно, что существовали люди, испытаннейшие в послушании Богу, хотя закон и не вполне совершал в освящении.

П. Ты хорошо сказал.

К. Таким образом, указывая на призвание Израиля, как бы на высшей, средней и низшей ступени, тельцы, овны, агнцы закалаемы были в жертву Богу; при этом число тельцов постепенно уменьшалось, так как и люди избранные, отличающиеся преимуществами и испытаннейшие постепенно уменьшались в числе, и время страдало их редкостью постоянно, даже до седьмого дня, то есть до времени пришествия Спасителя нашего, в которое наступило наконец субботствование в духе и прекращение дел, ведущих ко греху: ибо мы оправданы во Христе, когда настоящий век уже достиг конца. Знамением же этого может служить опять суббота, находящаяся в конце всей седмицы. Посему закон мудро останавливает на субботе принесение древних жертв, то есть подзаконное призвание и сообразное с ним священнодействие, и вместо него вводит как бы священнодействие во Христе, говоря: «В восьмой день пусть будет у вас отдание праздника; никакой работы не работайте; и приносите всесожжение, жертву, приятное благоухание Господу: одного тельца, одного овна, семь однолетних агнцев, без порока, и при них приношение хлебное и возлияние для тельца, овна и агнцев по числу их, по уставу, и одного козла в жертву за грех, сверх всесожжения постоянного и приношения хлебного и возлияния его. Приносите это Господу в праздники ваши, сверх *приносимых* вами, по

обету или по усердию, всесожжений ваших и хлебных приношений ваших, и возлияний ваших и мирных жертв ваших» (Чис.29, 35–39). Слышишь ли, как ясно говорит закон: исход есть? ибо как бы сделало исход свой служение в тенях и наставление в прообразе в день восьмой, в который воскрес Христос и наступило время обрезания в духе. Исключено древнее общество призванных, так как недуговало виною неверия; но зато как бы возник новый народ, и отличающийся духовною крепостью, как телец, и пользующийся славой совершенства в полноте возраста, подобно овну, и сияющий высшею красотою младенчества во Христе и незлобия, каков агнец, если и его считать в числе совершеннейшем: ибо на таковое совершенство указывают слова, что число «агнцев семь». Затем следует также и козел; ибо во Христе и он стяжывает славу чрез веру, вместе с ним восходя к Богу в воню благоухания, как мы об этом часто говорили.

П. Это так.

К. А что мы будем субботствовать во Христе, вошедши в покой чрез прекращение мирских занятий, не удерживаемые более земными заботами, а напротив наслаждаясь «Господеви», как написано (Пс.36, 4), и имея у Него избранный жребий, это Бог объявляет, говоря в книге Левит священнотаиннику Моисею: «объяви сынам Израилевым и скажи им: когда придете в землю, которую Я даю вам, тогда земля должна покоиться в субботу Господню; шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезавай виноградник твой, и собирай произведения их, а в седьмой год да будет суббота покоя земли, суббота Господня: поля твоего не засевай и виноградника твоего не обрезавай; что само вырастет на жатве твоей, не сжинай, и гроздов с необрезанных лоз твоих не снимай; да будет это год покоя земли; и будет это в продолжение субботы земли *всем* вам в пищу, тебе и рабу твоему, и рабе твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя; и скоту твоему и зверям, которые на земле твоей, да будут все произведения ее в пищу. И насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет; и воструби трубою в

седьмой месяц, в десятый [день] месяца, в день очищения вострубите трубою по всей земле вашей; и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя» (Лев. 25, 2–10). Понимаешь ли, что закон позволяет пахать землю и сеять, и возделывать виноград только до седьмого года? В седьмой же год он повелевает оставить заботу о сем: ибо мы, субботствуя во Христе, успокаиваемся, оставляя заботу о земном и совсем удаляясь от суетных Попечений. «Седьм седмин лет», то есть во веки веков, всегда мы будем наслаждаться уготованными и подлежащими нам благами, очевидно данными нам от Бога и духовными, и совершать праздник. Временем отпущения будет для всех нас, живущих по всей вселенной, последнее время, когда и «возвратитесь каждый во владение свое», то есть в приличествующий ему и назначенный от Бога удел: ибо как различны роды жизни святых, так же и различны и виды наград, так как Бог соответственно деяниям каждого соразмеряет и воздаяние. Упомянуто также и о трубе, провозвещающей это: потому что временем нашего субботствования, очевидно во Христе, а равно и отпущения, и дарования удела будет Воскресение из мертвых, имеющее в свою пору совершиться по звуку трубному и гласу Ангела, – когда и светлый сонм святых услышит Христа, говорящего: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25, 34), которое и мы да получим благодатью и человеколюбием Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Богу и Отцу слава со Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.